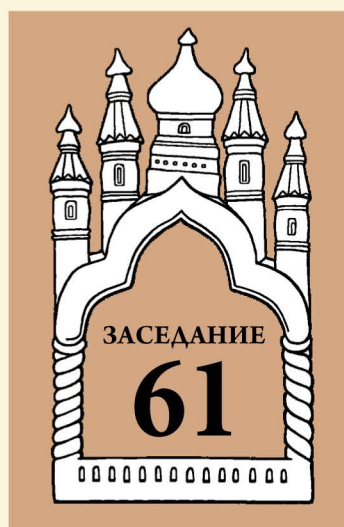

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Институт археологии РАН
Археологический центр Псковской области
Псковский археологический центр
Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Семинар имени академика В. В. Седова

Материалы 61-го заседания
(14-16 апреля 2015 г.)

Выпуск 31

Москва • Псков • Санкт-Петербург
2016

УДК 902/904

ББК 63.4

А87

Издано при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-11-60501 г(р)

Утверждено к печати

Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия

П. Г. Гайдуков, Т. Ю. Закурина, Л. Я. Костючук, Э. В. Королёва,
И. К. Лабутина, Н. В. Лопатин (ответственный редактор выпуска),
Е. В. Салмина (ответственный секретарь), Вл. В. Седов,
Б. Н. Харлашов, Е. А. Яковлева

А87 **Археология** и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 61-го заседания. Вып. 31. — М. : ИА РАН, 2016. — 472 с., ил.
ISBN 978-5-94375-217-9

Сборник содержит материалы научных исследований по археологии, истории, архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры народов лесной зоны Восточной Европы.

Книга адресована как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся археологией и историей Северо-Запада России и сопредельных стран.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-217-9

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2016
- © ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», 2016
- © АНО «Псковский археологический центр», 2016
- © ГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2016
- © Авторы статей, 2016

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

<i>М. И. Кулакова.</i> Археология в Пскове и Псковской земле в 2014 г.	7
<i>С. В. Степанов.</i> Археологические раскопки 2014 г. в прибрежной части Запсковья в г. Пскове	25
<i>С. А. Салмин, Л. В. Яворская.</i> Раскоп Незнанова Горка-II в Пскове в 2013–2014 гг.	43
<i>Ю. В. Колтакова.</i> Итоги изучения элементного состава нательных крестов с надписями из позднесредневековых погребений в Пскове и Изборске	57
<i>Э. В. Королёва.</i> Подвеска с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове (в продолжение дискуссии)	79
<i>С. В. Белецкий.</i> Еще раз о геральдической подвеске из раскопок в Пскове в 1976 г.	92
<i>В. М. Горюнова.</i> Роговое «навершие» Псковского некрополя. Культурно-хронологическое определение находки	98
<i>М. И. Кулакова.</i> Дендрохронологическая коллекция из раскопов Пскова 1992–2011 гг. (статистический анализ)	117
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин, Р. Г. Подгорная, А. В. Михайлов.</i> Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопов 2005–2013 гг.)	123
<i>Ю. В. Колтакова, Л. Я. Костючук.</i> Ставрографические материалы с территории Нового Торга в Пскове.....	135
<i>А. Б. Постников.</i> Основные массовые источники РГАДА по истории псковской Церкви и духовенства последней трети XVII – первой половины XVIII века	143
<i>Вл. В. Седов.</i> Летописная запись 1536 г. в псковском Октоихе: сообщение о строительстве каменной церкви Богоявления в Бродях	168

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>А. В. Михайлов, А. Б. Романовский.</i> О новом типе погребальных памятников XI в. в окрестностях Пскова	173
<i>А. Л. Потрапов, Т. Ю. Хмельник.</i> Каменные кресты с расширяющимися лопастями	190
<i>Н. Н. Фараджеева, О. А. Тарабардина, П. Г. Гайдуков.</i> Мостовые Людина конца средневекового Новгорода. Черницына улица.....	201
<i>М. И. Петров.</i> Усадебный комплекс конца XII в. (усадьба Нкл2007-III) по материалам раскопа Никольский-2007 в Новгороде.....	216
<i>Т. С. Дорофеева.</i> О скандинавских культовых и магических предметах с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет).....	227
<i>А. Н. Кирпичников, Н. В. Григорьева, Н. А. Плавинский.</i> Граффито на костяном изделии из Старой Ладogi	240
<i>А. А. Залогина, А. И. Волковицкий.</i> Свинцово-оловянные украшения из раскопок Земляного городища разных лет (немного статистики)	249

<i>В. Ю. Соболев.</i> Которской погост. Работы 2012–2014 гг. и некоторые итоги топографического обследования археологического комплекса	255
<i>Е. Р. Михайлова, И. В. Стасюк, И. А. Федоров.</i> Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато	262
<i>И. В. Стасюк.</i> Могильник в д. Покровская – новый памятник средневековой ижоры в долине р. Славянки	276
<i>П. Е. Сорокин, В. Н. Матвеев, Б. С. Короткевич.</i> Раскопки средневекового могильника Порицы 1 на реке Славянке	286

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

<i>Б. С. Короткевич, В. А. Тарасов, Й. Фассбиндер.</i> Геофизические исследования на городище Анашкино в Псковской области	301
<i>Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, В. А. Раева.</i> Поселение культуры смоленских длинных курганов на Соборной горе Смоленска	317
<i>С. В. Бельский.</i> «Северные жалники»: самостоятельное явление или периферийная группа?	325
<i>Р. Спиргис.</i> Круглые подвески ливов и их символика	331
<i>А. А. Егорейченко.</i> Средневековые находки из городищ Браславского Поозерья	340
<i>Р. Йонайтис.</i> Палеодемография Русского конца Вильнюса в конце XIII – начале XV в.	349
<i>И. Каплунайте.</i> Локализация торговых мест Вильнюса в XIV–XVI вв.	359
<i>А. Ю. Чуракова (Кононович).</i> Привески-образки с изображением святого всадника на территории Древнерусского государства	367
<i>К. В. Горлов, В. Н. Седых.</i> Датирующие возможности нумизматического материала (на примере погребений с монетами Ярославского Поволжья)	375
<i>О. Н. Глазунова, Е. А. Шатыркина.</i> Комплект уникальных печных изразцов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря как источник по истории России начала XVIII в.	389
<i>С. Е. Шульгина, Я. В. Френкель.</i> Импортная расписная элитная керамика XVIII в. из раскопок на территории городского особняка А. Л. Нарышкина (Воронцовых-Дашковых) в г. Санкт-Петербурге	409
<i>О. В. Григорьева, М. В. Медведева.</i> Документальное наследие Г. П. Гроздилова в Научном архиве ИИМК РАН	426
<i>Д. Ю. Чернышенко.</i> К 150-летию юбилею Любора Нидерле: «Славянские древности» и другие переводы	444
Сведения об авторах	451
Список сокращений	453
Указатель докладов и статей, заявленных в программе и опубликованных в материалах семинара имени академика В. В. Седова «Археология и история Пскова и Псковской земли» за 2006–2014 гг. (заседания 52–60). <i>Составитель В. А. Деркач.</i>	455

Contents

ARCHAEOLOGY AND HISTORY OF PSKOV

<i>M. I. Kulakova.</i> Archaeology in the City of Pskov and Pskov Land in 2014.....	7
<i>S. V. Stepanov.</i> Archaeological Excavations in 2014 in the Coastal Part of Zapskovie in Pskov	25
<i>S. A. Salmin, L. V. Yavorskaja.</i> The Neznanova Gorka-2 Excavation in 2013–2014 in Pskov	43
<i>Yu. V. Kolpakova.</i> The Results of the Body Crosses with Inscriptions from Late Medieval Burials in Pskov and Izborsk Element Composition Study	57
<i>E. V. Koroleva.</i> Pendant with Princely Signs from the 1976 Excavations in Pskov (in discussion continuation)	79
<i>S. V. Beletsky.</i> More about the Heraldic Pendant from the 1976 Excavations in Pskov	92
<i>V. M. Goryunova.</i> Horn “Pommel” from the Pskov Necropolis. Cultural and Chronological Determination of the Find	98
<i>M. I. Kulakova.</i> Dendrochronological Collection from the Excavations in Pskov 1992–2011 (statistical analysis)	117
<i>E. V. Salmina, S. A. Salmin, R. G. Podgornaya, A. V. Mikhailov.</i> The New Market of Pskov Trading Rows Storage Complex Composition Features (on the excavations of 2005–2013 data)	123
<i>Yu. V. Kolpakova, L. Ya. Kostuchuk.</i> Stavrographical Data from the Territory of Pskov New Market	135
<i>A. B. Postnikov.</i> The Main Mass Sources of RGADA on the History of the Pskov Church and Clergy of the last third of the 17th – the first half of the 18th Centuries	143
<i>Vl. V. Sedov.</i> An Annalistic Entry of the Year 1536 in the Pskov Octoechos: a Message about the Stone Church of the Epiphany in Brody Construction	168

PSKOV LAND AND ITS NEIGHBOURS IN THE MIDDLE AGES

<i>A. V. Mikhailov, A. B. Romanovsky.</i> A New Type of Funerary Sites of the 11th Century in the Vicinity of Pskov	173
<i>A. L. Potravnov, T. Yu. Khmelnyk.</i> Stone Crosses with Expanding Blades	190
<i>N. N. Faradzheva, O. A. Tarabardina, P. G. Gaidukov.</i> Wood-paved Roads of Ludin End of Medieval Novgorod. Chernitsyna street	201
<i>M. I. Petrov.</i> Estate Complex of the Late 12th Century (the estate Nkl2007-III) according to the Materials of Nikolskii Excavation-2007 in Novgorod	216
<i>T. S. Dorofeeva.</i> About Scandinavian Cult and Magical Objects from Gorodische near Novgorod (on the data of different year excavations)	227
<i>A. N. Kirpichnikov, N. V. Grigorjeva, M. A. Plavinski.</i> Graffito on a Bone Artifact from Staraya Ladoga	240
<i>A. A. Zalogina, A. I. Volkovitsky.</i> Lead-Tin Decorations from the Different Year Excavations of Earthen Hillfort (some statistics)	249

<i>V. Yu. Sobolev.</i> Kotorsk Pogost. Works of 2012–2014 and Some Results of the Archaeological Complex Topographical Study.....	255
<i>E. R. Mikhailova, I. V. Stasyuk, I. A. Fedorov.</i> Hillfort Vtyrka (Pillovo-2) and Antiquities of the Viking Age on the Izhora Plateau.....	262
<i>I. V. Stasyuk.</i> The Burial Ground in the Village Pokrovskaya, a New Site of Medieval Izhora	276
<i>P. E. Sorokin, V. N. Matveev, B. S. Korotkevich.</i> Excavations of Medieval Burial Ground Poritzky 1 on the Slavyanka River	286

ARCHAEOLOGY OF EASTERN EUROPE AND THE BALTIC STATES

<i>B. S. Korotkevich, V. A. Tarasov, Jörg W. E. Fassbinder.</i> Geophysical Research at Hillfort Anashkino in Pskov Region	301
<i>N. A. Krenke, I. N. Ershov, V. A. Rayeva.</i> A Settlement of the Smolensk Long Barrows Culture on the Cathedral Hill of Smolensk.....	317
<i>S. V. Belsky.</i> «Northern Zhalniky»: an Individual Phenomenon or a Peripheral Group?	325
<i>R. Spirģis.</i> The Liv Round Pendants and their Symbols	331
<i>A. A. Eгореichenko.</i> Medieval Finds from Hillforts of Braslav Lakeland	340
<i>R. Jonaitis.</i> Paleodemography of the Russian End of Vilnius in the late 13th – early 15th Centuries	349
<i>I. Kaplūnaitė.</i> Vilnius Trading Places Localization in the 14th–16th Centuries.....	359
<i>A. Yu. Churakova (Kononovich).</i> Pendants – Small Icons with the Image of the Holy Horseman on the Territory of Ancient Russian State	367
<i>K. V. Gorlov, V. N. Sedykh.</i> Opportunities of Numismatic Material Dating (on the example of burials with coins from the Yaroslavl Volga region).....	375
<i>O. N. Glazunova, E. A. Shatyrykina.</i> A Unique Set of Stove Tiles of the Voskresensky New-Jerusalem Monastery as a Source for History of Russia of the Early 18th Century Study.....	389
<i>S. E. Shungina, Ya. V. Frenkel.</i> Imported Luxury Pottery of the 18th Century from the Excavations at the Urban Mansion of A. L. Naryshkin (the Vorontsovs-Dashkovs) Territory in Saint-Petersburg	409
<i>O. V. Grigorieva, M. V. Medvedeva.</i> The Documentary Heritage of G. P. Grozdilov in the Scientific Archive of IHMC RAS.....	426
<i>D. Yu. Chernyshenko.</i> To the 150-year Anniversary of Lubor Niederle: the “Slavic antiquities” and other Translations.....	444
List of Authors	451
Abbreviations.....	453
Index of Reports and Papers Announced in the Program and Published in the Collections of the Seminar Named after Academician V. V. Sedov «Archaeology and History of Pskov and Pskov Land» 2006–2014 Materials (sessions 52–60). Compiled by V. A. Derkach	455

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА

М. И. Кулакова

Археология в Пскове и Псковской земле в 2014 г.

М. I. Kulakova. Archaeology in the City of Pskov and Pskov Land in 2014

Abstract. The article presents major activities of Pskov archaeologists in 2014. The area of the archaeological excavations in Pskov was more than 4,000 sq.m. Within the territory of Pskov region the excavations were carried out in Porkhov, Velikie Luki, in the North–East outskirts of Izborsk (the barrow group Ust’-Smolka). The article also contains basic data on a variety of other activities of Pskov archaeologists: archaeological sites monitoring, archaeological sites border limitation, illegal activity on the archaeological sites and breaking the law fixation.

Ключевые слова: Псков, Псковская область, охранные раскопки, археологические памятники, мониторинг, Изборск, Порхов, Великие Луки, Выбуты.

Keywords: Pskov, Pskov region, rescue excavations, archaeological sites monitoring, Izborsk, Porkhov, Velikie Luki, Vybuty

В 2014 г. псковскими археологами продолжалась работа, направленная на сохранение памятников археологии, расположенных на территории Псковской области. Основными исполнителями работ являлись две организации – государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области» и автономная некоммерческая организация «Псковский археологический центр».

Археологические работы в г. Пскове

Основное и наиболее масштабное мероприятие 2014 г. – проведение спасательных археологических раскопок. Особенностью работ 2014 г. стало участие в работах по реконструкции улиц Ленина и Пушкина (рис. 1, 8–10) и ул. Воровского в г. Пскове (рис. 1, 1–7), набережной р. Псковы на участке от «Золотой набережной» до ул. Застенной (рис. 1, 14–16). Исследования проводились в рамках реализации мероприятий туристско-рекреационного кластера «Псковский», финансировались из федерального и регионального бюджетов.

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов и участков археологического наблюдения. Раскопы 2014 г.:

1 – 2014 г. ул. Воровского (Рыбники II), 2 – 2014 г., ул. Воровского (Петра и Павла с Буя VII), 3 – 2014 г., ул. Воровского (Петра и Павла с Буя III, VIII), 4 – 2014 г., ул. Воровского (Петра

Рис. 2. Раскоп П-14-Л-XX. Общий вид на место проведения работ

Кроме того, на территории города проведены археологические раскопки:

- раскоп на ул. Советской, 216 (раскоп Незнанова Горка, рис. 1, 12)
- раскоп на ул. Свердлова, 66 (Михайловский-VI раскоп, рис. 1, 11)
- раскоп на ул. Кузнецкой, 2 (Покровские 38 и 39 раскопы, рис. 1, 13)

Общая исследованная площадь в г. Пскове в 2014 г. составила более 4000 кв. м.

Археологические раскопки на ул. Ленина – Пушкина (руководитель работ – Кулакова М. И., открытый лист № 1507 от 28.10.2013) проведены на площади около 120 кв. м, в том числе 100 кв. м – раскоп на ул. Ленина (П-14-Л-XX). Раскоп располагался на проезжей части улицы и предвзял строительство новой линии водопровода между двумя колодцами. Раскоп представлял собой траншею шириной 2 м, вытянутую по оси СЗ–ЮВ (рис. 2). Поскольку расширение его в условиях современной улицы, насыщенной действующими инженерными сетями, было невозможно, исследования были доведены только до технологического дна траншеи – на глубину 2–2,1 м. Исследованы отложения XVIII – конца XVI в., прослежены два горизонта пожаров, исследованы фрагменты построек, сгоревшие настилы, дренаж XVIII в. (рис. 3). В условиях узкой траншеи раскрыты только небольшие фрагменты

и Павла с Буя, III–V), 5 – 2014 г., ул. Воровского (Казанский XIII–XVIII), 6 – 2014 г., ул. Воровского (Никольский V), 7 – 2014 г., ул. Гоголя (раскоп в Песках), 8 – 2014 г., ул. Ленина (Ленинский XX), 9 – 2014 г., ул. Пушкина (Лужский V), 10 – 2014 г., ул. Ленина (Лужский VI), 11 – 2014 г., ул. Свердлова, 66 (Михайловский VI), 12 – 2013–2014 гг., ул. Советская, 216 (Незнанова горка II), 13 – 2014 г., ул. Калинина, 2 (Покровский XXXVIII–XXXIX), 14 – 2014 г., ул. Леона Поземского (Варлаамовский II–III), 15 – 2014 г., ул. Леона Поземского (Леона Поземского, I), 16 – 2014 г., ул. Леона Поземского (Лубянский VI–VII)

Рис. 3. Разрез конструкции дренажа. Северо-восточная стена раскопа П-14-Л-XX

этих построек. Коллекция находок насчитывает более 300 ед. Среди них большое количество печных изразцов (зеленополивных, ошлакованных), на которых изображены геральдические звери.

Археологические работы на набережной р. Псковы на участке от «Золотой набережной» до ул. Застенной (руководители работ – Степанов С. В., Закурин Т. Ю., открытый лист № 85 от 21.03. 2014) проведены на 5 раскопах общей площадью 846 кв. м). Наиболее интересные результаты получены на раскопах, располагавшихся около Варламовской башни, где были исследованы отложения XI–XII–XV–XVI вв., в том числе земляные фортификационные укрепления XV–XVI вв., связанные со строительством первоначально деревянной крепостной стены 1464/1465 гг. и продолжавшие свое существование уже после строительства каменной линии пятого кольца городских стен. С внешней стороны укреплений был открыт участок известняковой кладки, вероятно, относящейся к въездному устройству (захаб?) Варлаамовских ворот. В раскопе с внешней стороны крепостных укреплений был раскрыт участок трассы древней дороги, который имел ширину до 6,5 м и прорезал материковую скалу на глубину до 1,5 м. Необходимость подобных строительных работ была продиктована техническим решением оформления проезда в город через овраг, впоследствии используемый в качестве крепостного рва (рис. 4).

Археологические работы на ул. Воровского (руководитель – Салмина Е. В., открытые листы № 225 от 28.04.2014, № 226 от 28.04.2014) проводились в режиме археологических раскопок и археологического наблюдения. Работы проведены в контурах 16-ти участков, отведенных под сооружение новых

Рис. 4. Участок средневековой дороги при переправе через овраг. Раскоп П-14–Варл–III

узлов коммуникаций. На 14-ти из них проведены археологические раскопки, на остальных двух работы прошли в пределах отложений, сформированных не ранее второй половины XX в. Площадь отдельных участков составляла от 7 до 483 кв. м, суммарно – 1740 кв. м.

При археологических раскопках на ул. Воровского были изучены:

- крепостные сооружения XIV и XVIII вв.
- объекты жилой среды XIII – начала XX в.
- погребальные объекты XVII–XVIII вв.

На участке, расположенном на верхней террасе левого берега р. Псковы к западу от ц. Петра и Павла с Буя, на значительной площади были раскрыты каменные конструкции крепостных укреплений 1309 г., (основание мысовой башни и участок фланковой стены) (рис. 5). В районе Верхних решеток на р. Пскове зафиксированы остатки предворотных укреплений XVI в., представляющие собой основания деревянных забутованных камнем клетей.

При археологическом исследовании земляного бастиона XVIII в. были выявлены остатки конструкций: как каменных (вход в каземат, остатки капо-нира), так и древесно-земляных («палисад» – брусчатый часток, служивший для укрытия стрелков, и «банкет» – насыпное возвышение для размещения стрелковой пехоты) куртины городской стены XVIII в. (рис. 6).

На основной территории раскопок на ул. Воровского зафиксирована городская деревянная застройка XIV–XVI вв. (остатки жилых и хозяйственных построек, уличные и дворовые настилы). Древнейшая деревянная постройка, исследованная при раскопках на ул. Воровского, относится к участку,

Рис. 5. Руины основания башни в системе укреплений XIV в. Раскоп П-14–ПП6–7

Рис. 6. Участок Никольского бастиона после окончания археологических работ

Рис. 7. Расчистка погребений XVII в. Раскоп П-14–Каз–XIII

расположенному в древней части Среднего города, севернее X раскопа на ул. Ленина (1987–1990 гг.), и датируется XII в.

В раскопе на пересечении ул. Воровского и Красных партизан исследован некрополь второй половины XVII в. Изучены 23 погребения *in situ*, содержавшие останки 27 индивидов; останки еще 39 индивидов выявлены в частично или полностью переотложенном состоянии. Зафиксирован горизонт более раннего некрополя, переотложенного при строительстве бастиона в XVIII в. (рис. 7).

Раскоп на ул. Советской, 216 (Незнанова Горка-II, руководитель – Салмин С. А., открытый лист № 1663 от 03.12.2013) проводился в пределах контура исторического здания «Полицейской управы» (г. Псков, ул. Советская, 216) на площади 113 кв. м, на расстоянии 3–5 м от внешнего фаса стены 1374/1375 гг. Важным исследованным на раскопе объектом оказался комплекс мощных дренажных сооружений, созданных в период XVII – первой половины XVIII в., связанных с отраженной на плане 1740 г. «пересыпью» городского рва в районе Великих ворот Среднего города, что, в свою очередь, позволило уточнить расположение указанных ворот и трассировку Великой улицы относительно современной градостроительной ситуации. Установлено, что для заполнения траншеи дренажа использованы в качестве дренирующей подсыпки кости животных (в основном – черепные кости крупного рогатого скота), что уже отмечалось для других районов Пскова.

Наличие нескольких ярусов застройки позволило проследить устойчивость трассы Великой улицы в период XIII – начала XIX в. и изменение ее во второй половине XIX в. Исследованы остатки производственного

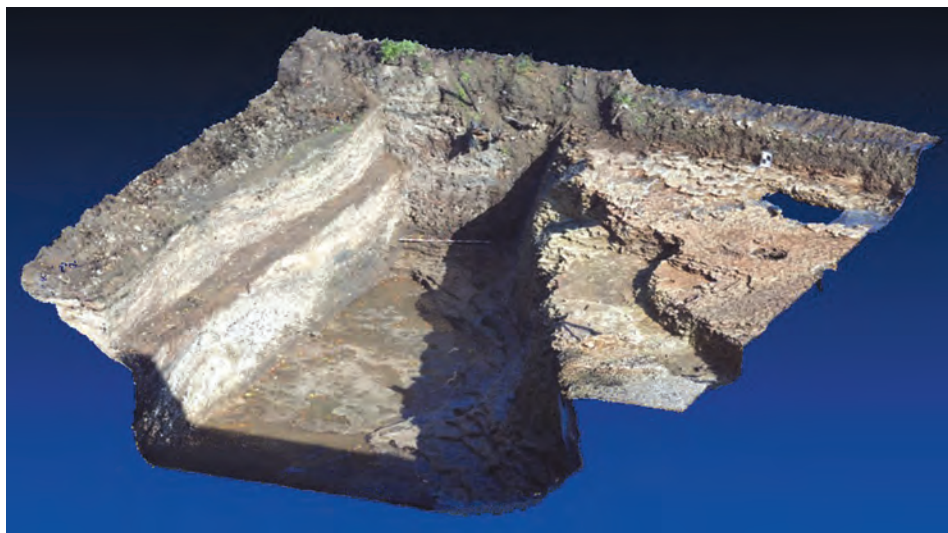

Рис. 8. Результат 3D-сканирования участка рва вокруг крепостной стены Окольного города.
Раскоп П-14-Покр-XXXVIII

комплекса, связанного с обработкой черного металла (для дальнейшего исследования взяты образцы шлаков).

Выявлены остатки городской планировки периода не позднее первой половины XIII в., сохранившиеся в виде частокольных линий. Сделанные при исследовании наблюдения позволяют предположить, что в XII в. участок развивался согласно закономерностям развития городской территории, о чем, в частности, свидетельствует преемственность ориентации междворовых границ раннего периода и жилых, и хозяйственных построек более позднего времени.

Раскоп на ул. Свердлова, 66 (Михайловский-VI, руководитель – Закурин Т. Ю., открытый лист № 1711 от 31.12.2013) предвещал строительство жилого дома. Площадь раскопа – 220 кв.м. Территория, на которой был заложен Михайловский-VI раскоп, вошла в состав укрепленной части города в конце XV в. и располагалась на периферии хозяйственного освоения. В непосредственной близости от нее в древности стоял монастырь Михаила в Поле («на Поле»), время основания которого неизвестно. Монастырь впервые упоминается в летописи под 1397/1398 гг.

Мощность культурного слоя составляла около 0,8 м. В верхней части отложения сильно нарушены в результате активной хозяйственной деятельности XIX–XX вв. Основная информация о времени и характере освоения данного участка получена в ходе исследования предматериковых отложений и слоя погребенной почвы, на уровне которых были зафиксированы многочисленные хозяйственные ямы. Установлено, что освоение данного участка начинается на рубеже XIV–XV вв. В этот период на исследованной территории появляется усадебная застройка. Выявлены элементы планировки, обозначенные частокольными канавками и остатками хозяйственных и жилых строений.

Открыты развалы и конструкции бытовых печей, хозяйственные ямы с деревянной обкладкой.

Раскопы на ул. Кузнецкой, 2 (Покровские XXXVII–XXXIX раскопы, руководитель – Закурина Т. Ю., открытый лист № 578 от 17.06.2014) – исследованы три участка, общая площадь 1200 кв.м. В ходе работ была изучена часть крепостного рва Окольного города на отрезке около 50 м (рис. 8), а также участок городского посада XVI–XVII вв. Исследования показали, что в месте выхода к реке Великой ров имел существенное (более 32 м) расширение. По данным геологии, стены Окольного города возводились вдоль края древнего ручья, устье которого располагалось к югу от Покровской башни.

Выявленные на южном краю рва следы плотной застройки средневекового посада представлены остатками каменных фундаментов хозяйственных и жилых сооружений XVI–XVII вв. с заглубленными в скальный материк подвальными ямами со сводчатыми перекрытиями. Изучены фрагменты не менее 4-х усадеб, на территории которых собрана коллекция монет первой половины XVI в. Впервые установлено, что в районе Покровской башни за стеной Окольного города в XVI–XVII вв. развивалось посадское поселение.

Археологические работы в Псковской области

В 2014 г. псковские археологи проводили работы, связанные с разработкой проектов реставрации памятников архитектуры и истории (Порховская крепость и Великолукская крепость) и с исследованием разрушающихся памятников археологии (курганная группа в Выбутах, курганная группа на северо-восточной окраине д. Изборск) (рис. 9).

Археологические исследования в Порховской крепости (руководитель – Салмина Е. В., открытый лист № 1295 от 15.08.2014). Работы проводились с целью получения информационных оснований для выполнения научно-проектной документации на ремонтно-реставрационные работы на указанном объекте культурного наследия.

Общая площадь исследований составила 122 кв.м. Всего с внешней и внутренней стороны, а также в башнях Порховской крепости было заложено 17 шурфов (рис. 10, 11). Местоположение шурфов определялось задачами проектирования, их площадь и расположение согласовано с архитекторами, курирующими данный проект. Археологические работы 2014 г. являлись продолжением исследований в крепости, которые проводились в XX в. Археологические исследования прошлых лет оставили нерешенными многие вопросы архитектурной истории памятника. Изученные крепостные укрепления показали, что их сохранность преимущественно хорошая. Исследования в шурфах показали перспективность и необходимость археологических исследований крепостных сооружений на более широких площадях.

Археологические исследования в г. Великие Луки (памятник археологии «Земляной вал «Крепость» IX в.) (руководитель работ – Салмина Е. В., открытый лист № 1622 от 08.10.2014) были предприняты с целью определения состояния подземных конструкций Северных и Равелинных ворот крепости

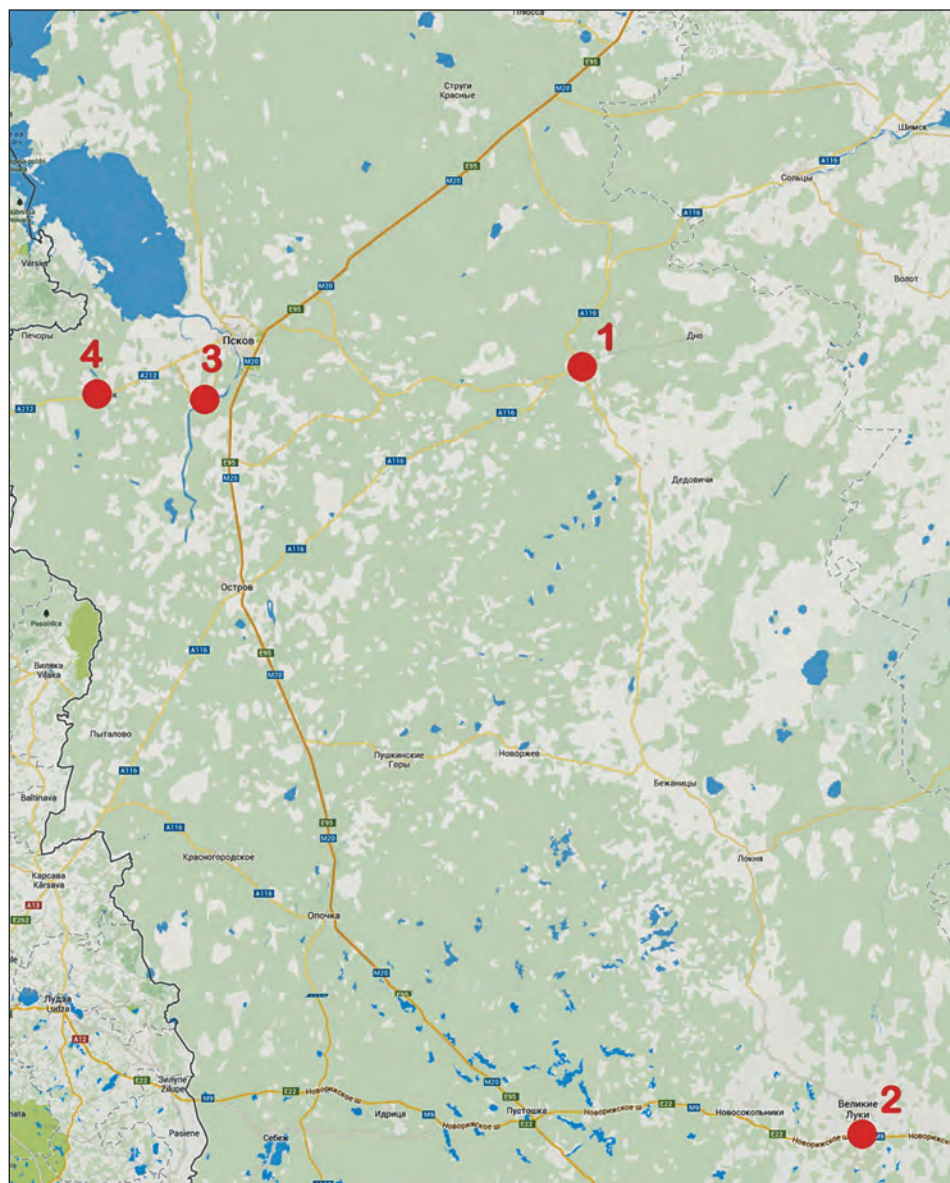

Рис. 9. Карта-схема работ псковских археологов на территории Псковской области:
1 – Порхов, 2 – Великие Луки, 3 – Выбуты, 4 – Изборск

(рис. 12, 13). Общая площадь исследований составила 55 кв.м. На обоих объектах работы проводились в рамках разработки проектов реставрации и, как следствие, во многом были подчинены задачам разработки проектов.

Рис.10. Порховская крепость. Подготовка шурфа № 2 к съемке при помощи системы наземного лазерного 3D-сканирования

Северные ворота Великолукской крепости до наших дней не сохранились. Последнее упоминание о них относится к началу XX в., еще до Великой Отечественной войны конструкция ворот была разобрана ввиду их аварийного состояния. В осыпях валов сохранились только нижние части стен ворот и контрфорсы, примыкавшие к внешнему и внутреннему фасадам. Западная стена ворот была практически полностью уничтожена при штурме крепости в январе 1943 г., когда основной удар артиллерии и минометов пришелся на северный въезд. В ходе исследований был частично раскрыт внутренний контрфорс западной стены Северных ворот.

В отличие от западной стены восточная стена Северных ворот сохранилась гораздо лучше. Она проходит под нынешним асфальтированным проездом, в целом сохраняя его ориентировку. В раскопе обнаружено мощное валунное основание. Ширина стен – около 80 см, реконструированная ширина воротного проезда – около 3 м, как и на восстановленных западных воротах. Следов булыжного мощения проезда в Северных воротах не выявлено. Находка

Рис. 11. Порховская крепость. Результат 3D-сканирования конструкций, раскрытых в шурфе № 1

Рис. 12. Великие Луки, крепость. Внешний контрфорс ворот рavelина

Рис. 13. Великие Луки, крепость. Булыжная мостовая и внутренний фасад равелинных ворот

Рис. 14. Археологические раскопки на территории курганного могильника Усть-Смолка. Начало работ

медной денги 1734 г., происходящая из-под основания остатков западной стены, не опровергает дату строительства Северных ворот – 80-е гг. XVIII в.

Исследования у рavelинных ворот показали, что с внешней и внутренней стороны ворота имели контрфорсы, отходившие от фасадов под прямым углом (рис. 12). В осыпях грунта было обнаружено около 10 фрагментов толстостенной керамической черепицы, которая, очевидно, покрывала скосы контрфорсов.

С внешней и с внутренней стороны рavelинных ворот были открыты участки булыжной мостовой (рис. 13). В нижней части внутреннего фасада ворот были раскрыты элементы оформления воротного проезда в виде основания полуколонны, сложенной из кирпича.

Внутри воротного проезда раскрыты два разновременных порога, сложенных из кирпичей на основании из некрupных валунов, возможно, взятых из заmoщения воротного проезда. Достоверно установить время строительства этих порогов не представляется возможным. По всей видимости, их появление стоит отнести ко времени не ранее конца XVIII в., когда ворота рavelина престали выполнять функцию главного (и единственного) проезда к крепости.

Археологические раскопки на территории курганного могильника Усть-Смолка на восточном берегу Городищенского озера в Изборске проводились в рамках проекта «Археология, власть, общество: сотрудничество для сохранения археологического наследия» программы приграничного сотрудничества «Эстония – Латвия – Россия». Раскопки имели целью исследование про-

Рис. 15. Археологические раскопки на территории курганного могильника Усть-Смолка. Разборка погребения

странства между курганом 3 (изучен и восстановлен в 1999 г.) и курганом 4. Площадь раскопа составила 53 кв. м (рис. 14, 15).

При зачистке материка обнаружена погребальная камера в виде каменного ящика размерами 2.8×1.3 м, нижней частью заглубленного в материк (известняковая скала). Изучено женское захоронение, содержавшее многочисленный инвентарь: головной венец из бронзовых спиралек с серебряными разделителями и проволочными височными кольцами с загнутым в спираль концом, подвеску-дирхем,

Рис. 16. Участок нарушения культурного слоя в Выбутах

цепочку, множество мелких бронзовых колечек, разнотипных стеклянных бус и бисера, серебряный широкосердинный перстень с заходящими концами, бронзовый браслет с завязанными концами, пряслище из розового шифера, большой крестопрорезной бубенчик, железный нож, ранний гончарный горшок и др. Предварительная датировка комплекса – конец X–первая половина XI в.

На протяжении 2014 г. псковскими археологами проводился контроль за состоянием памятников археологии и фиксация нарушений. Всего было выявлено 6 фактов разрушения объектов археологического наследия, из них 5 в г. Пскове, 1 – в Псковском районе. Основными причинами разрушения археологических объектов в г. Пскове, как правило, являются несанкционированные земляные работы при строительных работах и прокладке коммуникаций. Памятники археологии в районах Псковской области нарушаются в ходе грабительских раскопок, хозяйственной деятельности (карьеры, лесозаготовка, прокладка коммуникаций), незаконного строительства. Наиболее вопиющим примером разрушения памятника археологии в 2014 г. стали земляные работы, связанные с устройством кюветов вдоль проселочной дороги в д. Выбуты Псковского района (рис. 16). Археологические работы по научной фиксации нарушения и доисследованию сохранившихся участков культурного слоя селища проводились под руководством Харлашова Б. Н. (Открытый лист № 1663 от 23.10.2014).

При археологических работах на селище вертикальная зачистка была выполнена на участке, где был нарушен культурный слой, на отрезке длиной

Рис. 17. Проведение экскурсии по туристическому маршруту
«Путешествие по средневековой дороге Псков – Изборск – Алуksне».
Участок средневековой дороги к юго-востоку от Изборска

180 м. На участках, где предматериковый слой не был затронут дорожно-строительной техникой и частично сохранился, археологические раскопки были проведены в полном объеме до материка. Кроме того, был проведен сбор археологических находок из отвалов, насыпанных экскаватором при копке канавы.

Также при дорожных работах была прокопана канава через территорию курганного могильника Выбуты, в результате чего оказалась повреждена насыпь кургана 9. Зачистка поврежденной части насыпи показала, что она сооружена из плитняка разного размера и покоится на слое гумусированного песка. Среди камней в верхней части насыпи собрано несколько десятков мелких фрагментов кальцинированных костей, что позволяет предполагать наличие в кургане погребения по обряду кремации.

В 2014 г. было продолжен мониторинг объектов археологического наследия, расположенных в приграничных районах Псковской области. Всего было обследовано 90 археологических объектов: 15 – в Гдовском районе и 75 – в Псковском. В целом стоит отметить удовлетворительное состояние обследованных объектов археологического наследия. Частичные повреждения памятников были зафиксированы на жальничном могильнике у д. Жуково и курганной группе у д. Новинка (Гдовский район). По-прежнему в неудовлетворительном состоянии находится один из известнейших в Восточном Причудье средневековых могильников – курганная группа у д. Калихновщина, подвергшаяся в 90-е гг. XX в. масштабным грабительским раскопкам.

Продолжалась уже ставшая традиционной работа по определению границ территорий памятников археологии – работа, необходимая для защиты

Рис. 18. Участники заключительной конференции проекта «Археология, власть, общество: сотрудничество для сохранения археологического наследия». 1 декабря 2014 г.

памятников от хозяйственной деятельности, которая может принести им вред. Были определены границы территорий для нескольких памятников, расположенных в Усвятском районе (городище Юрьевы горы и курганная группа рядом с ним, подкурганные погребения на окраине п. Усвяты, городище Прудок, городище Бугор), для городищ Борохново (Палкинский район), Сторожинец (Гдовский район), Опочка (г. Опочка), Полякова Мыза (г. Порхов).

2014 г. – завершающий год проекта «Археология, власть, общество: сотрудничество для сохранения археологического наследия» программы приграничного сотрудничества «Эстония – Латвия – Россия». Работа проекта проходила на протяжении 2012–2014 гг. и была направлена на сохранение археологического наследия в приграничном регионе, на развитие профессионального сотрудничества и вовлечение общественности в этот процесс. В ходе проекта проводились международные инспекции памятников археологии, расположенных в приграничных территориях России, Эстонии, Латвии. Проведена большая работа по созданию и наполнению базы данных по памятникам археологии. В завершающий год проекта проведена значительная работа по популяризации археологического наследия: опубликован ряд научно-популярных статей по археологии, подготовлены и напечатаны научно-популярные буклеты и т. п. Новым направлением, которое в рамках проекта освоили псковские археологи, стала разработка туристических маршрутов: «Псков – Выбуты – Изборск. По старым псковским дорогам» и «Путешествие по средневековой дороге Псков – Изборск – Алуksне». Основой маршрутов стали памятники археологии, расположенные вблизи средневековых дорог (рис. 17).

Международное сотрудничество не прекратилось после окончания проекта. На заключительной конференции проекта, которая проходила в декабре 2014 г. в г. Пскове (рис. 18), было принято решение о создании сетевого сообщества профессиональных организаций.

С. В. Степанов

Археологические раскопки 2014 г. в прибрежной части Запсковья в г. Пскове

S. V. Stepanov. Archaeological Excavations in 2014 in the Coastal Part of Zapskovie in Pskov

Abstract. The excavations were carried out on five sites in the coastal zone of the rivers Velikaya and Pskova. In the excavations at the Varlaamovsky Gates cultural layer of the 12–13th and the end of the 14–17th centuries, the city wall of the 80-ies of the XVth century with the remains of the wooden-earth fortifications of the 16–17th centuries, first discovered during the excavations in Pskov. Also there were partially fixed the parameters of the fortress moat on the place of an ancient ravine with an open stretch of road from the outdoor side, presumably dated by the 1st half of the 12–13th centuries. The Lubyansky excavations were carried out on the slope of the terraces of the original Bank, which retained its ancient relief to the end of the 19–20th centuries. Traces of the buildings of the 11–14th centuries were revealed on the upper shore site.

Ключевые слова: Псков, Запсковье, этапы освоения, древний рельеф, каменные укрепления, дерево-земляные фортификации, дороги

Keywords: Pskov, Zapskovie, development stages, ancient relief, stone fortifications, wooden-earth fortifications, roads.

Запсковье – северная часть исторической территории Пскова на правом берегу рек Псковы и Великой, впервые упомянутая летописью в 1323 г. По данным археологических раскопок, начатых здесь с 1977 г., первоначально осваивается южная часть Запсковья, расположенная на высокой террасе коренного берега напротив городищенского мыса. По мнению С. В. Белецкого, первое поселение возникает здесь в 3/4 первого тысячелетия н.э. (*Белецкий, 1993. С. 89*). Возможно, что с поздней фазой его существования соотносятся остатки курганной насыпи с лепной керамикой, обнаруженной на Богоявленском XXXIV раскопе (*Салмина, 2007. С. 57*).

В XI–XII вв. осваивается прибрежная (пойменная) юго-западная часть Запсковья и его центр, условно ограниченный современными кварталами улиц Л. Поземского, Герцена, Первомайской, за исключением северо-восточных кварталов. На периферии этой зоны располагались одновременные могильники, обнаруженные в районе Богоявленской и Образской церквей. Здесь надо отметить, что основные запсковские храмы, выстроенные во второй половине XV в. (1462 г. – Козмы и Дамияна; 1457 г. – Богоявления с Запсковья; 1487 г. – Нерукотворного Образа; 1457 г. – Воскресения со Стадища),

в основном маркируют территорию с наиболее ранними отложениями культурного слоя. Вместе с тем характер раннего освоения Запсковья остается не всегда понятным. В большинстве раскопов, проводившихся широкими площадями (т. н. блоки Козмодемьянских и Богоявленских раскопов), зафиксированы следы усадебной застройки, отмеченной траншеями частокольных ограждений. При этом дворы располагаются как с соблюдением единой планировки относительно друг друга, так и без нее. Последнее характеризует наиболее ранний период застройки (*Белецкий, Мержанова*, 1988, 1989. С. 12, 95–96; *Салмина*, 2007. С. 53; *Ершова, Салмина*, 1996. С. 119). Другие раскопы показывают лишь участки слоя этого времени с редкими материковыми ямами (*Ершова*, 2007. С. 60), что свидетельствует о неравномерности застройки и наличии свободных пространств, входящих в зону «хозяйственных интересов» населения этого времени, и отмечает вполне логичный процесс развития поселения, позже эволюционировавшего в городской посад. На современном уровне исследований появление уличной сети Запсковья вряд ли можно относить ко времени ранее XIII–XIV вв. (*Белецкий, Мержанова*, 1988. С. 12; *Белецкий*, 1993. С. 90).

«Больным» местом большинства раскопок на Запсковье является сухой слой, плохо сохраняющий органические остатки, в том числе следы деревянного строительства. Как правило, отложения слоя, имеющего историко-культурное значение, здесь редко превышают 1 м, к тому же и они значительно нарушены позднейшим строительством. Исключение составляют блоки Лубянских I–III раскопов, располагавшихся в пойменной части правобережья р. Псковы, в районе современного квартала «Золотая набережная». Здесь было открыто большое количество деревянных построек, составляющих строительные ярусы, последовательно сменявшиеся на протяжении всего средневекового периода, начиная с рубежа XI–XII вв.

Непрерывность в использовании ранее освоенных земель также отмечается на юге и юго-востоке Запсковья, в то время как для его большей части (зона, ограниченная улицами Труда, Волкова, Поземского) период со второй половины XIII в. и, как минимум, по середину XIV в. определяется как хронологическая лакуна. Основываясь на летописном сообщении 1367 г., И. К. Лабутина считает несомненным существование запсковского посада XIV в. (*Лабутина*, 2011. С. 146). С этим нельзя не согласиться. Даже без учета оставленных земель, застроенная часть территории Запсковья XIII–XIV вв. охватывает широкую площадь.

Повторное освоение оставленных земель наиболее активно происходит в конце XIV – начале XV в. В 1465 г. посад Запсковья входит в состав города и окружается первоначально деревянной стеной, перестроенной в камне в 1480-х гг.

Раскопки 2014 г. представляли охранные исследования на местах устройства инженерных коммуникаций и велись на пяти площадках, расположенных в районе Варлаамовской башни (Варлаамовский II и III раскопы), у здания шпагатной фабрики по ул. Л. Поземского, д. 22 (раскоп, одноименный адресу) и на территории сквера между домами 20 и 8 по ул. Л. Поземского

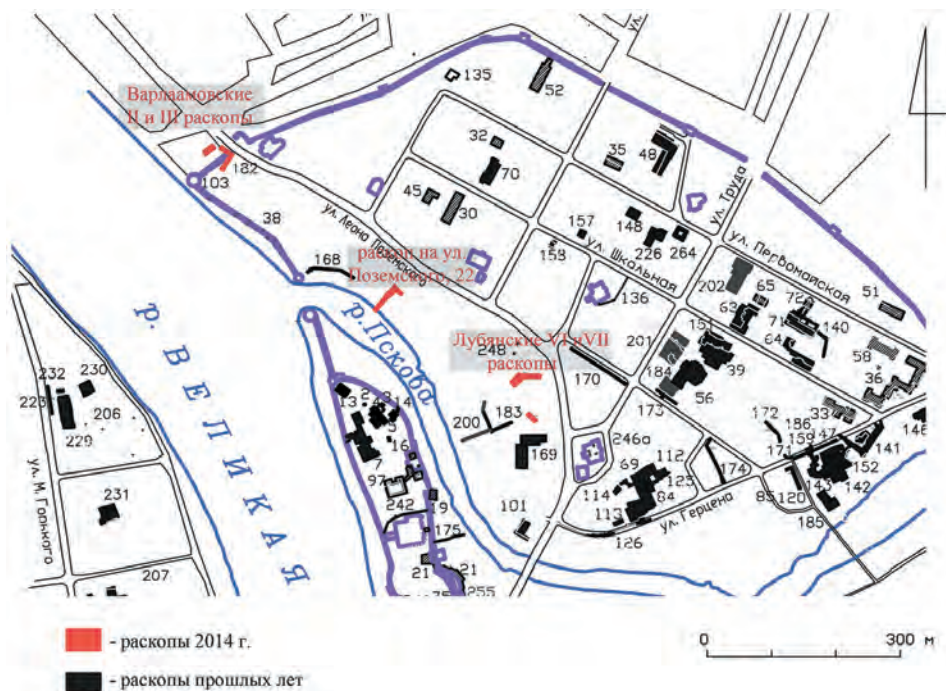

Рис. 1. Схема расположения раскопов 2014 г. в прибрежной части Запсковья

(Лубянский VI и VII раскопы). Их общая площадь составила 829 кв. м (рис. 1). В целом район исследований ограничивался правобережьем рек Псковы и Великой с одной стороны, с другой – современной улицей Л. Поземского, трасса которой близка к линии средневековой улицы Званице, впервые упомянутой в летописи в 1470 г. Позже улица переименовывалась в Варлаамовскую и Нарвскую. Отмечала и отмечает одну из основных городских магистралей, идущую в северном направлении (Нарвская почтовая дорога XIX в.).

Раскоп на ул. Л. Поземского, 22 (здание шпагатной фабрики). Располагался в пойменной части р. Псковы. Работы проводились до уровня технических отметок заложения коммуникаций, выше уровня нахождения культурных отложений средневекового времени. Общая мощность зафиксированных антропогенных накоплений составила 3–3,9 м. Отмечу крайнюю обводненность участка. Исследования показали, что современный рельеф правобережья р. Псковы, в районе расположения раскопа, большей частью образован послевоенными нивелировками поверхности (толщина балластного слоя второй половины XX в. определялась в 2,6–3 м.). В результате была образована набережная, круто возвышающаяся на высоту до 3 м от уреза воды. Раскопками исследована нижняя часть накоплений слоя, по толщине около 0,5 м. Датировка горизонта отложений на уровне остановки работ определялась началом XIX в. (рис. 2). В северо-восточной оконечности раскопа были зафиксированы фундаменты здания второй половины XIX в. (в раскоп вошла юго-западная стена

Рис. 2. Раскоп на ул. Л. Поземскго, 22. Вид с ЮЗ на уровне остановки работ

постройки), выходившего фасадом на Нарвскую улицу. Фундамент стены еще одной, но более ранней, постройки (рубеж XVIII–XIX вв.) был частично открыт в юго-западной, прибрежной, части раскопа.

В материалах раскопок практически полностью отсутствуют находки средневекового времени. Единичные фрагменты керамики представляют формы посуды второй половины XVII в., также найден 1 венчик первой половины XIII в. Подобная ситуация дает основание предполагать присутствие в нижележащей части отложений не потревоженных позднейшим строительством средневековых слоев. Это подтверждается дополнительными зондажами, показавшими наличие слоя темно-серого цвета, содержащего щепу и деревянные конструкции, зафиксированного на глубине 3,2 м (в прибрежной части) – 4 м (в центральной части поймы) ниже уровня современной поверхности.

Лубянские VI и VII раскопы. Располагались на территории современного сквера в 100 м к СЗ от ц. Козмы и Дамиана (1462 г.) и получили свое обозначение по летописному Лубянскому всходу, упомянутому в 1487 г., а их нумерация продолжала принятую с 1992 г. Местоположение Лубянского всхода может определяться лишь условно – напротив южной части Крома (*Лабутина*, 2011. С. 184).

К последней четверти XVII в. относится строительство каменных зданий, известных в настоящее время как двор Трубинских, расположенных севернее

Рис. 3. Лубянский VI раскоп. Вид с 3 на склон террасы коренного берега

мест раскопок. До XIX в. – это традиционно незастраиваемый участок, появление на котором деревянных и каменных зданий первым отмечает городской план 1857 г.

Оба раскопа наложились на площадку и частично перекрыли склон высокой террасы коренного берега, переходящего в обширную пойму правобережья р. Псковы. Мощность антропогенных накоплений на площадке террасы составляет от 0,4 до 1,9 м. Большей частью отложения культурного слоя полностью уничтожены в ходе строительных и хозяйственных работ конца XIX – середины – второй половины XX в. Вместе с тем обнаруженные в переотложенном состоянии вещевые находки и фрагменты керамики выстраивают непрерывный хронологический ряд начиная с XI–XII вв. по XVIII в. включительно.

Следы строительства конца XIX в. в материалах раскопок представлены фундаментными конструкциями двух каменных зданий, поставленных вблизи береговой террасы, крутой склон которой был частично открыт раскопками на высоту до 3,3 м., при этом сама терраса сохраняла древний рельеф вплоть до нивелировок XIX в. (рис. 3). В нижней части отложений, перекрывших склон, были зафиксированы остатки деревянного строительства, датированные временем не ранее первой половины – середины XIX в.

В восточной части Лубянского VI раскопа, максимально приближенной к трассе ул. Л. Поземского, с общей мощностью антропогенных накоплений

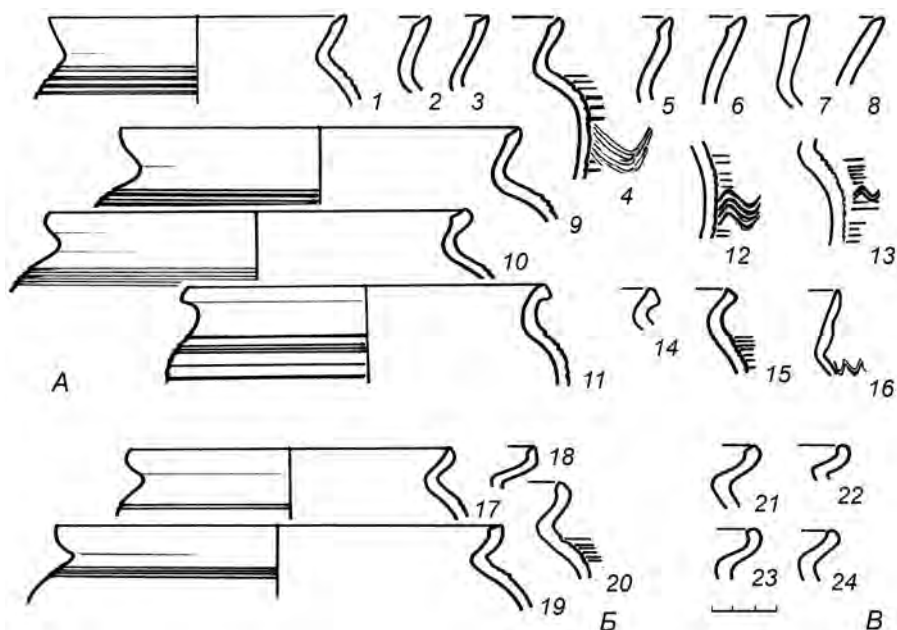

Рис. 4. Основные формы гончарной посуды из заполнения материковых ям в восточной части Лубянского VI раскопа. А – XI–XII вв.; Б – XII – 1-я пол. XIII в.; В – 2-я пол. XIII – XIV в.

до 0,5 м, непосредственно под современным грунтовым покрытием, толщиной до 0,2 м, был обнаружен культурный слой, датировка которого определяется в рамках XI–XVI вв. Слой нарушен в результате средневековой хозяйственной деятельности на этой территории, на что указывает разновременный материал, находящийся в слое на уровне зачисток по матерiku. Здесь, на небольшом участке, перерезанном с трех сторон траншеями современных коммуникаций, было зафиксировано более 20 ям с находками XI–XIV вв. (рис. 4). Тот факт, что среди ям находились подпечные ямы с остатками каменных конструкций самих печей, не вызывает сомнения в том, что раскоп наложился на участок жилой застройки этого времени. Вместе с тем, учитывая значительные нарушения отложений, включая подрезки материка в ходе нивелировок XIX–XX вв., нельзя с уверенностью утверждать, была ли это зона сплошной застройки, или же в раскоп вошла отдельно стоящая усадьба.

На настоящий момент этот участок отмечает крайнюю северо-западную точку прибрежной части Запсковья, не покинутую населением в период со второй половины XIII по XIV в.

Коллекция индивидуальных находок, полученных в ходе исследований, насчитывает 10 предметов, среди которых пряслица розового шифера, заготовка амулета из клыка кабана, костяная рукоять с линейным орнаментом, строительная керамика XVI–XVIII вв. Уникальным представляется факт обнаружения в составе развала печи XIII в. крупных фрагментов кирпичей, два из которых сохранили четкие отпечатки пальцев рук мастера (рис. 5).

Рис. 5. Лубянский VI раскоп. Фрагменты кирпичей в составе развала печи XIII в. Вид с Ю

Варлаамовский II раскоп. Располагался у Варлаамовских ворот системы фортификаций второй половины XV в. Имел вид траншеи, образующей Г-образный контур, часть которого находилась в пределах крепостных укреплений, а другая пересекала крепостную стену и выходила на напольную сторону, накладываясь на ныне засыпанный и перекрытый трассой ул Л. По-земского участок крепостного рва. Зафиксированная при раскопках общая мощность антропогенных накоплений слоя в среднем составляет 2,8–3 м, при величине культурных отложений средневекового времени 1,7–1,8 м. В составе последнего выделено семь хронологических горизонтов, охватывающих период с XII в. по XVII в. включительно.

Первоначальное освоение исследованной территории определяется временными рамками с XI (?)–XII по первую половину XIII в. Это горизонт 7, представленный супесчаными отложениями мощностью 0,3–0,4 м. Содержит значительное количество керамического материала и отдельные куски железного шлака. В составе слоя, а также в материке, перекрытом им, находятся ямы, большинство из которых – столбовые с каменной забутовкой. Незначительная площадь раскопок не позволяет характеризовать застройку.

Время с середины XIII в. и по вторую половину XIV в. по материалам раскопа отмечается лишь единичными фрагментами керамической посуды. Этот период запустения ранее освоенных земель фиксируется для всех районов города,

Рис. 6. Варлаамовский II раскоп. Пятна песка и щебня первой половины XV в. Вид с СВ

за исключением его центральной части, близкой к линии прохождения крепостной стены посадника Бориса (1309 г.), правобережья рек Великой и Псковы.

Повторное освоение исследуемой территории начинается в конце XIV – начале XV в. Его фиксируют 6 и 5 горизонты, представленные отло-

Рис. 7. Варлаамовский II раскоп. Стратиграфическая ситуация на участке примыкания раскопа к внутреннему фасаду крепостной стены. Вид с СВ

жениями темно-серого и светло-серого супесчаного слоя, мощностью до 0,4 м. Характер начального этапа повторного освоения на данном участке остается непонятным. Вместе с тем в составе темно-серого слоя 5-го горизонта, суммарно датированного в рамках первой половины XV в., на участке, приближенном к древнему оврагу, обнаружено большое количество железных шлаков.

Для первой половины – середины XV в. на исследуемой территории отмечаются следы, вероятно, общественной, строительной (хозяйственной?) деятельности, зафиксированные в материалах раскопок в виде слоев песка и щебня (горизонт 4), вытянутых полосой, имеющей ширину не менее 5 м (пересекается крепостной стеной), вдоль линии древнего оврага (рис. 6). Назначение этого горизонта достоверно не определяется. Учитывая чередование слоев песка и щебня, можно предположительно говорить об участке дорожного покрытия, проходящего вдоль оврага к дороге, открытой на Варлаамовском III раскопе. Этот горизонт перекрыт каменной стеной крепости.

Территория продолжает использоваться и после строительства здесь последней линии городских укреплений. Рубежом XV–XVI вв. датирована срубная клеть, вероятно, хозяйственного назначения, поставленная менее чем в 4-х метрах от крепостной стены. Постройка погибла в пожаре, слой которого лег на линзу строительства стены.

Отложения слоя XVI–XVII вв. в значительной степени нарушены, тем не менее в южной части раскопа они составляют основу культурного слоя. В их составе находится крупная подпечная яма, а также горизонты остатков деревянной застройки, пятна песка и связанные с ним скопления железных шлаков. Датируются в рамках середины – второй половины XVI в.

Одним из наиболее значимых результатов исследований является открытие во внутренней части крепости дерево-земляных укреплений (тарасов). Их песчаная насыпь прослеживается на высоту 0,9–1,1 м. Она вплотную примыкала к стене крепости и проходила вдоль нее полосой, имеющей ширину около 6 м. Зафиксирована в раскопе на длину 16,5 м. С внешней стороны ограничивалась деревянными конструкциями продольного и поперечного направлений, сохранившимися в состоянии древесного тлена и представляющими, по всей видимости, сооружение из бревен в несколько венцов. На участке примыкания к стене крепости насыпь легла на строительную линзу ее ремонта, вероятно, проведенного после шведской осады города 1615 г. (рис. 7).

Присутствие в составе крепостных стен Пскова дополнительных дерево-земляных фортификаций убедительно показал А. Н. Кирпичников. В приведенном им сюжете «Записок о московской войне» Р. Гейденштейна 1584/1585 гг. сказано, что северная, *самая длинная стена крепости*, изнутри усилена деревянной, промежутки между двумя рядами бревен которой засыпан большим количеством земли (Кирпичников, 1994. С. 201). Не вызывает сомнения, что остатки подобных укреплений зафиксированы раскопками. Но возводятся они в более позднее время – после ремонта стены, связанного с ее разрушением шведской артиллерией во время осады города 1615 г. Это достоверно определяется на участке примыкания насыпи к стене крепости, где песок перекрыл строительную линзу ремонта, ниже которой он отсутствовал. Но на более отдаленных от стены участках нижняя часть песчаной насыпи выходила за пределы внешних деревянных ограждений, подстилая их, что может свидетельствовать о существовании земляных фортификаций в более раннее время и их повторном сооружении после ремонта крепостной стены. Косвенно это подтверждается стратиграфическими наблюдениями по составу песка насыпи, в нижней части которой находился песок более слабой гумусированности, а также керамическим набором из насыпи, который датируется временем середины – второй половины XVI в. Не позднее начала XVI в. определяется датировка культурного слоя, перекрытого тарасами (рис. 8).

В ходе раскопок исследовалась крепостная стена, ширина которой по лицевым кладкам составила 3,8 м. Горизонтальная расчистка ее поверхности показала, что внутри стены кладка отсутствует, а каменные конструкции более напоминают забутовку из лежащих бессистемно известняковых плит от 0,2 до 0,6 м в поперечнике, крупного щебня и валунных камней диаметром 0,4–0,7 м, сосредоточенных в центральной части стены. Камни находятся в составе сырой глины рыжевато-розоватого цвета, со слабым содержанием известкового раствора белого цвета.

По внутреннему фасаду высота сохранившейся части стены составляет 1,84 м (почти по всей высоте сохранилась лицевая кладка). В составе кладки хорошо выделяются 2 строительных периода. В основании стены находится строительная

линза из сырой глины рыжевато-белого цвета с включениями известкового раствора белого цвета, мощностью до 0,15 м и шириной до 0,45 м. Первоначальная кладка (начало 80-х гг. XV в.) сохранилась на высоту 0,4–0,6 м от ее основания – 4–6 рядов плит, поставленных на слой песка, отмечающего строительную деятельность первой половины XV в. Сооружена преимущественно из небольших плит шириной 0,25–0,3 м и толщиной до 0,07 м, скрепленных сырой глиной рыжевато-белого цвета, со слабым содержанием известкового раствора белого цвета. Второй период отделяется линзой строительного мусора, образовавшегося в ходе ремонта (перестройки) стены после событий 1615 г. Толщина линзы до 0,35 м; она распространяется на длину до 1,2 м. В ее верхней части находится перемешанный со щебнем серый слой толщиной до 0,2 м, который подстилается щебнем, залегающим вперемешку с сырой глиной рыжего цвета и с включениями известкового раствора белого цвета. Кладка этого периода выложена преимущественно из крупных плит шириной 0,5–0,6 м и толщиной 0,15–0,2 м, уложенных с соблюдением горизонтальной порядовки на сырую глину рыжевато-белого цвета, со слабым содержанием известкового раствора белого цвета. В составе кладки лицевой поверхности присутствуют отдельные валунные камни 0,35–0,45 м в поперечнике.

С напольной стороны крепостная стена сохранилась на высоту до 2,65 м. В ее основании находился ряд крупных валунных камней 0,65–0,75 м в поперечнике и высотой около 0,4 м, образующих цоколь, выступающий на 0,2–0,25 м за плоскость стены. От уровня возведения стены, горизонт которого определяется строительной линзой, валуны на половину высоты углубляются в нижележащий слой. Следы фундаментной траншеи не выявлены. Внешние стороны валунов ровно сколоты. На их поверхность поставлена кладка стены, состоящая из крупных известняковых плит шириной 0,6–0,8 м и толщиной 0,15–0,2 м, скрепленных сырой глиной рыжевато-белого цвета, с известковым раствором белого цвета. С внешней стороны выявлено основание линзы ремонта стены, представленной слоем известкового раствора белого цвета, мощностью до 0,15 м и шириной до 1,6 м. Линза залегает на уровне 1–2 рядов кладки. При этом пространство между строительными линзами на участках примыкания к кладке составляет 0,05–0,1 м, что не исключает полную перестройку стены после 1615 г., что, в свою очередь, подтверждается использованием в этот строительный период крупных известняковых плит. Лицевая кладка от основания сохранилась на высоту 0,75–1 м, выше которой кладка отсутствует вовсе, и внешняя плоскость стены состоит из рыжей глины вперемешку со щебнем. С этого уровня ее укреплял крупный валунный камень размерами 1×0,78×0,35–0,4 м, поставленный на ребро. Не исключено, что отсутствие кладки на верхнем уровне стены и появление валунного камня связано с реставрационной деятельностью XX в. Однако профиль северо-восточного борта раскопа в месте его пересечения стены не фиксирует наличие реставрационной траншеи (рис. 9).

С напольной стороны крепости обнаружен фундамент неизвестной постройки, проходящий вдоль стены на расстоянии 2,4–2,2 м от нее (рис. 9, 10). Конструкции в нижней части фундамента представлены нерегулярной и бессистемной кладкой известняковых плит с отдельными валунными камнями, лежащими в составе слоя темно-серого цвета. Высота фундамента достигает

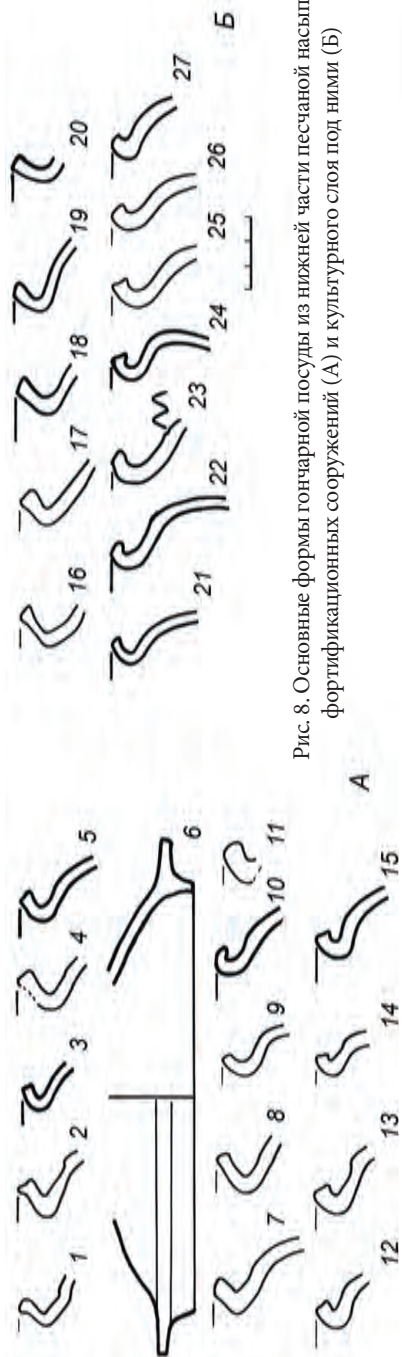

Рис. 8. Основные формы гончарной посуды из нижней части песчаной насыпи фортификационных сооружений (А) и культурного слоя под ними (Б)

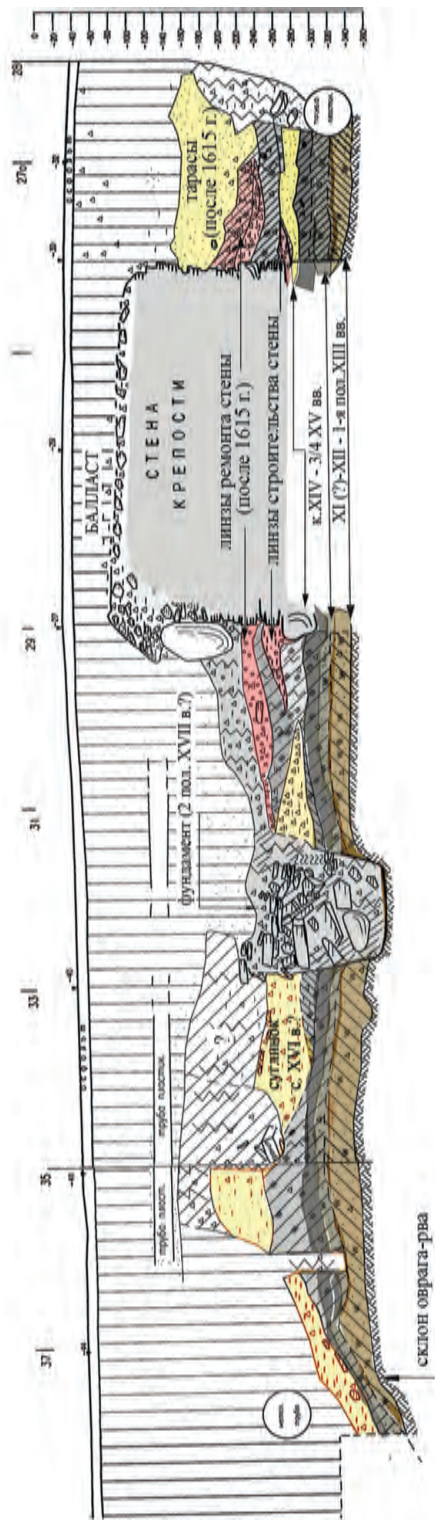

Рис. 9. Стратиграфическая ситуация на участке пересечения раскопом крепостной стены (профиль с северо-восточной стенки раскопа)

Рис. 10. Фундаментные конструкции перед стеной крепости.
Вид с ЮВ сверху на уровне расчистки материка

1,3 м, ширина 1,2 м. К рассмотрению предлагаются версии о связи фундамента с каменной часовней Скорбящей Богоматери, изображенной на фотографиях XIX в., с конструкциями переезда через ров, известный по планам города 1774 и 1778 гг., или же с захабной стеной (?) Варлаамовских ворот. Датировка постройки определяется временем не ранее второй половины XVII в.

Ширина площадки между стеной крепости и краем древнего оврага (бермы) составляет 8,3 м. Установлено, что средневековые слои опускаются по естественному склону оврага, позже включенному в систему крепостных фортификаций в качестве крепостного рва, и не отмечают следов каких-либо технических подработок его краев в период строительства каменных укреплений.

При раскопках обнаружено 39 индивидуальных находок, датированных в рамках XII–XVIII вв. и относящихся к предметам быта, ремеслу и торговли, промыслам, деталям одежды и украшениям, изготовленных из железа, цветного металла, кости, глины и камня. Незначительное количество вещевых находок более характеризуют исследованную территорию как зону хозяйственных интересов, хотя незначительная площадь исследований не дает оснований утверждать это однозначно.

Варлаамовский III раскоп. Располагался с напольной стороны укреплений перед крепостным рвом напротив прясла городских стен от наугольной

Рис. 11. Варлаамовский III раскоп. Участок дороги при переправе через овраг. Вид с Ю

Варлаамской башни и одноименными воротами. В XVIII–XIX вв. эта территория входила в состав Варлаамовской слободы, показанной на планах города этого времени. Ближайшим историческим ориентиром служит не сохранившийся донныне мужской монастырь св. Лазаря, который впервые упоминается в 1480 г. в связи с событиями, связанными с очередной атакой немцев, когда их боевые шнеки, переправившись через р. Великую, пристали в логу между монастырями св. Лазаря и св. Спаса. Нахождение монастыря локализуется лишь условно. Известно, что стоял он недалеко от берега Великой вне крепостных стен в поле за Варлаамовскими воротами (Лабутина, 2011. С. 233). В настоящее время это зона городской застройки. Ранее археологические раскопки здесь не проводились.

По результатам работ первоначальное освоение исследуемой территории датируется в рамках XII – первой половины XIII в., что созвучно полученным данным на Варлаамовском II раскопе и фиксирует наиболее северную точку распространения культурного слоя псковского околгородского (?) поселения этого времени. Здесь следует отметить, что участки, на которых располагались Варлаамовские раскопы, в древности были разделены между собой глубоким оврагом, который во второй половине XV в. был использован при прокладке крепостного рва. Ширина оврага-рва по данным этих раскопов определяется в 13–14 м, при этом горизонт древней дневной поверхности противоположных склонов находится почти в одном уровне (гл. -360 см относительно общего

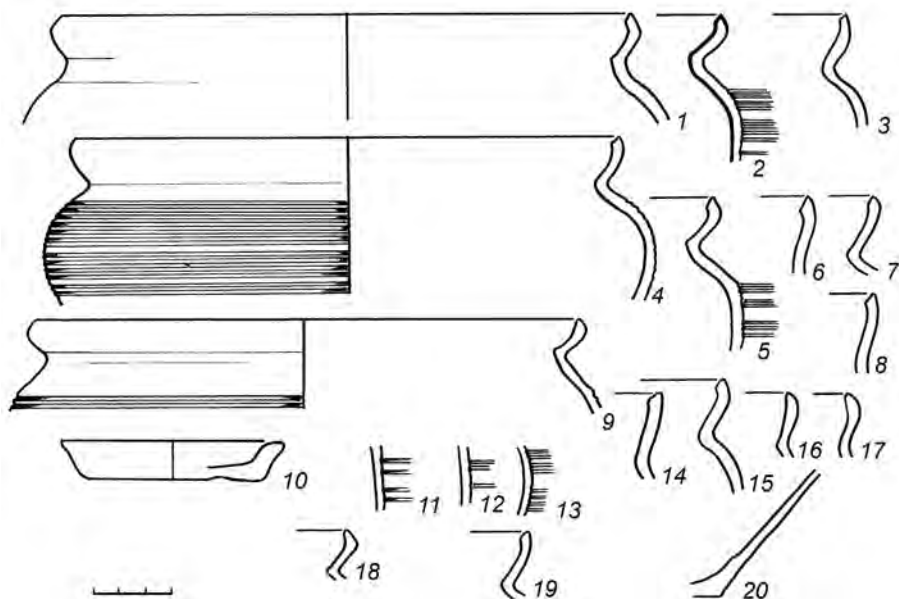

Рис. 12. Варлаамовский III раскоп. Основные формы гончарной керамики из заполнения подпечной ямы 1 и участка культурного слоя XII – первой половины XIII в.

репера у края оврага на Варлаамовском II и гл. -380 см у начала склона в северо-восточной части Варлаамовского III раскопов), что совершенно не соответствует данным визуального восприятия современного рельефа. Глубина оврага определена лишь для юго-западной части Варлаамовского III раскопа, где составляет около 1,5–1,7 м.

В материалах раскопа полностью отсутствуют находки, относящиеся ко второй половине XIII – третьей четверти XIV в., что указывает на хронологическую лакуну этого времени. Повторное освоение исследуемой территории, продолжавшееся на протяжении всего средневековья, вероятно, происходит в начале XV в. и фиксируется по находкам керамики.

Самым значительным результатом проведенных работ следует признать обнаружение углубленного в материк сооружения, которое, предположительно, определяется как участок трассы древней дороги при переправе через овраг и прорезавшей его склон на глубину до 1,5 м. Ее ширина в придонной части 5,4–5,6 м, в верхней – до 7 м. Подобным образом устроены многие переправы через реки в местах бродов у современных деревень и урочищ (рис. 11).

Время строительства дороги по материалам раскопок определенно не восстанавливается. Культурная стратиграфия почти полностью разрушена в ходе строительных работ и нивелировок территории XIX–XX вв. Вместе с тем ее появление возможно отнести к древнерусскому времени, когда происходит оформление основных городских магистралей, отмечающих пути в южном, западном и северо-восточном направлениях. Предполагается, что открытый

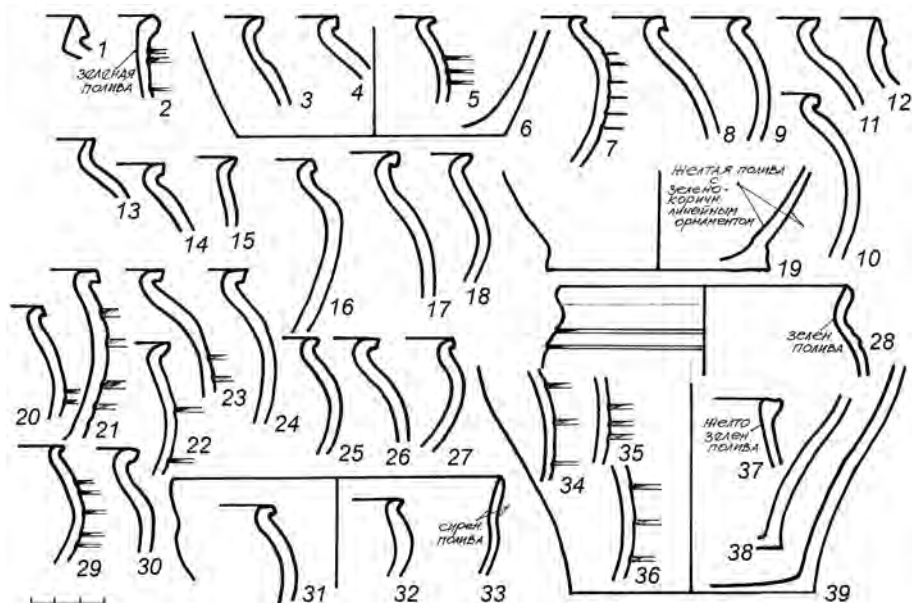

Рис. 13. Варлаамовский III раскоп. Основные формы гончарной керамики из нижней части заполнения проезда при переправе через овраг

в раскопках участок дороги маркирует северное направление, оформленное не позднее XII в., что подтверждается зафиксированными отложениями культурного слоя этого времени, в составе которых находится подпечная яма с большим количеством керамики, а также керамическим комплексом из слоя, находящегося в переотложенном состоянии (рис. 12). Учитывая факт присутствия одновременных отложений и на Варлаамовском II раскопе, здесь предполагается существование придорожного поселения, вливающегося в торгово-ремесленный посад города. Ширина проезда несколько превышает ширину дорожного полотна, зафиксированного в Никольском раскопе 1991 г. (5 м), которое, предположительно, соотносится с трассой древней Новгородской дороги XII в. (Степанов, Яковлева, 1994. С. 108, 109).

Более достоверно можно говорить о времени, когда дорога была засыпана. Это происходит в два этапа, первый из которых относится ко второй половине XVIII в. и определяется по керамическому набору из нижней части ее заполнения (рис. 13). Второй этап связан с нивелировками исследуемой территории и появлением здесь каменных зданий в XIX в. (в верхней части заполнения найдены монеты второй половины XIX в.). В ходе нивелировок до материка срезаются отложения культурного слоя более раннего времени, наиболее древние находки из которого оказываются в верхней части слоя, заполняющего сооружение.

Вместе с тем остается непонятной логика существующей дороги в системе каменных укреплений города. Она имеет поперечное относительно оврага-рва направление и трассируется на центральную часть прясли крепостной стены между наугольной Варлаамской башней и одноименными воротами. Более понятной

Рис. 14. Компьютерная модель архитектурно-археологических объектов в районе Варлаамовского угла Окольного города Пскова на основе спутниковых снимков Google: 1 – дерево-земляные укрепления (тарасы Варлаамовского II раскопа); 2 – фундамент неизвестной постройки (Варлаамовский II раскоп); 3 – участок дороги при переправе через овраг-ров (Варлаамовский III раскоп); 4 – участок оврага-рва; 5 – Варлаамовские ворота по обмерам Н. Лашурина 1740 г. (по публикации: Киричников, 1994. С. 209. Рис. 6); 6 – Варлаамская башня; 7 – ц. Варлаама Хутынского; 8 – стены Окольного города

она становится для предшествующего времени. Трасса дороги располагается на-против юго-западной оконечности Варлаамовского II раскопа, находящегося внутри крепости, где материк зафиксирован на глубине -425 см. Отметка дна оврага в его центральной части находится на гл. -662 см. Расстояние между точками 27 м. Расчетный угол подъема дороги около 5 градусов, что не могло создавать значительных затруднений при движении по ней. Также напомним, что в Варлаамовском II раскопе были обнаружены чередующиеся слои щебня и песка, проходящие вдоль линии оврага и датированные

Рис. 15. План города Пскова 1774 г. с изображением переправы через ров (деталь)

в рамках первой половины XV в., которые также могли относиться к дорожному покрытию. Продолжение дороги в сторону города отмечает средневековая улица Званица. После строительства крепостных стен ее окончание было перенаправлено на Варлаамовские ворота, хотя трасса на месте переправы через овраг-ров по-прежнему продолжает использоваться. Показательно, что сами Варлаамовские ворота, по обмерам Н. Лашурина 1740 г., имеют Г-образный проезд, направляющий движение вдоль внешней линии крепостной стены в сторону переправы, что позволяет предполагать и наличие рукавчатого захоба, но не фиксируется нашими раскопками, во всяком случае, для периода конца XV – начала XVII в. (рис. 14). Ширина площадки (бермы) между стеной крепости и краями оврага около 8 м. По современному рельефу она проходит с пологим понижением в том же направлении при перепаде высот до 1,5 м. Этой ширины вполне достаточно для обустройства здесь дороги, выходящей на переправу после строительства крепостных стен в конце XV в. и существовавшей до середины – третьей четверти XVIII в. До получения дополнительных данных это остается на уровне гипотетической реконструкции. Показательно, что впервые переправа через овраг-ров, расположенная к западу от Варлаамовских ворот (примерно, на месте находящегося с напольной стороны участка Варлаамовского II раскопа), отмечается на городском плане 1774 г. (рис. 15). И здесь нельзя не отметить факт совпадения времени появления первого изображения, вероятно, верховой переправы через ров со временем засыпки более древней, низовой дороги, которое фиксируется раскопками, что связывается с общими работами по перепланировке уличной сети города в последней четверти XVIII в.

Литература

- Белецкий С. В., 1993. Древний Псков по данным археологии // Древности Северо-Запада. СПб.
- Белецкий С. В., Мержанова К. А., 1988. Новые данные по археологии Запсковья (г. Псков) // АИППЗ. Тезисы докл. научно-практ. конф. Псков.
- Белецкий С. В., Мержанова К. А., 1989. Козмодемьянский раскоп // АИППЗ. Тезисы докл. научно-практ. конф. (1988 г.). Псков.
- Ершова Т. Е., Салмина Е. В., 1996. Козмодемьянские IX и X раскопы в г. Пскове // АИППЗ. Материалы семинара (1995 г.). Псков.
- Ершова Т. Е., 2007. Новые данные о раннем этапе заселения территории Запсковья по материалам раскопок 2000–2005 гг. // АИППЗ. Материалы ЛП заседания (2006 г.). Псков.
- Кирпичников А. Н., 1994. Оборона Пскова в 1581–1582 годах и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // АИП. Вып. 2. Псков.
- Лабутина И. К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.
- Салмина Е. В., 2007. Работы на Богоявленских XXXI и XXXIV раскопах в 2004–2005 годах // АИППЗ. Материалы ЛП заседания (2006 г.). Псков.
- Степанов С. В., Яковлева Е. А., 1994. Раскопки на ул. Некрасова (Никольский раскоп) // АИП. Вып. 2. Псков.

С. А. Салмин, Л. В. Яворская

Раскоп Незнанова Горка-II в Пскове в 2013–2014 гг.

S. A. Salmin, L. V. Yavorskaja. The Neznanova Gorka-2 Excavation in 2013–2014 in Pskov

Abstract. The excavation inside the building of the “Police Headquarters, 1866” (Sovetskaya str., 21b), conducted in 2013–2014, is named after the historical toponym Neznanova Gorka. It was found that the area was inhabited not later than the 1st half of the 12th century, and that continuity in the city planning of the subsequent period was observed. In the end of the 13–14th centuries in the investigated area there operated a ground complex, which ceased to exist after the construction of the wall in 1374/1375. The edge of the ditch of the city wall of that time was revealed within the excavated area.

After the fortifications degradation in the late 17th century, the ditch in the area located near the Great Gates was blocked by an embankment, which included the log drainage for the ditch water outflow into the Velikaya river. To protect the buildings from stagnant and rotting water animal bones (mostly skull bones of cattle) were used as the animal bones (mostly skull bones of cattle) drainage bedding. A similar technique was already known by the excavations in the other parts of Pskov.

Ключевые слова: Псков, стена Среднего города, крепостной ров, кости животных, дренажный материал.

Keywords: Pskov, Sredny Gorod (Middle City) fortress wall, the moat, animal bones, and drainage bedding.

В 2013–2014 гг. в Пскове проводились охранные археологические раскопки по адресу: ул. Советская, д. 21б (рис. 1 к статье М. И. Кулаковой в настоящем сборнике). Раскоп располагался фактически внутри (в подвале) объекта культурного наследия «Здание Полицейской Управы 1866 г.», южнее ц. св. Николы-со-Усохи, с внешней стороны оборонительной стены Среднего города. Площадь раскопа составила 104 м, мощность отложений около 1 м на основной площади и около 1,8 м в ямах. Основной задачей исследований 2013 г. являлась подготовка котлована для укрепления фундаментов исторического здания и создания подвального этажа для дальнейшего приспособления и использования памятника.

Название и номер (Незнанова Горка-II, НГ-II) были даны раскопу в продолжение предыдущему – по расположенному в 5,4 м к северо-востоку раскопу 2003 г. (НГ-I-2003, рук. Е. С. Зубкова (*Зубкова*, 2005)). Южный борт раскопа 2003 г. совпадал с внутренним фасом участка стены Среднего города

1374/1375 г. В северной части этого раскопа были выявлены остатки производственного комплекса второй половины XIV в., наиболее ранние напластования относились к периоду не позднее XIII в. Название раскопа 2004 г. было обусловлено предполагаемой близостью его к месту расположения Незнановой горки (летописное упоминание – 1399 (6907) г.). Однако соотнесение современной топографической ситуации с планом 1740 г. (Колосова, 2011. С. 43) и текстом «Описания Псковской крепости 1699 г. » (Описание..., 2010. С. 103.) позволяет с достаточной уверенностью определить, что оба раскопа (2004 и 2013 гг.) фактически располагались в непосредственной близости от «Великих, проезжих ворот в Среднем городе» и на значительном удалении от летописного костра «на Незнановой горке».

По сообщениям письменных источников, до постройки каменной стены по ее трассе проходила дубовая стена «мало выше мужа», вероятно, уничтоженная пожаром 1367 г. (ПСРЛ, 2003. С. 26). В целом территории, прилегающие к наружной стороне стены 1374/1375 г. были освоены не позднее XI–XII вв. Так, на раскопе Мстиславский II 2003, расположенном в 170 м к юго-западу от характеризуемого раскопа, были выявлены следы раннего освоения территории, в том числе погребение с инвентарем XI в. и разрозненные находки этого времени (Салмина, 2006, С. 25–32).

Прясло в районе между Великими воротами и «Круглой» башней, согласно «Описанию Псковской крепости 1699 г. », на момент составления документа представляло собой осыпь каменной стены и восстановлению не подлежало. В период губернского Пскова часть стены сохранялась на уровне выше дневной поверхности, что частично определяло градостроительную ситуацию, создавая одну из осей застройки городского района. На плане 1740 г. отчетливо виден разрыв рва от Великих ворот в Среднем городе почти до середины прясла между Никольской и Мстиславской башнями.

Исходя из того, что раскоп НГ-II находился на расстоянии 3–5 м от внешнего фаса стены 1374/1375 г., до начала работ предполагалось, что основная часть его площади окажется занята вспомогательными фортификационными сооружениями стены (бермой (перилой) и рвом), уничтожившими отложения, сформировавшиеся ранее XIV в., а основная пачка отложений будет относиться к периоду XVI–XIX вв.

Однако результаты показали несколько иную картину. Начиная с уровня 8-го¹ пласта в южной части раскопа стала выявляться северная граница траншеи дренажа, ориентированной по оси СВ – ЮЗ, занимавшей примерно треть общей площади раскопа. Основная площадь раскопа оказалась занятой мощными отложениями, представлявшими собой остатки железообрабатывающего производственного комплекса (рис. 1; 3; 4). Единство планировки

¹ Раскопки велись по пластам по 20 см. В качестве репера был выбран люк канализации возле здания исторической Полицейской управы (Советская, 216), отметка 43,82 в Балтийской системе высот. Эта отметка оказалась идентична нижней отметке разобранного бетонного пола XX в. внутри здания, что и сделало этот репер максимально удобным «нулем» для раскопа. Таким образом, указание на «8-й пласт» обозначает интервал -140/-160 см от уровня современной дневной поверхности и т. д.

Рис. 1. Производственный комплекс XIII–XIV вв. и дренажные конструкции середины XVIII в. (на заднем плане) Вид с севера

Рис. 2. Дренажные сооружения XVIII в. в теле «пересыпи»

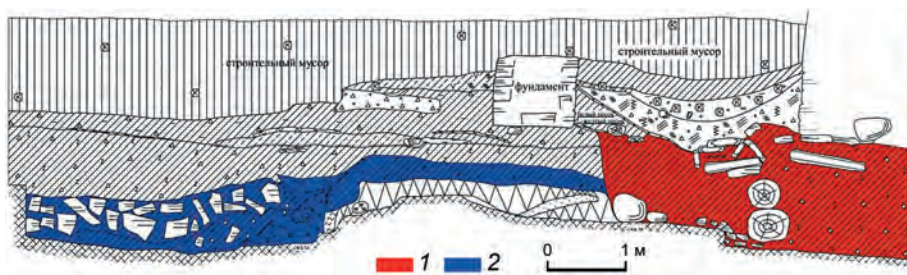

Рис. 3. Центральная бровка раскопа: 1 – котлован сооружения, связанного с производственным комплексом; 2 – траншея дренажа

(ориентация остатков печи) и одновременность керамического материала позволяют связать этот комплекс с производственными сооружениями, открытыми в раскопе 2003 г., и рассматривать его как некоторое единое целое с ними. Датировка существования этого значительного комплекса – XIII – первая половина XIV в. Мощность массива отложений до 0,45–0,5 м.

Вероятно, с периодом обустройства территории при сооружении этого комплекса связано устройство заглубленного в землю сооружения, вошедшего в раскоп не полностью, ориентированного параллельно трассе будущей стены и южной (дренажной) траншее. Здесь материковый песок был выбран до скалы на глубину около полуметра, затем котлован углублялся в материковую скалу примерно еще на 15–30 см. Керамические материалы позволяют

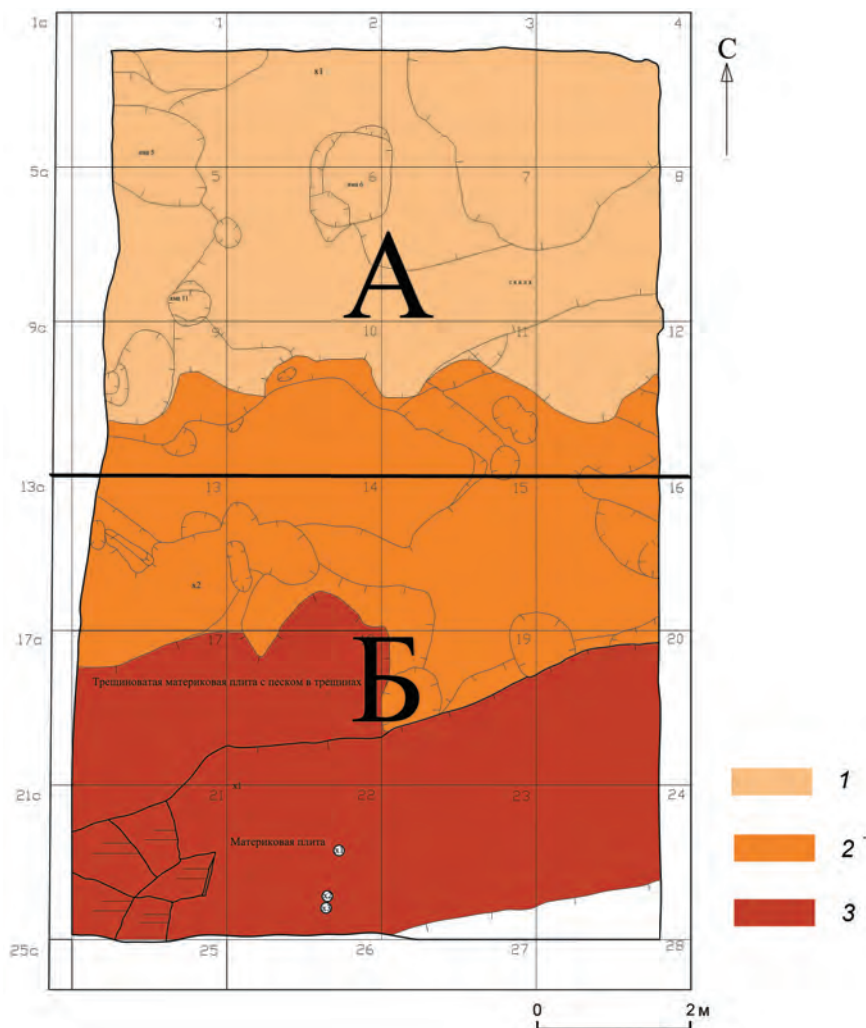

Рис. 4. Схема котлованов сооружений, заглубленных в материковые отложения:

- 1 – котлован постройки, связанной с производственным комплексом;
2 – останец материкового песка; 3 – траншея сооружений в составе «пересыпи»

датировать засыпку траншеи периодом не позднее первой половины XIII в., при этом многочисленные фрагменты более ранних форм венчиков сосудов, обнаруженные в заполнении, указывают, что на этой территории существовали и отложения XII в., разрушенные при устройстве характеризуемого сооружения. По южному краю котлована проходил двойной частокольный ряд, вероятно, маркировавший границу земельного участка в период, предшествующий устройству производственного комплекса. Южнее котлована сохранились другие отрезки частокольных линий, датирующиеся концом XII – началом XIII в. Выявлен проулок шириной около 70 см.

Рис. 5. Кольцо височное браслетообразное
бронзовое. НГ-II- 13, № 73

Сделанные при исследовании наблюдения позволяют предположить, что в XII в., доустройства на этой территории металлообрабатывающего комплекса, участок развивался согласно закономерностям развития городской территории, о чем свидетельствует преобладание ориентации между границами дворовых участков охарактеризованного раннего этапа и возникшими немного позже постройками (жилимыми и хозяйственными) XIII–XIV вв. (заметное изменение планировки произошло только в период вторичного освоения предстенья в XVI в.). В пользу того, что это были именно дворовые участки, свидетельствует отсутствие сле-

дов распашки на материке и сравнительно высокое содержание в грунте крупных фрагментов керамики, датируемых рубежом XII–XIII вв. На уровне материка выявлено нарушенное частокольной канавкой XII–XIII вв. скопление кальцинированных костей крупного животного и черешковый железный наконечник стрелы, подвергшийся прокаливанию.

Важным представляется подчеркнуть отсутствие в пределах исследованного участка каких-либо сооружений (в частности, конструкций рва), связанных с оборонительной системой Среднего города, в непосредственной близости к внешнему фасу стены, открытой в раскопе 2004 г. Отметим также и большую ширину периболы (около 8–10 м).

Коллекция индивидуальных находок многообразна и отражает различные стороны жизнедеятельности горожан. Это изделия из металла, кожи, кости, дерева и керамики, в числе которых фрагменты обуви, предметы быта, инструменты (ножи, иглы, сверла и др.), строительная керамика, игрушки. Наибольший интерес представляют собой височное браслетообразное бронзовое кольцо (рис. 5), черешковый железный наконечник стрелы, часть сланцевой литейной формы для отливки ажурных пустотелых пуговиц (рис. 6).

Важным исследованным на раскопе объектом оказался комплекс мощных дренажных сооружений (рис. 2; 3; 4), предположительно созданных в период XVII – первой половины XVIII в., связанных с отраженной на плане 1740 г. «пересыпью» городского рва в районе Великих ворот Среднего города (последнее, в свою очередь, позволило уточнить расположение указанных ворот и трассировку Великой улицы относительно современной градостроительной ситуации). Наличие нескольких ярусов застройки позволило проследить

устойчивость трассы Великой улицы на протяжении длительного времени – с XIII – по начало XIX в. – и изменение ее только во второй половине XIX в.

Вероятно, в период после составления «Описания Псковской крепости 1699 г.», выявившего значительную степень деградации внутреннего кольца городских укреплений, деятельность городских властей оказалась направлена на интеграцию остатков крепостных сооружений в состав городской территории. В этот период и происходит сооружение «пересыпи» у Великих ворот, потребовавшее

устройства гидротехнических сооружений в русле городского рва (речки Зрочки). Для защиты этих сооружений от застоя и загнивания воды, как показали наши раскопки, в качестве дренирующей подсыпки были использованы кости животных (в основном черепные кости крупного рогатого скота), что уже отмечалось для других районов города.

Рис. 6. Литейная форма для отливки ажурных пустотелых пуговиц сланцевая, фрагмент.
НГ-II-13, № 76

* * *

Имеющийся опыт археологических и археозоологических работ в Пскове показал эффективность использования методической схемы, разработанной в Институте археологии РАН (Антипина, 2004), поскольку она позволяет выяснять особенности заполнения костями животных культурных слоев даже на локальных участках городской территории. Костные остатки животных из раскопа Незнанова горка-II были сгруппированы для археозоологического исследования в соответствии со стратиграфией и археологическим контекстом, полученным на раскопе по двум участкам «А» и «Б».

На участке Б на уровне пластов 10–13 были обнаружены остатки деревянной конструкции – дренажа, слой вокруг которого был укреплен плотным заполнением из костных остатков животных. Это заполнение в некоторой своей части попало и на участок А, но в значительно меньшей степени. Группировка костных остатков для исследования производилась по принципу близости-удаленности соответствующих пластов от уровня залегания этой деревянной конструкции.

Общее количество костных фрагментов в коллекции составляет 18205. Доля фрагментов костей млекопитающих, определимых до вида, варьирует в разных выборках от 75 до 99% (табл. 1). Следует отметить, что доля определенных фрагментов от 70 до 90% является обычной для древнерусских городов

Таблица 1

**Общие сведения о коллекции костных остатков
из раскопа Незнанова горка-II-2013/14 гг.**

Пласты, объекты	Всего фрагментов (шт.)	Кости млекопитающих (шт.)			Костей птиц (шт.)	Доля определяемых до класса (%)	Объем (куб.дм)	ИР*
		Определимые	Неопределимые					
			крупных	средних				
Участок А								
Пласт 6	252	220	23	3	6	89,7	10	25,2
Пласт 7	338	283	52	2	1	84	15	22,5
Пласты 8-9	362	327	29	6		90,3	15	24,1
Пласты 10-12	251	232	15	4		92,4	11	22,8
Пласты 13-14	136	126	8	2		92,6	12	11,3
Всего/среднее	1339	1188	127	17	7	89,8	63	21,2
Участок Б								
Пласт 6	306	278	20	3	5	92,5	14	21,9
Пласт 7	544	504	36	4		92,6	27	20,1
Пласт 8	462	423	37	2		91,6	21	22
Пласт 9	948	918	29		1	96,9	79	12
Пласт 10	3544	3381	159		4	95,5	286	12,4
Пласт 11	5236	5193	43			99,2	469	11,2
Пласт 12	4916	4802	114			97,7	395	12,4
Пласты 13-14	880	864	16			98,2	79	11,1
Всего/среднее	16836	16363	454	9	10	95,5	1370	15,3
Ямы, скопления								
Яма 1	4	3	1			75	0,2	20
Яма 2	1	1				100	0,04	25
Яма 5	2	2				100	0,08	25
Яма 6	18	15	3			83,3	0,7	25,7
Яма 7	1	1				100	0,07	14,3
Уч А пл.10 кв.6 пятно камней	4	4			4	100	0,2	20
ВСЕГО	18205	17573	585	26	21		1434,29	

*ИР – индекс раздробленности (см. в тексте ниже)

с хорошей сохранностью предметов и органических остатков в культурном слое. Однако определяемость на уровне 91–99% для Пскова встречалась исключительно в специфичном заполнении «костных вымоستков» раскопа Лужский-II 2011 г. (Яворская, 2014). Отметим, что по этому показателю для характеризуемого раскопа различается заполнение участков А и Б. Если на участке А завышенная определяемость встречается лишь ниже 8–9 пластов, то на участке Б она неизменно высока во всех пластах (табл. 1). Определяемость в заполнении ям оставим без обсуждения, поскольку эти выборки весьма невелики.

Естественная сохранность фрагментов преимущественно «хорошая» по 5-балльной шкале, то есть удовлетворяющая задачам данного археозоологического исследования. Хорошо фиксируются все следы искусственного воздействия на кости. Эти следы обычны для древнерусского города: следы зубов собак, воздействия огня, золы, а также следы кухонной разделки – порубы и подрубы костей, кухонное дробление.

Индекс раздробленности (ИР, табл. 1) варьирует и в культурных напластованиях данного раскопа не только по пластам, но и по участкам. Для участка А показатели обычны для средневековых городов – 22–25 обломков могли бы

заполнить объем в 1 куб. дм (табл. 1). Подобная раздробленность укладывается в пределы обычной «кухонной» (Антипина, Моралес, 2006) и соответствует обычному заполнению культурных слоев средневекового Пскова. Лишь слабо заполненные культурные напластования предматериковых пластов 13 и 14 содержат некоторое количество целых костей (от одной особи лошади), и потому показатель там низкий (11,3 фрагмента в 1 куб. дм). В то же время на участке Б раздробленность различается в разных пластах: в верхних (6–8) она близка к обычной (20–22 фрагмента в 1 куб. дм), а начиная с 9 пласта и до материка раздробленность крайне низкая – 11–12 фрагментов в 1 куб. дм (табл. 1). То есть, начиная с пласта 9 и ниже, заполнение культурных напластований участка Б костями животных существенно отличается от обычного заполнения. Еще один показатель – объем костных фрагментов, обычно вспомогательный, в данном случае маркирует ту же специфичную ситуацию – начиная с 10 пласта объемы вынутых из грунта костей увеличиваются в 3–10 раз по сравнению с показателями по предыдущим пластам: 14–27 куб. дм в 6–8-м пластах, в 9-м – около 80 куб. дм, а начиная с 10-го пласта объемы становятся огромными – 286–469 куб. дм (табл. 1). Заполнение слоев участка А при этом довольно равномерно: 10–15 куб. дм в каждом пласте или в двух-трех соседних пластах. И еще одно отличие по участкам. На участке Б с 9-го пласта и ниже совершенно исчезают неопределимые фрагменты от средних млекопитающих. При этом они встречаются во всех напластованиях участка А и в верхних пластах (6–8) участка Б (табл. 1).

Таким образом, по самым основным параметрам заполнение костями животных пластов 9–14 участка Б существенно отличается от обычного очень низкой раздробленностью и огромными объемами костных фрагментов – по видимому, от крупных животных. Костные фрагменты, которыми заполнены культурные напластования данного участка города, принадлежат преимущественно млекопитающим. Костей птиц немного, 0,1% от всех остатков. Кости рыб отобраны для обработки специалистом-археоихтиологом, но известно, что их количество невелико, сравнимо с количеством костей птиц.

Следующий этап проведенного археозоологического исследования – анализ видового набора заполнения культурных напластований остатками млекопитающих.

Видовой набор млекопитающих обычен для средневекового городского памятника древней Руси, обычен и для Пскова, здесь представлены основные виды домашних и ряд диких животных. Соотношения между дикими и домашними млекопитающими непривычны для коллекции в целом: 99,96% – доля домашних и лишь 0,04% – диких (табл. 2). Для Пскова доля диких животных по отдельным раскопам бывает существенно выше, достигая 4% (Цалкин, 1956).

По пластам участка А остеологические спектры домашних животных совершенно обычны для древнерусского города: остатки крупного рогатого скота (КРС) составляют 75,5%, лошади – 10,7%, мелкого рогатого скота (МРС) – 5,9%, свиньи – 6,4% (табл. 2; Антипина, 2005). В верхних слоях участка Б картина уже иная – резко возрастает доля КРС (почти 90%), доли всех других мясных домашних животных снижаются: лошадь – 1,5%; МРС – 4,9%; свинья – 3,6% (табл. 2). То есть нижние пласты участка Б заполнены почти

Таблица 2

**Видовой состав определимых костных остатков млекопитающих
из раскопа Незнанова горка-II- 2013/14 гг.**

Пласты и объекты	домашние						дикие			ВСЕГО
	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Собака	Кошка	Лось	Олень северный	Лисица	
Участок А										
Пласт 6	188	2	12	16	1		1			
Пласт 7	215	37	11	16	4					
Пласты 8–9	256	34	20	16					1	
Пласты 10–12	175	10	19	17	10		1			
Пласты 13–14	62	44	8	11	1					
ВСЕГО по участку А	896	127	70	76	16		2		1	1187
% по участку А	75,5	10,7	5,9	6,4	1,3		0,2		0,1	100
Участок Б верхние пласты										
Пласт 6	252	5	12	9						
Пласт 7	450	7	22	18		5			2	
Пласт 8	372	6	25	16	4					
ВСЕГО по верхним пластам	1074	18	59	43	4	5			2	1205
% по верхним пластам	89,1	1,5	4,9	3,6	0,3	0,4			0,2	100
Участок Б нижние пласты										
Пласт 9	863	3	37	11	2	2				
Пласт 10	3239	5	94	30	4	9				
Пласт 11	5054	5	108	23	2				1	
Пласт 12	4650	3	131	17	1					
Пласты 13-14	823	1	32	7				1		
ВСЕГО по нижним пластам	14629	17	402	88	9	11		1	1	15158
% по нижним пластам	96,5	0,1	2,7	0,6	0,1	0,1		0,01	0,01	100
Ямы, скопления										
Яма 1	1	1		1						
Яма 2	1									
Яма 5	2									
Яма 6	7		6	2						
Яма 7	1									
ВСЕГО по коллекции	16611	163	537	210	29	16	2	1	4	17573
%	99,96						0,04			100

исключительно костями крупного рогатого скота, доля которого в исследуемой выборке достигает 96,5%.

Рассмотрим анатомический набор остатков самого многочисленного вида для данного раскопа – крупного рогатого скота – по участкам (диаграмма 1).

Анатомический набор КРС из заполнения пластов 6 и 7 полностью соответствует обычному «кухонному» набору (график «кухонные» по: *Антипина, Моралес, 2006*). Для пластов 8–14 сильно «завышены» показатели анатомического набора головы, то есть доля костей черепа (сюда отнесены рога, кости черепа и верхней челюсти), нижней челюсти, а также зубов, существенно выше

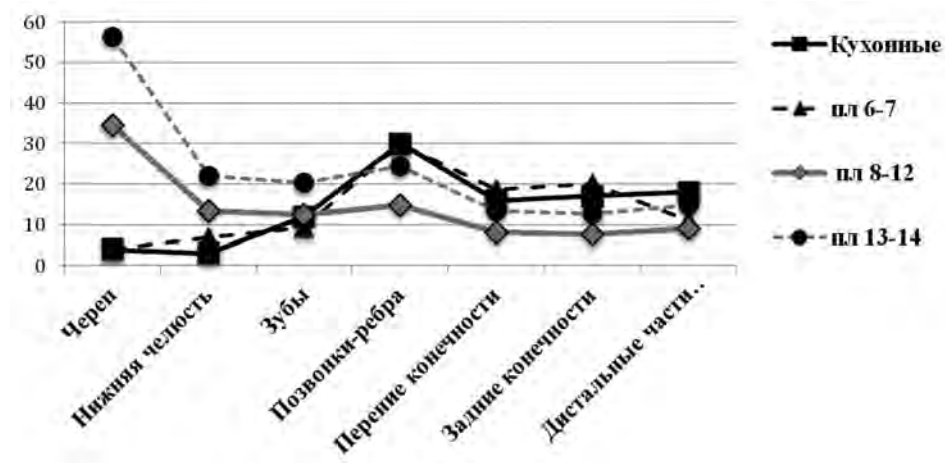

Диаграмма 1. Анатомический набор остатков КРС участка А раскопа Незнанова горка-II-2013\14 гг.

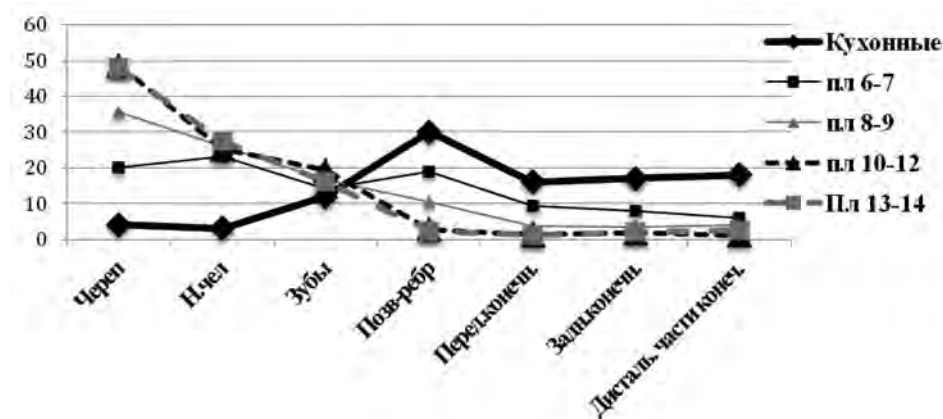

Диаграмма 2. Анатомический набор остатков КРС участка Б раскопа Незнанова горка-II-2013\14 гг.

обычных для кухонных остатков. Доли остальных частей скелета КРС несколько ниже обычных для кухонных остатков (диаграмма 2).

Для культурных напластований участка Б анатомический набор КРС существенно отличается от «кухонного» анатомического набора. Во всех пластах резко завышена доля костей головы КРС и занижена доля остальных частей скелета. Верхние пласты (6–7) немного приближаются к «стандарту», но показатели костей головы все же высоки.

Участок Б ниже пласта 10 и до материка плотно заполнен большим количеством костных остатков коровьих голов. Пласты 8 и 9 заполнены ими уже менее плотно; в пласты 6 и 7 остатки голов, скорее всего, переместились

из нижележащих слоев в процессе последующей эксплуатации данного участка. На участок А это специфичное заполнение тоже попало, но в значительно меньшем количестве и преимущественно на уровень нижних пластов (8–14), то есть в те же, что на участке Б. Заполнение верхних (6 и 7) пластов участка А характеризует обычное бытовое «кухонное» накопление костей в культурном слое: здесь все виды домашних мясных животных представлены в обычных для позднесредневекового Пскова пропорциях, анатомический набор КРС составляют «кухонные отходы».

Заполнение участков А и Б костями животных имеет как сходства, так и отличия в слоях с разным археологическим контекстом.

На участке А в нижних пластах 13 и 14, когда происходит освоение данного участка города первыми поселенцами, накопление костных остатков невелико – всего 136 фрагментов, объем которых составляет 12 куб. дм (табл. 1). В этом заполнении много целых костей лошади, а также есть фрагменты коровьих голов из специфического заполнения, выявленного преимущественно на участке Б. Индекс раздробленности в этих напластованиях 11,3 фрагмента в 1 куб. дм. Остатки коровьих голов представлены крупными фрагментами, именно поэтому в слоях, ими наполненных, раздробленность существенно ниже, чем в обычных «кухонных» накоплениях. В пластах 10–12, также контекстно связанных с периодом освоения территории под жилую застройку, интенсивность заполнения костями животных возрастает – на 2 пласта участка А приходится почти вдвое больше костных фрагментов, чем в пластах 13–14. Индекс раздробленности максимально приближен к обычному, свойственному для «кухонных» остатков – 22,8 фрагмента, объем остается примерно тем же – 11 куб. дм. Некоторое повышение интенсивности накопления костей можно связать с тем, что период первопоселения сменился периодом обычной бытовой жизни, и количество костей, попадающих в культурный слой, увеличилось, как и их раздробленность. Пласты 8 и 9 на данном участке соответствуют не жилой застройке, а функционированию производственного комплекса XIII–XIV вв. Однако накопление «кухонных» остатков в нем происходило почти как прежде – 15 куб. дм на 2 пласта, индекс раздробленности – 24,1 фр. (табл. 1). Заполнение пласта 7 соответствует новому этапу в истории данного участка – началу жилой застройки XVIII в. на слое засыпки рва. Объем – 15 куб. дм и индекс раздробленности 22,5 фр. – вполне соответствуют жилой застройке (табл. 1). В следующем хронологическом диапазоне, соответствующем заполнению пласта 6, на данной территории изменяется характер застройки. Ранний этап функционирования губернского города характеризуется некоторым снижением объемов накопления костных остатков до 10 куб. дм на 1 пласт (табл. 1), индекс раздробленности не изменяется и по-прежнему соответствует обычному «кухонному» накоплению.

Для участка Б ситуация с заполнением костями животных выглядит несколько иначе. Древнейшие отложения, связанные с периодом освоения участка, здесь отсутствуют.

Инженерные мероприятия по засыпке участка рва в XVIII в. включали в себя отвод вод речки Зрочки, текущей по древнему рву. Для устройства деревянного дренажа культурный слой был вынут до уровня материка-скалы, канал

был также несколько заглублен в материк. Связанные с этим сооружением слои 9–13 пластов характеризуются большими объемами накоплений костных остатков, достигающих до 5 тысяч фрагментов на 1 пласт, и очень низкими индексами раздробленности – 11–12 фрагментов в 1 куб. дм (табл. 1). Как уже отмечалось, это заполнение состояло преимущественно из фрагментов коровьих голов.

Заполнение пласта 8 участка Б характеризуется нормальным накоплением костных фрагментов для времени функционирования производственного комплекса XIII–XIV вв., практически таким же, как на участке А, хотя соседствующая забутовка фрагментами коровьих голов несколько увеличила объем накопления (21 куб. дм), индекс раздробленности обычен (табл. 1). Заполнение пласта 7 – начала жилой застройки на пересыпи рва – вполне соответствует заполнению того же культурного слоя на участке А: объемы этого заполнения выше, чем последующего и предыдущего (27 куб. дм), индекс раздробленности соответствует «кухонным» остаткам (20 фрагментов в 1 куб. дм.). В пласте 6 – раннем периоде истории губернского города, как и на участке А, накопление костей несколько снижается, индекс раздробленности сохраняется прежним (табл. 1).

Итак, заполнение костями непотревоженных устройств дренажа культурных напластований на обоих участках оказалось сходным – «кухонные» остатки накапливались с разной степенью интенсивности, в соответствии с контекстом функционирования данного участка города в различные хронологические периоды.

* * *

Ситуация заполнения культурных напластований многочисленными остатками коровьих голов уже была зафиксирована в Пскове на раскопе Лужский-II (2011 г.), где они служили забутовкой, при помощи которой сглаживались неровности рельефа, уничтожая топкие места, благоустраивая территорию Нового Торга (*Яворская*, 2014). Сверху этой забутовки укладывали деревянные мостовые, выстраивали другие сооружения рынка (*Салмина и др.*, 2016. С. 58). Такой подстилающий слой хорошо предохранял деревянные конструкции от гниения, пропуская воду в нижележащие слои.

Отметим, что вываренные челюстные кости в качестве дренирующего материала обладают двумя преимуществами по сравнению с местным известняковым щебнем – они не подвержены размыванию в результате воздействия грунтовых вод, а также – благодаря своей форме – при утрамбовке образуют массив, в котором промежутки между объемными костями образуют значительное количество дренирующих каналов.

Отметим, что специфические «костные» заполнения зафиксированы в культурных напластованиях Пскова исключительно в период позднего средневековья–Нового времени – в XVI–XVIII вв., как правило, в местах общественного назначения, благоустройство которых значимо для города. Само накопление крупных партий костных остатков коровьих голов также было возможно только при наличии крупных производств сельскохозяйственной продукции и возможностей ее сбыта – обширных мясных рядов.

Литература

- Антипина Е. Е., 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования.
- Антипина Е. Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.
- Антипина Е. Е., Моралес А., 2006. Археозоологический подход к изучению устройства общества: Кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. Новосибирск. № 3 (27).
- Зубкова Е. С., 2005. Отчет об археологических исследованиях в г. Пскове на ул. Советской, д. 216 (раскоп у Незнановой горки). Архив АЦПО.
- Колосова И. О., 2011. Историческая топография и топонимика: к изучению ранней топонимии Пскова // Древности Пскова. Вып. 2, Псков.
- Описание Псковской крепости 1699 г. // Псков – город воинской славы. Псков. 2010. ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. М. 2003.
- Салмина Е. В., 2006. Мстиславский раскоп 2003 года в Пскове // АИППЗ. Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова. Псков.
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2016. Археологическое исследование Нового Торга в Пскове // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVII вв.: материалы научной конференции. М.; Вологда.
- Цалкин В. И., 1956. Материалы по истории скотоводства и охоты в древней Руси // МИА, № 51, М. С. 7–185.
- Яворская Л. В., 2014. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский-II в Пскове // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.). М: ИА РАН; СПб: Нестор-История. С. 42–55.

Ю. В. Колтакова

Итоги изучения элементного состава нательных крестов с надписями из позднесредневековых погребений в Пскове и Изборске¹

Yu. V. Koltakova. The Results of the Body Crosses with Inscriptions from Late Medieval Burials in Pskov and Izborsk Element Composition Study

Abstract. The suspensions alloy composition special studies contribute to the expansion of scientific knowledge about the corpus of body crosses with the image of Calvary and inscriptions. The article presents results of determination and analysis of the 79 items from the archaeological funds of the Pskov Museum Reserve, selected on the basis of typological features from the whole amount of findings. The non-destructive method of x-ray fluorescence analysis (XRF) was used for the objects element composition determination. The measurements were carried out on the MIPT equipment.

The research revealed 10 different alloys, with two of them: lead-tin and lead brass prevailing. Even a relatively small amount of measurements demonstrates that the nomenclature of the alloys formulae of the 15–18th centuries is quite different from the results of the early metallurgy study. Further accumulation of the data for the later alloys is obvious.

Ключевые слова: христианская археология, Псковская земля, христианство, нательные кресты, предметы личного благочестия, культовая металлопластика, определение элементного состава, рентгенофлуоресцентный анализ.

Keywords: Christian archaeology, Pskov land, Christianity, body crosses, objects of private devotion, cult casting, multi-elemental analysis of alloys, X-ray fluorescence analysis.

Для комплексного датирования христианской металлопластики с надписями из археологических коллекций важно использование всех современных возможностей методов археологии, вспомогательных исторических дисциплин, точных и естественных наук. В рамках проекта РГНФ было продолжено исследование элементного состава нательных крестов с надписями с целью систематизация однородных в иконографическом плане нательных крестов, выяснения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Комплексное датирование псковской средневековой культовой металлопластики с надписями», № 14–11–60002 а (р).

датирующего потенциала определения состава сплавов и поиска пути выявления литейных серий и производственных центров крестечного дела.

На первом этапе исследования, итоги которого были изложены на семинаре им. академика В. В. Седова в 2014 г., был осуществлен отбор 76 вещей по типологическому принципу вне зависимости от их происхождения: из археологических раскопок или из подъемного материала (подробнее: *Колпакова*, 2015. С. 40–59). Базу исследования составили 43 восьмилопастных нательных креста разных разновидностей и размеров, 24 четырехлопастных креста с лопастями, слегка расширяющимися к концам (трапециекопечных, односторонних и двусторонних, в т.ч. с надписью по периметру), и прямоугольнокопечные четырехлопастные кресты с типом размещения надписей, сходным с трапециекопечными. Также изучались немногочисленные крупные прямоугольнокопечные кресты с устьицами (3 экз.) и трапециекопечные кресты с «лучами сияния» в средокрестии (2 экз.).

Для новых измерений, о которых пойдет речь в данной публикации, были отобраны материалы преимущественно из городских погребальных памятников.

Выборку составили кресты из погребений в церкви Козьмы и Дамиана (раскопки 2010 г.: КД–XI–2010), из кладбища у ц. Иоанна Златоуста (2002 г., раскоп у дома Масон: П–02–Мас), из захоронений на территории Мирожского монастыря (МИР–XVIII–2010), кладбища XVII в. у церкви Иоанна Милостивого (Петр VIII–2007), а также из раскопок в Изборской крепости, в основном у Никольского собора, в 2010–2012 гг. Было изучено и несколько уникальных изделий не из погребальных памятников.

Всего было исследовано 129 образцов, в том числе 100 из раскопок в г. Пскове.

Использовался переносной РФА-анализатор ХМЕТ – 5 100 Центра коллективного пользования научным оборудованием Московского физико-технологического института. Время накопления – 30 секунд.² С каждой вещи, в зависимости от ее размера, делалось 3–5 проб в точках по вертикальной оси от ушка до средокрестия и нижней лопасти. Всего было сделано 443 измерения.

Выявлено 15 видов и разновидностей сплавов, в том числе 2 на основе серебра, 8 на основе меди, 4 на основе свинца и олова и 1 на основе цинка (табл. 1).

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа сплавов псковских нательных крестов с надписями приведены в конце статьи в таблице 2, номера образцов даны по внутренней нумерации базы данных «Предметы христианского культа Псковской земли».

Как уже было выяснено, поздние сплавы отличаются от традиционного ассортимента составов X–XV вв. Сравнение структуры выборки с результатами исследования элементного состава новгородских крестов X–XV вв., проведенного А. А. Коноваловым (*Коновалов*, 2008. Рис. 26), показывает серьезное расхождение (рис. 1; 2). Налицо меньшая распространенность в поздний период

² Благодарим руководство Центра коллективного пользования научным оборудованием в области нанотехнологий Московского физико-технологического института и лично непосредственных исполнителей работ – заместителя декана ФФКЭ к.ф.-м.н. А. В. Заблоцкого за проведение измерений, сотрудника лаборатории Е. В. Коростылева за математическую обработку результатов измерений.

Таблица 1

Статистика измерений элементного состава нательных крестов

№	Сплав	Количество, ед.
1, 2	Ag+Cu (+/-Au, As, Pb) на основе Ag (Ag 90–99% и Ag 90%)	9
3	Cu+Ag+Zn+As+Pb на основе Cu	1
4	Cu+Zn	12
5	Cu+Zn+Pb (на основе Cu с преобладанием Zn)	32
	5а. Cu+Zn+Pb+Sb (на основе Cu с преобладанием Zn)	1
6	Cu+Zn+Sn+Pb	29
	6а. Cu+Zn+Pb+Sn+Sb с преобладанием Zn	4
7	Cu+Sn+Pb (на основе меди с преобладанием Sn)	4
	7а. Cu+Sn+Pb+Sb +/- As	4
8	Cu+Sn+Zn+Pb с преобладанием Sn	6
9	Cu+Pb+Sn+Zn с преобладанием Pb	1
	9а. Cu+Pb+Sn+Zn+Sb с преобладанием Pb	6
10	«Чистое» олово	1
11	Sn+Pb+Cu (на основе олова)	3
12	Чистый свинец	1
13	Pb+Sn+Cu (на основе Pb с преобладанием Sn)	2
14	Pb+Sn (на основе Pb)	2
15	Zn+Cu+Pb на основе Zn с преобладанием Cu	9

изделий из сырьевой меди, из оловянных и свинцовых бронз, из свинцово-оловянных сплавов, большая популярность латуней, появление новых сплавов на основе цинка. Вместе с тем наблюдается стабильно высокая встречаемость крестов из многокомпонентной латуни.

Сплавы на основе серебра (Ag + Cu (+/-Au, As, Pb) – 9 экз. (КД–XI–2010, П–02–Мас, Петр VIII–2007 и одна находка из раскопа на трассе Никольского захоба в Изборске, табл. 2, рис. 3) встречаются в двух вариантах по классификации Н. В. Ениосовой, Р. А. Митояна, Т. Г. Сарачевой (*Ениосова и др.*, 2008. С. 132. Табл. 2.11):

- высокопробное серебро двухкомпонентное (Ag от 90 до 99 %);
- один из вариантов многокомпонентного серебра с содержанием Ag 64 и 78 % в сплаве и добавлением 4 и 10 % золота соответственно. Сплав серебра с золотом и значительным (свыше 10 %) количеством меди выявлен дважды и только в находках из некрополя у ц. Иоанна Златоуста.

Кроме того, к той же группе многокомпонентных сплавов тяготеет один образец со сравнительно высоким содержанием серебра (34,3%) и меди (57%).

Как можно наблюдать на рис. 3,³ типологического единства среди находок из сплавов на основе серебра нет.

³ Здесь и далее: на иллюстрациях фотографии нательных крестов аннотированы номерами, соответствующими наименованиям образцов для измерений в таблице 2 и, соответственно, номерам находок в базе данных «Предметы христианского культа Псковской земли».

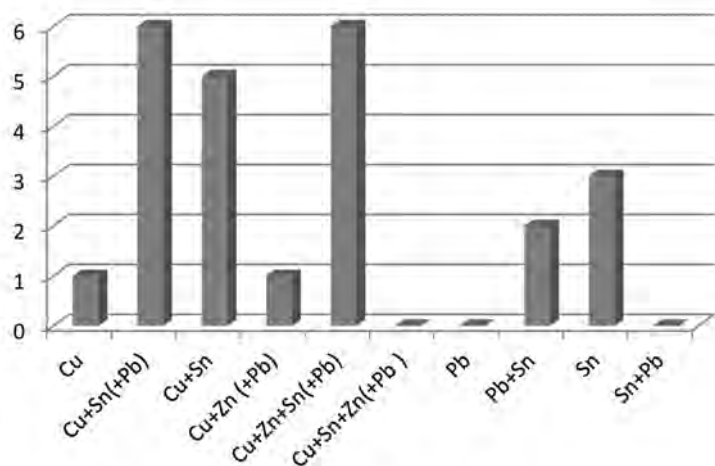

Рис. 1. Структура состава сплавов ювелирных изделий в Новгороде в период X–XV вв., по А. А. Коновалову (Коновалов, 2008. Рис. 26)

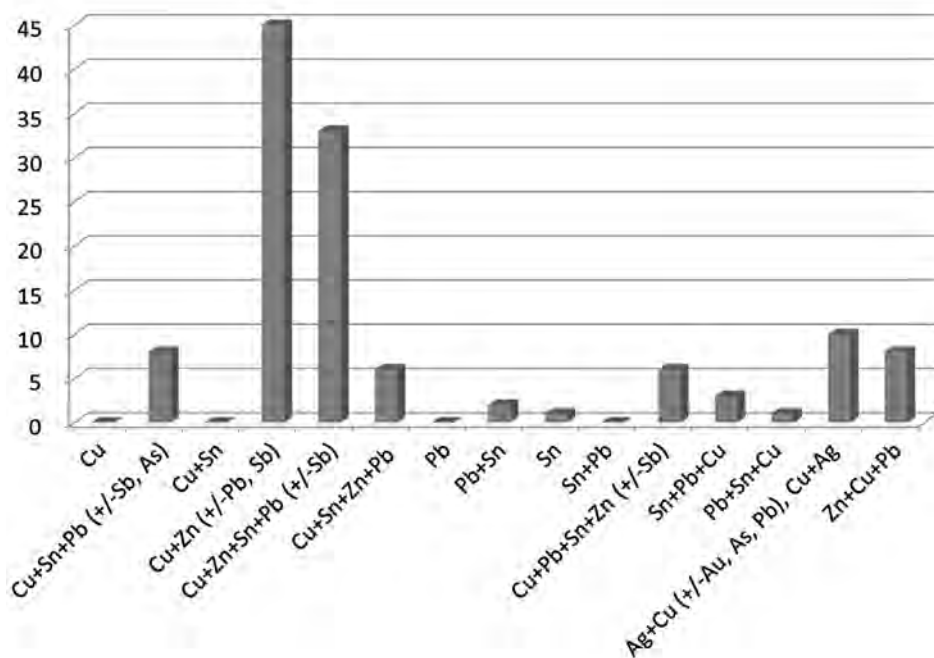

Рис. 2. Структура состава сплавов нательных крестов в Пскове и Старом Изборске в период XVI–XVIII вв.

Встречаются как восьмиконечные кресты, типологически тяготеющие к эпохе XV–XVI вв., но в данном случае обнаруженные в захоронениях XVII в. у ц. Иоанна Милостивого, так и наиболее поздние разновидности крестов с изображением Голгофы – кресты с «устыцами», «лучами сияния», фигурными

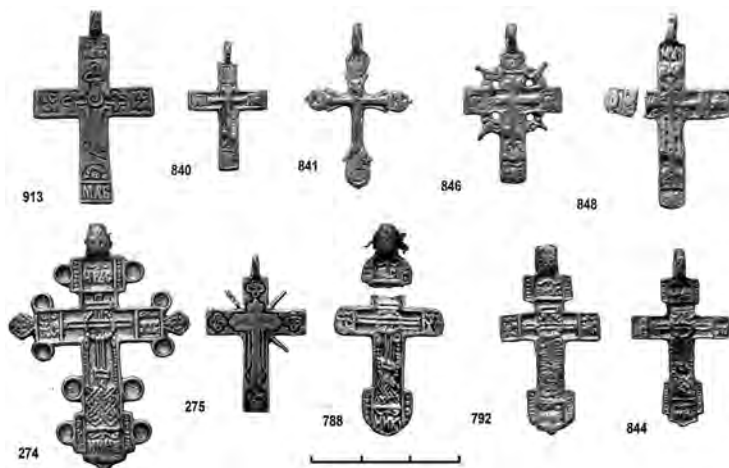

Рис. 3. Нательные кресты из сплавов на основе серебра или с существенным присутствием Ag

концами, «процветший» крест – вещи не ранее XVII в. Более других представлены восьмиконечные кресты с килевидной нижней лопастью, что согласуется и с их высокой степенью распространенности среди позднесредневековых меднолитых изделий.

Восьмиконечным является и крест, выполненный из сплава на основе меди с высоким содержанием серебра. Визуально оценивая цвет изделия, следует отметить, что подделка под «желтое» серебро мастеру, несомненно, удалась.

Сплавы на основе меди

Среди сплавов на основе меди выявлены как латуни, так и бронзы. Доминирующие сплавы – свинцовая латунь ($\text{Cu} + \text{Zn} + \text{Pb}$) и многокомпонентная латунь ($\text{Cu} + \text{Sn} + \text{Zn} + \text{Pb}$), во всех случаях с высоким содержанием цинка. Кроме того, выявлены и другие сплавы.

Двухкомпонентная латунь $\text{Cu} + \text{Zn}$, где доля цинка не превышает 30%, представлена 10 находками крестов и 2 находками пластинчатых предметов, ошибочно атрибутированных как фрагменты крестов (6 из найденных латунных крестов происходят с кладбища к югу от Никольского собора в Изборской крепости (Изборск, р-п 56, 2012), прочие – с территории у церкви Иоанна Милостивого, в т.ч. из слоя кладбища и из конкретных могил (Петровский VIII раскоп). Пластинки металла, предположительно, определяются как сырьевой материал для литейного дела.

Среди изделий из этого сплава преобладают трехлопастноконечные кресты с изображением Голгофы, трапиеконечные кресты с «устыцами» и без них с имитацией надписи по периметру (рис. 4).

Свинцовая латунь ($\text{Cu} + \text{Zn} + \text{Pb}$) – сплав на основе меди с преобладанием цинка – представлена в выборке 32 находками (в том числе из слоя кладбища или из конкретных погребений, раскрытых на Петровском VIII

Рис. 4. Нательные кресты и фрагменты изделий из латуни

раскопе в 2007 г. – 11 экз., из погребений, раскрытых раскопками у Дома Масон в 2002 г., – 4 экз., 8 экз. из раскопок в Старом Изборске). К этой же группе логично отнести и единственную находку креста из свинцовой латуни с добавлением сурьмы $\text{Cu} + \text{Zn} + \text{Pb} + \text{Sb}$, связанную с остальными вещами из свинцовой латуни по составу, по облику и по происхождению (раскопки у Дома Масон 2002 г., погребение; восьмиконечный крест с килевидной нижней лопастью).

На материалах этой группы можно сделать некоторые типологические наблюдения. Из свинцовой латуни изготовлены т.н. «девичьи и женские» кресты старообрядческих типов (4 экз.), трапезиеконечные кресты с надписью по периметру (в т.ч. с «устыщами», 6 экз.), прямоугольноконечные кресты с изображением в низком рельефе (4 экз.), кресты с листовидным завершением лопастей (в т.ч. с устыщами – 3), восьмиконечные с килевидной нижней лопастью – 7 экз. (рис. 5; 6). Хорошо соотносятся между собой происхождение вещей и типологические группы. По пропорциям сплава сильно выделяются среди других кресты из Изборска (табл. 2). Однозначно выделить группы по пропорциям сплава пока невозможно. Предположительно, устойчивой является технологическая группа, где цинк занимает более четверти состава изделия и где свинец присутствует в пропорциях $> 5\%$ но $< 10\%$.

Второй по многочисленности сплав в выборке – многокомпонентная латунь $\text{Cu} + \text{Zn} + \text{Sn} + \text{Pb}$ – представлен в исследовании 31 находкой (из них 20 экз. найдены при работах на Петровском VIII раскопе 2007 г., в т.ч. в слое кладбища и конкретных погребениях; 7 экз. – из погребений, изученных раскопками 2002 г. у Дома Масон; 2 экз. – из раскопок 2010 г. в Мирожском монастыре (раскоп XVIII) и 2 экз. из раскопок 2010 г. в церкви Козьмы и Дамиана с Примостью (раскоп XI).

Разнообразие находок в данной технологической группе описывается большим числом типов. Здесь и четырехлопастные прямоугольноконечные, в том числе кресты удлиненных пропорций с контррельефными изображениями,

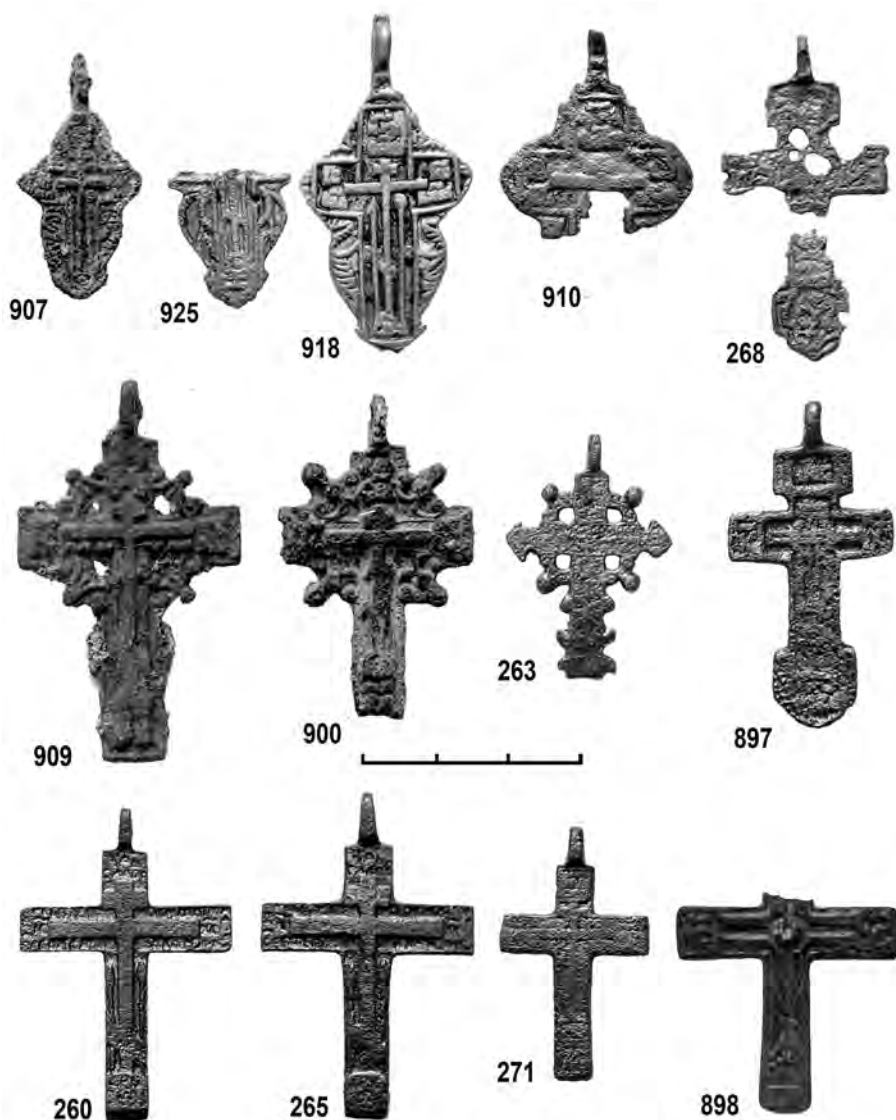

Рис. 5. Предметы из свинцовой латуни

разнообразные кресты с устьицами и лучами сияния, трапециеконечные кресты с имитацией надписи по периметру, восьмилопастные кресты с килевидной нижней лопастью, в т. ч. в их процветшем варианте, один трехлопастно-конечный и один крест с изображением священномученика Никиты (рис. 7).

Присутствие как относительно ранних (XV–XVI вв.) и относительно поздних (XVII–XIX вв.) типов, а также доминирование вещей из данного сплава в анализе крестов X–XV вв. указывает на то, что этот распространенный сплав

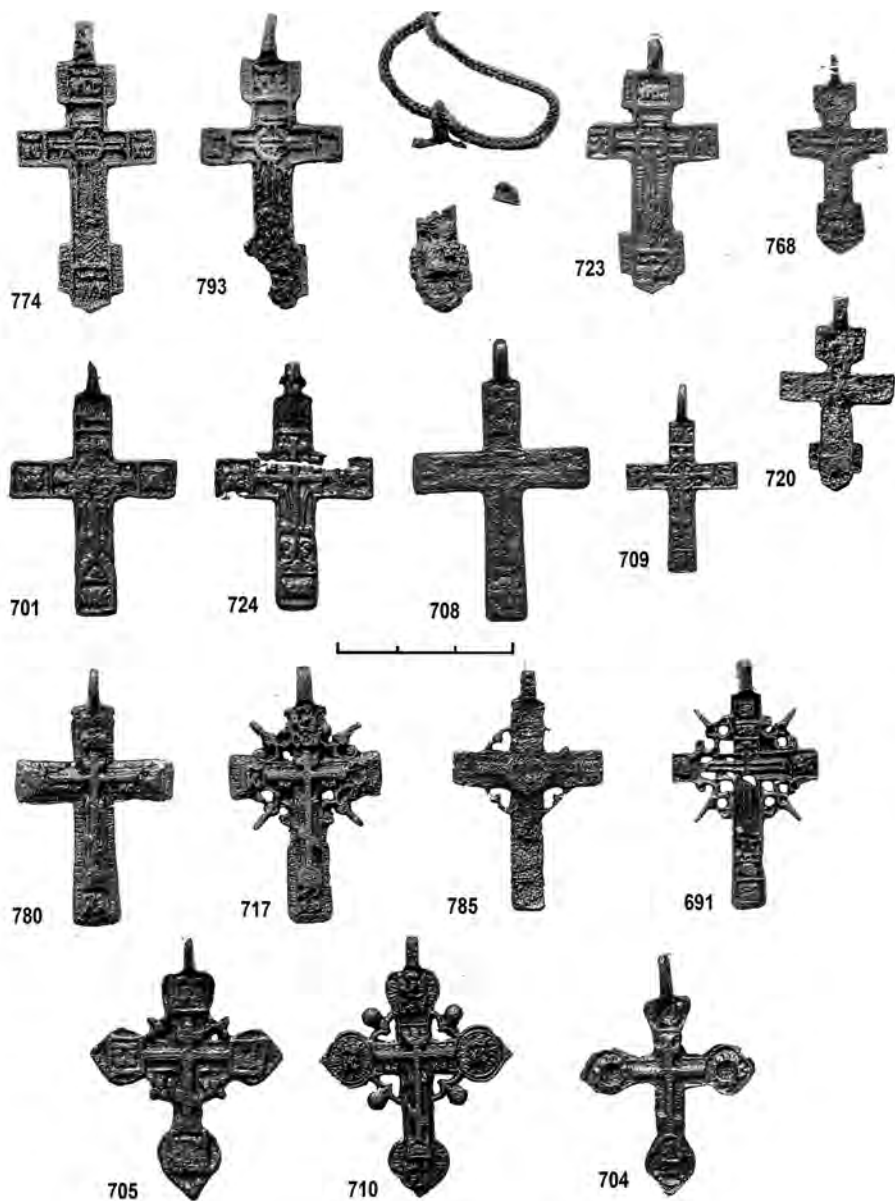

Рис. 6. Предметы из свинцовой латуни (продолжение)

был одинаково популярен в разные периоды, и выявление подобного состава не проясняет вопрос о датировке конкретного предмета, если он не решается по контексту или по типологическим признакам находки.

Еще 4 экземпляра выполнено из такого же сплава, усложненного добавлением сурьмы (рис. 8). Три экземпляра из данной подгруппы обнаруживают

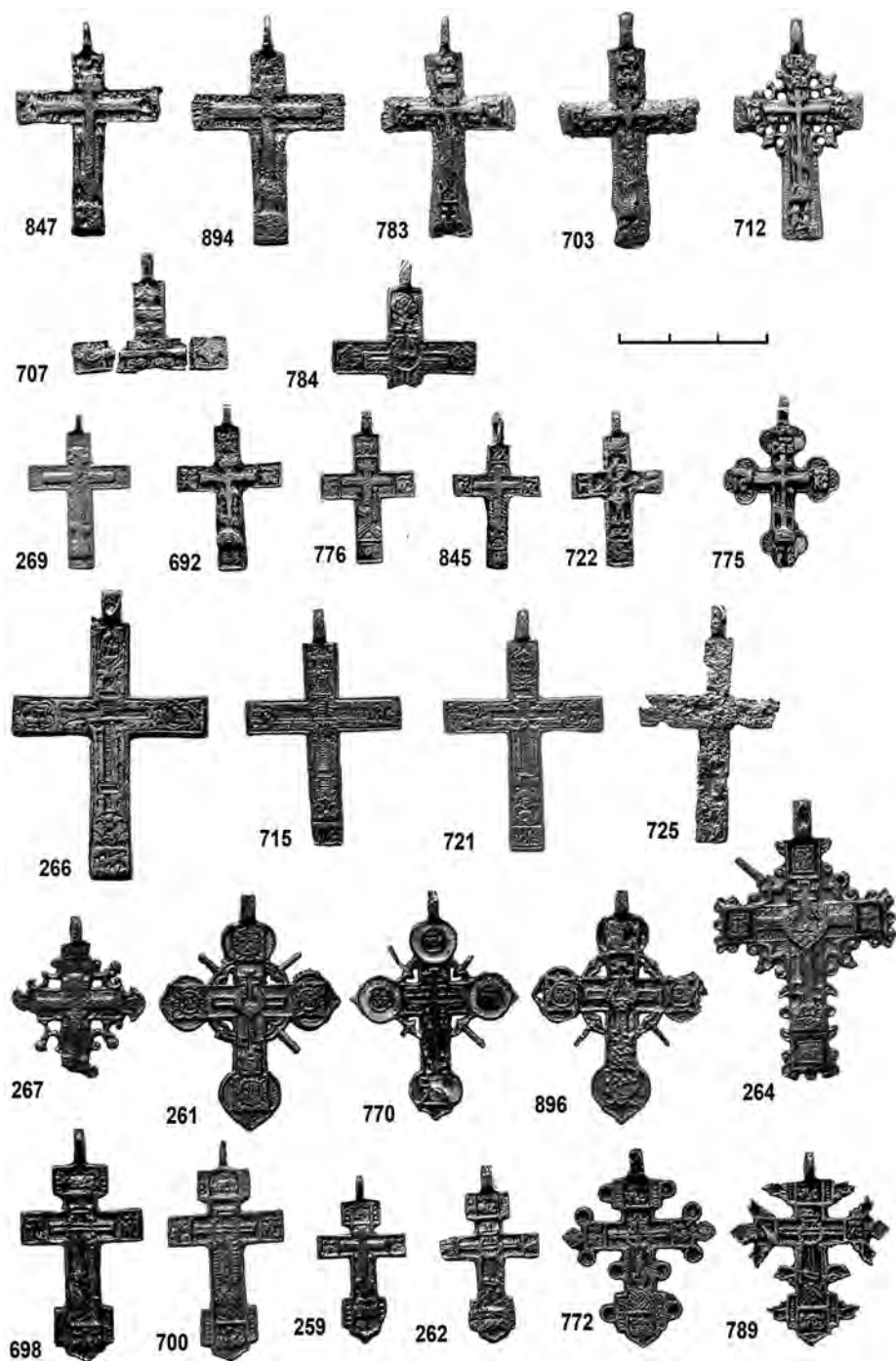

Рис. 7. Предметы из многокомпонентной латуни (Cu + Zn + Pb + Sn)

Рис. 8. Предметы из сплава $\text{Cu} + \text{Zn} + \text{Sn} + \text{Pb} + \text{Sb}$ с преобладанием Zn

родство с предметами из многокомпонентной латуни и по пропорциям сплава, и по происхождению (из церкви Козьмы и Дамиана с Примостья, из погребений у церкви Иоанна Златоуста), и с точки зрения типологии находок.

Выделяется по составу крест из сплава, более похожего на припой, нежели сплав для литья: 34,8% меди, 20,7% цинка, 20,0% олова, 19,6% свинца и 1,8% сурьмы (табл. 2, рис. 8, 713).

Что касается возможностей выделения более узких групп по пропорциям сплава, можно очень условно отметить наличие групп изделий с присутствием в сплаве цинка от 6 до 15% и от 17 до 24%.

Бронзы

Свинцово-оловянная бронза $\text{Cu} + \text{Sn} + \text{Pb}$ в выборке представлена слабо, 4 экземплярами. Пропорции компонентов сплава варьируются, что визуально заметно по разному цвету предметов. Среди них выделяется группа, где содержание меди в составе не превышает 60% (2 экз. из кладбища XVII в. у церкви Иоанна Милостивого (Петр VIII–2007), 2 экз. из Старого Изборска (рис. 9, 777–923), и отличающийся от них 1 экз. из слоя кладбища у церкви Иоанна Златоуста (П-02-Мас) с содержанием меди более 88% (рис. 9: 270).

Плохая сохранность вещей из свинцово-оловянной бронзы, где присутствие меди фиксируется в объеме 47–58%, трещины, каверны указывают, что пропорции сплава этих изделий были подобраны мастером не очень удачно.⁴ Эти вещи происходят из Изборской крепости и с территории близ ц. Иоанна Милостивого в Пскове. На одном из крестов сохранились следы лужения. Возможно, мы имеем дело со сплавом «под полуду».

Еще 3 экземпляра нательных крестов выполнено из такого же сплава $\text{Cu} + \text{Sn} + \text{Pb} + \text{Sb}$, усложненного присутствием сурьмы и мышьяка с разным соотношением легирующих компонентов. Одна из находок демонстрирует долю

⁴ Авторы второй части монографии «Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья» полагают, что повышенные концентрации олова в сплавах могли возникать непреднамеренно, при добавлении лома к сырьевым материалам (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 141).

Рис. 9. Предметы из бронзы ($\text{Cu} + \text{Sn} + \text{Pb}$ и $\text{Cu} + \text{Sn} + \text{Pb} + \text{Sb}$)Рис. 10. Предметы из сплава $\text{Cu} + \text{Sn} + \text{Pb} + \text{Sb}$ со значительнейшей долей меди и с дополнительными элементами

меди в сплаве свыше 90%. Это предмет, не имеющий отношения к погребальным древностям и происходящий с территории одной из усадеб Нового Торга. Крест XV в. из раскопок у церкви Варлаама Хутынского, несмотря на место залегания вблизи храма, также не имеет отношения к погребальным комплексам. Показательно, что эти кресты фактически выпадают из общей картины по сплавам, которая складывается в данной выборке, в целом (рис. 10).

Предметов из многокомпонентной бронзы ($\text{Cu} + \text{Sn} + \text{Zn} + \text{Pb}$) с преобладанием олова в качестве легирующего компонента — 6 экземпляров (5 из них найдено на Петровском VIII раскопе в 2007 г., в т. ч. 3 в погребальных комплексах). Из-за небольшого размера выборки невозможно выявить закономерности соотношения сплава и типов (рис. 11).

То же можно сказать и об изделиях из многокомпонентной бронзы ($\text{Cu} + \text{Pb} + \text{Sn} + \text{Zn} + \text{Sb}$) с преобладанием свинца среди легирующих компонентов (сплав представлен 6 изделиями, в т. ч. 3 — из погребений у ц. Иоанна Милостивого и 3 из окрестностей Никольского собора в Изборске (раскоп 51). Интересно, что из сплава с содержанием меди свыше 70–80% изготовлены восьмилопастные кресты с килевидной нижней лопастью, а из сплава со значительным содержанием других элементов — четырехконечные кресты с упрощенным декором (рис. 12). Однако для обоснованных гипотез по изделиям из бронзы материалов мало.

Рис. 11. Предметы из сплава Cu + Sn + Zn + Pb с преобладанием Sn.

Рис. 12. Предметы из сплава Cu + Pb + Sn + Zn (+ Sb) с преобладанием Pb

В целом материалы по бронзовым нательным крестам в данной выборке оказались достаточно скудны. Объединение изделий из многокомпонентных бронз в одну укрупненную группу (рис. 9–12), насчитывающую 16 крестов с изображением Голгофы и 2 креста других типов (ромбоштитковый и пластинчатый с пятичастным завершением лопастей), практически не добавляет информации для анализа корреляций типов и сплавов.

Сплавы на основе олова и свинца встречаются в разных вариантах, представлены немногочисленными находками крайне плохой сохранности в разных комплексах (рис. 13; 14).

Условно «чистое» олово встречено лишь единожды (погребение у ц. Иоанна Милостивого, раскоп 2002 г. у Дома Масон).⁵ Сплав олова с медью и свинцом – Sn + Pb + Cu (с присутствием меди от 1,7 до 12%) представлен 5 находками, 3 из которых – из сплава на основе олова, 2 – из сплава на основе свинца (находки происходят от церкви Иоанна Милостивого и из раскопок в Изборске).

Одной находкой из Петровского XI раскопа 2010 г. представлен сплав, который можно охарактеризовать как «чистый свинец» (96,4%).

Свинцово-оловянный (Pb + Sn) сплав представлен одной находкой из Петровского VIII раскопа 2007 г. и фрагментами металла на изделии другого

⁵ По Н. В. Енисовой с соавт., чистое олово: Sn 97–100 % (Енисова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 131. Табл. 2.9: 1). В нашем случае присутствует 96,4 %.

Рис. 13. Предметы из чистого олова и сплава Sn + Pb + Cu на основе олова

Рис. 14. Предметы их элементы из сплавов Pb + Sn + Cu и Pb + Sn на основе свинца

состава из Старого Изборска (раскопки 2010 г.). Пропорции сплава нельзя точно установить из-за такой особенности свинца, как ликвация, образование капель в сплаве. В таблице приведены усредненные данные.

Чистых свинцовой и оловянной бронзы, характерных для средневековых (до XV века) выборок, не обнаружено.⁶

Сплавы на основе цинка

Неожиданностью стало обнаружение серии объектов из сплава на основе цинка (Zn + Cu + Pb на основе Zn с преобладанием Cu). Все 9 предметов происходят из раскопок в крепости на Жеравьей горе в Старом Изборске (Изборск-2010). Среди них преобладают трехлопастноконечные кресты и четырехлопастные прямоугольноконечные (рис. 15).

Несмотря на то, что вторичное открытие плавки цинка в чистом виде в Европе относится к XVI в., широкого распространения, тем более в мелкой пластике, цинк как основа для сплавов не получил до конца XVIII в. (Ермаков,

⁶ В то же время в X–XV вв. Псков дает большое количество изделий из оловянной бронзы (Енисова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 140).

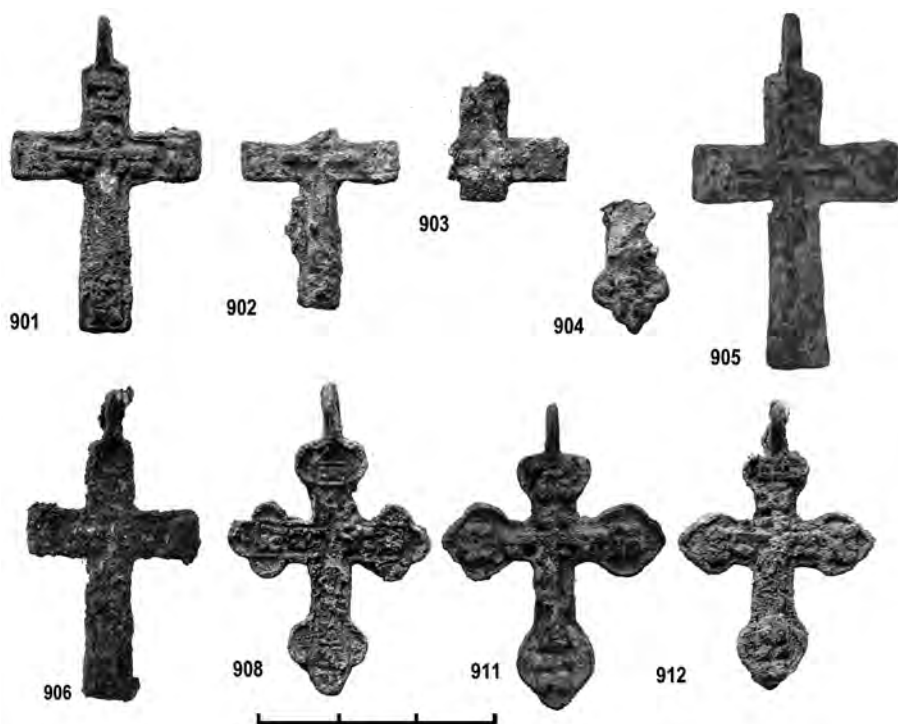

Рис. 15. Предметы из сплава на основе цинка

2012. С. 140, 145). В данном случае элементный состав однозначно выступает как датирующий признак.

Анализируя данную выборку и сравнивая ее с изученной на предыдущем этапе, мы в очередной раз убедились, насколько показательнее может быть картина, полученная на материале закрытых комплексов, даже имеющих нарушения. Погребальные комплексы, несомненно, гораздо четче отражают реалии жизни средневекового города, картину его производственной жизни и торговых связей.

В целом подтвердилось, что нельзя дать информативную историческую характеристику сплаву отдельной вещи. Можно оценить лишь структуру сплавов вещей с памятника.

Было проведено сопоставление типов крестов, которые встречаются в выборке более одного раза, с номенклатурой сплавов, из которых выполнены изделия.

Наибольшим разнообразием по элементному составу ожидаемо представлены самые распространенные типы: восьмиконечные с килевидной нижней лопастью, средние и малые четырехконечные кресты с трапециевидными концами.

Интересны выявленные случаи устойчивой корреляции между типом «девичьих» и «женских» старообрядческих крестов и свинцовой латуной (хотя известно, что эти кресты изготавливались и в серебре); между типом прямоугольноконечных четырехлопастных с низким рельефом и сплавом из серебра, а также свинцовой латуны. Похожими группами сплавов представлены трапециекопечные кресты

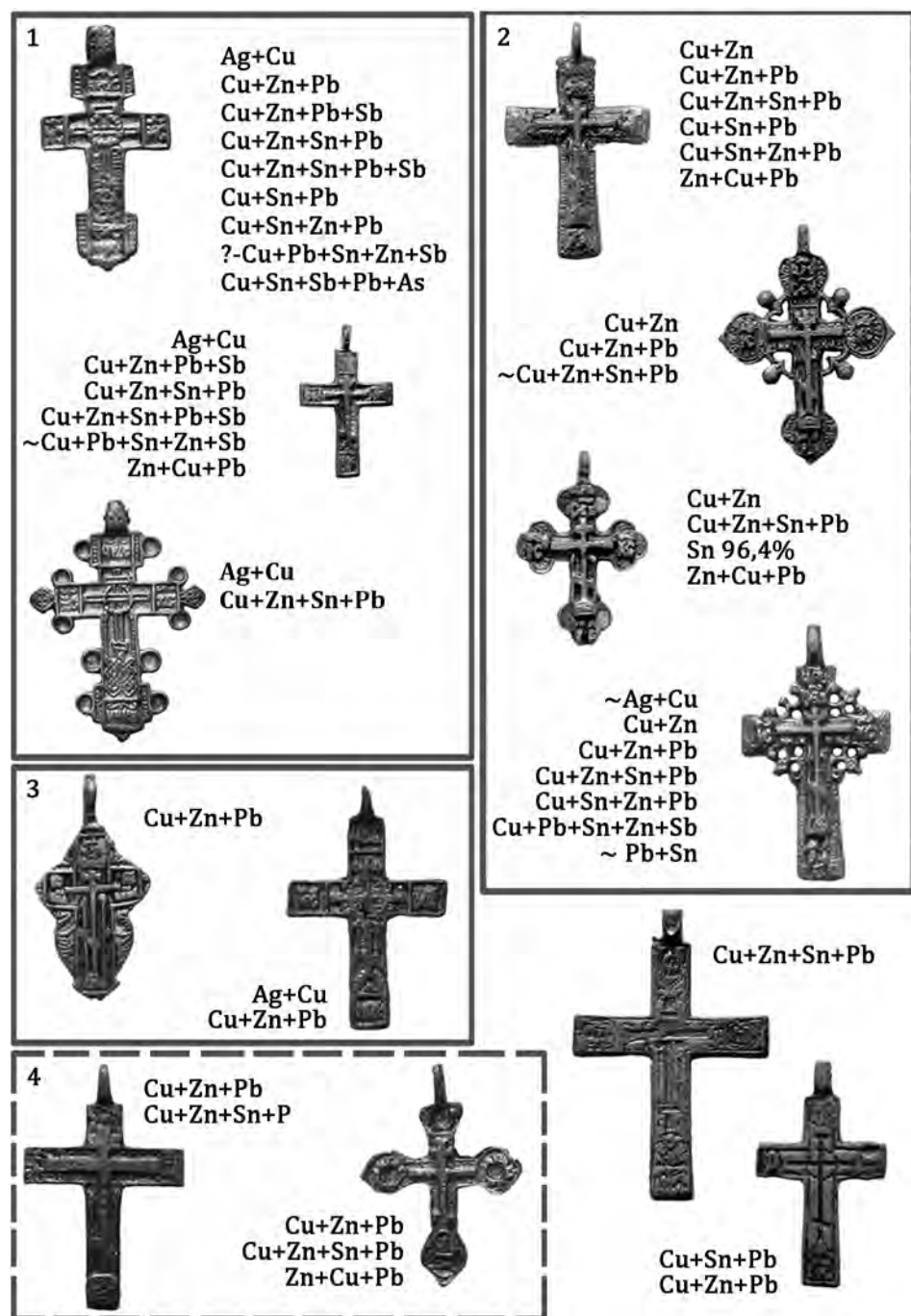

Рис. 16. Предположительные группы изделий по производственным традициям

с высоким рельефом (как с «устыщами», так и без них) и трехлопастьноконечные кресты.

На основе обнаружившихся совпадений можно сделать предварительные предположения о принадлежности некоторых групп типов отдельным производственным традициям (рис. 16).

1. К первой традиции, на наш взгляд, тяготеют представленные сходными группами сплавов восьмиконечные с килевидной нижней лопастью, малые четырехконечные, а также типологически близкие к первым процветшие кресты. Эти изделия визуально отличает устойчивая толщина пластины подвески, аккуратность исполнения без вычурности, чаще всего – помещение отдельных элементов иконографии в аккуратные рамки.

2. Ко второй традиции довольно уверенно можно отнести кресты с высоким рельефом. Для них характерны великолепная детализация изображений, часто – обилие пространных надписей на лицевой и оборотной сторонах.

3. В группу, связанную с третьей традицией, предположительно, объединяются «девичьи»/«женские» и прямоугольноконечные четырехлопастные кресты. Для них характерны: низкий рельеф, наличие сливающихся деталей в декоре, снижение толщины пластины к ее краям, использование эмали.

4. Четвертая производственная традиция, которую можно выделить лишь предположительно, представлена в выборке лишь двумя типами. Нам кажется, что кроме сходного набора сплавов их объединяют следующие черты: неаккуратность оформления контура подвески, а главное – общий подход к упрощению более декоративных типов крестов.

Для определения других групп, а также для других подтверждений гипотезы о выделенных производственных традициях данных пока не совсем достаточно.

Литература

- Енисосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. С. 107–186.
- Ермаков М. П., 2012. Технология декоративно-прикладного искусства. Основы дизайна. Художественное литье. Нижний Тагил.
- Колпакова Ю. В., 2015. Псковские нательные кресты с надписями и их сплавы: опыт изучения // АИППЗ. Материалы 60-го заседания. Вып. 30. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 40–59.
- Коновалов А. А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. С. 7–106.

Таблица 2

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа сплавов псковских нательных крестов с надписями

Примечание: номера образцов даются по внутренней нумерации базы данных «Предметы христианского культа Псковской земли».

Ag+Cu (+/-Au, As, Pb) на основе Ag													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
1	plb_913	4,8	0,0	0,5	0,4	0,0	0,0	93,4	0,6	0,0	Изборск-2011	XV–кон.XVII в.	
2	plb_841	4,1	0,0	0,3	0,7	0,0	0,0	93,6	1,0	0,0	КД-ХI-2010	XVI–XVIII вв.	
3	plb_840	4,2	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	94,6	0,7	0,0	КД-ХI-2010	XVI–XVIII вв.	
4	plb_846	5,5	0,0	0,1	0,5	0,2	0,0	93,5	0,0	0,0	КД-ХI-2010	XVI–XVIII вв.	
5	plb_848	7,1	0,0	0,4	1,4	0,0	0,0	90,9	0,0	0,0	КД-ХI-2010	XVI–XVIII вв.	
6	plb_788	4,6	0,0	0,1	0,6	0,0	0,0	93,2	1,4	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
7	plb_792	3,5	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	96,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
8	plb_274	10,1	0,0	0,2	0,3	0,0	0,0	78,6	10,5	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	Неравномерное распределение золота на разных участках измерения
9	plb_275	16,2	0,0	0,5	0,4	1,0	0,0	64,1	4,0	1,5	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
Cu+Ag+Zn+As+Pb на основе Cu													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
10	plb_844	57	0,2	5,2	1,6	1,6	0,0	34,3	0,0	0,0	КД-ХI-2010	XVI–XVIII вв.	
Cu+Zn													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
11	plb_917	71,3	0,2	27,6	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012	1747г.	
12	plb_922	70,4	0,2	28,7	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012	(2 пол. XV в. –) XVI–XVII вв.	
13	plb_920	77	0	21,9	0,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012	XVIII в.	
14	plb_924	70,5	0	28,4	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012, погребение	XVIII в.	
15	plb_919	75,7	0,1	23,4	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012, погребение	XVIII в.	
16	plb_921	76,6	0	22,6	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012, погребение	XVIII в.	
17	plb_258	80,2	0,2	18,5	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
18	plb_787	71,3	0,2	27,8	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
19	plb_773	73,9	0	25,1	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
20	plb_771	77,6	0	21,5	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
21	plb_711	82,9	0,0	16	0,8	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	

Продолжение табл. 2

22	plb_695	83,1	0,2	16,2	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007, слой кладбища	XVII в.	
Cu+Zn+Pb													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
23	plb_898	76,8	0,5	15,1	5,6	0,2	0,0	0,1	0,0	0,0	Изборск 2009		
24	plb_925	72,4	0,0	26,2	1,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012	XVIII в.	
25	plb_918	71,2	0,2	26,5	2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012, погр.	не ранее 1751 г.	Неравномерное распределение свинца на разных участках измерения
26	plb_907	46,0	0,0	28,8	23,5	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
27	plb_900	57,8	0,0	29,0	10,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
28	plb_909	61,3	0,0	30,7	7,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
29	plb_910	82,3	0,0	14,9	2,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
30	plb_904 (1)	51,8	0,0	39,8	6,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	Разница в пропорциях элементов в разных точках измерения из-за окислов
31	plb_897	79,8	0,4	17,3	2,1	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	МИР-XVIII-2010		
32	plb_263	74,8	0,0	21,7	3,2	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI-XVIII вв.	
33	plb_260	75,8	0,0	21,3	2,5	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI-XVIII вв.	
34	plb_265	76,4	0,3	21,7	1,2	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI-XVIII вв.	
35	plb_271	80,5	0,4	16,2	2,5	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI-XVIII вв.	
36	plb_780	71,4	0,0	26,2	2,2	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
37	plb_768	75,1	0,0	21,2	3,5	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
38	plb_785	78,9	0,0	20,0	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
39	plb_778	81,6	0,5	15	2,3	0,0	0,2	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
40	plb_793	83	0,6	12,0	4,1	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
41	plb_774	85,1	0,1	12,7	1,5	0,0	0,2	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
42	plb_790	89,7	0,7	7,5	1,7	0,0	0,2	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
43	plb_704	74,2	0,8	23,6	1,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
44	plb_705	74,3	0,0	23,7	1,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
45	plb_717	74,3	0,0	24,1	1,3	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
46	plb_701	74,8	0,0	22,7	2,4	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	

Продолжение табл. 2

47	plb_724	74,8	0,0	23,5	1,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
48	plb_720	78,5	0,0	18,6	2,6	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
49	plb_723	81,2	0,9	14,5	2,9	0,0	0,2	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
50	plb_710	75,8	0,7	21,2	2,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
51	plb_709	74,3	0,9	20,5	3,8	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, слой кладбища	XVII в.	
52	plb_697	77,4	0,0	20,3	2,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, слой кладбища	XVII в.	
53	plb_708	77,6	0,4	17,9	3,8	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007, слой кладбища	XVII в.	
54	plb_691	81,9	0,0	15,7	2,1	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, слой кладбища	XVII в.	
Cu+Zn+Pb+Sb													
55	plb_268	75,3	0,5	15,2	6,6	0,2	1,7	0,2	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
Cu+Zn+Sn+Pb													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
56	plb_845	82,1	2,9	11	2,4	0,0	0,4	0,2	0,0	0,0	КД-ХI-2010	XVI–XVIII вв.	
57	plb_847	76	3,5	13	7,0	0,0	0,2	0,2	0,0	0,0	КД-ХI-2010	XVI–XVIII вв.	
58	plb_894	81,9	2,5	9,3	5,0	0,2	0,8	0,1	0,0	0,0	МИР-ХVIII-2010		
59	plb_896	76,5	3,7	14,8	3,9	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	МИР-ХVIII-2010		
60	plb_266	79,3	4,1	10,2	6,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
61	plb_267	83,2	2,7	11,6	2,3	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
62	plb_261	79,2	1,8	12,2	5,6	0,0	0,1	0,2	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
63	plb_269	74,3	1,8	13,9	8,5	0,3	0,7	0,2	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
64	plb_259	75,6	1,0	17,2	5,5	0,0	0,4	0,1	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
65	plb_262	71,4	5,7	17,8	3,5	0,2	0,4	0,2	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
66	plb_264	74,8	3,0	20,6	1,3	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
67	plb_770	86,7	2,0	7,3	3,5	0,0	0,1	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
68	plb_772	85,1	3,8	7,5	2,3	0,0	0,2	0,3	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
69	plb_789	83,0	3,0	9,2	3,4	0,0	0,3	0,2	0,0	0,7	Петр VIII-2007	XVII в.	
70	plb_775	78,5	6,8	10,5	3,3	0,2	0,3	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
71	plb_776	79,1	1,8	17	1,8	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	

Продолжение табл. 2

72	plb_784	72,5	1,5	21,8	4,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
73	plb_783	72,7	1,0	23,7	2,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
74	plb_725	87,3	1,1	7,8	2,9	0,1	0,2	0,3	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
75	plb_712	82,6	1,7	10,4	4,8	0,0	0,2	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
76	plb_715	82,4	1,5	11,9	3,2	0,0	0,1	0,6	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
77	plb_721	77,7	1,4	12,7	6,6	0,3	0,9	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
78	plb_707	79,6	2,7	13,1	4,0	0,0	0,3	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	Неравномерное распределение свинца на разных участках измерения
79	plb_722	78,1	2,1	17,0	2,6	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
80	plb_703	78,4	1,3	17,8	2,2	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
81	plb_726	74,8	2,0	18,9	4,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
82	plb_692	81,5	1,6	12,2	3,7	0,0	0,6	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, слой кладбища	XVII в.	
83	plb_698	81,6	1,2	13,4	3,3	0,0	0,3	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, слой кладбища	XVII в.	
84	plb_700	86,4	3,2	6,2	3,9	0,0	0,1	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
Cu+Zn+Sn+Pb+Sb с преобладанием Zn													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
85	plb_842	83,7	1,7	10,0	2,4	0,2	1,5	0,2	0,0	0,0	КД-ХІ-2010	XVI–XVIII вв.	
86	plb_843	85,8	2,2	5,7	3,0	0,4	2,2	0,1	0,0	0,0	КД-ХІ-2010	XVI–XVIII вв.	
87	plb_273	82,1	2,6	6,7	5,7	0,3	1,3	0,0	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
88	plb_713	34,8	20,0	20,7	19,6	0,8	1,8	0,6	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	Возможно, результат измерений некорректен.
Cu+Sn+Pb (на основе меди)													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
89	plb_270	88,3	5,4	0,7	3,9	0,6	0,7	0,1	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
90	plb_777	47,3	28,6	0,2	22,5	0,6	0,6	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	Неравномерное распределение свинца на разных участках измерения. Лужение.

Продолжение табл. 2

91	plb_923	55,9	27,4	0,3	15,9	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012 погребение	не ранее 1739 г.	
92	plb_914	58,4	26,1	0,3	14,9	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	Изборск, р-п 51		
Cu+Sn+Pb+Sb													
93	plb_781	51,0	38,7	0,4	6,1	0,8	1,4	0,3	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
Cu+Sn+Pb+Sb,													
Cu+Sb+Pb+Sn, Cu+Sn+Sb+Pb+As													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
94	plb_769	82,9	4,7	0,2	3,2	2,9	3,8	0,3	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
95	plb_826	87,4	5,0	0,3	3,3	0,9	2,2	0,2	0,0	0,9	BX(Варлаама Хутынского) - 2004		
96	plb_839	90,5	2,0	0,0	2,3	0,9	4,0	0,2	0,0	0,9	НТ-Х-2011	XV в.	
Cu+Sn+Zn+Pb с преобладанием Sn													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
97	plb_926	76,1	10,2	8,5	4,8	0,0	0,2	0,1	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012	Не ранее XVII в.	
98	plb_786	65,7	19,4	5,3	7,4	0,2	0,7	0,3	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
99	plb_702	81,9	11,8	2,1	2,5	0,2	0,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
100	plb_719	67,5	20,3	4,4	6,2	0,6	0,4	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	Возможно, результат измерений некорректен. Либо, возможно, было лужение.
101	plb_779	90,7	3,7	2,3	2,8	0,0	0,2	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	
102	plb_718	83,0	7,4	5,1	3,5	0,2	0,5	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
Cu+Pb+Sn+Zn (+Sb) с преобладанием Pb													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
103.	plb_895	44,9	7,8	5,2	37,7	0,5	1,5	0,9	0,0	0,0	МИР-ХVIII-2010		
104	plb_915	65,0	8,6	3,7	18,3	0,6	2,2	0,1	0,0	0,0	Изборск, р-п 51		
105	plb_714	68,4	10,1	8,1	11,0	0,4	1,2	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
106	plb_716	48,5	20,5	5,1	24,7	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	
107	plb_899	72,6	3,6	2,8	19,3	0,0	1,2	0,2	0,0	0,0	Изборск-2010		Неравномерное распределение свинца на разных участках измерения.
108	plb_706	82,9	1,3	5,8	8,3	0,3	1,0	0,1	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	Неравномерное распределение свинца на разных участках измерения.

Окончание табл. 2

«Чистое» олово													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
109	plb_272	0,1	96,4	0,0	3,1	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	П-02-Мас, погребение	XVI–XVIII вв.	
Sn+Pb+Cu (на основе олова)													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
110	plb_727	7,5	85,2	0,0	6,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	Возможно, результат измерений некорректен.
111	plb_728	5,2	80	0,1	14,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007, погребение	XVII в.	Всплески показателей по свинцу от 10,4 до 20,6% на разных участках измерения.
112	plb_916	3,3	85,8	0,9	10,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск, р-п 56, 2012	не дат.	Неравномерное распределение свинца на разных участках измерения.
Pb+Sn+Cu (на основе свинца)													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
113	plb_696	1,7	44,9	0,0	52,9	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007, слой кладбища		
114	«свинец» на plb_899	12,0	20,9	9,0	52,8	0,0	2,6	1,1	0,0	0,0	Изборск-2010		Неравномерное распределение свинца на разных участках измерения.
Pb+Sn (на основе свинца)													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
115	plb_791	0,3	34,5	0,0	64,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Петр VIII-2007	XVII в.	Неравномерные пропорции свинца и олова в разных точках измерения
116	фрагмент свинцово-оловянных капель на plb_902	0,8	29,6	0,6	68,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	Неравномерное распределение свинца на разных участках измерения.
Zn+Cu+Pb на основе Zn с преобладанием Cu													
№	Образец	Cu	Sn	Zn	Pb	As	Sb	Ag	Au	Mn	Раскоп	Датировка	Прим.
117	plb_901	14,5	0,0	83,9	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
118	plb_902	34,4	0,1	59,8	4,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
119	plb_904	24,4	0,1	61,9	7,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
120	plb_903 (1)	10,2	0,2	80,3	3,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
121	plb_905	39,7	0,9	54,3	3,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
122	plb_906	10,4	0,0	83,1	5,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
123	plb_908	27,6	0,0	64,3	6,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
124	plb_911	36,2	0,0	60,4	2,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	
125	plb_912	19,1	0,4	75,8	3,8	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	Изборск-2010	XVIII в.	

Э. В. Королёва

Подвеска с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове (в продолжение дискуссии)

E. V. Koroleva. Pendant with Princely Signs from the 1976 Excavations in Pskov (in discussion continuation)

Abstract. The article is devoted to the bronze pendant with Princely Signs found during archaeological excavations in Pskov in 1976. The article describes morphological and stylistic features of the pendant and the signs depicted, manufacturing technology and metal (alloy) composition features.

The author substantiates the object existence time (dating) by the end of the 10th – first half of the 11th century basing on the stratigraphic circumstances of its discovery. The article provides a version of the pendant princely signs interpretation, based on the similarity of one of the signs with a sign on the Taman bracteate and their similar dating, as belonging to Mstislav and Sudislav Vladimirovic.

Ключевые слова: Псков, Древняя Русь, подвески, княжеские знаки, стратиграфия, технология изготовления, версия интерпретации.

Keywords: Pskov, Ancient Rus, pendants, princely signs, stratigraphy, manufacturing technology, interpretation version.

В 2016 г. исполняется 40 лет с момента обнаружения в археологическом раскопе в Пскове подвески с княжескими знаками (рис. 1 и на задней обложке),¹ но она все еще остается в центре непримиримых споров.

Данная статья основана на тексте доклада, прозвучавшего в апреле 2014 г. на семинаре АИППЗ. За время подготовки к публикации произошли события, которые повлекли за собой некоторые дополнения к этой работе. Прежде всего, в том же 2014 г. вышел в свет сборник, включающий статью с подробнейшими описаниями обстоятельств нахождения в культурном слое подвески, обоснованием ее стратиграфической даты, характеристикой морфологических и стилистических особенностей, с результатами исследования технологии ее изготовления и химического состава металла (*Лабутина, Королёва, 2014. С. 171–195*). В апреле 2015 г. на семинаре АИППЗ выступил С. В. Белецкий с докладом «Еще раз о геральдической подвеске из раскопок в Пскове в 1976 г.»,

¹ Рисунки 1, 3, 4 выполнены автором статьи; рис. 2 – сотрудником ГБУК ПО АЦПО Р. Г. Подгорной, рис. 5, 6 приведены по публикациям.

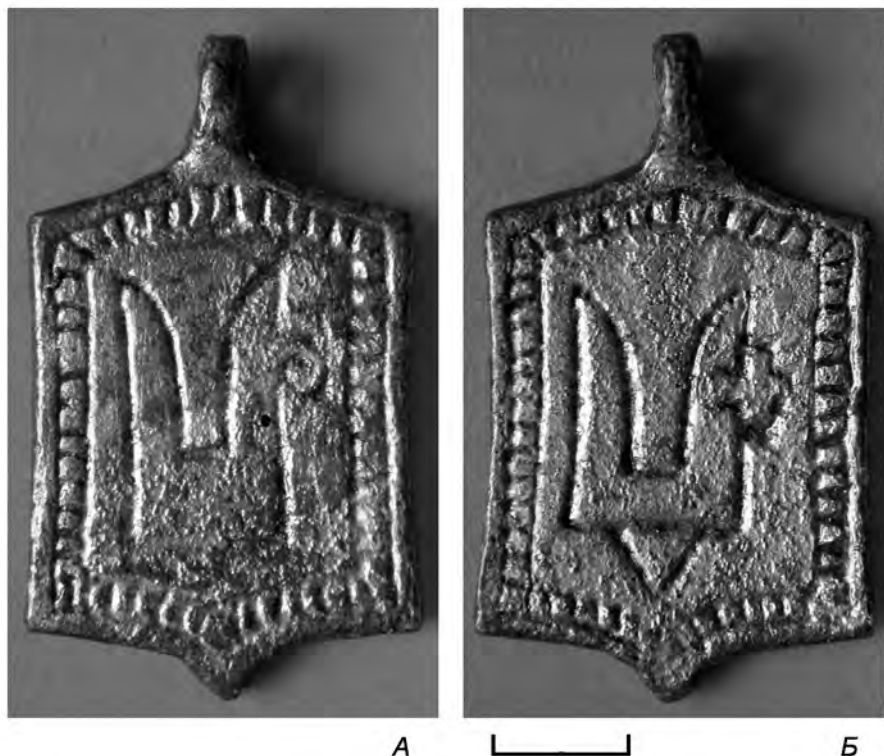

Рис. 1. Подвеска с княжескими знаками из Пскова. Фото: А – сторона «А»; Б – сторона «Б»

а одноименная статья с некоторыми дополнениями опубликована в настоящем сборнике материалов. Исследователь не согласился с основными положениями статьи И. К. Лабутиной и Э. В. Королёвой, что делает закономерным настоящий ответ со стороны одного из авторов на высказанные им аргументы.

Историю развития дискуссии о статусе и интерпретации псковской подвески с княжескими знаками укажу здесь конспективно. Первая краткая информация об этой находке появилась сразу после полевого сезона 1976 г. в сборнике «Археологические открытия» (*Лабутина и др.*, 1977. С. 24). Более подробное описание подвески с указанием обстоятельств обнаружения было включено в обзорную статью «Культурный слой Пскова», вышедшую в свет в 1983 г. (*Лабутина*, 1983. С. 17–23).

Рассматривая подвеску из раскопок в Пскове в 1976 г. вскоре после ее публикации в 1983 г., А. А. Молчанов увидел в ней признаки современного фальсификата и обосновал свое мнение, сославшись на геральдические и стилистические несообразности в изображениях, а на первое место в обосновании своих сомнений поставил «*обстоятельства находки*» (*Молчанов*, 1986. С. 185). Автор не раскрыл эти «*обстоятельства*». В последующих работах С. В. Белецкого мнение А. А. Молчанова было неоднократно поддержано (*Белецкий*, 1996. С. 85; 2000. С. 83; 2004. С. 275).

Как отмечено в совместной статье И. К. Лабутиной и Э. В. Королёвой, остается неясным, какие обстоятельства находки повлияли на заключение о происхождении предмета. Ни А. А. Молчанов, ни С. В. Белецкий не были участниками раскопок 1976 г. на ул. Ленина в Пскове, не работали с самим предметом, хранящимся в Псковском музее-заповеднике, и не изучали археологическую документацию раскопок (Лабутина, Королёва, 2014. С. 171).

Содержание статьи о подвеске с княжескими знаками (Там же. С. 171–195), основанное на изучении полевой и отчетной документации, комплексном исследовании самого предмета, как оказалось, судя по докладу С. В. Белецкого в апреле 2015 г., не убедило его в археологической подлинности предмета. Однако в период подготовки текста к публикации, как отметил исследователь в послесловии к своей статье в настоящем издании, появилась находка, позволяющая вернуться к осмыслению псковской подвески из раскопок 1976 г., но *«рассмотреть эту подвеску в контексте известных подвесок-реplik XII–XIII вв.»*.

Таким образом, задача моей публикации несколько изменилась: нет более необходимости доказывать подлинность самого предмета, но осталась потребность в аргументации его более ранней датировки, что позволит и обосновать одну из версий интерпретации княжеских знаков на сторонах подвески.

Итак, трапециевидная бронзовая подвеска с княжескими знаками (рис. 1 – цветная вклейка) была найдена в 1976 г. в Пскове на археологическом раскопе III на ул. Ленина.² Руководитель работ – Ю. Л. Щапова. Раскоп III на улице Ленина в Пскове, где была найдена подвеска (рис. 2), являлся частью обширной территории, исследованной археологическими раскопками в 1967–1991 гг.

Подробное описание изученной территории (особенностей рельефа и накопления здесь культурных отложений, характера первоначальной и последующей застройки, обнаруженных в слое археологических предметов) приведено в нашей публикации 2014 г. (Лабутина, Королёва, 2014. С. 172–178). Здесь же отмечу только следующее.

Слой, в котором была обнаружена подвеска (рис. 3), имеет стратиграфические приметы, маркирующие его верхнюю и нижнюю границы. Верхняя граница определяется отметками дневной поверхности 8-го яруса – 40–60 гг. XIII в. Нижняя граница слоя стратиграфически соотносится с поверхностью песчаных отложений, в которых обнаружены погребения древнерусского некрополя X – начала XI в. Соответственно, возможная ранняя дата нижней части культурного слоя над песчаными отложениями – *«после X – начала XI в.»* (Лабутина, Королёва, 2014. С. 176).

Мощность нижнего культурного слоя от 0,2–0,3 до 0,5–0,7 м. На разных уровнях изучаемого слоя обнаруживались находки, которые могли отложиться в XI в., позднее времени существования кладбища (например, перстень желто-стеклянный плосковыпуклый, изготовление и бытование которого определяется рамками XI в.). Сюда же могут быть отнесены вещи, начальной датой которых были: конец X – начало XI в. (костяной гребень типа Д); последняя четверть XI в.

² Подвеска с княжескими знаками – паспортные данные: ПЛ–76–III, уч. X, пл. 12, кв. 329, полевой номер 7 (номер по описи 522), № КП 9644 (ПГОИАХМЗ).

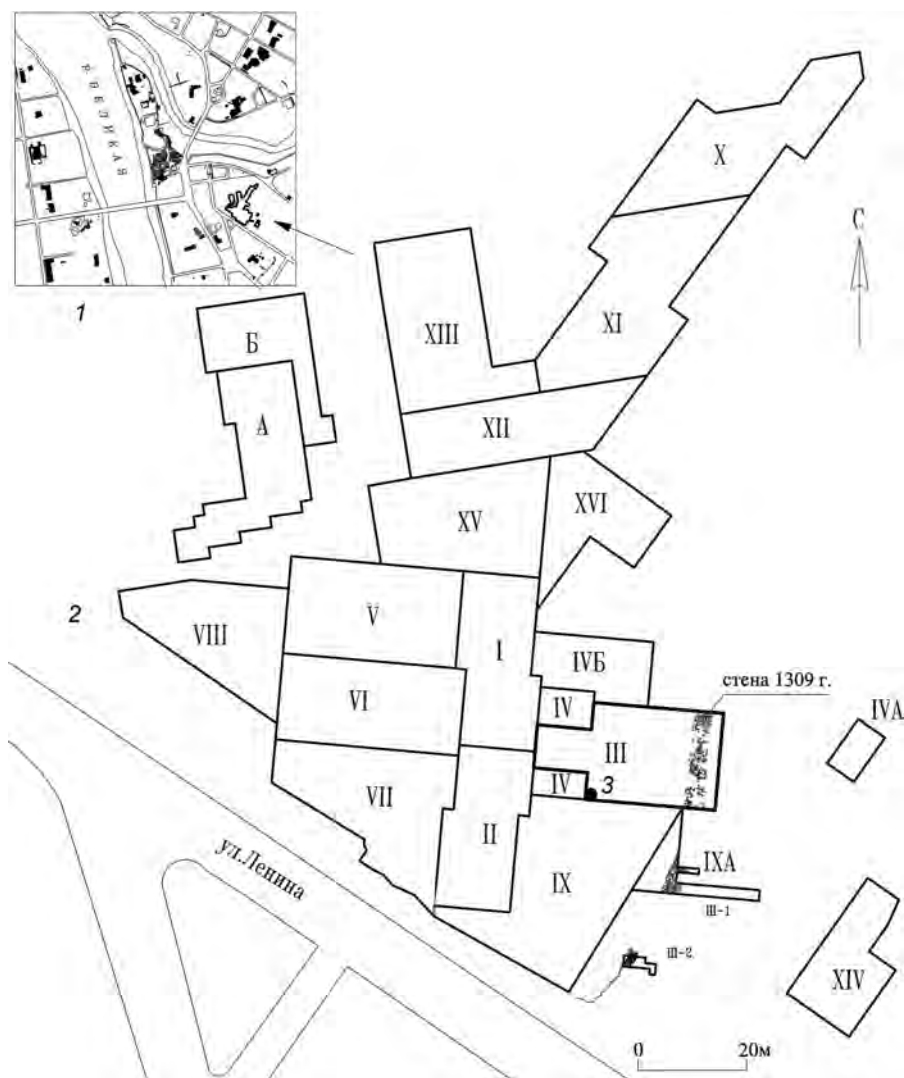

Рис. 2. Общий план раскопок на улице Ленина в Пскове: 1 – раскопы в древней части Среднего города и на прилегающей территории (стрелкой указано расположение раскопов 1968–1991 гг.); 2 – А, Б – раскопы у педагогического института (1968–1970, 1973–1974 гг.); I–XVI – раскопы 1976–1991 гг.; 3 – место находки подвески с княжескими знаками на раскопе III

(железный ключ стержневой от нутряного замка). Профиль венчика горшка, найденного в слое рядом с подвеской, принадлежит к форме, хотя и более характерной для XII в., но появляющейся во второй половине – конце XI в. Среди вещей широкого хронологического диапазона (в первую очередь, шиферные пряслица) были и те, что вошли в состав отложений в XI в. Период существования многих предметов приходится на XII в., а поздний период предметов из этого слоя относится к первой половине XIII в. (Лабутина, Королёва, 2014. С. 176).

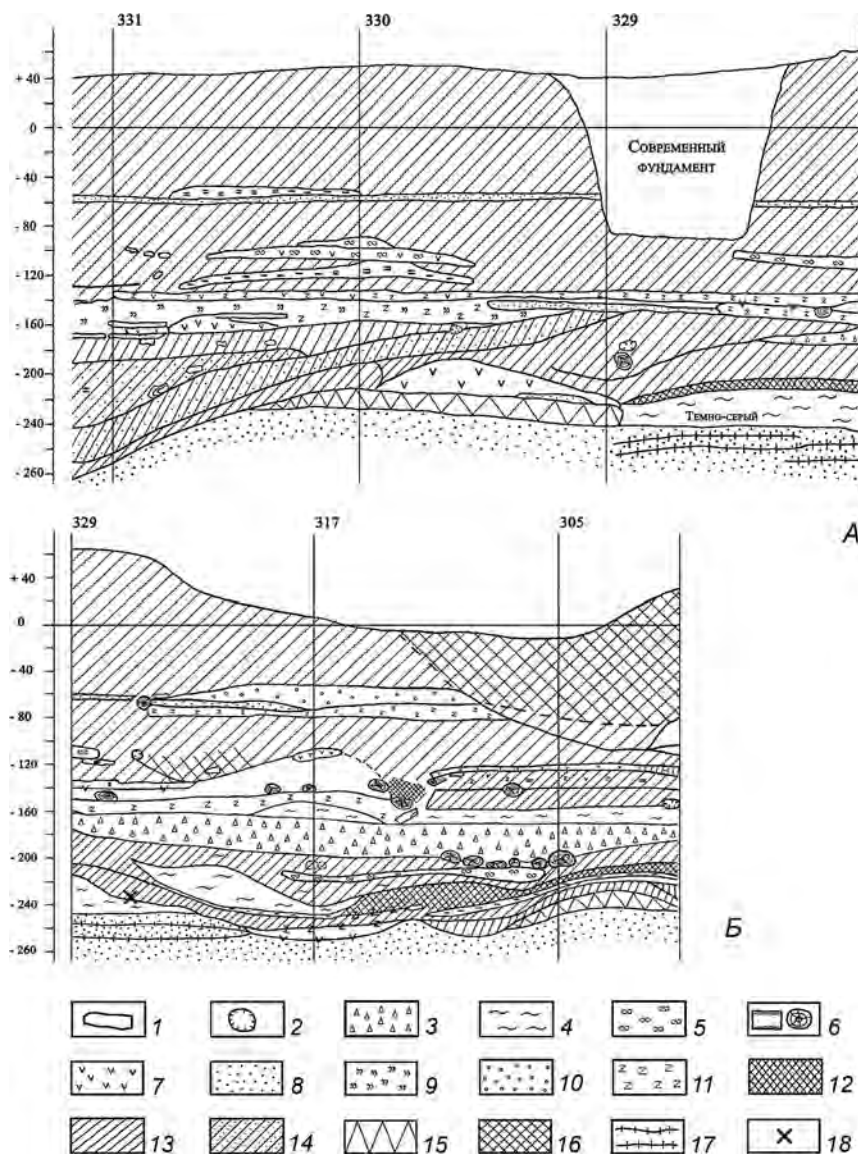

Рис. 3. Раскоп III на ул. Ленина (1976 г.). Профили: А – фрагмент профиля южной стены;

Б – профиль западной стены (по: Шапова, 1989. Черт. 24, 25).

1 – известняковая плита; 2 – валун, булыжник; 3 – щебень, известняк; 4 – глина; 5 – обожженная глина; 6 – бревно; 7 – уголь; 8 – песок; 9 – навоз; 10 – известь; 11 – щепа; 12 – черная углистая земля; 13 – темно-коричневая земля; 14 – светло-коричневая земля; 15 – серый супесчаный слой; 16 – перекопанный слой; 17 – погребенный дерн; 18 – место обнаружения подвески с княжескими знаками (проекция)

Важно отметить в списке датирующих два предмета: стеклянную бочонковидную золоченую бусину (Сирия, до первой четверти XI в.) и сердоликовую 23-гранную пережатую бусину (Восток, X в.). Их присутствие в слое позволяет предположить вторичное залегание предметов (возможное перемещение в результате разрушения погребений) (Лабутина, Королёва, 2014. С. 176–177).

Итак, время освоения этого участка, после прекращения захоронений и разрушения некрополя, может быть обозначено как вторая половина XI – рубеж XI–XII вв.

Подвеска была найдена в нижней части культурного слоя, датируемого в широком диапазоне: вторая половина XI – рубеж XI–XII вв. – 40–60 гг. XIII в. Она залегала в начальных отложениях этого слоя, на пологом склоне ямы, вырытой с уровня слоя серой супеси над песком, в темно-коричневом слое, образовавшем основание последующего заполнения ямы (рис. 3). Очевидно, что яма нарушила слой кладбища X – начала XI в. Местонахождение подвески не позволяет связать ее с определенным комплексом, но она могла происходить как из погребения некрополя, так и из двора (жилища) лица, которому принадлежала, но была утрачена и оказалась в XI или XII в. в слое на окраине псковского посада (Лабутина, Королёва, 2014. С. 178).

Таким образом, стратиграфическая дата находки (соответственно, *дата ее попадания в слой*) определяется периодом от середины – конца XI в. до середины XII в. (Там же. С. 178).

Учитывая изложенные обстоятельства нахождения предмета, полагаю, что *время бытования* самой подвески определяется как период не позднее середины XI в., а точнее – конец X – первая половина XI в.³

Подробное описание морфологических и стилистических особенностей подвески и изображенных на ней княжеских знаках выполнено в упомянутой работе 2014 г. (Лабутина, Королёва, 2014. С. 178–180). Приведу здесь основные положения, которые необходимы для обоснования предлагаемой здесь версии интерпретации знаков.

Подвеска с княжескими знаками, найденная в Пскове в 1976 г., пятиугольная, трапециевидной формы, с ушком и отверстием в нем (рис. 4). Пластина имеет удлинённый и заостренный в центре нижней части абрис. Ее размеры: длина (с ушком) – 48 мм, длина (без ушка) – 38 мм; ширина – 27,5–29 мм (в центральной части пластина несколько уже – 27 мм), толщина – 2,3–3 мм. Высота ушка – 10 мм, ширина – 3–5 мм, внешний диаметр – 8 мм, диаметр отверстия – 3,5 мм. Псковская находка на сегодняшний день, возможно, самая миниатюрная по своим размерам среди известных древнерусских бронзовых подвесок такого рода (Лабутина, Королёва, 2014. С. 178–179).

Псковская подвеска двусторонняя и по гармоничным пропорциям своей формы относится к наиболее распространенному, если можно так выразиться,

³ Не совсем ясно, на каких положениях нашей статьи основан вывод С. В. Белецкого о том, что «... из публикации следует, что для уверенного отнесения подвески ко времени ранее рубежа XI–XII вв. никаких стратиграфических оснований нет» (см. в настоящем сборнике).

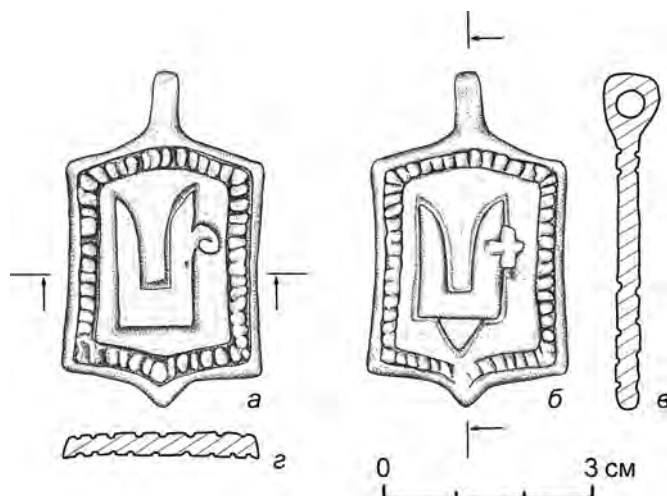

Рис. 4. Псковская подвеска с княжескими знаками (ПГОИАХМЗ, КП № 9644, ПЛ-76-III/522): а – сторона «А»; б – сторона «Б»; в – продольный разрез; з – поперечный разрез

«классическому варианту»: несколько вытянутая по высоте трапеция с удлиненным завершением нижнего контура пластины, сформировавшимся в результате «вписывания» треугольного нижнего выступа помещенного на ней знака. На обеих сторонах углубленными линиями изображены княжеские знаки в виде двузубцев в рубчатой орнаментальной рамке, повторяющей контуры подвески. Ширина полосы рамки – 2 мм, отступ от края подвески – 1 мм (Лабутина, Королёва, 2014. С. 179).

Изображения на обеих сторонах подвески лаконичны, без орнаментальных, «парадных» излишеств, что позволяет отнести их к линейной, упрощенной разновидности княжеских знаков (Лабутина, 1983. С. 17). Такая графическая схематизированная форма знаков позволяет четко обозначить индивидуальные изменения исходного двузубца. Отметим, что подобная строгость изображения княжеских знаков в целом не характерна для известных древнерусских подвесок из сплавов на основе меди. Сохранность подвески хорошая, на ушке практически не фиксируются следы потертости (Лабутина, Королёва, 2014. С. 179).

Оба знака на псковской подвеске изображены зубцами вверх. Отметим, что основание двузубца без т.н. «нижнего угла» на стороне «А» по высоте составляет 7 мм, что приближается к высоте основания двузубца вместе с нижним треугольным выступом на стороне «Б» – 9 мм. Таким образом, двузубец на стороне «А» своеобразно компенсирует отсутствие нижнего треугольного выступа более мощным основанием и, соответственно, оба знака занимают почти равное поле каждый на своей стороне подвески (с учетом отрога и усложняющей фигуры креста на правых зубцах): знак на стороне «А» – 14×20 мм, на стороне «Б» – 16×22 мм. Ширина боковых зубцов обоих знаков 3–4 мм. Уникальный пока для подвесок X–XI вв. элемент оформления псковской находки – одинаковая орнаментальная рубчатая рамка вокруг знаков на двух сторонах – также подчеркивает композиционное единство предмета с разными княжескими эмблемами (Лабутина, Королёва, 2014. С. 180).

Похожая контурная рубчатая рамка присутствует на одной из более поздних т. н. «геральдических» ливских подвесок, что свидетельствует о том, что псковская подвеска (или другие экземпляры из этой серии)⁴ была известна на довольно обширной территории и явно выступила прототипом для изготовления этих украшений (Белецкий, 2004. С. 246 – № 26, Лаукскола, медь, погребение № 578, XII–XIII вв. (рис. 5, 1, 3); Zariņa, 1988, 60. Tab. 43). Кроме того, в статье С. В. Белецкого в настоящем сборнике сообщается о подвеске (№ 132 по сводному каталогу, составляемому автором), имеющей аналогичную контурную рубчатую рамку. По мнению исследователя, она также относится к разряду подвесок-реplik.

Визуально различимое на поверхности псковской подвески золотистое «покрытие»⁵ на самом деле является коррозионной поверхностью, которую составляют осажденные вторичные сульфиды железа и меди, образовавшиеся в результате длительного нахождения предмета во влажном культурном слое без доступа кислорода.⁶ Подчеркну, что коррозионное состояние предмета, соответствующее условиям, в которых он пролежал в почве, является важным свидетельством его подлинности (Шемаханская, Равич, 2000. С. 63).

Визуальный осмотр псковской подвески с княжескими знаками позволил уточнить технологию ее изготовления. Она цельнолитая, отлита вместе с ушком. Отверстие в нем получено в процессе литья путем использования вставного стержня.

Предмет изготовлен способом литья по восковой модели, о чем свидетельствует ряд визуальных признаков: отсутствие острых краев у заглубленных линий; плавность углов, которая невозможна при гравировке по металлу; местами плавное прерывание углубленных линий, которое образуется при недоливе металла; мелкие литейные раковины, перекрывающие углубленные ли-

⁴ Несомненно, что подвески с княжескими знаками изготавливались серийно, чтобы выполнить свою функцию верительного знака в различных сферах – дипломатии, управлении, торговле. Сегодня известны предметы, происходящие из двух серий X–XI вв. – из Новгорода и с Белгородка близ Киева, изготовленные, как считают авторы публикаций, в одной литейной форме (Рыбаков, 1940. С. 238–239. Рис. 33, 34, 35, 36; Молчанов, 1976. С. 73–74. Рис. 3А, 3Б – подвески №№ 3 и 4; Белецкий, 2004. С. 268–271. Рис. 10, 1, 2, подвески №№ 28 и 38), а также из Кельгининского могильника на территории Мордовии, которые отличаются мельчайшими деталями декора (Белецкий, 2004. С. 259–261. Рис. 18, 1, 2, подвески №№ 51 и 52).

Однако большинство подвесок дошло до нас в единичных экземплярах, т. к., по всей видимости, из-за дефицита цветного металла попадали в переплавку, как и остальные предметы, утратившие свой функциональный смысл.

⁵ Изначально был отмечен золотистый цвет предмета, что побудило провести экспертизу на наличие позолоты. Такая экспертиза (с подтверждающим наличие позолоты заключением) была проведена представителями Северо-Западной госинспекции пробирного надзора. Однако исследование состава металла методом РФА не подтвердило наличие позолоты, несмотря на 16 проб в различных точках поверхности подвески.

⁶ Автор выражает искреннюю признательность за консультацию к. и. н., сотруднику кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова Н. В. Ениосовой, которая выполнила методом РФА анализ состава металла нескольких предметов с аналогичной золотистой поверхностью из культурного слоя Новгорода. Результаты проб так же, как и в случае с псковской подвеской, не подтвердили наличие позолоты.

нии; на стороне «А» видны следы заглаживания по воску. Оба изображения и орнаментальная рамка с двух сторон подвески были вырезаны на восковой модели, а затем отлиты (Лабутина, Королёва, 2014. С. 180).

На стороне «А»⁷ (рис. 4, а) изображен двузубец прямолинейных очертаний, без треугольного выступа в основании двузубца, с отрогом наружу на правом зубце.

На стороне «Б» (рис. 4, б) – двузубец прямолинейных очертаний с треугольным выступом внизу и осложненный крестообразной, если так можно выразиться, «накладной» фигурой с правой стороны в верхней части правого зубца⁸. Крест имеет свой замкнутый контур и частично перекрывает правый зубец, при этом внешняя линия зубца и левая линия вертикальной мачты креста совпадают (Лабутина, Королёва, 2014. С. 179).

Некоторое зеркальное сходство схемы знака, изображенного на стороне «Б» псковской подвески (рис. 4, б), и знака на монетах Святополка Ярополчича было отмечено И. К. Лабутиной уже в публикации 1983 г. (Лабутина, 1983. С. 17–18).

Здесь важно отметить, что на сребрениках Святополка всех трех типов крест также всегда имеет свой замкнутый контур и в схеме знака присутствует как отдельная фигура на левом зубце (рис. 5).

Кроме того, правый зубец с крестообразной фигурой на псковской подвеске обнаруживает сходство с крестообразной формой правого зубца у знака на т. н. таманском «брактеате» (рис. 6, А)⁹.

Представляется, что крест на княжеском знаке псковской подвески можно не считать отрогом наружу, принципиально изменяющим исходный двузубец, т. к. он частично «вписан» в контур правого зубца. Данное обстоятельство, на наш взгляд, сближает эмблему на псковской находке с изображением на т. н. таманском «брактеате» по принципам своего построения¹⁰. На «брактеате» двузубец изображен также графически и линейно, а правый зубец

⁷ Стороны «А» и «Б» определены в соответствии с предшествующими публикациями находки (Лабутина, 1983. С. 21. Рис. 10; Белецкий, 1996. С. 85. Рис. 58).

⁸ Идея о возможном «накладном» характере фигуры креста принадлежит Е. А. Яковлевой (Председателю Государственного комитета Псковской области по охране объектов культурного наследия), проявившей большой интерес к этой работе, за что автор выражает ей искреннюю признательность.

⁹ Таманский «брактеат» (условное название) представляет собой круглую тонкую бронзовую пластинку с оттиснутым штампом изображением лично-родового знака и круговой надписью, найденную на Тамани. Впервые этот предмет был издан А. В. Орешниковым и хранится в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея, инв. № 71775) (Молчанов, 1982. С. 223).

¹⁰ Отмечу, что суждение о схожести изображения на псковской находке с лично-родовым знаком на таманском «брактеате» высказано «с известной степенью гипотетичности» ранее С. В. Белецким (Белецкий, 1996. С. 85, прим. 23). Кроме гипотетичности сходства этих знаков, исследователь также указывает на то, что знак на таманском «брактеате» «находит себе аналогии среди лично-родовых знаков русских князей XII–XIII вв.» (Белецкий, 2004. С. 276–277).

Рис. 5. Изображение княжеского знака на монетах Святополка Ярополчича:
 А – о. с. сребреников Святополка с его именем; Б – о. с. сребреников Святополка
 с именем «Петрос»; В – о. с. сребреников Святополка с именем «Петор» (без масштаба
 по: Гайдуков, Калинин, 2012. Рис. 16, 1–2 на с. 423; рис. 17 на с. 424; рис. 18 на с. 426)

завершается крестообразной фигурой¹¹. Предположу, что некоторое смещение креста по вертикали (и немного по горизонтали) на псковской подвеске не является принципиальным отличием от таманской находки, т. к. лично-родовые знаки не имеют абсолютного единообразия в деталях своего начертания¹².

А. А. Молчанов отмечал в своей статье, что знак «брактеата» отличается от всех позднейших лично-родовых тамг князей Рюриковичей, начиная со второй половины XI в., одной существенной особенностью своей графики (Молчанов, 1982. С. 224). Исследователь имел в виду, что важнейшей характерной чертой знаков X – первой половины XI в. являлось присутствие «нижнего угла» – треугольного или закругленного выступа, который отмечается и у знака «брактеата»¹³. По мнению А. А. Молчанова, в этом отношении знак «брактеата» ближе всего стоит к знаку на монетах Святополка Окаянного, являясь в схематическом виде его точным зеркальным отражением (Молчанов, 1982. С. 224). Данное обстоятельство позволило А. А. Молчанову

¹¹ Крест образован путем наложения горизонтальной перекладки на верхнюю часть правого зубца.

¹² Как отмечал А. А. Молчанов, «все зависит от размеров предметов, на которых они изображались, материала, из которого они изготовлялись, технологии изготовления последних и степени декоративно-орнаментальной разработки графической композиции тамги» (Молчанов, 1982. С. 225).

¹³ Есть этот «нижний угол» и у знака на стороне «Б» псковской подвески.

предположить, что знак принадлежал одному из братьев Святополка, а именно, принимая во внимание место находки «брактеата», Мстиславу Тмутараканскому. Кроме того, исследователь отмечал, что сходство начертания букв в легендах древнейших русских монет конца X – начала XI в. и в надписи на «брактеате», подмеченное Н. В. Энговатовым, вынудило датировать данный памятник первой половиной XI в., что также свидетельствовало в пользу такого предположения (Молчанов, 1982. С. 224).

А. А. Молчанов подчеркнул также, что «Мстислав Тмутараканский (умер в 1036 г.) остается в первой половине XI в. единственным удельным князем, кто мог бы официально иметь свой знак на равных правах с киевским князем, располагая для этого всеми законными основаниями после раздела с братом Ярославом русских земель в 1026 г. Начать же пользоваться своим собственным знаком Мстислав мог уже на самом первом этапе борьбы с ним – в 1023 или 1024 г. » (Молчанов, 1982. С. 226) (рис. 6, Б)¹⁴.

Таким образом, «время действия» этого знака на политической арене Руси – 1023/24–1036 гг. Знаки на обеих сторонах псковской подвески задуманы и исполнены одновременно, что подтверждается технологией ее изготовления. Принимая во внимание место находки подвески и опуская дискуссию о том, занимал ли Судислав псковский княжеский стол с 1015¹⁵ по 1036 г. или только просидел в заточении в псковском порубе с 1036 по 1059 г., можно предположить принадлежность уникального знака в виде двузубца без треугольного выступа в основании и отрогом на правом зубце именно этому человеку¹⁶.

Нет никаких сведений о роли Судислава в княжеской междоусобице, но именно в год смерти Мстислава он, как сообщают источники, был оклеветан и посажен своим братом Ярославом в «поруб»¹⁷, где просидел почти четверть века¹⁸.

¹⁴ В своих работах последних лет исследователь не изменил своего мнения по атрибуции этого символа (Молчанов, 2008. С. 254. Табл. 2; 2012. С. 446–447. Рис. 10).

¹⁵ Утверждение на псковском княжеском столе малолетнего (?) Судислава Владимировича сопровождалось, по мнению С. В. Белецкого, основанием Спасо-Мирожского монастыря (после 1010 г.), что являлось актом общегосударственного значения. Устройство обители в качестве поддержки христианину Судиславу в окружении языческого мира Псковщины произошло в пределах хронологически узкого интервала (между 1010 и 1015 гг.) и было осуществлено совместно его старшими братьями, занимавшими все основные столы на Руси. Анализ ктиторовской части Стефановского синодика, как считает исследователь, позволяет утверждать, что первыми среди вкладчиков в Мирожский монастырь названы Ярослав Владимирович (Мудрый), его братья Святослав, Мстислав, Борис и Глеб Владимировичи, а также кузен Святополк Ярополчич (Окаянный). Таким образом, основание монастыря и утверждение Судислава на псковском столе – не позднее 24 июля 1015 г. (убийство Бориса Владимировича) (Белецкий, 1996. С. 83–84).

¹⁶ Некоторую возможную связь этой подвески с княжением в Пскове Судислава Владимировича отмечал ранее С. В. Белецкий (Белецкий, 1996. С. 84–85, прим. 23). Однако недоверие исследователя к подлинности артефакта, а также невозможность «вписать» особенности изображений в предлагаемую им схему наследования лично-родовых княжеских знаков так и оставили эту находку за пределами генеалогической таблицы.

¹⁷ ПВЛ, под 6544.

¹⁸ ПВЛ, под 6567.

Рис. 6. Изображение княжеского знака на таманском «брактеате»:

А – таманский «брактеат», прорись (по: Молчанов, 1982. С. 224. Рис. 1 – без масштаба);
Б – фрагмент сводной генеалогической таблицы получивших атрибуцию лично-родовых знаков князей Рюриковичей X – первой половины XIII в. (по: Молчанов, 2012. Рис. 10)

Если подобная атрибуция княжеских знаков верна, то их присутствие на одном «верительном знаке» может говорить о том, что Судислав в период дуумвирата, несмотря на условия соглашения 1026 г., выбрал своим сюзереном именно Мстислава. Учитывая постигшее его потом наказание, эта версия не кажется такой уж невероятной...

Композиционно-семантические особенности расположения изображений на сторонах подвески, отмеченные в ее описании (уравновешенная соразмерность знаков и заключение в одинаковую орнаментальную рамку), также свидетельствуют в пользу символики некоего политического союза (договоренности) владельцев двух знаков.

В связи с предложенной версией атрибуции знаков интересно отметить, что изучение элементного состава металла подвески позволило выдвинуть предположение о том, что она, по всей видимости, изготовлена не в псковских мастерских¹⁹ (Лабутина, Королёва, 2014. С. 181–183).

Таким образом, основанием для предложенной версии персонификации княжеского знака на стороне «Б» псковской подвески Мстиславу Владимировичу послужило, прежде всего, сходство с изображением на таманском «брактеате». Принадлежность знака на стороне «А» Судиславу Владимировичу основывается на гипотетических построениях, исходящих из датировки этих предметов и ограниченного круга возможных участников политических событий 20–30-х гг. XI в.

¹⁹ Металл подвески представляет собой многокомпонентный сплав Cu + Zn + Pb + Sn, который по сравнению со всей псковской выборкой предметов этого типа сплава имеет своеобразный набор по содержанию и легирующих компонентов, и элементов–примесей.

Новые находки, возможно, дополняют новыми аргументами предложенную гипотезу или, наоборот, полностью ее опровергают²⁰. Однако существование изображенных на псковской подвеске лично-родовых знаков в первой половине XI в. следует признать несомненным фактом.

Литература

- Белецкий С. В., 1996. Начало Пскова. СПб.
- Белецкий С. В., 2000. Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Выпуск 2. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X–XI вв. СПб.
- Белецкий С. В., 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2003 г. Сборник статей. СПб.
- Гайдуков П. Г., Калинин В. А., 2012. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера.
- Лабутина И. К., 1983. Культурный слой Пскова // АИП. М.
- Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л., 1977. Раскопки в Пскове на ул. Ленина // АО 1976 г. М.
- Лабутина И. К., Королёва Э. В., 2014. К изучению подвески с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной // Труды ГИМ. Вып. 198. М. С. 171–195.
- Молчанов А. А., 1976. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. VII. Л.
- Молчанов А. А., 1982. Еще раз о Таманском бронзовом «брактеате» // СА. № 3.
- Молчанов А. А., 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.
- Молчанов А. А., 2008. Знаки Рюриковичей: итоги и проблемы изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. Рюриковичи и российская государственность. М.
- Молчанов А. А., 2012. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера.
- ПВЛ – Повесть Временных лет. М.; Л., 1950.
- Рыбаков Б. А., 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Руси X–XII вв. // СА. Т. VI. М.–Л.
- Шемаханская М. С., Равич И. Г., 2000. К проблеме археологической идентификации древнерусской подвески // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. СПб.
- Щапова Ю. Л., 1989. Отчет о раскопках в г. Пскове в 1976 г. (раскоп III на ул. Ленина) // Архив ГБУК АЦПО. Д. 2. 59 л.
- Zariņa A., 1988. Lībiešu apģērbs 10.–13.gs. Rīga: Zinatne.

²⁰ Возможно, именно о такой находке и упомянуто в статье С. В. Белецкого в настоящем сборнике – о серебряной с золочением подвеске с изображением трезубца, поступившей в коллекцию Алексея Шереметьева. На правом зубце знака есть крестовидный отрог, на другой стороне подвески было размечено, но так и не выполнено изображение двузубца без ножи.

С. В. Белецкий

Еще раз о геральдической подвеске из раскопок в Пскове в 1976 г.

S. V. Beletsky. More about the Heraldic Pendant from the 1976 Excavations in Pskov

Abstract. In 1976 during excavations in Pskov there was found a heraldic pendant, which became subject of a lively scientific debate (I. K. Labutina, A. A. Molchanov, S. V. Beletsky). Commenting on a detailed publication of the find (I. K. Labutina and E. V. Koroleva), the author reiterated his previous conclusion: “before new ... finds ... this object must be considered doubtful.”

Recently a new pendant very similar to the Pskov one from the excavations of 1976 has come to be known. Most probably both pendants should be considered in the context of well-known replica pendants of the 12–13th cc.

Ключевые слова: Псков, археологические раскопки, Древняя Русь, подвеска, княжеские знаки.

Keywords: Pskov, archaeological excavations, Ancient Rus, pendant, princely signs

В 1976 г. в раскопе на Старом рынке в Пскове была найдена геральдическая подвеска (см. рис. на с. 80). В статье 1983 г. И. К. Лабутина писала, что подвеска происходит из слоя XI в. и связана с одним из разрушенных в древности погребений Псковского некрополя (*Лабутина*, 1983. С. 17, 21. Рис. 10).

В литературе обсуждение подвески началось сразу же после первой публикации. А. А. Молчанов в статье 1986 г. отметил геральдические и стилистические несообразности в оформлении подвески, упомянул про некие «обстоятельства находки» и признал подвеску современным фальсификатом (*Молчанов*, 1986. С. 185). В работе 1996 г. я в целом поддержал Молчанова и после изложения геральдических наблюдений отметил: «Очевидно, до новых, более или менее надежных находок следует оставить псковскую подвеску без комментария» (*Белецкий*, 1996. С. 84–85, примеч. 23). Этот же вывод я повторил и в работе 2004 г.: «до новых, более надежных находок ... этот предмет следует отнести к числу сомнительных» (*Белецкий*, 2004. С. 273–277).

В 2014 г. появилась подробная публикация находки (*Лабутина, Королёва*, 2014. С. 171–195), и это дает основание вернуться к обсуждению предмета.

Характеристика слоя, из которого происходит подвеска, приведена в статье И. К. Лабутиной и Э. В. Королёвой с исчерпывающей полнотой: «Подвеска была найдена в нижней части культурного слоя раскопа III, датируемого в диапазоне вторая половина XI – рубеж XI–XII – 40–60-е гг. XIII в. Она залегала в начальных

отложениях этого слоя на пологом склоне ямы, вырытой с уровня серой супеси над песком, в темно-коричневом слое, образовавшем основание последующего заполнения ямы. Очевидно, что яма нарушила слой кладбища X – начала XI в. Потребовалось некоторое время, в течение которого накапливался первоначальный слой на поверхности и по стенкам ямы, где отложилась подвеска» (Лабутина, Королёва, 2014. С. 178). Исследователи отметили, что «стратиграфическая дата находки определяется периодом от середины – конца XI в. до середины XII в.» (Лабутина, Королёва, 2014. С. 178). Обоснованием нижней даты формирования «темно-коричневого слоя» стала датировка найденного рядом с подвеской развала гончарного сосуда – «не ранее второй половины – конца XI в. – до рубежа XII–XIII вв.» (Там же. С. 175–177, 192. Рис. 7, 3).

Особое внимание в публикации находки было уделено технологии изготовления подвески. И. К. Лабутина и Э. В. Королева отметили, что подвеска была изготовлена в технике литья по восковой модели, а многокомпонентный сплав, из которого она была отлита, не соответствует сплавам псковских ювелирных изделий X–XV вв. На этом основании авторы предположили, что «подвеска, по всей видимости, была изготовлена не в псковских мастерских» (Там же. С. 180–183).

Завершая характеристику находки, И. К. Лабутина и Э. В. Королева писали: «Подвеска найдена в начальных отложениях культурного слоя, образовавшегося после прекращения функционирования курганного кладбища. Стратиграфическая дата находки середина – конец XI – первая половина XII в.» (Там же. С. 183). Однако подвеска была отнесена исследователями к более раннему времени, поскольку находка, по их мнению, попала в слой из более древних отложений: «Теоретически она могла происходить из погребального комплекса или из двора (жилища) лица, которому она принадлежала, но по неизвестным причинам была утрачена и оказалась в XI или XII в. на окраине псковского посада» (Там же. С. 178).

Конечно, в отложениях слоя, перекрывшего в раскопах на Старом Рынке Пскова остатки курганного некрополя, найден ряд предметов, происходящих из разрушенных погребений. Тем не менее из публикации следует, что для уверенного отнесения подвески ко времени ранее рубежа XI–XII вв. никаких стратиграфических оснований нет. Результаты же металлографического анализа подвески свидетельствуют лишь о том, что состав многокомпонентного сплава, из которого подвеска изготовлена, не находит себе соответствия среди средневековых предметов из раскопок в Пскове.

Таким образом, единственным путем для осмысления подвески остается геральдический и стилистический анализ находки.

В статье 1983 г. И. К. Лабутина отмечала (Лабутина, 1983. С. 17–18), что знак на стороне «Б» подвески иконографически близок знакам Святополка Ярополчича (†ок. 1019), а также напомнила, что подобный знак С. С. Ширинский атрибуировал Олегу Святославичу (†977). Знак на стороне «А» исследовательница считала старшим по отношению к знаку на стороне «Б» (Там же. С. 18). На персонификациях И. К. Лабутина не настаивала, однако направление поиска в целом определенно свидетельствовало в пользу мнения автора о ранней датировке предмета – не позднее последней трети X – начала XI в.

В статье 2014 г. И. К. Лабутина и Э. В. Королева воздержались от геральдического комментария, подчеркнув: «Персонификация княжеских знаков, расположенных на обеих сторонах подвески и заключенных в орнаментальную рамку, на настоящий момент является крайне сложной задачей... Вполне возможно, что ее решение невозможно без появления новых данных» (*Лабутина, Королёва*, 2014. С. 184).

Я согласен с И. К. Лабутиной и Э. В. Королёвой в том, что «персонификация княжеских знаков» вообще и «персонификация княжеских знаков» на рассматриваемой подвеске в частности «является крайне сложной задачей». Однако сопоставление особенностей оформления подвески с другими известными геральдическими памятниками Древней Руси, на мой взгляд, задача вполне посильная.

Начну со знака на стороне «Б».

Прежде всего, следует отказаться от сопоставления этого знака с двузубцем на монетах Святополка Ярополчича (*Сотникова, Спасский*, 1983. С. 180–196; *Сотникова*, 1995. С. 96–114), поскольку крестик у двузубца на стороне Б подвески помещен на правом, а не на левом зубце. Двузубцы с крестовидным правым зубцом известны по изображениям на пломбах (*Белецкий*, 2001. Табл. 1, 12–17, 2, 1–10, 3, 17, 5, 1–16, 21, 6, 3, 10, 1–13, 12, 1–8, 15, 1, 17, 5, 18, 3, 26, 4–6, 29, 4–6, 30, 3, 31, 2, 6, 32, 6–8, 34, 1–4, 36, 4, 8–11, 40, 4, 41, 2, 42, 1, 6–9, 43, 2, 3, 44, 2, 45, 3, 4, 46, 1, 54, 5, 59, 6), печати (Там же. Табл. 61, 5) и в гончарном клейме (*Белецкий*, 2014а. Рис. 6, 16). Однако все эти предметы датируются временем не ранее XII–XIII вв.

Правда, Молчанов датировал началом XI в. т. н. «таманский брактеат» и считал двузубец на этом предмете знаком Мстислава Тмутараканского (†1036). Основанием для ранней датировки, по мнению исследователя, является треугольная форма ножки двузубца, характерная для двузубцев X – начала XI в. (*Молчанов*, 1982. С. 224). Однако треугольная ножка известна и у двузубцев XII–XIII вв. (*Белецкий*, 2001. Табл. 18, 3; 2014а. Рис. 7, 6, 7; *Медведев*, 1959. С. 135. Рис. 7, 5), так что датировка т. н. «таманского брактеата» временем ранее XII–XIII вв. маловероятна. Отмечу, кстати, что подлинность появившихся на антикварном рынке в последние годы новых экземпляров т. н. «таманских брактеатов» (напр.: *Бабаев*, 2009. С. 76–77) представляется мне крайне сомнительной.

Заметим также, что у двузубца на монетах Святополка крестовидным является зубец или вершина зубца, в то время как крестик у двузубца на стороне «Б» псковской подвески, «наложенный» (по определению И. К. Лабутиной и Э. В. Королёвой, сославшихся на мнение Е. А. Яковлевой, см.: *Лабутина, Королёва*, 2014. С. 179 и примеч. 18) на внешний контур зубца, имеет вид отрога. До недавнего времени такие изобразительные символы не были известны. Однако несколько лет назад в коллекцию киевского историка и предпринимателя Алексея Шереметьева поступила серебряная с золочением геральдическая подвеска, демонстрировавшаяся осенью 2013 г. в национальном музее истории Украины (Киев), на масштабной выставке «1000-летие украинской печати» (1000 років... С. 82, 83, № 57). В сводном каталоге подвесок ей был присвоен № 88.

На одной из сторон у этой подвески помещено изображение трезубца, на правом зубце которого имеется крестовидный отрог (Белецкий, 2015. С. 184, 185, 190. Рис. 1–2), подобный отрогу двузубца на стороне «Б» псковской подвески.

Двузубец на стороне «А» лишен ножки. Для знаков Рюриковичей X–XI вв. такое изображение крайне редко. Мне известен только один подобный двузубец – на костяной подвеске № 32 (Белецкий, 2004. Рис. 12, 3)¹. Для XII–XIII вв. двузубцы без ножки известны по изображениям на пломбах (Белецкий, 2001. Табл. 25, 1–8, 26, 1–3, 30, 5, 40, 2), в гончарных клеймах (Белецкий, 2014а. Рис. 7, 9–16, 8, 4–33) и клеймах на строительной керамике (Белецкий, в печати. Рис. 6, 4–27). Однако отрог наружу на правом зубце не встречен ни разу. Вообще, отроги наружу на зубах двузубцев и трезубцев исключительно редки и зафиксированы пока только знаками XII–XIII вв. на пломбе (Белецкий, 2001. Табл. 20, 1), щитке перстня (Белецкий, 2001. Табл. 68, 5) и в гончарных клеймах (Белецкий, 2014а. Рис. 10, 9, 11, 13).

Предметом обсуждения стали также орнаментальные рамки на обеих сторонах подвески. Комментируя псковскую находку, я отмечал, что «знаки на сторонах этой подвески окружены орнаментальными рамками, на других подвесках отсутствующими» (Белецкий, 2004. С. 275). И. К. Лабутина и Э. В. Королева напомнили, что «похожая контурная рубчатая орнаментальная рамка» присутствует на ливских подвесках (Лабутина, Королёва, 2014. С. 180). Это действительно так: рубчатые рамки широко распространены на т. н. «ливских подвесках» типов II и III, по Мугуревичу (Mugurevics, 1994. С. 81). Однако эти подвески являются репликами древнерусских геральдических подвесок X–XI вв., датируются, преимущественно, XII–XIII вв. и представляют собой женские украшения (Мугуревич, 1996. С. 31–32). Кстати, в настоящее время подвески-реплики обнаружены на всей территории Древней Руси (Белецкий, 2014б. С. 87).

«Контурная рубчатая орнаментальная рамка» имеется также на подвеске из музея Шереметьевых в Киеве (1000 років... С. 81). Осенью 2013 г. благодаря любезному разрешению Алексея Шереметьева я осмотрел эту подвеску, которой в каталоге геральдических подвесок был присвоен № 115. По первому впечатлению, она также была отнесена к современным фальсификатам (Белецкий, 2015. С. 187–188, 198, № 115. Рис. 16) или, по крайней мере, к числу сомнительных.

После всего сказанного я вынужден повторить свой прежний вывод: до новых находок псковскую подвеску из раскопок 1976 г. следует относить к числу сомнительных.

Post scriptum

Завершая свое выступление на заседании семинара 16 апреля 2015 г., я повторил вывод, сделанный в работах двадцати- и двенадцатилетней давности (Белецкий, 1996. С. 84–85, примеч. 23; 2004. С. 273–277), и отложил решение загадок псковской подвески из раскопок 1976 г. до новых находок. Как

¹ Изображение двузубца без ножки было также размечено на стороне «Б» подвески № 88 (1000 років в. С. 82, 83, № 57); оно осталось нереализованным.

будто бы искомая *новая находка* появилась. К сожалению, место ее находки и хранения неизвестно, но имеется фото обеих сторон². В сводном каталоге ей присвоен № 132 (Белецкий, 2016. С. 28. Рис. 15). Подвеска с изображениями знаков на обеих сторонах, окруженных орнаментальными рамками, чрезвычайно сходна с псковской подвеской из раскопок 1976 г., что позволяет рассматривать оба предмета как близкородственные. Главным отличием является принцип передачи изображений: на псковской подвеске изображения знаков переданы углубленными желобками, а на подвеске № 132 они обозначены высоким рельефом.

Оснований сомневаться в подлинности подвески № 132 как будто бы нет. Правда, изображенные на ней знаки, на первый взгляд, не имеют отношения к семейству знаков Рюриковичей: на стороне «А» – зеркальное изображение S-видного знака с центральным перекрестьем, на стороне «Б» – зеркальное изображение t-образного знака. Однако знак на стороне «А» у этой подвески аналогичен знаку на стороне «Б» у подвески-реплики № 49 из кургана 19 могильника Хилово (Белецкий, 2004. С. 282, 283, 316. Рис. 17, 1). Последняя найдена в женском погребении по обряду ингумации (Гатищук, 1904. С. 38. Табл. V, 7, 9). Датировка хиловской подвески, по мнению Ю. М. Лесмана, определяется последней четвертью XI в. (Лесман, 2011. С. 105–107). Напомню, что вопрос о принципиальной атрибуции подвески № 49 я ранее также оставлял открытым «до новых находок как аналогичных подвесок, так и предметов, несущих на себе изображения знаков, аналогичных знакам на подвеске» (Белецкий, 2004. С. 283).

По-видимому, к осмыслению псковской подвески из раскопок 1976 г. следует еще раз вернуться и рассмотреть ее в контексте известных подвесок-реплик XII–XIII вв.³

Литература

- 1000 років української печатки. Київ. 2013.
 Бабаев К. В., 2009. Монеты Тмутараканского княжества. М.
 Белецкий С. В., 1996. Начало Пскова. СПб.
 Белецкий С. В., 2001. Знаки Рюриковичей. Часть вторая: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду) // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3. СПб.
 Белецкий С. В., 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев». Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
 Белецкий С. В., 2014а. Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29. М.; Псков; СПб.
 Белецкий С. В., 2014б. Геральдические подвески древней Руси: география находок // Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ.

² Сообщено И. Ю. Сорокиным.

³ Вероятно, к числу подвесок-реплик особого типа IV, наряду подвесками № 47 и № 132, следует относить также вышеупомянутую подвеску № 115. От оценки этой подвески как современного фальсификата следует, таким образом, отказаться.

- Белецкий С. В., 2015. Новые находки древнерусских геральдических подвесок (материалы к своду) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории». Старая Ладога, 13 июня 2015 года. СПб.
- Белецкий С. В., 2016. Древнерусские геральдические подвески (дополнение к своду) // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1. Брянск.
- Белецкий С. В., в печати. Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Оборонительные сооружения и монументальное зодчество Древней Руси. Материалы конференции. Труды ГЭ. СПб.
- Гатцук С. А., 1904. Отчет С. А. Гатцука о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губернии // ИИАК. Том 6.. СПб.
- Лабутина И. К., 1983. Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука.
- Лабутина И. К., Королёва Э. В., 2014. К изучению подвески с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Тр. ГИМ, Вып. 198. М.
- Лесман Ю. М., 2011. Подвески со знаками Рюриковичей из могильника Хилово и проблема генезиса подвесок-реплик // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб.: ГЭ.
- Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М.
- Молчанов А. А., 1982. Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» // СА. № 3.
- Молчанов А. А., 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jarategnir // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.
- Мугуревич Э. С., 1996. Знак Рюриковичей или подвески знатных ливских женщин // Austrvegr. № 2.
- Сотникова М. П., 1995. Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М.: Банки и биржи.
- Сотникова М. П., Спасский И. Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.
- Mugurevics E., 1994. Piekarini ar. t. s. Rjurikovicu cilts zimi Latvija 11.,13 gs. // Arheologija un etnografija, XVII. Riga.

В. М. Горюнова

Роговое «навершие» Псковского некрополя. Культурно-хронологическое определение находки

V. M. Goryunova. Horn “Pommel” from the Pskov Necropolis. Cultural and Chronological Determination of the Find

Abstract. The subject of the article is a horn “pommel” from a small moat filling of the destroyed barrow of the Pskov necropolis. It is defined as a handle of a marching awl. A wide range of analogies from the Upper Kama region to Sarkel and Norway is discussed, the ornament of the thing is analyzed. The feature combination shows that the handle was made in the Volga-Oka region in the 10–11th cc.

Ключевые слова: Псковский некрополь, рукоять шила пермского типа, промысловая охота

Keywords: Pskov necropolis, handle of the Perm type awl, hunting

Предмет статьи – так называемое роговое «навершие» (рис. 1), которое происходит из заполнения ровика разрушенного кургана (раскоп X, яма 8), располагавшегося на северной окраине Псковского некрополя (Плоткин, 1996. С. 164. Рис. 3; С. 165. Рис. 4, *a–z*; С. 167. Табл. 1, *a*)¹. Данный предмет имеет форму, близкую к треугольнику с вытянутыми тонкими верхними концами, нижняя «вершина» треугольника представляет собой округлую в разрезе втулку. Втулка выделена тремя глубокими параллельными желобками, остальная поверхность «треугольника» с двух сторон покрыта полумеандровым орнаментом, нанесенным очень тонкими врезными линиями. Роговое «навершие» найдено вместе с миниатюрным топориком, железной гривной с молоточком Тора, костяной обоймой с геометрической орнаментацией. Железная гривна с молоточком Тора придает скандинавскую окраску комплексу (рис. 2). Комплекс не вошел в монографическое издание Псковского некрополя (Мальшева, 2012. С. 26–86), так как не соответствовал основному признаку, по которому выделялись в культурном слое остатки разрушенных погребений. В нем отсутствовали кальцинированные кости. Но все же с достаточной долей вероятности

¹ Такое определение дано артефакту при публикации комплекса К. М. Плоткиным, без уточнения его назначения. Поскольку, на мой взгляд, это определение неверно, слово «навершие» употреблено в кавычках.

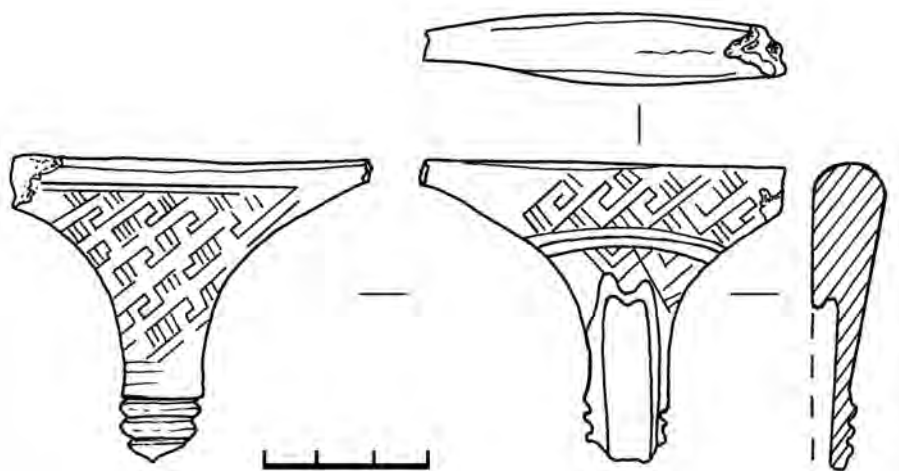

Рис. 1. Рукоять шила. Псковский могильник. Разрушенный курган в раскопе X, яма 8.

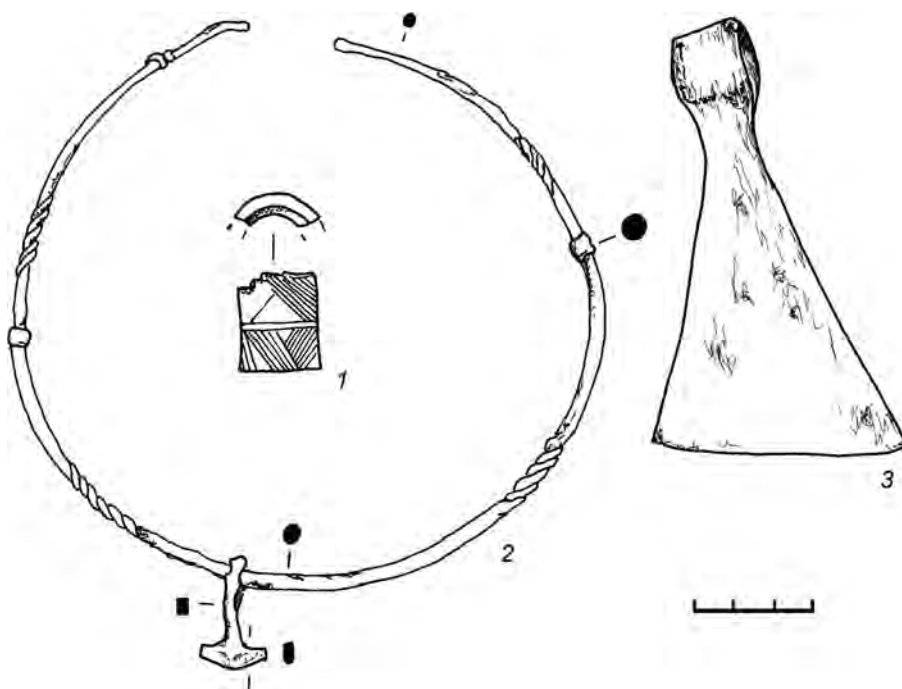

Рис. 2. Комплекс предметов из ямы 8. Псковский могильник. Раскоп X

можно предполагать, что данная группа вещей принадлежит разрушенному подкурганному захоронению, о чем прямо было заявлено автором публикации материалов раскопа X (Плоткин, 1996. С. 161–162, 164. Рис. 3).

В яме 8 найдены также фрагментированные сосуды. Крупный фрагмент принадлежит верхней части лепного горшка с ребром в верхней трети, по другим фрагментам восстановлены профили двух орнаментированных раннегончарных сосудов: один – с вертикальным горлом и богатой орнаментацией, второй – с усложненно-профилированным венчиком с верхней и нижней оттяжками и желобком по краю (рис. 3)².

Хронология комплекса наиболее точно определяется сочетанием вышеописанных форм. Такое сочетание по классификационной схеме Новгородских керамических материалов появляется в самом конце X в. и становится наиболее характерным в первой половине XI в. Оно также соответствует керамическим формам из Среднего города горизонта Е раскопа 1956 г. Г. П. Гроздилова (Горюнова, 2005. С. 104. Табл. Б; С. 116, 310–311. Табл. 138 и 139).

Данный вывод не противоречит верхней дате существования Псковского некрополя и тенденции развития его планиграфической структуры в раскопах на ул. Ленина, когда наиболее поздние погребения располагались по периферии холма, расположенного на территории будущего Среднего города и служившего площадкой для погребения (Горюнова, Малышева, 2012. С. 104–105. Рис. VI).

Для определения функционального назначения псковского «навершия», учитывая его конструкцию (слегка уплощенную треугольную верхнюю часть и округлую нижнюю со следами втулки), следует обратиться к группе рукояток, так называемых походных шильев, которые предположительно связаны с промысловой охотой и широко распространены на памятниках Верхнего Прикамья. В свое время эти вещи были предметом научных интересов Л. А. Голубевой (Голубева, 1973. С. 126–128) и сравнительно недавно классифицированы А. М. Белавиным и Н. Б. Крыласовой (Белавин, Крыласова, 2010. С. 97–102, 98. Рис. 1). Псковское «навершие», которое имеет прямой верхний край и концы, срезанные под острым углом, однозначно принадлежит первому типу классификационной схемы пермских авторов (рис. 4). К сожалению, в их статье отсутствует серьезная аргументация для определения нижней даты существования таких рукоятей. Во-первых, большая часть предметов, на которых строится типология, происходит из неопубликованных памятников. Во-вторых, постулируется, что находки первого типа рукоятей датируются X в. потому, что они связаны с нижними отложениями культурного слоя на этих городищах. Данное утверждение звучит неубедительно, так как, если обратиться к тем немногим памятникам, материалы которых в той ли иной степени опубликованы, приходится констатировать, что мы крайне редко имеем дело только с X в., гораздо чаще – с самым концом X – началом XI в.

Разбор сложностей хронологических проблем пермских памятников не входит в задачу нашего исследования. В существовании таковых можно убедиться на примере наиболее полно раскопанного городища Иднакар на

² Приношу глубокую благодарность сотруднику ГБУК «Археологический центр Псковской области» А. Б. Романовскому за бескорыстную помощь при работе с архивными материалами и музейной коллекцией.

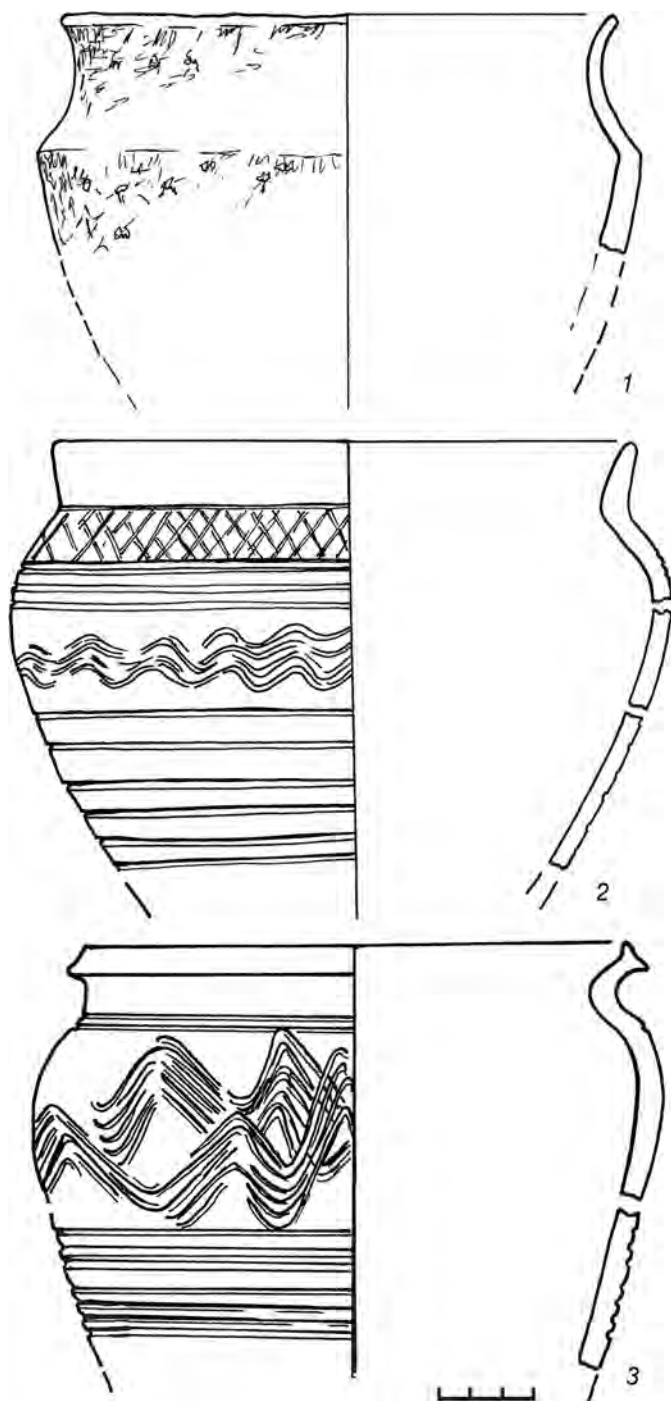

Рис. 3. Керамика из ямы 8. Псковский могильник. Раскоп X. 1 – лепная, 2, 3 – раннегончарная

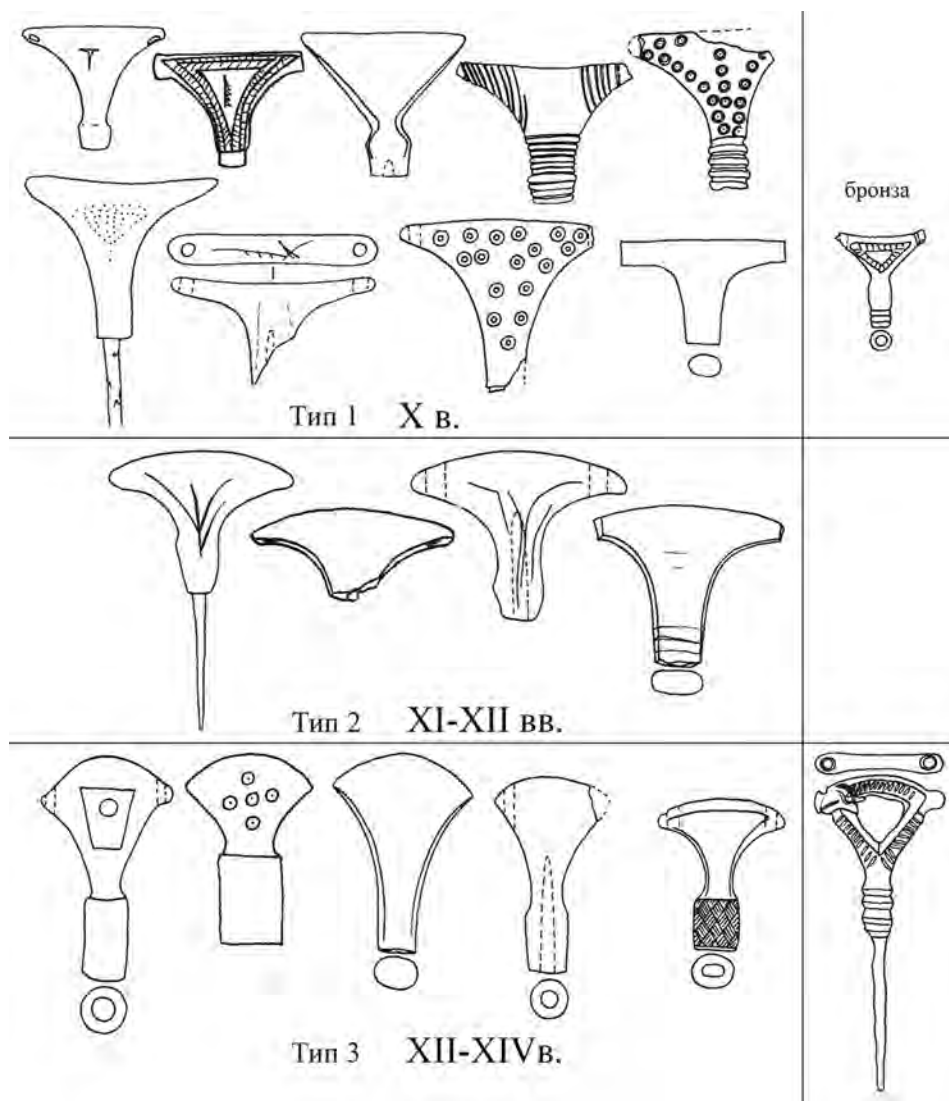

Рис. 4. Типологическая схема рукоятей шильев из Прикамья (по: Белавин, Крыласова, 2010)

р. Чепцы. Этот крупнейший ремесленный центр и центр промысловой охоты на бобра³ содержит многочисленные объекты и богатую вещевую коллекцию. Но автор раскопок и публикации Иванова отмечает, что «... распределение датирующих вещей по пластам не однозначно. В нижних пластах наряду с материалами IX–X вв. представлены вещи, бытовавшие в XI–XIV вв., но в целом

³ Кости этого пушного зверя на городище составили 65,2% от общего числа костей диких животных.

инвентарь нижнего горизонта (глубина 61–100 см) может быть ограничен рамками конца IX – серединой XI в., верхнего горизонта (глубина 0–61 см) – второй половиной XI–XIII вв.» (Иванова, 1998. С. 65, 79. Рис. 27). Треугольные рукояти шильев первого типа по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой на этом памятнике представлены наиболее значительной коллекцией из всего Пермского региона (более 10 экземпляров), но все они происходят из верхнего слоя второй половины XI–XIII в. (рис. 5; по: Иванова, 1998. С. 161. Рис. 66, 1–4, 6, 7, 14; С. 184. Рис. 83, 4, 9).

Очень часто при знакомстве с литературой, посвященной изучению поселений Заволжья и Предуралья, сталкиваешься с противоречиями в определении даты (IX, IX–X, X–XI вв.) нижних отложений культурного слоя тех или иных памятников (Иванова, 1982а. С. 11–14; 1982б. С. 69; Семенов, 1982. С. 50)⁴. Следует сразу оговориться, что в тех редких (иногда сомнительных) случаях, когда на поселении присутствуют отложения IX в., материалы вообще не содержат треугольных роговых рукоятей шильев (например, см.: Ленц, 2002. С. 212–242). Не лучшим образом обстоят дела и с материалами могильников. Лишь некоторые из них, имеющие сравнительно короткую хронологию, могут помочь в определении времени появления роговых рукояток пермского типа. Например, в материалах Веселовского могильника, который датируется X – началом XI в., известно погребение X в. (№ 11) с роговой треугольной рукоятью шила (Халиков, Безухова, 1960. С. 44. Рис. 36, 4; С. 55). По своим типологическим особенностям и обилию орнаментации данный экземпляр следует отнести к самым ранним формам такого вида инструментов, применявшихся в процессе промысловой охоты (рис. 6, 1). Вероятно, даже более ранним, чем экземпляры, представленные на классификационной схеме А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой. Таким образом, можно вполне определенно считать, что появление шильев с треугольной рукоятью связано с X в., но вот с какой его частью? Уточнение будет возможно после решения проблемы хронологического аспекта всего Заволжья в целом и пермского Предуралья в частности.

Вне пределов Прикамья треугольные рукояти шильев встречаются крайне редко, при этом следует отметить достаточно большой территориальный разброс в распространении подобных изделий как в самом Прикамье, так и к западу от этого региона. Роговые рукояти шильев, наиболее близкие псковскому экземпляру по пропорциям и конструктивным деталям, относящиеся к наиболее раннему пласту данного вида изделий, встречены только на двух памятниках древней Руси: в могильнике Тимерево (фрагмент верхней части с одним узким концом) и в древнерусском слое Саркела – Белой Вежи.

Тимерево. В первоначальной публикации материалов Тимеревского могильника данный предмет не был атрибутирован (рис. 6, 2)⁵. При описании

⁴ Причин много, сказывается и недостаток материала, и стратиграфические сложности, и методически неверное определение хронологических рамок существования памятников.

⁵ Рисунок рукоятки шила из Тимерево публикуется с разрешения В. Н. Седых, за что приношу ему свою благодарность.

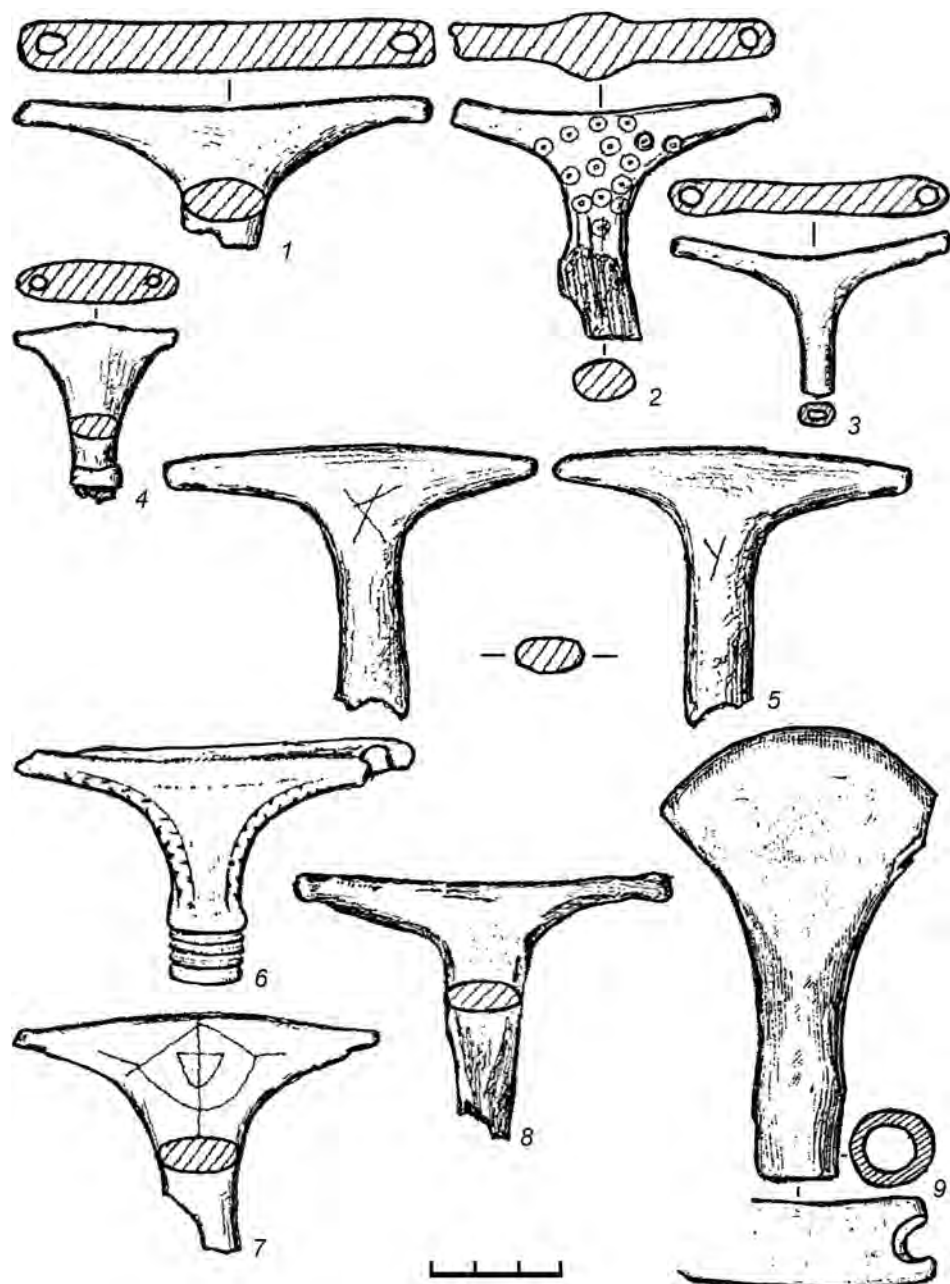

Рис. 5. Иднакар, Прикамье (по: Иванова, 1998)

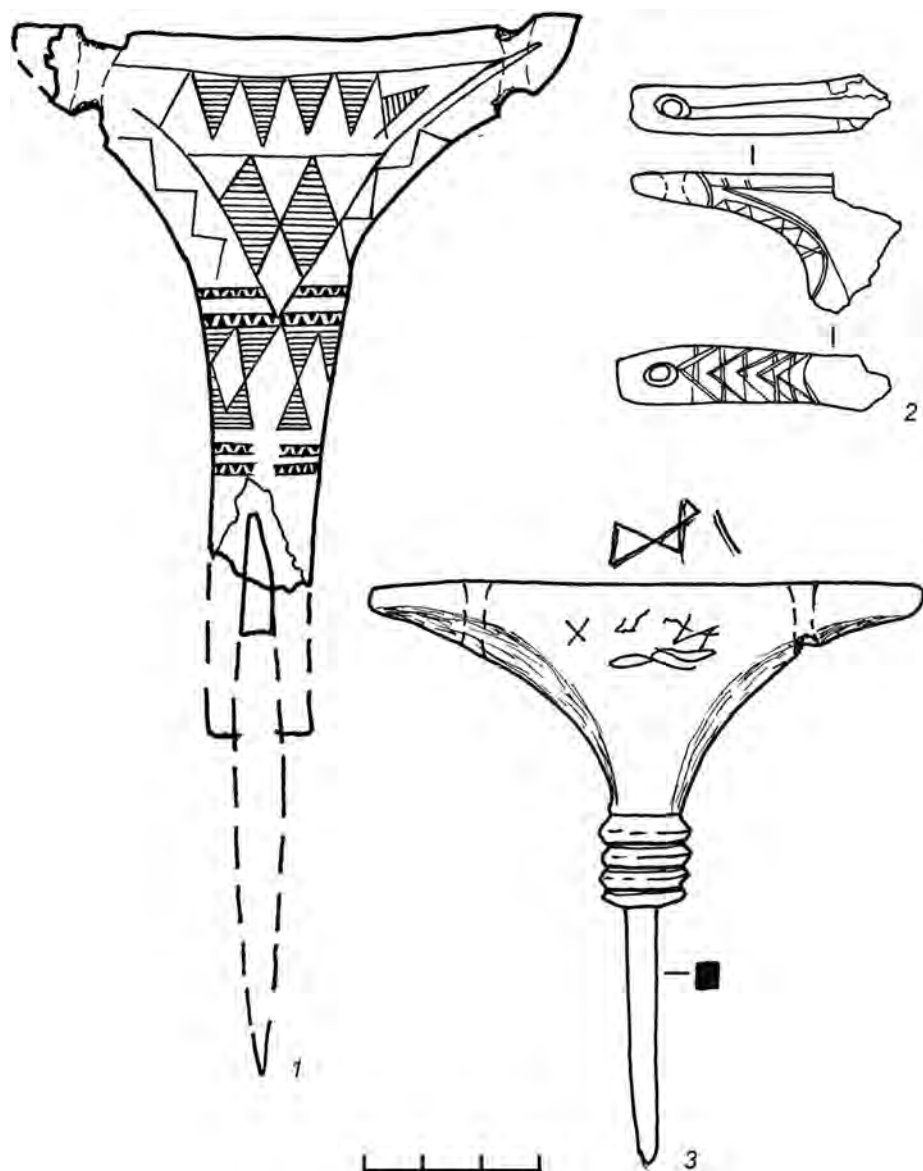

Рис. 6. Рукояти шилев прикамского первого типа конца X – XI в. 1 – Веселовский могильник, погр. 11 (по: Халиков, Безуголова, 1960); 2 – Тимерево, погр. 182; 3 – Белая Вежа (по: Сорокин, 1959)

инвентаря трупосожжения мужчины из кургана № 182 наряду с бронзовой бляшкой, фрагментами костяного гребня и лепного сосуда, необожженными костями бобра было упомянуто и «... неизвестного назначения орнаментированное изделие из кости с круглым отверстием на конце». Погребение датировано X в. (Фехнер, 1963. С. 108).

В статье В. Н. Седых и В. В. Макаровой (*Седых, Макарова, 2001. С. 98*) он был обозначен как фрагмент роговой рукояти Т-образной формы, происхождением своим связанный с Прикамьем. Эта рукоять имеет узкие вытянутые верхние концы с отверстиями, концы по своему нижнему краю украшены треугольниками и поперечными нарезками – орнаментация, близкая принятой на прикамских костяных изделиях. По своим пропорциям и конструктивным особенностям ее можно отнести к первому типу по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой.

Саркел – Белая Вежа. Экземпляр из этого памятника по форме, пропорциям и оформлению втулки глубокими врезными канавками является самой близкой аналогией для псковской рукояти шила (*Сорокин, 1959. С. 162, 163. Рис. 14, 11. С. 177. Рис. 23, 2 (фото); Флерова, 2001. Рис. 27, 1*). Обе рукоятки не совпадают лишь по некоторым параметрам: на верхних концах беловежского экземпляра просверлены отверстия, втулка, в отличие от псковского, выделена уступом, а тело рукояти не орнаментировано, но с двух сторон имеет знаки не совсем ясной этимологии (рис. 6, 3). Данные детали, по моему мнению, свидетельствуют о несколько более поздней хронологии беловежского шила. Авторы публикации вопросу узкой датировки этого предмета внимания не уделяли, ограничились констатацией находки его в слоях славянского периода жизни города, который имеет достаточно широкие хронологические рамки – последняя четверть X – первые десятилетия XII в.

Остальные экземпляры восточноевропейского происхождения принадлежат поздним группам треугольных роговых рукояток XI–XII вв. и XII–XIV вв. (второго и третьего типов по классификации А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой). Найденны они в Старой Ладогe, на Рюриковом городище, в Новгороде и Белоозере.

Старая Ладога. Роговая рукоять шила в Старой Ладогe обнаружена в 2006 г. в слое горизонта В, в котором находился единый ярус сгоревших построек (разобранных для новой застройки горизонта Б). Горизонт содержит разновременные вещи от XI до XVI в.: дирхемы (в том числе один 805–815 гг.), скорлупообразную фибулу, вислые печати, стеклянные браслеты, монеты серебряные XVI–XVII вв. и т. п. (*Кирпичников, 2007. С. 204–206; Илл. 18–1102; Кирпичников, Сарабьянов, 2012. С. 77*). Рукоять массивная, треугольной формы с дугообразным верхним краем, верхние концы тупые, в каждом просверлено сквозное отверстие. Втулка имеет сильно уплощенное овальное сечение. Поверхность рукояти, включая втулку, покрыта грубо выполненной плетенкой (рис. 7, 4). По вышеперечисленным конструктивным деталям старолadoжский экземпляр следует отнести ко второму типу по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой. Поскольку слой, в котором найдена рукоять, был переотложен и сохранил разновременные вещи, то при датировке данного экземпляра следует ориентироваться на его типологические особенности и дату, которую предлагают А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова – XI–XII вв. (*Белавин, Крыласова, 2010. С. 99–100. Рис. 1, 15–18*).

На Рюриковом городище треугольная роговая рукоять шила найдена на северном берегу Сиверсова канала, в раскопе 2000 г., в темно-сером мешаном

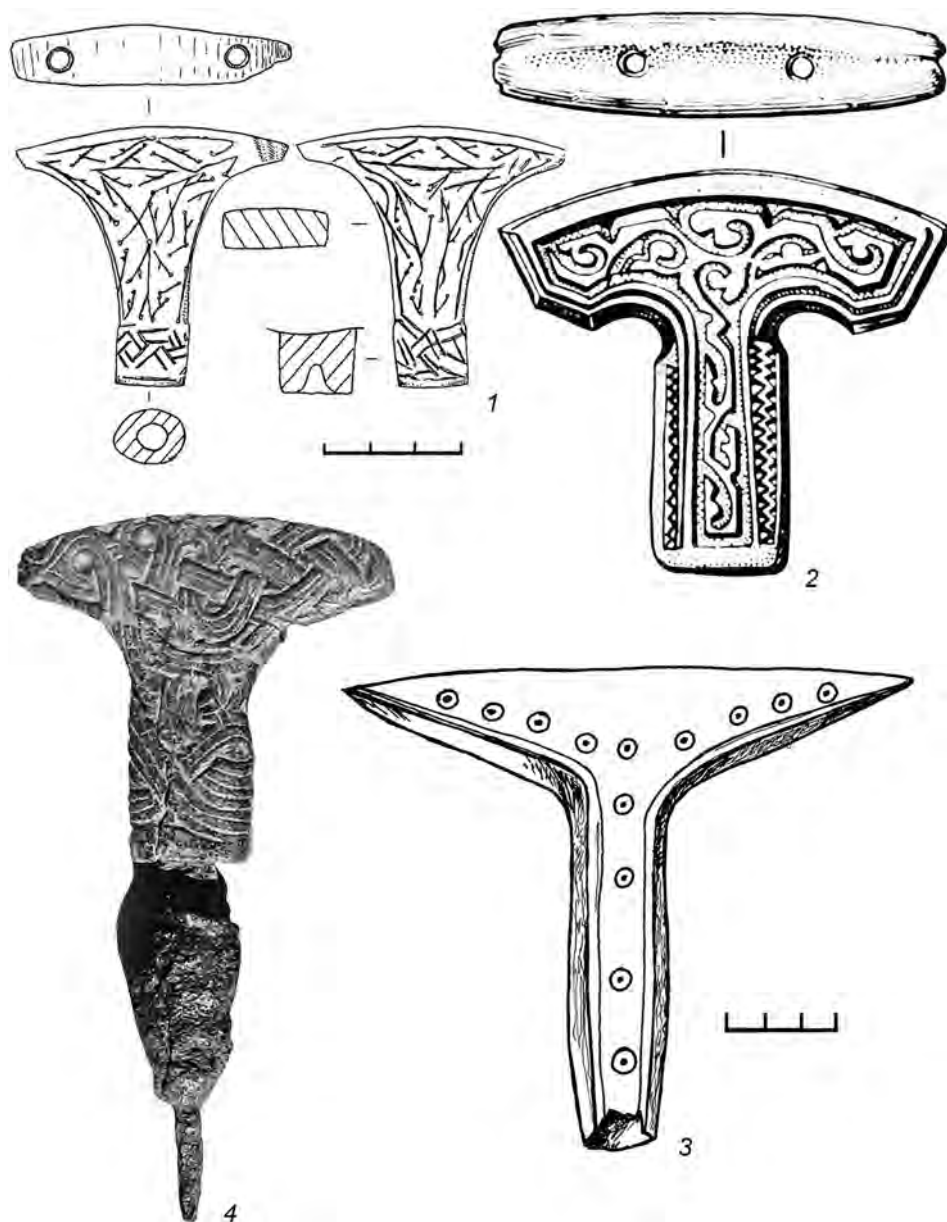

Рис. 7. Рукояти шильев прикамского второго типа.

1 – Рюриково городище, XI–XII вв. (по: Дорощева, 2015); 2 – Новгород, Готский раскоп, XIV–XV вв. (по: Рыбина, 1978); 3 – Норвегия, XI в.–? (по: Petersen, 1951); 4 – Старая Ладога – XI–XII вв. (по: Кирпичников, Сарабянов, 2012). 2, 4 – без масштаба.

слое до разборки комплексов (*Носов и др.*, 2002. С. 11). По краям дугообразной спинки рукояти, на ее треугольных тупых концах просверлены сквозные отверстия. Овальная в сечении втулка слегка выделена небольшим уступом. Рукоять шила орнаментирована с двух рабочих сторон и по втулке подобием сильно искаженной плетенки (рис. 7, 1). Более подробное описание и метрические параметры рукояти присутствуют в статье Т. С. Дорофеевой, посвященной амулетам и магическим предметам из кости и рога Рюрикова городища (*Дорофеева*, 2015. Рис. 3, 3)⁶. Тип рукояти (второй) и датировка (XI–XII вв.) определены ею по работе Н. Б. Крыласовой (*Крыласова*, 2007. С. 235).

Новгород. В новгородской коллекции, по сведениям Л. А. Голубевой (*Голубева*, 1973. С. 128), присутствовала треугольная роговая рукоять, которая приводится ею в качестве аналогии белоозерским находкам (см. ниже). Поскольку рукоять была найдена на Неревском раскопе 1956 г. в пл. 26, датируется она концом XII в.

В свою очередь, на Готском раскопе была найдена еще одна роговая рукоять шила (рис. 7, 2). Она уникальна, значительно отличается своей конфигурацией как от северо-западных, так и от пермских находок. Верхняя массивная часть этой рукояти с выпуклой спинкой имеет по своему нижнему краю полукруглые вырезы, концы спинки оформлены многоугольными выступами, втулка более широкая и уплощенная, чем у всех остальных предметов данной категории. Как и у всех поздних рукоятей, на ее спинке просверлены сквозные отверстия. Поверхность рукояти покрыта растительным орнаментом, подобным на белоозерских экземплярах (см. ниже). Исполнение орнаментации довольно тщательное. Датируется весь комплекс XIV–XV вв. (*Рыбина*, 1978. С. 221. Рис. 21, 2)⁷.

Белоозеро. В материалах этого памятника наблюдается наибольшая концентрация треугольных роговых рукоятей, обнаруженных к западу от Приуралья. При раскопках Л. А. Голубевой было выявлено 7 рукоятей: 1 экз. в горизонте конца XII в.; 1 экз. – первой половины XIII в.; 4 экз. – второй половины XIII в. 1 рукоять – случайная находка. Одна из этих рукоятей сопровождается футляром (*Голубева*, 1973. С. 126–128. Рис. 45, 1, 3–5). При сборах С. Д. Захарова найдено три рукояти и один футляр (*Захаров*, 2004. Рис. 240). Все эти роговые рукояти относятся ко второму (рис. 8, 1, 2, 4, 6) и третьему (рис. 8, 3, 5) типам по классификации А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой. Коллекция XII–XIII вв. из Белоозера по своей представительности аналогична пермским материалам этого времени.

Часть белоозерских рукоятей орнаментирована простым геометрическим узором: точечным, кружковым орнаментом или бордюрами из треугольников (рис. 8, 1, 2). Данные орнаментальные приемы явно заимствованы у пермских

⁶ Благодарю Т. С. Дорофееву за возможность воспользоваться сделанным ею рисунком рукояти Рюрикова городища. Мое определение элементов орнамента не совпадает с интерпретацией, которая дана в статье Т. С. Дорофеевой. Она считает, что «...на обеих сторонах рукояти точечным орнаментом изображено шило с треугольной рукоятью».

⁷ Благодарю Е. А. Рыбину за любезную консультацию по датировке рукояти шила.

Рис. 8. Белоозеро. 1, 3, 4 – (по: Голубева, 1973); 2, 5, 6 – (по: Захаров, 2004)

мастеров. Но четыре рукояти украшены резьбой, характерной только для Белоозера и рукояти с Готского раскопа Новгорода: стилизованная лоза и волотообразный узор в сочетании с искаженной скандинавской (?) плетенкой (рис. 8, 4, 6), в одном случае изображающей трезубец (рис. 8, 3), в другом случае плетенка сочетается с кружковым орнаментом. На неукрашенной рукояти процарапан ромб.

Вне пределов древнерусских центров поздние формы роговых треугольных рукоятей шильев присутствуют в Биляре, Норвегии и Дании.

Биляр. На этом памятнике роговые рукояти шильев известны в слоях XII–XIII вв. Большая их часть имеет треугольную форму с отверстиями на концах (второй тип), одна рукоять – массивная лопатообразная, с втулкой, выделенной уступом (третий тип) (Культура Биляра... С. 61, 83. Табл. XXXII, 1–3). Лишь один из экземпляров второго типа скупо украшен кружковым орнаментом. Авторы монографии приводят аналогии из Прикамских памятников, ссылаются также на материалы Белоозера и (на мой взгляд, ошибочно) материалы Белой Вежи.

Дания. В своей монографии по Белоозеру Л. А. Голубева, описывая треугольные роговые рукояти шильев этого памятника, в качестве аналогий, помимо заволжских материалов, привлекает коллекцию Национального музея Дании, в которой ей была известна идентичная находка такого рода (*Голубева*, 1973. С. 128). При этом она не дает описания датской рукояти, но если ориентироваться на типы белоозерских находок, то можно предполагать, что таковая из датского музея, вполне вероятно, может быть отнесена к разряду одного из поздних типов, характерных для северных территорий Восточной Европы XII–XII вв.⁸

Норвегия. Экземпляр из Норвегии, который Л. А. Голубева также приводила в качестве аналога для белоозерских шильев, по своим конструктивным особенностям занимает промежуточное положение между первым и вторым типами классификационной схемы А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой (рис. 7, 3). Норвежская рукоять шила имеет массивную верхнюю треугольную часть с узкими вытянутыми концами и, насколько можно судить по публикации, отверстия в ней как будто не просверлены. Такие детали характерны для первого типа. Верхний край слегка дуговидный, втулка – длинная и многогранная в сечении. Последние черты присущи для второго типа и хорошо выражены на белоозерских экземплярах (см.: *Захаров*, 2004. Рис. 240). Втулка и нижние края треугольной части норвежской рукояти покрыты кружковым орнаментом, который известен на некоторых экземплярах из Белоозера, а в Пермском Прикамье встречается не только на поздних, но и на самых ранних рукоятях (*Petersen*, 1951, S. 341–344, 342, Fig. 186, 1). В монографии Й. Петерсена эта рукоять шила, на мой взгляд, ошибочно отнесена к разряду плоских лопатковидных ножей для рубки мяса. По своим конструктивным особенностям, включая наличие втулки и ее многогранное сечение, она резко отличается от предметов,

⁸ Издание, на которое ссылается Л. А. Голубева («Die National Museum of Denmark». Aage Rouswell (ed.). Copenhagen, 1957), оказалось для меня недоступным.

показанных на s. 342, fig. 187, 4, s. 343, fig. 188, 3, fig. 189, 2, где представлены действительно плоские лопаткообразные предметы, в двух случаях – с плоской ручкой. Возможно, некоторые из них предназначались для утилитарно-хозяйственного применения. Но вот у двух из этих предметов на плоской предполагаемой рабочей части присутствуют особые знаки: свастика и свернутая в узел змея, – что не исключает придания им обрядовой магической функции.

В связи с этим хочу обратить внимание на еще одну весьма интересную норвежскую находку. В Нордсете в развале варочной каменной печи вместе с другими средневековыми предметами найдена довольно массивная треугольной формы рукоять, вырезанная из рога оленя. Автор публикации интерпретировал ее в качестве колотушки (палки) для бубна (*Fuglesang*, 1980. S. 65, 192–193, № 95. Pl. 57). В каталоге выставки «Скандинавия и Европа» (1992 г., Париж, Берлин) при повторной публикации данной вещи она получила такое же определение: саамская колотушка для шаманского бубна, и была датирована XI в. (Wikingen, Weräger, Normannen... S. 292, Kat. 241). Рукоять сверху, на спинке, имеет металлические детали с небольшими ушками на концах. Металлическая накладка с ушками закреплена в двух симметричных сквозных отверстиях на концах треугольной «головки» (рис. 9, 1). Такая конструкция указывает на систему крепления на шнурах, аналогичную той, что рассматривала в своей работе Л. А. Голубева для рукоятей шильев. При утере металлических деталей останутся отверстия, по своему расположению и размерам аналогичные тем, что наблюдаются на рукоятях шильев. В торце рукоятей шаманских колотушек также часто присутствуют отверстия для закрепления кожаной петли, с помощью которой колотушка подвешивалась к поясу или удерживалась на запястье. Колотушка покрыта руноподобными знаками и скандинавской плетенкой. В коллекциях ряда европейских музеев, в том числе Дании и Норвегии, сохранились предметы шаманского культа саамов, среди которых, помимо бубнов, есть колотушки, типологически близкие вышеописанной археологической находке (рис. 9, 2)⁹.

Позволю себе смелость предположить, что конструкция шаманских колотушек саамского культурного круга явно сформировалась под влиянием конструкции пермских треугольных рукояток шильев. Последние, так же как и колотушки для бубнов, вырезались из той части рога оленя, где округлое основание переходило в довольно плоскую лопаточную часть, а поэтому и колотушка, и рукоять шила приобретали в своей верхней части слегка уплощенную форму, близкую к треугольнику (*Manker*, 1938, 1950, S. 345, Abb. 562–563). Этот сюжет выходит за рамки основной темы данной статьи, но было трудно удержаться, чтобы не отметить такую интересную трансформацию, тем более что А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова в своей работе говорят о магическом значении пермских шильев, а этнографы неоднократно наблюдали применение бытовых обиходных вещей в обряде шаманского камлания. С другой стороны, в археологической

⁹ См. также: на странице новых поступлений сайта Музея-архива Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского НЦ РАН представлена т-образной формы колотушка для бубна из захоронения на острове «Шамана» на Поросозере. Она наиболее близка по форме рукояткам шильев из Иднакара (рис. 5, 1–3). Дата захоронения не сообщается (<http://bch.kolasc.net.ru/museum/news.htm>).

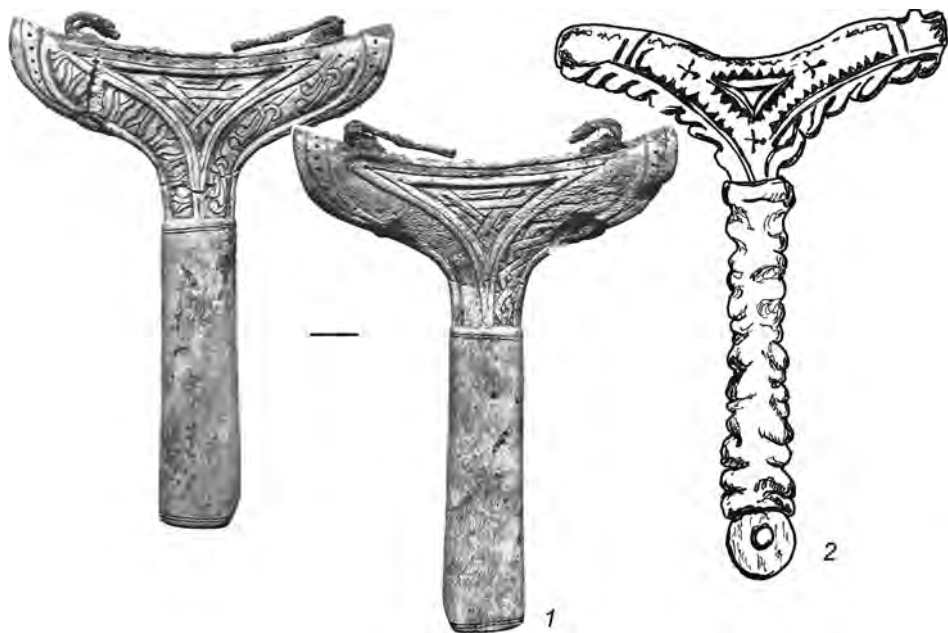

Рис. 9. Колотушки для шаманских бубнов.

1 – Норвегия – XI в. (по: *Fuglesang*, 1980); 2 – Норвегия, этнографический материал

и этнографической литературе отмечается глубокое влияние восточных финно-угорских культур на формирование саамской этнической общности (*Карпелан*, 1982. С. 45–47; *Гурина и др.*, 1990. С. 132). Антропологи на основе признаков дерматоглифики подчеркивают существование особой близости между удмуртами, саамами и манси (*Хитъ и др.*, 2013. С. 275–276).

Возвращаясь к основному предмету статьи, в заключение необходимо констатировать следующее. При определении функционального назначения рогового «навершия» из Псковского некрополя приходилось обращаться к пермскому материалу, но из этого вовсе не следует считать, что данный экземпляр был изготовлен в Прикамье. Во-первых, такие шилья не могли быть предметом торговли, поскольку назначение их достаточно специфично. Не исключено, что они употреблялись преимущественно на промысловой охоте на пушного зверя, и каждый охотник делал такую рукоять для себя сам.

В этом смысле показательное сравнение с распространением костяных копоушек, которое в Волго-Окском междуречье имеет массовый характер и явно связано не только с пребыванием прикамских женщин в этом регионе, но и с направлением торговых связей. Примечательно, что доля копоушек в материалах Прикамья и Поволжья примерно одинакова (*Седых, Макарова*, 2001. С. 97–98; *Ленц*, 2002. С. 232), но вот на городище Иднакар, уже упоминавшемся ремесленным центре в бассейне Чепцы, их найдено 304 экземпляра, тогда как на всех остальных памятниках Прикамья – всего 141 штука. Налицо явно массовое производство предмета, предназначенного на продажу (*Иванова*, 1998).

С. 162, 229; *Голдина*, 1999. С. 384). В противовес вышеотмеченному факту, треугольные рукояти не имели столь массовой концентрации на каком-либо памятнике Прикамья, а за его пределами вообще относятся к категории единичных находок.¹⁰

Обращает на себя внимание совершенно особая орнаментация псковской рукояти: полумеандры с тонкой штриховкой внутреннего пространства. Они покрывают обе стороны рукояти сплошным полем, в отличие от прикамских, которые орнаментировались достаточно скудно простыми геометрическими фигурами – треугольниками и кружочками. Из опубликованных заволжских материалов мне известен лишь один экземпляр со сплошной орнаментацией, о нем речь шла выше. Это рукоять шила из Веселовского могильника X – первой половины XI в. Она относится к первой группе по классификации А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой. В отличие от основной массы опубликованных шильев Прикамья, рукоять из Веселовского могильника вся покрыта простыми и штрихованными треугольниками и ромбами, которые широко применялись для орнаментации копоушек (рис. 6, 1).

Попытка найти аналогии орнаменту псковского рогового «навершия» среди орнаментации прикамских копоушек не привели к положительному результату (*Иванова*, 1998. С. 189, 190. Рис. 90.; С. 192. Рис. 91; *Артамынская*, 1995. С. 84–97). Техника нанесения орнамента одинакова – очень тонкая легкая штриховка, но геометрия совершенно не совпадает. Ничего подобного полумеандрам псковского шила на копоушках не только Прикамья, но и Волго-Окского междуречья найти не удалось. Зато достаточно близкую аналогию можно привести на примере орнаментации односторонних наборных гребенок второй группы по О. И. Давидан из курганов 54, 265 Тимереvского могильника и кургана 65 Михайловского (рис. 10, 1, 2. По: *Фехнер*, 1963. С. 13. Рис. 5; С. 29. Рис. 16; С. 34. Рис. 20). Подобная орнаментация – сложное геометрическое переплетение лент со штриховкой внутреннего пространства – изначально присутствовала только на гребенках первой группы второго типа по классификации О. И. Давидан (рис. 10, 4). Такого рода материалы найдены в горизонте Д Старой Ладogi и в слоях X в. раскопа на Варяжской улице (*Давидан*, 1962. С. 99. Рис. 3, 2; 1968. С. 56. Рис. 1; С. 57. С. 61; *Иванова, Иванова*, 2012. С. 127. Рис. 2, 4а, 4б), на Рюриковом городище (*Носов*, 1990. С. 123. Рис 45, 11; С. 162), в Новгороде (*Smirnova*, 2005, Р. 48, Fig. 3.31: A46, A355)¹¹. В связи с этим следует

¹⁰ Исключение составляет лишь Белоозеро, в коллекции которого насчитывается 10 таких предметов и два футляра к ним, что сопоставимо с количеством такого рода находок на отдельных пермских памятниках. На Иднакаре найдено более десятка треугольных рукоятей, на Кызласовом городище в слоях XII–XIV вв. – 15 штук вместе с заготовками (*Лениц*, 2012. С. 212–242).

¹¹ В Новгороде подобная плетенка встречается также и на гребенках второй группы первой половины XI в. (*Smirnova*, 2005. Р. 48 Fig. 3.31: A 18) – крайне редкое явление, известное только в Тимерево (уже упоминавшиеся выше экземпляры из курганов 54 и 265). Присутствует она также и на черенках ложек, как в Новгороде (*Smirnova*, 2005. Р. 90. Fig. 3.71), так и в Старой Ладогe в слое Д (рис. 10, 3. По: *Давидан*, 1966. С. 108. Рис. 4, 19. С. 111).

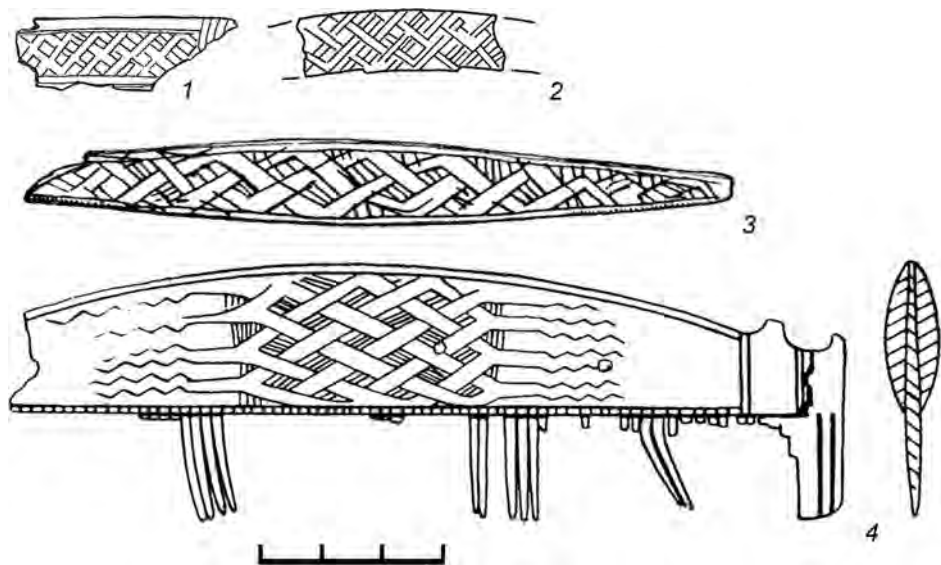

Рис. 10. 1 – Тимерево, погр. 265; 2 – Тимерево, погр. 54 (по: Фехнер, 1963);
3 – Старая Ладога, слой Д (по: Давидан, 1966); 4 – по: Давидан, 1962)

обратить внимание на тот факт, что регион Волго-Окского междуречья в X в. отличается сосуществованием культурных элементов скандинавского и финно-угорского происхождения. И если треугольная форма рукояти псковского могильника, безусловно, имеет свои истоки в Пермском Предуралье, то исходными образцами для создания полумеандрового мотива псковской рукояти шила могли послужить вышеописанные детали плетенки, характерные для первой группы односторонних составных гребней с широкой накладкой, которые в Волго-Окском междуречье известны на Сарском городище (Леонтьев, 1996. С. 150, 151. Рис. 63, 10А). Учитывая все вышесказанное, можно с достаточной долей достоверности утверждать, что рукоять шила из разрушенного подкурганного погребения северной окраины Псковского некрополя была изготовлена в Волго-Окском междуречье, находилась в личном пользовании человека, который какой-то отрезок своей жизни провел в этом регионе. Вообще, все единичные находки треугольных роговых рукоятей шилев на памятниках Древней Руси (Старая Ладога, Рюриково городище, Новгород, Белая Вежа) свидетельствуют о редких случаях перемещения владельцев данного инструмента по торговым путям и оседании в административно значимых центрах на протяжении X–XIII вв. Исключение составляет в этом плане Белоозеро. Наличие значительного числа рукоятей пермского типа на этом памятнике, вероятно, можно объяснить многочисленностью регулярных тесных контактов с районами промысловой охоты и тем, что оно в XII–XIII вв. исполняло роль административного пункта сбора пушнины.

Литература

- Артамынская О. В., 1995. Орнамент резной кости чепецких городищ // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск. С. 84–97.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2010. Рукояти шильев в угорских древностях // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. М.
- Голдина Р. Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
- Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.
- Горюнова В. М., 2005. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X–начала XI вв. // Е. Н. Носов, В. М. Горюнова, А. В. Плохов. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.
- Горюнова В. М., Малышева Н. Н., 2012. Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. I. СПб.
- Гурина Н. Н., Овсянников О. В., Рябини Е. А., 1990. Средневековые древности Кольского полуострова // Финны в Европе VI–XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. М.
- Давидан О. И., 1962. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 4. Л.
- Давидан О. И., 1966. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // АСГЭ. Вып. 8. Л.
- Давидан О. И., 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 10. Л.
- Дорофеева Т. С., 2015. Амулеты и магические предметы из кости и рога с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет) // АИППЗ. Материалы 60-го заседания (2014 г.). Вып. 30. М.; Псков; СПб.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Иванова М. Г., 1982а. Городище Гурья-Кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Иванова М. Г., 1982б. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Иванова М. Г., 1998. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск.
- Иванова И. В., Иванова Н. Ю., 2012. Коллекция костяных изделий Ладogi (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладoga) // Археологические вести. Вып. 18. СПб.
- Карпелан К., 1982. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М.
- Кирпичников А. Н., 2007. Новые данные о позднесредневековой Ладoge (по материалам раскопок в 2006 году) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. С-Пб.
- Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д., 2012. Старая Ладoga – первая столица Руси. СПб.
- Крыласова Н. Б., 2007. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ.
- Культура Билыра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985.
- Леонтьев А. В., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Ленц Г. Т., 2002. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки по археологии Пермского Предуралья. Пермь.
- Малышева Н. Н., 2012. Раннегородской некрополь древнего Пскова по материалам раскопок на территории Среднего города // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. I. СПб.
- Носов Е. Н., 1990. Новгородское городище. Л.

- Носов Е. Н., Михайлов К. А., Васильев С. А., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., 2002. Новые исследования на Рюриковом городище в 2000 г. // ННЗ (2001 г.). Вып. 15. Великий Новгород.
- Плоткин К. М., 1996. Граница псковского некрополя (по материалам раскопа Х) // АИП. Вып. 3. Псков.
- Рыбина Е. А., 1978. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.
- Седых В. Н., Макарова В. В., 2001. Этнокультурные импульсы в Ярославское Поволжье в конце I тыс. н. э. по материалам изделий из кости (предварительное сообщение) // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятые чтения памяти А. Мачинской. СПб.
- Семенов В. А., 1982. Маловенижское городище Пор-Кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Сорокин С. С., 1959. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75.
- Фехнер М. В., 1963. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.
- Флерова В. Е., 2001. Резная кость Юго-Восточной Европы IX–XII веков. Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.
- Халиков А. Х., Безухова Е. А., 1960. Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький.
- Хуть Г. А., Широбоков И. Г., Славолюбова И. А., 2013. Дерматоглифика в антропологии. СПб.: Нестор-История.
- Fuglesang S. H., 1980. Some Aspects of the Ringerike Style. A phase of 11th century Scandinavian art. Odense.
- Manker E., 1938, 1950. Die lappische Zaubertrommel. Eine ethnographische Monographie. Bd 1–2. Acta Lapponica 1, 6. Stockholm.
- Petersen J., 1951. Wikingetidens Redskaper / Skrifterutgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. Historiks-filosofisk klasse. 2 bind. Oslo. S. 341–344, Fig. 186.
- Smirnova L., 2005. Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition. BAR 1369. Oxford.
- Wikinger, Weräger, Normannen. Die Skandinavier und Europa 800–1200. Berlin, 1992.

М. И. Кулакова

Дендрохронологическая коллекция из раскопов Пскова 1992–2011 гг. (статистический анализ)¹

М. I. Kulakova. Dendrochronological Collection from the Excavations in Pskov 1992–2011 (statistical analysis)

Abstract. The article presents dendrochronological material from 21 excavations of Pskov, carried out in 1992–2014. The part of the collection under analysis includes all types of structures, as well as individual pillars and logs, their distribution among the city districts is traced. The vast majority of the datings refers to the buildings and separate constructions of the 15–17th centuries. It allowed to trace the construction time within the exact chronological period.

Ключевые слова: дендрохронологическое датирование, порубочные даты, Псков.

Keywords: dendrochronological dating, felling dates, Pskov.

Дендрохронологические исследования дерева из археологических раскопов Пскова проводятся на протяжении последних 40 лет. В основе коллекции – древесина из комплекса раскопов в центральной части города – на ул. Ленина. Археологические исследования продолжались с 1968 по 1991 г. Коллекция дендрохронологического материала насчитывает 2570 образцов, из которых датировано 1534.

В последующие годы псковская дендрохронологическая коллекция пополнилась материалами из раскопов, располагавшихся в различных частях города. Сведение данных дендрохронологического датирования в единую базу данных позволило проанализировать коллекцию, проследить этапы деревянной застройки, выделить этапы активной заготовки древесины для различных хронологических отрезков. Коллекция 1992–2011 гг. отличается от более ранней части тем, что происходит из раскопов, расположенных в различных частях города. По общему числу как собранных, так и датированных образцов преобладают раскопы, расположенные на территории Окольного города – в центральной части, между крепостными стенами 1375 и 1465 гг. На них приходится около 40% всех полученных датировок.

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 13-06-12033 «Дендрохронология городов средневековой Руси: системно-статистический анализ баз данных датированных образцов древесины».

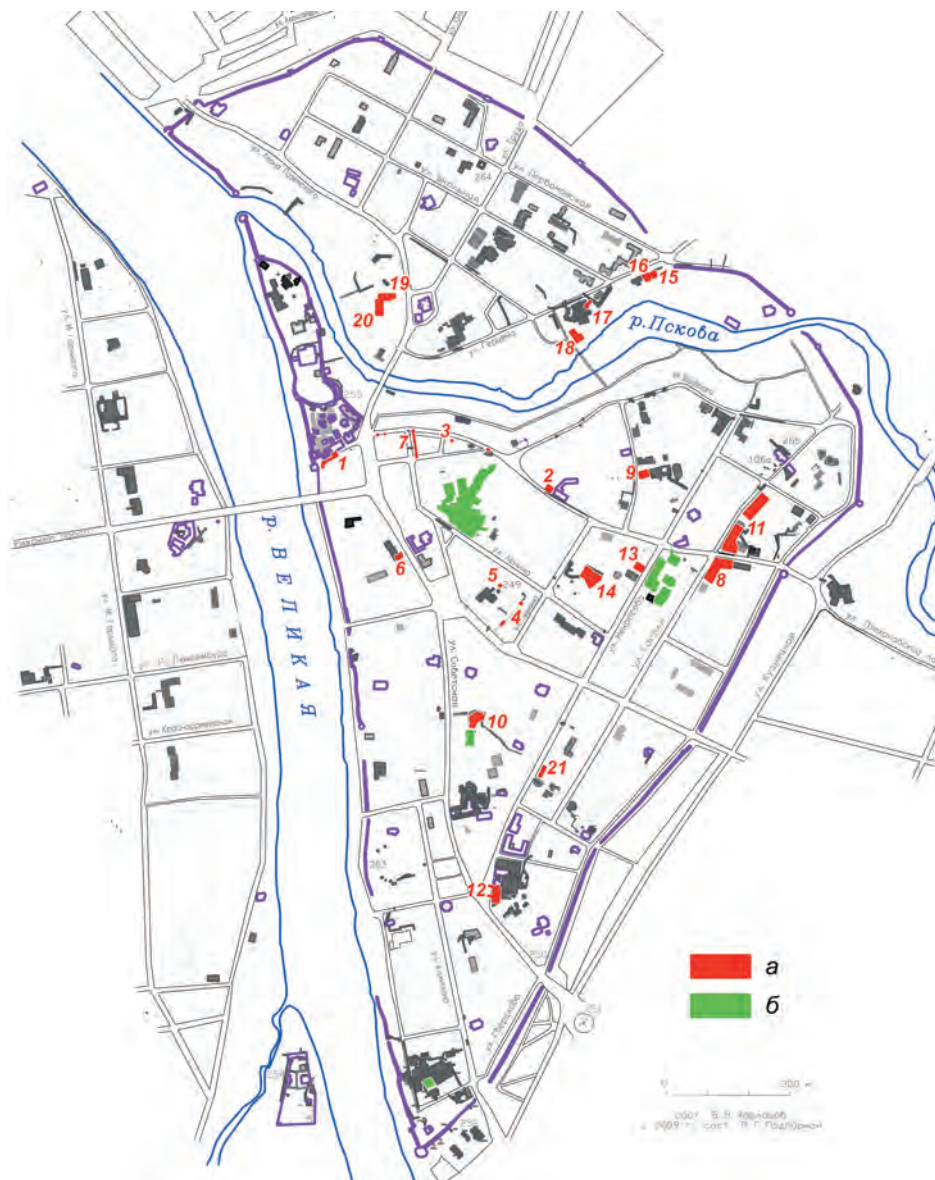

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов Пскова, содержащих дендроматериал: а – учтены в статье; б – не учтены в статье

1 – раскоп П-92-ПрП; 2 – П-92-БГ; 3 – П-97-Вор-1, 2, 3; 4 – П-98-Тр-2; 5 – П-98-Тр-4; 6 – П-01-Гор; 7 – П-02-Л-17; 8 – П-00-Петр-4; 9 – П-03-Каз-5; 10 – П-04-Вас-3; 11 – П-06/07-Петр 6-9; 12 – П-06-Ствз; 13 – П-05-НТ-4; 14 – П-11-Луж-2; 15 – П-00-Бог-15; 16 – П-00-Бог-16; 17 – П-00-Бог-19; 18 – П-04-Бог-32; 19 – П-03-Луб-2; 20 – П-03-Луб-3; 21 – П-94-Куз-5

Таблица 1

Распределение образцов дерева по раскопам 1992-2011 гг.

Возраст (всего/дат.)	№ на рис. 1	1-50	51-100	101-150	151-200	201-250	251-300	301-350	Всего/ дат
Средний город									
П-02-Л-17	7	29/0	9/2	1/1					39/3
П-97-Вор	3	9/6	8/6	3/2					20/14
П-01-Гор	6	15/6	26/21	9/8	4/4				54/39
П-92-ПрП	1	19/3	37/30	11/10	2/2	1/1			70/46
П-98-Тр-2	4	11/1	18/6	21/11	16/8	1/1			67/27
П-98-Тр-4	5	20/2	11/6	11/10	5/2				47/20
П-92-БГ	2	1/0			5/5				6/5
Всего		104/18	109/71	56/42	32/21	2/2			303/154
Окольный город									
П-94-Куз-5	21	4/1	3/3						7/4
П-11-Луж-2	14	22/0	46/20	43/31	10/9	3/3	4/2	1/1	129/66
П-05-НТ-4	13	5/0	7/4	8/8	3/3	1/1			24/16
П-00-Петр-4	8	10/0	11/4	3/3	1/1	1/1			26/9
П-06/07-Петр 6-9	11	103/16	52/32	19/12	3/2	3/3	2/1		182/66
П-04-Вас-3	10	19/2	28/15	10/9	3/2	5/5	1/1		66/34
П-03-Каз-5	9	9/2	9/6	8/7	4/4				30/19
П-06-Ствз	12	18/5	6/5						24/10
Всего		186/25	159/86	91/70	24/21	13/13	7/4	1/1	488/224
Запсковые									
П-00-Бог-15	15	7/1	1/0	3/3	1/1				12/5
П-00-Бог-16	16	14/3	6/4	2/1					22/8
П-00-Бог-19	17	2/0	1/0	7/7	3/3				13/10
П-04-Бог-32	18	29/9	52/42	13/11		1/1			95/63
П-03-Луб-2	19	44/2	21/12	15/11	10/8	4/4			94/37
П-03-Луб-3	20	11/1	24/14	7/7	1/1	1/1	1/1	1/1	46/26
Всего		107/16	105/72	47/40	15/13	6/6	1/1	1/1	282/149
Итого		443/69	426/263	209/166	72/55	23/23	8/5	2/2	1183/583

В период с 1992 г. по 2014 г. дендрохронологический материал получен из 21² раскопа (рис. 1, табл. 1). Общее количество образцов, пригодных для дендрохронологического датирования, – 1187, из них датировано – 583. Новая часть коллекции пополнила базу данных и позволила уточнить выводы, сделанные ранее.

Возрастной состав древесины из раскопов 1992–2011 гг. традиционен для археологического дерева средневекового города (рис. 2): образцы возрастом до 100 годичных колец составляют 73,5%. При этом в первой возрастной группе (до 50 лет) около 15% образцов имели менее 30 годичных колец. Такие образцы учитывались в статистической обработке коллекций, но не обрабатывались и не датировались. Образцы, возраст которых составлял 30–50 лет, датировались только в комплексе образцов одной постройки, и их количество составляет менее 20%. Наиболее пригодными для дендрохронологического датирования являются образцы, возраст которых выше 100 лет (3–6 возрастные группы),

² В настоящей выборке представлена не весь материал из раскопов 1992–2012 гг., часть коллекции в настоящее время находится в обработке.

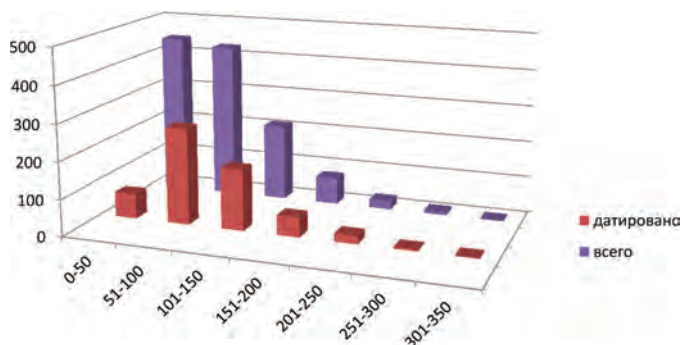

Рис. 2. Возрастной состав древесины из раскопов Пскова 1992–2011 гг.

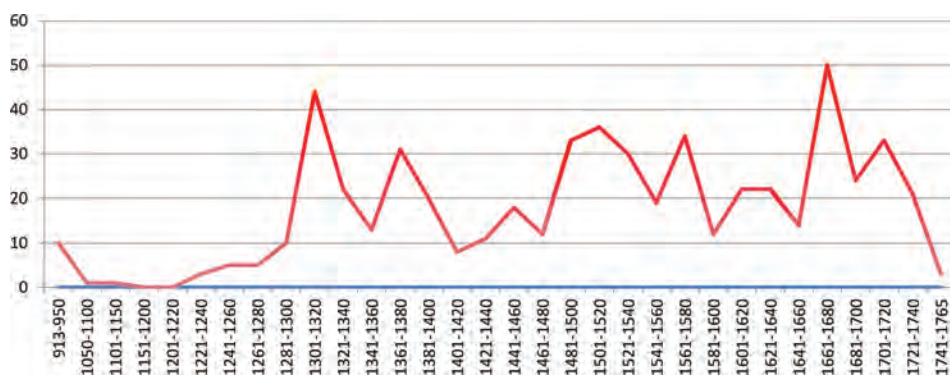

Рис. 3. Хронологическое распределение датированных образцов из раскопов Пскова 1992–2011 гг.

общее количество которых составляет 43% от общего числа датированных образцов, среди них 34% – образцы возрастом более 150 годичных колец.

Половина (около 50%) образцов 4–6 возрастных групп происходит из раскопов, располагавшихся на территории Окольного города. Значительная часть датировок для многолетних образцов (52%) относится к периоду XVI–XVII вв., и все они происходят с территории, вошедшей в состав городской после строительства укреплений Окольного города (Окольный город, Запсковье).

Сохранность древесины, подвергнутой дендрохронологическому анализу, в целом удовлетворительная. Следует отметить, что значительная часть образцов разрушается еще до момента работы с ними. В табл. 1, где приведены данные по общему количеству образцов, разрушенные не учитывались. Однако их количество составляет около 30% от общего количества. Говоря о качестве используемой псковичами строительной древесины, можно также отметить значительное количество вторично используемой, которая отмечается как в дворовых постройках, так и в общественных сооружениях (причем факт использования дерева в строительстве повторно выявляется при анализе серии дат того или иного сооружения). Именно поэтому в анализе периодов застройки для выделения

Таблица 2

**Распределение образцов древесины по типам построек
(всего построек/датировано образцов)**

Раскоп	Срубы	Настилы	Частоколы	Столбы	Бревна	Хоз. постройки	Дренаж	Подкладки под фундаменты
Средний город								
П-01-Гор	5/20	1/11		4	4			
П-02-Л-17	1/1			2				
БГ-92						1/5		
Прп-92	1/5	1/29		4	4			1/4
П-97-Вор-1,2,3		1/1		4	5		1/3	1/1
П-98-Тр2	1/4	1/4	1/14	1	4			
П-98-Тр-4	1/9		1/4		7			
Окольный город								
Каз-1-92	4/15			1			1/2	2/5
ДП-92	1/2	1/2		2		3/4		
П-00-Петр-4		1/2				4/4	1/3	
П-03-Каз-5	4/16			1		2/2		
П-04-Вас-3	5/7	3/6	1/5	7	3	1/6		
П-06-Ствз	1/10							
Петр-6-9	7/25	2/2	1/2	11	3	3/5	3/18	
П-11-Луж-2	2/6	4/54		6				
П-94-НВ			1/6		1			
П-96-Мих-4					1	1/19		
П-05-НТ-4	2/3	2/3		3	7			
Запсковые								
П-00-Бог-15		1/2		2	1			
П-00-Бог-16		2/7				1/1		
П-00-Бог-19						1/10		
П-03-Луб-2	1/1	1/10	2/8	11		3/7		
П-03-Луб-3		2/7	4/12	7				
П-04-Бог-32	4/35	1/5		8	1	6/13	1/1	
Всего	40/159	24/145	11/51	74	41	26/76	7/27	4/10

периодов активной заготовки строительной древесины, свидетельствующих о всплеске строительной активности в городских центрах в определенные исторические периоды, используется совокупность порубочных дендротат образцов.

Видовой состав исследованной древесины также традиционен для средневекового археологического дерева – преобладают хвойные породы (сосна и ель), лиственные породы дерева единичны. Однако статистика по коллекциям, собранным для дендрохронологического датирования, может быть неточна, так как в поле, к сожалению, спилы берутся не со всех деталей, а только с тех, которые имеют лучшую сохранность, поэтому значительная часть раскрытых деревянных конструкций остается неопределенной на предмет вида древесины. В целом количество собранных спилов лиственных пород дерева составляет около 5%.

В коллекции представлены все типы построек (табл. 2): срубы, частоколы, настилы, хозяйственные постройки (к ним отнесены столбовые постройки, амбары, колодцы, дренажи, укрепление берега), подкладки под каменные постройки. Кроме того, в раскопе П-05-Ствз-4 изучены образцы дерева погребальной камеры XI в. (в таблице она учтена в столбце «срубы»). В выборке в категории «настилы» присутствуют такие виды настилов, как замощение берега. Такая

Таблица 3

Распределение датированных образцов по территории города

	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.
Средний город	7	0	3	1
Окольный город	28	77	58	27
Запсковье	22	48	47	16

конструкция была раскрыта в раскопе П-96-Мих-4. Конструкция укрепления берега раскрыта в 2000 г. на Запсковье (раскопы П-00-Бог-XV, XVI).

Всего изучено 112 построек, для которых датировано 478 образцов (остальные датированные образцы принадлежат отдельным столбам и бревнам). Значительная часть сооружений представлена 1–2 датированными спилами, что не позволяет датировать постройки.

Хронологический диапазон полученных дендрохронологических дат (рис. 3) – от 913 г. (раскоп П-06-Ствз – бревно пола погребальной камеры) до 1765 г. (П-97-Вор-3 – бревно – подкладка под каменный фундамент). Распределение дат по исследованной территории неравномерно. Так, датировки XII–XIV вв. в значительной степени происходят из раскопов, располагавшихся на территории Среднего города – 113 дат (в том числе 16 – из раскопов Запсковья, 5 – из раскопа на территории Окольного города), датировки XV–XVIII вв. происходят преимущественно из раскопов, расположенных на территории Окольного города (табл. 3).

Распределение датировок по годам, представленное на рис. 3, позволяет выделить периоды активной заготовки дерева в XIV в. – 1301–1320 гг.; 1361–1380 гг., для XVI в. – с 1501 по 1540 г.; с 1560 по 1580 г.; для XVII в. – 1660–1680 гг. В целом выделенные периоды совпадают с общестроительными периодами, которые прослеживаются по письменным источникам (Кулакова, 2001. С. 69). Кроме того, распределение датировок указывает на активную застройку территории Окольного города с середины XVI в. Комплекс датировок первой половины XVI в. в основном связан со строительством сооружений Нового торго. Различные его конструкции (мостовая, лавки, клетки) раскрыты в раскопе П-11-Луж-2. Полученные даты (для 61 спила) указывают на то, что активное благоустройство территории Торга происходит в период от 1515 до 1530 г.

Период второй половины XVI в. в целом подтверждает вывод, сделанный на основании комплекса источников для раскопов на ул. Ленина. Было отмечено, что именно во второй половине XVI в. изменяются дворовые границы, которые являлись стабильными на раскопе XIII с периода XII–XIII вв. (Кулакова, 2001. С. 186). Датировки этого же периода, происходящие из других частей города, свидетельствуют о том, что процесс изменения традиции застройки характерен практически для всей территории города.

Литература

Кулакова М. И., 2001. Динамика застройки Пскова X–XVII вв. по данным археологии, дендрохронологии и письменных источников. Дис. ... канд. ист. наук.

*Е. В. Салмина, С. А. Салмин,
Р. Г. Подгорная, А. В. Михайлов*

Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопов 2005–2013 гг.)¹

E. V. Salmina, S. A. Salmin, R. G. Podgornaya, A. V. Mikhailov. The New Market of Pskov Trading Rows Storage Complex Composition Features (on the excavations of 2005–2013 data)

Abstract. The article presents a conceptualization of finds collections from the excavations on the trading areas of the New Market of Pskov. Three main features of the collections are: material evidence of any traditional household traces absence; the proofs to the fact that we deal with a “public” or “communal” area; the presence of a very specific group of findings which includes not only goods, but also shopping rows inventory not studied enough before.

Ключевые слова: Псков, Новый Торг, торговые ряды, инвентарь, вещевые коллекции.

Keywords: Pskov, Novy Torg (New Market), trading rows, inventory, finds collections.

Предлагаемая публикация продолжает тематику изучения Нового Торга Пскова и посвящена определенному этапу в осмыслении вещевой коллекции как с непосредственно торговых участков, так и с реконструируемой территории гостиных дворов.

Говоря о торговых рядах, мы привлекаем коллекции раскопов Лужский II 2011–2012 гг. и Лужский III 2013 г. (рук. работ – Р. Г. Подгорная, С. А. Салмин, Е. В. Салмина), и Новоторговский IV 2005 г. (рук. работ – А. В. Михайлов, Е. А. Яковлева), где интерпретацию деревянных сооружений, занимающих почти всю исследованную площадь, как торговых рядов мы полагаем доказанной (*Салмина и др.*, 2014. С. 31–41). Привлечены также материалы раскопа 1955 г. Г. П. Гроздилова (*Гроздилов*, 1962), но, к сожалению, эта коллекция сохранилась (или была передана на хранение) не полностью, кроме того, следует принять во внимание, что принцип отбора экземпляров для индивидуальной коллекции был в те годы несколько иным. Суммарно количество находок из этих раскопов превышает три с половиной тысячи.

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ 2014–2015 № 14-11-60005 «Новый Торг Пскова 16–18 веков по данным археологии и письменных источников».

Практически сразу же при ведении полевых работ были выделены три черты коллекции:

1) материальное свидетельство отсутствия здесь заметных следов ведения традиционного домашнего хозяйства;

2) свидетельства того, что мы имеем дело с «общественной», «коммунальной» территорией;

3) наличие довольно специфических групп находок – предположительно, это не только товары, но и инвентарь торговых рядов.

Состав коллекции в целом говорит об отсутствии здесь заметных следов ведения традиционного домашнего хозяйства. Количество предметов печной керамики, домашней утвари и инвентаря необычайно мало в сравнении с традиционно большим количеством подобных находок из слоя позднесредневековой городской застройки. Такие находки, как изразцы и печные дуговые кирпичи, составляют менее 1% коллекции, что необычно для слоя городской застройки периода позднего Средневековья – Нового времени. Примерно ту же картину показывают многие категории железных бытовых изделий и домашних инструментов. Так, во всей 3,5-тысячной коллекции, например, присутствует всего один топор, всего два сверла, всего две кудельные булавки.

Большая часть находок отличалась маленьким размером. «Коммунальное» пространство Торга могло целенаправленно содержаться в порядке, относительно регулярно убираться – возможно, именно с этим связано отсутствие сравнительно крупных находок при насыщенности культурного слоя на участке торгового ряда мелкими артефактами: бусы, пуговицы, фрагменты украшений, мелкий бронзовый лом. Присутствуют также единичные находки вислых свинцовых печатей, монет (*Подгорная, Салмина, 2012. С. 140–141. Рис. 9, 10*). Аналогии такому отсутствию относительно крупных находок известны и по раскопкам торговых площадей в других городах (*Курбатов, 2007. С. 93*).

Общественный характер территории демонстрируют находки игральные бабки, костяных коньков, обрывков обуви, сумок, ножен (рис. 1; 2). Заслуживает упоминания своеобразная находка – стертая до полной неразличимости номинала медная монета с заточенным заостренным краем, обнаруженная между плахами мостовой (рис. 2: 4). Как нам представляется, это мог быть «инструмент» вора-карманника. Материалом для подобной «жанровой зарисовки» может служить и состав деталей кожаной обуви, где вместе с деталями высококачественной (в том числе детской) обуви присутствуют многочисленные детали со следами починки (например, с привязанными к поршню подошвами, задники и головки сапог с отпоротыми голенищами (опорки), имеющие отверстия для продевания завязок) (рис. 3).

Представлялось, что территории торжищ должны быть маркированы находками импортных изделий, многочисленными монетами, торговыми пломбами, разновесами, остатками тары. Картина такого рода была известна, например, по раскопкам торговых площадей в других городах (*Каплунайте, 2009. С. 425–435; Schofield, Vince, 2003. С. 161–162*). Однако находки этого плана оказались немногочисленны. Одновременно с этим на раскопе Лужский II 2011–2012 гг. был получен весьма нетрадиционный комплекс находок,

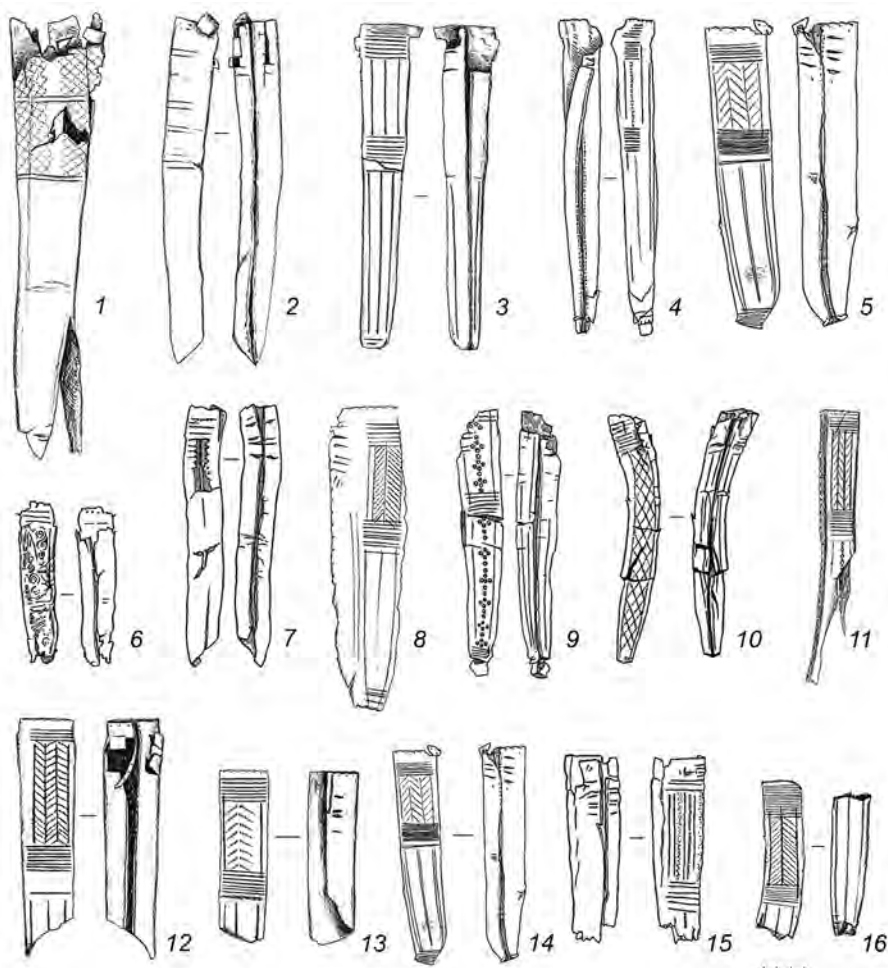

Рис. 1. Находки с участков торговых рядов и междурядных замощений.

1-16: кожаные ножи (1 – П-05-НТ-4, № 331; 2 – П-05-НТ-4, № 354; 3 – П-05-НТ-4, № 139; 4 – П-11-Луж-II, № 1396; 5 – П-12-Луж-II, № 270; 6 – П-11-Луж-II, № 1124; 7 – П-11-Луж-II, № 824; 8 – П-05-НТ-4, № 358; 9 – П-11-Луж-II, № 1395; 10 – П-11-Луж-II, № 1103; 11 – П-05-НТ-4, № 362; 12 – П-05-НТ-4, № 205; 13 – П-05-НТ-4, № 98; 14 – П-11-Луж-II, № 492; 15 – П-11-Луж-II, № 635; 16 – П-05-НТ-4, № 334)

который мы можем связывать со спецификой «материальной культуры мясного ряда». В этот комплекс входят железные ножи и их обломки (более 70 единиц), многочисленные оселки с явными следами использования (более 90 единиц) и специфическая категория предметов, многочисленных и распространенных в мясном ряду – это палочки и прутья, заостренные с двух концов (их найдено около 100), а также специфические крючья) (рис. 3, см. также *Салмина и др.*, 2014. С. 40. Рис. 6). И палочки-распорки (так называемые «мясницкие спицы», «спички», «шпильки»), и деревянные крючки используются при

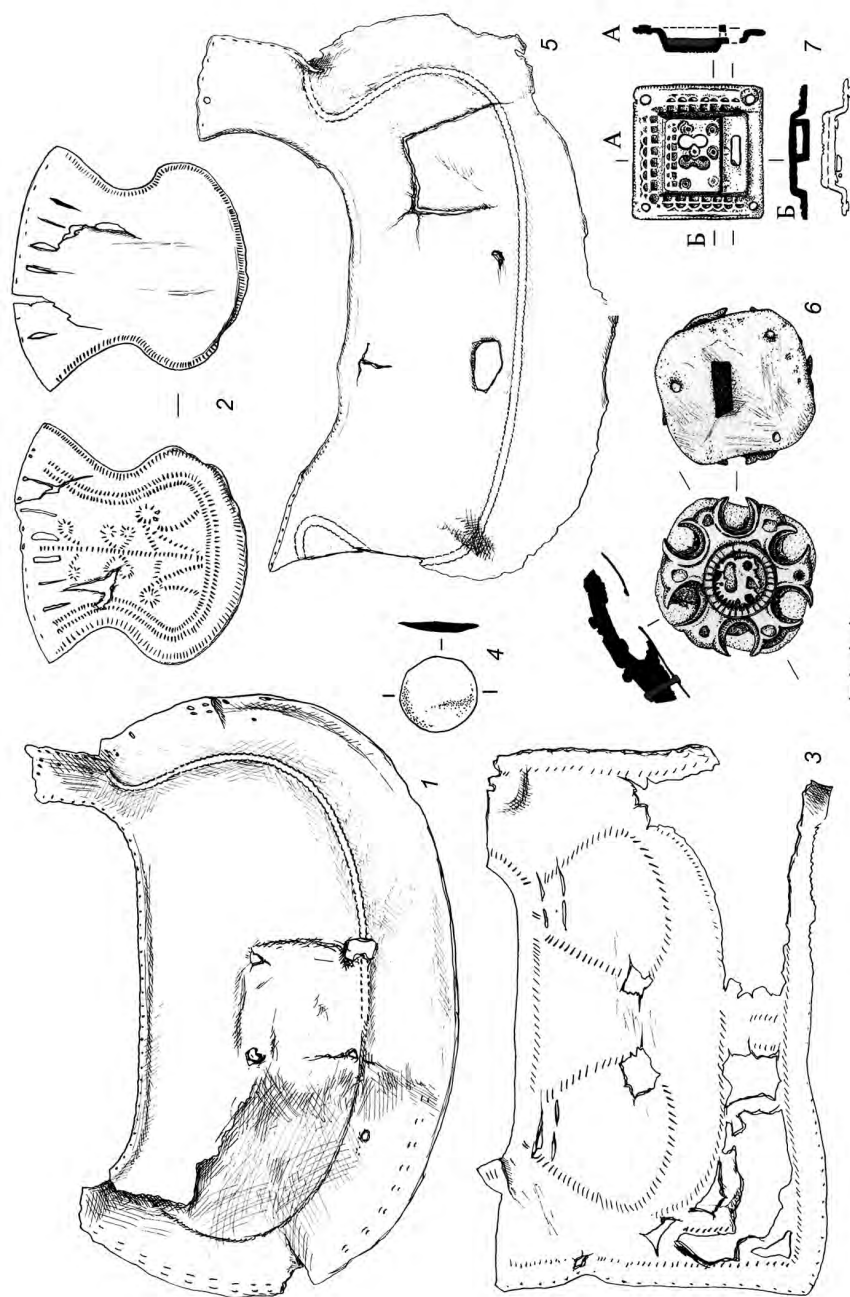

Рис. 2. Находки с участков торговых рядов и междурядных замощений.

1 - 3 - детали кожаных сумок; 4 - медная монета с заточенным краем (воровской инструмент?); замки для сумок (бронза, латунь). 1 - НТ-4, № 274; 2 - П-05-НТ-4, № 401; 3 - П-05-НТ-4, № 291; 4 - П-12-Луж-П, № 809; 5 - П-05-НТ-4, № 280; 6 - П-12-Луж-П, № 880; 7 - П-12-Луж-П, № 431

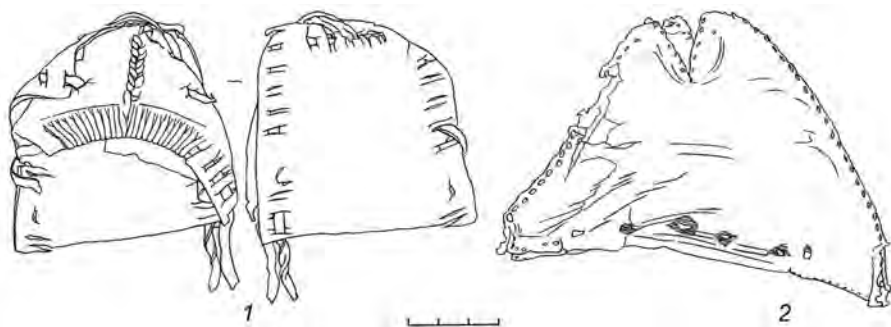

Рис. 3. Находки с участков торговых рядов и междурядных замощений. Детали изношенной обуви со следами починки (кожа): 1 – П-12-Луж-П, № 685; 2 – П-12-Луж-П, № 329

краткосрочном хранении, краткосрочном складировании, разделке, вялении, вывешивании на продажу мясных туш. Типологически и функционально сходные предметы применялись и применяются в этнографической современности или в недавнем прошлом в охотничьем быту и в рыночной торговле. Свидетельство использования такого предмета в XVII в. дает картина Франца Снейдерса «Мясная лавка» (рис. 4: 1). Аргументированное определение большей древности этой традиции пока оказалось невозможно.

Южнее расположения клетных сооружений Мясного ряда был получен еще один комплекс находок, дающих информацию о специализации исследованных территорий. На первый взгляд, этот комплекс более обычен для городских территорий и представляет собой распространенную на площади около 30 кв. м россыпь обрезков медного и бронзового листа, малых фрагментов проволоки, медных заклепок и проклепанных фрагментов листовой меди. Здесь же найден небольшой клепаный сосуд из медного листа (*Подгорная, Салмина, 2012. С. 141. Рис. 10*). Однако южнее Мясного Полонисского располагался, согласно Писцовой книге, *Котелный... ряд*² – вероятно, следы деятельности ремесленника, починки и вторичного использования сосудов и маркированы перечисленными находками.

Еще одной группой находок, позволяющей сделать определенные выводы о топографии торговых рядов, являются многочисленные кремни. В большинстве случаев кремни почти не обработаны, «не доведены» до состояния удобных бытовых кресальных или ружейных кремней. В нескольких метрах от основных сооружений мясных рядов на раскопе Лужский II 2011–2012 гг. найдена яма со скоплением мелких кремневых сколов (рис. 5). Учитывая одно из наименований специализаций в составе упомянутого выше *Котелного (и др.) ряда* – *Кремнёвый* (Кремнёвый)³, можно предположить, что на его территории происходила обработка и продажа кремней.

² Полное описание специализации ряда – *Котелный, Саадачный, Седелный, Москатилный, Овчинный, Мыльный, Кремёвый, Ветошный* – СМАМЮ, 1913. С. 25.

³ О взаимозаменяемости «кремнёвый – кренивый» см. ПОС, вып. 16, 2004. С. 112 и 116, а также Подвысоцкий, 1885. С. 74.

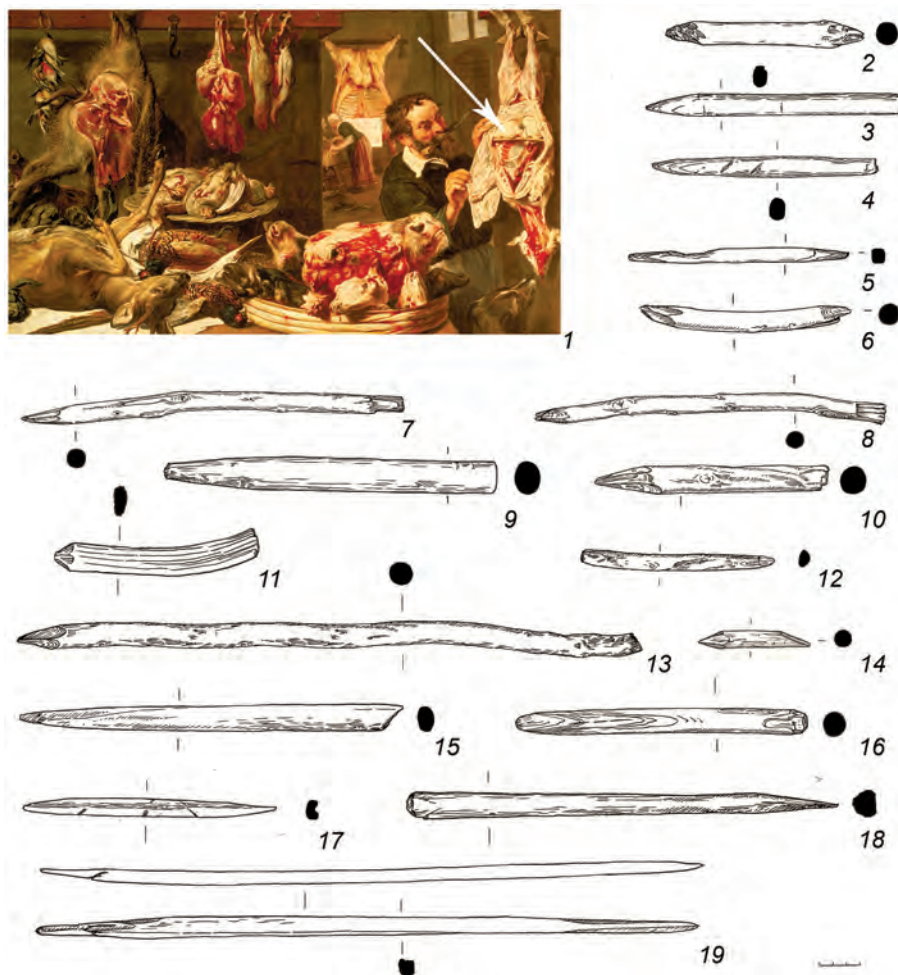

Рис. 4. Инвентарь Мясного ряда – «мясницкие спицы».

1 – репродукция картины Франца Снейдерса «Мясная лавка» (Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина [Электронный ресурс] URL: http://www.arts-museum.ru/data/fonds/europe_and_america/j/1001_2000/5015_MyasnayaLavka (дата обращения 12.12.2016); 2–19 – «мясницкие спицы» (дерево) (2 – П-11-Луж-П, № 648; 3 – П-12-Луж-П, № 591; 4 – П-12-Луж-П, № 592; 5 – П-12-Луж-П, № 581; 6 – П-11-Луж-П, № 1115; 7 – П-11-Луж-П, № 1134; 8 – П-11-Луж-П, № 1135; 9 – П-12-Луж-П, № 616; 10 – П-11-Луж-П, № 1142; 11 – П-11-Луж-П, № 1121; 12 – П-11-Луж-П, № 1122; 13 – П-12-Луж-П, № 695; 14 – П-11-Луж-П, № 1436; 15 – П-11-Луж-П, № 1125; 16 – П-11-Луж-П, № 1129; 17 – П-12-Луж-П, № 651; 18 – П-11-Луж-П, № 604; 19 – П-12-Луж-П, № 708)

Точно так же «романтизируя» материальную культуру средневекового рынка, исследователи традиционно связывают многочисленные находки замков на территории Торга единственно с охраняемым складированием товаров. Однако нельзя забывать, что в случае находки такого скопления замков в одном

Рис. 5. Скопление сколов кремня в материковой яме. Раскоп Лужский II, 2011 г.

месте (рис. 6), как на раскопе Новоторговский IV 2005 г. (Михайлов, Яковлева, 2007. С. 42), речь вполне может идти и об известном приеме выжавливания дорогого цветного металла – вспомним, что псковские замки рассматриваемого периода традиционно украшены бронзовой обтяжкой. Писцовая книга 1585–1587 гг. неоднократно сообщает о лавках и мастерских, специализировавшихся на починке слесарных изделий и металлической посуды и на продаже (и скупке) металлолома – «железом ветошью» (см., например, СМАМЮ, 1913. С. 60–61: «На Петровской улице у Петровских ворот, от Середнево города по правой стороне ...Анб. Михалка Кузмина, живет в Середнем городе, торгует хлебами и колачи и **железемъ ветошью**, оброку полтретья алтына... На другой стороне отъ воротъ идучи, лав. Осипка Самойлова, живет в Быковском сте, **торгуетъ железомъ ветошью**, оброку полтретья алтына... и др.) Отметим, что в составе железного лома, найденного на Новоторговском IV раскопе, присутствует также украшенное медью наверхие боевого шестопера крайней степени износа (Салмин, 2008. С. 52–56).

* * *

Интересна вещевая информация, полученная с территории Новоторговских X и XI раскопов (рук. работ – Т. Е. Ершова, А. В. Яковлев), значительной частью своей площади, по нашему мнению, попадающих на территорию одного из Гостиных дворов.

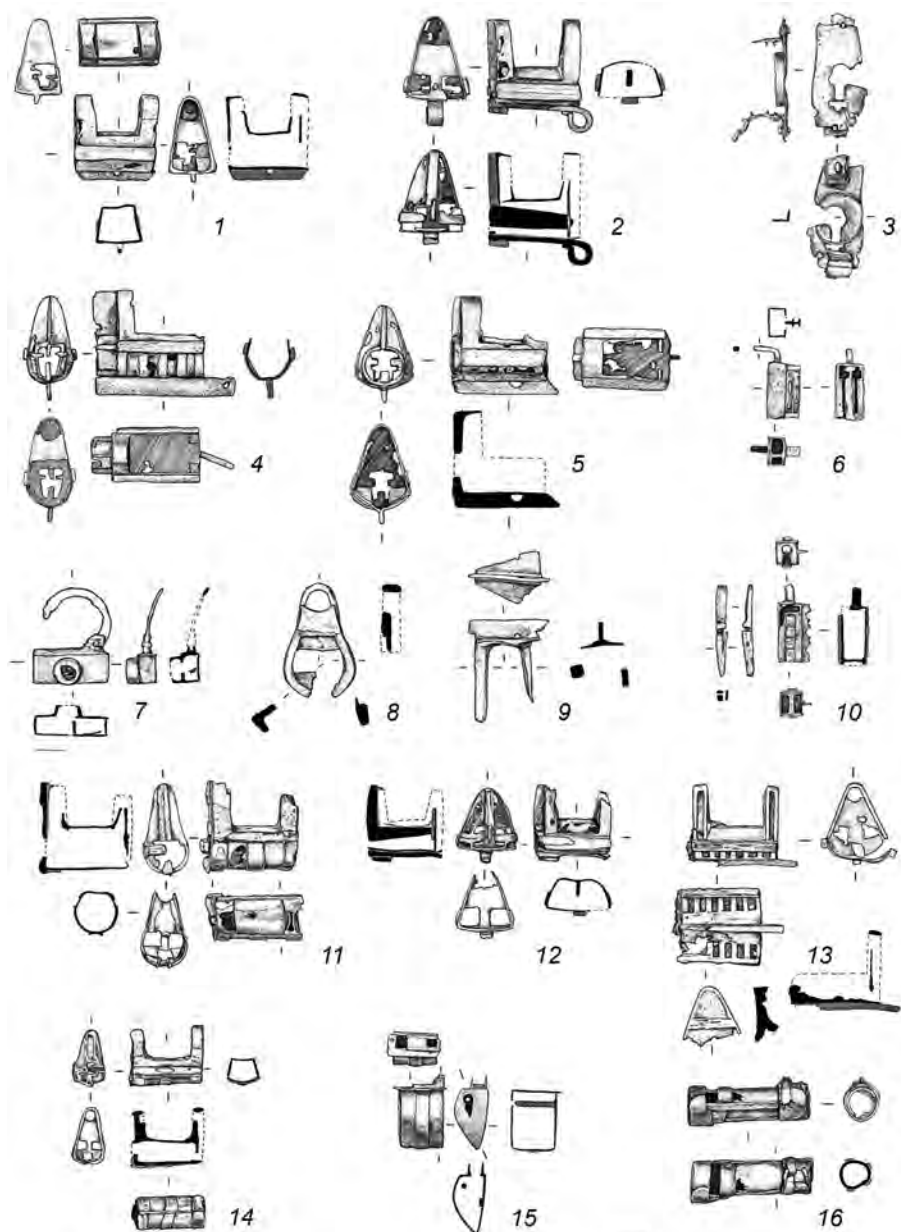

Рис. 6. Скопление замков – «железная ветошь» для выржавливания (?).

Раскоп Новоторговский IV, 2005 г. (1 – П-05-НТ-4, № 116; 2 – П-05-НТ-4, № 117; 3 – П-05-НТ-4, № 266; 4 – П-05-НТ-4, № 113; 5 – П-05-НТ-4, № 115; 6 – П-05-НТ-4, № 26; 7 – П-05-НТ-4, № 255; 8 – П-05-НТ-4, № 180; 9 – П-05-НТ-4, № 114; 10 – П-05-НТ-4, № 54; 11 – П-05-НТ-4, № 94; 12 – П-05-НТ-4, № 121; 13 – П-05-НТ-4, № 133; 14 – П-05-НТ-4, № 190; 15 – П-05-НТ-4, № 84; 16 – П-05-НТ-4, № 258)

В конце XVI в. в Пскове, на территории Нового Торга имелось 2 государственных «двора», к которым применялось понятие «гостиный»: двор *Гостин приезжих гостей московских* (*Гостин Большой*, в некоторых случаях *Тверской*) и двор *Лняной гостин*. Месторасположение обоих дворов долгое время оставалось дискуссионным (*Козюренко*, 1994, 124–126), но после идентификации в ходе археологических исследований и последующей обработки материала *Мясного Полонисского, Мясного Запсковского рядов* (*Салмина и др.*, 2014. С. 31–41), сопоставления открытого при раскопках дорожного мощения с трассой *Лужской* улицы удалось предпринять определенные шаги в установлении месторасположения этих объектов.

Гостиный двор упоминается в качестве ориентира при описании Грешневого ряда «*на левой стороне к Гостину двору, к Луже... У Лужи к Гостину двору...*» и Соляного ряда «*ныне то место припущено к Гостину двору... Лавки с полки у Гостина у Большова двора ворот...*» (СМАМЮ, 1913. С. 41–42). Упоминание Лужи позволяет связать Гостиный двор не только с заметным понижением рельефа у церкви Покрова Богородицы от Торга, выявленного Е. А. Яковлевой, но и с исторической Лужской улицей, проходившей по краю этой западины (*Яковлева и др.*, рукопись⁴).

Эти указания позволяют разместить *Гостин Большой* двор в юго-западной четверти перекрестка, образованного современными улицами К. Маркса и Некрасова, напротив ныне сохранившейся церкви Покрова Богородицы от Торга, и предполагать, что на его территорию приходится пятно Новоторговского XI и часть Новоторговского X раскопов (*Салмин, Салмина*, рукопись).

Гостиный двор приезжих гостей московских (собственно *Гостиный* двор) в Писцовой книге охарактеризован следующим образом: «...на дворе 3 избы, 2 по 4 сажени, а третья полчетверты сажени, а межъ избъ двои сени дощаты поутретьи сажени, а за избами конюшни, стоятъ в нихъ лошади. Да на дворе же отъ избъ до воротъ по левой стороне верхнихъ рубленыхъ анбаровъ 24 анбары, а нижнихъ подъ теми же анбары то жъ, а держатъ въ нихъ гости всякий товаръ, по другой стороне нижнихъ анбаровъ 31 анбаръ, держатъ в нихъ гости на время всякий товаръ... Да изъ техъ же изъ 60 изъ 9 анбаровъ дали изъ Таможенные избы таможенные приказчики ноугородцамъ 2 анбара... Да на томъ же дворе 2 м., торгуют на нихъ масломъ коноплянымъ и коровымъ... А около того двора городбы нетъ, потому что въ городбы место стоятъ те же анбары, а межъ техъ анбаровъ на Соляной рядъ ворота болшіе, а длина того двора 35 сажень, а поперегъ 29 сажень... а дворники себе емлютъ со всякого гостя за тепло, и за стряпню, и за соль, и за капусту, и за скатерть, и за квась, и за утиралники... Да на томъ же дворе запасу: котель медяной зъ дугою весомъ 25 гривенок, да другой

⁴ В настоящий момент продолжается работа над подготовкой к изданию коллективной монографии «Торг *большей*», выполненной в результате проекта «Новый Торг Пскова 16–18 веков по данным археологии и письменных источников». Данная рукопись (и другие, упоминаемые или цитируемые в настоящей статье) является одним из приложений к предоставленному в РГНФ отчету по проекту и вместе с этим одним из разделов планируемой книги.

котель медяной зъ дугою весомъ 23 гривенки, да третьей котель медяной зъ дугою весомъ 19 гривенокъ, да горшокъ медяной весомъ 11 гривенокъ, да другой горшокъ медяной весомъ полтретьицаты гривенокъ, да третьей горшокъ медяной весомъ полдесяты гривенки, да корчага железная...» (СМАМЮ, 1913. С. 14–15).

В настоящий момент работа с отчетной документацией по Новоторговским раскопам еще не завершена, поэтому авторы позволили себе ознакомиться только с вещевыми коллекциями, происходящими из этих раскопов, поскольку эта информация сама по себе представляла большой интерес для выбранной нами темы. Вещевой набор, происходящий с территорий Новоторговских X и XI раскопов, обширен и разнообразен: 1749 индивидуальных находок происходят с Новоторговского X и 1162 – с Новоторговского XI.

Обращает на себя внимание значительное количество вещей, которые могут быть отнесены, применительно к их обнаружению в Пскове, к категории сравнительно недорогих и не самых престижных импортов. Речь идет о значительном числе фрагментов традиционно не производившихся в регионе посуды из беложгущейся глины (белоглиняной) и чернолощенной (серолощенной) столовой посуды. С этих двух раскопов происходят 48 фрагментов чернолощенной посуды, в том числе и столовой, и еще большее количество фрагментов белоглиняной посуды – 501 экземпляр. Характерно, что в большинстве раскопов Пскова такие находки единичны. Обе разновидности керамической продукции широко представлены на территории Москвы (Глазунова, 2009. С. 133–139), и столь высокий процент их содержания в культурных отложениях, скорее всего, может объясняться присутствием приезжего контингента и обычаем при поездках пользоваться собственным набором столовой и, частично, кухонной посуды.

Неизбежность использования в основном собственной посуды подчеркивается как набором услуг, предоставляемых дворниками (*«а дворники себе емлют со всякого гостя за тепло, и за стряпню, и за соль, и за капусту, и за скатерть, и за квась, и за утиралники...»*), так и набором кухонной утвари, приписанной ко двору (см. выше), которая не может быть использована в качестве столовой посуды (все перечисленные котлы и горшки имеют значительный вес, и объем их достаточно велик).

С территории этих раскопов происходит 27 целых экземпляров и фрагментов деревянных ложек (а также одна заготовка для изготовления ложки). Отметим, что, по сообщению Августина Мейерберга (1997. С. 66), убранство стола в России даже в случае официальных приемов было крайне скромным: «На длинный и узкий стол, покрытый скатертью из плохого льна, ставятся уксусница, перечница и солонка. Каждому из обедающих кладутся ложка и хлеб...» – и мы видим, что в этих условиях выпадение в грунт фрагментов недорогих и недолговечных столовых приборов, а именно ложек оказалось высоким. Кроме того, здесь же были обнаружены 4 фрагмента крупноразмерных черпаков, кожаная крышка мехов для раздувания огня, доска от мехов, а также фрагменты крупноразмерных металлических (железных и медных сосудов).

Второй ярко выраженной составляющей вещевой коллекции предполагаемого Гостиного двора является значительное число предметов, связанных

с конской упряжью, уходом за лошадьми, деталей снаряжения всадников. На территории раскопа зафиксировано 10 экземпляров удила, 8 фрагментов от семи шпор, 7 фрагментов седельных костяных обкладок, детали седельной покрышки, 6 подпружных пряжек и фрагментов от них, кнутовище, детали хомутов и упряжных седелок (6 экз.), санный полоз, скребницы (4 фр.), кожаные детали упряжи (10 фр.), лапа (инструмент для снятия подков с копыт).

Значительно также число происходящих из раскопов Новоторговские X и XI стационарных деталей запорных устройств (пробой – 18, запорные скобы – 26, запорные цепи – 4), 38 экземпляров целых и фрагментированных замков, 34 экземпляра целых и фрагментированных замочных ключей.

Мы видим, что комплекс находок, происходящих с территории предполагаемых Гостиных дворов, совмещает в себе функции: 1) общежительной территории, 2) зоны складирования товаров и транспорта, 3) зоны содержания упряжных и верховых животных. На его территории широко представлены предметы, связанные с бытом иногородних постояльцев (в том числе большеразмерные котлы общего пользования и недорогая бытовая посуда, произведенная внутри Русского государства, но привозная в условиях Пскова), скобяной товар (щеколды и упоры для них, замки, запорные скобы и цепи), инструменты для ухода за лошадьми, фрагменты и детали упряжи, снаряжение всадника.

Хорошо соотносится с сообщением о ведении на территории двора розничной торговли маслом обнаружение двух коромысел от рычажных весов. 27 игральные бабки и 21 костяной конек логично дополняют картину зоны общежительного продолжительного пребывания мужского коллектива. Стоит заметить, что частое упоминание «торговых площадей», устраиваемых зимой на льду реки (*Кирпичников*, 1995. С. 26), может свидетельствовать о том, что коньки являлись не только средством развлечения, но и упрощали передвижение торговцев и покупателей как по льду реки, так и по обледенелым деревянным мостовым города.

* * *

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что в пределы рассматриваемых раскопов попали участки территории Нового Торга, относящиеся к торговым комплексам, неожиданно оказавшиеся ощутимо различающимися по вещевым комплексам. Нельзя не признать, что это в значительной мере повысило возможности соотнесения объектов, упомянутых в Писцовой книге, с объектами, выявленными при археологических раскопках.

Литература, источники

- Глазунова О. Н., 2009. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII вв. // Археология Романова двора: предыстория и история Москвы в XII–XIX вв. М. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина [Электронный ресурс] URL: http://www.arts-museum.ru/data/fonds/europe_and_america/j/1001_2000/5015_Myasnaya_lavka (дата обращения 12.12.2016).

- Гроздилов Г. П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.
- Каплунайте И., 2009. Нумизматический и сфрагистический материал Ратушной площади: торговые аспекты Вильнюса XV–XVII веков // АИППЗ. Материалы 54-го заседания (2008 г.).
- Кирпичников А. Н., 1995. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб.: АО Славия.
- Козюренко О. В., 1994. Новый Торг Пскова (вопросы топографии) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сб. статей к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб.
- Курбатов А. В., 2007. Раскопки 2003–2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Выпуск 1. М.
- Мейерберг А., 1997. Путешествие в Московию // Утверждение династии. М.
- Михайлов А. В., Яковлева Е. А., 2007. Археологические исследования на Ново-Торговом IV раскопе // АИППЗ. Материалы 52 заседания.
- Подвысоцкий А. О., 1885. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий. СПб.: Изд. 2-го Отд-ния Акад. наук.
- Подгорная Р. Г., Салмина Е. В., 2012. Раскопки Нового Торга в Пскове в 2011 году (предварительные обобщения) // ННЗ. Материалы научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности. Вып. 26.
- ПОС – Псковский областной словарь. Вып. 16, СПб., 2004.
- Салмин С. А., 2008. Навершие шестопера из раскопок в Пскове в 2005 году // АИППЗ. Материалы LIII заседания (2007 г.).
- Салмин С. А., Салмина Е. В. Внутренняя планировка Нового Торга Пскова: попытка составления «принципиального плана» расположения торговых рядов. Рукопись (авторская копия приложения к предоставленному в РГНФ отчету по проекту 2014–2015 № 14–11–60005).
- Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2014. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных // АИППЗ. Материалы 59 заседания (2014 г.). М., Псков, СПб., 2014.
- СМАМЮ, 1913 – Подлинная писцовая книга № 355 (1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. V. М., 1913.
- Яковлева Е. А., Салмин С. А., Подгорная Р. Г. Модель погребенного рельефа Пскова на территории Нового торго Пскова. Рукопись (авторская копия приложения к предоставленному в РГНФ отчету по проекту 2014–2015 № 14–11–60005).
- Schofield J., Vince A., 2003. Medieval Towns. The archaeology of British Towns in their European Setting. London.

Ю. В. Колпакова, Л. Я. Костючук

Ставрографические материалы с территории Нового Торга в Пскове¹

Yu. V. Kolpakova, L. Ya. Kostuchuk. Stavrographical Data from the Territory of Pskov New Market

Abstract. The article is devoted to a stavrographical collection from excavations on the territory of New Market. Found on this territory objects of private devotion are amber, nacre, horn and metal medieval body and pectoral crosses. A lily-shape-ended, globular-shape-ended, rhombus-shaped metal crosses are presented. Finds of the miniature copper cross in leather reliquary as well as the plumbic wrist weight in the form with St. George icon are unique. There were 7 late medieval crosses with the image of Cross on Calvary found on the territory of New Market, and the bronze cross with the text of Psalm 67 and the Troparion «Before Thy Cross we bow down in worship...» among them.

Ключевые слова: Псков, Новый Торг, христианство, нательные кресты, предметы личного благочестия, культовая металлопластика.

Keywords: Pskov, Novy Torg (New Market), Christianity, body crosses, private devotion, cult metal.

Религиозные традиции псковского населения, жизнь которого была связана с территорией Нового Торга, нашли отражение в предметах материальной культуры, найденных при работах на Лужских и Новоторговских раскопах. В первую очередь это разнообразные нательные кресты.

Находки с территории Нового Торга особенно интересны тем, что помогают пролить свет на проблемы, существовавшие с определением подобных предметов в предшествующий период археологического изучения г. Пскова.

Например, две крестовидные ромбоштитковые подвески (ромбоштитковые кресты, Лужский II раскоп, 2012 г., №№ 138, 199; рис. 1, 1–2), одна из которых демонстрирует такую интересную черту орнаментации обратной стороны, как отпечаток внутреннего каркаса, в котором нет конструктивной необходимости для цельнолитых изделий.

По-видимому, эта черта иллюстрирует генетическую связь между аналогичными цельнолитыми бронзовыми крестами и домонгольскими паяными серебряными изделиями с зернью. Бронзовые ромбоштитковые кресты широко

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Комплексное датирование псковской средневековой культовой металлопластики с надписями», №14–11–60002 а (р).

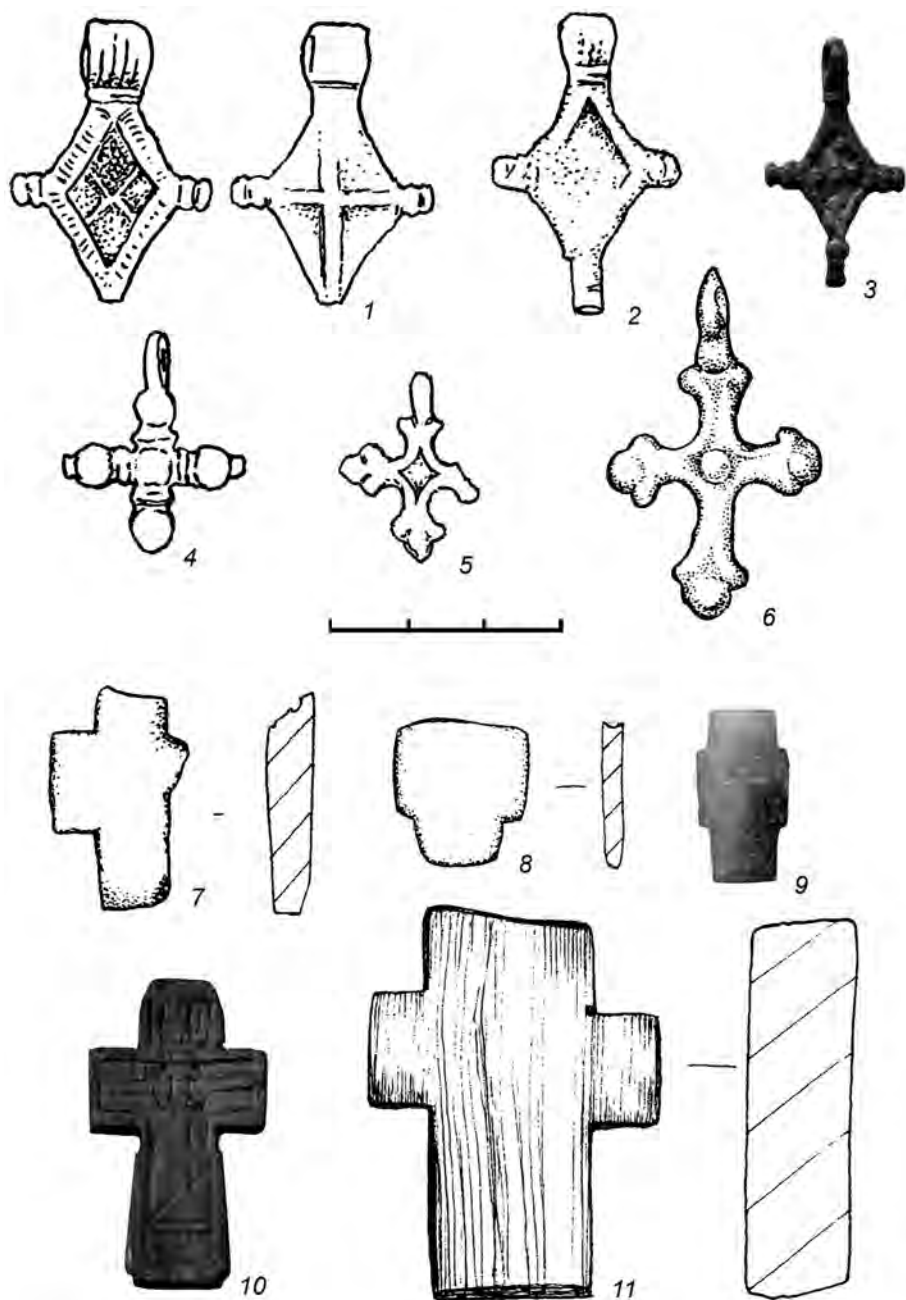

Рис. 1. Средневековые нательные кресты.

1 – крест – ромбоштитковая привеска, бронза, ЛУЖ-П-2012, № 138, В-16, -305)-21г, № пол. 13;
 2 – крест – ромбоштитковая привеска, бронза, ЛУЖ-П-2012, № 199, В-16, -307)-23в, № пол. 24;
 3 – крест – ромбоштитковая привеска, найден в кожаном реликварии, медь, НТ-Х-2011,

№ 1501, А-17–34, сруб 11, № пол. 26; 4 – крест, бронза, ЛУЖ-П-2011, № 718, Д-14, –272)–120, № пол. 3; 5 – крест, бронза, ЛУЖ-П-2012, № 234, А-16, –303)–46, № пол. 46; 6 – крест, бронза, ЛУЖ-П-2011, № 1015, Ж-15, –289)–178 № пол.1; 7 – крест, янтарь, НТ-VI-2008, № 364, А-12, –236)–21, № пол. 37; 8 – крест, перламутр, НТ-VIII-2008, № 85, Б-11, –214)–63, № пол. 8; 9 – крест, янтарь, НТ-XI; 10 – крест наперсный резной, рог, НТ-X-2011, № 186, Г-7, –132)–68, № пол. 10; 11 – заготовка креста, дерево, НТ-VI-2008, № 211, А-11, –217)–5, № пол. 27)

известны в Пскове, Изборске, в русских курганных древностях и материалах русских городов. Они датируются в основном XIV в., но встречаются и в более поздних комплексах. Их ранние серебряные прототипы, напротив, известны мало и представляют собой каркас из тонкого дровяного крестика с рубчиками на концах лопастей, обложенный с двух сторон тонкими ромбическими пластинами, украшенными композициями в форме треугольников и ромбов из шариков зерни. Эта черта также имеет отголосок в орнаментации более поздних ромбоштитковых крестов.

Вероятно, сохранение «псевдокаркаса» (дополнительного ребра на тыльной стороне вдоль вертикальной и горизонтальной осей подвески) способствует и лучшему качеству отливки, поэтому применялось, по крайней мере, одним из мастеров, изготавливавших кресты данного типа.

Аналогичный находкам с Лужского раскопа миниатюрный ромбоштитковый крестик в отдельном кожаном кошельке найден на территории богатой усадьбы XV в. в квартале застройки на впоследствии связанной с Новым Торгом территории (НТ-X-2011, № 1501; рис. 1, 3; опубликован: Яковлева, 2013. С. 11). Крестик выполнен из сплава, на 90,5% состоящего из меди с добавлением 2% олова, 2,3% свинца, 4% сурьмы, незначительных примесей мышьяка и других элементов. Следов золочения ни на подвеске, ни на кошельке не выявлено².

Так как крест изготовлен из недорогих материалов, но хранился при этом в специальном реликварии, можно сделать предположение о его особом мемориальном значении для владельца или суеверном отношении носителя к данному «религиозному сувениру».

Специфические формы проявления благочестия в Окольном городе местным контингентом населения иллюстрирует и находка «свинчатки», отлитой в форме иконки с изображением Святого Георгия (ПЕТР-XI-2010, № 215; опубликован: Салмин, 2014). Демонстративное проявление повышенной религиозности, как известно, в целом характерно для маргинальных кругов города в Новое и Новейшее время, как в России, так и в Европе (напр., Дефурно, 2004. С. 154; Тогоева, 1999. С. 319–324).

² Изучение элементного состава предметов культа проводилось методом рентгенофлуоресцентного анализа с использованием РФА-анализатора ХМЕТ-5100. Благодарим за сотрудничество Центр коллективного пользования научным оборудованием Московского физико-технологического института и лично непосредственных исполнителей работ – заместителя декана ФФКЭ к. ф.-м. н. А. В. Заблочного за проведение измерений, сотрудника лаборатории Е. В. Коростылева за математическую обработку результатов анализа.

Мы полагаем, что это не иконка во вторичном использовании, а именно свинчатка, отлитая в форме иконки, и затем смятая по форме руки, на основании данных о составе изделия – 99,5% свинца. Ни один из известных нам предметов культовой металлопластики не имеет такого элементного состава, как этот предмет.

С территории Нового Торга происходит две находки криноконечных крестов. Один из них (ЛУЖ–II–2012, № 234; рис. 1, 5) относится к типичным криноконечным малоформатным (по классификации Н. Г. Недошивиной, XII–XIV вв. (Николаева, Недошивина, 1997. Табл. 103: 40), основная масса которых в Пскове происходит из подъемного материала с берега р. Великой напротив Крома (ПГО-ИАХМЗ, колл. 16427, № 33 (5); колл. 10952, № 182, колл. 16428, № 243, № 10396 (1) и др.), одна – из раскопок в Довмонтовом городе (ГЭ, ПД–85, № 457) и одна находка – из раскопок на территории, связанной с функционированием Свято-Ильинского монастыря на Завеличье. Учитывая заметную концентрацию случайных находок вблизи монастыря, можно предположить, что с ним каким-то образом было связано их местное производство либо распространение.

Второй криноконечный крест (ЛУЖ–II–2011, № 1015; рис. 1, 6) представляет редкую разновидность данного типа, однако интересно, что это не первая «авторская» модификация криноконечных крестов в Пскове (другой нетипичный криноконечный крест происходит из погребения XIV в. близ церкви Сошествия Святого духа в Довмонтовом городе (ГЭ, ПД–85, № 772, погребение 11, разрушено западной стеной притвора церкви).

Крест с шаровидным (булавовидным) завершением лопастей (ЛУЖ–II–2011, № 718; рис. 1, 4; «кресты с пухлыми концами» по: Николаева, Недошивина, 1997. Табл. 103: 22) представляет лишь второй предмет данного типа из найденных в Пскове. Вместе с тем из раскопок в Пскове и Изборске известен ряд находок форм для отливки таких крестов.

Благодаря прекрасной сохранности, данная находка хорошо иллюстрирует то, как облик новых типов литых крестов формировался под влиянием привозных вещей. В данном случае очевидна преемственность между формой перламутровых и стеатитовых паломнических подвесок XII–XIII вв. и обликом шароконечных крестиков, имеющих практически аналогичный вид (Колпакова, 2005. С. 140–141).

Лишь этот крест во всей ставрографической коллекции, связанной с Новым Торгом и прилегающей территорией, имеет формально раннюю датировку XI–XII вв. по аналогам из Новгорода, Костромских курганов и др. В то же время контекст вещи, вкупе со сходной псковской находкой из яруса 1319/1320–1335 гг. на территории древней части Среднего города и находками литейных форм, выпавшими в слой не ранее второй половины XV в., заставляет предположить возможность довольно длительного и позднего производства и бытования предметов данного типа, по крайней мере, в Пскове.

В целом практически вся коллекция средневековых крестов (рис. 1) относится к периоду XIV–XV вв.

Нательные кресты с изображением Голгофы (рис. 2), найденные при раскопках Нового Торга и сопредельных городских кварталов, представлены довольно распространенными типами. В силу плохой сохранности они дают

не очень много информации к изучению корпуса текстов на позднесредневековых предметах личного благочестия.

Среди них один прямоугольноконечный четырехлопастной (НТ–Х–2011, № 1321; рис. 2, 5), один трехлопастноконечный (НТ–VII–2008, № 13; рис. 2, 4) и четыре восьмилопастных нательных креста с килевидной нижней лопастью. Один из них (ЛУЖ–II–2011, № 311; рис. 2, 1) – с хорошо читаемыми монограммами имени Христа: IC XC (под титлами) и практически утраченными надписями в верхней и нижней лопасти, другие – один средних размеров (НТ–V–2007, № 326; рис. 2, 6) и два миниатюрных, фрагментированных, без сохранных текстов (НТ–V–2007, № 371; ЛУЖ–II–2011, № 1311; рис. 2, 2, 3; *Подгорная, Салмина*, 2013. С. 32).

Близок к восьмиконечным «голгофским» крестам по форме крест с иконными изображениями (НТ–VI–2008, № 307; рис. 2, 9). В центре его – фигура в полный рост, в боковых лопастях и в нижней – погрудные изображения. В нижней лопасти, предположительно, читается атрибутируемая нижнему изображению надпись «<...>**ОА**» (Никола?). Центральная композиция напоминает Благовещение. Изображения настолько схематичны, что достоверную их атрибуцию дать невозможно.

Специфические особенности работы мастеров-крестечников с текстами иллюстрируются находкой литейной формы (ЛУЖ–II–2011, № 661; рис. 1, 7). Форма изготовлена из известняка и служила для изготовления пуговиц и нательного восьмиконечного креста (*Подгорная, Салмина*, 2013. С. 28).

В боковых лопастях креста присутствуют зеркальные надписи, в позитивном отображении (на отливке) читаемые, как «**IG**» («**I**» в форме «**X**») «**XG**» (под титлами).

По данным О. А. Ивановой, инициалы с «**I**» в форме «**X**» – это один из типовых, хотя и не очень распространенных вариантов написания имени Иисуса Христа на нательных крестах, представленных в псковских материалах 30 примерами (*Иванова*, 2015). В нижней лопасти креста находится надпись **НИК** (сокращенное «Ника»), которая не выполнена зеркально и при отливке будет отображена ошибочно.

Примеры подобных ошибок литейщиков известны по находкам нательных крестов в Пскове (например, КАЗ–XI–2007, № 78, Б–6 (–103) –40, № 7, слой пожара), в Гдовских курганах (раскопки В. Н. Глазова, 1899 г., ГЭ, колл. 856, № 341). Встречаются ошибочные надписи **СХ** (вместо **ХС**, где сами буквы ориентированы правильно, а их порядок нарушен), **КУЛН**, **ХНН** (небрежно написанное «Ника» в зеркальном отображении; *Иванова*, 2015).

В верхней лопасти креста на литейной форме находится надпись **БАХ** (под титлом). Рискнем предположить, что эта надпись выполнена правильно, то есть зеркально. В этом случае букву **А** можно прочесть, как **Р**, а букву **Б** – как искажение буквы **Ь**. Следовательно, перед нами неполное написание сокращенного слова «Царь» (ЦРЬ), чаще всего встречаемого в полной фразе «Царь Славы».

Ошибка в тексте, связанная с неправильной ориентацией надписи, встречается не только на нательных крестах, но и на найденной на территории Нового Торга подвеске-дорнике – печатке для просфор (вместо зеркальной

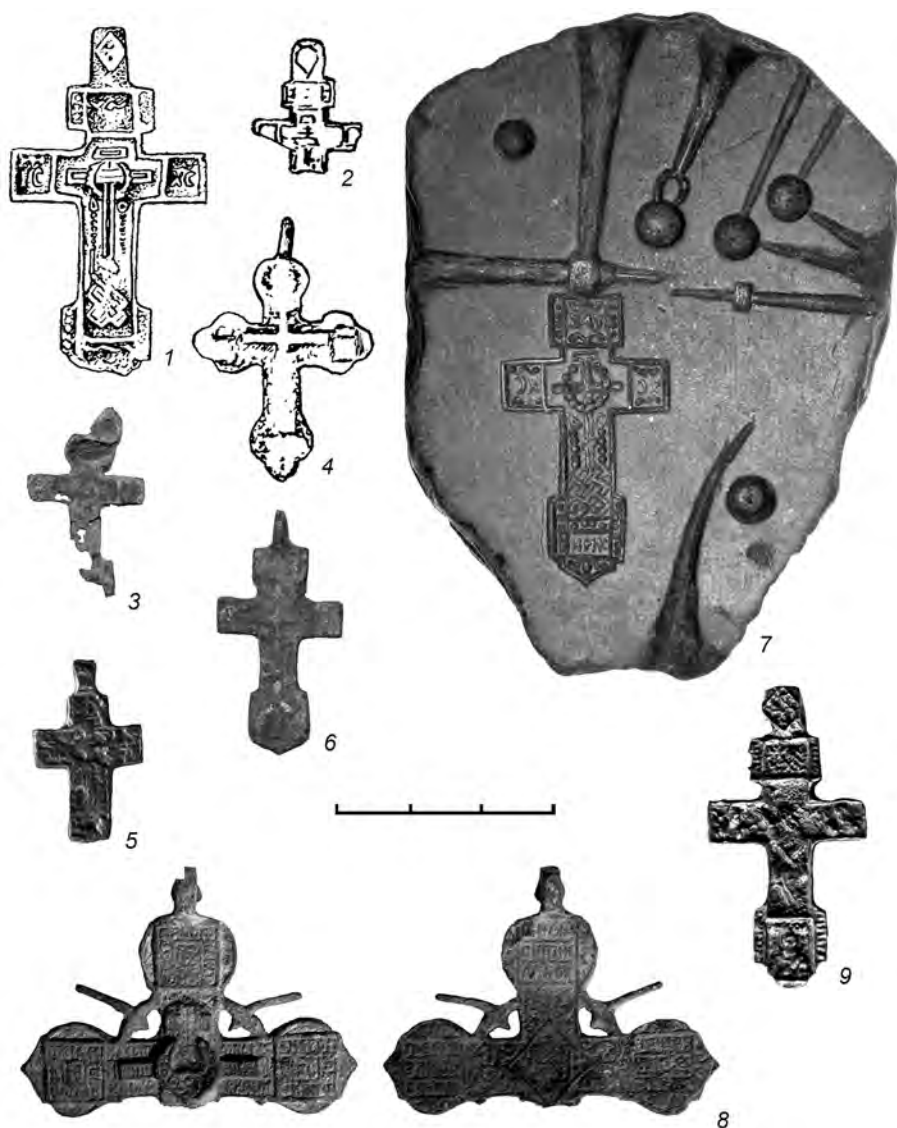

Рис. 2. Позднесредневековые нательные кресты и форма для отливки креста.
 1 – ЛУЖ-П-2011, № 311, К-12, –223)–209, № пол. 11; 2 – НТ-V-2007, № 371, Е-9–185а, № пол. 32; 3 – ЛУЖ-П-2011, № 1311, М-10, –193)–252, № пол. 4; 4 – крест нательный, цв. металл, НТ-VII-2008, № 13, В-5, –96)–100, № пол. 1; 5 – крест нательный, бронза НТ-X-2011, № 1321, А-15, –297)–12, № пол. 17; 6 – крест нательный, бронза, НТ-V-2007, № 326, Д-9, –164)–113, № пол. 21; 7 – литейная форма, ЛУЖ-П-2011, № 661, Г-13, –248)–48, № пол. 26; 8 – крест нательный, фрагмент, бронза, НТ-V-2007, № 306, Д-9, –163)–95, № пол. 1; 9 – крест нательный с надписями, цв. металл, НТ-VI-2008, № 307, А-11, –211)–12, сруб 5, № пол. 132)

надписи «кресты твоему поклоняемся владыко ИС ХС» содержит ее позитивное отображение (опубликована: Колпакова, 2014. С. 84). Новый Торг, таким образом, дает сравнительно большое количество материалов о повседневном бытовании текстов в церковно-ремесленной среде.

Наиболее информативной для изучения надписей на предметах личного благочестия является находка фрагментированного креста, лицевая поверхность которого покрыта текстами молитв (НТ–V–2007, № 306; рис. 1, 8). Состояние предмета в настоящий момент не позволяет прочесть их полностью, однако и до реставрации можно наблюдать тексты:

В основном объеме горизонтальных лопастей подвески, вокруг креста с цатой:

**КРЕСТЪ ТВОЕМ
ПОКЛАНЯЕМ**

Таким образом, здесь помещен отрывок первой строфы тропаря «Похвала кресту». Этот тип надписи известен на 7 псковских крестах, датировки которых совокупно обнимают время с первой половины XV по XVIII в.

В рамках квадратных медальонов верхней и правой лопастей читаем: «**ДЯ ВОСКРЕ СНАЕТЪ**» (?).

Это начало 67-го псалма «Да воскреснет Бог...» – один из самых распространенных видов надписей, в Пскове обнаружен на 18 крестах.

Сочетание разных видов надписей на одном кресте – довольно редкое явление, что делает эту находку достойной особого внимания.

Кроме того, коллекция христианских древностей района Нового Торга содержит интересные находки изделий из перламутра, янтаря, рога, дерева (рис. 1, 7–11 и др.).

Среди них резной янтарный крестик, нательный или, возможно, от четок (НТ–XI, рис. 1, 9). На кресте имеются надписи (напр., в верхней лопасти креста над изображением креста на Голгофе читается надпись «**ЧРЬ**» (?). По псковским археологическим данным, прямоугольно-конечные кресты вытянутых пропорций без изображений датируются XII в. – серединой XV в. (основная масса – XIV в.), аналогичные крестики с изображением голгофского креста с надписями датируются последней четвертью XIV – первой половиной XV в., встречаются и в слое XVII в.

Тот же сюжет – Голгофа – схематично представлен на роговом наперсном кресте (НТ–X–2011, № 186; рис. 1, 10). В нижней части подвески: надпись «**крестъ**». Надпись в верхней лопасти (**ПХО? ИХС?**) уверенно не читается.

В целом ставрографические данные, полученные во время раскопок сооружений и усадеб Нового Торга, вносят значительный вклад в сумму знаний о вещном мире личного благочестия жителей Пскова в эпоху средневековья и нового времени.

Показательность коллекции может объясняться не столько плотностью и регулярностью застройки территории (она как раз неравномерна), сколько ее довольно размеренным освоением в средневековый период, близким расположением одной из основных уличных трасс и объектов фортификации, а затем – спецификой общественных функций такой территории, как торг, в позднесредневековом городе.

Литература

- Дефурно М., 2004. Повседневная жизнь Испании золотого века / Пер. с фр. Т. А. Михайловой. М.
- Иванова О. А., 2015. Проблемы классификации надписей на лицевой стороне 8-конечных нательных крестов // Молодежь – науке. Материалы молодежных научных конференций ПсковГУ. Т. III. Псков: ПсковГУ, 2015. С. 79–80.
- Колпакова Ю. В., 2005. Некоторые разновидности нательных крестов средневекового Пскова // РА. № 1. С. 140–145.
- Колпакова Ю. В., 2014. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29. М.; Псков. С. 82–94.
- Николаева Т. В., Недошивина Н. Г., 1997. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура (Археология СССР). М. С. 166–178. Табл. 97–106.
- Подгорная Р. Г., Салмина Е. В., 2013. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 году // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (2012 г.). М.; Псков. С. 23–38.
- Салмин С. А., 2014. Образок – битка // Археологи рассказывают. Серия «Ключ к прошлому». Псков. С. 49–51.
- Тогоева О. И., 1999. «Ремесло воровства» (несколько штрихов к портрету средневекового преступника // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М. Т. II. С. 319–324.
- Яковлева Е. А., 2013. Археология в Пскове в 2011 году // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (2012 г.). М.; Псков. С. 7–23.

А. Б. Постников

Основные массовые источники РГАДА по истории псковской Церкви и духовенства последней трети XVII – первой половины XVIII века¹

A. B. Postnikov. The Main Mass Sources of RGADA on the History of the Pskov Church and Clergy of the last third of the 17th – the first half of the 18th Centuries

Abstract. The immediate task of the article is an introduction of the new mass sources for the research of the Pskov church and clergy into the scientific circulation. The work is based on the Pskov census books of 1678, 1709 and 1711, and revision lists (*revizskie skazki*) of 1721–1723 and 1744–1747, kept in RGADA (Russian State Archives of Ancient Documents). The results of the statistic study and systematization of the Pskov census presented in the article have allowed to get the well-documented final data and draw conclusions on the composition of the Church objects and their dynamics during transition period. They provide an important material for further study of the personnel and number of the Pskov clergy of the last third of the 17th – the first half of the 18th cc.

Ключевые слова: псковская Церковь, псковское духовенство, переписные книги, ревизские сказки.

Keywords: Pskov church, Pskov clergy, census books, revision lists (*revizskie skazki*).

В истории России и Русской Православной Церкви вторая половина XVII и первая половина XVIII в. были временем глубоких реформ, проходивших по воле и в интересах государственной власти, когда осуществлялись канонические перемены, изменялись обряды, устанавливалось синодальное правление, проводилась секуляризация церковных земель и складывалось духовное сословие. Эти преобразования, имевшие неоднозначные и порой драматические последствия, затронули все сферы духовной жизни людей и основы церковной организации, отразились на дальнейшей судьбе Церкви и всего русского народа. Многие вопросы, порожденные

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Церковь и духовенство Пскова в ходе реформ последней трети XVII – первой половины XVIII в.». № 16–11–60001 а(р).

церковно-государственными реформами, до сих пор сохраняют свое значение и потому, несмотря на обилие существующей историографии по теме, побуждают к новым исследованиям.

Общий ход и характер церковных реформ в России достаточно хорошо изучен и знаком по правительственным указам и духовным постановлениям, а также по опубликованным источникам. На их основе написаны обобщающие труды митрополита Макария (Булгакова), П. В. Знаменского, Е. Е. Голубинского, А. П. Доброклонского, А. В. Карташева, С. А. Зеньковского, И. К. Смолыча, А. И. Комиссаренко, С. И. Реснянского, П. С. Стефановича и других авторов. Гораздо менее изученными остаются вопросы осуществления реформ на местах; проблемы, связанные с проведением законодательных решений в жизнь; особенности перемен, происходивших в разных епархиях, землях и городах. Недостаточное внимание уделяется разработке локальной истории старых русских городов и их населения всех сословий, без чего невозможно более глубокое постижение общероссийской истории на новом уровне, через личные судьбы людей, вовлеченных в живую ткань исторического бытия.

Духовное сословие старого Пскова, одного из крупнейших городов Московского государства времен «переходной эпохи» возникновения и становления Российской империи, прежде специально не изучалось. Близкие по теме существующие изыскания были посвящены другим эпохам: либо раннему времени Средневековья X–XVI столетий, когда псковское церковное устройство имело ярко выраженное своеобразие (Митрополит Евгений (Болховитинов), И. Д. Беляев, А. И. Никитский, протоиерей В. Д. Смиречанский, Н. И. Серебрянский, Т. В. Круглова, А. Е. Мусин и другие), либо более позднему времени уже радикально изменившейся синодальной церкви второй половины XVIII в. периода царствования Екатерины II и Павла I (В. Б. Лебедев) (*Беляев*, 1863; 1867; *Евгений*, 1831; *Знаменский*, 1866; 1873; *Круглова*, 1991; *Лебедев*, 2003; *Мусин*, 2010; *Никитский*, 1873; *Серебрянский*, 1908; *Смиречанский*, 2010).

В историографии Пскова совершенно не затронутым осталось узловое время основных реформ Русской Церкви, вызвавших трагическое явление Раскола, развитых Петровскими государственными преобразованиями и секуляризацией. Не рассматривались кардинальные изменения, происходившие в то время в церковной жизни города, не выяснялась динамика численности действовавших в Пскове церковных учреждений, не отслеживались персональный состав и судьбы псковского духовенства – без учета которых невозможно вести речь об обстоятельном изучении духовного сословия, что является общей целью нашего исследования.

Такое положение в изучении темы было вызвано, прежде всего, отсутствием в поле зрения исследователей достаточно широкой базы необходимых массовых архивных источников.

Возникновение массовой документации связано, как известно, с необходимостью государственного учета населения страны и его хозяйственной жизнедеятельности для сбора налогов, несения служб и исполнения разнообразных повинностей. К источникам массового характера государственного учета

относятся различные писцовые, переписные и оброчные книги, в которых фиксировалось податное и служилое население и объекты налогообложения.

Созданию массовых документов предшествовали законодательные акты и государственные указы писцам, в которых оговаривались задачи и способы составления определенных книг. Каждый вид таких источников содержит одинаковые сведения, составленные по образцовому формуляру. Поэтому информацию массовых источников можно подвергать статистической обработке для использования в историко-демографических исследованиях. Особая ценность массовых источников заключается в том, что они дают возможность сделать целостный временной срез сведений о населении, его персональном и социальном составе, экономическом положении, расселении в городе, местных объектах хозяйственного пользования и т. д. Валовые общероссийские переписи и ревизии населения имели в основе подворное описание и составлялись единовременно. Содержательность таких источников возрастает, если представить их данные в сравнении и сопоставлении друг с другом. Такой анализ данных показывает динамику явлений и судьбы людей во времени. Это позволяет рассмотреть их жизнь в развитии и проследить воздействие на них исторических условий.

Массовые источники давно служат исследователям как ценный и незаменимый материал для самых разнообразных научных тем. Обычно переписи и материалы ревизий использовались при изучении податных категорий населения: преимущественно крестьян и посадских людей (*Водарский, 1977; Мионов, 2000; Морозова, 2002*). Так, писцовые книги Псковской земли 1585–1587 гг. исследовались Н. Д. Чечулиным для истории торгово-хозяйственной деятельности населения русских городов XVI в., в том числе Пскова и его пригородов (*Чечулин, 1889. С. 81–154*). Н. С. Суворов обрабатывал их на предмет псковского церковного землевладения XVI–XVII вв. (*Суворов, 1905, 1906, 1907*). Н. Н. Масленникова широко изучала псковские писцовые книги 1585–1587 гг., 1620-х и 1680-х гг. и переписные книги 1646 и 1678 гг. как источник по истории уездного землевладения, крестьян и дворянства (*Масленникова, 1976; 1990; 1992*).

С 1990 г. в связи с фундаментальной научной работой Б. А. Постникова по истории податного сословия Пскова, имеющей целью создание «анимографического (подушного) свода» псковского посада XVI–XVIII вв., была поставлена задача выявления массовых документальных источников по населению города. Архивные изыскания, в которых участвовал автор этих строк, проводились в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Государственном архиве Псковской области (ГАПО) и его филиале в Великих Луках, а также в Древлехранилище Псковского музея-заповедника (ПГОИАХМЗ).

Среди документов РГАДА, выявленных, микрофильмированных и полностью скопированных в процессе этой работы, самый большой объем информации о жителях Пскова изучаемого времени содержат переписные книги 1678, 1709, 1711 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8500. Л. 11–413 об.; Кн. 8503. Л. 1–288 об.; Кн. 8512. Л. 1–289)² и первые две ревизии населения

² Переписи 1678, 1709 и 1711 гг. были скопированы моим отцом Борисом Андреевичем Постниковым.

1721–1723 и 1744–1747 гг. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 1–66; Оп. 2. № 2707. Л. 1–140). Каждая из них подворно и поименно фиксирует псковичей всех социальных слоев и сословий и дает наиболее полное представление о населении города в конкретном хронологическом срезе. Как выяснилось, эти массовые источники имеют первостепенное значение для определения персонального состава и численности не только податных посадских людей, но и псковского духовенства³. Вместе с тем в них содержатся и многочисленные сведения о жилых, хозяйственных и приезжих дворах духовенства, приходских церквях, монастырях и других церковных объектах.

История создания переписных книг по Пскову конца XVII – начала XVIII в. была рассмотрена нами прежде в отдельных статьях (Постников, 1998; 1999). В них исследовалась динамика численности городского населения на материалах переписей 1678, 1709 и 1711 гг. При этом главное внимание было уделено причинам резкого сокращения населения Пскова в первой четверти XVIII в. Однако целенаправленно, с необходимой полнотой, для изучения псковского духовенства эти источники не рассматривались.

Кроме названных переписей, в настоящей статье впервые привлекаются также материалы двух первых ревизий населения 1721–1723 гг. и 1744–1747 гг.

Введение в научный оборот новых массовых источников для исследования псковской Церкви и духовенства является первоочередной задачей настоящей статьи.

Методы исследования, статистической проработки и систематизации привлеченных источников

Обширный материал валовых переписей и ревизий конца XVII – первой половины XVIII в., охватывающих все городское население и его дворы в Пскове и Окологородье, не должен рассматриваться выборочно или по итоговым данным переписных книг. При таком подходе неизбежны пропуски, неясности и другие недочеты в использовании этих особо ценных массовых источников. Поэтому при изучении состава и численности псковского духовенства в переходную эпоху возникла необходимость сплошного учета всей информации переписей без каких-либо изъятий и пропусков. На этом основании предлагаются следующие методы работы с источниками:

1. Основным условием обстоятельного исследования темы является полное копирование привлеченных переписных книг и ревизских сказок.

2. Затем следует выборка из скопированных документов всех свидетельств о действовавших в Пскове храмах и других церковных объектах последней трети XVII – первой половины XVIII в. с составлением списков этих строений и указанием листов рукописей, на которых они прямо или опосредованно

³ Следует отметить, что до сих пор обращение к материалам ревизских сказок для исследования духовенства случается довольно редко. В качестве примера можно указать на краткую заметку В. Б. Лебедева, привлекавшего материалы «ревизионных сказок» 1782 и 1795 гг. по церквям Новоржева (Лебедев, 2000).

упоминаются, а также с последующим подсчетом их количества в каждом хронологическом срезе, определенном массовыми источниками.

3. Одновременно производится выявление в переписях горожан духовного звания, выполняются расчеты общей численности псковского духовенства, и выясняется ее динамика в рассматриваемую эпоху. Обобщение результатов статистической проработки источников должно быть представлено в сводных таблицах.

В обязательной перспективе исследования темы (за рамками данной статьи): составление хронологических списков духовенства псковских церквей и персональной картотеки священно- и церковнослужителей с учетом членов их семей, необходимых для углубленного изучения социальных перемещений и состава духовного сословия.

Обзор сведений о духовенстве, выявленных в привлеченных источниках

Состояние духовного сословия Пскова в последней четверти XVII в. обстоятельно фиксирует **переписная книга 1678 г.**, составленная в ходе проведения общероссийской валовой переписи. Для ее производства «по цареву указу и по наказу из Поместного приказа за приписью дьяка Ивана Рогазинина» в январе 1678 г. из Москвы во Псков был направлен писец Алексей Петрович Давыдов. Вместе с Кузьмой Ключаревым и другими подьячими он не медля приступил к сбору «сказок» и составлению переписной книги. Согласно наказу, писцы заносили в свои реестры «во всех сотнях и слободах <...> посадских людей и всяких чинов жителей дворы и во дворах людей и их детей и братью и племянников и всяких свойственных людей и подсоседников и в каковы хто лета» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8500. Л. 14–14 об.). В результате А. П. Давыдовым были составлены два варианта псковской переписи. Они отражают разные этапы работы переписчиков, о чем свидетельствуют расхождения текстов и структурные отличия рукописей. Обе книги хранятся в фонде Поместного приказа РГАДА под номерами 8499 и 8500. На материалах обзора итоговых данных одной из них (№ 8499) В. А. Аракчеевым была написана статья о посадских людях, а также глава о населении в его очерках по истории Пскова (Аракчеев, 1994; 2003), другая книга (под № 8500), полностью скопированная, используется в данной работе.

Переписная книга № 8500 состоит из двух частей. В первой – посотенно описаны посадские люди и бобыли с их родственниками и подсоседниками, жившие как в своих дворах, так и во дворах других людей (лл. 11–155). Во второй части – дворы остальных псковичей «разных чинов людей», в том числе и городского духовенства (лл. 156–413 об.). При описании разночинцев каждой сотни А. П. Давыдов с подьячими группировали дворы духовного сословия следующим образом:

1. «Дворы архиепископух дьяков и детей боярских, и певчих, и подьячих, и попов, и дьяконов, и звонарей» (л. 162–164 об. и др.).

2. «Дворы ружных церквей попов и дьяконов и церковных причетников» (л. 166 об.–168 об. и др.).

3. «Монастырские служки и работники: дворы и во дворах люди» (л. 213–216 и др.).

4. «Мужские монастыри» (л. 218–219 и др.).

5. «Девичьи монастыри» (л. 219 об.–220 и др.).

6. «Монастырские приезжие дворы» (л. 219–219 об. и др.).

7. «Монастырские и церковные мельничные дворы» (240–240 об. и др.).

Кроме того, в разделах под названием: «Вдовы всяких чинов людей» встречается довольно много описаний дворов умерших священно- и церковнослужителей (л. 191 об.–192 об. и др.).

Помимо тщательного учета разночинных дворовладельцев по десяти городским сотням, в перепись включены дворы жителей ближайшего Загородья: «Да под посадом же около города за Великополскими и Петровскими вороты и за Великою рекою монастыри мужские и девичьи и церкви и около тех монастырей и церквей всяких чинов дворы и во дворах люди» (л. 13 об.). Среди жителей Окологородья (л. 386–413 об.) также находилось немало церковных причетников, монастырских служек, вдов-вкладчиц, бобылей и крестьян.

При изучении общей численности городского духовенства важное значение имеют данные о количестве действующих храмов в изучаемое время, поскольку число служителей всегда тесно связано с наличием мест служения. Данные различных документальных источников второй половины XVII в. позволяют составить сводную ведомость о числе приходских и монастырских церквей Пскова и его Окологородья. По максимальному исчислению всех упоминавшихся храмов было до 119.

Городская перепись 1678 г. содержит сведения о 265 лицах белого духовенства, служивших в 88 храмах. Остальные известные действовавшие 26 храмов (преимущественно монастырских) не упомянуты в этом источнике по разным причинам. Но это обстоятельство незначительно влияло на общую статистику белого духовенства Пскова. Перепись 1678 г. была составлена весьма добротнo, в соответствии с задачами, поставленными перед писцами. В ней даже указаны семь безместных попов и семь служителей неизвестных церквей. Таким образом, общая численность белого духовенства города в 265 человек представляет вполне достоверную картину. Из них священнослужителей было 131, а причетников 134. В среднем на один храм из 88 названных переписью приходилось по 3 служителя.

Переписная книга 1678 г. фиксировала в основном мужскую половину городского населения и вдов-дворовладельцев. Тем не менее она была более полно и тщательно составлена по сравнению с другими переписями Пскова XVII в. (1627 и 1646 гг.) и вплоть до первой подушной ревизии (1721–1723 гг.) служила основой для податного обложения городского населения и раскладки всевозможных сборов и повинностей.

Северная война, требовавшая больших расходов и рекрутских пополнений, побудила Петра издать указ о проведении новой **Всероссийской переписи 1709 г.** Одной из ее причин являлось также изменение административного деления России с учреждением губерний. Для исполнения указа по распоряжению обер-коменданта Пскова и Нарвы К. А. Нарышкина надлежало в мае

1709 г. «плац-майору господину Шувалову быть для переписи во Пскове» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8503. Л. 1). В помощь Шувалову были назначены из дворян – пусторжевский помещик Гаврила Иванов сын Монастырев, и от посадских – земских дел бурмистр Иван Иванов сын Горшанов. Наказ писцам требовал регистрировать «сколько дворового числа <...> и в них люди мужеска и женска полу, детей и братьи, и племянников, и свойственников, приемышев и захребетников, подсоседников и работников до 20 лет, а которые ниже 20 лети тех по именом же и в лета досмотра в каждом дворе преписати по чинам и по именом со отцы и прозвищи <...>» (л. 1).

Перепись Пскова 1709 г. является «списком с подлинных переписных книг <...> плац-майора Шувалова <...> 1710 году» (Кн. 8503. Л. 1–285). Оригинал переписи составлялся несколькими подьячими. Это отразилось в различном подходе к делу каждого переписчика. В зависимости от понимания задач переписи и личного усердия они заносили в книгу или опускали отдельные детали, имеющие порой немаловажное значение. Так, при учете священно- и церковнослужителей подьячий, писавший первые четыре городские сотни, не указывал место их служения в определенном храме, в то время как остальные писцы давали эти сведения. Кроме того, в «наказе» Шувалову требовалось вносить в книгу еще и женскую половину псковского населения, однако по старой привычной практике подьячие учитывали только мужчин, а из женщин отмечали лишь вдов-дворовладелиц. Подобная небрежность в составлении книги 1709 г. видна и в последовательности описания дворов по каждой городской сотне. Сведения о них не структурированы, как в переписи 1678 г. по отдельным социальным группам, но приводятся все подряд, по пути следования переписчиков. Поэтому дворы духовенства, рассеянные по всему городу, упоминаются здесь вперемешку с дворами псковичей всех других социальных слоев, чинов и сословий.

Тем не менее перепись Пскова 1709 г. содержит информацию о значительном приросте городского населения и, что весьма примечательно, – почти не изменившейся численности служителей церкви.

Следует, однако, заметить, что в книгах 1678 и 1709 гг. собраны сведения в основном о белом духовенстве, имевшем свои дворы на посаде или проживавшем в подсоседстве у разных чинов людей. Насельники псковских монастырей – рядовое монашество – в них, как правило, не учитывалось. Перепись 1709 г. учла в Пскове 136 попов и дьяконов и 129 причетников. Всего духовенства 265 человек.

Использовать для практических целей результаты переписи 1709 г. не удалось. В следующем 1710 г. в Пскове началось моровое поветрие, а затем и пожар – события, ставшие самым страшным потрясением для жителей Пскова петровской эпохи. Эта сугубая трагедия опустошила город. Он лежал в руинах, жителей почти не осталось. Возникла необходимость оценить размеры ущерба и выявить остатки населения. Для этой цели **в 1711 г. была проведена новая перепись псковичей.**

Царским указом «во Псков полковнику и обор-каменданту Кирилу Алексеевичу Нарышкину» от 19 ноября 1710 г. повелевалось учинить переписку «как духовного и монашеского, так и свецкого чина». Причем надлежало

учитывать всех без изъятия: «<...> и архиерейских и монастырских, и церковных, и помещиков, и вотчинников <...> и прикащиков, и управителей, и дворовых, и деловых людей, и крестьян, и бобылей, и захребетников, и жен, их детей мужеска и женска полу, с описанием лет <...>, и как вся валовая перепись окончитца сделать перечневые книги и табели <...>», – привести их в С.-Петербург и подать в канцелярию Земских дел светлейшему князю А. Д. Меншикову (РГАДА. Ф. 1151. Псковская Приказная палата. Оп. I. Кн. I. Л. 1, 8 об.).

В первое время сбором «сказок» у псковичей руководил непосредственно вице-комендант города Ксенофонт Тимофеевич Алымов. Затем он специальным «наказом» из Приказной палаты за приписью дьяка Бориса Михайлова перепоручил продолжение переписи псковскому дворянину Алексею Афанасьеву сыну Окуневу и земских дел бурмистру посадскому человеку Кузьме Шапочникову «з десятниками и с сотенными выборными» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8512. Л. 1–1 об.).

Книга «сказок» разных чинов людей г. Пскова, собранная К. Т. Алымовым и А. А. Окуневым, хранится в настоящее время в РГАДА (Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8515. Лл. 1–785 об.), так же как и составленная на их основе переписная книга 1711 г. (Кн. 8512. Лл. 1–289), скопированная и используемая в данной работе.

Специально проведенная в 1711 г. местная перепись установила, что во время чумы вымерло 3/4 псковичей. Чрезвычайное положение побудило правительство Петра I провести полный учет всех выживших людей, для чего в перепись 1711 г. были записаны не только мужчины, но и женщины, не только белое духовенство, но и черное, не только служители приходских церквей, но и все монахи, инокини, белицы и прочие чины от стариков до новорожденных младенцев. Этот источник уникален. Он дает полные сведения о людях и действующих или запустевших церковных объектах. Поэтому количество упомянутых в нем храмов – 89 – на единицу даже больше числа, указанного в переписи 1678 г. Многие церкви показаны стоящими «без пения», погоревшими и развалившимися.

Беспрецедентная скрупулезность и тщательность составления является несомненным достоинством этой переписи. Выполняя установку властей, – чтобы «ни один младенец в переписи пропущен не был» – подьячие заносили в книгу даже имена детей недельного возраста и убогих старцев, находившихся на смертном одре. Более того, впервые с такою же исчерпывающей полнотой в книге представлена женская половина населения. Таким образом, подворная перепись, проведенная в Пскове и его уездах в 1711 г., явилась едва ли не первым опытом сплошного подушного учета граждан. Но в отличие от будущих подушных ревизий податного населения, первая из которых была проведена в России в 1721–1723 гг., в переписи Пскова 1711 г. представлены все сословия и социальные слои городского общества. Кроме того, если в псковских переписях 1678 и 1709 гг. значилось в основном белое духовенство: служители архиерейского дома, приходских и монастырских церквей, то в книге 1711 г. поименно названы также все монастырские насельники: старцы и старицы всех чинов, вкладчики и вкладчицы, состоявшие при монастырях работники разных специальностей с их детьми и родственниками. Помимо

этого, в книге приведены источники доходов всех духовных лиц, размеры их денежного и хлебного содержания (руги) и налогов, уплачиваемых ими в архиерейскую казну, а иногда и в Ратушу.

Словом, эта перепись, бесспорно, самый ценный массовый источник по населению Пскова первой четверти XVIII в. Сопоставление ее данных с материалами книги 1709 г. дает наиболее полную и детальную картину небывалого опустошения Пскова после чумы и пожара 1710 г. и позволяет реально оценить масштабы катастрофы, резко изменившей историческую судьбу города.

По данным переписи 1711 г., в Пскове осталось в живых 56 белых священнослужителей и 107 церковных причетников. Всего духовенства – 163 человека.

При проведении новой валовой переписи населения России в 1719–1721 гг. были собраны ревизские сказки о всех «действительно служащих» духовных лицах и их детях, то есть о белом духовенстве. В Псковской епархии такие сказки составлялись в 1720–1721 гг. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 2). Впоследствии, когда началась Первая ревизия населения 1721–1723 гг., в Псковской провинции производился осмотр и «свидетельство душ мужского пола» 1722–1723 гг., с уточнением данных проведенной переписи и внесением дополнений о вновь прибывших и прописных людях. В то же время одной из важных задач переписи населения была раскладка государственных податей и расположение полков для их содержания за счет местного населения (Анисимов, 1982. С. 222–232).

В 1722 г. из Сената была дана инструкция генерал-лейтенанту и гвардии подполковнику Михаилу Яковлевичу Волкову с предложением провести расположение драгунских полков в городах и уездах Санкт-Петербургской губернии. При этом в восьмом пункте инструкции предписывалось не класть «во оное росположение протопопов, попов и дьяконов самих», а «детей их с протчими класть». Для этой цели необходимо было всех их переписать и составить им особую книгу (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 1). Таким образом, первоначально Петр I намеревался всех церковных причетников и их родственников взять в подушный оклад. Для этой цели им был издан указ от 5 июля 1721 г. (ПСЗРИ. Т. VI. № 3802. С. 405–406.). Против этого указа выступил Синод, защищая церковнослужителей от превращения их в тяглецов, поскольку они являются главными кандидатами для поступления в духовный сан. Кроме того, если дети попов и дьяконов будут нести тягло, то их бремя ляжет всей тяжестью на освобожденных от податей их отцов-священнослужителей. Снисходя к этим прошениям Синода, Петр I в начале 1722 г. распорядился освободить от тягла детей «действительно служащих при церквах» священнослужителей, о чем было дано указание в особой инструкции ревизорам (Анисимов, 1982. С. 223).

На основании этой инструкции Сената 13 августа 1722 г. по государеву указу за приписанием руки генерал-лейтенанта и гвардии подполковника М. Я. Волкова приказано лейб-гвардии Преображенского полка капитану Мельгунову «дабы приехав во Псковскую правинцию о расположении полков и о протчем чинить по данной ему <...> из Сената инструкции <...>» и составить переписную книгу действительно служащих священно- и церковнослужителей Псковской епархии (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 1–1 об.).

В 1723 г. капитан Мельгунов успешно справился с заданием и составил «Книгу имянную Санкт-Питер Бурхской Губернии, Псковской Правинции священнослужителем и причетником действительно служащим, коих по присланном из высокого Сената указом вовсе класть не велено» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699).

В преамбуле к составленной переписной книге капитан Мельгунов и подканцелярист Сидор Дураковской сообщали о том, что «Псковской правинции в городех и уездех при церквах дествительно служащие протопопы попы и дьяконы с причетники кроме тех которые явились за указным определением переписаны, а что их по переписи явилось тому ниже сего учинены имянные книги» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 1 об.).

Перепись охватила все соборные и приходские храмы провинции, бывшие мужские монастыри, превратившиеся в приходы, а также действующие мужские и женские обители, в которых служило белое духовенство. В книге представлены клирики храмов Пскова и Псковского уезда, а также Изборского, Вышегородского, Красногородского, Опочецкого, Островского, Велейского, Вревского, Выборского, Володимерского, Воронежского, Пусторжевского уездов и пригорода Кобылья Городища с уездом.

Непосредственно в городе Пскове было освидетельствовано 57 храмов, в которых служило белое духовенство. По данным переписи: «Итого в городе Пскове протопопов, попов, дьяконов шесть десят сем человек. И их детей и церковников дествительно служащих двести дватцат сем человек» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 16 об.). Следовательно, по подсчетам составителя «Имянной книги» в 1723 г. всех было 294 человека. По нашим подсчетам, клирошан – 166 человек (68 священнослужителей и 98 церковнослужителей). Детей мужского пола – 125. Всех же – 291 человек. В среднем, на один храм приходилось священно- и церковнослужителей около трех человек (166: 57 = 2.91). Как правило, это поп, дьячок и пономарь. Общая численность «действительно служащего» белого духовенства составляла 291 человек. За ними во владении насчитывалось 109 жилых дворов.

Эта перепись является весьма лаконичной. В ее основу были положены «очищенные» сведения, извлеченные из сказок 1720–1721 гг. с дополнениями «по осмотру и свидетельству» 1721–1723 гг. Каждая статья начинается с названия церкви. Например: «Церкви Покрова Богородицы от Покровских ворот по скаске 720-го году: Поп Володимер Самуйлов. У него дети Иван – 22 (лет. – А. П.). По осмотру и свидетельству 723-го году прописные: У попа Володимера сын Павел – 19, дьячек Афонасей Георгиев – 54. Итого 4 человека. Наличной поповской 1 двор» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 7). При этом зачастую при перечислении духовных лиц возраст попов не указывался. Основное внимание было сосредоточено на причетниках и детях священнослужителей, которые подлежали разбору и могли быть как «излишние» записаны в тягло или взяты в «светскую команду».

Как известно, в 1721–1722 гг. были определены церковные штаты, по которым к духовенству отнесены все «действительно служащие» в момент переписи лица. Несмотря на протесты Синода, по указу от 11 марта 1723 г. в подушный

«оклад были положены все “действительные” причетники и дети нештатных “действительных” попов и дьяконов» (Анисимов, 1982. С. 225). По наблюдению Е. В. Анисимова, «в ходе податной реформы произошел распад сословия церковников на две части. Одна из них, состоявшая преимущественно из попов, дьяконов и других представителей верхушки причта, признавалась неподатным, привилегированным сословием духовенства, другая же часть (главным образом причетники) сливалась с податными сословиями и теряла привилегии церковнослужителей» (Там же. С. 229).

В 1744–1747 гг. при проведении Второй ревизии населения была составлена «Книга переписная по городу Пскову и по уезду и Псковской правинции в пригородах же и уездах на имеющимся при соборных приходских ружных церквях также и при монастырях действительных священно и церковно служителям и их детям» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 1–140). Книга по полям скреплена подписями «поручика» Григория Неелова и канцеляриста Василия Наплекина. Общие статистические подсчеты заверены теми же лицами, а также подписью майора Ивана Чигина (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 139 об.). Григорий Неелов – это псковский помещик, а Василий Наплекин – канцелярист, ставший впоследствии секретарем Псковской провинциальной канцелярии (Постников, 2013. С. 854).

Перепись 1744–1747 гг. охватывала все пригороды с уездами Псковской провинции. В ней последовательно описаны город Псков и Псковский уезд по засадам, а также пригороды со своими уездами.

На листах 1–25 описано белое духовенство Пскова и его Окологородья. Всего представлено 55 храмов с действительно служащим в них клиром. Численность священно- и церковнослужителей составляла 218 человек. Из них священнослужителей 84 человека, а церковнослужителей 138 человек. У них было 66 детей мужского пола. Итого всех учтенных переписью названо 284 человека. В среднем на один храм приходилось священно- и церковнослужителей около четырех человек ($218: 55 = 3,96$).

Новшеством по сравнению с данными Первой ревизии было указание на количество приходских дворов у каждой церкви или монастыря. Всего таких дворов насчитывалось 1729. Это дополнение позволяет представить величину приходских округов, а также опосредованно содержит сведения об уровне доходов духовенства.

Особый интерес представляет содержащаяся в документе на листах 125–139 об. «Книга переписная имеющимся во Псковской семинарии семинаристам». Она имеет самостоятельное значение, поскольку это один из первых известных сохранившихся полных списков всех учеников Псковской духовной семинарии, составленных вскоре после ее учреждения. В основу текста книги, включенной во Вторую ревизию, были положены ведомости о семинаристах, присланные при промемории в канцелярию ревизии из Псковской архиерейской духовной консистории 4 апреля 1744 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 125). Ученики расписаны по классам: «в школы философии», «в школы риторики», «в школы пиитики», «в школы синтаксисы», «в школы грамматики», «в школы инфимы», «в школы фары», «в школы словенской».

Всего обучающихся названо 133 человека. При этом добавлен список из 13 человек, которые «из вышепоказанных же школ исключенные ученики имеются чрез многие годы в бегах и по многим посылкам за неизвестием их пребыванием не сысканы и затем никуда к местам не определены» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 132–132 об.). После состоявшегося в 1745 г. «разбора» детей духовенства, годных к обучению, 29 марта в канцелярию ревизии из Псковской духовной консистории была прислана дополнительная вторая ведомость о священно- и церковнослужительских детях, вновь определенных «во псковские словенолатынские школы ко обучению» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 132–135 об.). В ней значится еще 56 человек. Также была представлена и третья ведомость о детях «для обучения словенороссийской грамоте и потом для представления в словенолатинския школы отданы отцом и родственником их в дома при которых отцах и родственниках уже не числяцца» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 135 об.–139). В ведомости указаны еще 56 человек. Всего в Семинарии по данным 1744–1747 гг. обучалось 258 человек. При этом нужно иметь в виду, что для учения в Семинарии собирались дети духовного чина со всей провинции и впоследствии распределялись по епархиальным приходам. Лишь немногие из них оставались в городе для пополнения штата псковских церквей.

Обобщение результатов статистической проработки источников

Центральный этап работы с выявленными материалами переписных книг и ревизских сказок связан с составлением сводных и аналитических таблиц, в которых приведены разного рода сопоставления, подсчеты и обобщения. Полученные данные о церковных объектах Пскова, сведенные в таблицы №№ 1–5, представлены здесь в хронологических срезах массовых источников с указанием листов рукописей, на которых они упоминаются. Впервые в псковской историографии с наибольшей полнотой приводится документально подтвержденный список всех действовавших в городе храмов архиерейского дома, мужских и женских монастырей, их подворий и приходских церквей, а также динамика численности этих объектов в ходе церковных реформ за столетний период с 1666 г. по 1764 г.

Как можно видеть из приведенных таблиц, ко времени начала церковных реформ, то есть к середине XVII в., общая численность действующих храмов в Пскове убавилась со 119 до 114. За время проведения церковных реформ она сократилась со 114 до 67. То есть было уничтожено, утрачено или упразднено 47 храмов. Без изменений оставались объекты архиерейского ведомства – 1 кафедральный собор и 4 владычных храма. Самые радикальные перемены произошли с монастырями. В первой половине XVII в. существовали 31 мужской монастырь и 19 женских обителей. С 1764 г. осталось только четыре обители: две мужских и две женских. Монастырских подворий раньше насчитывалось 27, но после опустошительных городских пожаров 1682 и 1710 гг. сохранилось действующими пять, при которых находились храмы.

Почти неизменным осталось лишь число приходских церквей. В последней трети XVII в. их было 50, но к середине XVIII в. из них осталось действующими 24 старинных приходских храма. Остальные были упразднены или уничтожены. Однако следует отметить, что общая численность приходских храмов была восполнена до полусотни за счет 19 упраздненных мужских и 10 женских монастырей, обращенных в приходы. Таким образом, к 1764 г. насчитывалось 53 действующих приходских церкви.

Более масштабной задачей статистической проработки переписных книг и ревизских сказок является выявление в них персонального состава псковского духовенства, группирование его по церковным объектам и поименное сведение в соответствующие таблицы в хронологических рамках изучаемых источников. Эти составленные нами таблицы ввиду их больших размеров, к сожалению, не могут быть представлены в статье предложенного формата. Однако результаты такого исследования являются важной основой для дальнейшего изучения духовного сословия Пскова последней трети XVII в. – первой половины XVIII в. Здесь же мы вынуждены ограничиться лишь некоторыми итоговыми цифрами статистической проработки переписей и сопоставить изменения в количестве действовавших в это время в городе храмов, с динамикой общей численности служившего в них белого духовенства. (Численность псковского монашества в рассматриваемый период воспроизводится по другим источникам) (табл. 6)

При сопоставлении численности белого духовенства Пскова от переписи к переписи нельзя не заметить, что в 1678 и 1709 гг. выявлено одинаковое количество служителей церкви – 265 человек. Такое, возможно, случайное совпадение свидетельствует о том, что общая их численность в конце XVII – начале XVIII в. оставалась в целом постоянной и была напрямую связана с наличным составом действующих в городе храмов. Заметим также, что даже, несмотря на уничтожение десяти церквей в связи со строительством по указу Петра I земляных валов и бастионов вокруг каменных стен Пскова в 1701–1704 гг., состоявшее при них духовенство никуда не делось и лишь поменяло место служения.

Первая ревизия 1723 г. показывает состояние псковской Церкви после принятия штатов духовенства в 1721 г. Упоминается 57 городских церквей. Налицо сокращение приходских храмов и девичьих монастырей, где служило белое духовенство. Общая численность действительно служащего белого духовенства снизилась до 166 человек, не считая их детей мужского пола. Однако со временем вновь наблюдается небольшое постепенное увеличение численности сословия.

Ко времени второй ревизии 1744–1747 гг. упоминается уже только 55 храмов, но численность белого духовенства продолжает расти и составляет 222 человека, исключая детей и учащихся в Семинарии. К этому времени количество священно- и церковнослужителей почти приближается к бывшему до морового поветрия, но остается в рамках, ограниченных числом действующих храмов, то есть в пределах строго необходимого по штатам. Теперь архиереи, используя кадры, воспитанные в Псковской духовной семинарии, жестко регулировали

численность служителей на приходах и их кандидатуры по своему усмотрению, на основании штатного расписания и в соответствии с общегосударственной политикой секуляризации и разборов духовенства, осуществлявшейся в Синодальной церкви.

В заключение необходимо отметить:

1. Вводимые в научный оборот псковские переписные книги и ревизские сказки до сего времени не находились в поле зрения исследователей Церкви и не использовались для изучения городского духовенства.

2. Представленные в статье результаты статистической проработки и систематизации псковских переписей позволили получить документальные, достаточно обоснованные итоговые данные, и сделать выводы о составе церковных объектов и их динамике за столетний период.

3. Численность белого духовенства, выявленная нами в хронологических срезах переписей и ревизских сказок (без учета монашествующих), не отражает общей численности духовенства в рассматриваемую эпоху, которая, в свою очередь, как и подсчеты всего населения Пскова, является сложным и проблемным вопросом, вызывающим споры исследователей относительно полноты сведений, представленных в переписных книгах. Общая численность духовного сословия Пскова и его динамика может быть определена лишь с привлечением всей совокупности сохранившихся документальных источников: актовых материалов, оброчных книг, синодиков и так далее, а для XVIII в. – церковных исповедных росписей и монастырских ведомостей.

4. В то же время информация о духовенстве, имеющаяся в переписных книгах и ревизских сказках, значительно шире материалов, рассмотренных в нашей статье. В них содержатся сведения о жилых и хозяйственных дворах священно- и церковнослужителей, а также, что особенно важно, персональные данные о составе их семей, которые, в сочетании с известиями, полученными из других источников, позволяют обстоятельно рассмотреть состав и формирование духовного сословия Пскова в последней трети XVII – первой половине XVIII в.

Литература

- Анисимов Е. В., 1982. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л.: Наука.
- Аракчеев В. А., 1994. Посадское население Пскова по переписи 1678 года // Вестник Псковского Вольного университета. Т. I. Вып. I. Псков. С. 99–103.
- Аракчеев В. А., 2003. Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. СПб.
- Беляев И. Д., 1863. Церковь и духовенство в древнем Пскове // Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. М. С. 31–56.
- Беляев И. Д., 1867. Д. История города Пскова и Псковской земли // Рассказы из Русской истории. Кн. III. М. С. 63–94.
- Водарский Я. Е., 1977. Население России в конце XVII – начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 266 с.
- Евгений (Болховитинов), митрополит, 1831. История Княжества Псковского. Киев. Ч. 2. 144 с. Ч. 3. 172 с.

- Знаменский П. В., 1866, 1867. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. М. 1866. Т. 21. № 9–10; 1867. Т. 22. № 1–4.
- Знаменский П. В., 1873. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. Казань.
- Круглова Т. В., 1991. Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики: Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ. 257 с.
- Лебедев В. Б., 2000. Ревизские сказки как источник по истории духовного сословия в России конца XVIII в. (по материалам Новоржевского уезда Псковской губернии) // Материалы Междунар. конф. студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Вып. 4. М.: Издательство МГУ. С. 313–314.
- Лебедев В. Б., 2003. Псковское духовенство во второй половине XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова, 2003. 216 с.
- Масленникова Н. Н., 1976. Изучение писцовых книг 20-х годов XVII века в их соотношении с другими документами писцового дела // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников. XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тез. докл. и сообщ. М.: Изд. АН СССР. С. 206–212.
- Масленникова Н. Н., 1990. Писцовые и переписные книги XVII в. – основной источник по истории псковских крестьян // Вспомогательные исторические дисциплины Т. XXI. Л.: Наука. С. 200–211.
- Масленникова Н. Н., 1992. Псковские писцовые и переписные книги – источник по генеалогии дворянских семей XVI–XVII вв. // Проблемы эволюции сельского хозяйства и крестьянское движение на Северо-Западе России. Тез. выступлений на науч. конф. Псков: Издание ПГПИ. С. 6–10.
- Миронов Б. Н., 2000. Социальная история России периода империи (XVIII – н. XX в.): В 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с. Т. 2. 566 с.
- Морозова Э. А., 2002. Изучение истории крестьянских семей первой половины XIX в. на основе сводной базы данных по ревизским сказкам и исповедальным ведомостям // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 30. М., 2002. С. 189–192.
- Мусин А. Е., 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова: Историко-археологическое исследование. СПб.: Санкт-Петербургский ГУ. 364 с.
- Никитский А. И., 1873. Очерк внутренней истории Пскова. СПб. С. 187–238, 312–344.
- Постников А. Б., 1998. Псков на изломе судьбы: от Московского государства к Российской империи // Псков. № 8. 1998. С. 55–68.
- Постников А. Б., 1999. Население Пскова по переписным книгам Петровского времени // Псков. Памяти Юрия Павловича Спегальского 1909–1969. Псков. С. 171–175.
- Постников А. Б., 2013. Древлехранилище Псковского музея. Обзорные русских рукописных документов XVI–XVIII вв. М.: БуксМАрт., 976 с.
- ПСЗРИ. Т. VI – Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830.
- Серебрянский Н. И., 1908. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М. 586 с.
- Смиречанский В. Д., протоиерей, 2010. История Псковской епархии IX–XVIII веков: историко-статистический сборник сведений. Псков. 432 с.
- Суворов Н. С., 1905, 1906, 1907. Псковское церковное землевладение в XVI–XVII вв. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1905 (ноябрь, декабрь); 1906 (апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь); 1907 (апрель, июнь, июль).
- Чечулин Н. Д., 1889. Города Московского государства в XVI веке. СПб.. 354 с.

Таблица 1

**Храмы Псковского архиерейского дома по переписным книгам
и ревизским сказкам 1678, 1709, 1711, 1723 и 1744-47 гг.**

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744- 1747	С 1764 г. (Примечания)
1	Троицкий кафедральный собор	Л. 16 об., 163-164, 185 об., 187, 188, 205, 207, 227 об., 239, 259 об., 260.	Л. 2 об., 3 об., 4, 9-11, 17, 133 об., 197, 199, 232 об., 255 об., 258 об.	Л. 8 об., 16 об., 17-17 об., 21, 31, 83, 85, 99, 101 об., 112, 148 об., 203, 238 об., 247 об.,	Л. 2-2 об.	Л. 1-2 об.	Действующий
2	Архиерейский дом в Кремле с церквя- ми Благовещения (келейная) и Четы- редсяти мучени- ков (трапезная)	+++++	Л. 225	Л. 83 об.	+++++	+++++	Келейный и трапезный хра- мы архиерея. Сломаны в 1825 г.
3	Мины, Виктора и Викентия в архи- ерейском селе Кусва	+++++	+++++	Л. 265 об.	Л. 17	Л. 27 об.	Загородный владычный дом
4	Пантелеймона Дальнего в Бору	+++++	+++++	+++++	+++++	Л. 45 об.	Загородный владычный дом до 1804
	Всего церквей	4	4	4	4	4	1 собор, 4 храма

+++++ В переписи не значится, но есть упоминания в других источниках (актовых материалах).

Источники: **1678 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. I. Кн. 8500. Л. 11-413 об.; **1709 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8503. Л. 1-288 об.; **1711 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8512. Л. 1-289; **1723 г.** – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 3. № 2699. Л. 1-66; **1744–47 гг.** – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 1-140; **1764 г.** – Книга духовных штатов // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 44. Часть вторая. – СПб., 1830. – № 12060. С. 24, 31–36.

Таблица 2

**Храмы Псковского архиерейского дома по переписным книгам
и ревизским сказкам 1678, 1709, 1711, 1723 и 1744-47 гг.**

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744- 1747	С 1764 г. (Примечания)
1	Алексея человека Божия с Поля	Л. 386 До 1680-х	Л. 151 об.-152	Л. 194 об. До 1721	Л. 14 об.	Л. 20	Приписан к Псковско- Печерскому мон. в 1615. Приходская цер- ковь с 1680-х гг.
2	Введения за Петровскими воротами	Л. 260 об., 307 об.	Л. 60. До 1710			Л. 23 об.	Приходская церковь с 1721
3	Григория Богослова Путятин	Л. 283	Л. 56 об. До 1710	Л. 41 об.	Л. 15	Л. 21 об.	Приходская церковь с 1721
4	Дмитрия Солунского с Поля	Л. 390-391	До 1710	Л. 8, 36			Приходская церковь с 1721
5	Жен Мироносиц со Скудельниц	Л. 146 об., 407. До 1700	Л. 272 об.	Л. 243 об.	Л. 12		Приходская церковь с 1700
6	Иоанна Богослова Костельников	Л. 393 об.-394	Л. 86	Л. 126. До 1721	Л. 13 об.-14	Л. 16	Приходская церковь с 1721

Продолжение табл. 2

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
7	Иоанна Златоуста Медведев с трапезной ц. Владимирской Богородицы	Л. 307 об.-308, 321 об.	Л. 100, 117 об.	Л. 138 об., 264	Л. 16	Л. 25. До 1764	Упразднен
8	Климента Папы Римского с Завеличья	Л. 358, 378	Л. 224, 243 об. До 1710	Л. 202 об., 231 об.	Л. 9	Л. 12 об.	Приходская церковь с 1711
9	Козмы и Дамиана с Гремячей горы	Л. 91, 240 об.	Л. 81 об., 134 об., 225	Л. 28 об.	Л. 15 об.	Л. 25. До 1764	Приходская церковь с 1764
10	Лазаря с Бугру за Варламскими воротами	Л. 207, 218-218 об.	До 1710				Приписан к архиерейскому дому в 1695. Упразднен в 1721
11	Никиты с Поля за Великими воротами	Л. 409	До 1710	Л. 155	Л. 10	Л. 17 об.	Приходская церковь с 1711
12	Николы с Валку	Л. 400	До 1710				Приписан в 1651 г. к Савво-Сторожевскому мон. Упразднен до 1710
13	Николы от Каменной ограды	Л. 377 об.	До 1710	Л. 203, 246, 260 об.	Л. 7 об.-8	Л. 8 об.-9	Приходская церковь с 1711
14	Николы от Кож (приписан в 1662 г. к архиер. дому)	Л. 337 об., 358. До 1709	Л. 246 об., 247 об., 248	Л. 202, 203 об.	Л. 9 об.	Л. 18-18 об.	Приходская церковь с конца XVII в.
15	Николы со Ввоза от Козьей бородки	Л. 347, 350 об., 352	До 1710	Л. 155			Приписан к Велико-пустыньскому монастырю до 1668 г.
16	Николы в Любятово, в Окологородье	Л. 391	Л. 161 об.	+++++	+++++	До 1764	Приходская церковь с 1764
17	Николы с Песок, с Поля	Л. 161-161 об., 259. До 1701					Утрачен в 1701
18	Образа с Поля и Николы с Прощи	+++++	До 1710			Л. 20 об.-21	Приходская церковь с 1721
19	Петра Митрополита Дрочилов	Л. 370 об. До 1678					Утрачен
20	Петра и Павла Сереткин	Л. 214 об., 219	Л. 179 об.	+++++	Л. 16 об.	Л. 46 об.	Приходская церковь с 1764
21	Покрова Богородицы от Пролома	+++++	Л. 143 об. До 1710	Л. 148 об., 155, 187 об.	Л. 7	Л. 8-8 об.	Приходская церковь с 1721
22	Рождества Богородицы Снеогорский с трапезной ц. Николы и ц. Вознесения	Л. 171 об., 208	+++++	+++++	+++++	+++++	Штатный монастырь до 1804

Окончание табл. 2

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
23	Рождества Христова в Поле	До 1622					В 1622 г. приписан к Никитскому монастырю с Поля
24	Святоотецкий на Запсковье	Л. 209 об., 219	Л. 189, 233 об.	Л. 77 об., 62. До 1721			Упразднен в 1721
25	Сергия Радонежского с Залужья	+++++	+++++	Л. 138 об., 167 об. До 1711	Л. 16		С 1711 г. подворье Любятובה мон., с 1764 г. приходская церковь
26	Симеона в Печницах на Железной горке	Л. 409 До 1678	Л. 281 об.	Л. 200			Приписной к Мирожскому мон. до 1678 г. Пустовал
27	Спаса Преображения Мирожский с трапезной ц. Стефана Архидьякона	Л. 358, 407-408 об.	Л. 242	Л. 201, 273 об.	Л. 15-15 об.	Л. 25	Штатный монастырь
28	Спаса Преображения Надолбин	Л. 208	Л. 194 об. До 1710	Л. 62		Л. 9, 11	Приходская церковь с 1721
29	Спаса Преображения в Промежницах	До 1615					Запустел во время шведской осады. Утрачен
30	Стефана архидьякона с Луга на Завеличье с трапезной ц. Спаса Всемилостивого	Л. 399-400	Л. 172, 270 об.	Л. 200 об., 270-270 об. До 1722	Л. 14		С 1651 г. приписной к Савво-Сторожевскому мон. Приходская церковь с 1722. Упразднен до 1764
31	Флора и Лавра с Поля на Великой реке	+++++	Л. 274 об. До 1709	Л. 112 об., 199			Приписан к архиер. дому до 1693 г. и обращен в приходскую ц., упраздненную в 1721
	Динамика убыли действующих монастырей:	28	22	10	6	6	Действующих 2 монастыря, обращено в приходские церкви 19, упразднено 10.

+++++ В переписи не значится, но есть упоминания в других источниках (актовых материалах).

Источники: **1678 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. I. Кн. 8500. Л. 11-413 об.; **1709 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8503. Л. 1-288 об.; **1711 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8512. Л. 1-289; **1723 г.** – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 3. № 2699. Л. 1-66; **1744–47 гг.** – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 1-140; **1764 г.** – Книга духовных штатов // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 44. Часть вторая. – СПб., 1830. – № 12060. С. 24, 31–36.

Таблица 3

Динамика численности девичьих монастырей Пскова по переписным книгам и ревизским сказкам 1678, 1709, 1711, 1723 и 1744-47 гг.

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
1	Благовещения с Песок	Л. 259 об. До 1701					Утрачен. Засыпан под бастионом в 1701
2	Варваринский из-за Петровских ворот	+++++	Л. 58 об., 59, 60	Л. 53 об.	Л. 10-10 об.	Л. 9-9 об. До 1764	Приходская церковь с 1764
3	Вознесения Нового	Л. 186 об., 312 об.	Л. 111 об., 112, 113, 118	Л. 138 об.	Л. 6 об., 7	Л. 15 об. До 1764	Приходская церковь с 1764
4	Вознесения Старого	Л. 338-339	Л. 100 об., 102 об., 122 об.	Л. 155 об., 162 об., 163	Л. 8 об.	Л. 7 об.	Штатный монастырь
5	Воскресения со Стадища	Л. 63, 167 об., 208 об., 209 об., 210, 217	Л. 176 об., 179-179 об., 182	Л. 62 об., 82, 102, 103 об.	Л. 12	Л. 21 об. До 1764	Приходская церковь с 1764
6	Духовский Иглин с Завеличья	До 1670					Утрачен. В 1670-е гг. перемещен на Усоху
7	Духовский со Усохи	Л. 246 об.	Л. 135	+++++	Л. 15.	Л. 10-10 об. До 1764	Приходская церковь с 1764
8	Зачатьевский от Торгу с Мильца	+++++	Л. 67 об., 75 об., 113 об.	Л. 56, 119, 130-130 об.	Л. 13	Л. 24. До 1764	Упразднен в 1764. Приходская церковь до 1786
9	Знаменский на Полонище	Л. 351 об. До 1701					Утрачен. Засыпан бастионом в 1701
10	Ивановский с Завеличья	Л. 207, 400-403 об.	Л. 268-268 об., 270-270 об.	Л. 201, 246, 285	Л. 14 об.	Л. 10 об.	Штатный монастырь
11	Ильинский с Завеличья, «Сухой»	Л. 403, 406 об.	Л. 266 об.	Л. 201 об.-202, 245, 271	Л. 14	Л. 20-20 об. До 1764	Упразднен в 1764. Приходская церковь до 1787
12	Ильинский с Запсковья, «с Мокрого луга»	Л. 204 об., 208 об.	Л. 193 об., 198 об., 199 об., 202	Л. 62 об.-63, 81 об.	Л. 14 об.	Л. 17. До 1764	Приходская церковь с 1764
13	Козмы и Дамиана с Утоков	Л. 306 об.	До 1710	Л. 155	Л. 16	Л. 23 об.	Приходская церковь с 1721 до 1786
14	Михаила Архангела с Песок	Л. 266 об.	Л. 22, 48, 49, 50 об.	Л. 36 об., 53-53 об., 54 об.	Л. 11.	Л. 24-24 об. До 1764	Приходская церковь с 1764 по 1786. Уничтожена
15	Пятницы с Бродов, «с Бугру»	Л. 260 об., 283 об. До 1701					Утрачен. Засыпан бастионом в 1701
16	Сретенский Александров	До 1632					Утрачен до 1632 г. Точное время упразднения не известно.
17	Трехсвятительский с Болота	+++++	Л. 101-101 об.	Л. 139, 198	Л. 7 об.	Л. 17 об., 18	Приходская церковь с 1764
18	Успения с Полонища	Л. 307 об., 339 об.	Л. 48 об., 124 об., 130	Л. 148 об., 156, 195 об., 199	Л. 8	Л. 22 об. До 1764	Приходская церковь с 1764. В 1811 перестроена

Окончание табл. 3

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
19	Якиманский с Полонища	Л. 333, 339 об., 341 об.	Л. 133 об., 147 об.	Л. 156-156 об., 162 об., 175	Л. 8 об.-9.	Л. 19. До 1764	Приходская церковь с 1764
	Динамика убыли действующих монастырей:	17	14	14	14	13	Действующих 2 монастыря, обращено в приходские церкви 10, утрачено 7.

+++++ В переписи не значится, но есть упоминания в других источниках (актовых материалах).

Источники: **1678 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. I. Кн. 8500. Л. 11-413 об.; **1709 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8503. Л. 1-288 об.; **1711 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8512. Л. 1-289; **1723 г.** – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 3. № 2699. Л. 1-66; **1744–47 гг.** – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 1-140; **1764 г.** – Книга духовных штатов // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 44. Часть вторая. – СПб., 1830. – № 12060. С. 24, 31–36.

Таблица 4

**Подворья монастырей в Пскове по переписным книгам
и ревизским сказкам 1678, 1709, 1711, 1723 и 1744-47 гг.**

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
1	Великопустынское подворье в Мокролужской сотне с ц. Преполовения Пятидесятницы	Л. 308 об.	Л. 114 об.	Л. 128	Л. 7 об.	+++++	До 1766 г. В 1766 Великопустынский монастырь и его подворье в Пскове переданы Спасо-Елиزارову мон.
2	Дмитриевское подворье в Пятенной сотне	Л. 283 об. – 284. До 1682					Возможно, сгорело в пожаре 1682 г. и было перенесено на новое место в Жирковской сотне.
3	Дмитриевское подворье в Жирковской сотне		Л. 198. До 1710				Сгорело в пожаре 1710 г.
4	Елизаровское подворье в Житницкой сотне с ц. Евстратия и дружины его у Гремящих ворот	Л. 241	Л. 214 об.	Л. 28			До 1764 г.
5	Ивановское подворье в Петровской сотне	Л. 172	Л. 10	Л. 6 об.-7. До 1721			До окончания Северной войны в 1721 г.
6	Ильинское подворье в Петровской сотне	Л. 173. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
7	Климентовское подворье в Мокролужской сотне	Л. 322 об. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
8	Крыпецкое подворье в Раковской сотне с церквями Пантелеймона Ближнего на Красном дворе и трапезной Антония и Феодосия печерских	Л. 252 об.	+++++	Л. 87 об., 155 об.	+++++	+++++	Сгорело вскоре после 1764 г.

Продолжение табл. 4

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
9	Мирожское подворье в Великоулицкой сотне	Л. 193	Л. 18 об.	Л. 12 об. До 1721			До окончания Северной войны в 1721 г.
10	Мирожское подворье в Мокролужской сотне	Л. 322. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
11	Никандровское подворье в Раковской сотне	Л. 352. До 1682					Сгорело в 1682 г. Затем перенесено в Петровскую сотню
12	Никандровское подворье в Петровской сотне		Л. 7 об. До 1710				Сгорело в пожаре 1710 г.
13	Николо-Княжицкое подворье в Житницкой сотне		Л. 222. До 1710				Сгорело в пожаре 1710 г.
14	Николо-Любатовское подворье в Пятенной сотне	Л. 284	До 1710				После пожара 1711 г. разместилось в упраздненном Сергиевском монастыре с Залужья.
15	Образское подворье в Раковской сотне	Л. 352 об. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
16	Озерское подворье в Жирковской сотне	Л. 219 об. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
17	Петропавловское-Сереткино подворье в Жирковской сотне	Л. 219. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
18	Печерское подворье в Великоулицкой сотне с церквями Одигитрии Богородицы (с 1685 г. ц. Введения во Храм Богородицы) и Иоанна Предотечи Усекновения Честных главы, трапезная.	Л. 193 об.	Л. 25 об.	Л. 10 об., 126 об., 215 об.	Л. 16	+++++	До 1880-х гг. Затем передано Псковскому архиерейскому дому.
19	Печерское подворье (II) в Великоулицкой сотне	Л. 193. До 1682					После пожара 1682 г. объединено с главным подворьем
20	Печерское подворье (III) в Великоулицкой сотне	Л. 193-193 об. До 1682					После пожара 1682 г. объединено с главным подворьем
21	Посолотинское подворье в Никольской сотне	Л. 261 об.-262. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
22	Святогорское подворье в Великоулицкой сотне с ц. Варвары Великомученицы со Усохи	Л. 188, 193 об.	Л. 23 об.	Л. 10 об.	Л. 9-9 об.	Л. 23	Упразднено с церковью в 1802 г.
23	Снятогорское подворье (I) в Петровской сотне с ц. Иоанна Богослова с Площади	Л. 162 об., 168, 170, 173. До 1701					Церковь засыпана в 1701 г.

Окончание табл. 4

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
24	Снятогорское подворье (II) в Житницкой сотне с ц. Евфимия Великого	Л. 241	Л. 231	Л. 28	+++++	+++++	Действовало до 1804 г. Церковь снесена по указу Синода от 1825 г.
25	Стефановское подворье (I) в Мокролужской сотне	Л. 322 об.-323	Л. 109 об. До 1710				Сгорело в пожаре 1710 г.
26	Стефановское подворье (II) в Мокролужской сотне	Л. 322. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
27	Толвицкое подворье в Жирковской сотне	Л. 219 об. До 1682					Сгорело в пожаре 1682 г.
	Динамика убыли действующих подворий:	24	12	8	5	5	Действующих подворий 5, утрачено 19.

+++++ В переписи не значится, но есть упоминания в других источниках (актовых материалах).

Источники: **1678 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. I. Кн. 8500. Л. 11-413 об.; **1709 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8503. Л. 1-288 об.; **1711 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8512. Л. 1-289; **1723 г.** – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 3. № 2699. Л. 1-66; **1744-47 гг.** – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 1-140.

Таблица 5

Приходские (исконные*) церкви в Пскове по переписным книгам и ревизским сказкам 1678, 1709, 1711, 1723 и 1744-47 гг.

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
1	Алексея Митрополита за Домантовой стеной	Л. 166 об.	До 1710	Л. 3 об.			Утрачена с 1710 г. В 1711 г. стоит «без пения»
2	Алексея человека Божия с Площади – придельная у Спаса на Старом торгу	Л. 167, 202, 246, 308 об.	Л. 230 об. До 1710		Возобновлена к 1730		Упразднена
3	Анастасии Римлянки в Кузнецах	Л. 307	Л. 109, 111	Л. 3, 138	Л. 6 об.	Л. 16-16 об.	Действующая
4	Афанасия Патриарха Александрийского из Домантовой стены	До 1701					Утрачена с 1701 г.
5	Богоявления Господня с Бродов с приделом Иоанна Предотечи	Л. 167, 246 об., 260	Л. 34 об., 48, 258	Л. 22 об., 23, 133 об.	Л. 11	Л. 14-14 об.	Упразднена в 1786 г.
6	Богоявления Господня на Запсковье	Л. 207, 208, 229-230, 260	Л. 209, 214 об., 223, 225-226, 227	Л. 30 об.-31 об.	Л. 13-13 об.	Л. 11-11 об.	Действующая
7	Богоявления Господня со Кстовы	Л. 305 об.	Л. 75, 86 об. До 1710	Л. 23			Взорвалась при пожаре 1710 г.
8	Бориса и Глеба с Буя	Л. 187	Л. 3 об., 41 об., 51	Л. 22 об., 77 об., 275 об. До 1721			Упразднена в 1721 г.

Продолжение табл. 5

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
9	Варлаама Хутынского на Запсковье	Л. 206 об., 208, 210	Л. 174, 179 об., 196	Л. 82-82 об.	Л. 12 об.	Л. 13-13 об.	Действующая
10	Варлаама Хутынского на Площади	Л. 167 об., 168 об., 191 об., 229 об.	Л. 8	Л. 108 об., 110, 186. До 1721			Упразднена в 1721 г.
11	Василия Великого на Горке	Л. 187	Л. 23, 110 об.	Л. 162	Без пения	Л. 11 об.	Действующая
12	Василия с Гребли	Л. 187. До 1701					Утрачена
13	Владимира князя на Сенной ниве	Л. 305 об.	Л. 56, 112, 172. До 1710				Утрачена
14	Власия с Площади	Л. 207, 305 об.	Л. 164, 233. До 1710	Л. 77 об. Без пения			Утрачена
15	Воздвижения Креста Господня на Государеве дворе	Л. 41, 186 об. До 1701					Утрачена
16	Воскресения Христова за Домантовой стеной	Л. 205, 228 об., 314 об., 330 об. До 1701		Л. 3. Без пения	Возобновлена к 1730		Утрачена
17	Воскресения Христова с Полонища	Л. 83, 308	Л. 114, 115 об., 120, 227 об.	Без пения	Л. 6 об.	Л. 13	Действующая
18	Входа во Иеросалим за Домантовой стеной	Л. 166 об., 188. До 1701		Л. 3 об. Без пения			Утрачена
19	Гавриила Архангела на Казенном дворе	Л. 188	Л. 164. До 1710				Утрачена
20	Георгия Великомученика с Болота, собор	Л. 168 об., 192, 245 об., 307 об.	Л. 11 об., 17 об.	Л. 7 об.-8, 15 об., 81 об.	Л. 5 об.	Л. 6-6 об.	Действующая, упразднена в 1786 г.
21	Георгия со Взвозу	Л. 339-339 об.	Л. 126 об., 136, 141, 143 об.	Л. 161, 195	Л. 8	Л. 22	Действующая
22	Дмитрия Солунского в Домантове стене	Л. 186, 230. До 1701		Л. 3 об. Без пения			Утрачена
23	Духа Святого за Домантовой стеной	Л. 246 об. До 1701					Утрачена
24	Живоносного Источника Старой богадельни. К 1730 г. переосвящена в Благовещенскую	Л. 44 об.	Л. 228 об.	Л. 24, 26 об., 212, 237 об.	Л. 12 об.	+++++	Действующая, упразднена в 1786 г.
25	Иоанна Архиепископа Новгородского на Запсковье	Л. 207, 229-229 об.	Л. 204	Без пения	Л. 13 об.	Л. 7 об. До 1764	Действующая до 1764 г.
26	Иоанна Милостивого из Солодовников	Л. 276 об.	Л. 44 об., 47, 51-51 об., 52, 246 об.	Л. 45 об., 47	Л. 10 об.	Л. 12	Действующая, упразднена в 1786 г.

Продолжение табл. 5

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
27	Казанской Богородицы с Новой больницей	Л. 246, 285-285 об., 306	Л. 5, 44 об.	Л. 43, 46 об.	Л. 11	Л. 14 об.	Действующая, упразднена в 1786 г.
28	Кирила над Греблей	До 1693					Утрачена
29	Козмы и Дамиана с Примостья	Л. 168, 205-206	Л. 162, 166 об., 198, 208, 209 об.	Л. 82, 88 об., 273	Л. 4 об.	Л. 13 об.-14	Действующая
30	Константина и Елены в Царевой слободе	Л. 398-398 об.	Л. 80	Л. 124 об.	Л. 12	Л. 13 об.	Действующая
31	Ксении Великомученицы на Торгу	Л. 285	Л. 73. До 1710	Л. 50 об. Без пения			Утрачена. В 1710 г. церковь развалилась
32	Леонтия Епископа Ростовского в Домантовой стене	+++++	До 1710	Л. 3 об. Без пения			Утрачена
33	Михаила Архангела на Городце, собор	Л. 185-185 об., 261, 306, 339 об.	Л. 10, 16 об.-17 об., 29 об., 119 об., 219 об.	Л. 11 об., 12 об.-13, 196	Л. 4	Л. 4	Действующий
34	Наума Пророка Старого с Пролому	До 1701					Утрачена
35	Николы с Гребли в Домантовой стене	Л. 185 об., 168. До 1701					Утрачена
36	Николы с Пролому в Солдатской слободе	Л. 339	Л. 141 об., 145	Л. 183 об., 199	+++++	Л. 24 об.	Действующая, упразднена в 1786 г.
37	Николы со Усохи	Л. 24 об., 186 об., 187 об.-188, 338 об.	Л. 19, 23 об., 27 об.	Л. 10 об., 146	Л. 5 об.-6	Л. 16 об.	Действующая
38	Николы от Торгу	Л. 260, 261	Л. 53 об., 67-67 об., 72	Без пения	Л. 18	Л. 19 об.	Действующая
39	Образа Нерукотворенного на Запсковье	Л. 205, 207 об., 208 об.-209, 220	Л. 192 об., 201 об.-202, 232 об.	Л. 87-87 об., 97 об.	Л. 11 об.	Л. 8 об.	Действующая
40	Петра и Павла с Буга, собор	Л. 16, 108 об., 166-166 об., 177 об.	Л. 8 об., 38	Л. 112 об.	Л. 5	Л. 5-5 об.	Действующий
41	Покрова в Домантовой стене	Л. 167. До 1701					Утрачена
42	Покрова от Торгу	Л. 72 об., 97 об., 98 об., 260 об., 276 об.	Л. 45, 54, 67, 68, 113	Л. 42 об.-43	Л. 10 об.	Л. 18 об.-19	Действующая
43	Похвалы Богородицы на Романихе	Л. 306 об., 308, 338	Л. 103 об., 113 об., 114 об., 123 об.	Л. 9 об., 167 об.	Л. 9 об.	Л. 7	Действующая, упразднена в 1786 г.
44	Рождества Богородицы со Кстовы	Л. 245 об. До 1701					Засыпана в 1701 г., взорвалась при пожаре 1710 г.

Окончание табл. 4

№ п/п	I пол. XVII в.	1678	1709	1711	1723	1744-1747	С 1764 г. (Примечания)
45	Рождества Христова за Домантовой стеной	Л. 168 об. До 1701	Л. 41 об. Бывшая				Утрачена
46	Софии в Домантовой стене	Л. 51. До 1701		Л. 3. Без пения			Утрачена
47	Спаса Преображения у Старого Костра	Л. 167, 186, 187, 338	Л. 17 об.-18, 20, 21, 26 об.	Л. 14 об., 23, 167, 169, 189	Л. 7-7 об.	Л. 6 об.	Действующая, упразднена в 1786 г.
48	Успения в Бутырской слободе	+++++	Л. 277, 280 об.	Л. 262 об., 263 об., 269 об.	Л. 16	Л. 12	Действующая, перестроена в 1777 г.
49	Успения с Парома, собор	Л. 167 об., 206, 230, 357-357 об., 375 об.-376	Л. 20 об., 145, 249, 257 об.-259	Л. 231 об., 246 об., 247-248, 256, 269 об., 279	Л. 3-3 об.	Л. 4-4 об.	Действующий
50	Федора Стратилата в Домантовой стене	Л. 306 об. До 1701		Л. 3 об. Без пения			Упразднена и утрачена
	Динамика убыли исконных приходских церквей:	50	35	27	24	25	Действующих церквей 24, упраздненных 26

* Без учета приходских церквей, образованных из монастырских храмов.

+++++ В переписи не значится, но есть упоминания в других источниках (актовых материалах).

Источники: **1678 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. I. Кн. 8500. Л. 11-413 об.; **1709 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8503. Л. 1-288 об.; **1711 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8512. Л. 1-289; **1723 г.** – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 3. № 2699. Л. 1-66; **1744–47 гг.** – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 1-140; **1764 г.** – Книга духовных штатов/Полное собрание законов Российской Империи. Т. 44. Часть вторая. – СПб., 1830. – № 12060. С. 24, 31–36.

Таблица 6

Численность белого духовенства в Пскове по переписям и ревизиям населения последней четверти XVII в. – первой половины XVIII в.

Годы переписей и ревизий	1678 г.	1709 г.	1711 г.	1723 г.	1744-1747 гг.
Количество храмов с белым духовенством	88	78	89	57	55
Число священнослужителей	131	136	56	68	84
Число церковнослужителей	134	129	107	98	138
Всего в Пскове белого духовенства	265	265	163	166	222
Детей мужского пола				125	66
Всего духовного чина м. п.				291	284*

* В то же время в Псковской духовной семинарии обучалось 258 семинаристов, собранных со всей епархии.

Источники: **1678 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. I. Кн. 8500. Л. 11-413 об.; **1709 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8503. Л. 1-288 об.; **1711 г.** – РГАДА. Ф. 1209. Оп. I. Кн. 8512. Л. 1-289; **1723 г.** – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 3. № 2699. Л. 1-66; **1744-47 гг.** – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. № 2707. Л. 1-140.

Вл. В. Седов

Летописная запись 1536 г. в псковском Октоихе: сообщение о строительстве каменной церкви Богоявления в Бродах

Вл. В. Седов. An Annalistic Entry of the Year 1536 in the Pskov Octoechos: a Message about the Stone Church of the Epiphany in Brody Construction

Abstract. This article first presents the annalistic entry of the funeral feast and chronicle nature, made in the manuscript book, Oktoechos, created in Pskov in 1536. Besides the information about the customer of the book, her relatives and the authorities of the St. Paraskeva Pyatnitsa nunnery in Pskov where the book was placed, the record contains a unique message about the beginning of the construction of the stone Church of the Epiphany in Brody, a parish Church, located on the Polonische.

Ключевые слова: средневековая письменность, культура Пскова, рукописная книга, летописные записи, поминания, каменное строительство, история архитектуры

Keywords: Medieval literature, the culture of Pskov, manuscript book, chronicles, prayers for the dead, stone construction, history of architecture.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ. Ф. 304. I. № 370. 250) в Октоихе, написанном полууставом в два столбца, размером в лист и имеющем 354 листа (он содержит четыре первых гласа), на обороте последней страницы (Л. 354 об.) читается написанная другой рукой вкладная надпись с текстом летописного характера. На эту надпись обратил наше внимание А. В. Яганов, которому мы выражаем благодарность. Приводим надпись полностью, с раскрытием титулов:

«Лѣ(та) 7044 (1536) написана быс(ть) книга сии г(лаго)лемыи Охт-ик, повелѣнием рабѣ Б(о)жии Феодоре инок(ине). А дала святѣй Пятнице на службу в монастырь собе на здравие (в выноске справа прибавлено: и детям своим Ивану, Игнатью), а своей души на спасение, а родителем своим на память: Юрю, Поладьи, и Микуле, Иакову, Власью, Фатьяну, Марьи, Кузме, Сысою, Федосьи, и всем сродникам нашим, их же имена Бог весть. А при старосте церковном св. Пятницы Михаиле Иванове Темшина, и при игуменѣх Натальи Михееве дочери, и при попе Пятницком Даниле, и при священникѣх Богоявленскихъ, как служили у с(вя)тей Пятницы. А с(вя)тому Б(о)гоявлению ц(е)рк(о)вь каменную дѣлали в Бродѣх. А писал лѣтописецъ Кузма дияк Пятницкой мес(яца). маяя».

Речь, безусловно, идет о псковской церкви и монастыре Параскевы Пятницы в Бродях, куда ушла в монахини (возможно, после того, как стала вдовой) упомянутая заказчица книги, инокиня Феодора, мать Ивана и Игнатия. Феодора принадлежала к какой-то псковской семье, происхождение которой мы не знаем; среди упоминаемых во вкладной записи Октоиха 1536 г. десяти лиц, названных «родителями», мы не можем вычленить собственно родителей Феодоры, ясно только, что из упомянутых восемь человек – мужчины (Юрий, Поладий (Палладий), Микула, Иаков, Власий, Фотин (Фотиний), Кузма, Сысой) и лишь две женщины (Марья и Федосья). Книга была вложена в женский монастырь Параскевы Пятницы в Бродях при старосте церкви Параскевы Пятницы Михаиле Иванове Темшине и при игуменье Наталье Михеевой дочери, а также при священнике церкви Пятницы Даниле и при священниках церкви Богоявления; только что процитированный краткий летописец в конце книги был написан диаконом все той же церкви Параскевы Пятницы.

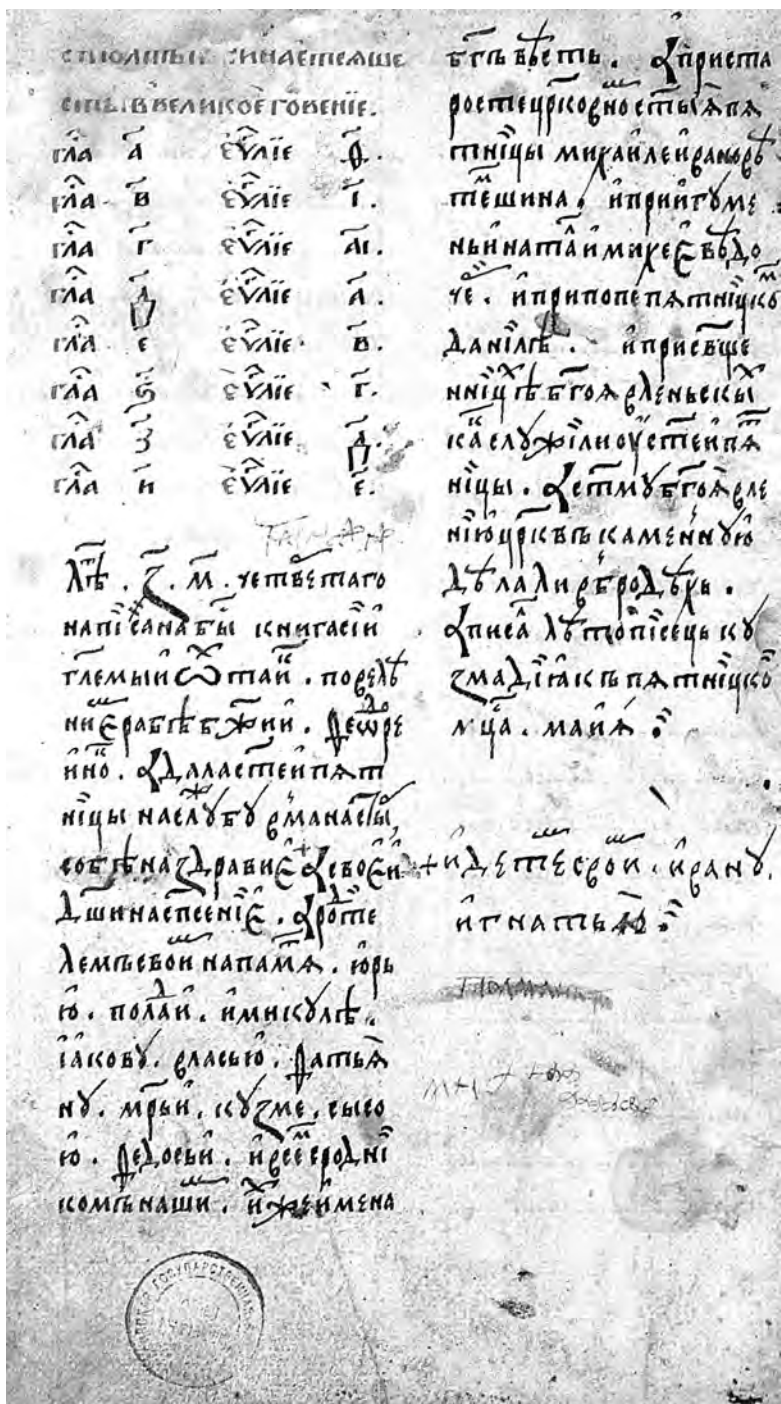
Женский монастырь Параскевы Пятницы в Бродях или в Песках находился на высоком левом берегу Псковы на псковском посаде вне стены Среднего города 1374/1375 г., но внутри стен Окольного города; в 1701 г. церковь монастыря была засыпана Пятницким бастионом, остатки которого сохранились до нашего времени (некоторые источники называют его Пятницким бугром) (*Лабутина*, 1985. С. 189).

Монастырь Пятницкий с Бродов и его строительницы Евпраксия (1668–1670), Неонила (1678–1679) и Марфа (она в 1687 г. была строительницей Пятницкого монастыря «с Бугру», но это, видимо, все тот же монастырь) упоминаются в ряде документов конца XVII в. (*Строев*, 1877. Стлб. 403).

Можно предположить, что книга Октоих с припиской 1536 г. должна была составить часть того комплекса богослужебных книг, которые должны были находиться в только что сооруженной в камне соборной монастырской церкви Параскевы Пятницы. Это как будто продолжение работ по украшению храма, который за три года до того был выстроен в камне: «В лѣто 7042... Того же лѣта, в осень, довершиша церковь камену в Бродех в монастыри святую Пятницю, а в придѣле святоую Екатерину; и освящаша месяца октября въ 5 день» (ПЛ. Вып 1. С. 106).

Помимо того значения, которое публикуемая запись в конце Октоиха 1536 г. имеет для истории Пскова и для истории псковского Пятницкого монастыря и его каменного храма, мы хотели бы подчеркнуть значение этой записи для истории каменного строительства Пскова первой половины XVI в. Содержащееся в тексте уникальное сообщение о строительстве в 1536 г. каменной церкви Богоявления в Бродях («А с(вя)тому Б(о)гоявлению ц(е)рк(о)вь каменную дѣлали в Бродѣх») очень важно для составления списка каменных храмов указанного периода.

Речь в приписке идет о строительстве в камне приходской церкви Богоявления в Бродех (или в Бродях – как во многих других документах), священники которой служили в 1536 г. в монастырской церкви Параскевы Пятницы, видимо, потому, что их храм в этот момент строился и не был еще освящен,

а поэтому службы в нем были временно прекращены, а священники служили в соседнем монастырском храме.

Исследовательница исторической топографии Пскова И. К. Лабутина знает три церкви Богоявления. Это храм Богоявления с Кстовы внутри стены 1374/1375 г., то есть внутри Среднего города, храм Богоявления в Бродях и храм Богоявления с Запсковья. Церковь Богоявления в Бродях стояла на левом берегу реки Псковы, она, как и расположенная неподалеку церковь Параскевы Пятницы, была засыпана в 1701 г. во время сооружения земляных укреплений по приказу Петра I (*Лабутина*, 1985. С. 221, 224–225).

Наиболее раннее упоминание церкви Богоявления в Бродях относится к 1444 г, в этом году она была поставлена (без обозначения материала), очевидно, в дереве: «Того же лѣта поставиша двѣ церкви, едину в Бродех Богоявление, а друоую...» (ПЛ. Вып. 2. С. 47); в другой летописи церковь названа сложнее: «Того лѣта поставиша двѣ церкви ..., а друоую церковь святое Богоявление противъ мельницъ в Бродѣхъ» (ПЛ. Вып. 2. С. 136). И, наконец, Тихановский список Псковской 1-й летописи называет даже дату освящения: «Того же лѣта совершена бысть ина церковь в Бродѣхъ святое Богоявление господа нашего Исуса христа, и освящена бысть месяца ноябрю в 1 день, на память святых чудотворецъ и безсребреникъ Козьмы и Дамьяна» (ПЛ. Вып. 1. С. 46). Этим летописям можно доверять больше, чем Архивскому списку Псковской 1-й летописи, где церковь Богоявления помещена «на Запсковье», что, видимо, произошло в результате ошибки переписчика («а другая церковь поставлена бысть на запсковьи, и священа месяца ноябрю 1» (ПЛ. Вып. 1. С. 46. Примеч. 56).

В самой середине XVI в., в конце 1550-х гг. Варлаам-Василий, известный псковский агиограф, в Житии Саввы Крыпецкого несколько раз упоминает церковь Богоявления с Кстова (в Среднем городе), а также диакона Михаила из церкви Богоявления с Бродов (*Охотникова*, 1999. С. 11). Один из списков Псковской летописи (Архивский 2-й) был в середине XVII в. переписан «трудами» «б(о)гоявленского дьячка из Бродов Ондрюшке Ильина по реклу Пофы (Козы)» (ПЛ. Вып. 1. С. VII).

Составленный в 1696 г. список псковских церквей содержит упоминание трех церквей Богоявления: «Цер. Богоявления Господня на Запсковье» (№ 37), «Цер. Богоявления Господня изъ Октавы» (№ 60) и «Цер. Богоявления Господня из Бродовъ» (№ 62) (*Беляев*, 1847. С. 26).

Изображение храма Богоявления в Бродях помещено на трех иконах с видами средневекового Пскова: на иконе из часовни Владычного Креста изображен одноглавый храм со звонницей над четвериком, обширным западным притвором и приделом с юга, отмеченным особой главкой, правее виден храм Пятницкого монастыря, окруженный монастырской оградой (*Лабутина*, 1985. С. 14–15); в целом сходно с предыдущим изображением на иконе из Псково-Печерского монастыря (*Лабутина*, 1985. С. 16–17); на иконе Жиглевича мы видим одноглавый храм с притвором и звонницей на четверике (*Лабутина*, 1985. С. 18–19). Изображенный на иконах храм с высокой долей вероятности является церковью, сооруженной в 1536 г.

Можно с большой уверенностью сказать, что псковская приходская церковь Богоявления «из Бродов» или «в Бродах», расположенная в новой части посада, на Полонище, которая была построена из дерева в 1444 г., в 1536 г. была сооружена из камня. В 1536 г. строительство из камня в псковских летописях не отмечено, на этот год приходилась лакуна в картине постоянного сооружения храмов и других каменных построек во Пскове: в 1535 г. был построен крупный приходской храм Николы со Усохи, а в 1537 г. был сооружен храм Одигитрии на Печерском подворье (Седов, 1996. С. 71). Благодаря летописной записи в псковском Октоихе 1536 г. мы получаем свидетельство о еще одном акте каменного строительства во Пскове 1530-х гг. Возможно, когда-то раскопки позволят изучить каменный храм, более или менее точную дату строительства которого (он мог быть начат ранее 1536 г. и закончен после) мы теперь знаем.

Литература

- Беляев И. Д., 1847. Список церквей города Пскова в 7204 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, М, № 1.
- Лабутина И. К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.
- Охотникова В. И., 1999. Некоторые проблемы биографии и творчества Василия-Варлаама, псковского агнографа XVI в. // Псков. 10/1999.
- ПЛ. Вып. 1 – Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
- ПЛ. Вып. 2 – Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- Седов Вл. В., 1996. Псковская архитектура XVI века. М.
- Строев П., 1877. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. В. Михайлов, А. Б. Романовский

О новом типе погребальных памятников XI в. в окрестностях Пскова

A. V. Mikhailov, A. B. Romanovsky. A New Type of Funerary Sites of the 11th Century in the Vicinity of Pskov

Abstract. The article is devoted to a previously unknown type of funerary sites of the 11th century – ground burials with cremations in the vicinity of Pskov. In 2013 seventy seven finds from looted burials were transferred to the Archaeological center of the Pskov region. They originate from the burial ground near the village Selische, located 5 km from Pskov, on the left bank of the Kamenka river. Among the finds there are items of weapons (axes, combat knives, spearheads, arrowheads), the rider's gear elements, household items and agricultural tools, various decorations. Besides widespread types of things, characteristic for the territory of Ancient Rus, a significant number of finds reminds of the Baltic Finnish origin. Similar burial grounds with creations are located on the banks of Pskov – Peipsi Lake, and also known on the Izhora plateau. Functioning of the necropolis is connected with a well-armed group of the Baltic-Finnish population, which controlled strategically important communications.

Ключевые слова: деревня Селище, грунтовый могильник, кремации, погребальный инвентарь

Keywords: village Selische, burial grounds, cremations, funeral inventory

В июле 2013 г. Управлением ФСБ России по Псковской области на временное хранение в Археологический центр Псковской области было передано 77 предметов, происходящих из грабительских раскопок в ближайших окрестностях Пскова. В результате оперативно-разыскных мероприятий было установлено место происхождения находок. При визуальном осмотре места грабительских раскопок стало понятно, что вещи происходят из ранее неизвестного грунтового могильника.

Могильник расположен в 5 км от Пскова, на левом берегу р. Каменки, между деревнями Селище и Логозовичи, справа от дороги Неелово – Печки – Кривск, на поле, на невысокой естественной возвышенности. Территория грунтового могильника у дер. Селище представляет бывшее пахотное поле, густо поросшее травой, с невысоким повышением рельефа (перепад высот

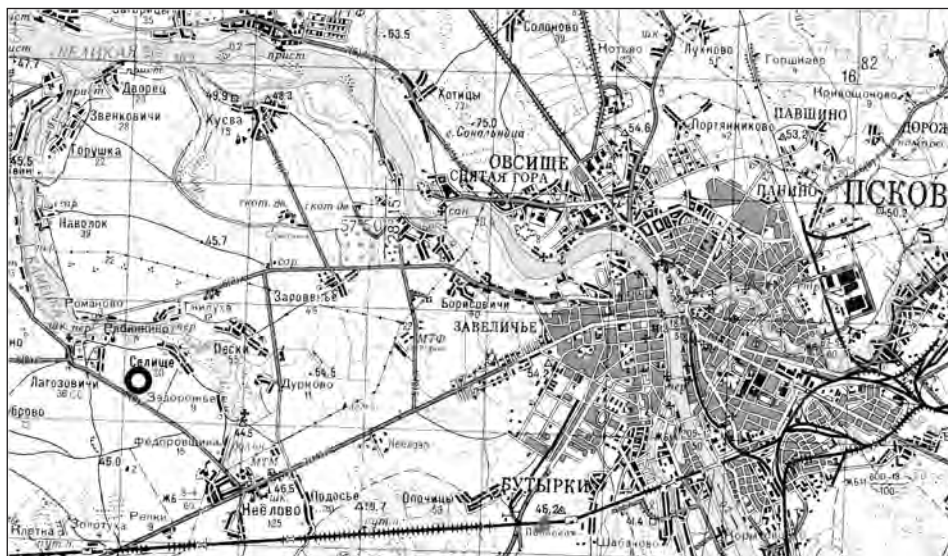

Рис. 1. Расположение грунтового могильника у д. Селище

не превышает 1,4 м), которое достаточно сложно привязать к устойчивым топографическим ориентирам. Внешние признаки погребальных сооружений в виде насыпей, каменных обкладок отсутствуют (рис. 1).

При обследовании территории памятника осенью 2013 г. было зафиксировано около 200 мест работы с использованием металлодетектора. Отдельные грабительские ямы достигали площади 2–3 кв. м и глубины до 0,5 м. Предполагаемые границы памятника были определены в том числе исходя из концентрации грабительских «закопашек». Могильник занимает западную часть невысокой естественной возвышенности, а также ее северный и западный склоны.

Как уже отмечалось, коллекция, происходящая из грабительских раскопов, насчитывает 77 предметов. Некоторые вещи имеют следы механического воздействия от сельскохозяйственных орудий, часть находок обожжена. При разведочных работах на территории могильника в стенках и отвалах грабительских ям костей человеческого скелета обнаружено не было. По имеющейся информации, грабители также не находили костяков. Несмотря на то, что история археологического изучения Псковского околгородья насчитывает без малого 150 лет, могильник не был известен археологам вплоть до лета 2013 г. Топографические особенности расположения могильника, следы пребывания в огне ряда предметов, отсутствие костных остатков позволяет предположить, что мы имеем дело с грунтовым могильником, содержавшим захоронения по обряду кремации.

Длительная расписка территории могильника и его последующее разграбление не позволяют распределить находки по каким-либо достоверным комплексам. Представим ниже общую характеристику коллекции, разделив предметы по категориям. На момент написания статьи реставрация предметов полностью не завершена, что в ряде случаев затрудняет их точную атрибуцию.

Предметы вооружения

Проушные топоры. 7 экземпляров (рис. 2, 1–7). Сохранность: 6 топоров целые, на 1 топоре утрачен фрагмент лезвия в нижней части (первоначально данный топор представлял собой конгломерат из топора и прикипевшей к нему в результате первоначального нагревания и позднейших коррозионных процессов верхней части навершия меча).

Топоры можно отнести к группе универсальных. Все топоры относятся к типу V по классификации А. Н. Кирпичникова («с выемкой и опущенным лезвием» (Кирпичников, 1966б. С. 36); типу I по Б. А. Колчину (Колчин, 1959. С. 59). Топоры характеризуются прямой верхней гранью, одной парой боковых щековиц с нижней стороны обуха и удлинненным лезвием. Шесть топоров имеют овальное очертание втулки, один топор очертания втулки не сохранил. Наибольшее скопление таких топоров отмечено на севере Руси. На территории Древней Руси они бытуют с X – середины XII в. Их происхождение А. Н. Кирпичников связывал с Северной Европой. Таким образом, в X–XII вв. эти топоры, судя по их распространению и развитию, можно назвать финско-русскими. Аналогии подобным топорам на территории Псковской области мы обнаруживаем в вещевых комплексах могильника Залахтове как в курганной, так и в грунтовой его части (Хвощинская, 2004. Табл. IX, XXIX, XL, XLIX).

Навершие меча. 1 экземпляр (рис. 2, 8). Было обнаружено прилипшим к одному из топоров в результате первоначального нагревания и позднейших коррозионных процессов. Представляет собой железный предмет размерами 7,8×2,8×1,8 см, в виде равнобедренного треугольника на линзовидном основании, пустотелый, без центральной заклепки, визуальное просматривается инкрустация из цветного металла. Деталь навершия принадлежит рейнскому (каролингскому) мечу, предположительно типу Н по Я. Петерсену и А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966а. С. 26). Данный тип северо-европейского (финно-русского) происхождения характерен для всей северо-западной части Древней Руси. Наиболее характерен для Приладожья, северной части Псковской и Новгородской земель. Для клинков данного типа можно констатировать их относительно позднее бытование на Руси, так как часть находок относится ко второй половине X–XI в.

Ножи боевые. 3 экземпляра (рис. 2, 9–11). Сохранность: 1 нож с утратой, 1 нож деформирован, 1 нож представлен в 2-х фрагментах. 2 ножа с относительно целой степенью сохранности имели размеры: 49,5×2,9×1,1 см; 39,8×2,4×0,9 см. Ряд исследователей склонны относить подобного рода изделия к разряду боевых ножей–скрамасаксов. По другой версии, подобные ножевидные орудия могли иметь бытовое или жертвенное назначение, поскольку скрамасаксы были редким видом оружия, на Руси встречались только в богатых захоронениях, почти всегда с мечом. В любом случае, очевидна редкость и ценность данной находки на территории России. Такие ножи в основном характерны для памятников Балтийского региона в Финляндии, Швеции, Латвии, Эстонии. На территории Древней Руси боевые ножи найдены, по меньшей мере, еще 12 раз. Все они входят в погребальный инвентарь могильников, оставленных полиэтничным населением, и датируются X в. (Артемов, 1998. С. 228).

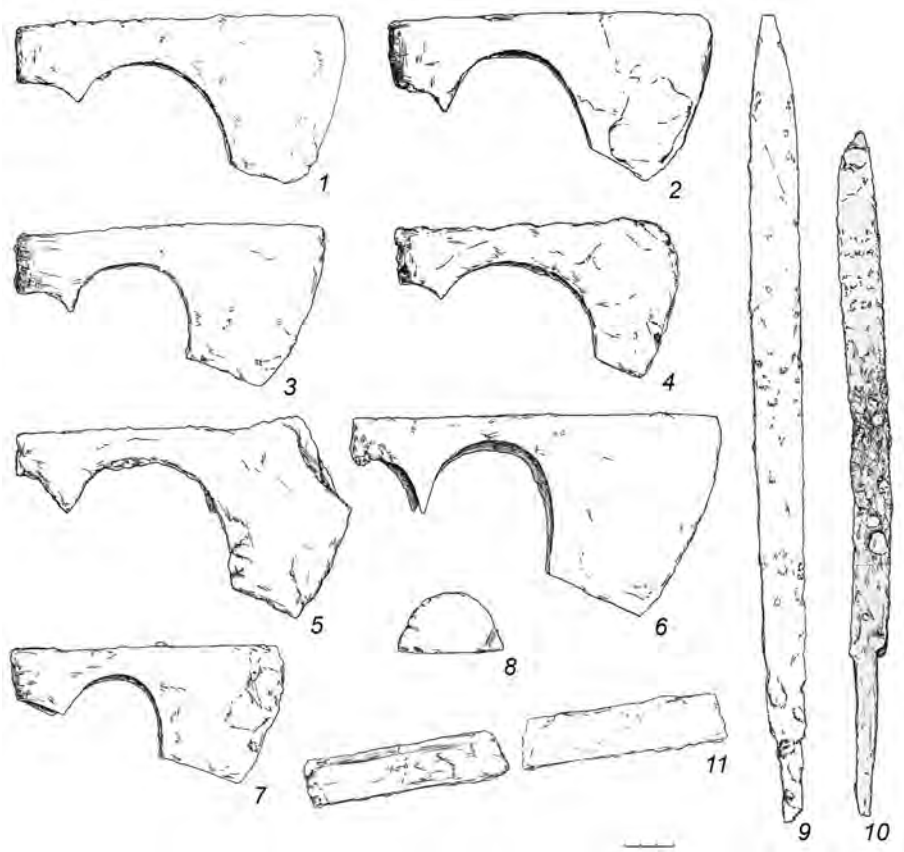

Рис. 2. Находки с территории могильника: предметы вооружения

Наконечники копий. 9 экземпляров (рис. 3, 1–9). Сохранность: 6 целые, 2 с различной степенью утрат, 1 экземпляр представлен только втулкой. 7 экземпляров типологически относятся к ланцетовидным наконечникам (тип I по А. Н. Кирпичникову; тип Е по Я. Петерсену (*Кирпичников, 1966б. С. 8*). По соотношению длины втулки к длине пера наконечники относятся к ранней (по А. Н. Кирпичникову) разновидности крупных наконечников «с длинным пером ланцетовидной формы, легко суживающимся у шейки и переходящим во втулку» и ромбическим сечением лезвия. Русские и европейские находки копий такого типа датируются в основном IX – началом XI в. Подобные наконечники типа пики стали известны на территории Руси с X в. и в X–XI вв. были основной формой узколезвийного копья.

Наконечник копья удлинненно-треугольной формы с насечкой цветного металла (рис. 3, 8). Типологически наконечник относится к типу III по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников, 1966б. С. 11*). Перо имеет ромбическое сечение с хорошо выраженными и приподнятым плечиками, втулка расширяется книзу. Копья с таким пером относятся к числу наиболее распространенных в русских

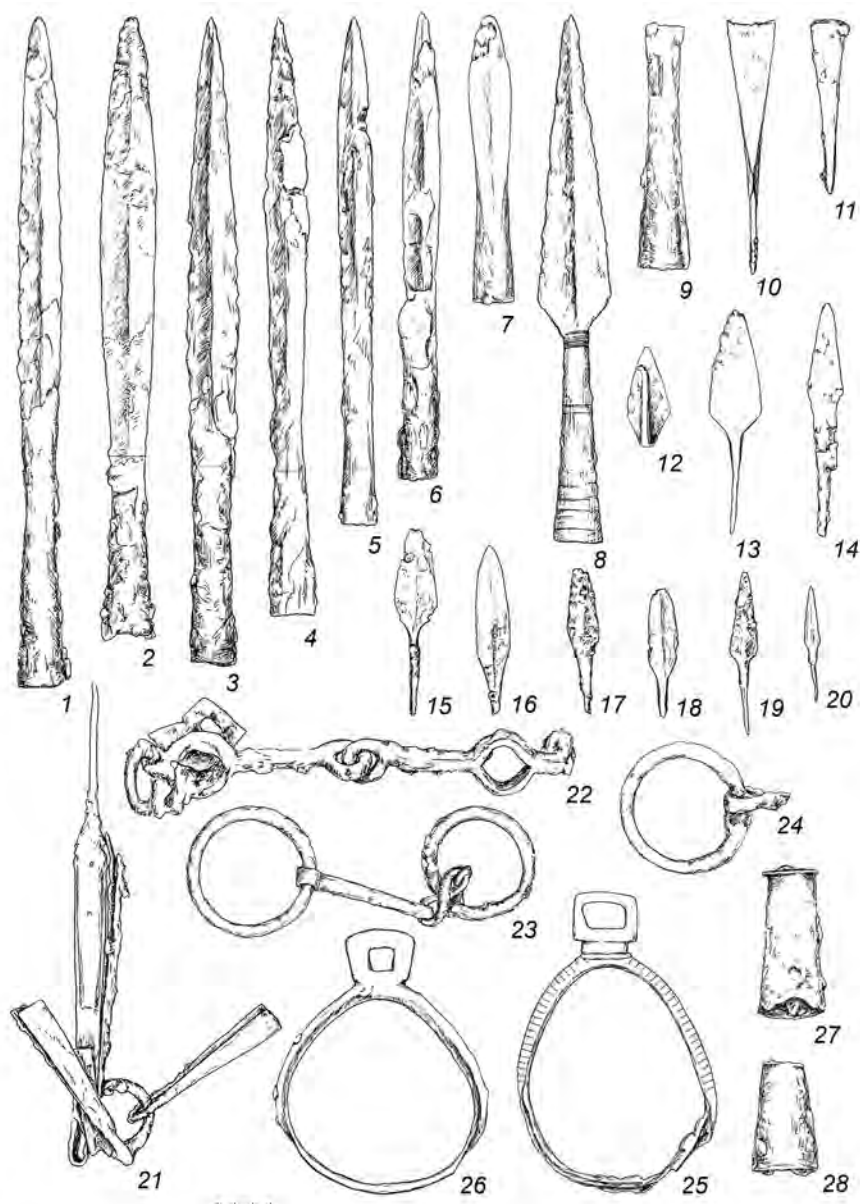

Рис. 3. Находки с территории могильника: предметы вооружения и снаряжения всадника

землях, находят также множество аналогий в Европе. Наконечник может быть датирован XI–XII вв.

Наконечники стрел. 11 экземпляров (рис. 3, 10–20). Сохранность: 4 целых, 3 деформированных, 4 с утратами, 1 деформированный с утратами. Все они относятся к широко распространенным и широко датируемым типам ромбовидных

черешковых стрел. В соответствии с классификацией А. Ф. Медведева (*Медведев*, 1966. С. 49) шесть наконечников (рис. 3, 12, 13, 15–18) относятся к типу 46 (ромбовидные новгородского типа, без упора для древка стрелы). Они распространены на севере Восточной Европы от рубежа н. э. до конца XIII в., но абсолютное большинство происходит из памятников IX–XI вв. Один наконечник (рис. 3, 19) – ромбовидный с упором и расширением в нижней трети длины пера – относится к типу 40, распространенному повсеместно в X–XIV вв. Еще один (рис. 3, 20), вероятно, принадлежит к типу 93 (шиловидный ромбического сечения) и датируется X–XIV вв., а по О. В. Двуреченскому – до второй половины XVII в. (*Двуреченский*, 2007. С. 261–262).

Элементы кавалерийского снаряжения (снаряжение всадника)

Плеть шумящая («звончатая»). 1 экземпляр (рис. 3, 21). Сохранность: с утратами. Сама по себе является уникальной и редчайшей из находок снаряжения всадника. Имеет следующие размеры: 27,2×7 см, кольцо – 4,8×4,5 см. Изготовлена из железа. Количество привесок – 2, возможно, не все сохранились. Согласно разработанной А. Н. Кирпичниковым типологии, кнутовище относится к так называемым «звучащим» кнутовищам. Для них характерна подвижная деталь – вдетое в рукоятку кольцо, на которое нанизано несколько подвесок. По классификации А. Н. Кирпичникова, она относится к I типу «металлические кнутовища с кольцом и прикрепленными к нему обоймой для бича и привесками» (*Кирпичников*, 1973. С. 71–73). Антония Вилцане, проанализировав находки плетей на материалах Латвии, выделила несколько вариантов в рамках I типа по А. Н. Кирпичникову. (*Вилцане*, 2011. С. 199). В соответствии с предложенными ею разновидностями, данную плеть можно отнести к кнутовищам 3-го типа (I.3) – черешковые. На территории Латвии известна аналогичная находка – плеть из могильника Лиелвардес парцелтуве, погребение 25. Кнутовище этого варианта в переходе от черешка на ярус утолщено. Длина нашего кнутовища, а также диаметр кольца соответствуют параметрам черешкового кнутовища из Латвии. Кнутовище аналогичной типологической принадлежности известно и по материалам могильника Залахтовье. В могильнике Залахтовье кнутовище происходит из комплекса вещей, помещенных рядом с погребальной ямкой кургана № 131. Н. В. Хвоцинская датирует комплекс вещей, в состав которых входила и плеть, не ранее начала XI в. (*Хвоцинская*, 2004. С. 93). В археологическом материале Латвии кнутовища I типа датируются по погребальному инвентарю концом X–XII в. Похожие кнутовища обнаружены в древнерусских землях в комплексах конца IX–XI в. и распространены от Приладожья до Смоленщины.

Удила. 3 экземпляра (рис. 3, 22–24). Сохранность: 1 целое с накладной уздечкой, 1 с незначительными следами деформации, 1 представлено фрагментарно, с кольцом.

Удила представлены 2 типами по классификации А. Н. Кирпичникова. Один экземпляр визуально соотносится с типом Ib по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников*, 1973. С. 22). Это полностью сохранившиеся удила

с накладной уздечкой. Размеры: 25×1 см; кольца – 3,9×2,8 и 4×3 см. Накладка – 3,8×4,5 см. В таких удилах использовались роговые псалии. Конструкция удила этого типа восходит к степным образцам, но известна в разных регионах Восточной Европы и датируется в диапазоне IX–XIII вв.

Один экземпляр представлен типом V – с тремя подвижными звеньями, в котором среднее звено оформлено в виде восьмерки. Длина – 19,5 см, размеры колец: 6,4×5,2 см; 7,2×6 см. Этот тип широко распространен в Северной Европе, наиболее типичен для стран Скандинавии и Финляндии. Находки удила этого типа на Руси редки и случайны. На территории Прибалтики трехзвенные удила просуществовали вплоть до XIV в. (Кирпичников, 1973. С. 17).

Один экземпляр представлен кольцом с небольшим фрагментом звена. Размеры кольца – 7,2×6 см. По своим размерам оно идентично одному из колец предыдущего типа V. Однако говорить о полном типологическом сходстве из-за значительных утрат невозможно.

Стремена. 2 экземпляра (рис. 3, 25–26). Сохранность: одно целое, второе с утратами. Стремена визуальнo сопоставимы с типом I по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973. С. 92), который датируется IX – началом XI в. Первое стремя имеет более ярко выраженную округлую подножку. В другом стремя, возможно, из-за наличия утрат округлость не столь очевидна. Также присутствуют различия в размерах прорези ушка. Первое стремя имеет подквадратную прорезь ушка с размером 1,4 см. Второе стремя орнаментировано поперечными насечками по краю дужки. Ушко стремени имеет подпрямоугольную форму с размерами по длине в самой широкой части 2,5 см при ширине 1,5 см. По мнению А. Н. Кирпичникова, у образцов стремян IX – начала XI в. прорезь ушка, соответствующая ширине путлища, составляла около 1,5–1,8 см. Таким образом, оба стремени по типологической принадлежности могут быть датированы IX–XI вв.

Два предмета были атрибутированы как *ботало* (рис. 3, 27–28), т. е. глухая погребушка, колокольчик из железного листа, подвешивающийся на шею лошади или коровы.

Хозяйственно-бытовой, сельскохозяйственный инструмент

Ножи. 7 экземпляров (рис. 4, 1–7). Сохранность: 3 целых, 4 деформированных, с утратами. Ножи визуальнo сопоставимы с группой IV по типологии Р. С. Минасяна (Минасян, 1980. С. 72–73) или с ранним типом А по классификации Б. А. Колчина (Колчин, 1959. С. 48, 53). Это ножи с узким клиновидным лезвием, имеющим прямую спинку и уступ при переходе к черенку. Данный тип ножей широко распространен в русских материалах X – второй половины XII в.

Косы. 2 экземпляра (рис. 4, 8, 10). Сохранность: 1 целая, 1 деформированная (сильно изогнута). Косы-горбуши изготовлены из железа. Длина полностью сохранившейся косы – 36,7 см. Форма косы визуальнo сопоставима с формами, характерными для северного типа кос (Чернецов и др., 1985. С. 238). При этом длина косы несколько меньше среднестатистических размеров, характерных для кос северного типа.

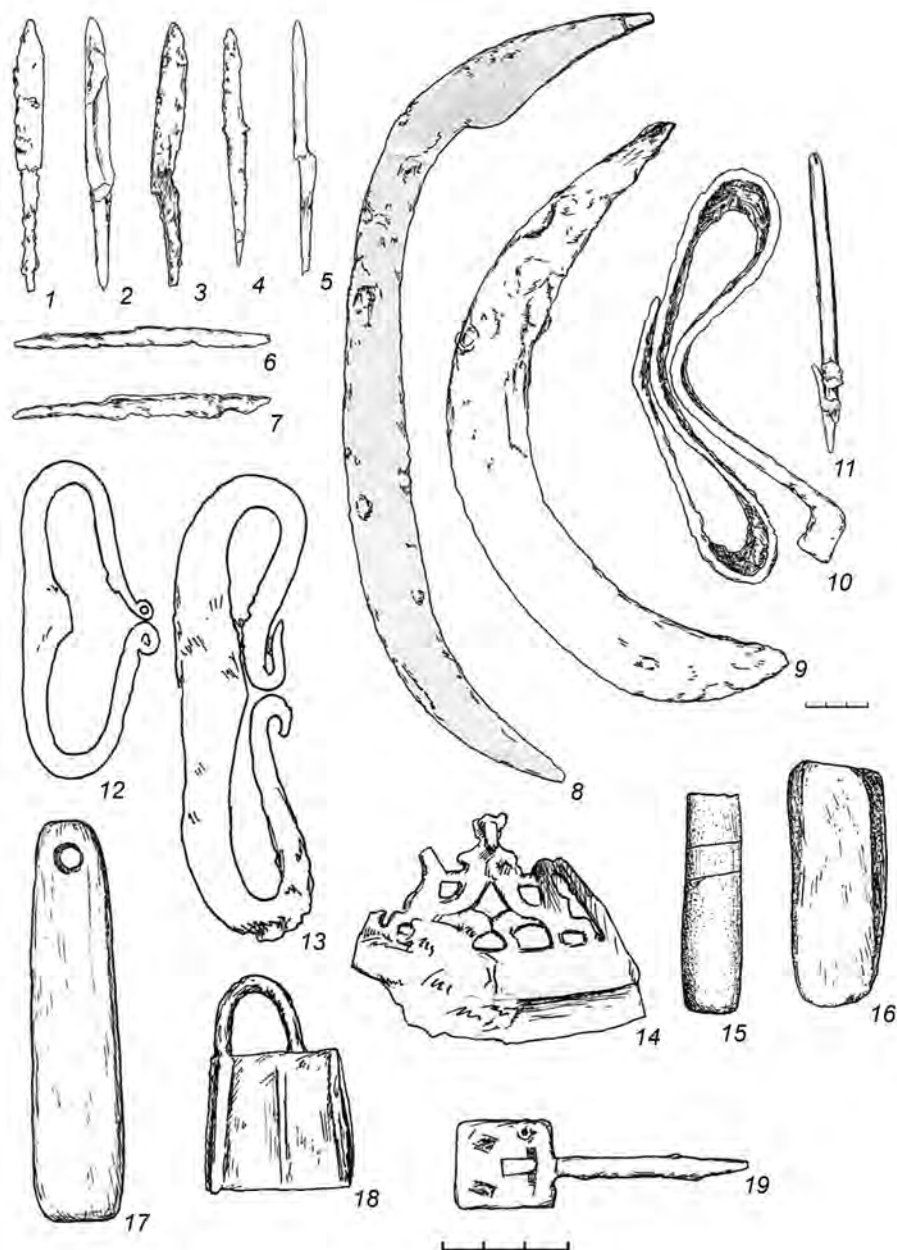

Рис. 4. Находки с территории могильника: бытовой и хозяйственный инвентарь

Серп. 1 экземпляр (рис. 4, 9). Сохранность: с утратами. Серп железный. Длина сохранившейся части – 27,5 см при ширине 3,7 см. Форма серпа визу- ально сопоставима с формами, характерными для южнорусских и среднерус- ским типов (Чернецов и др., 1985. С. 239).

В целом находки данных кос и серпа плохо поддаются хронологическому делению.

Острога. 1 экземпляр (рис. 4, 11). Сохранность: целая. Длина – 14, 4 см. Это одноконечная однозубая острога в виде прямого округлого черенка, один конец которого заострен и снабжен зубцом. Данное небольшое одношипное орудие являлось гарпуном или могло быть частью составной остроги.

Предметы домашнего обихода и орудия труда

Кресала. 3 экземпляра (рис. 4, 12–14). Сохранность: 2 целых, 1 деформировано, с утратами. 2 целых кресала относятся к типу «калачевидных» с язычком и загнутыми наружу концами тип I по Б. А. Колчину. Длина кресал составляет 7,5 и 11 см, высота – 3,3 и 2,8 см соответственно. Язычок у кресал небольшой, в одном случае он подтреугольной формы, в другом – в виде дуговидного бугорка. Аналогии этому варианту кресал самые многочисленные, так как в начале II тыс. н.э. они были распространены на территории Центральной, Северной и Восточной Европы. Время их бытования очень широкое. В древнерусских памятниках они обнаружены в основном в слоях X – последней четверти XII в. (Колчин, 1982. С. 161), хотя в небольшом количестве бытовали вплоть до середины XIV в. (Гайдуков, 1992. С. 94).

Кроме «калачевидных» кресал, в коллекции присутствует еще одно комбинированное кресало – размерами 5,4×6,7 см (рис. 4, 14). На поверхности кресала присутствуют утраты, видны следы деформации. Такие кресала, бытовавшие с конца X до середины XI в., еще принято называть огнивами с бронзовыми рукоятями. Согласно классификации, разработанной Л. А. Голубевой, наше огниво может быть отнесено к IV группе «два всадника», второй вариант – «фигуры всадников переданы упрощенно» (Голубева, Варенов, 1993. С. 102). Находки подобных огнив происходят из Финляндии, Швеции, Литвы (Клайпеда, Межотне), огниво из погребения 3 Веселовского могильника (Нижегородская область), огниво из Ольшанской группы Гнездовских курганов. Все огнива второго варианта датируются второй половиной X в. (Голубева, Варенов, 1993. С. 103–104. Рис. 4 № 12).

Оселки. 3 экземпляра (рис. 4, 15–17). 1 оселок имеет правильную форму с отверстием для подвешивания. Остальные 2 представляли собой фрагментированные бруски.

Замки и ключи. Представлены замком и ключом (рис. 4, 18–19). Замок навесной кубический, тип А по классификации Б. А. Колчина, может быть датирован X–XII вв. Ключ-лопаточка также относится к данному типу. Класть в погребения ключи являлось широко распространенной традицией у народов Балтийского региона в IX–XI вв.

Украшения

Фибулы. 6 экземпляров (рис. 5, 1–6). Сохранность: 1 целая; 2 в виде фрагментов; 1 без язычка; 1 деформирована без язычка; фрагмент язычка.

Все сохранившие форму фибулы (5 экз.) являются подковообразными. Среди группы подкововидных фибул две – это фибулы со спиральными

головками или закрученными концами. Фибулы не имеют никаких орнаментов. По сечению дуги фибулы делятся на 2 группы. Одна фибула имеет округлое сечение, другая – с ромбовидным сечением. Округлые в сечении фибулы на территории северо-западной и северо-восточной Руси бытуют на протяжении X–XIII вв. Данная фибула по одинаковой толщине дуги и длинной изогнутой игле может быть отнесена к X–XI вв. В целом фибулы со спиральными концами относятся к числу наиболее распространенных застежек на территории Древней Руси, а также в районах, занятых финскими, балтскими и скандинавскими народами (Мальм, 1967. С. 152–153). Однако фибулы с ромбовидным сечением относятся к числу украшений, особенно характерных для народов Балтийского региона, а также районов Древней Руси, расположенных на торговых путях либо занятых финно-угорским населением. По мнению В. А. Мальм, подобные образцы фибул уже в X в. широко бытовали в Финляндии, Прибалтике и Скандинавии, откуда они и распространяются на более восточные территории (Мальм, 1967. С. 155–156). Аналогии фибул со спиральными головками известны по материалам могильника Залахтовье (Хвощинская, 2004. Табл. XXXI, XLIII, XIX, XLI, LXX). По материалам Залахтовских погребений фибулы со спиральными концами не выходят за пределы XI в.

Ко второй группе подковообразных фибул относятся массивные литые застежки, подтрапцевидные в сечении, с призматическими концами или многогранными головками. Такие фибулы использовались для скрепления мужской одежды. Основным районом распространения подобных фибул была территория Эстонии, отдельные экземпляры подобных украшений встречены в курганах Приладожья, северо-запада Новгородской земли и в могильниках латгалов. Одна фибула была декорирована в виде мелких кружочков по краю грани. Эстонская исследовательница М. Мяги-Лыугас датирует фибулы с таким типом орнаментации концом^х – началом XI в. (Хвощинская, 2004. С. 81). По материалам Залахтовского могильника вторая группа подковообразных фибул просуществовала до конца XI в.

Цепочки. 2 экземпляра (рис. 4, 8). Сохранность: фрагменты от нагрудных цепочек. Они спускались от цепедержателей (или булавок), были сделаны из двойных кольчатых звеньев. Звенья таких цепочек чрезвычайно подвижны. Такой тип цепочек был одним из наиболее популярным украшений у всех народов Балтийского региона. Аналогии подобным цепочкам известны, в частности, по материалам могильника Залахтовье (Хвощинская, 2004. Табл. LXVII).

Булавки. 2 экземпляра (рис. 4, 9, 13). Сохранность: 1 целая, 1 деформированная с утратами.

Булавка одежная парная, посоховидная с кольцом для цепочки (рис. 4, 13). Булавка железная, 14,7 см в длину. Относится к вещам, встречаемым в мужских погребениях среди мелкого инвентаря, который подвешивался к поясу. Сама форма булавки в виде пастушеского посоха на территории Восточной Европы восходит к изделиям эпохи бронзового века. В. В. Седов считал, что территория распространения этих булавок связана с ареалом балтской гидронимии, поэтому они являются элементом восточнобалтийской культуры. В начале I тыс. н. э. за пределами балтских территорий посоховидные булавки

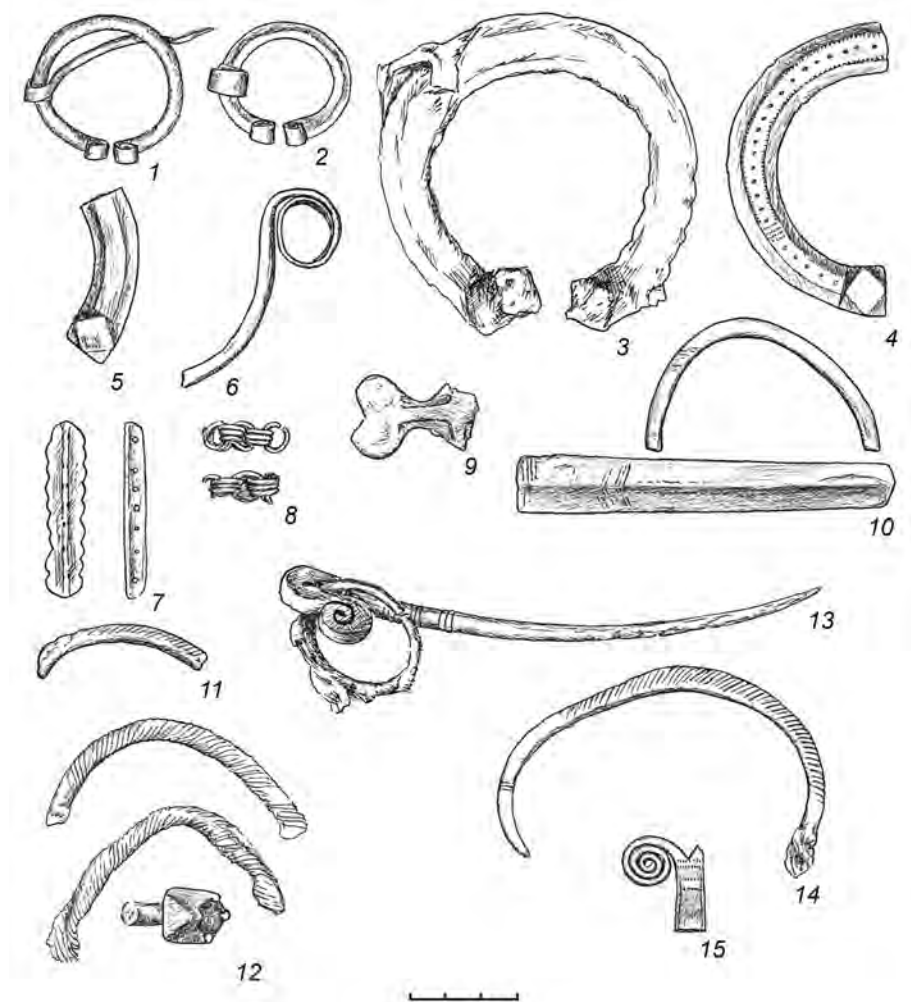

Рис. 5. Находки с территории могильника: украшения

были популярны у древних эстов. Как у балтов, так и у эстов, они использовались в качестве застежек одежды. Прямые аналогии посоховидным булавам на территории Псковской области мы находим в вещевых комплексах могильника Залахтовье (Хвоцинская, 2004. С. 102–103. Табл. IX, XIV, LXXVII). По мнению Н. В. Хвоцинской, посоховидные булавы из Залахтовья функционально никак не связаны с использованием булавок в качестве застежек одежды. Они использовались в качестве проколки, кочедыка, на что указывает их несколько изогнутая форма. По функциям и расположению в погребениях булавы сравнимы с железными иглами с кольцом X–XI вв. В свою очередь, железные иглы Л. А. Голубева на первоначальном этапе их распространения связывала с дружинной культурой (Голубева, 1971. С. 114–126). Посоховидная

булавка могла использоваться и в качестве такелажного инструмента типа «свайки», служившего для пробивки, разъединения, распутывания прядей троса, веревки.

Вторая булавка представляет собой фрагмент головки, предположительно, от одежной крестовидной булавки (рис. 4, 9).

Браслеты. 3 экземпляра (рис. 4, 10, 11, 14). Сохранность: 2 фрагментированные, 1 деформированный с утратами.

1 браслет – дровотый, массивный, треугольный в сечении, бронзовый, сохранившийся в размерах 6,5×1, 5 см (рис. 4, 10).

2 ложновитых бронзовых браслета, сохранившиеся в размере 9 и 4, 5 см соответственно. Концы браслетов не сохранились, что затрудняет их более точную атрибуцию.

Гривна шейная. 1 экземпляр (рис. 4, 12). Сохранность: из 3-х фрагментов. Два фрагмента – детали бронзового крученого дрота, один фрагмент – многогранный конец «пуговка», который, предположительно, завершал конец данной гривны. Типологически шейная гривна относится к крученым тордированным гривнам. М. В. Фехнер считала, что «крученые гривны северо-восточной и северо-западной Руси являлись предметом импорта из Финляндии и Прибалтики» (Фехнер, 1959. С. 59).

Перстни. 1 экземпляр (рис. 4, 15). Сохранность: фрагмент с волютообразным завершением. Второй симметричный конец обломан. По краю пластинчатой части перстень украшен пунктирным орнаментом в 4 ряда. Сама форма перстней восходит к украшениям периода латена. Подобные перстни встречаются в погребениях пеньковской культуры. В Прибалтике они фиксируются в памятниках первой половины I тыс. н.э. В эпоху средневековья этот тип украшений известен у финно-угорских и балтских народов. Наибольшее распространение перстни с волютами получили в древностях эстов XI–XII вв. (Хвоцинская, 2004. С. 90).

* * *

Общая датировка памятника по вещевому комплексу определяется достаточно широко – X–XIII вв. Обращает на себя внимание значительное количество находок, хронологические рамки бытования которых укладываются в X–XI вв. Помимо широко распространенных типов вещей, характерных для территории Древней Руси, значительное количество находок имеет прибалтийско-финский облик.

Несколько слов о том, какое место занимает грунтовый могильник у д. Селище на археологической карте микрорегиона, расположенного по обоим берегам р. Каменки, центром которого, безусловно, являются городище и погост Камно (рис. 6).

Всего в округе погоста Камно зафиксировано 45 археологических объектов: 3 городища, 7 курганных групп, 3 одиночных кургана, 3 жальничных могильника, 25 селищ, 2 культовых камня, 1 каменный крест, 1 клад. Памятники археологии, известные в районе погоста Камно, относятся к разному

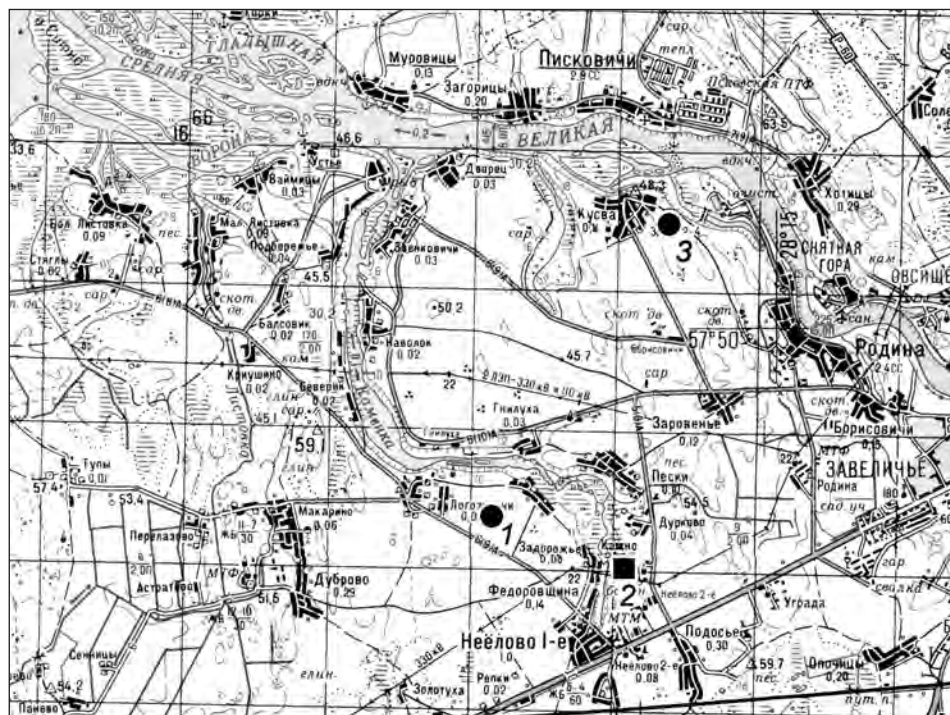

Рис. 6. Памятники XI–XIII вв. в бассейне р. Каменки
1 – Селище; 2 – городище Камно; 3 – селище Куева

времени – от второй половины I тыс. н. э. до Нового времени. Наибольшее число известных памятников принадлежит позднему Средневековью – времени расцвета сельской округи, центром которой и являлся погост Камно. В целом расположенные в округе Камно памятники распределяются по трем хронологическим периодам: первый – вторая половина I тыс. н. э.; второй – XII–XIII вв; третий – XIV–XVIII вв. (Белецкий и др., 1985. С. 91).

К первому хронологическому периоду относится 15 памятников, среди которых само Каменское городище, два культовых камня у д. Куева, клад восточного серебра у д. Булаево, курганные группы, включающие в свой состав длинные курганы (Северик, Малая Листовка, Рябиниха (Гнилуха), группы сопок у д. Дворец, Щиглицы, курганные группы, состоящие из полусферических курганов (Куева, Логозовичи), одиночная сопка у д. Романово, одиночные курганы (Пески, Куева), селище Романово 2.

Археологические памятники второго хронологического периода единичны. Кроме городища Камно, на площадке которого (а также на территории посада) встречаются находки XII–XIII в., к этой группе относится совсем небольшое селище, расположенное к юго-востоку от д. Куева. Как отмечал С. В. Белецкий, памятники древнерусского времени в нижнем течении р. Великой единичны, а материалы XI в. вообще отсутствуют (Белецкий и др., 1985. С. 91).

Наибольшее число археологических памятников в микрорегионе Камно относится к третьему хронологическому этапу – XIV–XVIII вв. К этому времени относится 27 объектов, большинство из которых – селища (23), а кроме того, три жальничных могильника (Малая Листовка, Щиглицы, Горушка (Звенковичи) и каменный крест в д. Наволок.

По мнению К. М. Плоткина, в течение X–XI вв. в округе Пскова распространяются могильники, состоящие из полусферических насыпей, которые в подавляющем большинстве содержат погребения по обряду трупосожжения на месте (могильники третьего типа по Плоткину) (Плоткин, 1989. С. 177–179). Помимо невысоких курганов с кремациями, в течение XI в. в окрестностях Пскова (в нижнем течении Великой, на восточном побережье Псковского озера) появляются наиболее ранние жальничные могильники, которые нередко соседствуют с курганами, содержащими кремации (Плоткин, 1989. С. 179; Спицын, 1897. С. 253). Одновременно с подкурганными кремациями и жальниками появляются грунтовые могильники с ингумациями. Это известные, благодаря случайным находкам или грабительским раскопкам, могильники у Чирского погоста, у д. Корзули, на территории земской больницы на Завеличье в Пскове. Значительная часть находок, происходящих из указанных могильников, находит аналогии в латгальских могильниках Восточной Латвии (Плоткин, 1989. С. 180).

Грунтовые могильники с кремациями в округе Пскова неизвестны. Единственным исключением является могильник у д. Паничьи Горки (напротив погоста Выбуты), который был исследован в 1912 г. В. Н. Крейтоном. В ходе раскопок было открыто разрушенное погребение в виде кострища, окруженного плитняковой оградкой, сопровождаемое находками фрагментов гончарного сосуда с линейно-волнистым орнаментом. По соседству с кремацией были раскопаны жальничные погребения, которые по составу погребального инвентаря могут быть датированы XI–XII вв. Могильник у д. Паничьи Горки традиционно рассматривается в литературе как пример раннего перехода от курганов с трупосожжениями на месте к жальничным погребениям (Крейтон, 1913. С. 15–19; Плоткин, 1989. С. 179).

Выявление аналогий грунтовому могильнику у д. Селище заставляет территориально расширить круг поисков. На берегу Теплого залива Чудского озера, у д. Залахтовье находится крупнейший в Причудье средневековый могильник, результаты изучения которого были опубликованы Н. В. Хвоцинской. Среди погребальных сооружений XI в. в могильнике, помимо деревоземляных сооружений с погребениями по обряду сожжения и грунтовых трупоположений, выделяются грунтовые трупосожжения. Всего в ходе раскопок Н. В. Хвоцинской было изучено 15 грунтовых кремаций. По набору вещей, а также по зафиксированному обычаю порчи оружия, орудий труда, украшений, залахтовские кремации XI в. чрезвычайно близки к могильнику у д. Селище (Хвоцинская, 2004. С. 27–38).

Два могильника, содержащие грунтовые кремации XI в., очень близкие материалам из Залахтовья и Селища, известны на Ижорском плато. Это могильник Ратчино-I у д. Ополе, разрушенный грабительскими раскопками и изучавшийся И. В. Стасюком в 2009 г. (Стасюк, 2008; 2011a).

Могильники с грунтовыми трупопожжениями, имеющие в своем составе сходный погребальный инвентарь, известны в Северном Причудье и Принаровье (Ййуга, Кюнингакюла, Криуши, Скарятин, Ольгин крест), а также на западном берегу Чудского озера (Раатвере) (Ligi, 1993. S. 153–175; Tvaari, 2012. S. 264–269) (рис. 7).

Таким образом, могильники, аналогичные грунтовому могильнику с кремациями у д. Селище, расположены по берегам Псковско-Чудского водоема, а также известны на Ижорском плато. Примечательно, что во всех случаях эти памятники, являясь по сути единым кругом древностей, остаются нехарактерными, нетипичными, сильно отличающимися на фоне синхронных им и территориально близких погребальных объектов. Возникает вполне закономерный вопрос: кому принадлежат, с кем связаны эти грунтовые кремации?

И. В. Стасюк, рассматривая вопрос о заселении Ижорского плато, считая возможным соотнести грунтовые кремации XI в. с летописной «чудцой» — некоей восточной группой эстов, населявших Северо-Восточное Причудье и западные склоны Ижорского плато. Еще одним подтверждением этой версии, по мнению И. В. Стасюка, является расположение могильников, обнаруженных на Ижорском плато, в пределах Опольского и Ратчинского погостов «в чуди», сохранявших это дополнение к своему названию еще в XVI в. (Стасюк, 2011б. С. 229–230).

19 апреля 2012 г. на 58-м заседании семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» прозвучал доклад Ю. М. Лесмана, который сам автор назвал «Залахтове: кто и зачем?». Текст доклада не был опубликован, но по счастливой случайности сохранилась аудиозапись выступления. Юрий Михайлович, анализируя встречаемость отдельных категорий находок в могильниках XI в., выдвинул гипотезу, по которой Залахтовский могильник, а также уже упомянутые могильники Северного и Западного Причудья и Ижорского плато связаны с одной из наиболее загадочных групп населения Древней Руси, упомянутой в «Русской правде» — колбьягами (Лесман, 2012).

Присоединяясь к точке зрения Ю. М. Лесмана, хотелось бы, помимо отдельных типов вещей, выделить характерные особенности таких грунтовых могильников конца X–XI в.:

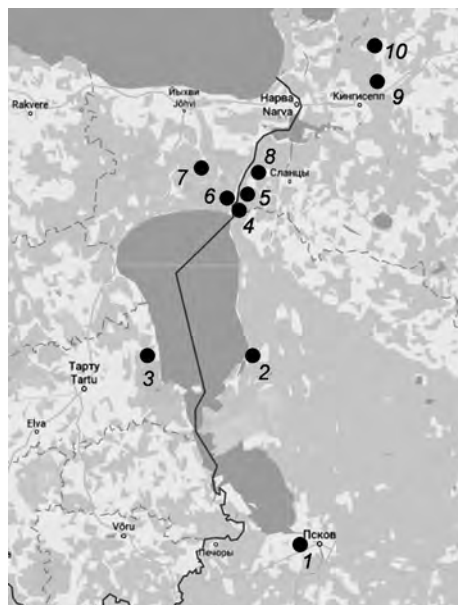

Рис. 7. Грунтовые могильники с кремациями XI в. в районе Псковско-Чудского озера и на прилегающей территории

1 – Селище; 2 – Залахтове; 3 – Раатвере; 4 – Скарятин; 5 – Ольгин крест; 6 – Кюнингакюла; 7 – Ййуга; 8 – Криуши; 9 – Ополье; 10 – Ратчино

- грунтовые кремации, которые сменяются грунтовыми ингумациями;
- нехарактерный для окружающих синхронных могильников набор погребального инвентаря;
- могильники оставлены богатым, хорошо вооруженным неславянским (прибалтийско-финским) населением;
- обычай порчи оружия, орудий труда, украшений, керамики;
- могильники тяготеют к стратегически значимым водным или сухопутным коммуникациям (как вариант – к административным центрам – погостам);
- топографически тяготеют к участкам на суглинистых почвах со слабо выраженным рельефом (если только не возникают рядом с ранее существовавшим могильником).

Грунтовый могильник у д. Селище, открытый «благодаря» грабительским раскопкам, относится к типу погребальных древностей XI в., доселе неизвестному в округе Пскова, – грунтовым кремациям. Начало функционирования некрополя было положено хорошо вооруженной группой прибалтийско-финского населения, осуществлявшей функции контроля над стратегически значимыми коммуникациями (или приграничной территорией) – колбьягами «Русской правды».

Литература

- Артемов А. Р., 1998. Скрамасакс из псковского некрополя X – нач. XI вв. // АВ. № 5. СПб.
- Белецкий С. В., Лесман Ю. М., Станюкович А. К., Фролов В. П., Шишкин К. В., 1985. Сельское расселение на северо-западе Восточной Европы (возможности комплексного изучения) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.
- Виццане А., 2011. Плетки в археологическом материале Латвии // АИППЗ: Материалы 57-го заседания.
- Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Голубева Л. А., 1971. Назначение железных игл с кольцами // СА. № 4.
- Голубева Л. А., Варенов А. Б., 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятками // РА. № 4.
- Деуреченский О. В., 2007. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1.
- Кирпичников А. Н., 1966а. Древнерусское оружие: Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л. (САИ. Вып. Е1–36).
- Кирпичников А. Н., 1966б. Древнерусское оружие: Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л. (САИ. Вып. Е1–36).
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65.
- Колчин Б. А., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М.
- Крейтон В. Н., 1913. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1912 г. // Труды ПАО. Вып. 9.
- Лесман Ю. М., 2012. Залахтовые: кто и зачем? Аудиозапись выступления на 58-м заседании семинара АИППЗ. 19 апреля // Архив ГБУК ПО АЦПО.

- Мальм В. А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Труды ГИМ, № 43. М.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.
- Минасян Р. С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы периода раннего средневековья // АСГЭ. Вып. 21. Л.
- Плоткин К. М., 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.
- Спицын А. А., 1897. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки РАО. Т. IX. Вып. 1–2.
- Стасюк И. В., 2008. Могильник у поселка Ополье: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху (предварительное сообщение) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья. СПб.
- Стасюк И. В., 2011а. Раскопки могильника Ратчино-I на Ижорском плато в 2009 г. // АИППЗ: Материалы 56-го заседания.
- Стасюк И. В., 2011б. Заселение Ижорского плато в I – начале II тыс. н.э. // АИППЗ: Материалы 57-го заседания.
- Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Труды ГИМ, 33. М.
- Хвощинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовы). СПб.
- Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А., 1985. Земледелие и промыслы // Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. М.
- Ligi P., 1993. Vadjaparsed kalmed Kirde – Eestis (9.–16. sajand) // Vadjaparsed kalmed Eestis 9.–16. sajandil. Muinasaja teadus 2. Tallinn.
- Tvaari A., 2012. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Tartu.

А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник

Каменные кресты с расширяющимися лопастями

A. L. Potravnov, T. Yu. Khmelnyk. Stone Crosses with Expanding Blades

Abstract. The article discusses distribution features of stone crosses with expanding blades both in the North-West Russia and bordering countries – Germany, Norway, Sweden, Estonia. Locations of the extant stone crosses are presented, brief descriptions are given and issues of dating are discussed.

Ключевые слова: каменный крест, расширяющиеся лопасти, Псковская земля.

Keywords: stone cross, expanding blades, Pskov land.

Форма креста с расширяющимися лопастями известна с первых веков развития христианства – изображения таких крестов встречаются практически на всей территории христианского Востока в IV–VII вв. (*Гнутова, 2006. С. 121–126*). В дальнейшем, по мере развития христианства в других странах, форма крестов с расширяющимися лопастями стала встречаться и в других регионах. Например, на рунических камнях Швеции кресты такой формы стали встречаться в XI–XII вв. Крест подобной формы даже стал одним из символом некоторых рыцарских орденов – тамплиеров, меченосцев.

Кроме того, эта особенность формы (расширяющиеся лопасти) использовалась при отливке нательных крестов в XI–XV вв., в изображении крестов на некоторых Борисовых камнях, а также при изготовлении монументальных каменных крестов, которые и являются предметом нашего исследования.

На каменные кресты с расширяющимися лопастями обращает внимание и А. А. Спицын: «Особое место среди жальничных крестов занимают кресты с очень расширенными прямыми концами, древне-византийской формы. Кресты эти попадаются только на жальниках пограничной полосы, гдовских и изборских, и, без сомнения, заимствованы из Эстляндии, где они встречаются, кажется, лишь в позднее время» (*Спицын, 1903. С. 226*). И. А. Шляпкин, который в своей работе уделил большое внимание форме лопастей каменных крестов, выделил кресты с расширяющимися лопастями в отдельный тип – № 3 (*Шляпкин, 1906. С. 27*).

В. В. Седов в своей статье «Изборские каменные кресты» предложил дополнить типологию И. А. Шляпкина еще одним типом каменных крестов – «изборским» (Седов, 1976. С. 103). В данной статье мы предлагаем следующие шаги в изучении каменных крестов с расширяющимися лопастями.

Под каменным крестом с расширяющимися лопастями мы понимаем объемный крест, изготовленный из цельного куска природного камня, в котором все лопасти (или хотя бы одна – верхняя) имеют расширяющееся окончание.

По состоянию на апрель 2015 г. на территории Северо-Запада России нами идентифицировано 206 каменных крестов, попадающих под данное определение.

Эти кресты мы разделяем на три вида:

- с тремя расширяющимися верхними лопастями (50 крестов);
- псковский, с различными вариантами расширения лопастей (144);
- с одной расширяющейся верхней лопастью (12).

География каменных крестов с расширяющимися лопастями на территории северо-запада

Особенности географического распределения данного типа каменных крестов достаточно красноречивы – это территории, тяготеющие к Псковской земле, на что еще в начале XX в. обратил внимание А. А. Спицын (рис. 1).

При этом можно выделить несколько ареалов распространения крестов этого типа. Главный, с высокой плотностью размещения каменных крестов, с севера ограничен Псковом, с запада – г. Печоры, с юга – д. Сухлово (Палкинский р-н) и с востока – д. Усадище (Псковский р-н). Второй ареал распространения: с севера ограничен юго-западной частью Ижорской возвышенности Ленинградской области, с юга – Гдовом, с востока – Доложским погостом (ныне Сланцевский р-н). Третий ареал распространения – от города Остров до границы Опочецкого района на юге и востоке, с запада ареал граничит с Латвией. Некоторые кресты находятся очень близко к латвийской границе, но на территории Латвии крестов такого типа зафиксировано не было.

Кресты этого типа на новгородской земле встречаются в единичных случаях, да и то вблизи границы с псковской территорией. Из удаленных крестов этого типа мы встретили только один образец – на территории современной Вологодской области в урочище Избоищи.

Каменные кресты с равномерно расширяющимися тремя верхними лопастями

К этому виду каменных крестов (рис. 2, а), которые мы предварительно датировем в диапазоне XV–XVIII вв., мы смогли отнести 50 экземпляров. Характерным образцом данного вида является так называемый «Труворов» крест. Большая часть крестов этого вида изготовлена из местного известняка, однако иногда встречаются единичные образцы из других материалов – сланец, песчаник.

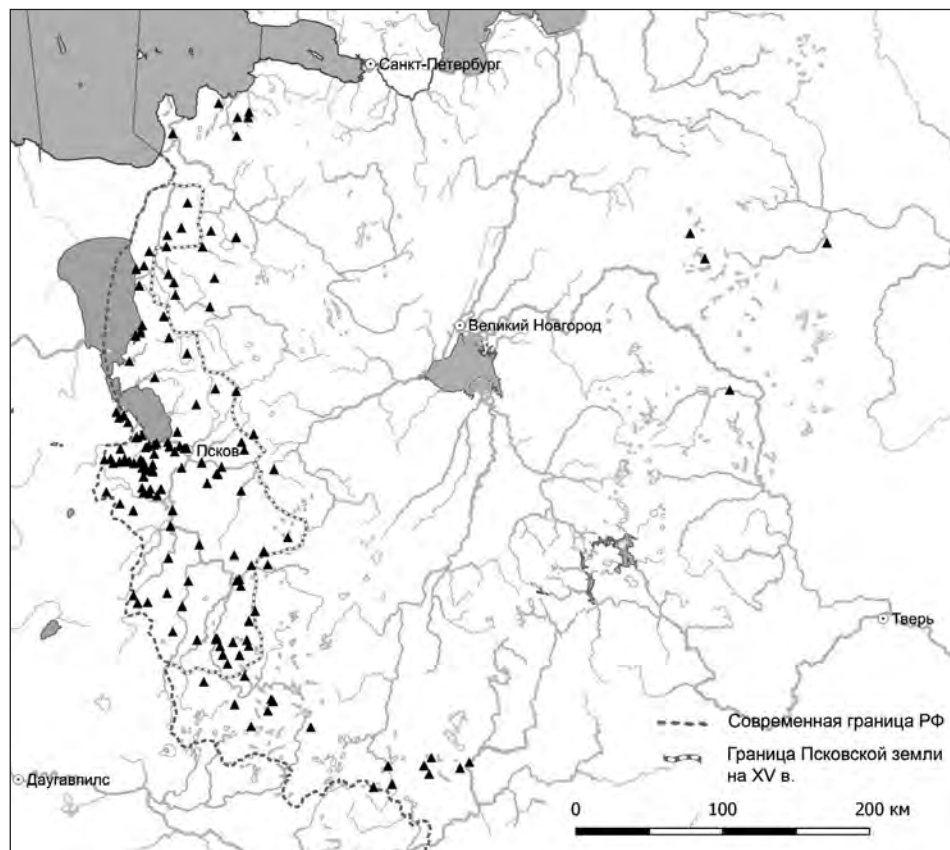

Рис. 1. Карта распространения крестов с расширяющимися лопастями на северо-западе России

Среди крестов этого вида встречаются некоторые модификации – с различной пропорцией расширения лопастей или отличиями в их окончаниях (закругленные, под углом). Возможно, что эти различия были связаны с некоторыми местными особенностями. Все лопасти каменного креста такого вида расширяются к краям. Характерен ровный и линейный срез всех лопастей, хотя в некоторых случаях срез верхней лопасти может быть слегка закруглен.

На крестах этого вида присутствует надпись ЦРЪ СЛ IC ХС НИКА и семиконечный крест с голгофой. Возможно наличие и орудий страстей Господних. На крестах, выполненных из другого материала (сланец, белый песчаник), начертания изображений и надписей могут отличаться. Надписи, которые отличаются от стандартной сакральной формулы, на крестах данного вида встречаются редко. К примеру, на кресте, находившемся на жальнике в д. Дедино, а теперь перемещенном к церкви в с. Спицыно, помимо изображения семиконечного креста на одноступенчатой голгофе и формулы ЦРЪ СЛА IC ХЪ, есть плохо читаемая надпись: ПОСТАВЛЕН З МОК...

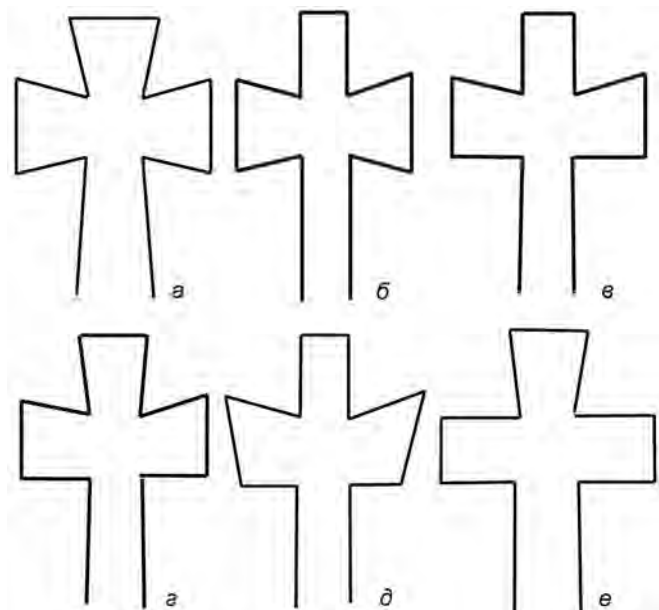

Рис 2. Виды каменных крестов с расширяющимися лопастями:

а – кресты с тремя расширяющимися лопастями; б, в, г, д – кресты «псковского» вида, с различными вариантами расширения лопастей; е – кресты с одной (верхней) расширяющейся лопастью

Весьма наглядно отличие каменных крестов этого вида, обнаруженных на периферии псковских земель, от расположенных в центральной части (около Пскова и Изборска). Это заметно на примере каменных крестов в окрестностях Гдова (северные границы) и Опочки (южные границы).

Каменные кресты «псковского» вида

Главное отличие крестов этого вида от предыдущего (с тремя расширяющимися лопастями) заключается в том, что у них либо верхняя лопасть, либо нижняя линия боковых лопастей не расширяется.

Кресты данного вида можно условно разделить на четыре подвида, в зависимости от варианта расширяемых лопастей.

Первый подвид (рис. 2, б). Равноширокая верхняя лопасть креста, при том что боковые лопасти расширяются к краям. Ровный и линейный срез боковых лопастей «параллельны» друг другу. Нами идентифицировано 23 креста такого подвида.

Второй подвид (рис. 2, в). Равноширокая верхняя лопасть креста, а боковые лопасти креста расширяются только по верхней линии лопасти, в то время как нижняя линия лопасти находится под прямым углом к «ноге» креста. Ровный и линейный срез боковых лопастей «параллельны» друг другу. Нами идентифицировано 23 креста такого подвида.

Третий подвид (рис. 2, *з*). Его отличие от второго в том, что верхняя (центральная) лопасть расширяется. Нами идентифицировано 19 крестов такого подвида.

Четвертый подвид (Изборский) (рис. 2, *д*). Главное отличие от второго подвида – длина нижней части лопасти меньше верхней за счет среза края лопасти под углом. Нами идентифицировано 79 крестов такого подвида.

Основной материал, из которого изготовлены кресты этого вида, – известняк из каменоломен близ Изборска. Однако встречаются образцы из сланца, песчаника и даже из известняка других местностей, что заставляет предположить, что такая форма каменного креста была популярной на Псковской земле.

Возможно, что некоторые отличия указанных четырех подвигов были связаны с длительными традициями мастерских, в которых изготавливались каменные кресты. При анализе распространения крестов данных подвигов по территории Псковской земли каких-либо явных особенностей замечено не было. Возможно, что форма этих подвигов имеет зависимость по времени изготовления, но из-за отсутствия надежных способов датировать конкретные экземпляры выявить такую зависимость пока также не удалось.

Важно отметить, что несмотря на различия в линиях, формирующих лопасти, при этом сохранялись общие характерные черты этого вида: наличие расширения лопастей с линейным срезом, семиконечный крест в средокрестии, часто с изображением орудий страстей Господних, а также сакральная формула ЦРЬ СЛ ІС ХСЪ НИКА, с небольшими вариациями – вместо ІС писали ІСЪ, вместо ХСЪ иногда писали ХЪ, а вместо привычного нам Ц практически повсеместно изображена буква Ч (рис. 3, *з*).

Еще одна особенность этого типа заключается в географии распространения: практически все эти кресты зафиксированы в границах Псковской земли XV–XVI вв. На территориях районов Псковской области, которые ранее входили в состав Новгородских земель и Речи Посполитой, крестов этого вида нами не зафиксировано.

Каменные кресты с одной (верхней) расширяющейся лопастью

Образцы этого вида (рис. 2, *е*) зафиксированы на границах территории распространения крестов с расширяющимися лопастями, в основном на сопредельных с историческими псковскими землями территориях: Сланцевский и Кингисеппский районы Ленинградской области (бывшие новгородские земли), Себежский район (входивший в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой), а также Новоржевский район (бывшая Пусторжевская земля) Псковской области.

Все кресты этого вида выполнены из характерного для этой местности материала (гнейс, сланец). Малое количество крестов этого вида и отсутствие следов мелкосерийного производства позволяет предположить, что эти кресты изготавливались мастерами-одиночками в единичных случаях.

Датировка каменных крестов данного типа

Для датировки крестов этого типа мы можем спользовать надписи на них, данные археологических раскопок, упоминания в летописных источниках и сравнение с датированными крестами соседних территорий.

Самым старым датированным крестом на Псковской земле долгое время считали «крест Степана» от 1492 г. (Седов, 1976. С. 103). По устоявшемуся мнению, эта надпись читается следующим образом: «Лета 3 (7000) миром поставлен крест на рабе божии на Степане». Вероятно, основанием прочтения В. В. Седову послужил фотоснимок (рис. 3, а), на котором подчеркнутые неровности камня позволили увидеть буквы МІРО.

Но после внимательного изучения и анализа надписи выяснилось, что дата в этой трактовке неверна. Этот вывод сделан на интерпретации четырех символов 3 М Г О. Первый символ с титлом, который похож на 3, обозначает число 7, и хотя знак тысяч отсутствует, особенность изображения этой буквы говорит в пользу трактовки обозначения числа 7000. На прорисовке надписи и на новых фотографиях видно, что буквы «І» здесь нет, а вместо «Р» уверенно читается «Г» (рис. 3, б). Поэтому с наибольшей вероятностью буква М – это обозначение числа 40, а буквы ГО указывают на окончание числительного – «сороковоГО».

В результате дата на «кресте Степана» с высокой степенью достоверности читается так: «Лета 3М го (7040-го, то есть 1532) поставлен крест на рабе божии на Степане». Именно такую интерпретацию даты в частной переписки определил А. А. Гиппиус, откорректировав наше первоначальное предположение о прочтении даты как «Лета РМ го (140-го, то есть 1632)...».

Другой датированный крест, расположенный недалеко от «креста Степана», находится в часовне Фрола и Лавра в Малах. Надпись на кресте читается как: «Еуфимка мастер лета 3МДГО (7144-го) постраивал» (рис. 3, в) (Артемьев, 1988. Табл. 54). 7144 соответствует 1636 году. Для скептиков обращаем внимание на то, что пресловутое МГО видно и здесь, только в этот ряд вклинилась еще одна буква – Д. Теперь представить МДГО словом МИРОМ уже никак не получится.

Кроме этих крестов, известны и два гранитных блока с надписями об установке крестов в 1509 и 1513 гг. В настоящее время эти постаменты с установленными в них каменными крестами находятся в Пушкинских Горах (один на Савкиной горке, другой – на Поклонной). Однако у нас нет уверенности, что установленные в эти гранитные постаменты кресты являются аутентичными. Более того, надписи на этих постаментах указывают, что камни служили основаниями под некие кресты, и, по нашему мнению, нельзя исключать установки в них поклонных деревянных крестов, а не каменных.

О других достоверно датированных надписях на каменных крестах данного типа нам неизвестно.

Археологические раскопки также не могут помочь, поскольку кресты установлены на могильниках, в которых захоронения датируются широким диапазоном.

В письменных источниках встречается упоминание об установке в 1657 г. каменного креста в память о погибших воинах под Изборском.

Таким образом, имеется достоверно подтверждаемый диапазон установки каменных крестов в Псковской земле в XVI–XVII вв. В то же время,

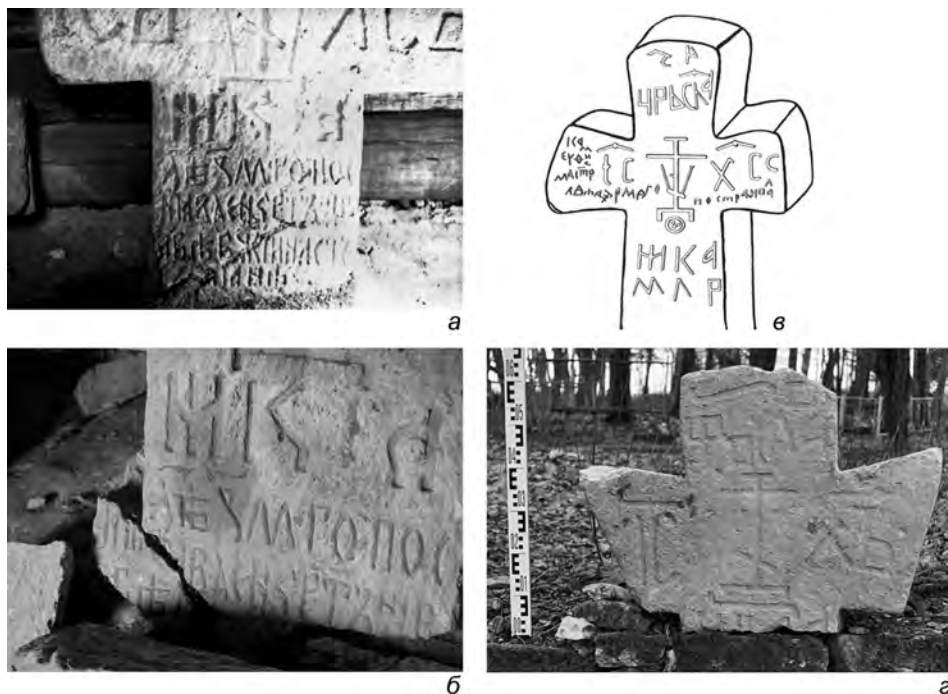

Рис. 3. Датированные каменные кресты:

а – фотография «креста Степана» 1975 г.; б – фотография «креста Степана» 2012 г. (фото авторов); в – прорисовка «креста Ефимки»; г – крест в д. Залесье (Печорский р-н). Фото авторов

по нашему мнению, вполне возможно отодвинуть нижнюю границу этого диапазона до конца XIV – первой половины XV в.

Назначение каменных крестов с расширяющимися лопастями

Подавляющее большинство каменных крестов рассматриваемого нами региона РФ было обнаружено на различных захоронениях: жальниках, могильниках, кладбищах и т.д. Это зафиксировано как многочисленными работами археологов XIX–XXI вв., так и нашими собственными изысканиями, что позволяет связать их с функцией маркировки захоронений и дальнейшего поминовения усопшего. На некоторых из них имеется надпись, подтверждающая это назначение: «поставлен крест на рабе божии на Степане», «поставлен на ...». К сожалению, в исторических документах очень редко встречается упоминание каменных крестов, но в этих случаях они используются в основном в качестве заметных ориентиров на местности.

В связи с дефицитом документальных сведений и неоднократными перемещениями каменных крестов исследователями выдвигаются различные предположения об их функциональном назначении. Одно из таких предположений – что

каменные кресты могли использоваться в качестве поклонных придорожных. Например, такую роль отводят даже Труворову кресту, считая, что он поставлен у входа на старое городище в качестве поклонного. В связи с этим предположением интересна работа И. Малышевского (*Малышевский, 2001*) которая написана исходя из опыта юго-западных территорий, и в ней не учитываются особенности новгородских и псковских земель. Работа носит обзорный и, скорее даже, пропагандистский характер, где не только рассматривается текущее восприятие существующих придорожных крестов, но и предлагается борьба с «латинским» влиянием. Тем не менее в ней достаточно четко выделяется прямая зависимость между древними захоронениями и крестами вблизи дорог. «Как бы то ни было, появление вместе с христианством крестов на дорогах, перекрестках, как самых обыкновенных мест погребения умерших, представляется для нас делом естественным, актом положительным» (Там же. С. 48). «Вообще, открытие костей человеческих при раскопках мест вблизи придорожных, полевых крестов дело, сколько мы слышали, частью и сами видели, довольно нередкое. И это обстоятельство свидетельствует, что кресты суть памятники бывших здесь некогда кладбищ или хотя нескольких могил» (Там же. С. 50).

Таким образом, даже в той части православных земель, где в XVIII–XIX вв. существовала достаточно устойчивая традиция установки придорожных крестов, отмечается, что наиболее древние места связаны именно с крестами, маркирующими захоронения.

Впоследствии первоначальная функция могла быть забыта, и население (как коренное, так и перемещенное) стало воспринимать отдельные каменные кресты как самостоятельный христианский символ, несущий в себе изначально определенную смысловую нагрузку, которая, независимо от времени и территории, воспринимается как знак принадлежности к христианству и объект поклонения.

В связи с этим интересно наблюдение Г. Н. Пронина: «Весьма частой находкой на жальниках являются каменные кресты или отдельные плиты и камни, с выбитыми и процарапанными изображениями крестов. Если верить многочисленным свидетельствам местного населения, обычно хорошо осведомленного о местонахождении старых кладбищ, то практически на каждом жальнике имелись каменные кресты. Их отсутствие на могильниках объясняется позднейшими нарушениями» (*Пронин, 1988. С. 19*).

В результате, мы приходим к выводу, что если на определенной территории мы имеем некую группировку каменных крестов, которые обладают тождественными характеристиками (форма, материал, надпись и т. д.), но при этом большая часть из них находится (или достоверно располагалась перед перемещением) на могильниках и захоронениях, а некоторые были обнаружены в XIX–XXI вв. в других местах, то у нас есть все основания считать, что и эти перемещенные кресты также изначально предназначались для поминовения и служили маркером захоронений.

В связи с этим у нас нет никаких оснований приписывать расположенным в четко локализованном регионе и тождественным по всем своим характеристикам монументальным каменным крестам различное функциональное назначение.

Каменные кресты с расширяющимися лопастями в соседних странах

На территории соседних стран известны каменные кресты с расширяющимися лопастями в Норвегии (XI в.) – могильник Тјога (рис. 4, а), практически на всей территории Германии (XIV–XVIII вв.) (рис. 4, б), на территории Чехии и западной Польши (XV–XVIII вв.), современной Белоруссии (XVI–XIX вв.), Эстонии (XVI–XVII вв.). В материковой Швеции каменные кресты с расширяющимися лопастями стали широко известны начиная с первой половины XVII в., а на островах Готланд и Эланд – начиная с XIV в.

Среди этого множества европейских крестов можно найти некоторые образцы, которые имеют сходство с видом, названным нами «с тремя расширяющимися верхними лопастями». На территории бывшей Священной Римской Империи (современной Австрии, Германии, Польши) среди более чем 4500 каменных крестов также можно найти несколько крестов, напоминающих кресты этого вида.

На ближайших к Псковской земле территориях Эстонии традиция постановки каменных крестов фиксируется с середины XVI в., и в этом случае возможно проследить связи с другой территорией Балтийского региона – Померанией. В качестве наглядного примера можно привести два креста – один установлен в Таллине (рис. 5, а) на улице Марты и датируется 1560 г., другой – в польском городке Stargard Szczecinski, бывший ганзейский немецкий Stargard in Pommern (Старгард в Померании) (рис. 5, б). Мы видим идентичные формы лопастей, схожий материал – известняк, размер и похожие изображения на крестах – распятие, текст на немецком. Все эти особенности позволяют нам сделать вывод, что эти кресты, вероятнее всего, были изготовлены в одно время в одной мастерской, вероятнее всего, вблизи Таллина, по заказу немецких горожан. Для более точного выяснения местонахождения этой мастерской необходимо провести анализ известняка.

Другой пример – это крест, поставленный в местечке Kõrkküla на месте смерти русского Василия Росладина, служившего у шведов (рис. 5, в). На кресте есть надпись по-русски и по-немецки с указанием даты смерти – 4 февраля 1590 г. В данном случае мы видим преобразование формы расширяющихся лопастей в новый вид, который и стал использоваться на территории северной части Эстонии в более позднее время.

Кстати, на некоторых шведских крестах XVII в. (рис. 4, в) имеются особенности, которые мы ранее отмечали при сравнении крестов XIV–XV вв. Готланда и Померании, что, вероятнее всего, говорит о заимствовании этих форм. Вполне возможно, что такое сходство крестов в Балтийском регионе в период XV–XVI вв. было связано с Ганзейским торговым союзом.

Существуют в Эстонии и два креста, которые обладают большим сходством с псковскими образцами, нежели с немецкими. Это один крест в городе Отепя (рис. 4, г) и один – в местечке Maarja-Magdalena. Встречаются единичные экземпляры похожих крестов и на территории современной Белоруссии.

В результате обобщения данных по распространению каменных крестов в соседних странах необходимо, кроме вышеизложенного, обратить внимание на следующие важные факторы.

а

б

в

г

Рис. 4. Кресты в европейских странах:

а – Tjora (Норвегия); б – Friedersdorf (Германия); в – Eskilsäter (Швеция);
г – Отерпää (Эстония). Фото авторов

1. В тех районах Норвегии, где были зафиксированы кресты с расширяющимися лопастями, эта традиция угасла уже в XII в.

2. Каменные кресты отсутствуют на территориях восточнее Силезии (центральная Польша, территории Тевтонского ордена).

Рис. 5. Кресты Эстонии:
а – Таллин; б – Stargard Szczecinski; в – Kõrkküla. Фото авторов

3. Аргументировано датированные каменные кресты встречаются на восточных границах Ливонского ордена и Великого княжества Литовского только с XVI в.

4. Прослеживается заимствование характерных черт в формах креста при миграции (импорте) традиции использования каменных крестов с одной территории на другую.

Таким образом, у нас нет оснований считать, что форма каменных крестов с расширяющимися лопастями на Псковской земле была заимствована из Эстляндии, как считал А. А. Спицын, или иных «западных» стран. Более того, вполне возможно, что каменные кресты на территории Великого княжества Литовского и впоследствии Речи Посполитой, а также южной части Эстонии появились под влиянием восточного соседства – псковских и новгородских земель.

Литература

- Артемов А. Р., 1998. Города Псковской земли в XIII–XV вв. // Владивосток.
- Гнутова С. В., 2006. «Константинов крест» – древнейший памятник раннехристианского искусства на территории России // Родное и вселенское: К 60-летию Н. Н. Лисового. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, С. 120–139.
- Мальшевский И., 2001. О придорожных крестах // Ставрографический сборник. Кн. первая. М. С. 17–77; напечатано с издания: Киев, 1865.
- Пронин Г. Н., 1988. Об этнической принадлежности жальников // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М. С. 12–71.
- Седов В. В., 1976. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь (Сб. статей памяти Н. Н. Воронина). М. С. 102–107.
- Спицын А. А., 1903. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА РАО. Т. 5. Вып. первый. СПб. С. 203–234.
- Шляпкин И. А., 1906. Древние русские кресты. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб.

Н. Н. Фараджеева, О. А. Тарабардина, П. Г. Гайдуков

Мостовые Людина конца средневекового Новгорода. Черницына улица¹

N. N. Faradzheva, O. A. Tarabardina, P. G. Gaidukov. Wood-paved Roads of Ludin End of Medieval Novgorod. Chernitsyna street

Abstract. Chernitsyna street of the Ludin Konetz is the most investigated paved road of medieval Novgorod in scale both of archaeological excavations that were carried out at Troitzky excavations IV–IX in 1976–1994 and dendrochronological studies (1590 samples). This street brings together a substantial group of estates, including estates of political and trading elite of Novgorod.

The report presents the first results of a comprehensive study of the paved roads of Chernitsyna street disclosed at the length of more than 150 m at six different sites. The analysis of the stratigraphy, structural features of paved roads, tier dock and their chronology have enabled identification of synchronous areas of paving and periods of paving change and their correlation with the stages of estate construction.

In the period of 930–1440-ies 32 phases of Chernitsyna street paving can be traced. The street track and general layout of this quarter of Ludin End virtually remain unchanged for five centuries.

Ключевые слова: деревянная мостовая, стратиграфия, дендрохронология, конструктивные особенности, Новгород.

Keywords: wood-paved road, stratigraphy, dendrochronology, structural features, Novgorod.

Широкомасштабные археологические исследования в Новгороде дали ценную информацию относительно структуры и планировки города, в том числе и о средневековых улицах, времени формирования уличной сети, конструкции мостовых, их роли в организации городского пространства. В пределах Троицкого раскопа, заложенного на территории Людина конца, удалось исследовать участки четырех улиц: Пробойной улицы, идущей параллельно берегу реки Волхов, к югу

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Улицы Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа)», поддержанного грантом РГНФ №14-01-00334.

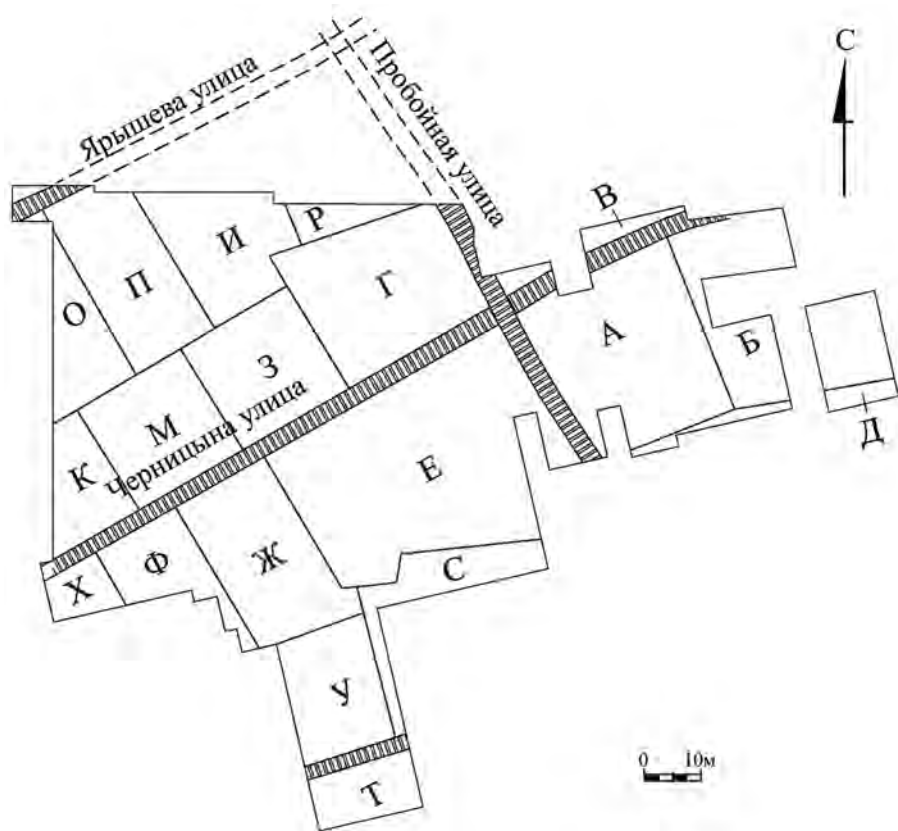

Рис. 1. Схема Трицкого раскопа с обозначением границ усадеб и средневековых улиц

от кремля, и перпендикулярных ей Ярышевой и Черницыной улиц, а также переулка, расположенного в южной части исследованного участка (рис. 1).

Лучше всего изучена Черницына улица: ее мостовые вскрывались последовательно на площади шести раскопов (Троицкий IV–IX) на протяжении 19 полевых сезонов (1976–1994 гг.). Длина изученного отрезка Черницыной улицы составляет более 120 м. В настоящее время ее исследование продолжается на раскопе Троицкий XV. Мостовые Пробойной улицы (протяженностью около 50 м) исследованы на V, VI, XI раскопах, Ярышева улица (12 м) – на небольшом участке раскопа X, мостовая переулка (18 м) – на раскопе XIV.

Черницына улица – это вторая по протяженности мостовая средневекового Новгорода после Великой улицы Неревского конца (последняя исследована на длину 160 м). В источниковедческом отношении эти объекты не вполне однородны: Великая улица, идущая вдоль Волхова, с северной стороны от новгородского кремля, являлась пробойной для Неревского конца: на нее выходили усадьбы двух разных улиц – Холопьев и Козмодемьянской, большая часть которых раскопана частично. Черницына улица относилась к разряду

так называемых поперечных улиц, перпендикулярных по отношению к пробойным. Она вела от берега Волхова на запад, в сторону Варварина монастыря (первое упоминание – 1138 г.), от которого, согласно признанной точке зрения, и получила свое название. Этот урбаноним (вар. Черница) в летописи впервые встречается под 1418 г. (НПЛ, 1950. С. 411), ранее, под 1402 г., упомянуты жители улицы – «черницинци» (Там же. С. 397). Черницына улица объединяла владения единой уличанской общины: вдоль нее расположены 9 из 18 усадеб Троицкого раскопа, 6 из которых изучены фактически полностью.

Комплексное изучение мостовой Черницыной улицы является важной составляющей работы по исследованию стратиграфии и хронологии Троицкого раскопа. Ранее мостовые этого раскопа (Черницына и Пробойная улицы в пределах раскопов IV–VII) уже становились объектом специального исследования, в ходе которого были выявлены важные особенности мощения в Людином конце (*Бассалыго и др.*, 1988. С. 63–66), но, в силу ряда обстоятельств, завершить его не удалось. Хронология мостовых Пробойной и Черницыной улиц рассматривалась отдельно (*Урьева*, 1989. С. 214–227): настилы мостовых составляют основу дендрохронологической шкалы Троицкого раскопа. Черницына улица дала беспрецедентное количество образцов для дендрохронологического исследования – 1606; ее древнейшие мостовые датируются концом 30-х годов X в., а самые поздние – 40-ми годами XV в. (*Урьева*, 1989. С. 214–227; *Урьева, Черных*, 1994. С. 106–114).

В настоящем исследовании ставились следующие задачи:

1. Сведение по полевой документации ярусов мостовых улиц, исследованных на разных раскопах; выявление как стратиграфически синхронных ярусов, так и плохо стыкующихся горизонтов;
2. Выявление конструктивных особенностей мостовых различного времени;
3. Сбор, систематизация и анализ всех данных о датированных образцах/ярусах мостовых с целью выявления достоверных хронологических реперов; дендрохронологическое исследование ранее недатированных ярусов, проверка и корректировка полученных датировок;
4. Выявление на основе данных стратиграфии и дендрохронологии синхронных участков мощения отдельных мостовых.

Для решения поставленных задач были проанализированы планиграфический и стратиграфический контексты, на основе которых выполнялась первоначальная стыковка участков мостовых, выявленных на площади различных раскопов. Параллельно с этим на чертежи ярусов шести раскопов были нанесены имеющиеся датировки и рассмотрена хронологическая последовательность полученных ярусов Черницыной улицы. Затем на основе всей совокупности данных выполнена окончательная стыковка и коррекция сводных ярусов уличного мощения. Стыковка мостовых проводилась в хронологическом порядке, от ранних ярусов к поздним. При этом принимались во внимание сходство конструкций мостовых, исследованных в пределах разных раскопов, их сохранность, планиграфическое соответствие и наличие сходных серийных датировок.

Важную информацию для понимания взаиморасположения ярусов мостовых, раскрытых на разных раскопах, предоставили девять стратиграфических

разрезов (профили раскопов), в которых фиксировалась Черницына улица (раскоп Троицкий IV – западный и восточный борта, раскоп IVД – северный, раскоп VI – западный, раскоп V – западный и восточный, раскоп VII – западный (рис. 2) и восточный, раскоп IX – западный профиль). Ярусы мостовой Черницыной улицы были идентифицированы на чертежах профилей и пронумерованы в соответствии с полевой документацией. Затем профили смежных раскопов сопоставлялись между собой и соотносились с планиграфическими изображениями ярусов. Это позволило разрешить сложности при стыковке разных раскопов, связанные со сбивками реперов как на разных раскопах, так и в пределах каждого из многолетних раскопов на рубеже полевых сезонов. На эту существенную методическую ошибку указывали наши предшественники (*Бассальго и др.*, 1988. С. 65). Они отмечали и другие факторы, затрудняющие исследование мостовых Троицкого раскопа, среди которых выраженное понижение древней дневной поверхности в восточном и южном направлениях, а также неизученный участок мостовой в пространстве между раскопами IV и VI (*Бассальго и др.*, 1988. С. 64–65).²

Западная и центральная часть мостовой Черницыной улицы (в пределах раскопов V–IX) имела выраженный уклон в восточном направлении, в сторону Волхова, составивший на уровне материка около 140 см. Понижение дневной поверхности с запада на восток по линии трассы Черницыной улицы в несколько сглаженном виде сохранилось на протяжении всего рассматриваемого периода. Восточная часть улицы приходилась на относительно ровный участок (раскопы IVД, IV, VI).

Кроме того, при полевой фиксации на раскопах выявлено различное количество ярусов Черницыной улицы. У перекрестка с Пробойной она насчитывает 28 ярусов (раскопы V, VI), западнее, на раскопах VIII и VII – 26 ярусов, на раскопах IV и IX – 27 ярусов. Это объясняется целым рядом обстоятельств: разной сохранностью отдельных участков мостовой, частичной разборкой или ремонтами, а также асинхронностью мощения.

Полотно Черницыной улицы не было единым: оно разрезалось Пробойной улицей, проходящей с севера на юг. Это объясняется порядком возникновения и ролью этих улиц: Черницына относится к «младшим» улицам, возникшим в период сложения данного городского квартала, Пробойная сформировалась на основе более древней сухопутной дороги, соединявшей центр Новгорода с его округой и южными землями (*Сорокин*, 1995. С. 7, 8; *Янин*, 2008. С. 28). Разорванность полотна Черницыной улицы у перекрестка также создавала проблемы при синхронизации западного и восточного участков, исследованных, к тому же, разными раскопами (V и VI).

Черницына улица по своей конструкции принадлежит к разряду «традиционных» новгородских мостовых. Опорным каркасом улицы служили продольные бревенчатые лаги, уложенные в три линии, которые опирались на общие для всех трех лаг бревенчатые подкладки. На лаги укладывался настил мостовой,

² В момент публикации данной статьи оставался неизученным также отрезок мостовой между раскопами V и VII, который был исследован позднее, в 1988–1992 гг., на прирезке к раскопу VIII.

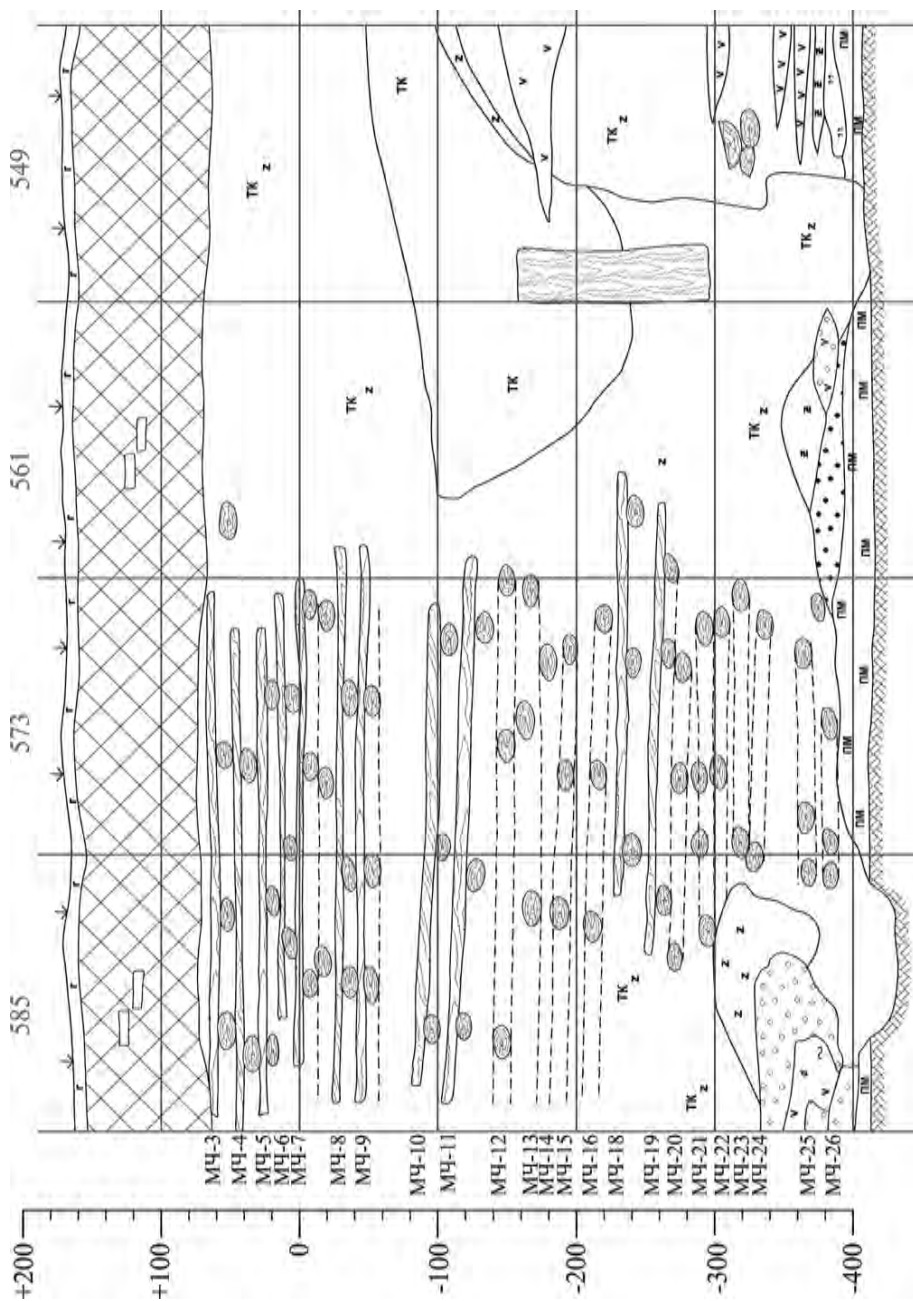

Рис. 2. Разрез Черницыной улицы в западном профиле Троицкого VII раскопа

выполненный из поперечных широких плах, обращенных плоской стороной кверху. Для придания прочности всей конструкции в верхней части подкладок и в нижней части плах в местах их соединения с лагами выполнялась подтезка.

Выявлены отдельные исключения из общего правила: например, некоторые ярусы мостовой, особенно на приближенных к перекрестку участках, имели не три, а только две продольные лаги (древнейший ярус конца 30-х годов X в., отдельные ярусы XIII в. и рубежа XIII–XIV вв.). Укажем также на единичные случаи продольной укладки уличных настилов на отдельных участках: ярус IV-27³ – 30-е гг. X в. (рис. 3); ярус VI-28 – середина X в. и ярус IV-14–1185 г. (в последнем случае продольная вымостка, устроенная после крупного пожара и заполнившая пространство между лагами, могла служить опорной платформой для следующего яруса мостовой).

Мостовая укладывалась звеньями. Протяженность этих звеньев была различной и определялась длиной лаг. В большинстве случаев в качестве лаг использовались бревна длиной в среднем от 7 до 9–9,5 м. Гораздо реже встречаются лаги, протяженностью около 10 м, хотя известны и более длинные лаги 11–12 м, но они единичны.

Исследованы также ярусы, опорная конструкция которых состояла из коротких звеньев, с лагами длиной в среднем от 3 до 5 м. Короткие лаги активно использовались в ярусах X – первой половины XI в., причем, таким способом могла моститься как вся дорога, так и ее отдельные участки. В дальнейшем короткие лаги широко использовались при ремонтах мостовой или в качестве опоры временного мощения (например, после пожаров).

Короткие лаги (длиной от 1,5 до 3,5–4) м применялись также в конструкции связующих звеньев, посредством которых соединялись протяженные звенья мостовой. Особенно распространен этот прием был в раннее время (в X–XI в.), хотя встречается и в дальнейшем (рис. 4).

Для соединения звеньев мостовой применялись различные способы укладки и крепления лаг (рис. 5). Чаще всего лаги укладывались «вперехлест»: конструкция, при которой концы лежащих рядом лаг заходили друг за друга, или соединялись «встык». В этом случае концы либо примыкали вплотную (прямое соединение), либо стесывались наискосок (косое соединение). Известно также крепление лаг «в закрой», при котором концы смежных бревен стесывались на половину окружности и затем совмещались. Практиковалось как боковое, так и горизонтальное расположение такого соединительного замка. В конструкции мостовой Черницыной улицы крепление «в закрой» в его упрощенном варианте (врубка сделана только в одном из бревен) впервые фиксируется в 40-е гг. XI в. При стыковке соседних звеньев мостовой перечисленные приемы соединения лаг могли использоваться в различных сочетаниях.

Дорожное полотно на всем изученном отрезке Черницыной улицы не было единым. Оно отличалось по ширине, используемым материалам и иногда конструкции. Различия в характере мощения, особенно заметные в раннее время,

³ Здесь и далее в тексте: римская цифра обозначает номер раскопа, арабская – номер яруса.

Рис. 3. Троицкий IV раскоп. Мостовая Черницыной улицы, ярус 27.

Вид с запада. (930-е гг.). Фото С. А. Орлова

во многом определялись организацией данного процесса: по-разному мостились участки дороги напротив разных усадеб, на что обращали внимание предыдущие исследователи (Сорокин, 1995. С. 13).

Уличное мощение упорядочивается во второй половине XI в., когда окончательно формируются приемы сооружения мостовых, причем предпочтение начинают отдавать соединению непосредственно протяженных звеньев

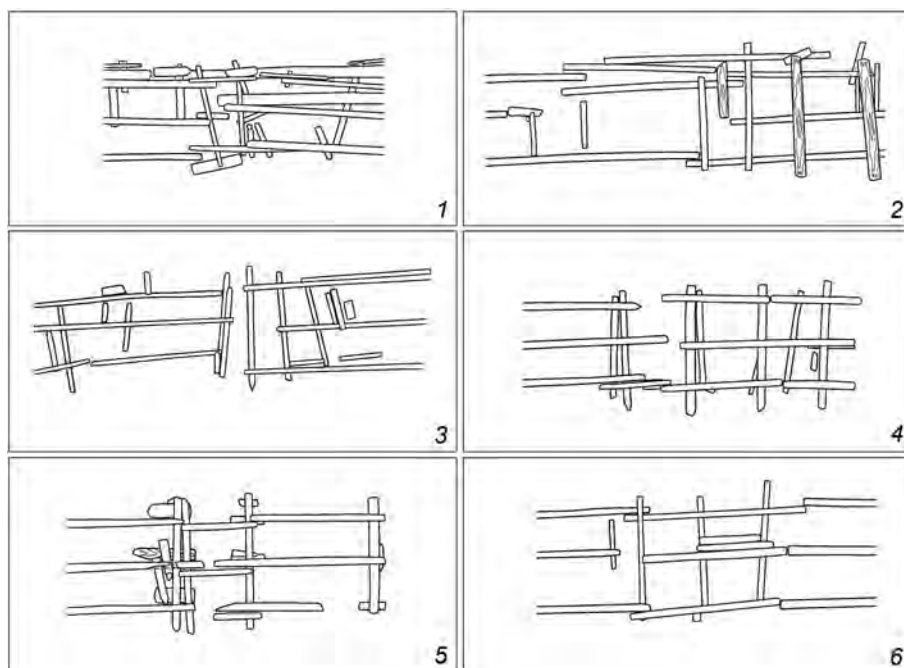

Рис. 4. Виды стыковки звеньев мостовых в X–XI вв.

1, 2 – Ярус IX-27 – 50-е гг. X в.; 3 – Ярус IV-25 – конец X в.; 4 – Ярус VIII-22 – 70-е гг. XI в.;
5 – Ярус VIII-21 – рубеж XI–XII вв.; 6 – Ярус IV-20 – 80-е гг. XI в.

мостовой. С конца XI в. в конструкции Черницыной улицы широко используется прием соединения соседних звеньев мостовой посредством укладки общей поперечной подкладки, в которой, обычно при помощи подтески, закрепляются концы лаг соседних звеньев мостовой (рис. 5, 5, 6; 6). Реже в качестве общей опоры служат две уложенные рядом подкладки. Данный прием позволял соединять значительные по длине участки мостовой и выравнивать их по высоте. Такая конструкция впервые была использована при мощении пробойных улиц: самое раннее подобное крепление лаг прослежено в конструкции яруса 23 Великой улицы Неревского конца, относящегося к 1055 г. (Колчин, 1963. С. 90) *нет в списке!!*. Чуть позднее, в 1092 г., он применен в конструкции Пробойной улицы, исследованной на Троицком раскопе. На Черницыной отдельные подобные крепления появляются в 1080-х гг.: ярус IX-22; IV-20 (на раскопе IV таким образом соединены основное и короткое звенья).

Использование общей связующей подкладки для стыковки длинных звеньев мостовой стало возможным при одновременной замене протяженных участков улицы, что косвенным образом указывает на факт одновременной укладки мостовых, осуществляемой в рамках единых организованных мероприятий. Отметим в этой связи, что места соединения различных звеньев мостовой по-прежнему чаще всего соответствуют местам разграничения примыкающих к улице усадеб. Причем, это касается не только соединений

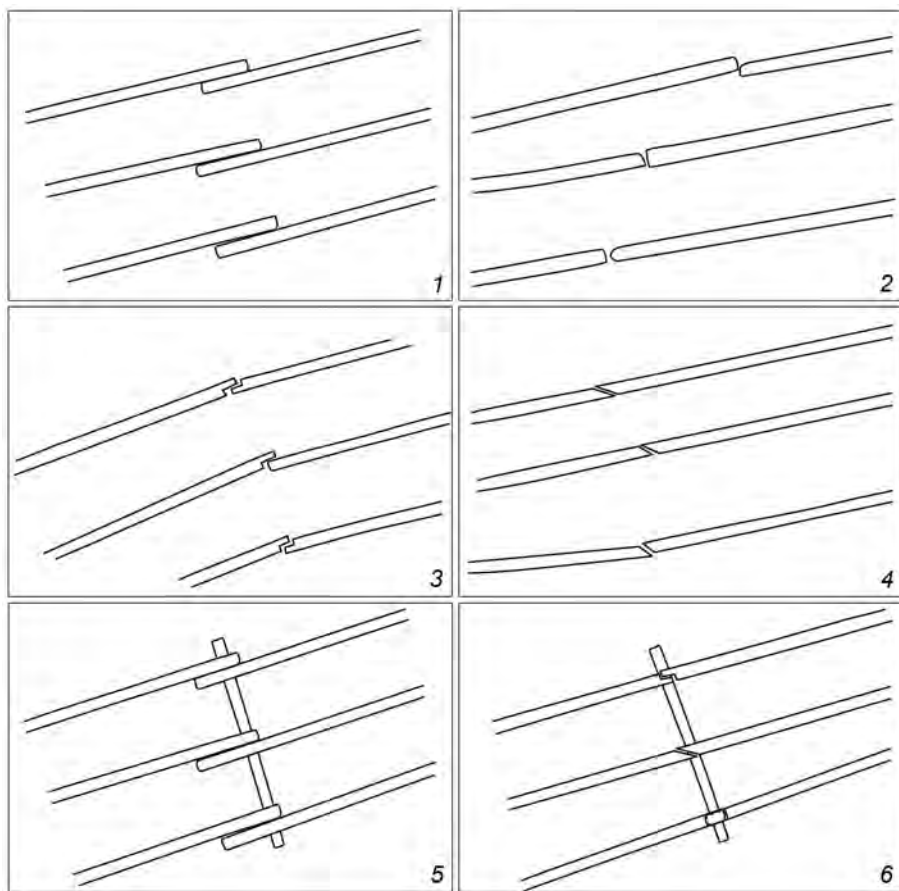

Рис. 5. Способы соединения лаг

1 – соединение «вперехлест»; 2 – соединение «встык»; 3 – крепление «в закрой»; 4 – соединение встык (наискосок); 5, 6 – соединение звеньев мостовой посредством фиксации лаг на общей подкладке

посредством коротких связующих лаг или многочисленных дополнительных подкладок, именуемых в литературе «швами» (такие «швы», по мнению наших предшественников, соответствовали местам разграничения усадеб: *Бассалыго и др.*, 1988. С. 65), но и общих связующих подкладок, соединяющих соседние звенья и обеспечивающих конструктивное единство и прочность мостовой.

Существовали, однако, исключения из данного правила, когда границы усадеб приходились не на место стыковки, а на среднюю часть звеньев (например, ярус IV18), что, впрочем, только подтверждает единовременность и объединенность усилий уличан при сооружении мостовых.

В слоях X–XII вв. сохраняются, в основном, опорные конструкции мостовой – лаги и подкладки. Настилы в этот период систематически разбирались перед укладкой нового яруса мостовой. Исключение составляют ярусы

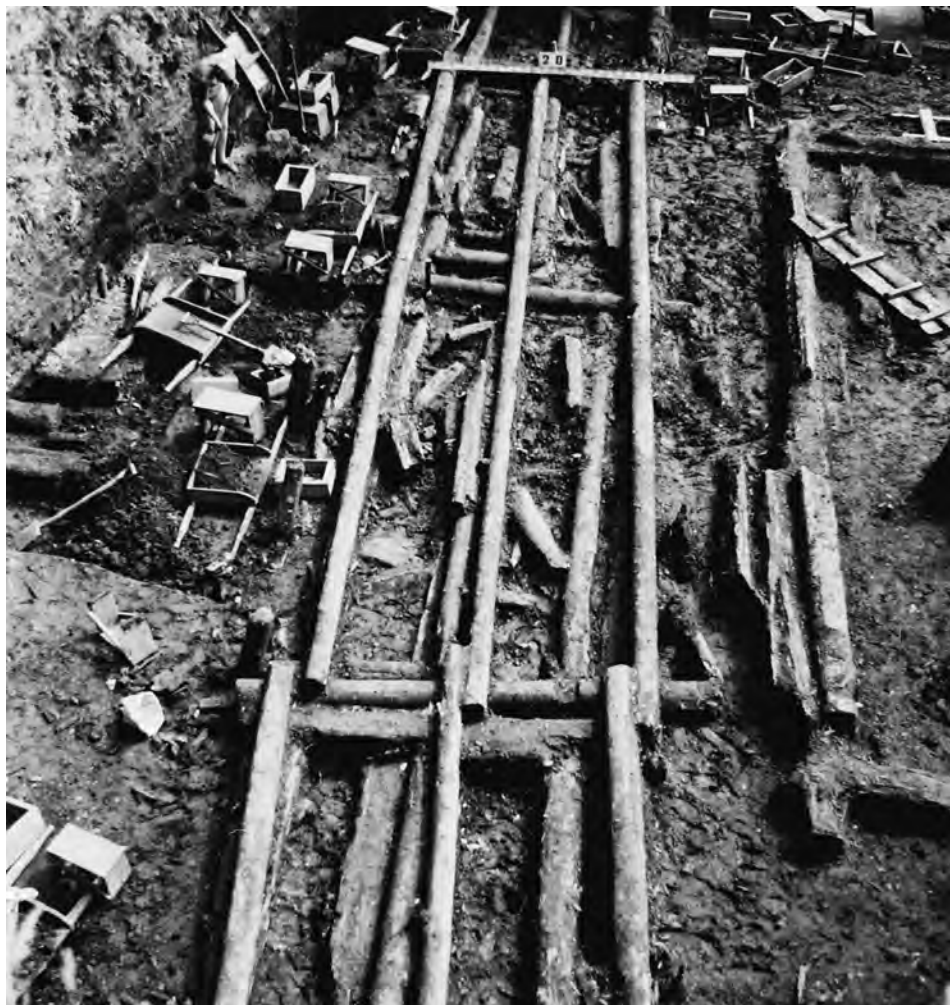

Рис. 6. Троицкий IV раскоп. Лаги 19 яруса Черницыной улицы после разборки настила из плах (рубеж XI–XII в.). Вид с запада. Фото С. А. Орлова (в полевой документации данное изображение ошибочно отнесено к 20 ярусу)

рубежа XI–XII в. – первой четверти XII в., сохранившие настилы из плах. Позднее, в XIII в., настилы мостовых перестают разбирать: в XIII–XV вв. Черницына улица представлена главным образом плахами и лагами, число подкладок заметно сокращается (рис. 7). Лаги укладываются непосредственно на настилы предшествующей мостовой и иногда фиксируются в них подтеской. При укладке нового мощения предшествующие настилы иногда «разреживали», поочередно снимая каждую вторую-третью (или две через две) плахи (рис. 8). Оставшиеся плахи служили подкладками под лаги новой мостовой. Известны случаи, когда в момент укладки нового яруса плахи

Рис. 7. Троицкий IV раскоп. Мостовая Черницыной улицы, ярус 4 (1380-е гг.). Вид с юго-запада. Фото С. А. Орлова

предшествующего настила на отдельных участках уличного полотна перевертывали округлой стороной вверх.

Изменение опорной конструкции мостовых отменило необходимость фиксации лаг смежных звеньев в единой опорной подкладке: этот способ соединения соседних звеньев был постепенно утрачен и, начиная с 70-х гг. XIII в., использовался довольно редко.

Трасса Черницыной улицы на протяжении X–XV вв. остается неизменной, но ее параметры меняются. Ширина уличного настила в X в. составляет 2,0–2,6 м.; в XI в. – около 2,8–3,0 м, а начиная с XII в. – 3,0–3,5 м. Это усредненные цифры, поскольку ширина разных участков одного и того же уличного настила могла заметно отличаться. Таким образом, подтверждаются наблюдения, сделанные Б. А. Колчиным, А. В. Арциховским и А. Н. Сорокиным относительно увеличения ширины мостовых со временем (*Сорокин*, 1995. С. 6). Характерно также некоторое увеличение ширины Черницыной улицы вблизи перекрестка, в месте ее пересечения с Пробойной, что отчетливо прослеживается в некоторых ярусах второй половины XII–XIV в. Впрочем, возможности для заметного увеличения ширины дорожного полотна в условиях сложившейся городской планировки и постоянного усадебных границ были весьма ограничены.

Рис. 8. Троицкий IV раскоп. Мостовая Черницыной улицы, ярус 5 (1340-е гг.).
Вид с запада. Фото С. А. Орлова

Как уже отмечалось, коллекции дендробразцов, собранные в ходе археологических исследований, очень обширны: в целом мостовая Черницыной улицы представлена 1090 датированными дендробразцами (Тарабардина *и др.*, 2015. С. 166, табл. 1).

Приоритетным в дендрохронологическом исследовании мостовой Черницыной улицы в рамках нашего проекта стало изучение недатированных ярусов, или ярусов, имеющих спорные датировки: в первую очередь, мостовой X–XI вв. на всем ее протяжении. Именно этот период был наиболее проблемным как при стратиграфической стыковке раскопов, так и при проведении дендрохронологического анализа. В результате были дополнительно получены дендродаты для некоторых ярусов мостовой раскопов VII и VIII, а также скорректированы дендродаты ряда образцов/ярусов V и IX раскопов, что позволило выявить

на всем исследованном отрезке Черницыной улицы хронологически синхронные участки мощения и определить общие периоды смены мостовых.

В целом на Черницыной улице на протяжении X–XV вв. прослеживается 32 фазы уличного мощения, включая периоды ремонтов и замены мостовой на отдельных участках. В X в. эта улица мостится 3 раза, в XI в. – 6 раз, в XII в. – 8 раз, в XIII в. – 7 раз, в XIV в. – 5 раз, а в первой половине XV в. – 3 раза. Интервалы между периодами замены мостовых составляют от 8 до 34 лет. Они достаточно велики в ранний период, в X–XI вв., когда традиция сооружения мостовых и организация этого процесса только складываются. Наличие столь протяженных интервалов в уличном мощении раннего времени может объясняться также как утратами отдельных ярусов мостовой, так и разборкой настилов с целью их вторичного использования в период относительного дефицита строительного материала. С 1080-х гг. этот процесс упорядочивается; наиболее динамично смена мостовых происходит на Черницыной улице в XII в., когда прилегающие к ней усадьбы переживают свой расцвет (рис. 9): в это время периоды между мощениями составляют от 8 до 15 лет. В XIII–XV вв. замена мостовых производится в среднем раз в 18–20 лет: увеличение срока службы мостовых происходит за счет использования особенно массивных плах.

В результате проведенных исследований можно проследить эволюцию мощения Черницыной улицы. Первоначальное мощение появилось около 938–940 гг. на участке, примыкающем с востока к перекрестку с Пробойной улицей, вдоль усадеб А/В и с запада – вдоль усадеб Г/Е. Западнее усадьбы Г Черницына улица существовала в это время в виде грунтовой дороги (рис. 10). Предположение о том, что восточный участок мощения Черницыной улицы был более древним, а его продолжением на западе служила грунтовая дорога, высказывалось исследователями и ранее (*Бассальго и др.*, 1988. С. 66). Нам удалось подтвердить его, основываясь как на данных стратиграфии шести исследованных участков мостовой, так и на дендродатах нижних ярусов улицы (*Тарабардина*, 2010. С. 323; *Фараджева и др.*, 2014. С. 134–160). Мощение на западном участке Черницыной, между усадьбами З, М, К, к северу от мостовой, и усадьбами Е (западная часть), Ж и Ф к югу от нее, появляется лишь в следующем горизонте, около 955–956 гг., и с этого времени исследованный участок Черницыной улицы мостится на всем его протяжении. Порядок единой организации сооружения уличных настилов установился достаточно рано. Можно говорить об общих и единовременных мероприятиях по возобновлению мощения Черницыной улицы, по крайней мере, с конца XI в.

Динамика уличного мощения демонстрирует те же тенденции, что и застройка прилегающих усадеб: период наиболее частой смены мостовых приходится на время расцвета этого района Людина конца в XII в. Уличная трасса и общая планировка данного квартала Людина конца на протяжении пяти столетий остается практически неизменной.

В заключение отметим, что комплексное изучение, как мостовых Троицкого раскопа, так и синхронных им усадебных комплексов, позволит выявить закономерности развития планировки и застройки в этой части Людина конца Новгорода в X–XV вв.

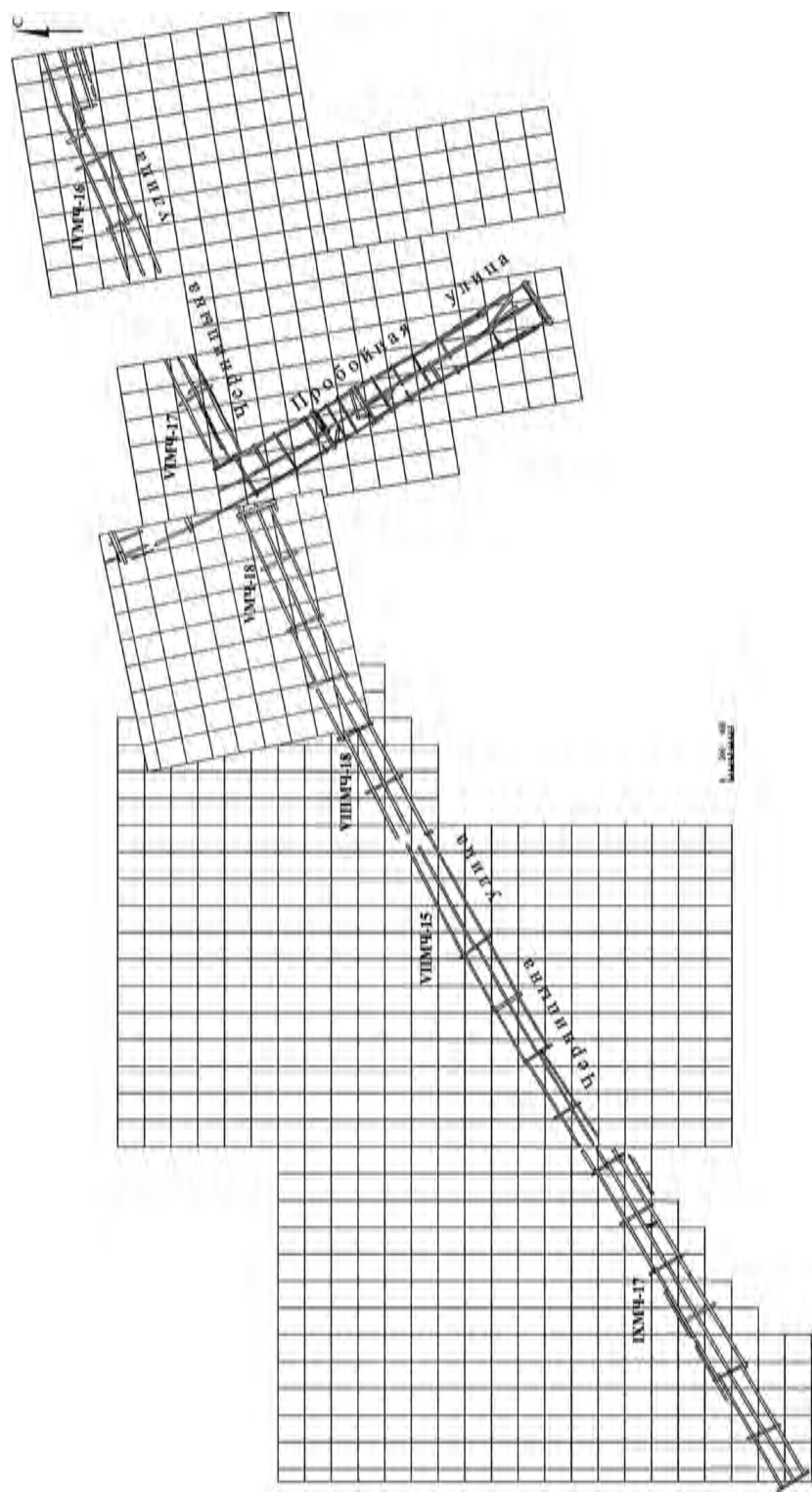

Рис. 9. Мостовая Черницыной улицы в 40-е гг. XII в. Сводный план

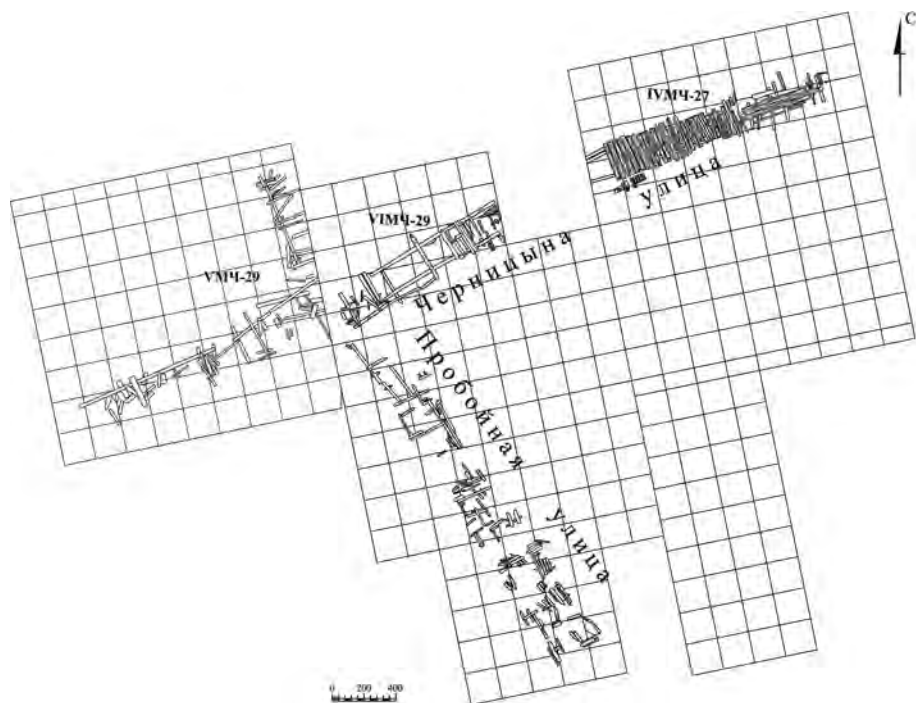

Рис. 10. Мостовая Черницыной улицы в 30-е гг. X в. Сводный план

Литература

- Бассалыго Л. А., Сорокин А. Н., Хорошев А. С., 1988. Улицы Троицкого раскопа (топография, стратиграфия, хронология) // ННЗ. Вып. 2. Новгород.
- Колчин Б. А., 1963. Дендрохронология Новгорода // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. (МИА. № 117). М., 1963.
- НПЛ, 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.
- Сорокин А. Н., 1995. Благоустройство древнего Новгорода. М.
- Тарабардина О. А., 2010. О динамике строительства в Новгороде в эпоху Ярослава Мудрого // Новгород в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород. С. 321–334.
- Тарабардина О. А., Фараджеева Н. Н., Гайдуков П. Г., 2015. Черницына улица Людина конца средневекового Новгорода: задачи, проблемы и методика исследований // ННЗ. 27–29 января 2015 г. Вып. 29. Великий Новгород, 2015. С. 159–166.
- Урьева А. Ф., 1989. Дендрохронология мостовых Троицкого раскопа в Новгороде // Естественные научные методы в археологии. М. С. 214–227.
- Урьева А. Ф., Черных Н. Б., 1995. Дендропалки Новгорода: опыт компьютерной обработки // ННЗ. Вып. 9. Новгород. С. 106–114.
- Фараджеева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г., 2014. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Материалы науч. конф. М. С. 134–160.
- Янин В. Л., 2008. Очерки истории средневекового Новгорода. М.

М. И. Петров

Усадебный комплекс конца XII в. (усадьба Нкл2007-III) по материалам раскопа Никольский-2007 в Новгороде

М. I. Petrov. Estate Complex of the Late 12th Century (the estate Nkl2007-III) according to the Materials of Nikolskii Excavation-2007 in Novgorod

Abstract. The article deals with analysis of medieval city estate dated back to the late 12th century which was studied in Nikolskij-2007 site in Novgorod. Complex studies of quantitative, qualitative and spatial characteristics allows getting wide picture of medieval city life.

Both housing and artifacts from the estate demonstrate its ordinary status except several aspects. There are no proof of presence of women or children on the estate; lack of craftsmanship assemblage does not allow to see artisans among dwellers. The complex of lead seals shows some clerical ties although it is necessary to have more comparative data.

Ключевые слова: археология, Новгород, средневековые, городская усадьба, сфрагистика.

Keywords: archaeology, Novgorod, Middle Ages, town estate, sphragistics.

Исследования усадеб средневекового Новгорода постоянно демонстрируют различия в характере застройки и вещевом комплексе, которые становятся основанием для последующих социальных интерпретаций. Разработанная автором статьи методика анализа усадебного комплекса (Петров, 2008; 2009; 2010; 2011; 2012) коротко может быть охарактеризована следующим образом: за процедурами формирования и датировки яруса, соотнесения каждой индивидуальной находки с ярусом следует качественный, количественный и пространственный анализ как застройки, так и вещевого комплекса, при этом первичное внимание уделяется анализу аномальных количеств различных категорий находок. По мнению автора, в подавляющем большинстве случаев каждый ярус усадебной застройки следует рассматривать как отдельную усадьбу, что предоставляет широкие возможности для сравнительного анализа усадебных комплексов.

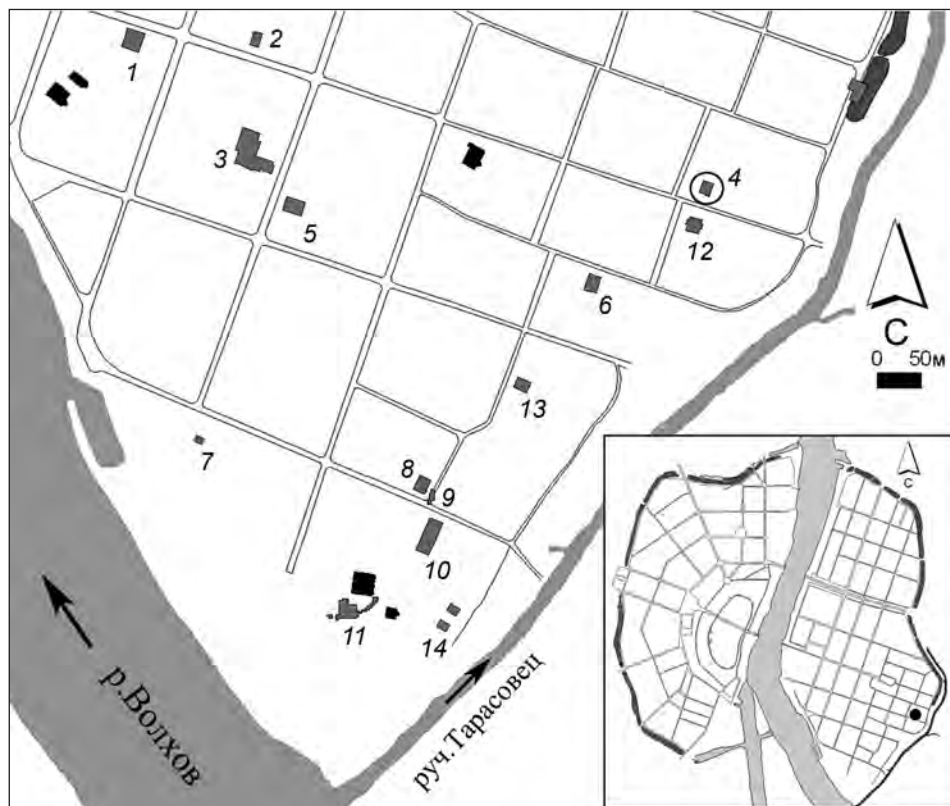

Рис. 1. Археологические исследования Славенского конца (центральная и южная части). Раскопы: 1 – Михайловский (1970); 2 – Дубошин (1978); 3 – Нутный I–III (1980–1984); 4 – **Никольский-2007**; 5 – Нутный-IV (2011); 6 – Ильменский-2009; 7 – Посольский-2006; 8 – Посольский-2008; 9 – Воскресенский (1937); 10 – Посольский-1999; 11 – раскопы на Славне (1932–1937); 12 – Никольский-2012; 13 – Воскресенский-2012; 14 – раскопы Петропавловский I и II (2014)

Настоящая статья посвящена характеристике усадьбы Нкл2007-II, изученной в пределах раскопа Никольский-2007. Исследования на этом раскопе носили охранный характер и проводились на участке, отведенном под строительство индивидуального жилого дома по ул. Никольская, 57 (рис. 1). Среди выявленных в границах раскопа 9 усадебных комплексов наиболее информативным является комплекс горизонта IV (Петров, 2014). Предшествующий ему комплекс горизонта III (усадьба Нкл2007-III) представляет собой объект исследования настоящей статьи. Небольшая площадь раскопа (ок. 250 кв. м) не позволила исследовать усадьбу полностью, равно как и определить процент исследованной площади. Однако, даже с учетом недостаточной информации, исследование усадьбы Нкл2007-II предоставляет возможность сравнительного анализа с более поздним комплексом и, с определенными допущениями, иными синхронными усадьбами.

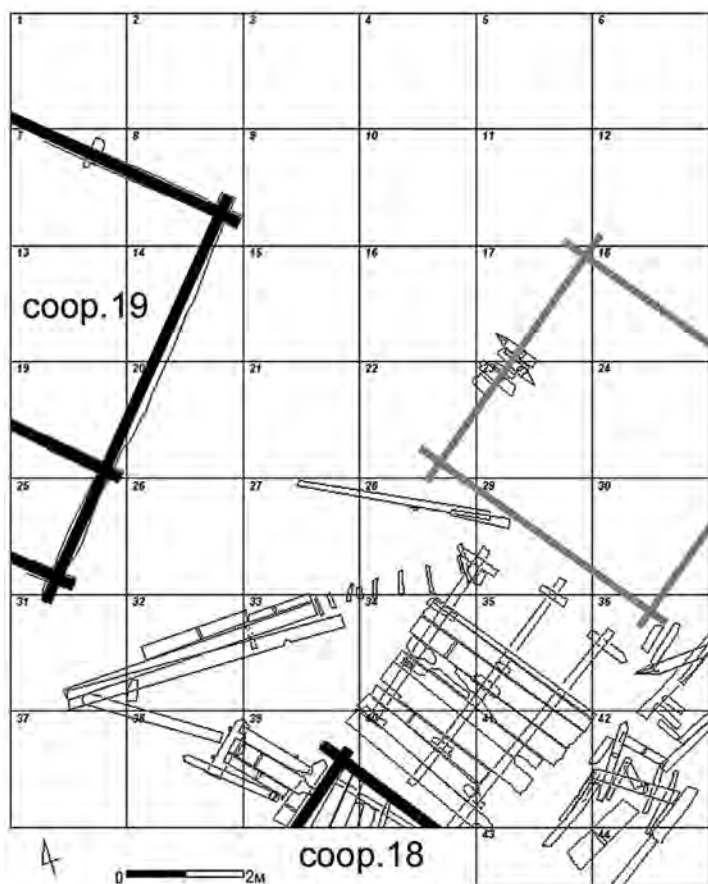

Рис. 2. Никольский-2007. Усадьба Нкл2007-III. Схема застройки.

Сооружения показаны черными линиями, предполагаемая постройка – серой

Застройка (рис. 2; 3). Порубочные даты, определяющие время возникновения застройки, одинаковы для уличной территории и усадьбы и относятся к 1188 году¹. Верхняя хронологическая граница совпадает с временем возникновения застройки усадьбы Нкл2007-IV – началом XIII столетия (порубочная дата 1202 г.) (Петров, 2014. С. 236). Таким образом, протяженность существования усадьбы составляет 10–15 лет и относится к концу 80-х гг. XII – началу XIII в.

Уличное мощение представляет собой слабо структурированный наброс разноразмерных бревен и плах, направление которых, в целом, соответствует направлению трассы мостовой. Подобная картина довольно характерна для раннего этапа существования уличных настилов, вне зависимости от времени их возникновения.

¹ Дендрохронологический анализ построек раскопа выполнила к. и. н. О. А. Тарабардина.

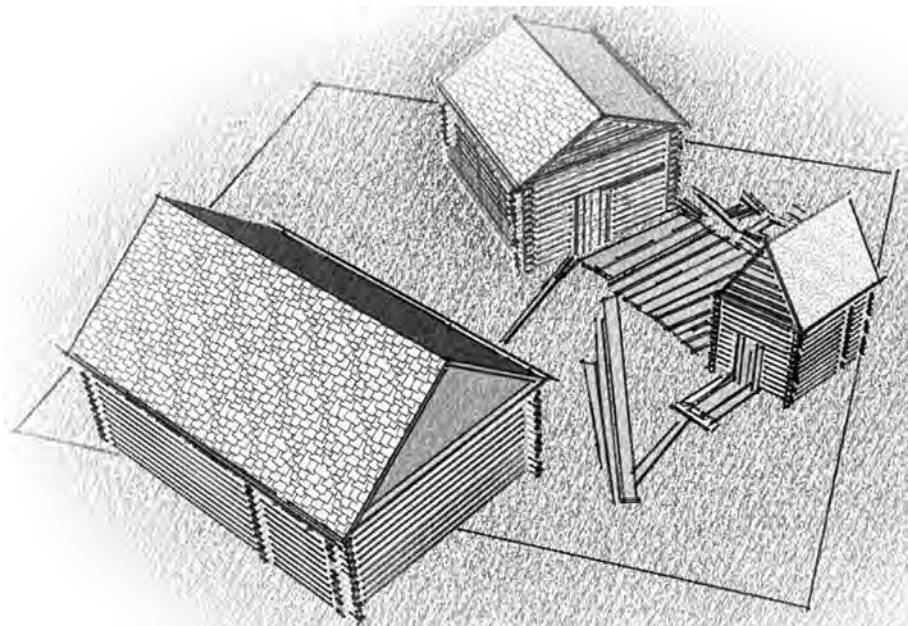

Рис. 3. Усадебный комплекс Нкл2007-III. Вид с юго-запада.
Реконструкция М. И. Петрова и М. А. Аксентьевой

Застройка усадьбы включает сооружение 18 (с прилегающими крыльцом 18/1 и мощениями 18/2, 18/3) и сооружение 19 (сруб-пятистенки). Все сооружения, кроме вымосток, вошли в раскоп частично, поэтому их размеры реконструируются с некоторыми допущениями.

Сооружение 19, расположенное в западной части раскопа, представляет собой сруб-пятистенки, вошедший в пределы раскопа восточной частью. Сооружение рублено в обло, его стены сохранились на высоту одного венца. Длина стены около 770 см; протяженность главной камеры сруба 460 см, малой камеры – 180 см. Характер сооружения (сруб-пятистенки) позволяет видеть в нем жилое здание. Направление мощений, примыкающих к сооружению 18, дает основания для предположения, что в восточной стене сооружения 19 вход отсутствовал, поскольку точка схождения вымосток находится южнее юго-восточного угла постройки.

В южной части раскопа, максимально близко к уличной территории, расположено сооружение 18 (рис. 4), которое вошло в раскоп лишь северо-восточным углом. Сооружение представляет собой сруб, рубленный в обло, с полом из досок. Стены сооружения сохранились на высоту двух венцов. Реконструируемая длина северной стены постройки – около 3 м (ограничена уличной трассой); возможно, размеры сооружения составляли 3×3 м.

К этой постройке примыкает группа вспомогательных сооружений (рис. 4): крыльцо размерами 172×104 см (сооружение 18/1); предполагаемая межсрубная вымостка в виде настила из плах, уложенных на лаги, размерами

Рис. 4. Никольский-2007. Усадьба Нкл2007-III. Сооружение 18 с прилегающими и вымостками. Вид с востока

393×344 см (сооружение 18/2) и частично сохранившаяся вымостка из тонких бревен, уложенных на подкладки (сооружение 18/3), ее реконструируемая протяженность – около 750 см, длина сохранившегося настила – около 490 см. Характер перекрытия остатков сооружений указывает, что наиболее ранним сооружением является крыльцо 18/1, затем возникает сооружение 18/3 и, позднее, настил 18/2.

Вероятно, к северо-востоку от сооружения 18/2 располагалась еще одно строение. На это указывает общее направление вымосток 18/2, 18/3 и дощатого мощения в кв.27–29. Также в этом направлении (кв.17, 22–23) расположено компактное скопление древесины, возможно, представляющее собой остатки подкладок. На основании этих свидетельств можно предполагать существование сооружения в квадратах 23–24, 29–30, размеры которого могли составлять

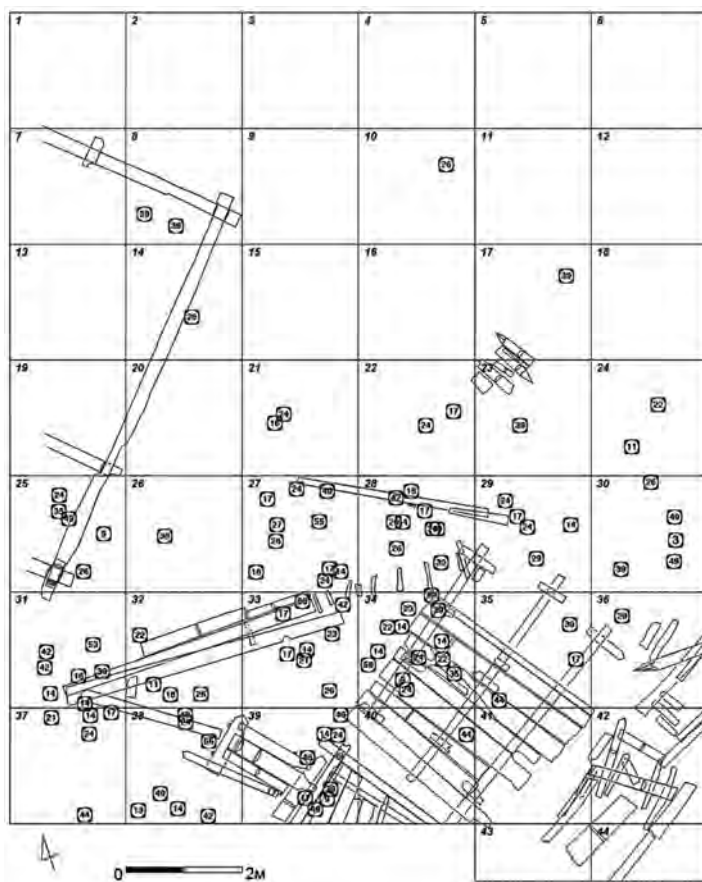

Рис. 5. Никольский-2007. Усадьба Нкл2007-III. Расположение находок

около 3,5×3,5 м. Скорее всего, эта постройка была разобрана при насыпании слоя глины в процессе возникновения застройки горизонта IV (Петров, 2014. С. 237).

Необходимо отметить, что структура застройки усадьбы значительно отличается как от более раннего яруса, так и от более позднего. Вероятно, это указывает на различных владельцев/жителей усадьбы.

Вещевая коллекция. Вещевая коллекция усадьбы насчитывает 111 предметов, из которых 64 предмета характеризуются размытой принадлежностью. Коэффициент ближайшего соседства ($R=0,754$) указывает на тенденцию к образованию скоплений, что также прослеживается визуально: основная масса находок сконцентрирована в южной части раскопа, в зоне застройки (рис. 5). Там же расположены и области концентрации массового материала (рис. 6), тяготеющие к пространству между сооружениями 18 и 19 (квадраты 26, 31–34, 37–38). Возможно, меньшая концентрация предметов в северной части раскопа связана со строительной активностью в более позднем горизонте.

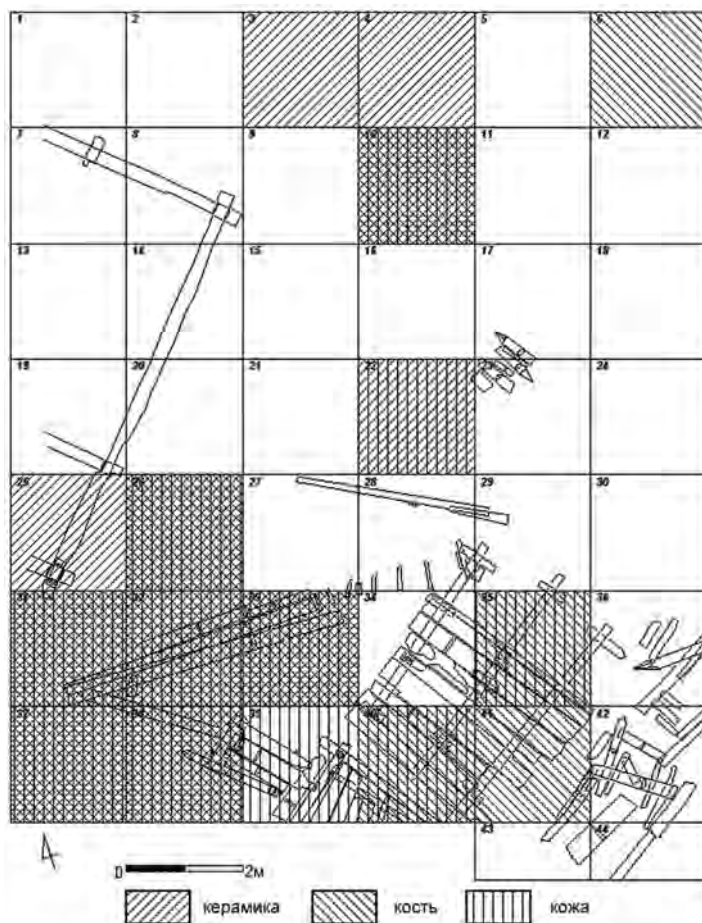

Рис. 6. Никольский-2007. Усадьба Нкл2007-III. Области концентрации массового материала. Области концентрации выделены в пределах квадрата на основании верхнего квартиля количества обнаруженных фрагментов керамики, костей, кожи

Анализ функциональных групп показывает их относительно равномерное распределение: повышенные количества некоторых групп (неопределяемые предметы, обувь, универсальный крепеж, универсальные орудия труда) количественно находятся на схожем уровне (9–12 предметов).

Предметы функциональных групп **«неопределяемые находки»**, **«универсальный крепеж»** и **«универсальные орудия труда»** не образуют явных скоплений, однако следует отметить, что они расположены преимущественно за пределами построек. Находки группы «универсальный крепеж» представлены железными скобами, а группа «универсальные орудия труда» – в основном, ножами и их рукоятями, а также единичным оселком.

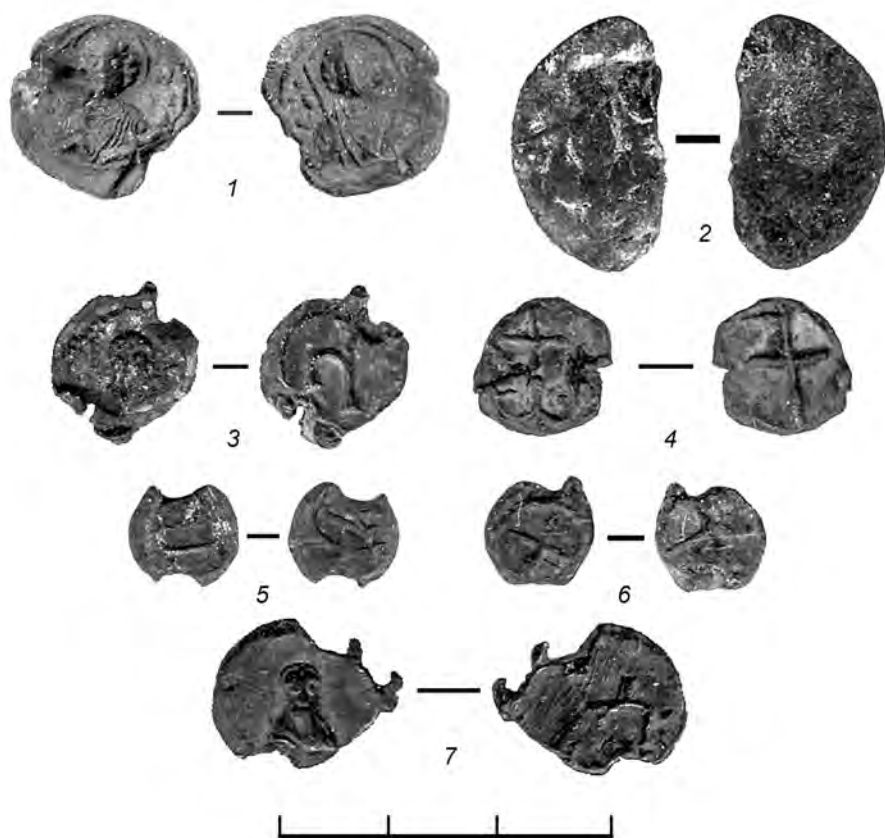

Рис. 7. Никольский-2007. Усадьба Нкл2007-III. Сфрагистические материалы. Свинец.

Печати: 1 – печать (21-18-12); 2 – заготовка(?) печати (21-8-11).

Пломбы: 3 – 23-23-5; 4 – 23-39-4; 5 – 22-30-4; 6 – 21-35-14; 7 – 23-34-29

Функциональная группа «**обувь**» представлена, в основном, мягкими туфлями и их деталями, подошвами. Также обнаружены два поршня (22-31-12). Необходимо отметить подошву детской обуви (21-31-17), которая в сочетании с игрушками (деталь кожаного мяча – 21-31-13 и кубарь 23-24-2), может указывать на наличие детей на усадьбе. Однако, количество подобных находок невелико; они представляют собой находки размытой принадлежности с более поздним горизонтом (Нкл2007-IV), в котором детский инвентарь представлен более обширно (Петров, 2014. С. 242). Соответственно, нельзя исключать, что расположенные в верхней части горизонта III детские предметы относятся к горизонту IV, и тогда наличие детей на усадьбе Нкл2007-II является гипотетическим.

Значимую группу образуют **сфрагистические материалы**, представленные печатью и половинкой заготовки, а также 8 свинцовыми пломбами

(рис. 7). Печать и заготовка обнаружены внутри сооружения 19, в то время как пломбы преимущественно найдены за пределами построек. Найденная печать (рис. 7, 1) принадлежит к группе домонгольских церковных печатей с изображением святых, ее владелец не идентифицирован². Следует отметить, что среди найденных на усадьбе свинцовых пломб, значительная часть несет изображения святых (23-23-5, 23-34-29), креста или процветшего креста (23-23-5; 23-34-29; 23-39-4; 21-35-14). Отсутствие убедительных интерпретаций для свинцовых пломб и относительно неполная их изученность позволяют лишь констатировать их наличие в отложениях горизонта, но не дают возможности для более подробных характеристик усадьбы. Следует отметить, что количество предметов этой функциональной группы максимально по сравнению с иными усадебными горизонтами.

Остальные предметы вещевой коллекции можно отнести к обычным предметам повседневной жизни. Железный ключ от нутряного замка (22-25-23, рис. 8, 4), относящийся ко второму варианту (со стержневым ключом), датируется концом XI – серединой XIV в. (Колчин, 1982. С. 161–162). Двусторонний костяной гребень (22-28-17, рис. 8, 3) типа Н(?) датируется XII–XIV вв. (Колчин, 1982. С. 164, 166). Несмотря на широкие датировки этих предметов, их бытование укладывается в хронологию горизонта.

Также следует отметить два бронзовых нательных креста: 23-26-11 (рис. 8, 1) и 23-29-30 (рис. 8, 2).

Среди прочих находок следует упомянуть обломок перстня из свинцово-оловянистого сплава (20-34-60), хотя нельзя исключать, что этот предмет относится к вышележащему горизонту, в котором обнаружен ювелирный ремесленный комплекс. Некоторое количество иных украшений, обнаруженных на территории усадьбы, относятся к находкам размытой принадлежности, как более раннего, так и более позднего ярусов: сердоликовая (23-28-32) и янтарная (21-25-31) бусины, обломок трехбусинного височного кольца (22-38-7), фрагмент бронзового ювелирного изделия (22-39-26) и другие – всего 10 штук. Соответственно, они могли попасть в отложения усадьбы в результате перемешивания отложений.

Детали транспортных средств представлены двумя копылами (21-38-8 и 21-39-4), которые обнаружены, вероятно, во вторичном использовании. Также на усадьбе найден обломок деревянных граблей (21-38-5), потенциально указывающий на причастность жителей к сельскому хозяйству.

В целом, усадебный комплекс усадьбы Нкл2007-II не дает убедительных данных для социальных интерпретаций. Вероятно, происходит смена жителей усадьбы, поскольку характер застройки значительно изменяется. Размер построек вроде бы указывает на определенный уровень благосостояния, однако основной массив инвентаря крайне не выразителен.

Более того, выявлено отсутствие (или минимальное количество) целого ряда функциональных групп, которые характеризуют население усадьбы. Крайне малое количество находок, связанных с детьми, позволяет предполагать

² Определение сфрагистического материала провел чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков.

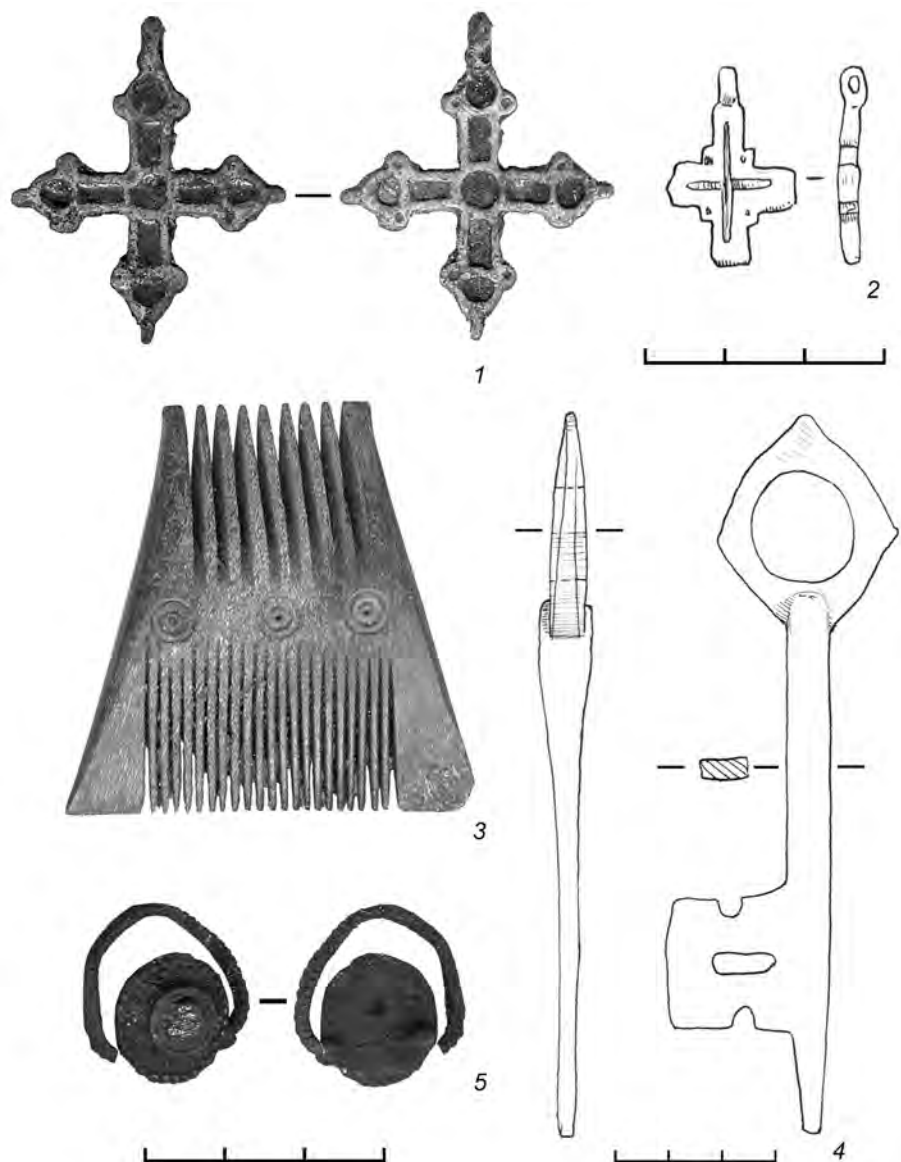

Рис. 8. Никольский-2007. Усадьба Нкл2007-III. Находки.

1 – крест нательный бронзовый с эмалевыми вставками (23-36-11); 2 – крест нательный бронзовый (23-29-30); 3 – ключ железный (22-25-23); 4 – гребень костяной (22-28-17); 5 – перстень (обломок), свинцово-оловянистый сплав (20-34-60)

их отсутствие на усадьбе. Также в крайне небольших количествах представлены женские украшения. Отсутствуют явные указания на какое-либо ремесло или промыслы (за исключением, возможно, сельского хозяйства). Наблюдения

за усадебным комплексом Нкл2007-II показывают на необходимость исследования не только явных свидетельств, но и изучение отсутствующих функциональных групп предметов.

На этом фоне особенно ярко выглядит сфрагистический комплекс. К сожалению, его характер явно недостаточен для обобщений. Возможно, на некую связь с церковью указывает печать церковного круга; характер изображений на пломбах («процветший крест») служит дополнительным свидетельством возможности такой связи. Набор слабых косвенных указаний явно недостаточен для убедительных заключений, которые могут быть получены лишь в результате сопоставления усадебного комплекса Нкл2007-II и усадеб с более доказанным церковным присутствием.

Изучение рядового, на первый взгляд, комплекса демонстрирует, что каждая средневековая городская усадьба несет определенный объем информации, выявление которой расширяет научные знания о средневековом Новгороде. Накопление материалов о городских усадьбах, несомненно, позволит делать более убедительные выводы о социальном и имущественном составе их жителей.

Литература

- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Петров М. И., 2008. К вопросу о формировании яруса // ННЗ. Вып. 22. Великий Новгород. С. 108–120.
- Петров М. И., 2009. Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород. С. 226–243.
- Петров М. И., 2010. ГИС-технологии в изучении городской средневековой усадьбы (на примере раскопа Посольский-2006) // Археология и геоинформатика. Вып. 6. [Электронный ресурс]: CD-ROM. М.: ИА РАН.
- Петров М. И., 2011. Усадьбы средневекового Новгорода: к вопросу о критериях сравнения // ННЗ. Вып. 25. Великий Новгород. С. 137–147.
- Петров М. И., 2012. Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // КСИА, вып. 226, М. С. 27–37.
- Петров М. И., 2014. Усадебный комплекс начала XIII века по материалам раскопа Никольский-2007 в Новгороде // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2014 г.). М.; Псков; СПб. С. 235–244.

Т. С. Дорофеева

О скандинавских культовых и магических предметах с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет)

T. S. Dorofeeva. About Scandinavian Cult and Magical Objects from Gorodische near Novgorod (on the data of different year excavations)

Abstract. This paper for the first time presents the entire complex of finds from the ancient Gorodische near Novgorod associated with Northern European paganism. Cult and magic items belong to the primary period of the existence of the settlement and the time of the greatest Scandinavian activity in Rus of the 9–10th cc.

At present the number of objects reflecting the religious beliefs of the ancient Scandinavians is 56.

Among them are two bronze pendants with runic inscriptions, and fragments of iron cervical grivna with pendants in the form of tiny “hammers of Thor”, kresalo type pendants, rings-amulets or “rattles”, three sets of amulets of miniature copies of various household items and weapons, a miniature copy of a touchstone with runic signs on the four sides, silver pendants in the form of a female figure and a dragon’s head, slate whetstones-amulets and three items with magical images.

Ключевые слова: Городище под Новгородом, Рюриково городище, культовые и магические предметы, североевропейское язычество.

Keywords: Gorodische near Novgorod, Riurik gorodische, cult and magical objects, Northern European paganism.

П рисутствие скандинавов на Городище под Новгородом (Рюриково городище) на первоначальном этапе существования здесь поселения было отражено в материальной культуре памятника не только украшениями, предметами бытового назначения или вооружения, но также и вещами культового или магического характера. Их наличие отмечали археологи, которые в разные годы занимались изучением памятника (*Носов*, 1990; *Пушкина*, 1988. С. 96–103). В 1999 г. вышла в свет статья И. Янссона с подробным обзором скандинавских вещей, найденных на Городище к 1996 г. В этом исследовании автор среди других находок отметил около 30 предметов, отражающих религиозные представления

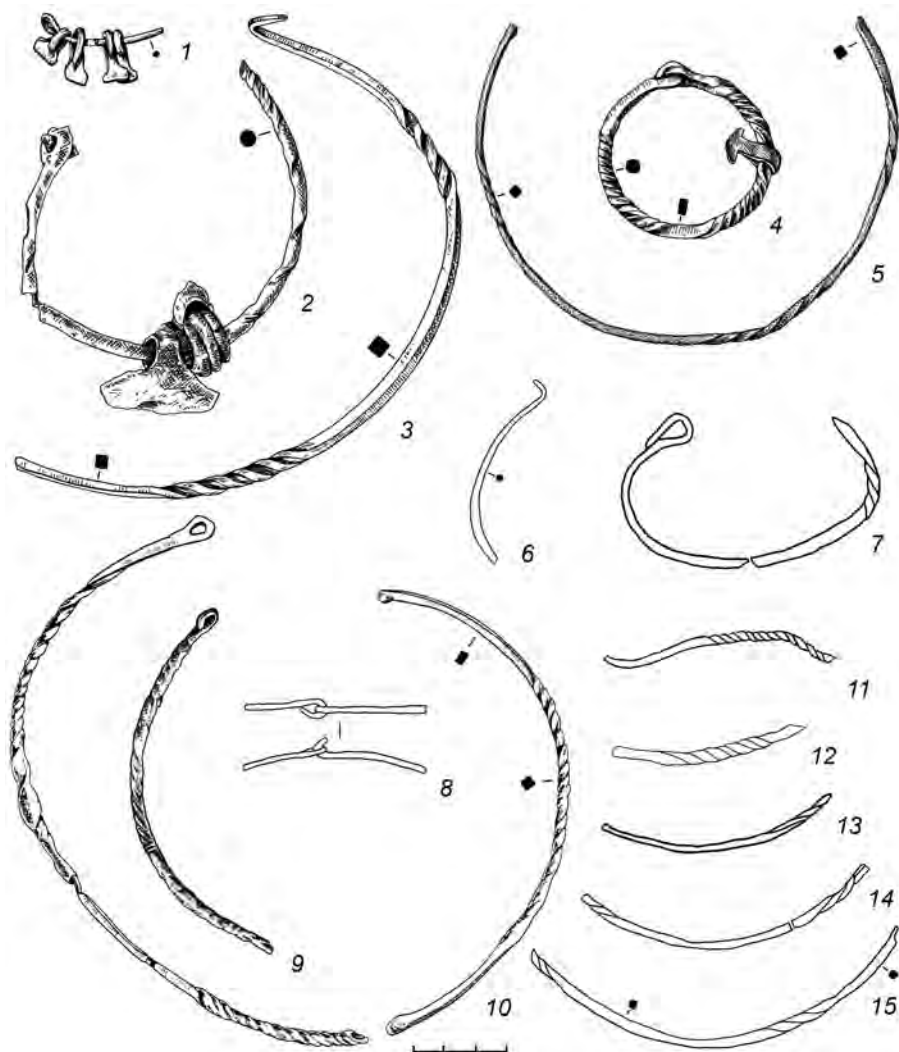

Рис. 1. Гривны

1–3 – железные гривны с привесками в виде миниатюрных «молоточков Тора»; 4, 5, 9, 10 – железные гривны без привесок; 6–8, 11–15 – предположительно гривны, железо.

1 – по: Янссон, 1999, рис. 3; 1; 2 – по: Носов, 1990, рис. 46; 2; 3 – по: Носов, 1990, рис. 30; 5; 4 – по: Носов, 1990, рис. 46; 2; 5 – прорисовка И. В. Заботиной; 9 – по: Носов, 1990, рис. 46; 3; 10 – по: Носов, 1990, рис. 30; 3

древних скандинавов (Янссон, 1999. С. 18–38). К настоящему времени их число существенно возросло и составляет 56 экземпляров. Большинство из них уже становились объектом наших исследований (Дорофеева, 2010. С. 28–34; 2011. С. 187–193; 2012; С. 187–193; 2013. С. 200–207; 2014. С. 245–258; Дорофеева,

Стеблин-Каменская, 2013. С. 159–175). Кроме того, следует упомянуть статью А. Е. Мусина, в которой автор на основе данных археологии рассмотрел и сравнил некоторые группы скандинавских языческих амулетов, найденных на территории Восточной Европы (в том числе и на Городище) и в Скандинавии, а также, приведя большой круг аналогий, проанализировал эволюцию скандинавского язычества в Древней Руси (Мусин, 2012. С. 555–602).

В данной работе впервые представлен весь связанный с североевропейским язычеством комплекс находок с Городища под Новгородом, относящийся ко времени наибольшей активности скандинавов на Руси – IX–X вв.

Самыми распространенными скандинавскими культовыми предметами традиционно считаются железные шейные обручи с подвесками в виде миниатюрных «молоточков Тора», которые известны в качестве отличительной черты скандинавских гривен, хотя на них могли быть и другие символы бога грома – привески в виде колечек или спиралей (Новикова, 1991. С. 175, 176). Шейные гривны неоднократно становились объектом исследования (Дубов, 1970. С. 262–268; Мусин, 2012. С. 555–602; Новикова, 1991. С. 182–186; Фехнер, 1966. С. 101–104; 1967. С. 55–87; Gardela, 2014. S. 66–75; Novikova, 1992. P. 73–89; Ström, 1984. S. 127–140).

На Рюриковом городище известно 16 экземпляров железных шейных обручей (рис. 1) (Дорофеева, 2013. С. 200–207; Носов, 1990. С. 73, 100, 125, 158, рис. 30, 3, 5; 46, 2, 4; Янссон, 1999. С. 33, 34). Аналогии к ним приведены в работе И. Янссона (Янссон, 1999. С. 33, 34). Все найденные на Городище гривны фрагментированы, за исключением одного миниатюрного экземпляра (рис. 1, 4). Обручи, как правило, сделаны из тонкой кованой четырехгранной местами перекрученной проволоки сечением 3–4 мм. Подвески сохранились только у трех экземпляров. У первого – миниатюрного – один «молоточек» (рис. 1, 4), у второго – «молоточек» и четыре подвески-колечка, объединенные в своего рода спираль (рис. 1, 2); у третьего – четыре «молоточка» (рис. 1, 1). Все «молоточки» прикреплены к гривнам с помощью загнутых крючком верхних частей «рукояток». Эти находки, бесспорно, являются скандинавскими амулетами. Еще три шейных обруча, но без подвесок, имеют повреждения: у одного отсутствует застежка, у второго сохранился только крючок, третий сломан пополам (рис. 1, 3, 5, 10). Кроме этих гривен насчитывается еще десять фрагментов тонкой проволоки разной длины с квадратным или прямоугольным сечением, которые с большим или меньшим основанием могут быть также отнесены к шейным обручам (рис. 1, 6–8, 11–15). На семи небольших обломках имеется перекрученность, хотя из-за коррозии металла это не всегда очевидно. Маленькие фрагменты могут быть перекручены полностью, а более крупные – в нескольких местах. Форма застежки по сохранившимся на концах крючкам или петлям замка определяется у девяти экземпляров (рис. 1, 1–4, 6–10).

Кроме фрагмента гривны с четырьмя «молоточками Тора», являющейся случайной находкой (рис. 1, 1), все экземпляры происходят из раскопок на памятке. Обломки трех обручей встречены на северном берегу Сиверсова канала в ходе работ 1978–1979 и 2004 гг. (рис. 1, 3, 10, 12) в слоях, датированных концом IX – второй половиной X в. (Носов, 1990. С. 73; Носов, Дорофеева и др., 2005.

С. 29). Целая гривна и три фрагмента были найдены в раскопе 1980–1986 гг. на центральной площадке Городища. Два обломка происходят из мешаного культурного слоя (рис. 1, 2, 9), а третий и миниатюрная гривна – из заполнения комплексов конца I тыс. – (рис. 1, 4, 15). Еще восемь фрагментов встречено при разборке черного слоя X в. в заполнении древнего рва (рис. 1, 5–8, 11, 13, 14).

Отдельно от шейных гривен были найдены восемь железных подвесок-«молоточков» (рис. 2, 1–8). У шести небольших экземпляров длина варьируется от 2,0 до 2,5 см. Еще две подвески имеют большие размеры: их длина – 3,8 и 7,1 см. У четырех экземпляров верхние части «рукояток» загнуты крючком (рис. 2, 1, 4, 5, 7), а два амулета подвешивались через отверстия в верхней части (рис. 2, 2, 8). Вокруг «рукояти» одной из подвесок сделано несколько витков круглой проволоки диаметром 0,3 см (рис. 2, 6). Очевидно, это следы ремонта поврежденного в древности крепления. Два «молоточка Тора» были надеты на кольца (рис. 2, 3, 8). Маленькая подвеска прикреплена с помощью петли, которую образовала завязанная узлом верхняя часть суженной рукояти «молоточка» (рис. 2, 3). Кольцо повреждено, поэтому не исключено, что подвесок на нем было больше. У большого «молоточка» кольцо продето через отверстие в верхней части рукояти, концы его завязаны узлом (рис. 2, 8). Маленькие подвески могли крепиться непосредственно к самому шейному обручу или входить в набор амулетов. Большие, возможно, носили на поясе или привешивали к сундукам или повозкам.

Подвески длиной 3,6–4,0 см были найдены в связке железных амулетов из шести «молоточков Тора» и четырех стерженьков-посохов, находящейся на поясе из бронзовых колец у женщины в захоронении № 7 некрополя Тумби-Бинебек (Thumby-Bienebek, Шлезвиг-Гольштейн), датированного первой половиной X в. (Müller-Wille, 1976. S. 40; Taf. 31: 1, 2; Zeiten, 1997. P. 64; Cat. 111). На этом же могильнике, в погребении № 21, также относящемся к 1-й половине X в., обнаружены большие «молотообразные» подвески, прикрепленные к повозке, наличие которой было зафиксировано среди погребального инвентаря (Müller-Wille, 1976. S. 15; Abb. 1, 2; Taf. 31: 1, 2; Zeiten, 1997. P. 64; Cat. 112). К. Стрём отмечает, что большие копии «молотов Тора» встречаются не только в погребениях, но и на поселениях в различных регионах Швеции и Дании (Ström, 1984. S. 132–134).

Общее количество «молоточков», найденных вместе с шейными гривнами и отдельно от них, составляет 14 экземпляров. Пять подвесок происходят из мешаного слоя на центральной площадке памятника (рис. 2, 1, 3, 6–8). По одному экземпляру найдено в черном слое X в. на южном берегу Сиверсова канала (рис. 2, 4) и на северном берегу в коричневом слое с органикой, который датируется 1-й половиной X в. (рис. 2, 5) (Носов и др., 2000. С. 39; Носов и др. 1996. С. 28, 29). Один «молоточек Тора» – случайная находка (рис. 2, 2). Подвески-амулеты в виде колечек или спиралей, которые также часто встречаются на скандинавских гривнах, в том числе и найденной на Городище, на фрагментированных шейных обручах могли просто не сохраниться. Вычленив же из корпуса находок такие привески вне их связи с гривнами практически невозможно.

Еще один безусловно скандинавский тип амулетов – кресаловидные подвески, которые также называют «ладьевидными». Они хорошо известны не только в самой Скандинавии, но и на территории Древней Руси (Ениосова,

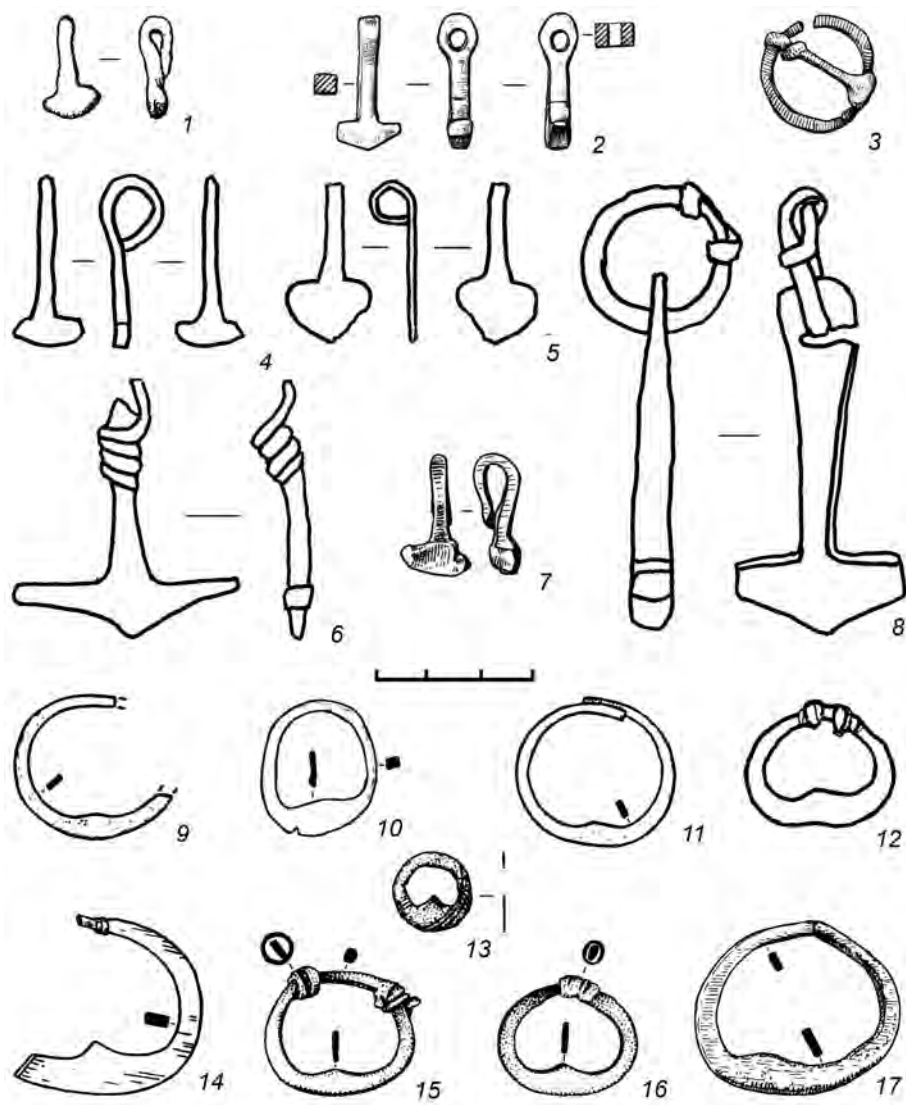

Рис. 2. Подвески

1–8 – подвески в виде «молоточков Тора»; 9–17 – кресаловидные подвески; 9–11, 13–16 – бронза; 12, 17 – железо.

3, 13, 15, 16 – прорисовка И. В. Заботиной; 7 – по: Носов, 1990, рис. 46: 1; 9, 11 – по: Носов, Горюнова, Плохов, 2005, табл. 29: 2, 5; 14 – по: Носов, 1990, рис. 35: 2; 17 – по: Носов, 1990, рис. 30: 4

2009. С. 257–260; Мусин, 2012. С. 569, 570; Новикова, 1991. С. 182–186; Янссон, 1999. С. 34; Ström, 1984. S. 130, 138). Реконструкцию технологии производства кресаловидных подвесок предложила Н. В. Ениосова в своей работе, посвященной скандинавским амулетам из Гнездова (Ениосова, 2009. С. 258).

На Городище найдены девять экземпляров кресаловидных подвесок (рис. 2, 9–17) (Дорофеева, 2012. С. 187–193; Носов, 1990. С. 75, 85; Янссон, 1999. С. 34). Они представляют собой плоские овальные кольца разных размеров с четким или слегка сглаженным угловидным выступом внутри. Их диаметр варьирует от 1,5 см до 4,0 см. Все подвески неорнаментированные. Два экземпляра сделаны из железа (рис. 2, 12, 17), семь – из бронзы (рис. 2, 9–11, 13–16). У трех амулетов сужающиеся концы завязаны (рис. 2, 12, 15, 16), у двух они соприкасаются или свободно заходят друг за друга (рис. 2, 11, 17), еще у двух – обломаны (рис. 2, 9, 14). Одна подвеска является незаконченным, скорее всего, бракованным изделием (рис. 2, 10). Самая маленькая копия калачевидного кресала диаметром 1,5 см была вырублена из тонкой пластины с помощью зубильца. Это круглая подвеска с четким угловидным выступом внутри кольца (рис. 2, 13). На одной из ее сторон прослеживается прочерченная чем-то острым наметка контура будущего отверстия. Аналогичные подвески были найдены в Хельго и Пскове (Колосова, Милюткина, 1994. С. 120, рис. 12, в; Excavations at Helgö, 1964. S. 63, Pl. 26: 12). Похожее по форме изображение процарапано на оборотной стороне круглой серебряной привески из клада, найденного в Гнездове в 1867 г. (Новикова, 1991. Рис. 3, 1).

Пять кресаловидных подвесок происходят из мешаного слоя. Четыре из них найдены в раскопе на центральной площадке памятника (рис. 2, 9, 11, 15, 16) (Носов, Горюнова и др., 2005. Табл. 29: 2, 3), а одна – на северном берегу Сиверсова канала (рис. 2, 14) (Носов, 1990. Рис. 35, 2). Там же в слое второй половины X в. встречена большая железная подвеска (рис. 2, 17) (Носов, 1990. Рис. 30, 4). Миниатюрная железная копия кресала найдена в черном слое X в. в заполнении древнего рва (рис. 2, 12), а маленькая круглая бронзовая встречена при исследовании раннесредневекового комплекса (рис. 2, 13). Одна подвеска является случайной находкой (рис. 2, 10).

К магическим и ритуальным предметам относится еще один тип колец (рис. 3). Это так называемые кольца-амулеты или «погремушки» (Дорофеева, 2011. С. 187–193; Носов, 1990. С. 125, 126, 159, рис. 30, 2, рис. 46, 5; Янссон, 1999. С. 34, 35, рис. 3, 3). О функциональном назначении подобных предметов нет единого мнения (Дорофеева, 2011. С. 187–193; Мусин, 2012. С. 566–569; Носов, 1990. С. 76; Петерсен, 2005. С. 82–84; Поветкин, 2007. С. 178–194; Янссон, 1999. С. 35; Grieg, 1947; Excavations at Helgö, T. I, 1961. P. 148; Pl. 46: 7–8; T. II, 1964. Pl. 85, Fig. 32: 1, 7; T. III, 1970. P. 65, Pl. 17: 1–6; Lund, 1981. P. 246–265; Petersen, 1919. S. 49–50). Они сделаны, как правило, из кованого прямоугольного в сечении прута 4–7×3–4 мм. Диаметр – от 4,8 до 10,5 см. Концы колец уплощены и неплотно заходят друг на друга. У пяти экземпляров есть маленькие колечки-подвески, число которых варьирует от одного до трех (рис. 3, 1–5). Одна «погремушка» с тремя подвесками найдена в мешаном слое раскопа 1980–1983 гг. на центральной площадке Городища (рис. 3, 1) (Носов, 1990. Рис. 46, 5). Здесь же в заполнении хозяйственных комплексов зафиксированы один амулет с частично сохранившимся колечком (рис. 3, 4) и пять – без подвесок (рис. 3, 6–10) (Янссон, 1999. С. 35). Две «погремушки» с надетыми на них маленькими колечками происходят из черного слоя в заполнении древнего рва

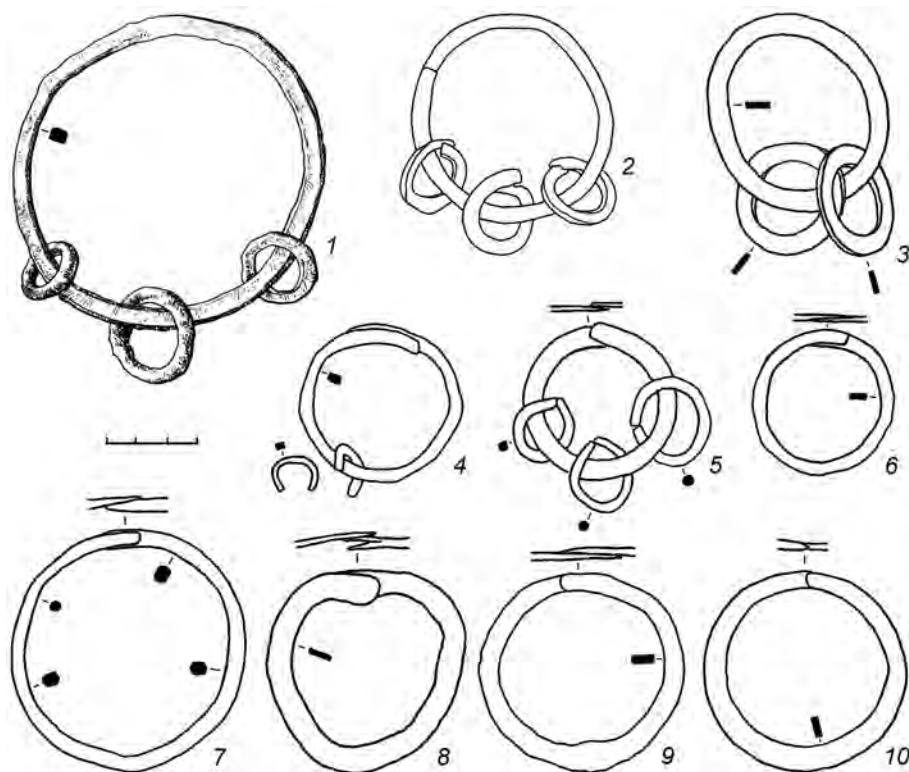

Рис. 3. Кольца-амулеты, железо

1 – по: Носов, 1990, рис. 46; 5 – по: Носов, 1990, рис. 30; 2)

(рис. 3, 2, 3), а одна – из слоя первой половины X в. на северном берегу Сиверсова канала (рис. 3, 5) (Носов, 1990. Рис. 30, 2).

В материалах Городища под Новгородом представлено еще несколько различных амулетов (рис. 4). Самыми значимыми из них являются две небольшие кованые бронзовые подвески с идентичными руническими надписями (Мельникова, 2001. С. 188, 189; Мельникова, Носов, 1987. С. 210–222; Носов, 1990. С. 124, 126, 156, рис. 47; Янссон, 1999. С. 32, 33). Первая – трапециевидной формы, размером 5,8×1,16–2,15 см (рис. 4, 7), вторая – прямоугольной, размером 4,8×1,3 см (рис. 4, 8). Надписи, содержащие магическую формулу, размещены вдоль пластинок, но в первом случае на обеих сторонах, во втором – только на одной. У трапециевидной пластинки сохранилось кольцо для подвешивания с завязанными узлом концами. Один амулет найден в мешаном слое Городища (рис. 4, 8), а другой – в заполнении хозяйственной ямы на центральной площадке, относящейся ко второй половине X в. (рис. 4, 7). Функцию амулетов выполняли также две серебряные подвески, которые в древности могли быть в составе женского ожерелья (рис. 4, 2, 3). Одна из них – в виде маленькой женской фигурки, которые традиционно называются «валькириями».

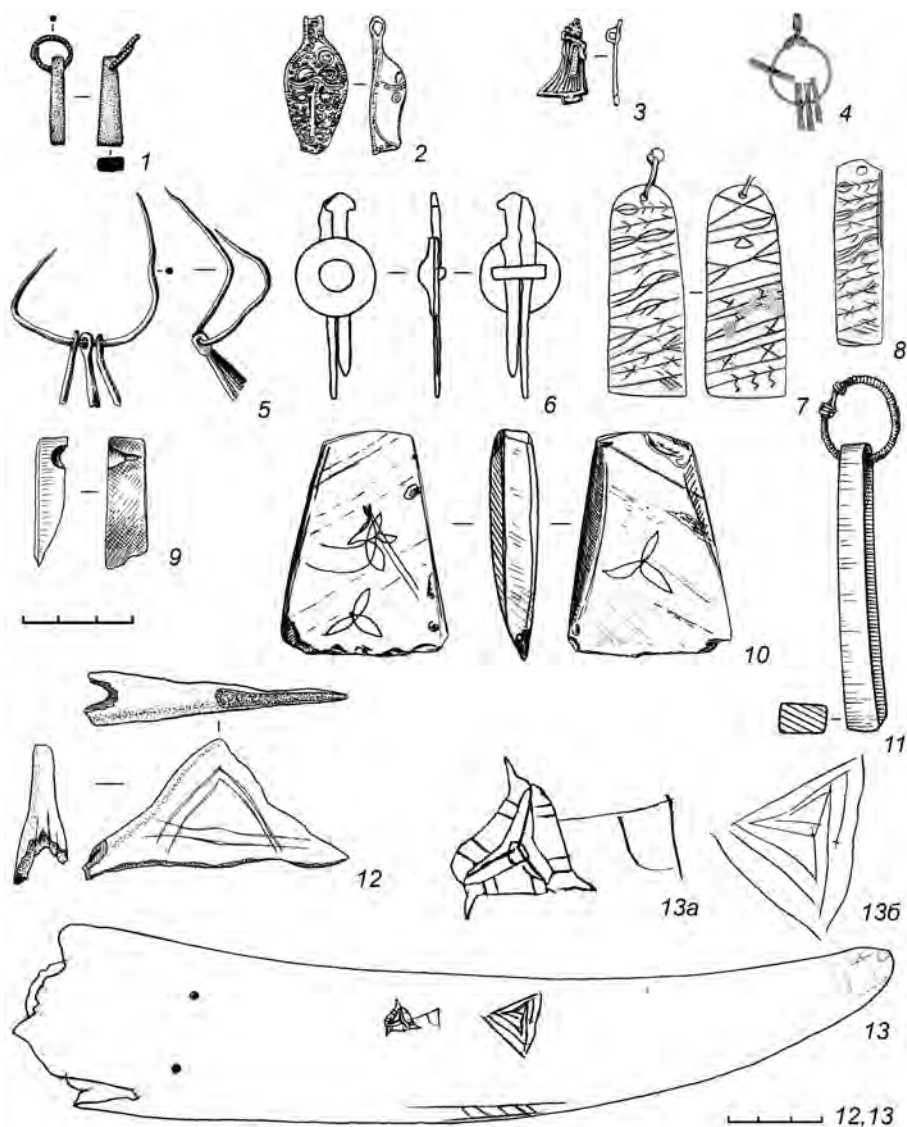

Рис. 4. Миниатюры и другие амулеты

1 – миниатюрный точильный камень с руническими знаками; 2 – подвеска в виде объемной головы дракона; 3 – женская фигурка; 4–6 – наборы амулетов; 7–8 – амулеты с руническими надписями; 9, 11 – оселки-амулеты; 10, 12, 13 – предметы с граффити.

1, 5, 7, 8 – бронза; 2–4 – серебро; 6 – железо; 9–11 – камень; 12–13 – кость.

1, 12 – прорисовка И. В. Заботиной; 3 – по: Носов, 1990, рис. 44; 2; 7, 8 – по: Носов, 1990, рис. 47; 10 – Носов и др., 1998. С. 24, рис. 1; 11 – по: Носов, 1990, 37: 13

Высота амулета – 2,7 см, ширина – 1,6 см (рис. 4, 3) (Меч и златник..., 2012. С. 77, № 170; Носов, 1990. С. 122, 126, 159, рис. 44, 2; Янссон, 1999. С. 26). По мнению А. В. Плохова, фигурка может изображать богиню Фрейю (Плохов, 2004. С. 202–217). Подвеска найдена в мешаном слое на центральной площадке Городища. Второй амулет, случайная находка, – подвеска в виде объемной головы дракона – украшен филигранью и зернью (рис. 4, 2). Высота подвески – 5,5 см, ширина – 1,7 см (Меч и златник..., 2012. С. 77, № 169; Пушкина, 1988. С. 96–103; Торопов, 2014. С. 225–253). Стилизованные изображения змее-драконов были необычайно популярны в искусстве Северной Европы. Изображения хтонических существ на различных предметах, украшениях, фибулах и т. д. должны были притягивать злобный взгляд недоброжелателя, отвлекая его, таким образом, от жертвы (*Hedenstierna-Jonson*, 2006. S. 314–324).

На Рюриковом городище есть несколько находок, которые представляют собой миниатюрные копии различных бытовых предметов или оружия. Такие подвески хорошо известны на территории как Северной, так и Восточной Европы. Эти так называемые «миниатюры» (*miniaturer*) неоднократно становились объектом исследований (Новикова, 1991. С. 193; *Arrhenius*, 1961. S. 142, Fig. 2–4; *Gardela*, 2014; *Stenberger*, 1958. Abb. 41, 17; *Vikingatidens ABC*, 1981. S. 171). Они воспроизводят атрибуты богов или предметы, имеющие, в представлении скандинавов, магическую силу.

Среди городищенских находок встречена миниатюрная копия точильного камня. Эта литая подвеска из низкооловянистой бронзы (рис. 4, 1) сделана, по всей вероятности, в подражание каменным оселкам. На поверхности четырех граней выявлены рунические знаки (Дорофеева, Стеблин-Каменская, 2013. С. 159–175). Амулет найден в 2012 г. в заполнении сооружения, датированного не позднее третьей четверти X в. (Носов и др., 2012. С. 48).

Миниатюрные предметы могли объединять по несколько экземпляров в связку на маленьком кольце. На Городище есть три таких набора. Два из них составлены из стерженьков-посохов или жезлов, а третий копирует оружие: щит, меч и копье (рис. 4, 4–6) (Дорофеева, 2013. С. 255–256).

Первая связка – из бронзы – состоит из трех посохов-жезлов, которые надеты на круглую в сечении проволоку, пропущенную через отверстия в верхней части подвесок (рис. 4, 5). Набор происходит из черного слоя X в. в заполнении древнего рва. Второй набор амулетов, являющийся случайной находкой, сгруппирован из четырех серебряных стерженьков на кольце из тонкой рубчатой проволоки с завязанными концами и высокой двойной петлей (рис. 4, 4) (Дорофеева, 2010. Рис. 1, 14; Меч и златник..., 2012. С. 76, № 162; Торопов, 2014. С. 225–253). В вопросе о конкретной атрибуции стерженьков-посохов мнения ученых расходятся, но все исследователи единодушно признают их амулетами (Новикова, 1991. С. 193; *Arbman*, 1943. S. 24; *Müller-Wille*, 1976. S. 40; *Price*, 2002. P. 203–204; *Vikingatidens ABC*, 1981. S. 171; *Zeiten*, 1997. P. 24, 25).

Третий набор – составленный из предметов вооружения: щита, меча и копья – сделан из железа (рис. 4, 6). Он не имеет отверстия, кольца или петли для подвешивания. Связка найдена на центральной площадке Городища в черном слое X в. при разборке заполнения древнего рва (Дорофеева, 2014. С. 255–256).

Миниатюрные копии оружия известны в североевропейских древностях. Они встречены, например, в Швеции в наборах амулетов из бронзы или серебра (*Arrhenius*, 1961. S. 142, Fig. 2–4; *Stenberger*, 1958. Abb. 41, 17). На территории России также известны миниатюрные щиты, мечи и копья или наконечники копий. В Гнездово они были найдены как в связках амулетов (*Новикова*, 1991. Рис. 4; 5, 3, 4), так и отдельно (*Новикова*, 1991. Рис. 5, 11).

Археологические материалы свидетельствуют о том, что у многих народов в древности бытовала сакрализация точильных камней. Тщательно отполированные оселки четырехгранной формы без следов использования найдены как в мужских погребениях Бирки (Янссон, 1999. С. 35; *Sundbergh, Arwidsson*, 1989), так и в Гнездовском археологическом комплексе, где они входили в «богатый инвентарь погребений людей высокого социального статуса» (*Бычкова и др.*, 2008. С. 312–314). Такие оселки «обычно сделаны из фиолетового или желтоватого ленточного сланца, который придает им видимость орнаментированности, и малопригодны для использования по своему прямому назначению. Поэтому есть основания полагать, что эти оселки носились в качестве амулетов» (Янссон, 1999. С. 35). У индоевропейских народов точильные камни, наряду с другими каменными предметами (топорами, жерновами и пр.), являлись атрибутом бога грозы и неба (*Иванов, Топоров*, 1974. С. 95–96). Об осколке точильного камня, застрявшего в голове у Тора после его битвы с великаном Хрунгилом, упоминает Снорри Стурлуссон, предостерегая «бросать точило поперек пола: тогда шевелится точило в голове у Тора» (Младшая Эдда, 1970. С. 116–118). А. Е. Мусин в работе о скандинавском язычестве приводит мнение А. Карли о том, что в эпоху Великого переселения народов на Севере Европы эти предметы служили в качестве оберегов жилищ, и подчеркивает общекалтийский характер «культы точильных камней» (Мусин, 2012. С. 584). В коллекции Городища есть два оселка без следов использования, которые можно считать амулетами. Один – из черного сланца (рис. 4, 11). Его размеры 9,0×1,5×0,7–1,0 см. У оселка сохранилось кольцо из рубчатой проволоки, концы которого завязаны узлом. Находка происходит из мешаного культурного слоя на центральном раскопе 1980–1983 гг. (*Носов*, 1990. С. 128, рис. 37, 13). Второй – фрагмент оселка из желтоватого ленточного сланца (рис. 4, 9). При попытке просверлить в нем отверстие камень раскололся. Это свидетельствует о том, что такие амулеты могли не только привозить, но и производить на самом Городище. Обломок встречен в черном слое X в. в заполнении древнего рва на центральной площадке памятника.

В городищенской коллекции есть три находки с процарапанными или вырезанными на их поверхности рисунками в виде фигур, образующих треугольники. Такие предметы с граффити тоже можно считать амулетами, потому что их изображения явно имели магическое значение.

Первый экземпляр – тесло из черного полосатого сланца, датируемое эпохой раннего металла¹ (рис. 4, 10). Длина орудия – 6,2 см, ширина у лезвия – 4,6 см, у обушка – 2,8 см. На поверхности обеих сторон процарапан знак трицветры или трилистника. По изображению в центральной части видно, что

¹ Определение орудия выполнено М. Н. Желтовой (Отдел палеолита, ИИМК РАН).

резчик пытался воспроизвести дуги знака, но запутался в линиях и ниже сделал другой, более удачный рисунок. Символ трицветры, один из древнейших сакральных знаков, был широко распространен у ирландцев, фризов, скандинавов. Тесло найдено в мешаном культурном слое раскопа 1997 г. на северном берегу Сиверсова канала (*Носов и др.*, 1998. С. 24, рис. 1).

Второй предмет – клык моржа, на котором процарапаны два треугольника (рис. 4, 13). Один треугольник образуют соприкасающиеся ноги, согнутые в коленях. Второе изображение – в виде «тройного» треугольника – представляет собой несколько незавершенных треугольников, которые пытались вписать один в другой. Клык происходит из коричневого слоя с органикой. Он был найден в раскопе 1999 г. на северном берегу Сиверсова канала (*Носов и др.*, 2009. С. 370–384) и датируется первой половиной X в.

Последняя находка – треугольный фрагмент плоской кости (возможно, от нижней челюсти) крупного копытного животного² (рис. 4, 12). На поверхности вырезаны два треугольника со сторонами: внешний – 2,5×2,8×3,3 см; внутренний – 1,8×2,2×2,7 см. Форма фрагмента кости, размеры которого 5,6×6,1×8,4 см, и вырезанный рисунок в целом составляют тройной треугольник. Отсутствие следов от случайных порезов и царапин от инструмента показывает, что это не было упражнением в резьбе по кости. Находка происходит из черного слоя X в. в заполнении древнего рва (*Носов и др.*, 2010. С. 23).

На Рюриковом городище представлены почти все категории вещей, которые исследователи обычно классифицируют как скандинавские языческие культовые предметы. Разнообразие форм и следы ремонта отдельных амулетов подтверждает, что они попали сюда вместе со своими владельцами, а не в результате торговли. Бракованные и не удавшиеся изделия указывают на существование здесь местного производства, что свидетельствует о спросе на такие амулеты у жителей. Женские подвески-обереги подтверждают, что здесь проживали и скандинавские женщины, имевшие высокий социальный статус.

Выражаю искреннюю благодарность А. В. Плохову, чьи советы помогли при подготовке этой работы.

Литература

- Бычкова Я. В., Ениосова Н. В., Нилус И. М., Пушкина Т. А., 2008. Точильные камни под микроскопом: новые данные об использовании и происхождении оселков из Гнездова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.
- Дорофеева Т. С., 2010. Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб. С. 28–34.
- Дорофеева Т. С., 2011. Скандинавская погремушка X в. с Городища под Новгородом // ННЗ (2011 г.). Вып. 25. С. 187–193.

² Определение А. К. Каспарова (Лаборатория археологической технологии, ИИМК РАН).

- Дорофеева Т. С., 2012. Новые находки кресаловидных привесок на Городище под Новгородом // ННЗ (2012 г.). Вып. 26. С. 187–193.
- Дорофеева Т. С., 2013. Шейные гривны и привески-«молоточки Тора» с Городища под Новгородом (по материалам раскопок 1975–2012 гг.) // ННЗ (Материалы науч. конф., посвященной 80-летию М. Х. Алешковского, 2013 г.). Вып. 27. С. 200–207.
- Дорофеева Т. С., 2014. Отдельные находки металлических привесок-амулетов на новгородском (Рюриковом) Городище // АИППЗ: Материалы 59-го заседания (2013 г.). С. 245–258.
- Дорофеева Т. С., Стеблин-Каменская С. И., 2013. Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом // АВ. № 19. С. 159–175.
- Дубов И. В., 1970. О датировке железных гривен с привесками в виде «молоточков Тора» // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л. С. 262–268.
- Енисова Н. В., 2009. Новые находки скандинавских амулетов в Гнездове // Хорошие дни... Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород, СПб., М. С. 257–260.
- Иванов В. В., Топоров В. Н., 1974. Исследования в области славянских древностей. М.
- Колосова И. О., Милотина Н. Н., 1994. «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребения 57 и 59) // АИП. С. 110–127.
- Мельникова Е. А., Носов Е. Н., 1986. Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. М. С. 210–222.
- Мельникова Е. А., 2001. Скандинавские рунические надписи. М.
- Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства, 2012. Каталог выставки. М.
- Младшая Эдда, 1970. (Литературные памятники). Л.
- Мусин А. Е., 2012. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб. С. 555–602.
- Новикова Г. Л., 1991. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М. С. 182–186.
- Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: новые материалы и исследования (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII). СПб.
- Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Медведева М. В., Юшкова М. А., Хвоцинская Н. В., 2005. Работы на Рюриковом городище // ННЗ (2005 г.). Вып. 19. С. 29–31.
- Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Горюнова В. М., Хвоцинская Н. В., 1998. Раскопки на Рюриковом городище // ННЗ (1998 г.). Вып. 12. С. 22–24.
- Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Михайлов К. А., Янссон И., 2000. Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // ННЗ (2000 г.). Вып. 14. С. 27–31.
- Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвоцинская Н. В., 2010. Продолжение исследований центральной части Рюрикова городища // ННЗ (2010 г.). Вып. 24. С. 17–24.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., Янссон И., 1996. Охранные исследования на Рюриковом городище в 1995 г. // ННЗ (1996 г.). Вып. 10. С. 27–31.
- Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. С., Гирия Е. Ю., 2009. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М. С. 370–384.
- Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. С., Жукова Е. А., 2012. Раскопки Рюрикова городища на месте установки «Княжого камня» // ННЗ (2012).
- Петерсен Я., 2005. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.

- Плохов А. В., 2004. Уникальная литейная форма из Старой Ладogi // АВ. № 11. С. 202–217.
- Поветкин В. И., 2007. Гудебный обиход Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: материалы межд. научн. конф. (2005 г., Великий Новгород). СПб. С. 178–194.
- Пушкина Т. А., 1988. Скандинавские находки из Городища под Новгородом // Скандинавский сборник. Вып. XXXI. Таллин. С. 96–103.
- Торопов С. Е., 2014. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекций Новгородского музея // АВ. Вып. 20. С. 225–252.
- Фехнер М. В., 1966. О происхождении и датировке железных гривен // АСГЭ. Вып. 40. С. 101–104.
- Фехнер М. В., 1967. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М. С. 55–87.
- Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М. С. 18–38.
- Arbman H., 1943. Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Text. Stockholm.
- Arrhenius B., 1961. Vikingatida miniatyrer // Tor. Stockholm; Göteborg; Uppsala. Vol. VII. Excavations at Helgö. Stockholm, 1961. T. I: Report for 1954–1956; Stockholm, 1964. T. II: Report for 1957–1959; Stockholm, 1970. T. III: Report for 1960–1964.
- Gardela L., 2014. Scandinavian Amulets in Viking Age Poland. Rzeszów. Vol. 33.
- Grieg S., 1947. Gjermundbu funnet. En Hovdingegrav fra 900-årene fra ringerike. Oslo.
- Hedenstierna-Jonson C., 2006. Borre style metalwork in the material culture of the Birka warriors // Fornännen. Stockholm. Vol. 101.
- Lund C., 1981. The archaeomusicology of Scandinavia // World Archaeology. Oxford. Vol. 12. N. 3.
- Müller-Wille M., 1976. Das wikingerzeitliche Gräberfeld von Thumby-Bienebek. Teil I // Offa-Bücher. Neumünster. Bd. 36.
- Novikova G. L., 1992. Iron neck-rings with Thor's hammers found in Eastern Europe // Fornännen. Stockholm. Vol. 87. S. 73–89.
- Petersen J., 1919. De norske vikingesverd. Kristiania. Oslo.
- Petersen J., 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Price N., 2002. The Viking Way: Religion and War in Late Iron Age Scandinavia. Uppsala.
- Stenberger M., 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm. Bd. I: Text.
- Ström K., 1984. Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults // Birka II. Stockholm. T. I: Systematische Analysen der Graberfunde. S. 127–140.
- Sundbergh K., Arwidsson G., 1989. Schleif- und Wetzsteine // Birka II: 3. Systematische Analyse der Graberfunde. Stockholm.
- Vikingatidens ABC. Statens historiska museum, 1981.
- Zeiten M. K., 1997. Amulets and amulet use in Viking Age Denmark // Acta Archaeologica. København. Vol. 68.

А. Н. Кирпичников, Н. В. Григорьева, Н. А. Плавинский

Граффито на костяном изделии из Старой Ладogi¹

A. N. Kirpichnikov, N. V. Grigorjeva, M. A. Plavinski. Graffito on a Bone Artifact from Staraya Ladoga

Abstract. Paper is devoted to the publication of a new military graffito, discovered during excavations in Staraya Ladoga in 2012. Image of a man with a sword was drawn on bone artifact – pin (or punches?). The exact dating of the artifact, given the circumstances of its excavation is difficult. Besides, based on the available data on the stratigraphic position of the subject, with equal probability we can assume his assignment as the first half of the 10th century or the 12–13th centuries. However, analysis of analogies and stylistic features of the image inclines us to its early dating. In this case, we can say with some confidence that the oldest known in the territory of Old Rus military graffito was found in Staraya Ladoga.

Ключевые слова: Старая Ладoga, граффити, древнерусское оружие

Keywords: Staraya Ladoga, graffiti, ancient Russian weapons

Граффити с изображением вооруженных людей (далее – воинские граффити) являются достаточно редкими находками на территории Древней Руси. Вместе с тем они могут рассматриваться как крайне важные источники по истории вооружения и военного дела. В связи с этим каждая новая подобная находка представляет большой научный интерес и требует пристального внимания.

Данное сообщение имеет целью публикацию нового воинского граффито, обнаруженного при раскопках в Старой Ладoge в 2012 г. Граффито нанесено на костяное изделие (№ 506 кв. С-ХVIII гл. – 1 – по данным полевой описи), на описание которого следует остановиться отдельно (рис. 1).

Стержневидное по форме изделие с отверстием для подвешивания, по определению А. К. Каспарова (к.и. н., с.н. с. лаборатории археологической технологии ИИМК РАН), выполнено из грифельной кости лошади

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ № 13-01-00147 «Новые материалы в истории Старой Ладogi (по материалам раскопок последних лет)».

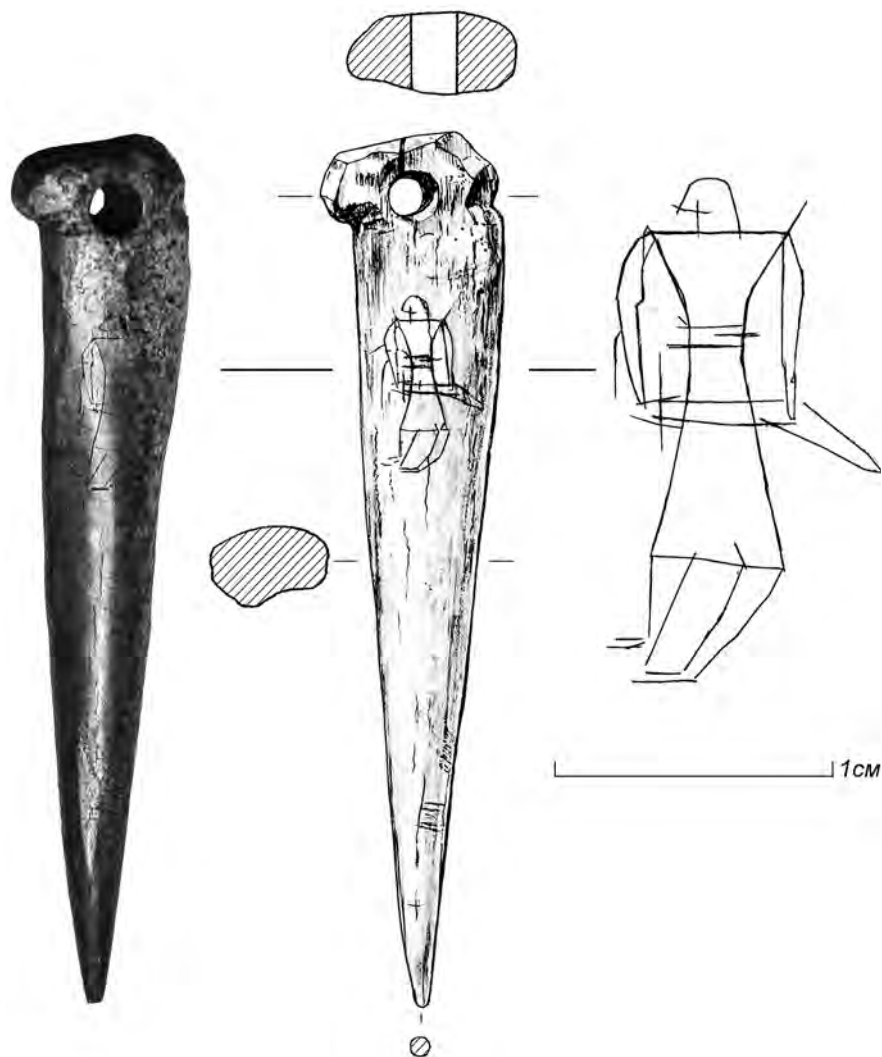

Рис. 1. Старая Ладога, 2012 (№ 506-12 кв. С-ХVIII гл. – 1 – по описи).
Костяная булавка (проколка) и граффито на ней

и достаточно сильно тщательно обработано. Длина изделия 90 мм, имеет естественную слегка изогнутую форму. Если предположить, что сторона с рисунком была лицевой, то она оказывается вогнутой. Заполировка поверхности изделия неполное, нижняя часть стержня заполирована больше. Навершию из остатков эпифиза намеренно придана подпрямоугольная форма со скругленными углами. Самый кончик острия обломан, стерт. Параметры обработанного эпифиза 18×9 мм. Диаметр отверстия для подвешивания 6 мм.

Граффито располагается на 7 мм ниже отверстия для подвешивания по центральной оси изделия, занимает почти всю сторону. Высота изображения – 18 мм, ширина – 10 мм.

Функциональное предназначение изделия

По наличию отверстия и граффито функциональное предназначение артефакта корректнее определить как одежную булавку, а не проколку, но не исключено, что это проколка или подобный хозяйственный инструмент. Одежные булавки с разнообразно оформленными навершиями хорошо известны в Новгородских материалах (Смирнова, 1999). Время наибольшего их распространения приходится на конец XIII – начало XIV в. Но при этом следует учитывать, что такая датировка приводится для одежных булавок, сделанных из прямой фибульной кости свиньи. Тогда как для изготовления ладожского изделия была выбрана изогнутая грифельная косточка лошади.

Хозяйственные орудия, выполненные из грифельных костей лошади, также известны в Новгороде. Подобные инструменты, по предположению Л. И. Смирновой, могли использоваться как инструмент ткача для подбивания нитей утка к нитям основы на вертикальном ткацком станке. Согласно данным Л. И. Смирновой, наибольшее количество таких инструментов происходит из древнейших новгородских горизонтов и фактически перестает встречаться в конце XI – начале XII в., когда вертикальная система ткацкого станка сменяется горизонтальной (Смирнова, 1999. С. 152 и далее). Однако в нашем случае вызывает недоумение связь военного изображения воина и вполне мирного ткацкого инструмента.

Обстоятельства находки и ее датировка

Булавка не имеет точной планиграфической и стратиграфической привязки. Она была выявлена при обработке массового остеологического материала, отобранного за 9 июля в квадрате С–XVIII.

Линия квадратов «С» в южной части раскопа 5, откуда происходит находка, на высотах около нулевой отметки является пограничной между площадью со следами интенсивной последовательной жизнедеятельности с середины IX в., содержащего на данной глубине лепную керамику, и участком, содержащим на этом же уровне строительные остатки с фрагментами керамических сосудов древнерусского времени (не позднее XII–XIII вв.) (Кирпичников, 2012. С. 12). Поскольку точная планиграфическая привязка находки нам неизвестна, допустимо рассматривать оба варианта ее датировки.

Если предположить, что булавка происходит из более ранних слоев, то период ее археологизации можно соотнести с первой половиной X в., времени функционирования «Большого дома», расположенного чуть западнее (исследования раскопов 3 и 4, 2002, 2007 гг.), или с постройкой № 1 (исследования раскопов 4 и 5 в 2008, 2012 гг.), сохранившиеся нижние венцы которой имеют порубочные даты в рамках 20-х гг. X в.

Описание граффито

Граффито представляет собой достаточно схематичное изображение человека в полный рост. Человек показан в длинной (до колен и даже ниже), возможно, подпоясанной одежде (рис. 1). Наибольший интерес представляет предмет, который человек держит в опущенных руках. Практически с полной уверенностью можно предполагать, что автор рисунка пытался изобразить меч с достаточно широким перекрестьем. Судить о типологической принадлежности меча не представляется возможным, так как его навершие осталось неизображенным. Можно предположить, что «художник» пытался показать, как воин достает меч из ножен, однако общий схематизм рисунка заставляет относиться к интерпретации его деталей с максимальной осторожностью.

Интерпретация и аналогии

Воинские граффити отличаются от других памятников иконографии схематичностью и минимальной проработкой мелких деталей, что предопределено самим характером изображений, которые могли наноситься самыми разнообразными острыми предметами на любой более-менее пригодной для этого поверхности: на монетах, костях (как в рассматриваемом случае), пряслицах, оселках, строительных материалах и т.д. Граффити наносились обычными людьми, которые не имели никаких определенных художественных навыков и, вероятно, не ставили перед собой цель создания изображений, которые бы долго сохранялись. Вместе с тем очевидно, что авторы граффити очень хорошо знали предметы, которые рисовали, так как они сопутствовали им в повседневном быту. Кроме того, подобные рисунки лишены или, по крайней мере, максимально свободны от иконографических традиций, под влиянием которых находились профессиональные мастера. Именно поэтому граффити являются ценными источниками, передающими бытовые реалии своего времени, хотя схематичность этих изображений заставляет максимально осторожно подходить к их интерпретации (Плавинский, 2013. С. 389).

Следует отметить, что все известные авторам воинские граффити с территории Древней Руси относятся ко времени не ранее XI в. (рис. 2). Это позволяет рассматривать рисунок из Старой Ладogi как древнейшее в своем роде, относящееся еще к эпохе викингов (в том случае, если верна ранняя датировка артефакта, – первая половина X в.).

Анализ известных воинских граффити позволяет сделать вывод, что основными атрибутами профессионального воина в повседневном сознании людей древнерусского времени были шлем, щит и меч (Плавинский, 2013. С. 390–398). Соответственно, рисунок человека с мечом на рассматриваемом нами изделии является самым ранним граффито, изображающим профессионального воина – человека, вооруженного лишь мечом.

Отметим, что для эпохи викингов на территории Восточной Европы было характерно изображение отдельных предметов вооружения и снаряжения: мечей, скрамасаксов, копий, флагов. Именно такие граффити встречаются на арабских монетах-дирхамах (Добровольский и др., 1981. С. 60–63; 1991. С. 51–62).

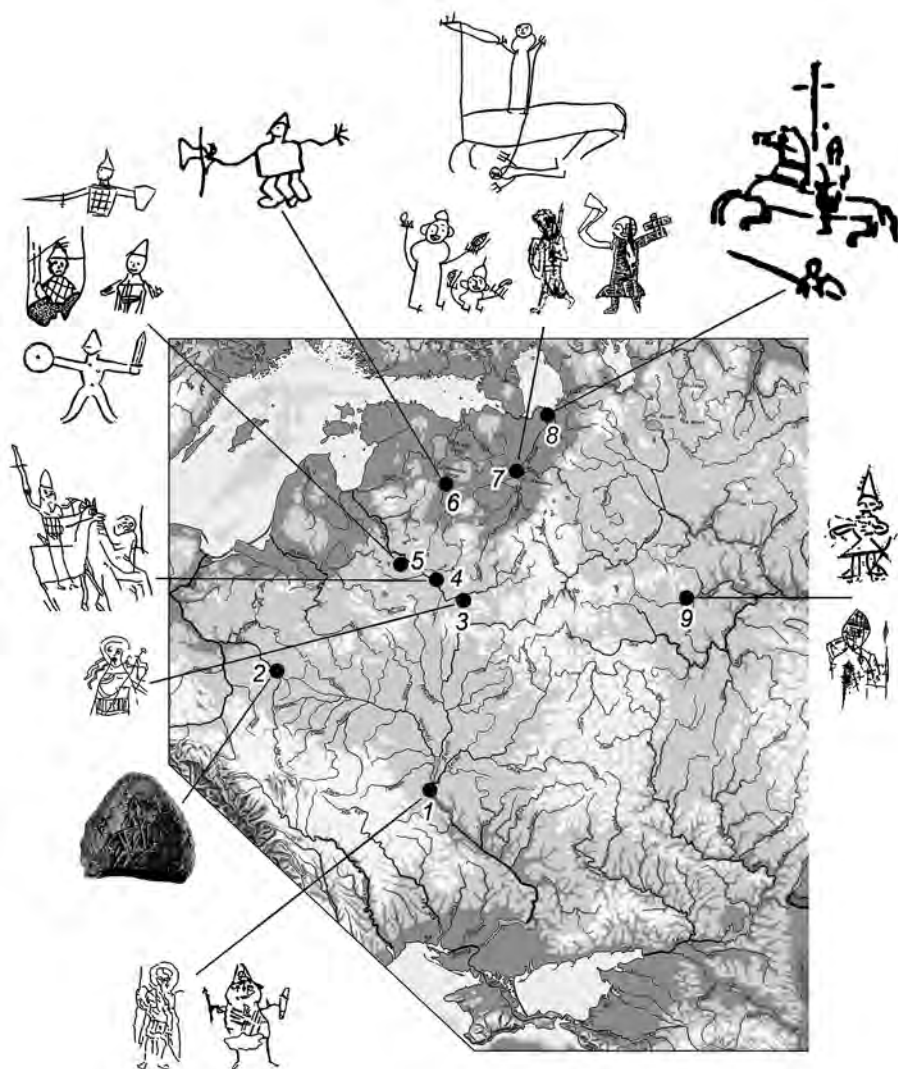

Рис. 2. Древнерусские воинские граффити. Карта находок: 1 – Киев, 2 – Брест, 3 – городище Масковичи Витебской области, 4 – Полоцк, 5 – Витебск, 6 – Псков, 7 – Новгород, 8 – Старая Ладога, 9 – Владимир

Однако это касается не только монет, но и других предметов эпохи викингов с процарапанными рисунками (рис. 3), найденных на территории Руси (Дубов, 1982. Рис. 39, 11; 40, 12).

Несмотря на то, что до сих пор на Руси не было найдено ни одного воинского граффито эпохи викингов, к мысли о ранней датировке рисунка из Старой Ладоги подводит общий анализ его стилистических особенностей. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что среди более поздних воинских

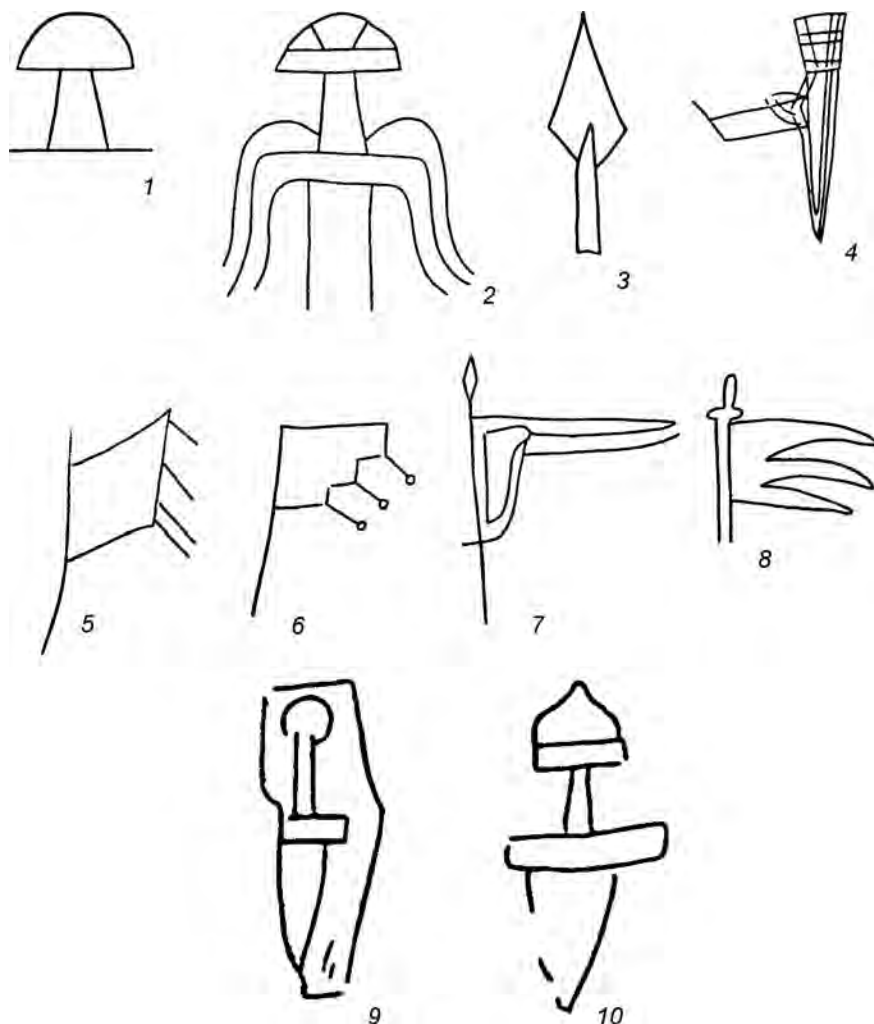

Рис. 3. Граффито на восточных монетах (1–8) и артефактах (9–10) эпохи викингов: 1 – Фридрихсгофский клад, 2 – Ериловский клад, 3 – клад неизвестного происхождения с территории Эстонии, 4 – клад неизвестного происхождения, 5 – клад неизвестного происхождения, 6 – Гнёздово, курган № 97, раскопки С. И. Сергеева, 1899, 7–8 – Погорельщинский клад, 9–10 – Тимерёво (1–10 – по: Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991. С. 51–67)

граффито XI–XIII вв. старолadoжский рисунок не находит сколько-нибудь близких аналогий (рис. 2). Вместе с тем определенные параллели рассматриваемое граффито имеет среди изображений на готландских изобразительных поминальных камнях и рунических камнях (рис. 4). Это позволяет отнести граффито из Старой Ладogi к североевропейской изобразительной традиции эпохи викингов и косвенно подтверждает его раннюю датировку – первая половина X в.

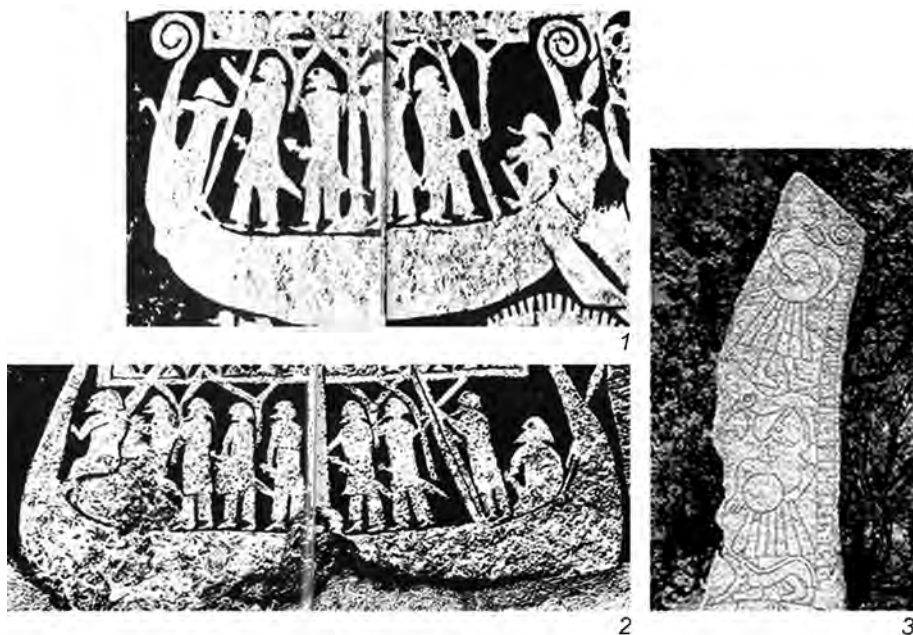

Рис. 4. Изображения воинов на готландских изобразительных поминальных (1–2) и шведских рунических камнях (3)

Рассматриваемое граффито является не первым подобным рисунком, выявленным в Старой Ладоге. На стенах церкви Успения обнаружен рисунок, относящийся ко времени не ранее XII в. На рисунке изображен всадник на (вздыбленном?) коне (видна конская упряжь). В правой руке у всадника показано копьё или крест, а на голове стожковый шлем (рис. 3, 8). Рядом с ним погрудно изображен второй воин с копьём в правой и щитом в левой руке (Васильев, 2001. С. 233. Рис. 4).

Кроме того, на фрагменте фрески из раскопок Н. Е. Бранденбурга несохранившихся церквей XII в. Воскресения Христова или Святого Петра имеется изображение человека, датируемое XII–XIV вв., туловище которого исчерчено перекрещивающимися косыми линиями (Старая Ладога, № 508). Подобным образом на древнерусских воинских граффито могло изображаться прикрытие корпуса воина (кольчуга или пластинчатый доспех) (Плавинский, 2013. С. 392–396). Однако отсутствие других предметов вооружения заставляет воздержаться от однозначной интерпретации данного рисунка.

Исторический контекст

Обращает на себя внимание то, что воин на граффито вооружен только одним видом оружия – мечом, что позволяет назвать его «мечником». Данный термин известен по упоминаниям в летописи и «Русской правде» (Словарь... С. 154–155).

Мечник понятие многозначное: это страж, оруженосец, вооруженный чиновник придворного окружения князя, он участник в княжеских судебных

разбирательствах. Такой меченоша выполнял иногда дипломатические поручения князя и, как однажды отмечено в источнике, действовал как палач (Срезневский, 1902. Стлб. 132–133). Судя по находкам в раскопках Новгорода деревянного подписного цилиндра-замка (цилиндр 5) (Янин, 1982. Рис. 5), мечник привлекался к сбору доходов и сам получал фиксированные пошлины. По своему правовому положению этот придворный администратор в Русской правде приравнен к гридням, купцам, тиунам, ябетникам. Причислять его к дружинникам, воинскому сословию ошибочно. Жизнь мечника защищал штраф в 40 вирных гривен, за его истязания, без распоряжения князя, в 12 вирных гривен (Янин, 1982. С. 142–143). Из этого следует, что действия мечника, очевидно, по сбору пошлины не всегда были безопасны, и меч, как орудие самозащиты и символ княжеской власти, ему был необходим.

Свои полномочия мечник мог подтвердить верительными знаками. Возможно, что именно к таким знакам относится подвеска, найденная, по непроверенным данным, близ пос. Седнев Черниговской области в Украине, с изображением меча на одной стороне и трезубца князя Владимира Святославовича на другой, что, по мнению С. В. Белецкого, определяет время использования подвески в рамках 974–1015 гг. (Белецкий, 2014. С. 14. Рис. 7). Для сопоставления отметим, что на упомянутом цилиндре из Новгорода были также вырезаны, правда схематично, те же знаки с надписью «мецницъ мехъ» (Янин, 1982. Рис. 5).

Следует также упомянуть еще одну подвеску из Рождественского могильника в Прикамье, относимую к X–XI вв. На одной стороне подвески изображение трезубца Владимира Святого, на другой представлен меч, соединенный с молотком бога Тора. По мнению Н. Б. Крыласовой, подвеска, как печать, могла принадлежать болгарскому купцу (Крыласова, 1995. С. 195–196). С. В. Белецкий пишет о данном предмете следующее: *«владелец знака меч-молот, во-первых, являлся служащим Владимира Святославича, во-вторых, принадлежал к числу выходцев из Скандинавии, в третьих, обладал на Руси обширными полномочиями и статусом, равным статусу сыновей Владимира Святого»* (Белецкий, 2004. С. 258–259). Соглашаясь с тем, что подвеска принадлежала этническому скандинаву, нет, однако, уверенности в княжеском статусе его владельца. Носитель подвески был погребен по обряду ингумации и, судя по составу погребального инвентаря, вряд ли обладал высоким социальным статусом. Напрашивается предположение, что владелец подвески либо принадлежал к местному обществу, либо, выполняя должностные обязанности как посланник Киева, умер и был погребен в далеком Прикамье. Не подсказывает ли изображение меча на подвеске принадлежность ее владельца к мечникам, среди которых, конечно, могли быть и скандинавы.

Появление в княжеском обиходе чина мечника, вероятно, связано с Византией, где в документах встречаются термины *speculator* и *spatharios* (Успенский, 1898. С. 118 и след.), которым в переводах соответствует слово «мечник» (Срезневский, 1902. Стлб. 133). Особенно важно подчеркнуть, что «мечник» – это калька с названия дворцовой должности *spatharios* (буквально – меченосец). Судя по русским источникам, институт мечников существовал на Руси в течение большей части домонгольского периода.

Представляется, что приведенные данные не противоречат атрибуции изображения на староладожской находке как меченосца – мечника.

* * *

Таким образом, в ходе раскопок 2012 г. в Старой Ладоге было найдено ко-
стяное изделие – булавка (или проколка?), на которое нанесено воинское граф-
фито – изображение человека с мечом. Точная датировка артефакта, учитывая
обстоятельства его выявления, затруднительна. Исходя из имеющихся данных
о стратиграфическом положении предмета, с равной вероятностью можно
предполагать его отнесение как к первой половине X в., так и к XII–XIII вв.
Вместе с тем анализ круга аналогий и стилистических особенностей самого
изображения склоняет нас к ранней датировке. В таком случае можно с опре-
деленной уверенностью говорить, что в Старой Ладоге обнаружено древней-
шее из известных на территории Древней Руси воинское граффито.

Литература

- Белецкий С. В., 2004. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ла-
дога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Белецкий С. В., 2014. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Лад-
га и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4. СПб.
- Васильев Б. Г., 2001. Рисунки-граффити церквей XII в. в Старой Ладогe // ННЗ. Вып. 15.
С. 230–245.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1981. Классификация и интерпрета-
ция граффити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа) // Труды ГЭ. Т. XXI.
Нумизматика 5. Л. С. 53–77.
- Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К., 1991. Граффити на восточных моне-
тах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.
- Дубов В. И., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-ар-
хеологические очерки). Л.
- Кирпичников А. Н., 2012. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспеди-
ции на Земляном городище в Старой Ладогe Волховского района Ленинградской
области в 2012 г. // Архив ИА РАН.
- Крыласова Н. Б., 1995. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могиль-
ника // РА. № 2.
- Плавинский Н. А., 2013. Древнерусские граффити как источник по истории вооружения:
к постановке вопроса // АИППЗ. Материалы 58-го заседания. М.; Псков. С. 389–399.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1982.
- Смирнова Л. И., 1999. Проколки. Хронология и функциональное назначение // ННЗ.
Вып. 13. С. 142–162.
- Срезневский И. И., 1902. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб.
- Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003.
- Успенский Ф. И., 1989. Византийская табель о рангах // Известия русского археологи-
ческого института в Константинополе. 3.
- Янин В. Л., 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский
сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

А. А. Залогина, А. И. Волковицкий

Свинцово-оловянные украшения из раскопок Земляного городища разных лет (немного статистики)

A. A. Zalogina, A. I. Volkovitsky. Lead-Tin Decorations from the Different Year Excavations of Earthen Hillfort (some statistics)

Abstract. Problems associated with the practice of lead-tin decorations from the excavations of the Earthen hillfort production were first actualized by A. D. Machinskaya and subsequently by O. A. Scheglova and N. V. Grigoryeva.

The article presents some results made earlier and directly relevant to the subject, as well as a new perspective on the statistical distribution of lead-tin alloy decorations at the Earthen hillfort of Staraya Ladoga.

Ключевые слова: свинцово-оловянные украшения, литейные формы, Старая Ладога, статистическое распределение, периодизация, хронология

Keywords: lead-tin decorations, casting molds, Staraya Ladoga, statistical distribution, periodization, chronology

Как известно, при археологических исследованиях Пскова и его окружи (в первую очередь, городищ Псковского, Изборского и Камно) были обнаружены литейные формы для изготовления свинцово-оловянных украшений (Закурина, 2013. С. 203–213; Седов, 2007; Тараканова, 1949. С. 104–112; Тараканова, 1950. С. 48–62; Тараканова, 1956. С. 33–44).

Проблематика, связанная с практикой изготовления мелких плоских бляшек и привесок из низкотемпературных свинцово-оловянных сплавов из раскопок ладожского Земляного городища, впервые была актуализирована в научном творчестве А. Д. Мачинской (Мачинская, 1988. С. 17–19; Богуславский, Мачинская, 1993. С. 117–122.). В последующем были намечены качественно новые подходы к изучению этой категории украшений.

Ниже приведены некоторые выводы, имеющиеся на сегодняшний день, которые касаются темы нашей статьи.

Практика изготовления свинцово-оловянных украшений, заимствованная в Подунавье, распространяется в VI столетии в Поднестровье и Побужье,

а позднее – далее на север через ряд промежуточных территорий – вплоть до Приладожья и Причудья (Щеглова, 2002. С. 137);

Здесь ключевым памятником, связанным с традицией изготовления этих изделий, является городище Камно, местный, финский, общий характер материальной культуры которого подчеркивается исследователями. Это – противоречие концепции Щегловой, которое еще предстоит преодолеть. Однако некоторые негативы вещей на каменных формочках из Ладоги допускают иной, нежели Причудье и Повеличье, регион их заимствования (Щеглова, 2002. С. 134–150; Щеглова, 2003. С. 38–46);

Время бытования свинцово-оловянных украшений на Земляном городище первоначально определялось по материалам из раскопок Е. А. Рябинина (Рябинин, 1985. С. 27–75; Рябинин, Черных, 1988. С. 72–100). А. Д. Мачинская писала в целом о 760–840 гг. (имея в виду горизонт E_3 в целом) (Мачинская, 1988. С. 17), а уже О. А. Щеглова, ссылаясь на наблюдения самого автора раскопок, подчеркивала, что 6 из 12 вещей приурочены к его нижней части, конкретно – к напластованиям 760–780 гг. (Щеглова, 2002. С. 135).

Говоря о наборе самих предметов, О. И. Давидан, Е. А. Рябинин (Давидан, 1980; Рябинин, 1985. С. 27–75) и позднее О. А. Щеглова (Григорьева, Щеглова, 2012. С. 255) писали, что «большие бляшки [с крестом] на Земляном городище не встречаются выше горизонта 770–780-х гг., а производные от них маленькие попадают вплоть до начала X в.» (Щеглова, 2002. С. 145).

После работ О. А. Щегловой, основанных на материалах раскопок Земляного городища Старой Ладоги до 1999 г., появились статьи Н. В. Григорьевой, посвященные общей характеристике свинцово-оловянных украшений и каменных форм из исследований 2000-х гг. (Григорьева, 2011. С. 181–184; Григорьева, Щеглова, 2012. С. 250–255). Проблема заключается в том, что в них не рассматривается важный вопрос, связанный с проблематикой количественного соотношения украшений из раскопок разных лет.

Итак, традиция свинцово-оловянных украшений в памятниках Восточной Европы представлена как находками формочек для их изготовления, так и самими изделиями. Последние, из-за специфики, связанной с плохой сохранностью сплава, имеются далеко не на всех памятниках, где они бытовали (в тенденции – на меньшинстве). Это обстоятельство не только затрудняет рассмотрение всех этих памятников в комплексе, но и требует крайней осторожности в той части выводов, где неизбежно оперирование любой статистикой.

Ладога (Земляное городище и участок на Варяжской улице, исследованный в 1972–1978 гг.) относится к группе памятников, на которых представлены и формочки, и отливки.

На рис. 1 показан сводный план основных раскопок на Земляном городище, начиная с исследований Н. И. Репникова, с указанным количеством найденных свинцово-оловянных украшений (на плане отсутствуют небольшие участки, вскрывавшиеся Н. И. Репниковым и исследованные В. И. Равдоникасом в восточной части памятника, а также исследования фундамента церкви св. Климента):

– Раскоп Н. И. Репникова 1911–1913 гг., 400 м² или 640 м² (в разных работах фигурируют разные цифры, что связано как со сложностью подсчета

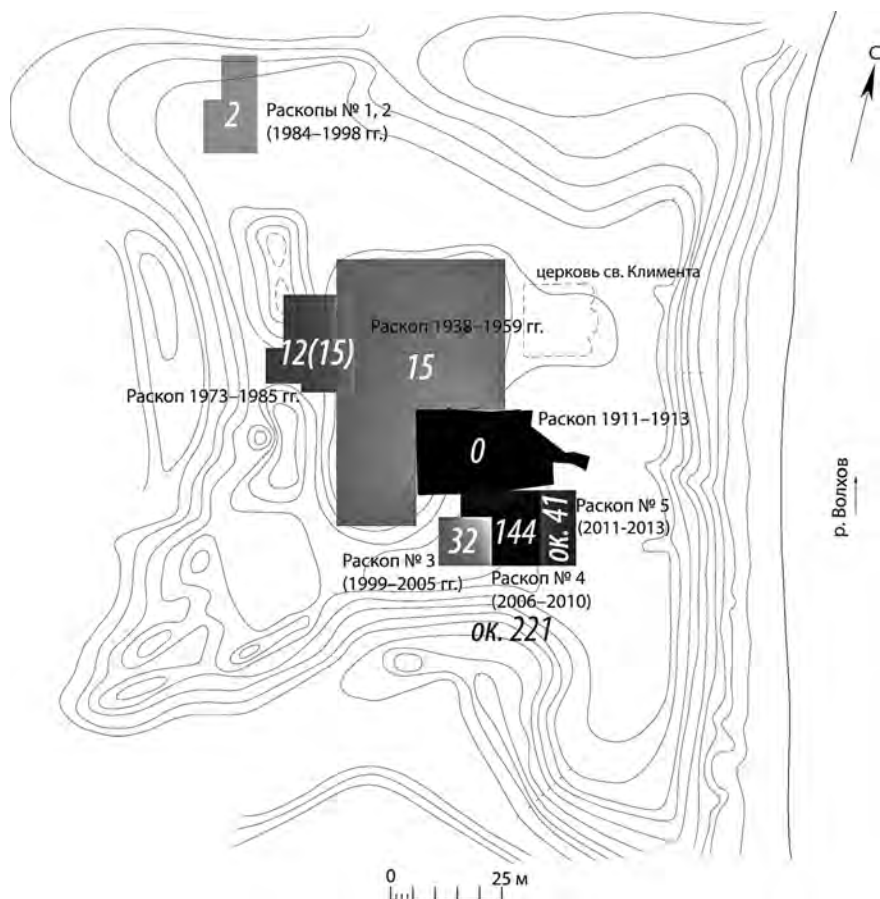

Рис. 1. Сводный план основных раскопов на Земляном городище с указанием количества найденных свинцово-оловянных украшений

«ломаного раскопа», так и с оценкой площади участков, доведенных до материка) (Равдоникас, 1949. С. 8);

– Раскопки Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса на площади ок. 1500 м² (как указывается в отчетной документации, ряд квадратов, как и у Н. И. Репникова, не был исследован до материка) (Равдоникас, 1949. С. 11–12);

– Раскопки Е. А. Рябиной, 1970-е – 1980-е гг., ок. 325 м² в районе западного вала (Рябинин, Черных, 1988. С. 73);

– Исследования экспедиции А. Н. Кирпичникова на северо-западном бастионе Земляного городища в 1984–1998 гг. – так называемые раскопы 1 и 2 общей площадью 264 м² (Кирпичников, 1992. С. 1; 1999. С. 2);

– Раскопы 3–5, исследовавшиеся А. Н. Кирпичниковым в 1999–2013 гг. на площади 488 м² в южной части Земляного городища (Кирпичников, 2006. С. 5; 2011. С. 2; 2014. С. 4);

Необходимо подчеркнуть, что на площадях, вскрытых Н. И. Репниковым и Е. А. Рябининым, а также на большей части раскопа В. И. Равдоникаса была зафиксирована вся колонка ранних слоев Земляного городища, начиная с сер. VIII в., в то время как в его северной и южной частях, исследовавшихся А. Н. Кирпичниковым, ранних слоев обнаружено не было.

По всем этим раскопам свинцово-оловянные украшения распределяются, на первый взгляд, крайне неравномерно (литейные формы при составлении статистики использованы не были):

1. Репников Н. И. Свинцово-оловянных украшений нет, хотя есть формы для их отливки (5 фрагментов). Можно говорить об утрате этой части коллекции, учитывая ее судьбу вообще, но факт налицо.

2. Равдоникас В. И. На сегодняшний день известна лишь серия, которая исчисляется по-разному (то 19, то более 15 бляшек). По сведениям хранителя ладожской коллекции в Эрмитаже Б. С. Короткевича (за что выражаем ему глубокую благодарность) выяснилось, что под шифром, приводимым О. И. Давидан, числятся «только 6 стеклянных бус», а также «в сопроводительной записке указано и 15 металлических кружков». Где сейчас находятся эти предметы, неизвестно, но ясно, что актуально новое обращение к материалам из раскопок 1938–1950-х гг.

3. Рябинин Е. А. 12 (в других работах – 10) украшений из свинцово-оловянного сплава (*Мачинская*, 1988. С. 17).

4. Кирпичников А. Н. 1984–1998 гг. – 2 предмета.

5. Наконец, раскопки 1999–2013 гг. Здесь картина совершенно иная. Коллекция насчитывает около 220 вещей.

Как мы видим, серия с 500 м² южного участка Земляного городища превосходит не только серию со всей вскрытой ранее площади (более 2000 м²), но и превышает всю ладожскую серию с учетом единичных сохранившихся свинцово-оловянных украшений из раскопок на Варяжской улице (ок. 600 м²) (*Петренко*, 1985. С. 81–82).

Более того, в раскопках 2000-х гг. нет слоев с застройкой, точно датированных ранее (условно) 870–880-ми гг. – иными словами, все эти вещи (за исключением отдельных предметов из слоя Д) происходят из горизонта Е₁, т. е. выпадают в достаточно ограниченный временной отрезок.

Зафиксированная картина, безусловно, требует своего объяснения. Оно принципиально может быть двояким:

1. мы констатируем специфику данного участка поселения (нечто похожее было сделано применительно к более поздним слоям, в которых была выявлена исключительная для Ладоги серия памятников древнерусской сфрагистики); специфика эта может быть самого разного свойства;

2. диспропорция связана с методикой раскопок.

Мы бы хотели акцентировать внимание на последнем факторе. Как известно, Староладожские археологические экспедиции редко прибегали к практике промывания слоя. В то же время, с середины 2000-х гг. на раскопках в Старой Ладоге активно используются металлоискатели. Как нам представляется, именно это обстоятельство и позволило существенно увеличить долю находимых свинцово-оловянных украшений. Позволим себе привести мнение

участников раскопок о том, что даже сравнительно мелкие стеклянные бусы заметить принципиально легче, чем небольшие вещи, по своей фактуре ничем, по сути дела, не отличающиеся от темного гумуса и навоза. Следует отметить, что и некоторые другие вещи в 2000-е гг. стали находиться в значительно больших количествах в сравнении с раскопками прошлых лет (например, штампованные трапециевидные подвески из медного сплава).

Отсюда вытекают как минимум две основные проблемы, которые усложняют общую картину:

1. Если списывать все на использование техники, то у нас нет никаких оснований считать исследованный А. Н. Кирпичниковым с 1999 по 2013 гг. участок «уникальным», и мы вынуждены признать, что и в прошлых раскопах все эти вещи были в сопоставимых количествах. Хорошим примером, как вещи могут пропускаться в ходе раскопок, стали работы 2005 г., когда комплекс, уже исследованный В. И. Равдоникасом, был вскрыт в четвертый раз (раскопки В. И. Равдоникаса, траншея 1986 г., раскопки 1999 г. и, наконец, 2005 г.). В засыпке этого комплекса среди прочих, достаточно крупных предметов, были и свинцово-оловянные бляшки; легко посчитать, сколько раз они были выброшены в отвал.

2. У нас нет ответа на вопрос, насколько отражает реальную картину выборка свинцово-оловянных вещей из раскопок Е. А. Рябина, на основании которой в значительной степени строились выводы О. А. Щегловой. Исходя из наших наблюдений, она может считаться абсолютно случайной по всем позициям:

– соотношение разных типов отливок и динамика развития самого набора, казавшаяся столь очевидной (от доминирования больших круглых плоских бляшек с крестом к небольшим круглым плоским бляшкам разных вариантов);

– явная лакуна выпадения этих вещей на участке, исследованном Е. А. Рябиным, начиная с сер. IX столетия, в то время как исследования последних лет демонстрируют их самое широкое бытование вплоть до слоя, верхняя граница которого определяется датами большой постройки из раскопок 2002, 2007 гг. (была возведена не ранее 931 г.)

Суммируя вышесказанное, стоит признать, что:

1. В настоящий момент в распоряжении исследователей в материалах Земляного городища имеется две серии отливок, происходящих из разных слоев памятника: коллекция из раскопок Е. А. Рябина и коллекция из раскопок А. Н. Кирпичникова 2000-х гг.

2. Серия из раскопок последних лет, в связи с использованием в процессе работы металлодетекторов, представляется менее случайной.

3. Трудно сказать, насколько справедливы наблюдения над сменой набора этих украшений, если они строятся путем механического слияния описанных выше двух серий: доминирование небольших круглых плоских бляшек может быть связано и с их позицией (количественным превосходством) в самом уборе, так как вплоть до горизонта Е₁ известны и крупные круглые плоские бляшки с крестом.

4. Представления о «рубеже IX–X вв.» как о верхней границе бытования этой традиции в Ладоге должны быть скорректированы. Эта «граница» включает в себя фактически всю первую треть X столетия.

Литература

- Богуславский О. И., Мачинская А. Д., 1993. Сяьское городище и поселения Нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. (ПАВ. № 6). СПб.
- Григорьева Н. В., 2011. Вещи из свинцово-оловянистых сплавов из раскопа III на Земляном Городище в Старой Ладоге // Археологія: спадок вікі в. Матеріали Міжнародної наукової конференції студентів, аспірантів та молодих вчених (7–8 квітня 2011 р.), Біла Церква.
- Григорьева Н. В., Щеглова О. А., 2012. Украшения из свинцово-оловянистых сплавов в материалах раскопа 3 на Земляном городище в Старой Ладоге // Истоки славянства и Руси. Сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г.). СПб.
- Давидан О. И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладогe // АСГЭ. Вып. 21. Л.
- Закурина Т. Ю., 2013. Предварительные итоги комплексного исследования поселения Камно // АИППЗ: Материалы 58 заседания (2012).
- Кирпичников А. Н., 1992. Отчет о работах Староладожской экспедиции в 1991 г. (Ленинградская область) // Архив ИА РАН. Р-1. № 16069.
- Кирпичников А. Н., 1999. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции в июле 1998 г. в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 21462.
- Кирпичников А. Н., 2006. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2005 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 36088.
- Кирпичников А. Н., 2011. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40081.
- Кирпичников А. Н., 2014. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в пос. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 40739.
- Мачинская А. Д., 1988. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладоги // ННЗ.
- Петренко В. П., 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Равдоникас В. И., 1949. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. Вып. XI.
- Рябинин Е. А., 1985. Новые открытия в Старой Ладогe (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Рябинин Е. А., Черных Н. Б., 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1.
- Седов В. В., 2007. Изборск в раннем средневековье. М. 413 с.
- Тараканова С. А., 1949. Раскопки древнего Пскова (1945–1947 гг.) // КСИИМК. Вып. XXVII.
- Тараканова С. А., 1950. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК. Вып. XXXIII.
- Тараканова С. А., 1956. Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62.
- Щеглова О. А., 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Щеглова О. А., 2003. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. из Старой Ладоги и Любшанского городища и их восточноевропейские параллели // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.

В. Ю. Соболев

Которской погост. Работы 2012–2014 гг. и некоторые итоги топографического обследования археологического комплекса

V. Yu. Sobolev. Kotorsk Pogost. Works of 2012–2014 and Some Results of the Archaeological Complex Topographical Study

Abstract. The archaeological monuments near the village Kotorsk of Luzsky Uyezd were first noticed by the researchers in the early 20th century in the process of gathering information for the archaeological map of St. Petersburg province compilation. The systematic study since the mid-1980s has allowed us to assess them as a single complex of sites – a small fortified town and an associated rural settlement and several cemeteries of different times abandoned by residents.

A series of studies by nondestructive methods launched in 2012 included a new close-up topographic plan of the entire archaeological complex research shooting. The result was the elaboration of topographic positions and boundaries of individual sites, their relative position and identification of previously unknown objects. The data obtained became the basis for the construction of a digital model of relief.

Ключевые слова: Которской погост, микротопография, цифровая модель рельефа.

Keywords: Kotorsk Pogost, microtopography, digital model of relief.

Которской погост – локальный центр запада средневековой Новгородской Земли – не раз становился объектом докладов и публикаций. История его изучения насчитывает уже более ста лет. Локализация средневекового Никольского Которского погоста на месте современного села Которско/Которск Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии была предложена А. М. Андрияшевым (*Андрияшев*, 1914). Впервые информация о наличии археологических памятников у села Которского была получена Л. Н. Целепи при сборе данных к археологической карте Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Сведения были занесены в его полевой дневник со слов крестьян Лужского уезда, рассказавших о располагающихся к югу от села двух сопках и группе курганов (*Целепи*, б/г, л. 18 об.). Упомянутые крестьянами сопки можно соотнести с группой из трех высоких насыпей и стоявших на правом

берегу р. Городоньки, курганная группа сейчас вряд ли может быть надежно идентифицирована.

В картотеке А. А. Спицына, на протяжении многих лет собиравшего сведения об археологических памятниках России, зафиксирована информация о наличии «городка» у села Которско (*Спицын*, 459, л. 277, 895), однако эти данные не вошли в материалы для составления археологической карты под руководством Н. К. Рериха, возможно, они были получены позднее.

В архивных материалах и в археологической литературе второй половины XIX – первой четверти XX в. не удалось найти никаких упоминаний о раскопках в районе д. Которск. Тем не менее современные исследования показали, что один из курганов, содержащий под насыпью захоронение древнерусского времени, был, судя по методике проведения раскопок, изучен именно в конце XIX – начале XX в.

Во второй половине 1920-х гг. в Ленинградской губернии (Ленинградской области после административно-территориальной реформы 1 августа 1927 г.) были развернуты масштабные работы по учету и обследованию археологических памятников (*Белова*, 1985), основой при проведении которых, очевидно, стали списки памятников и материалы, собранные для археологической карты в начале XX в. При обследовании территории Лужского уезда¹ в 1927 г. сотрудниками экспедиции по палеоэтнологическому обследованию П. Н. Шульцем и Г. П. Гроздиловым к югу от д. Которск зафиксированы две группы курганов (*Гроздилов, Шульц*, 1927. Л. 26 об., 27), еще две курганные группы Которского комплекса памятников нанесены ими на карту со слов местных жителей. Кроме погребальных памятников, имеется информация о находившемся за околицей деревни культовом камне. Как объект народного почитания он был уничтожен (сброшен в реку) комсомольцами, в настоящее время не может быть надежно локализован.

Следующее по времени обследование Которского погоста было проведено лишь спустя 30 лет: в конце 1950-х – начале 1960-х годов группой участников экспедиции по уточнению места Ледового побоища (*Потресов, Шолохова*, 1966). Ими впервые была осмотрена единственная сохранившаяся сопка из группы из трех или четырех насыпей, зафиксированных в дневнике Л. Н. Целепи, открыты курганные группы КДК Которск V, VI и, вероятно, IV, одно из курганных кладбищ древнерусского времени, группа из двух насыпей Которск X и сопки в д. Полосы (*Потресов, Шолохова*, 1966. С. 89).

В начале 1970-х гг. некоторые памятники комплекса были открыты Л. А. Царьковой. В процессе этого разведочного обследования было найдено неукрепленное поселение, на вновь выявленном памятнике, в его южной части, был заложен разведочный шурф. На основании находок лепной керамики автор связала поселение с культурой псковских длинных курганов и датировала его временем бытования КДК в целом (*Царькова*, 1971; 1972). Годом позже Н. В. Хвоцинская открыла прилегающее к селищу городище, а также

¹ После указанной реформы административно-территориального деления – Лужского округа.

зафиксировала несколько погребальных памятников второй половины I – начала II тыс. – группу из четырех высоких сопковидных насыпей (Которск IV), две курганные группы КДК (Которск V и VI) и древнерусское курганное кладбище (Которск III) (Хвоцинская, Прусакова, 1972).

В 1986 г. к изучению памятников Которского погоста приступил С. Л. Кузьмин, с середины 1990-х гг. исследования велись под руководством автора настоящей статьи². В течение нескольких полевых сезонов были открыты неизвестные ранее погребальные памятники конца I – начала II тыс. – , проведены раскопки селища и ряда разнотипных некрополей. Важным моментом в оценке и понимании археологических объектов микрорегиона стало их осознание именно как единого комплекса памятников – небольшого укрепленного городка и связанного с ним непрерывно существующего на протяжении 150–200 лет сельского поселения и нескольких разновременных кладбищ, оставленных жителями поселка.

Ко времени начала планомерного археологического изучения Которского погоста как комплекса археологических памятников в его составе открыто поселение, состоящее из небольшого мысового городища и обширной неукрепленной части, двух одиночных сопков, группы из четырех высоких сопковидных насыпей, пяти могильников с поверхностными (бескурганными) погребениями по обряду трупосожжения на стороне и нескольких курганных групп, включавших в себя в общей сложности около сотни курганов (рис. 1). Все сохранившиеся памятники, за исключением сопки Которск I, расположены на левом берегу р. Городоньки. Часть насыпей, относящихся к КДК, вероятно, может быть датирована временем более ранним, чем сложение рассматриваемого комплекса. Значительная часть курганов относилась ко времени после принятия христианства и содержала под насыпями захоронения по обряду ингумации.

В 2012 г. сотрудниками Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия СПбГУ был начат новый цикл исследований Которского комплекса.

Первый этап работ включил в себя съемку единого топографического плана всего археологического комплекса, в зону которой вошли и некоторые из близкорасположенных памятников (одиночная? сопка и группа сопков в д. Полосы – Полосы I и II, курганная группа КДК Полосы III). Съемка велась в местной системе координат, начало которой установлено на левом берегу р. Городоньки, к юго-западу от селища, на удалении от условной нулевой точки заложена система промежуточных реперов. Важной деталью работ явилась

² Работы были начаты Плюсским отрядом в составе Ленинградской областной экспедиции ЛОИА РАН, позднее преобразованным в Северо-Западную археологическую экспедицию Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия. В настоящее время Северо-Западная археологическая экспедиция Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета.

Рис. 1. Которской погост и памятники археологии вблизи него.

Условные обозначения: а – сопки; б – одиночные курганы; в – курганные группы; г – грунтовые могильники; д – поселение; е – территория усадьбы; ж – граница парка и подъездная аллея; з – место средневековой церкви и приходского кладбища

1 – Городище и селище Которской погост; 2 – южная часть территории усадьбы и парка Уткина Мыза; 3 – курганный группа Полосы III; 4 – одиночный курган Полосы IV; 5 – сопка Полосы I; 6 – группа сопкок Полосы II; 7 – сопка в парке усадьбы Уткина Мыза. Римскими цифрами обозначены погребальные памятники населения Которского погоста (номера соответствуют индексам памятников)

инструментальная съемка не только отдельных памятников комплекса (рис. 2), но и пространства между ними.

Параллельно с наземной тахеометрической съемкой местности предпринята попытка низковысотной аэрофотосъемки с небольших беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), в первую очередь велась съемка открытых незалесенных участков территории комплекса.

Выполненные работы позволили получить важную новую информацию об известных памятниках: уточнить взаимное расположение отдельных объектов (курганов в составе групп), границы известных ранее памятников, выявить новые (одиночный курган к северу от курганный группы Полосы III).

На основании полученных результатов предпринята попытка с помощью комплексного анализа топографической ситуации локализации утраченных к настоящему времени объектов. Важным направлением исследования явилось начало работ по реконструкции средневекового ландшафта и этапов освоения территории в раннем средневековье и в древнерусское время.

В зону комплексного обследования частично вошла территория еще одного объекта культурного наследия – «Усадьба Дюбеса Крачки “Уткина Мыза”»³ (рис. 1, 2). Находящийся к 0.75 км к западу – юго-западу от Которского селища, данный объект состоит из остатков усадебного дома, подъездной аллеи и пейзажного парка. В ближайшей к дому части парка, справа от подъездной аллеи, сохранилась еще одна невысокая сопочная насыпь со срезаной вершиной, на которой, по непроверенным данным, в XIX в. была устроена беседка. Анализ исторических карт показал, что до середины XIX в. на месте усадьбы находилась небольшая деревня, называвшаяся «Уткина Нива». На более поздних изданиях трехверстной военно-топографической карты Российской империи усадьба и населенный пункт отсутствуют. На составленной на основе советских довоенных карт немецкой карте, отпечатанной в 1942 г., в этом месте обозначена школа, которая, по воспоминаниям местных жителей, была организована в усадебном доме еще до войны и продолжала работать с 1944 г. до 1972 г.

Усадебный дом деревянный, двухэтажный, снаружи оштукатуренный, располагался в южной части территории усадьбы, на мысу, образованном коренным берегом р. Городоньки и впадающего в нее безымянного ручья, вокруг дома был разбит небольшой парк, в котором росли деревья, как характерные для северо-запада (ель, береза, липа), так и экзотические (тополь серебристый, лиственница, дуб). В русле ручья выкопана чаша и устроена запруда, образовавшая пруд диаметром около 35 м и глубиной до 1 м. Вдоль пруда с запада проходит обсаженная липами и березами дорога, ведущая в д. Дуплево. На площадке к северу от дома были высажены липы, серебристые тополя, лиственницы, в настоящее время многие деревья погибли или уничтожены. От западной окраины д. Которск к дому ведет подъездная аллея, обсаженная елями и березами, с мостом на каменных опорах через р. Городоньку. Границы парка на правом берегу Городоньки отчетливо сохранились до сих пор и представляют

³ Принят на охрану на основании постановления Псковского областного Собрания депутатов от 30.01.1998 № 542.

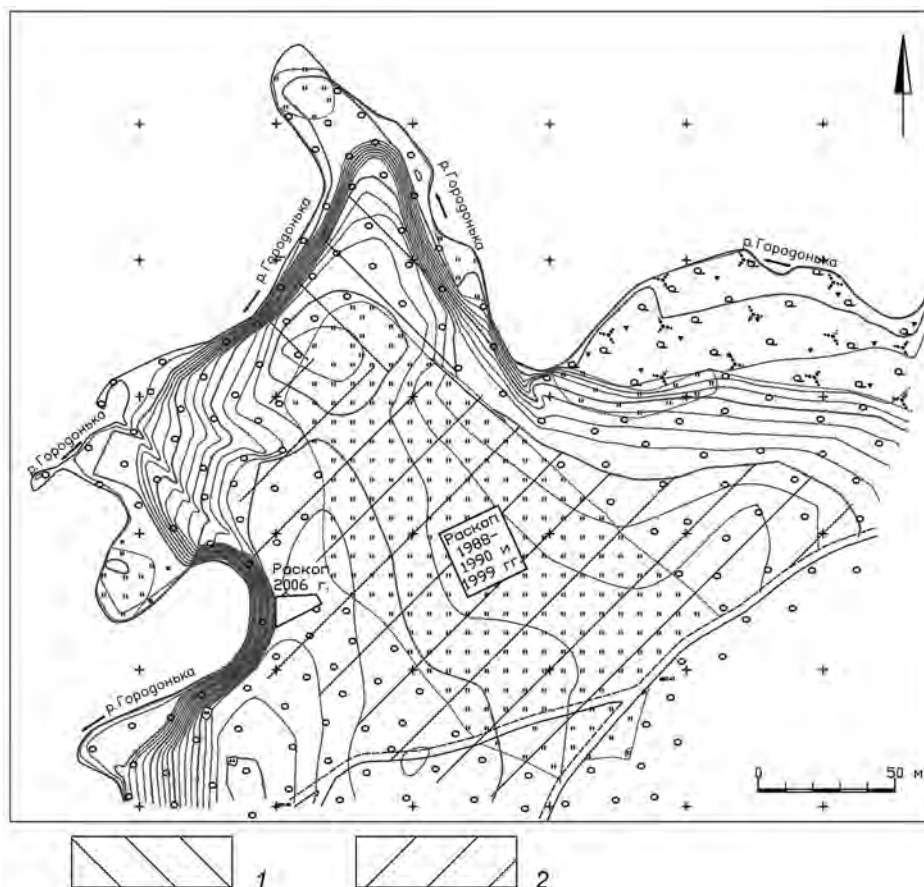

Рис. 2. Которский погост. Городище (1) и селище (2). План.
Инструментальная съемка: В. Ю. Соболев, Г. В. Порошин, А. В. Бехтер

собой заплывшую траншею с брусстером с внутренней стороны, сохранившаяся ширина траншеи около 2 м и глубина до 1 м. С внутренней стороны граница парка обсажены деревьями тех же пород, что и подъездная аллея.

Летом 1999 г. усадебный дом сгорел по неосторожности одного из местных жителей, парк состарился, зарос, одичал и находится в аварийном состоянии, усугубляющемся регулярными бесконтрольными рубками исторических деревьев.

Территория усадьбы также была включена в зону полевого обследования. Часть комплекса, располагающаяся на левом берегу р. Гордоньиха, включающая остатки каменного моста, подъездную аллею и часть парка с находящейся в нем сопкой, попала в зону подробной тахеометрической съемки. Территория и северные границы парка на правом берегу Гордоньихи осмотрены, с помощью GPS-приемника зафиксированы координаты поворотных точек.

Теодолитный ход был продлен от Которского селища на юго-восток и северо-восток, что позволило связать и снять в единой местной системе координат планы еще нескольких близкорасположенных к центру Которского погоста археологических памятников: курганный группу, вновь выявленный одиночный курган КДК и группу сопок у д. Полосы, нескольких одиночных курганов к востоку от озера Милец.

Во время проведения обследования фиксировались новые нарушения культурного слоя поселения и дневной поверхности погребальных памятников в результате незаконной поисковой деятельности с применением металлодетекторов.

Литература, источники

- Андріяшев А. М., 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. 1. Списки селений / А. М. Андріяшев. М.: Имп. о-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те.
- Белова Н. А., 1985. Из работ ГАИМК по изучению археологических памятников Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада. Л.: Наука. С. 137–140.
- Гроздилов Г. П., Шульц П. Н., 1927. Дневник палеоэтнологических исследований в Лужском уезде, произведенных сотрудниками Северо-Западной экспедиции КИПС'а Академии наук Шульцем П. Н. и Гроздиловым Г. П. от 23 июня по 17 июля 1927 г. С. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1927. Д. № 106.
- Потресов А. С., Шолохова Е. В., 1966. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г.: Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Г. Н. Караев (отв. ред.). М., Л.: Наука.
- Спицын А. А., 459. «Корочки» // РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. № 459.
- Хвоцинская Н. В., Прусакова З. В., 1973. Разведка в верховьях р. Плюссы // АО 1972 г. М. С. 42.
- Царькова Л. А., 1971. Отчет об археологической разведке в Плюсском районе Псковской области // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 4445.
- Царькова Л. А., 1972. Разведка в Плюсском районе Псковской области // АО 1971 г. М. С. 23–24.
- Целети Л. Н., б/г. К археологической карте Санкт-Петербургской губернии. Восточная часть Лужского у. Шелонская пятина // РО НА ИИМК РАН. Ф. 37. б/г. Д. № 8.

Е. Р. Михайлова, И. В. Стасюк, И. А. Федоров

Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато

E. R. Mikhailova, I. V. Stasyuk, I. A. Fedorov. Hillfort Vtyrka (Pillovo-2)
and Antiquities of the Viking Age on the Izhora Plateau

Abstract. The article publishes materials of the excavations of 2014 on the hillfort in the Urochische Vtyrka (Pillovo-2) in Kingisepp district of the Leningrad region. A small cape hillfort is located on the southwestern edge of the Izhora plateau, in the area of concentration of antiquities of the 1st Millennium A.D. The excavations at the site revealed two main layers: the lower one presumably belonging to the early Iron Age, and the upper one dated to the Viking age.

Excavations of recent years on the Izhora plateau identified a group of sites of the late of the 1st Millennium, culturally close to the territory of Estonia and to some sites of the Eastern Pre Peipsi lake (Zalakhtovie). Hillfort Vtyrka, which also may be referred to this group of sites is currently the only existing settlement and is dated somewhat earlier than the other sites.

Ключевые слова: Ижорское плато, городище, эпоха викингов, Восточная Балтика

Keywords: Izhora plateau, hillfort, Viking age, Eastern Baltic

В последние годы на Ижорской возвышенности открыты и частично изучены древности I тыс. н. э., совершенно не известные ранее (*Михайлова, 2014; Михайлова, Федоров, 2011; Сорокин, Юшкова, 2014; Стасюк, 2012; Федоров, Мурзенков, 2012; Юшкова, 2013; и др.*). Большинство вновь открытых памятников представляет собой могильники или случайные находки (клады или отдельные предметы). Одним из немногих выявленных на сегодняшний день поселений является городище близ дер. Пиллово Кингисеппского района Ленинградской области.

Городище в урочище Втырка (Пиллово-2) впервые было зафиксировано А. В. Смирновым в 2006 г. (*Смирнов, 2006*). В 2009 г. городище осмотрел А. Крийска, а в 2010–2011 гг. подробно обследовал И. А. Федоров, подготовивший пакет документов для постановки выявленного объекта археологического наследия на государственный учет и охрану (*Федоров, 2012*).

Это мысовое городище, расположенное на оконечности одного из юго-западных отрогов Ижорского плато, образованного слиянием небольших рек

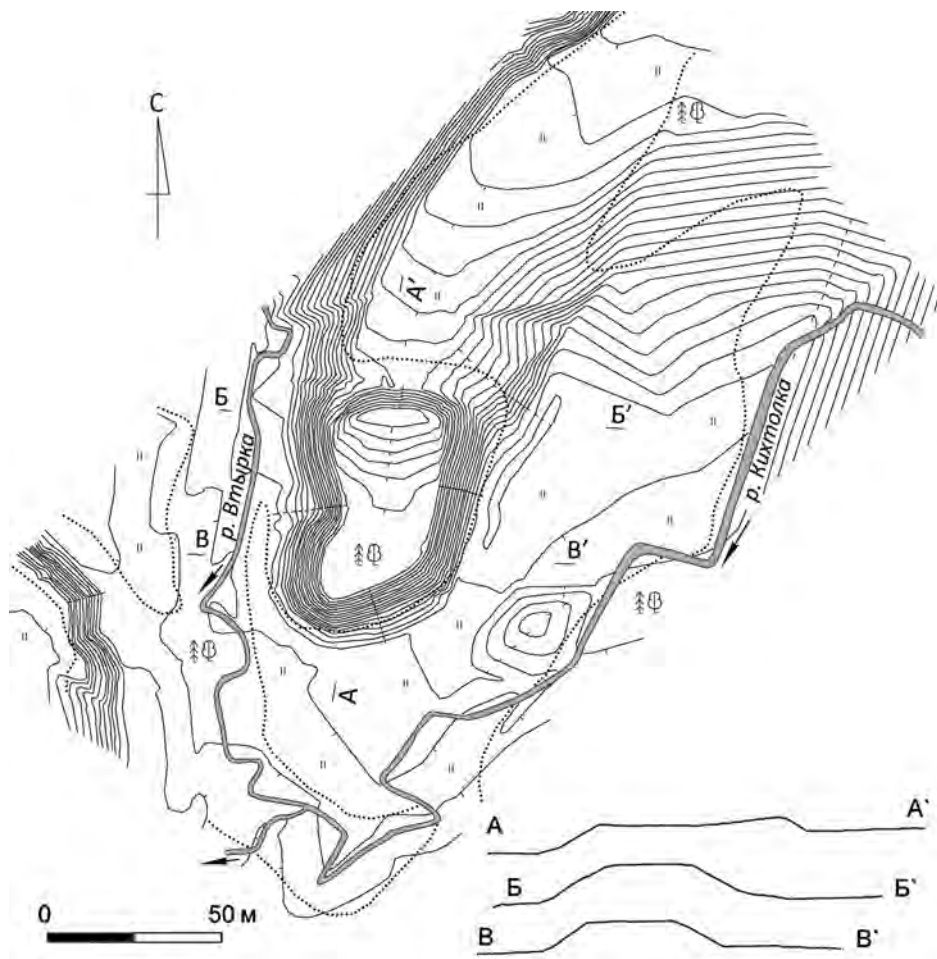

Рис. 1. План городища в урочище Втырка (Пиллово-2).
Съемка А. В. Бехтера. Горизонталы проведены через 0,5 м

(притоков Луги) Кихтолки и Втырки (рис. 1). С напольной северной стороны городище защищено валом высотой 4–4,5 м и протяженностью около 30 м. Внешний склон вала, по-видимому, был облицован кладкой из местного известняка: фрагменты уложенных друг на друга обломков камня видны на участках с нарушенным дерном. Со стороны площадки городища склон вала сильно оплыл. Перепад высот от вершины вала до центральной части городища составляет около 2,5 м.

Площадка вытянута в направлении юго-юго-запад – северо-северо-восток и возвышается со стороны мыса над уровнем воды на 8 м. Склоны городища, обращенные к обеим рекам, крутые и, вероятно, были эскарпированы в древности. В середине западного склона заметна пологая выемка, тянущаяся от уровня площадки до самой поймы – возможно, остатки входа на городище.

Площадь городища, исключая вал, составляет около 1000 кв. м, а вместе с поверхностью вала достигает 1400 кв. м; расстояние от вершины вала до окопности городища у стрелки Кихтолки и Втырки – 60 м, ширина площадки в центральной части – около 25 м.

Площадка городища и внешняя сторона вала поросли смешанным лесом и кустарником, с напольной стороны вплотную к территории городища расположено распаханное поле, на котором выявлено крупное селище (Пиллово-3). Подъемный материал с селища представлен разнородными артефактами, датирующимися от X в. до XIX в., уточнить датировку памятника можно будет в процессе раскопок.

Городище давно и активно разграбляется кладоискателями, которыми разрушено около 20% городищенской площадки, многие перекопы прорезали материк. В ходе разведочных обследований неоднократно фиксировались повреждения культурного слоя, производился сбор подъемного материала из отвалов грабительских ям на городище.

В 2014 г. на городище были проведены разведочные раскопки¹. Раскоп был заложен в северной части площадки городища, приблизительно параллельно валу, и представлял собой траншею размерами 4×16 м.

Вскрытые в 2014 г. напластования подразделялись на три основные толщи:

- верхний переотложенный слой (перекопы);
- стратифицированный культурный слой эпохи раннего средневековья;
- предматериковый слой.

«**Верхним переотложенным слоем**» назван слой отвала из грабительских перекопов (частично засыпавший сами перекопы, а частично лежавший на их краях). Он представляет собой очень рыхлую мешаную супесь темного коричнево-серого цвета, перемешанную с многочисленными обломками веток, листвой и камнями. В стенках раскопа и бровках отчетливо прослеживалась многократность грабительских перекопов, местами прорезавших материк.

И керамика, и вещи из верхнего слоя в основном аналогичны находкам из нижележащих слоев.

Напластования эпохи раннего средневековья стратифицированы. Охарактеризуем их сверху вниз, в порядке исследования.

Верхний из стратиграфических слоев – **серая супесь**, очень сухая и сыпучая, пронизанная многочисленными мелкими корнями (что подтверждает ее ненарушенный характер). Ее мощность в пределах раскопа значительна – от 0,5 м до 1–1,1 м. Слой очень беден находками: здесь собраны немногочисленные фрагменты керамики и небольшой обломок железного предмета. По всей вероятности, слой серой супеси образовался в результате постепенного оползания вала на площадку городища, тем более что на участках вала с нарушенной поверхностью заметно, что он состоит из аналогичной супеси и крупного песка.

Ниже залегает пачка супесчаных прослоек, перемежающихся четырьмя **прослойками угля** и сажи толщиной по несколько сантиметров – вероятно, следами

¹ Раскопки на городище Пиллово проводились в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» на основании государственного контракта № 3296-01-41/05-14 от 26.08.2014 г.

многочисленных пожаров. На всем протяжении раскопа прослежена только верхняя из углистых прослоек, остальные залежали отдельными локальными пятнами. Керамика, собранная при разборе прослоек угля и сажки, часто несет на себе следы сильного вторичного обжига; среди костей во всей толще средневековых слоев встречаются кальцинированные (в т. ч. с зелеными пятнами от окислов меди).

Помимо углистых прослоек, в этой толще можно выделить еще несколько стратиграфических комплексов. Непосредственно под верхней углистой прослойкой выявлен горизонт камней, лежавших в темно-серой плотной супеси. Многочисленные камни (преимущественно обломки плитняка) лежали плотно, но беспорядочно. Горизонт камней прослежен на всех участках раскопа, за исключением перекопов, его поверхность практически горизонтальна. Вероятно, это результат каких-то работ по общей нивелировке и благоустройству на площадке городища близ вала.

В нижней части культурного слоя, между двумя углистыми прослойками, была расчищена ровная **горизонтальная площадка из чистой ярко-желтой глины**, толщиной 5–7 см. Зафиксированные размеры площадки – 2,2×1 м, но, вероятно, ее размеры могли быть значительно больше, так как конструкция была повреждена еще в древности, а позднее срезана грабительским перекопом. По своему виду площадка очень напоминает глинобитные полы построек, неоднократно встреченные на раннесредневековых поселениях Восточной Прибалтики и Северо-Запада России (см., напр.: *Tõnisson*, 2008. Lk. 118; *Белецкий*, 1996. С. 49, 56–57).

С нижних горизонтов средневекового слоя была впущена **яма** (№ 2), в заполнении которой сделана неожиданная находка: необожженные кости человека (два обломка нижней челюсти и поясничный позвонок).

И керамический, и вещевой материал из сохранившихся средневековых наслонений достаточно однороден и может быть охарактеризован как единый комплекс.

Вещевой материал из верхних слоев городища Втырка в основном относится к типам, широко датирующимся в пределах второй половины I тыс. н. э. – начала II тыс. н. э. (рис. 2). Некоторые предметы, например, фрагмент узкого литого браслета с продольным ребром (рис. 2: 9), следовало бы датировать третьей четвертью I тыс. (*Михайлова*, 2015). Вместе с тем можно указать ряд находок, относящихся к последней четверти I тыс. н. э. или даже к началу II тыс. Это стеклянные бусы (полихромная с накладным декором и голубая почти кубическая с мягкими гранями), браслет с зооморфными концами, железные заклепки, бронебойная стрела типа 77 по А. Ф. Медведеву, небольшой железный нож, изготовленный в технике трехслойного пакета.

Чрезвычайно интересна коллекция разнотипных наконечников стрел (рис. 3). Практически все наконечники (8 из 9) были сосредоточены в пределах всего двух квадратов в северо-западной части раскопа, в двух последовательных стратиграфических слоях: в горизонте камней в темно-серой супеси и в нижележащем слое темной желтовато-серой супеси. Еще один наконечник был найден в северо-восточном углу раскопа, также в горизонте камней.

Керамика лепная (рис. 4), преобладают рыхлые черепки с примесью крупной дресвы от слабопрофилированных сосудов. Один из сосудов (рис. 4: 4) напоминает найденный в кургане 1 могильника Северик близ Пскова (*Тараканова*, 1954. Рис. 8). Реконструируется также несколько мискообразных сосудов С-видного профиля.

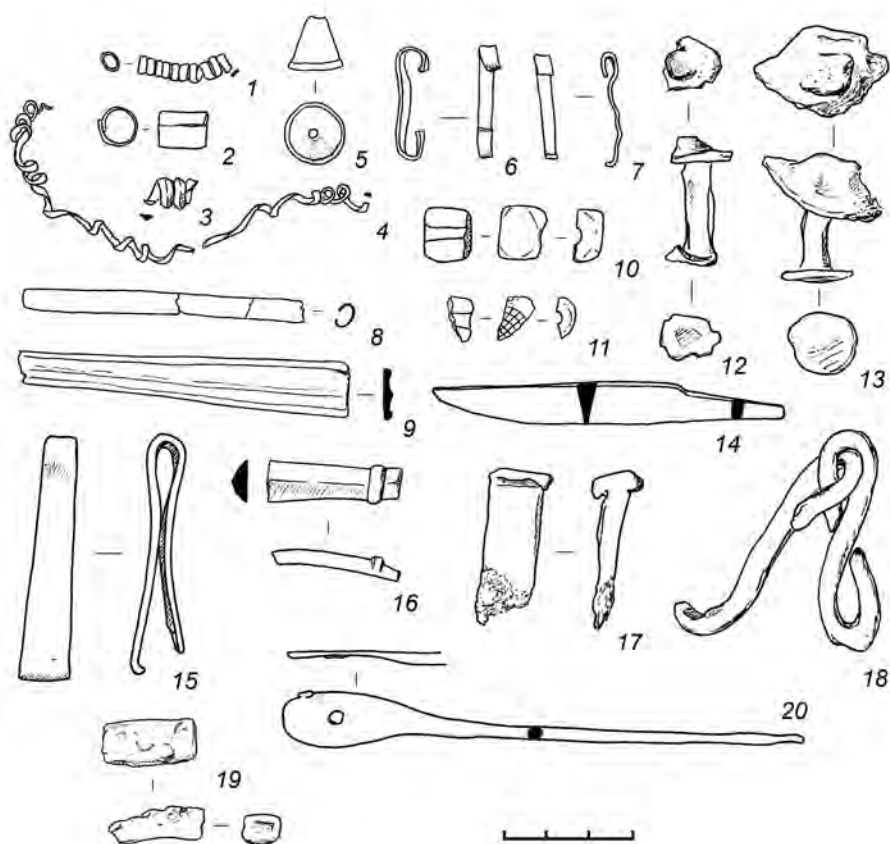

Рис. 2. Городище Втырка. Раннесредневековые находки
1–9, 16, 19 – сплавы на основе меди; 10, 11 – стекло; 12–15, 17, 18, 20 – железо

Около 30% от всего числа лепной керамики составляют фрагменты лощеных и тщательно заглаженных сосудов. Среди лощеной и заглаженной керамики многочисленны почти баночные сосуды с высоким цилиндрическим горлом и оттянутым валиком в месте перехода от горла к плечу, украшенные врезным орнаментом из поясков многорядных горизонтальных и волнистых линий. Хорошо представлены также сосуды из хорошо отмученной глины с примесью шамота и лощеной или подлощенной поверхностью желтого или коричневого цвета, часто с темными пятнами – преимущественно ребристые миски.

Керамический комплекс Пилловского городища находит свои наиболее полные аналогии на городищах Северной Эстонии, относящихся к эпохе викингов (Lang, 1996. Jp. 24–29; Tvaari, 2012. Lk. 69–76). Сходные формы встречаются также на памятниках эпохи викингов в Юго-Западной Финляндии; единичные образцы найдены на памятниках VIII–XI вв. Северо-Западной России (см., напр.: Седов, 2007. С. 82, рис. 62; Плохов, 2010, 2014; Лопатин, 2012. Рис. 11, 4; 15, 1, 2).

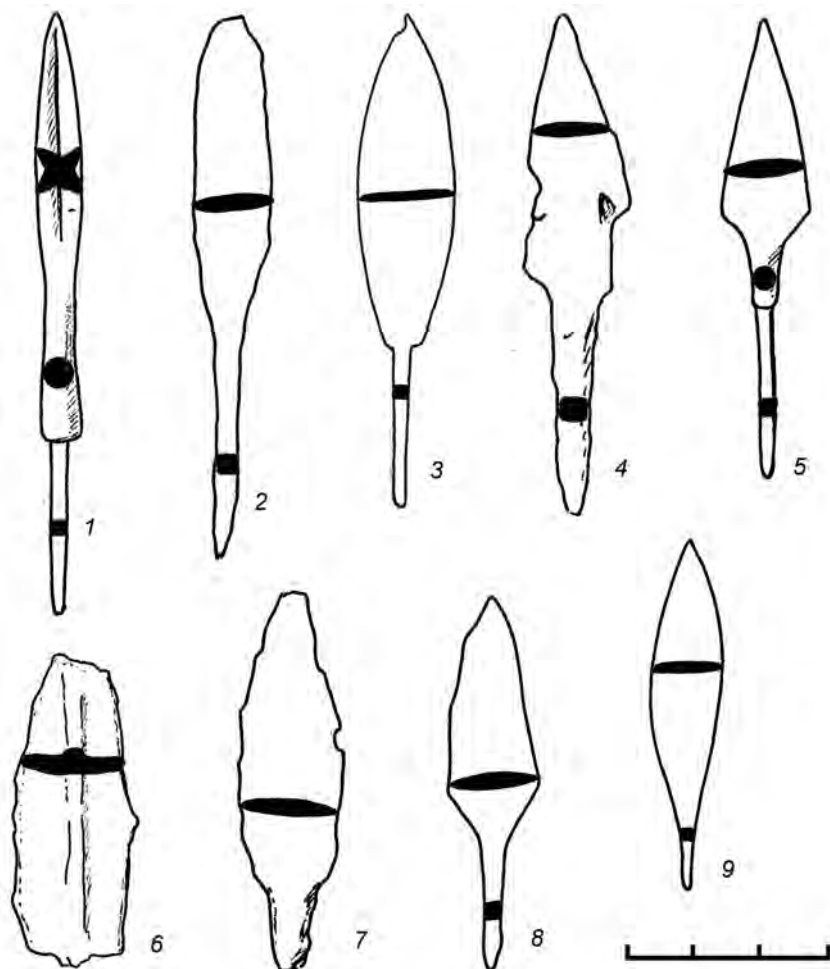

Рис. 3. Городище Втырка. Наконечники стрел (железо)

Верхняя часть культурных напластований на вскрытом в 2014 г. участке в основном уничтожена перекопами, поэтому точных сведений о времени прекращения жизни на городище пока нет. В раскопе встречены отдельные фрагменты древнерусской круговой керамики, которые могут быть датированы XII веком – эту дату можно условно считать верхним рубежом жизни городища (не исключено, впрочем, что эти немногочисленные черепки свидетельствуют о посещениях уже заброшенного городища жителями селища Пиллово-3).

Самый нижний из выявленных на городище Втырка слоев был условно обозначен как **предматерик** – слой слабо гумусированной светлой серо-желтой супеси мощностью от 20–30 до 50–70 см. В западной части раскопа в предматериковом слое были расчищены три сложения из крупных гранитных булыжников,

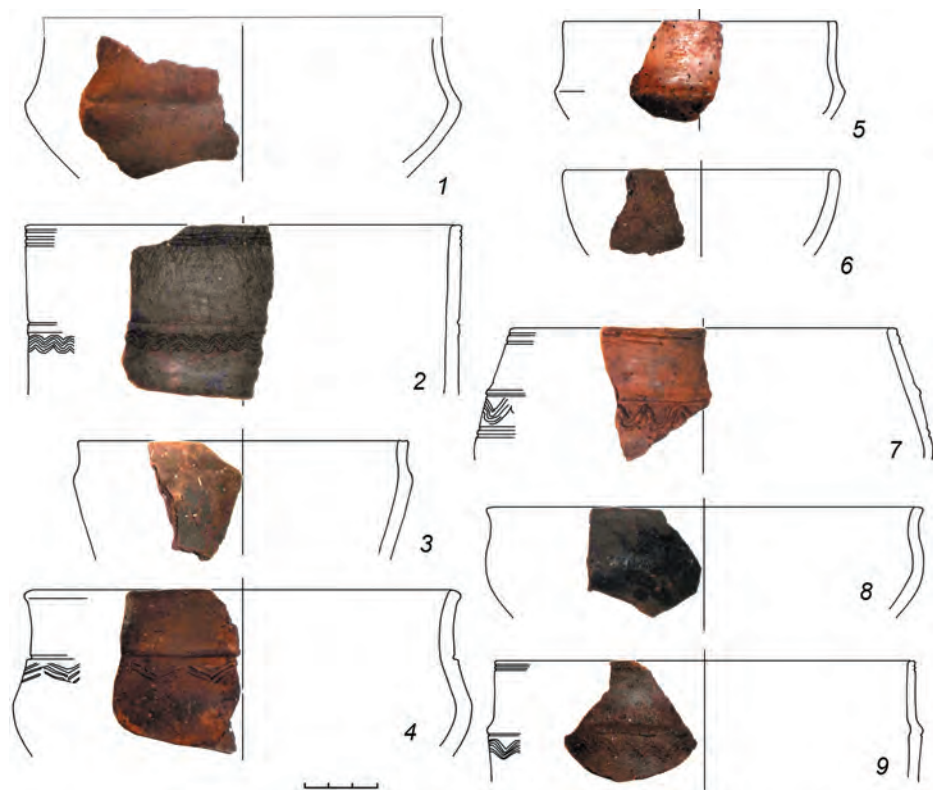

Рис. 4. Городище Втырка. Формы средневековой керамики

уложенных друг на друга в несколько слоев. Камни залежали в однородном слое, заполнявшая промежутки между ними серо-желтая супесь ничем не отличалась от слоя в целом. Все сложения однородны по структуре, камни в них уложены плотно, без разрывов, т. е. не могли крепить никаких конструктивных элементов.

По характеру находок предматериковый слой сильно отличается от вышележащих напластований. Индивидуальные находки представлены маленькими бронзовыми пронизками (проволочной спиральной и пластинчатой цилиндрической), фрагментом неопределенного железного предмета и осколком шлифованного сланцевого орудия.

В керамическом материале, собранном в предматерике, присутствуют фрагменты керамики, характерной для более верхних слоев, однако их присутствие, скорее всего, объясняется перемешанностью слоя еще в древности в результате различных земляных работ на площадке городища.

Характерная для предматерика керамика – красноватых и бежевых тонов, сильно раздроблена, рыхлая, довольно легкая из-за присутствия в формовочной массе не только минеральной, но и органической примеси. Поверхность многих черепков сетчатая, встречено также несколько фрагментов, покрытых

внутри и снаружи штриховкой, нанесенной пучком травы. К сожалению, полных форм такой керамики реконструировать не удалось.

Важно подчеркнуть, что только сетчатая и штрихованная керамика собрана при разборке супеси на дне естественных западин в материке. Таким образом, возникновение первого поселения на мысу у слияния Кихтолки и Втырки может быть отнесено к периоду раннего железного века или даже раннего металла (эпохе бронзы).

Обращает на себя внимание крайняя малочисленность предметов и керамики из предматерикового слоя. Сам слой производит впечатление «нежилого», сформировавшегося в результате хозяйственной деятельности на периферии поселения. Интересно, что выбросы из грабительских ям в мысовой части городища состоят из аналогичной светлой серо-желтой супеси. Темной сильно гумусированной супеси, а также сажи или других следов пожаров в южной части городища не обнаружено.

Предполагаемое различие в размещении зоны жилой застройки в разные периоды истории городища (на самом мысу в период раннего железного века и севернее, ближе к валу – в эпоху средневековья) влечет за собой и еще одно предположение. Возможно, что разрозненные кальцинированные косточки с пятнами медных окислов, встреченные в раннесредневековых слоях, происходят из разрушенных еще в древности погребений. Тогда разрушение предполагаемого могильника следует связывать с земляными работами эпохи средневековья (возможно, сооружением существующего вала), а сам могильник мог располагаться на северной периферии начального поселения и относиться именно к нему. Но ни доказать, ни отвергнуть это допущение до продолжения раскопок городища мы, к сожалению, не можем.

Результаты раскопок 2014 г. можно сопоставить с материалами других памятников Ижорского плато.

Так, помимо городища Втырка, на Ижорской возвышенности известно несколько средневековых городищ; все они расположены по окраинам плато (рис. 5). Е. А. Рябинин еще в 1970-х гг. обратил внимание на тот факт, что все известные городища Ижорского плато, включая Копорскую крепость, «образуют единую и взаимосвязанную систему укреплений на северо-западе новгородских владений» (Рябинин, 1984. С. 52, см. также Рябинин, 2001. С. 125–136). Выбор местоположения городищ диктовался как топографическими условиями, так и сложившейся к тому времени географией стабильного расселения: массив курганно-жальничных могильников Ижорского плато располагается внутри системы укрепленных поселений. Сложение и функционирование этой системы, контролировавшей доступ в пределы летописной Водской земли с западного направления, со стороны болот среднего и нижнего Полужья и Копорской губы Финского залива, исследователь датировал XII – серединой XIII в. (Рябинин, 1984. С. 53; Рябинин, 2001. С. 135).

Возникновение наиболее изученного Кайболовского городища (рис. 5: 2) может быть отнесено ко времени не ранее середины XII в. (Рябинин, 2001. С. 133). То же можно сказать и о городище Черное (Сосницкое) на р. Лемовже (рис. 5: 3). В 2009 г. И. В. Стасюк заложил раскоп в привальной части городища.

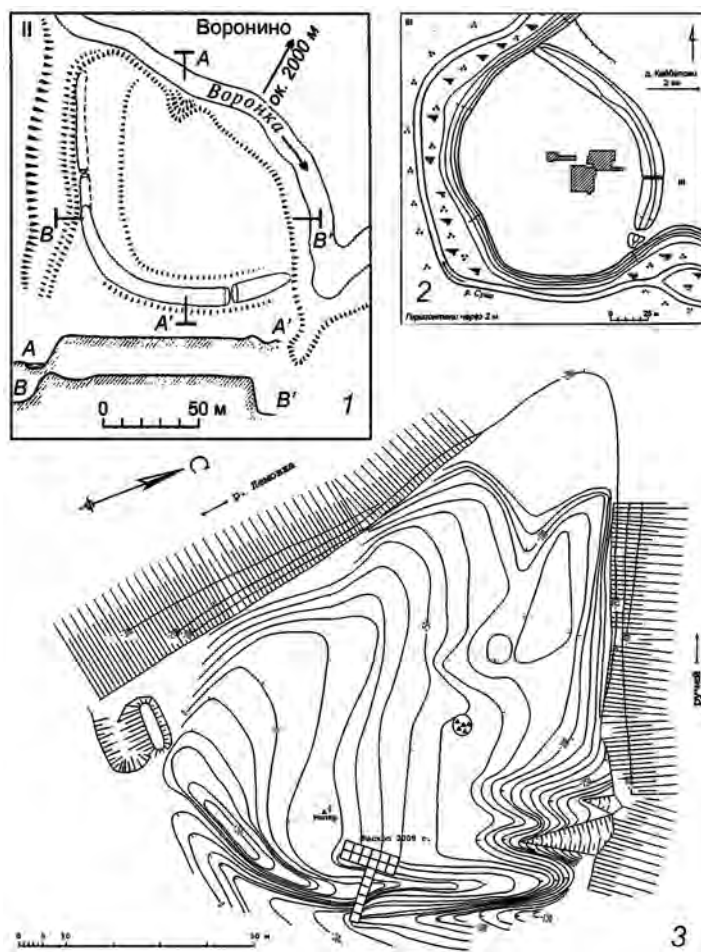

Рис. 5. Планы средневековых городищ Ижорского плато
1 – Воронино (по: Рябинин, 2001), 2 – Кайболово (по: Рябинин, 2001), 3 – Сосницы.

Культурный слой в раскопе представлен черной гумусированной супесью мощностью 0,2–0,4 м с редкими фрагментами древнерусской гончарной керамики XII–XIII вв. и остатками двух кострищ на материке (Стасюк, 2011. С. 41).

Погост в «Копорьи» упоминается в источниках с 1240-х гг., а уже в конце этого столетия здесь возводится каменная крепость. В ходе раскопок в Копорской крепости культурного слоя ранее XIII в. не выявлено (Кирпичников, 1984. С. 157–159). Однако нельзя исключать, что мыс, на котором расположена крепость, использовался в оборонительных целях и ранее, тем более что в ближайших окрестностях Копорья известны находки предметов I тыс. н.э. (Хаврин, Юшкова, Кулешов, 2011; Шаров, Палагута, Хаврин, 2011; Михайлова, 2014). Перспективным кажется поиск следов раннего поселения на западной оконечности мыса, оставшейся за пределами ныне существующей крепости.

Наименее изучено на сегодня городище у д. Воронино на северной окраине Ижорского плато (рис. 5: 1). Топография и наличие каменной облицовки вала с использованием местного плитняка сближают этот памятник и с Пилловским, и с Кайболовским городищами. Однако городище Воронино никогда не исследовалось раскопками, а разведочные шурфы, заложенные Е. А. Рябининым в южной части памятника, не дали выразительных материалов (*Рябинин*, 2001. С. 126, 128). Гумусированный слой мощностью 0,25–0,3 м выявлен здесь не во всех шурфах, он залегал отдельными пятнами. Единственная находка – фрагмент древнерусского гончарного сосуда с линейным орнаментом (*Рябинин*, 1984. С. 47), которая позволяет отнести памятник к категории древнерусских городищ-убежищ XII–XIII вв.

Городище Втырка полностью укладывается в намеченную схему географически, однако выпадает из ее хронологических рамок: к XII в. активная жизнь на городище уже угасла, хотя отдельные находки гончарной керамики XII в. указывают на существование поселений поблизости. Это на сегодняшний день наиболее ранний памятник, функционировавший за несколько столетий до сложения системы древнерусских укреплений летописной Водской земли.

Обращает на себя внимание миниатюрный размер городища на Втырке в сравнении с остальными городищами края, имевшими площадь от 0,65 га (Черное) до 1,4 га (Кайболово), а также наличие мощного, насыщенного находками культурного слоя на Втырке. Это свидетельствует о функциональном отличии Втырки от городищ древнерусского времени. Последние, очевидно, использовались в качестве убежищ на случай военной опасности, и только в Кайболове присутствовал постоянно действующий комплекс жилых и производственных построек, занимавший, впрочем, лишь незначительный участок городища и функционировавший непродолжительное время (*Рябинин*, 2001. С. 133).

Интересно сопоставить материалы городища Втырка с погребальными памятниками второй половины I – начала II тыс. н. э. на Ижорском плато (*Михайлова, Федоров*, 2011; *Стасюк*, 2012; *Соболев*, 2014). Активное изучение этого горизонта древностей началось, в сущности, лишь недавно, а объем данных, полученных в результате научных раскопок, пока незначителен. В силу этого наши наблюдения и выводы носят предварительный характер.

Сейчас на плато известно 7 пунктов с захоронениями конца I – начала II тыс. н. э. (*Стасюк*, 2012. С. 83). К сожалению, все они сильно повреждены распашкой и грабительскими раскопками.

Наиболее изучен могильник Ратчино I, расположенный в верховьях р. Систы в 17 км северо-восточнее городища Втырка. Здесь исследованы три кургана, содержавшие погребения по обряду трупоположения на материке с восточной ориентировкой и остатки разрушенных пахотой трупосожжений и трупоположений, помещавшихся, вероятно, в грунтовые ямы (*Стасюк*, 2012). По-видимому, сожжения практиковались здесь в X–XI вв. Ориентировочно в середине XI столетия на смену сожжениям приходят грунтовые ингумации, а в начале XII в. появляются курганы. Особенности материальной культуры и погребального обряда позволяют связать могильник с населением, культурно близким населению, оставившему могильник Залахтовье в юго-восточном

Причудье и грунтовые могильники Лахепере и Раатвере в восточной Эстонии (*Хвоцинская*, 2004. С. 165–171).

К этому же кругу древностей могут быть отнесены могильники Ополе (*Стасюк*, 2008), Валья и Малли (*Стасюк*, 2012. С. 83), расположенные в 10–12 км южнее городища Втырка по берегам реки Солки и ее притока Вальи.

Отдельные находки предметов рубежа I–II тыс. н. э. происходят из погребений в еще нескольких могильниках.

В могильнике Озертицы среди многочисленных подкурганных трупоположений XII–XIII вв. Л. К. Ивановский раскопал курган с трупосожжением, содержащим инвентарь, типичный для памятников горизонта Залахтовье-Ратчино (*Спицын*, 1896. С. 74).

В поселке Большая Вруда С. Л. Кузьмину местным жителем был передан ланцетовидный наконечник копья X–XI вв., покрытый сильной окалиной от пребывания в огне (*Стасюк*, 2012. С. 83). Этот наконечник был выпахан на окраине хорошо известного крупного древнерусского курганного некрополя XII–XIV вв. (*Лапшин*, 1990. С. 97, № 728).

В Дятлицах, предположительно на месте распаханного могильника, кладоискателями были выкопаны и похищены предметы X–XI вв., фото которых были опубликованы ими в Интернете. Вероятно, они связаны с сожжениями в ямках, открытыми здесь в 1926 г. С. А. Теплоуховым (ср.: *Соболев*, 2014).

Можно отметить устойчивое тяготение раннесредневековых могильников к краям Ижорской возвышенности, изобилующим мелкими речками и ручьями (подробнее см.: *Стасюк*, 2014).

Таким образом, в период функционирования городища Втырка в той же ландшафтной зоне, на западной, юго-западной и северной окраинах Ижорского плато, функционируют могильники с кремациями и ранними ингумациями, культура которых близка древностям территории Эстонии и, возможно, Юго-Западной Финляндии (рис. 6). Еще один важный памятник того же круга – могильник Залахтовье в Восточном Причудье.

Необходимо отметить высокую милитаризованность населения, оставившего перечисленные могильники. Значительное количество качественного, явно привозного оружия в захоронениях свидетельствует о высокой военной напряженности на Ижорском плато в X–XI вв. Местный комплекс вооружения включает все характерные для севера Европы эпохи викингов элементы: «каролингские» мечи, ланцетовидные наконечники стрел и копий, боевые топоры – как миниатюрные, так и широкие секиры с симметрично расходящимся лезвием, скрамаскасы, щиты с металлическими умбонами. В могильниках Ополе и Малли многочисленны находки удил. Все это, на наш взгляд, согласуется со стратиграфией Пилловского городища, включающей прослойки четырех пожаров.

В культурном слое городища на Втырке отсутствуют, даже во фрагментированном виде, характерные типы украшений, составляющих «визитную карточку» обозначенного выше горизонта могильников Залахтовье-Ратчино: широкие ленточные, спиральные и узкомассивные браслеты, нагрудные цепочки, булавки и массивные подковообразные фибулы. Впрочем, необходимо учитывать, что такие предметы нечасто выпадали в поселенческий слой,

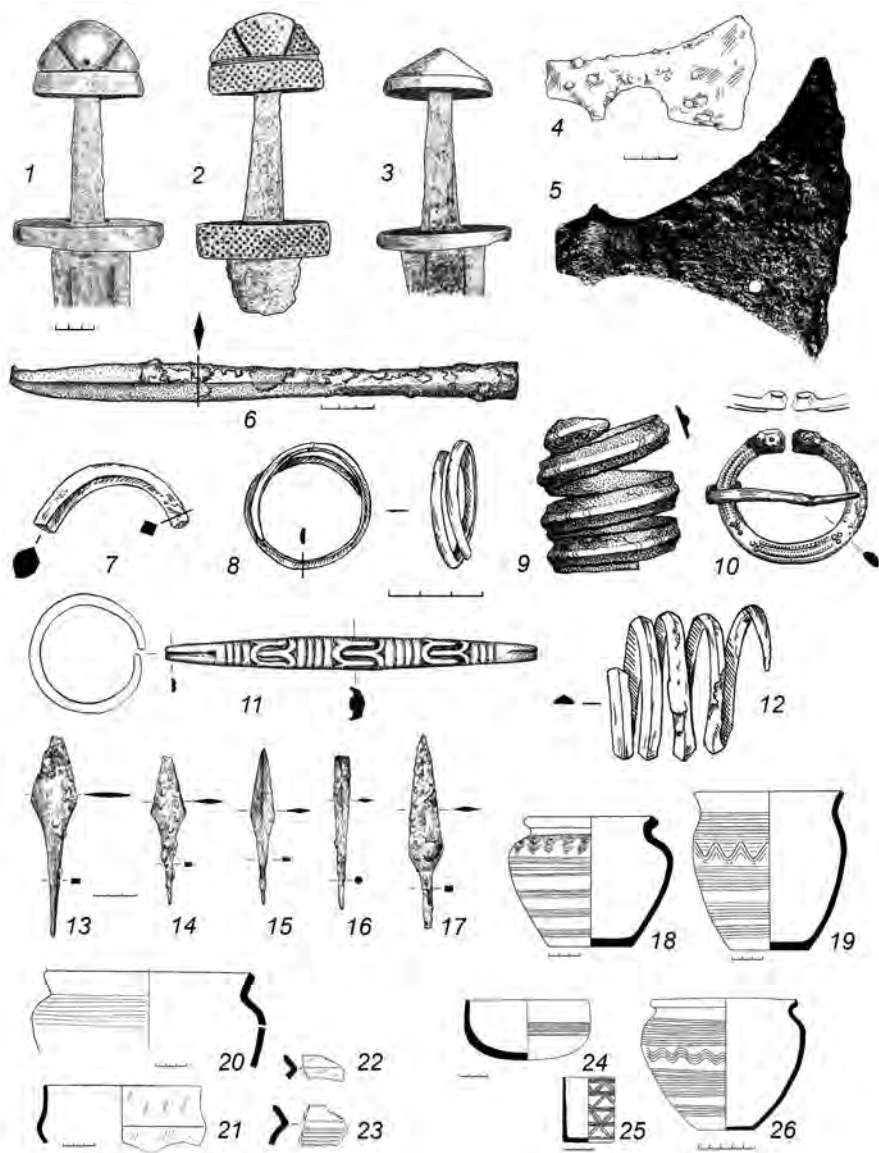

Рис. 6. Древности эпохи викингов и раннего древнерусского времени на Ижорском плато:

1-3 – случайные находки; 4-26 – могильник Ратчино I (1-6, 13-17 – железо;

7-12 – сплав на основе меди; 18-26 – лепная и гончарная керамика)

который к тому же подвергся тотальному ограблению с использованием металлодетекторов.

Более показательны различия в керамическом комплексе. При несомненной общности традиции, проявляющейся, в первую очередь, в форме сосудов

и составе формовочных масс, декор ратчинской керамики отличается отсутствием многорядного волнистого орнамента и оттянутого валика, характерных для Втырки. Кроме того, для Ратчина характерно присутствие значительного количества древнерусских раннегончарных форм, свидетельствующих о постепенном вытеснении местной лепной керамики изделиями древнерусских городских (?) гончаров в XI–XII вв. Очевидно, различия в керамическом комплексе носят хронологический характер: основная масса керамических находок из могильника Ратчино относится к XI–XII вв., то есть к периоду угасания жизни на городище Втырка.

По-видимому, окончательное обособление территории Ижорского плато от ближайших западных соседей происходит в начале II тыс. н. э. в результате ее непосредственного включения в орбиту древнерусской культуры в качестве Водской земли Великого Новгорода, но и в последующее время эта территория выделяется своим этнографическим своеобразием.

Литература

- Белецкий С. В., 1996. Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН.
- Киричников А. Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука.
- Латишин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1: Западные районы. Л.: ЛО ВООПИК.
- Лопатин Н. В., 2012. Изборск // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 122–137.
- Михайлова Е. Р., 2014. О культурно-хронологической характеристике древностей римского времени и начала средневековья на юго-восточном побережье Финского залива: Новые материалы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. / Отв. ред. А. Г. Ситдилов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Том II. Казань: Отечество. С. 363–367.
- Михайлова Е. Р., 2015. Литые пластинчатые браслеты с продольным ребром: распространение и хронология на Северо-Западе Восточной Европы // АИППЗ: Мат-лы 60-го заседания (2014). Вып. 30. М.; Псков; СПб.: Нестор-история. С. 259–269.
- Михайлова Е. Р., Федоров И. А., 2011. Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области – предполагаемый могильник I тыс. н. э. // АИППЗ: Мат-лы 56-го заседания (2010). С. 69–77.
- Плохов А. В., 2010. Контакты населения Старой Ладоги с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Киричникова посвящается. Том II. М.: Ломоносовъ. С. 163–187.
- Плохов А. В., 2014. К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволжья в последней четверти I тыс. н. э. (по керамическим материалам) // Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Auna auks / Koostanud ja toimetanud Ülle Tamla ja Valter Lang. (Muinasaja teadus, 25). Tallinn: Tallinna Ülikooli Ajaloo Instituut; Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arkeoloogia instituut. Lk. 231–245.
- Рябинин Е. А., 1984. Городища Водской земли // КСИА. Вып. 179. С. 45–53.
- Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (Результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин.
- Седов В. В., 2007. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука.
- Смирнов А. В., 2006. Отчет о разведках в Волосовском и Кингисеппском районах Ленинградской области в 2006 г. // Архив ИА РАН, копия – в архиве Лаборато-

- рии археологии, исторической социологии и культурного наследия имени проф. Г. С. Лебедева СПбГУ.
- Соболев В. Ю.*, 2014. Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато // *Stratum Plus*. № 5. С. 287–295.
- Сорокин П. Е., Юшкова М. А.*, 2014. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // *АИППЗ: Мат-лы 59 заседания (2013)*. С. 312–322.
- Спицын А. А.*, 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского (МАР. № 20). СПб,
- Стасюк И. В.*, 2008. Могильник у поселка Ополье: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху (предварительное сообщение) // *Исследование археологических памятников эпохи средневековья: Сб научных статей / Отв. ред. А. В. Виноградов*. СПб.: Нестор-История. С. 3–24.
- Стасюк И. В.*, 2011. Археологические исследования музея-усадьбы Н. К. Рериха в 2009 г. // *Культурный потенциал Северо-Запада России. Проблемы сохранения и развития*. СПб.: Музей-усадьба Н. К. Рериха. С. 40–49.
- Стасюк И. В.*, 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н.э. // *Stratum plus*. № 5. С. 65–88.
- Стасюк И. В.*, 2014. О родниках, мечях и погостах. Заметка к исторической географии запада Новгородской земли // *Stratum plus*. № 5. С. 297–303.
- Тараканова С. А.*, 1954. Длинные и удлиненные курганы // *СА. XIX*. С. 77–110.
- Федоров И. А.*, 2012. Отчет о разведках в Гатчинском и Кингисеппском районе Ленинградской области в 2010–2011 гг. // *Архив ИА РАН, копия – в архиве Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия имени проф. Г. С. Лебедева СПбГУ*.
- Федоров И. А., Мурзенков Д. Н.*, 2012. Новые исследования на западе Ижорского плато // *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства*. Мат-лы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина. СПб.: Соло. С. 242–243.
- Хаврин С. В., Юшкова М. А., Кулешов Вяч. С.*, 2011. Металл эпохи римских влияний на Ижорской возвышенности // *Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. По материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской*. СПб.: Нестор-История. С. 208–224.
- Хвоцинская Н. В.*, 2004. Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтове). СПб.: «Дмитрий Буланин».
- Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В.*, 2011. Находки кладов римских монет в районе Копорья // *Российский археологический ежегодник*. № 1. С. 336–360.
- Юшкова М. А.*, 2013. Раскопки могильников раннего железного века на Ижорской возвышенности в 2008–2011 гг. // *Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга / Отв. ред. В. А. Алекшин*. СПб.: ИИМК РАН. С. 59–61.
- Lang V.*, 1996 *Muistne Rävala: muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Piritajõe alamjooksu piirkonnas, I–II (Muinasaja teadus, 4)*. Tallinn.
- Tõnisson E.*, 2008. *Eesti muinaslinnad / Toim A. Mäesalu, H. Valk (Muinasaja teadus, 20)*. Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituudi arheoloogia õppetooli; Tallinn: Tallina Ülikooli ajaloo instituudi arheoloogiasakond.
- Tvaari A.*, 2012. *The Migration period, Pre-viking age and Viking age in Estonia (Estonian archaeology, 4)*. Tartu: Tartu University Press.

И. В. Стасюк

Могильник в д. Покровская – новый памятник средневековой ижоры в долине р. Славянки

I. V. Stasyuk. The Burial Ground in the Village Pokrovskaya, a New Site of Medieval Izhora

Abstract. In October 2012, during a gas pipeline construction on the left bank of the Slavyanka river in the village Pokrovskaya on a private house plot there were found numerous human skeletal remains in the trench. Part of bone remains and the inventory finds were collected by the police and transferred to the Museum-estate of N. Roerich in Izvara. Some of the finds were lost, only photos taken during the preliminary investigation were preserved. The analysis of the available material has shown that there are grounds to believe that the monument was left by the Finnish-speaking population of the South Pre Neva region – chronicle described Izhora.

The bulk of the destroyed inventory burials can be dated to the 13th century. In the light of new finds the middle flow of the Slavyanka river at the North-Eastern slope of the Izhora plateau may be included in Medieval Izhora area.

Ключевые слова: могильник, Ижорское плато, средневековая ижора

Keywords: burial ground, Izhora plateau, medieval Izhora.

В октябре 2012 г. при прокладке газопровода севернее г. Коммунар Гатчинского района Ленинградской области на левом берегу р. Славянки в д. Покровская на участке частного дома рабочими в траншее были обнаружены многочисленные скелетированные человеческие останки. Вызванные на место сотрудники полиции и судебно-медицинские эксперты установили, что давность захоронения «превышает 100 лет». В ходе осмотра места находки ими и членами местного поискового отряда были собраны металлические предметы и фрагменты керамики, которые в качестве вещественных доказательств поступили в следственный отдел по Гатчинскому району СУ СК РФ по Ленинградской области. Оттуда позднее, согласно требованиям действующего законодательства, они были переданы для хранения в составе государственной части музейного фонда РФ в музей-усадьбу Н. К. Рериха в Изваре. Эта, меньшая, часть вещевой коллекции доступна для изучения. Однако значительно большее количество предметов было собрано и присвоено местными

жителями. К сожалению, установить местонахождение этих предметов в настоящее время невозможно. Сохранились только фотографии некоторых находок, сделанные во время доследственной проверки. Собранные костные останки поступили в МАЭ РАН, где в настоящее время изучаются И. Г. Широбоковым.

Памятник осматривался нами с целью постановки на учет совместно со специалистами Департамента государственной охраны, сохранения и использования памятников истории и культуры Ленинградской области 5 июля 2013 г. В это время все земляные работы уже были завершены, траншея газопровода засыпана, поэтому выводы о способе совершения захоронений мы можем делать исключительно на основании свидетельств очевидцев, присутствовавших при земляных работах: рабочих-газовщиков, местных жителей и сотрудников правоохранительных органов. Так, установлено, что потревоженные захоронения были совершены по обряду труположения в вытянутом положении на спине, близко друг к другу, в ямах на глубине 0,4–1,0 м. Часть из них, возможно, имела меридиональную ориентировку. Точное количество разрушенных захоронений не установлено. Внешне грунтовый могильник представляет собой ровную поверхность террасы левого (западного) коренного берега р. Славянки, имеющую плавный естественный уклон к востоку и ограниченную на востоке обрывистым краем террасы. Вся площадь могильника занята огородами и садовыми посадками, надмогильные конструкции и их остатки отсутствуют. На поверхности вскопанных грядок встречаются многочисленные фрагменты человеческих костей.

Грунтовый могильник Покровская: вещевые находки

1. Предметы, поступившие в собрание музея-усадьбы Н. К. Рериха

Вещевые находки из разрушенных погребений, собранные в ходе доследственной проверки сотрудниками СК РФ, после ее завершения были переданы в государственный музей-усадьбу Н. К. Рериха в Изваре. Коллекция включает 11 предметов различной степени сохранности.

1. Нож (рис. 1, 1) железный, черешковый с относительно широким клинком, прямым обухом и черешком, отделенным от клинка двумя уступами у лезвия и обуха. Общая длина 16 см, длина клинка 10 см, максимальная ширина сохранившейся средней части клинка 2,1 см. Сечение черешка прямоугольное. Музейный номер МА МУРИ КП-6938 А-1459.

2. Нож (рис. 1, 2) железный, черешковый с клинком треугольной формы, прямым обухом и черешком, отделенным от клинка выраженным уступом у обуха. Общая длина 10,5 см, длина клинка 6,5 см, ширина клинка в сохранившейся средней части 1,3 см. Сечение черешка прямоугольное. Музейный номер МА МУРИ КП-6947 А-1468.

3. Нож (рис. 1, 3) железный, черешковый с клинком треугольной формы и слабо опущенным обухом. Черешок отделен от клинка выраженным уступом у лезвия и небольшим уступом у обуха. Общая длина 12,3 см, длина клинка 8,5 см, ширина клинка у основания 1,5 см, в средней части 1,2 см. Сечение черешка прямоугольное. Музейный номер МА МУРИ КП-6944 А-1465.

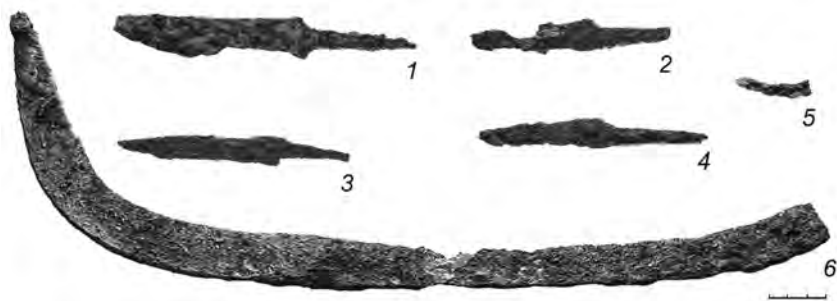

Рис. 1. Могильник Покровская, предметы из разрушенных захоронений.
1–4 – ножи; 5 – черешок ножа; 6 – коса. Железо

4. Нож (рис. 1, 4) железный, черешковый с клинком треугольной формы, прямым обухом и черешком, отделенным от клинка выраженным уступом у обуха. Общая длина 12,1 см, длина клинка 6,5 см, ширина клинка у основания 1,4 см, в сохранившейся средней части 1,1 см. Сечение черешка прямоугольное. Музейный номер МА МУРИ КП-6942 А-1463.

5. Черешок ножа (рис. 1, 5) железный, прямоугольного сечения, длина 4,2 см, деформирован. Музейный номер МА МУРИ КП-6937 А-1458.

6. Коса (рис. 1, 6) железная, т. н. «горбуша» с крутым изгибом при переходе от лезвия к пятке и слабоизогнутым острием, длиной 48,3 см, ширина лезвия 2,1–3,0 см. Музейный номер МА МУРИ КП-6940 А-1461.

7. Перстень (рис. 2, 1) из медного сплава широкосрединный с заходящими концами, диаметр 1,8 см, максимальная ширина средней части 1,2 см. Середка орнаментирована выпуклым продольным валиком. Музейный номер МА МУРИ КП-6945 А-1466.

8. Перстень (рис. 2, 2) из медного сплава ленточный широкосрединный с заходящими концами, диаметр 2,3 см, ширина в средней части 1,1 см, неорнаментированный. Музейный номер МА МУРИ КП-6943 А-1464.

9. Монета (рис. 2, 3) «чешуйка» серебряная, мечевая денга Ивана IV, Тверь 1535–1538 гг. Аверс: всадник с саблей, реверс: надпись [KH]ASЪ ВЕЛИКІІВАН.

10. Монета (рис. 2, 4) «чешуйка» серебряная, предположительно, копейка Ивана IV, XVI в. Аверс: фрагмент плохо идентифицируемого изображения (всадник?), реверс: отдельные кириллические буквы. Музейный номер МА МУРИ КП-6941 А-1462.

11. Развал горшка (рис. 3) гончарного тонкостенного с прямым венчиком, без орнамента. Сероглиняный из грубого теста с примесью дровя. Музейный номер МА МУРИ КП-6946 А-1467.

Все четыре целых ножа и черешок пятого относятся к разновидностям, широко распространенным в средневековых могильниках и слоях поселений Новгородской земли и ее соседей, в частности, на Ижорском плато, в Полужье и в Южном Приневье. Являясь стандартизированным продуктом массового производства, они в XII–XIV вв. применялись как горожанами, так и жителями

Рис. 2. Могильник Покровская, предметы из разрушенных захоронений
1, 2 – перстни, медный сплав; 3, 4 – монеты, Иван IV, серебро

сельских территорий севера Руси. Нож № 4 относится к более архаичной разновидности, соответствующей группе IV по Р. С. Минасяну (Минасян, 1980. С. 72–73). Ножи этой группы имеют узкое клиновидное лезвие и прямой обух, отделенный уступом от узкого черешка. По данным новгородской стратиграфии, они датируются X – второй половиной XII в. Ножи №№ 1, 2 и 3, с выраженным уступом у лезвия – более поздние, изготовленные по упрощенной технологии, широко бытовали в XII–XIV вв.

Железная коса-горбуша № 6 также является типичным для Северной Руси изделием, хорошо известным по курганным находкам. Этот тип сам по себе не поддается узкой датировке вне закрытого комплекса, поскольку, как отмечает Б. А. Колчин, в производстве кос Новгорода и Новгородской земли наблюдается высокая степень стандартизации на протяжении как минимум пяти столетий – с X по XV в. (Колчин, 1959. С. 72). Действительно, на Ижорском плато и в его округе аналогичные косы известны как в трупосожжениях могильника Ратчино конца I – начала II тыс. н.э., так и в позднейших курганах с ингумациями на горизонте XII–XIII вв. и грунтовых могильниках води XIV–XV вв. (Рябинин, 1997. С. 33–36; 2001. С. 240. Табл. XXV).

Пластинчатые щитковые и широкосрединные перстни с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами на Ижорском плато встречены исключительно в курганах с погребениями на горизонте и датируются периодом XII – первой половины XIII в. (Рябинин, 2001. С. 75), хотя, по данным новгородской хронологии, они существуют в течение всего XIII и начала XIV в. (Лесман, 1984. С. 135).

Монеты-«чешуйки» XVI в. и тонкостенный гончарный горшок с выраженными округлыми плечиками хронологически оторваны от основной серии находок. Они могут происходить как из позднейших погребений могильника, так и из культурного слоя поселения, возможно, существовавшего здесь в позднем Средневековье.

Рис. 3. Могильник Покровская, гончарный горшок из разрушенного захоронения.

II. Предметы, обнаруженные при земляных работах и впоследствии утраченные

Часть предметов, собранных при земляных работах и первичном осмотре могильника сотрудниками правоохранительных органов, была сфотографирована ими и оставлена на месте. Эти находки попали к местным жителям. Известно также, что жители по своей инициативе собрали из отвалов предметы, дальнейшая судьба которых не установлена. Ниже мы рассмотрим те находки, которые удалось идентифицировать по имеющимся фотографиям.

1. Топор (рис. 4, 3) железный с широким симметрично расширяющимся лезвием, широким обухом с треугольной проушиной, без щекавиц. Этот редкий и своеобразный экземпляр может быть атрибутирован как боевое оружие – секира, формой лезвия восходящая к широко распространенным в позднюю эпоху викингов широколезвийным секирам типа М по схеме Я. Петерсена (Петерсен, 2005. С. 78). От классических экземпляров этого типа рассматриваемая находка отличается конструкцией широкого обуха, лишенного щекавиц. Подобное оформление обуха характерно для новгородских топоров второго типа по схеме Б. А. Колчина и близких к нему индивидуальных форм (Колчин, 1959. С. 24–27. Рис. 10, 7). В данном случае конструкция обуха является хронологически значимым признаком, определяющим сравнительно позднюю датировку изделия – не ранее рубежа XII–XIII вв. В отличие от Древней Руси, где находки подобных секир в обозначенное время редки (ср. Курпичников, 1966. Табл. XX, 3), в Западной Европе они получили более широкое распространение. Там находки сходных форм датируются XIII в. (Glosek, 1996. S. 18, 33–34. Tabl. IX). В пределах XIII в. можно с наибольшей вероятностью датировать и секиру из Покровской.

2. Топор (рис. 4, 1) железный с симметрично расширяющимися лезвием и обухом, с треугольной проушиной без щекавиц. Относится ко второму типу новгородских топоров по Б. А. Колчину (Колчин, 1959. С. 25–26). Имеет многочисленные аналогии в курганных древностях Новгородской земли конца XII–XIII в., в городских слоях встречается и позднее, в течение всего XIV в. (Там же. Рис. 12)

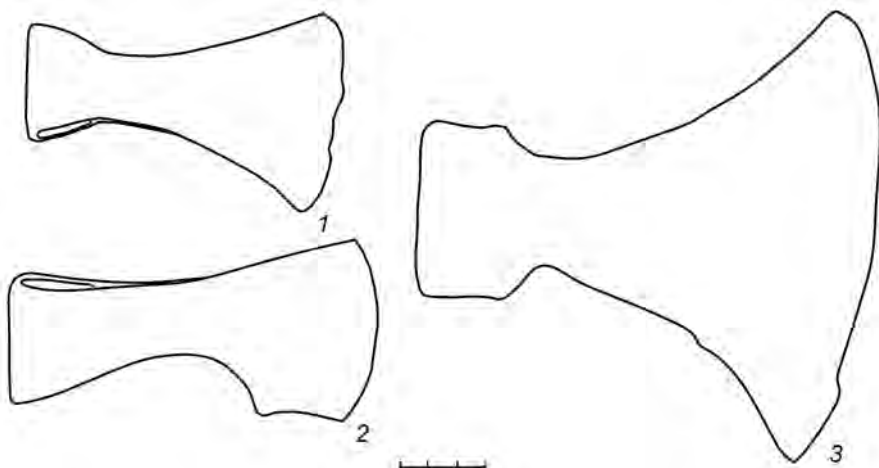

Рис. 4. Могильник Покровская, топоры из разрушенных захоронений. Железо.
Прорисовка по фотографии, сделанной во время доследственной проверки

3. Топор (рис. 4, 2) узколезвийный бородовидный с обухом без щекавиц, переходной формы от первого ко второму типу по Б. А. Колчину (*Колчин*, 1959. С. 25–26). По новгородским и курганным аналогиям датируется второй половиной XII – началом XIII в.

4. Топор (рис. 5, 3) железный с симметрично расширяющимися лезвием и обухом, с треугольной проушиной без щекавиц, аналогичен топору № 13, относится ко второму типу новгородских топоров и датируется концом XII–XIV в.

5. Наконечник копья (рис. 5, 2) втульчатый, массивный с вытянутым треугольным острием ромбического сечения и низко опущенными плечиками, относится к типу III по схеме А. Н. Кирпичникова, а точнее, к его поздней разновидности, датируемой XII–XIII вв. (*Кирпичников*, 1966. С. 7. Рис. 1).

6. Фибула кольцевая (рис. 5, 8) литая из медного сплава, декорированная мелкой насечкой. Различный характер коррозии на кольце и игле фибулы указывает на разный состав сплава. Это позволяет заключить, что изделие собрано из частей двух разных фибул, видимо, как результат замены сломанной иглы. Кольцевые фибулы в Новгороде широко представлены в слоях третьей четверти XII – середины XIV в. (*Лесман*, 1990. С. 78). В курганах Ижорского плато их распространение приурочено к периоду сооружения курганов-жальников и жальничных могил, т. е. второй половине XIII–XIV в. (*Рябинин*, 2001. С. 69).

7. Перстень (рис. 5, 7) массивный литой из медного сплава с рубчатым или ложновитым орнаментом. Сомкнутые рубчатые перстни широко распространены на территории Древней Руси, являясь одним из наиболее распространенных типов в данной категории украшений (*Недошивина*, 1967. С. 264). В Новгороде серийно выявленная группа таких перстней укладывается в хронологический диапазон XII – третьей четверти XIII в. (*Лесман*, 1984. С. 135; 1990. С. 50), хотя с учетом отдельных находок, оторванных от основной серии, датировка типа может быть

расширена до конца XIV в. (Седова, 1981. С. 122). В курганах Ижорского плато рубчатые сомкнутые перстни распространены в период совершения погребений на горизонте в XII – первой половине XIII в. (Спицын, 1896. С. 31; Рябинин, 2001. С. 75).

8. Серп (рис. 5, 1) не поддается узкой датировке, поскольку по фотографии невозможно установить его основные параметры. Определимые особенно сти найденного фрагмента железного серпа не противоречат его датировке периодом средневековья.

9–10. Ножи (рис. 5, 4, 5) крупные, сравнительно тонкие с широким клинком и массивным черешком, отделенным от клинка двумя выраженными уступами у лезвия и обуха, относятся к поздней разновидности средневековых ножей Новгородской земли, неизвестной в курганах XII–XIII вв., однако представленной в грунтовых погребениях Красногвардейского могильника на востоке Ижорского плато (Равдоникас, 1932. С. 30), водских могильников Валговицы, Великино, Вердия, а также Мануйлово (Стасюк, Кузнецова, 2013. С. 360–361) на западе плато, датируемых XIV–XVI вв. и в карельских древностях XV в. (Бельский, 2012. С. 53, 55 и др.)

11. Кресало подпрямоугольной формы с выпуклыми боковыми гранями относится к разновидности, которая, согласно наблюдениям Ю. М. Лесмана, в новгородских слоях появляется после 1116 г. Данный тип кресал массово представлен в курганных древностях Новгородской земли XII–XIII вв.

12. Фрагмент пружинных ножниц – обломок кольцевой пружины с частью рукоятки. Ножницы не характерны для погребального инвентаря древнерусских курганно-жальничных могильников Северо-Запада, но представлены в памятниках прибалтийско-финского населения: могильнике Ратчино на Ижорском плато (Стасюк, 2012. С. 80), Залахтовье в юго-восточном Причудье (Хвощинская, 2009. С. 103), в курганах юго-восточного Приладжья (Бранденбург, 1895. С. 69), в карельских грунтовых могильниках (Кочкуркина, 1981. С. 144, 146, 150), в древностях ливов (Zariņa, 2006. S. 214).

13–14. Две заклепки с ромбической шайбой, длинной. Насколько можно определить по фотографии, около 4–5 см. Подобные заклепки использовались по всему балтийскому региону как в судостроении, так и для скрепления самых разнообразных деревянных изделий.

15. Фрагмент орудия в виде треугольной железной лопатки с изогнутой ручкой. В. А. Мальм определяет подобные изделия как медорезки, указывая на общность их формы в весьма отдаленных друг от друга регионах и сходство с пчеловодными ножами XIX–XX вв., используемыми для той же цели – выемки меда из бортей (Мальм, 1956. С. 135. Рис. 8, 7). Отдельные находки подобных изделий известны на территории Руси (Мальм, 1956. С. 135), широко представлены они в финских (Kivikoski, 1973. S. 148. Abb. 1242) и карельских древностях (Сакса, 2010. С. 251). В последние годы аналогичные орудия найдены П. Е. Сококиным при раскопках ижорских могильников в южном Приневье.

III. Выводы

Приведенные выше хронологические наблюдения носят обобщенный характер. С учетом отсутствия закрытых комплексов и длительности бытования представленных типов вещей, памятник в целом может быть датирован

Рис. 5. Могильник Покровская, предметы из разрушенных захоронений
(фото, сделанные во время доследственной проверки
1 – серп; 2 – наконечник копья; 3 – топор; 4–6 – ножи; 7 – перстень, 8 – фибула кольцевая.
1–6 – железо; 7, 8 – медный сплав

в широких пределах – XIII–XVI вв., причем наиболее поздними являются всего три находки: две монеты и развал гончарного горшка. Основную массу разрушенных инвентарных погребений можно датировать XIII в.

Несмотря на то, что большинство обнаруженных предметов находят прямые аналогии в древнерусской культуре и, по большей части, являются изделиями древнерусских мастеров (вероятно, городских), есть основания полагать, что данный памятник оставлен финноязычным населением южного Приневья – летописной ижорой. Во-первых, для русского населения, концентрировавшегося преимущественно на плодородном Ижорском плато, в этот период типичен курганный и жальничный обряд захоронения. Для прибалтийско-финского населения, традиционно занимавшего низинные территории вокруг плато и речные долины по его окраинам (Новожилов, 1997. С. 46–47), напротив, характерны грунтовые погребения (Рябинин, 1997а. С. 29; Uino, 1991. S. 22, 25–30). Во-вторых, имеются указания (не вполне надежные и нуждающиеся в проверке) на меридиональную ориентировку погребенных, также нетипичную для русского населения, но отмечаемую в захоронениях прибалтийско-финских народов. И, в третьих, вещевой набор курганных и жальничных захоронений, традиционно определяемых как древнерусские, в период XII–XIV вв. достаточно стандартизирован. Такие не характерные для него предметы, как пружинные ножницы, лопатка-медорезка, железные заклепки, хорошо известны в могильниках финских племен севера и запада Новгородской земли и сопредельных территорий.

Антропологические данные также указывают на ижорскую принадлежность могильника. Согласно предварительным наблюдениям И. Г. Широбокова, как мужские, так и женские черепа из Покровской характеризуются средней или длинной широкой черепной коробкой, мезокранной по указателю, с очень высоким сводом и широким лбом. Лицевой скелет средней высоты, средней или большой ширины, резко профилированный на обоих уровнях горизонтальной профилировки. Орбиты широкие и низкие, хакеконхные по указателю. Грушевидное отверстие средней ширины и высоты, носовые кости широкие и высокие, нос к линии профиля выступает умеренно. По признакам, характеризующим основные параметры черепной коробки, выборка из Покровской проявляет наибольшее сходство с карельскими и ижорскими группами. Аналогичные параметры имеют костяки из грунтового могильника в соседней деревне Порицы, открытого в ходе раскопок П. Е. Сорокина и также определяемого как ижорский (Широбоков, Сорокин, 2015).

Согласно данным писцовых книг конца XV–XVI в., территория Ижорского погоста с течением рек Ижоры и Славянки является зоной сосредоточения финноязычной топонимии и антропонимии. Проживание здесь финского населения в период позднего средневековья и раннего нового времени надежно документировано письменными источниками. Южное Приневье в целом определено П. Е. Сорокиным как территория, заселенная ижорой (Сорокин, 2006. С. 108–109; 2008. С. 123). В свете новых находок среднее течение реки Славянки у северо-восточного склона Ижорского плато может быть включено в средневековый ижорский ареал.

Литература

- Бельский С. В., 2012. Могильник Кюлялахти Калмистояки в северо-западном Приладжье (археологические исследования 2006–2009 годов). СПб.
- Бранденбург Н. Е., 1895. Курганы южного Приладжья. МАР № 18. СПб.
- Киричников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. (САИ. Вып. Е1–36.) М., Л.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА № 65. М. С. 7–119.
- Кочуркина С. И., 1981. Археологические памятники корелы. Л.
- Лесман Ю. М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л. С. 118–133.
- Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. С. 29–98.
- Мальм В. А., 1956. Промыслы Древней Руси // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 32). М. С. 106–138.
- Минасян Р. С., 1980. Четыре группы ножей восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л. С. 68–74.
- Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 43). М. С. 253–274.
- Новожилев А. Г., 1997. Северо-западные земли Водской пятины на рубеже XV–XVI вв. // Историческая этнография. Русский север и Ингерманландия. СПб. С. 34–49.
- Петерсен Я., 2005. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.
- Равдоникас В. И., 1932. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина) // Сообщения ГАИМК. № 11–12. Л. С. 24–31.
- Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.
- Рябинин Е. А., 1997а. Древнерусское освоение северо-запада Новгородской земли и финно-угры // Историческая этнография. Русский север и Ингерманландия. СПб. С. 20–34.
- Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб.
- Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. СПб.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Стицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР № 20. СПб.
- Сорокин П. Е., 2006. Раскопки ижорских могильников в бассейне реки Невы // Записки ИИМК РАН. № 1. СПб. С. 94–111.
- Сорокин П. Е., 2008. Археологическое изучение средневековых памятников в Принравье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб. С. 88–127.
- Стасюк И. В., 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н.э. // Stratum Plus. № 5. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 63–88.
- Стасюк И. В., Кузнецова В. Н., 2013. Новый памятник средневековой воды // АИППЗ. Мат-лы 58-го заседания. М., Псков. С. 358–363.
- Хвоцинская Н. В., 2009. Финны на западе Новгородской земли. СПб.
- Широбоков И. Г., Сорокин П. Е., 2015. К антропологии средневековой Ижоры (по материалам могильника Порицы 1) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб. С. 456–469.
- Glosek M., 1996. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich. Warszawa – Łódź.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Uino P., 1991. Inkerinmaan esihistoria // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuru. Helsinki.
- Zariņa A., 2006. Salaspils Laukskolas kapulauks 10. – 13. gadsimts. Rīga.

П. Е. Сорокин, В. Н. Матвеев, Б. С. Короткевич

Раскопки средневекового могильника Порицы 1 на реке Славянке

P. E. Sorokin, V. N. Matveev, B. S. Korotkevich. Excavations of Medieval Burial Ground Poritzky 1 on the Slavyanka River

Abstract. The burial Poritzky 1 is one of the unique sites of the 14–17th cc., characterizing the time of Pre Neva territory colonization by Russian population and the processes of the local Izhora population assimilation and christianization. The article is devoted to the results of research of the years 2013–2015, when 172 m² – about 1/3 of the burial ground was excavated and its Southern and Western borders were defined.

Ключевые слова: Приневье, ижора, ассимиляция, христианизация

Keywords: Pre Neva region, Izhora, assimilation, christianization

Бассейн р. Славянки, так же, как и все Приневье, заселенный в средние века прибалтийско-финским племенем ижора, недостаточно изучен в археологическом отношении. Если в соседних регионах – на Ижорском плато и в Полужье – средневековые памятники широко известны, то в Южном Приневье до недавнего времени было выявлено всего несколько могильников: Усть-Рудицы, Мишкино, Инкере-Войсковоро, Пупышево и Гатчина (*Равдоникас*, 1932; *Седов*, 1987. С. 42–43; *Рябинин*, 1997. С. 60–72). Около десятка средневековых могильников, связываемых с ижорой, было обнаружено в 1980-е годы в низовьях р. Луги и на Кургальском полуострове (*Конькова*, 2008. С. 13). В последнее десятилетие обнаружены и исследованы новые памятники XII–XVII вв. на территории Приневья, в том числе, в Петербурге и в его окрестностях (*Сорокин*, 2008. С. 91–120; *Сорокин и др.*, 2013; *Сорокин, Певнева*, 2014).

Могильник Порицы 1 обнаружен при строительных работах на северо-восточной окраине деревни Порицы (Гатчинский район Ленинградской обл.) на краю правого коренного берега р. Славянки. Его территория занята участком с индивидуальной застройкой. Рельеф местности имеет выраженный уклон с запада на восток в сторону долины реки Славянки с перепадом чуть более метра (рис. 1). Размеры могильника определяются приблизительно

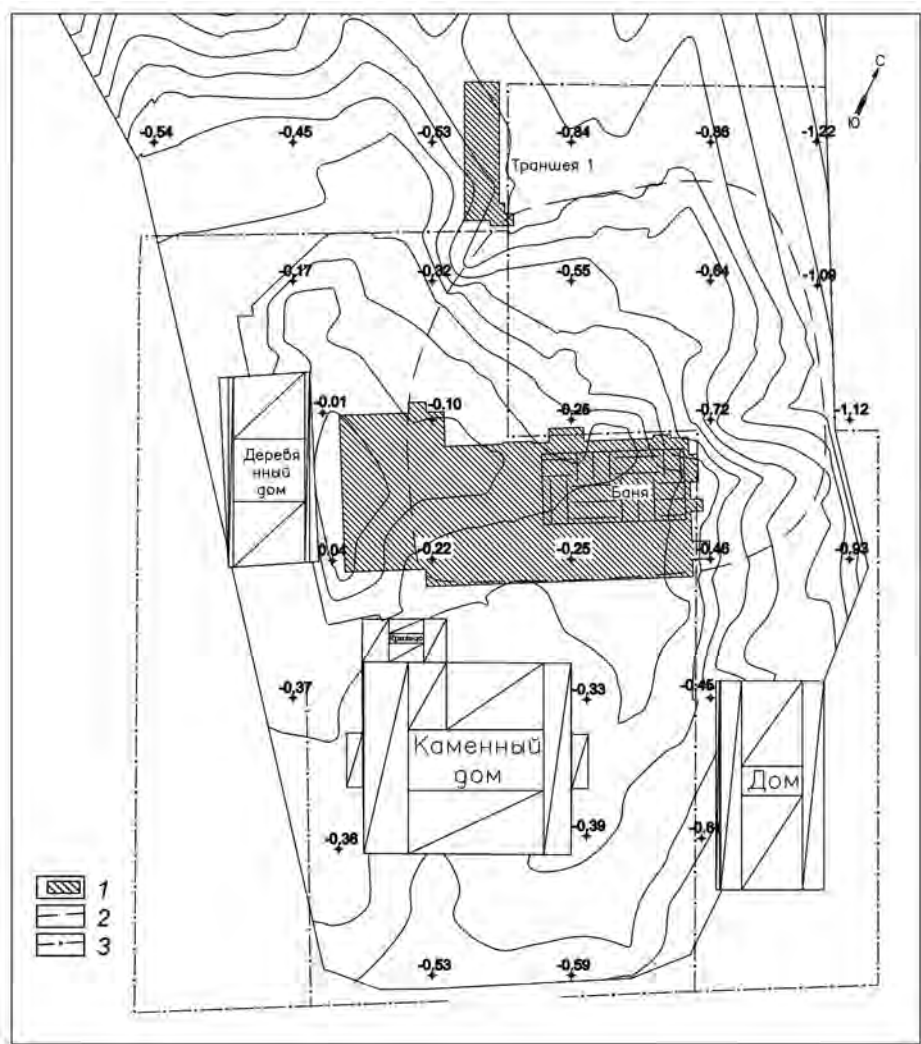

Рис. 1. Общий план исследованной территории

1 – раскопки; 2 – реконструированная граница могильника; 3 – границы земельных участков

по небольшому всхолмлению, ориентировочная площадь которого 550 м². Его центр находится в 75 м от реки, абсолютная отметка составляет около 62 м по Балтийской системе высот. От современного уреза воды в летний период он возвышается на 8 м. В процессе исследований 2013–2015 гг. было раскопано 172 м² – около 1/3 могильника и определены его южная и западная границы.

Почвенный слой на месте могильника толщиной около 0,3 м подстилается слоем рыжего насыпного песка мощностью 0,3–0,4 м, образовавшегося в процессе совершения захоронений. Ниже залегает желтый материковый песок в южной и восточной частях раскопа и коричневый суглинок в западной

Рис. 2. Погребение 2, остатки каменной выкладки

Рис. 3. Погребение 3, остатки каменной выкладки

части. Хозяйственная деятельность привела к разрушению верхних слоев могильника, в результате чего в почвенном слое встречаются фрагменты костей из поврежденных погребений и отдельные фрагменты керамики. Всего на раскопе было зафиксировано 103 погребения и скопления разрозненных костных останков. Плотность погребений на всей исследованной площади равномерная, на каждый квадратный метр приходится в среднем 1,3 погребения. Больших лакун между ними не зафиксировано, но в западной части

Рис. 4. Погребение 29, могильная яма

погребения располагались несколько ближе друг другу, чем в восточной. Костные материалы сохранились в хорошем состоянии, особенно, в глубоких захоронениях.

Следов надмогильных сооружений не сохранилось, однако, учитывая тот факт, что погребения редко перекрывают друг друга, можно предположить, что они были обозначены на поверхности земли. В одном случае было зафиксировано погребение (№ 2) с остатками каменной выкладки длиной до 1,2 м и шириной 0,3 м., расположенной вокруг костяка (рис. 2). Она включала 5 лежащих в ряд каменных плит размером примерно 0,3×0,3 м. В двух погребениях (№ 78, 100) были зафиксированы камни размерами 0,2×0,3 м в изголовье, а еще в трех (№ 73, 80 и 100) камни размерами 0,2×0,2 м и 0,2×0,4 м находились рядом с погребенными (рис. 3). В северо-восточной части раскопа было обнаружено скопление известняковых плит размерами от 0,1×0,05 м до 0,4×0,3 м и отдельных гранитных валунов, лежащих хаотично в линзе коричневого песка с примесью углей. Этот развал и выкладки можно интерпретировать как остатки разрушенных и перемещенных оградок погребений.

Все погребения были совершены в ямах глубиной от 0,2 до 1 м. Однако границы ям читались далеко не во всех случаях, так как основная часть их была расчищена прямо под дерном и их контуры были повреждены в результате хозяйственной деятельности. Форма ям подпрямоугольная со скругленными углами, иногда близкая к овальной (рис. 4, 5). Размеры варьируют от 1,5×0,3 м до 2×0,6 м, стенки вертикальные. Погребения располагались в основном на незначительной глубине (0,3–0,6 м), многие сразу под слоем

Рис. 5. Погребение 48, могильная яма

дерна. Некоторые из захоронений были заглублены до 1 м от современной дневной поверхности. Большая часть погребений находилась в слое насыпного рыжего песка, некоторые – в материке, там, где его уровень повышался, в основном, в западной части раскопа. В некоторых местах более поздние захоронения прорезают ранние, таким образом, местами, прослеживается до двух (в одном случае – трех) ярусов захоронений.

Погребения имели различную ориентировку: от северной до юго-западной (рис. 6). На север ориентировано одно погребение, на северо-северо-запад – 10, северо-запад – 11, с незначительным отклонением от западной – 4. В основном преобладает западная ориентировка (28 погребений). На долю юго-западной приходится 24 погребения, из них: с незначительным отклонением от западной – 7, юго-запад – 14, юго-юго-запад – 3.

В захоронениях не было выявлено явных остатков гробов и гвоздей, обычно им сопутствующих. В слое рыжего песка, в который были впущены могильные ямы, обнаружено несколько гвоздей, но их происхождение не ясно. В трех погребениях (№ 23, 26, 40) под костями ног обнаружены остатки древесного тлена, возможно, от деревянных конструкций, тип которых не определяется. В разведочной траншее, заложенной в 12 м к северу от основной территории могильника, обнаружено погребение (№ 99), в котором на глубине 0,4 м находился деревянный ящик размером 1×0,4 м. В нем были собраны остатки трех костяков, вероятно, перезахороненных в ходе хозяйственной деятельности после появления здесь жилой застройки в XIX–XX вв.

Все погребенные лежали в вытянутом положении на спине. Положение рук было зафиксировано у 38 костяков: у 22 из них руки были скрещены вниз

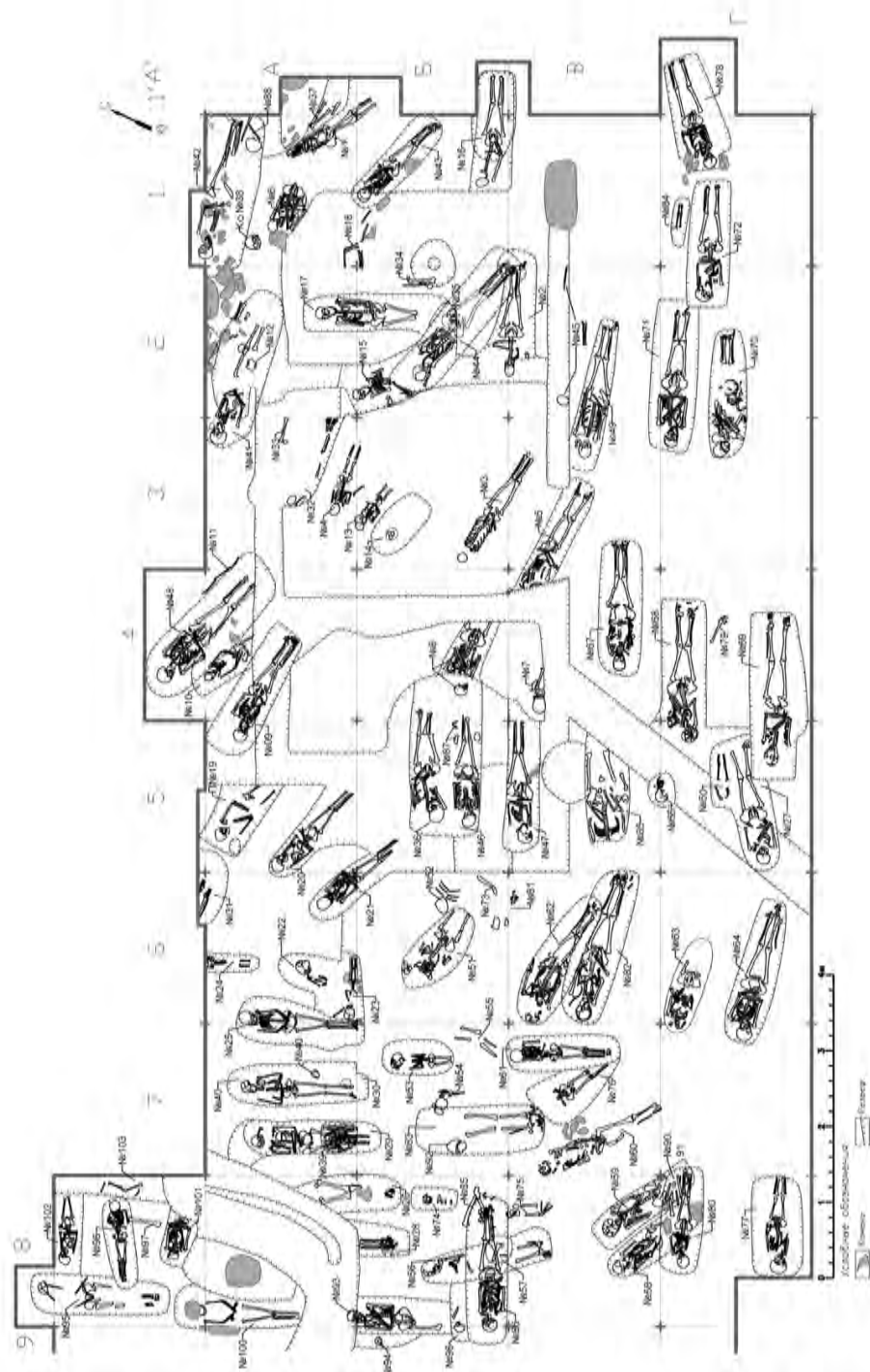

Рис. 6. Сводный план погребений могильника

живота, у пяти – на груди, в некоторых случаях одна рука располагалась на животе, а другая на груди.

В могильнике выделяются группы захоронений, расположенные рядом, ориентированные в одном направлении и явно связанные между собой. В северо-восточной части раскопа обнаружены 4 располагавшихся в ряд детских погребения, ориентированных головами на запад. К югу от них находились еще четыре взрослых погребения, лежавших в том же положении. В центральной части зафиксирована яма с тремя погребениями, ориентированными на юго-запад. В западной части раскопа прослежен ряд погребений с западной ориентировкой. В юго-западном углу выявлена группа, ориентированная на северо-запад.

Половозрастные характеристики были получены по большей части захоронений¹. Из 92 костяков 35 определены как мужские, 18 – женские, 31 – детские до 18 лет, чей пол установить сложно, и еще 8 костяков, пол которых также не был определен. В могильнике почти в одинаковых пропорциях представлены все возрастные группы, но количественно выделяется группа 30–40 лет (17 погребенных).

Коллекция находок, обнаруженных в захоронениях, состоит из 113 предметов. В погребениях обнаружены предметы одежды и украшения: бронзовые и серебряные фибулы, перстни, серьги, поясная гарнитура, обломок нательного крестика, 5 медных шведских монет, бытовые предметы: железные ножи, кресала, фрагменты керамики. Необходимо отметить, что вещевые материалы обнаружены только в половине из всех погребений – в 46 из 103. Чаще всего встречаются ножи и фибулы, остальные предметы значительно реже. Существенных различий погребального набора в зависимости от пола и возраста погребенных не прослежено. Одни и те же типы ножей и фибул встречаются у мужчин, женщин и детей.

Ножи – самая многочисленная категория находок (36 экземпляров) – встречались в погребениях всех половозрастных групп (рис. 7). Они располагались чаще всего у правого бедра, иногда у левого. В основном ножи длинные и узкие с прямой спинкой и симметричными уступами у черенка. Черенки клиновидной формы, четырехугольные в сечении. На многих черенках сохранились остатки деревянной рукоятки. Средняя длина ножей 15–16 см, лезвия – 9–10 см, ширина до 2 см, толщина спинки – около 0,5 см. Есть также несколько образцов с плавно поднимающейся кверху спинкой. В одном случае сохранились остатки ножен. Датируются такие ножи очень широко в пределах средневекового – нового времени (Колчин, 1959. С. 48–55, Захаров, 2004. С. 156).

Обнаружено также два железных овальных кресала с прямыми торцевыми краями, которые по новгородским материалам датируются с XIII до XV в. (Колчин, 1959. С. 101–103).

Фибулы, изготовленные из серебра и бронзы, – вторая по численности категория находок (22 экз.). В большинстве случаев они были найдены в области

¹ Антропологическая экспертиза проведена И. Г. Ширококовым в МАЭ РАН. Информация приводится для погребений, открытых в 2013 и 2014 гг. Погребения № 93–103, исследованные в 2015 г., пока еще находятся на антропологической экспертизе.

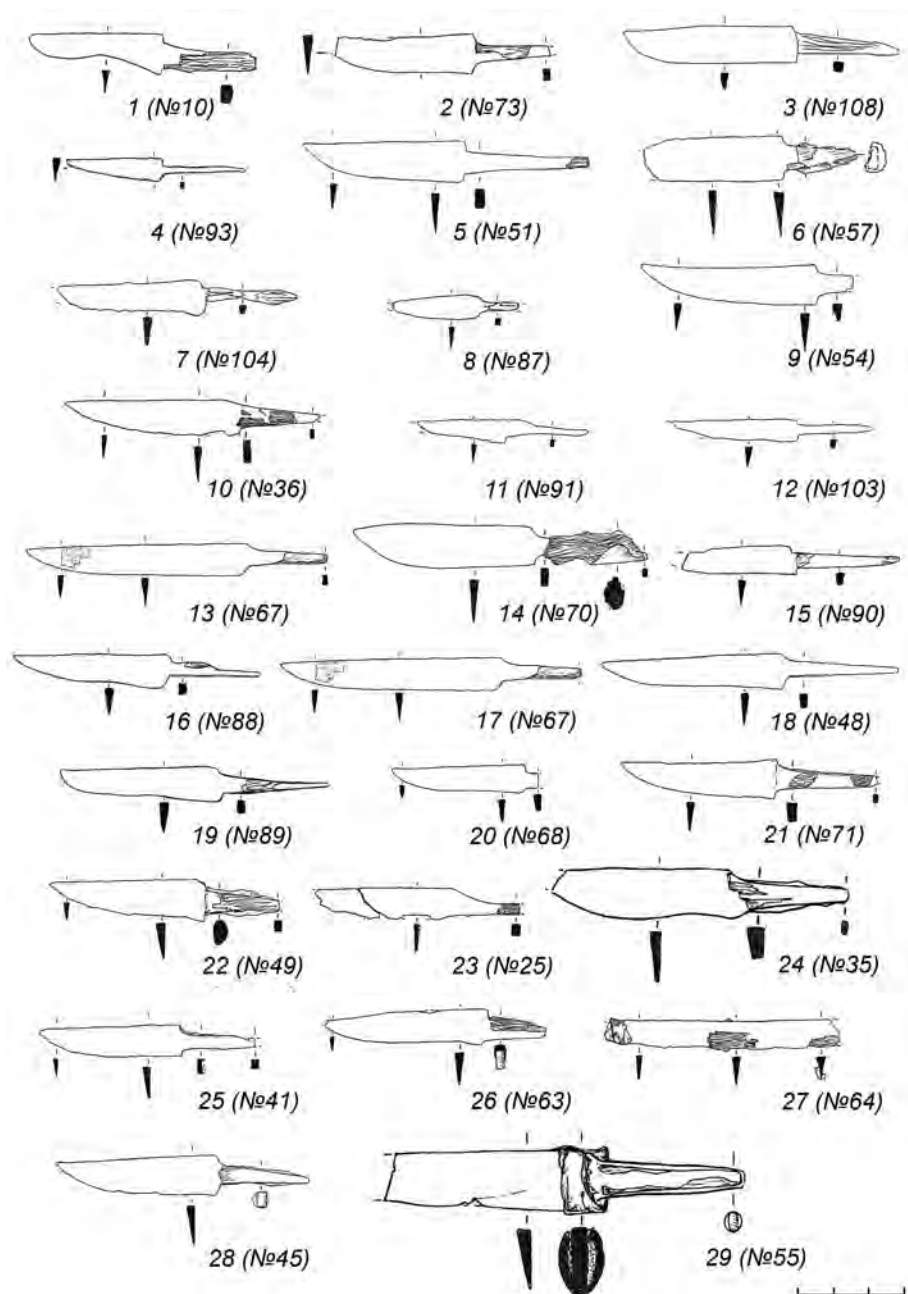

Рис. 7. Железные ножи

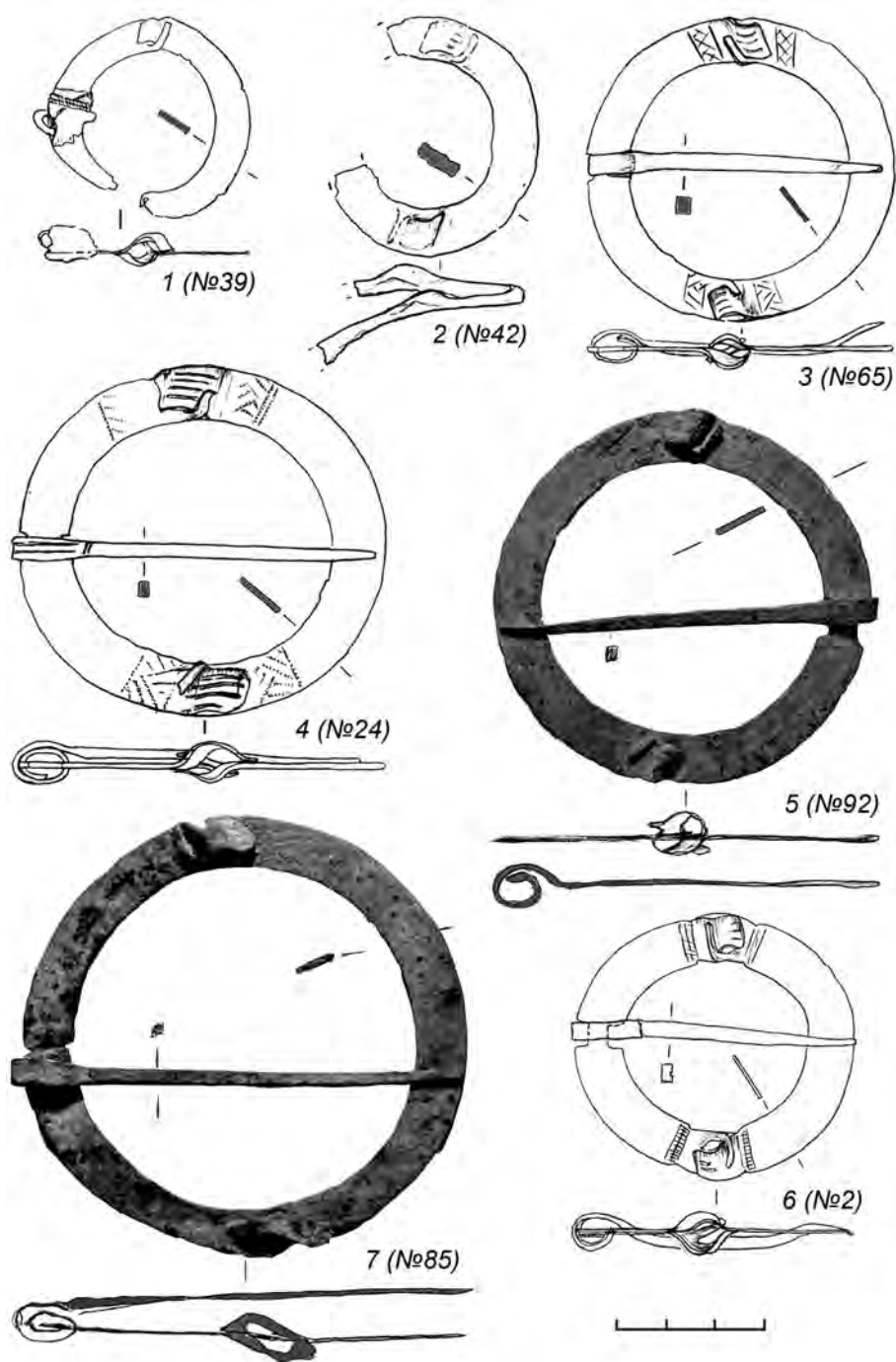

Рис. 8. Пластинчатые кольцевидные фибулы с «рукопожатием»

груди и шеи. Наиболее многочисленные (10 экз.) – замкнутые пластинчатые кольцевидные фибулы (рис. 8), дуги которых соединены «рукопожатием». Манжеты рук украшены орнаментом в виде косых перекрещивающихся линий. Диаметр варьирует от 4,5 до 9 см. Датируются такие фибулы в Западной Европе XIII–XIV вв., в Северной Европе, Финляндии преимущественно XIV в. (Бельский, 2012. С. 139). Две новгородские находки западноевропейского происхождения отличаются от найденных в Порицах надписями по окружности, что характерно и для многих западноевропейских экземпляров. Одна из них найдена в слое 1230–60-х гг., другая – 1360–90-х гг. (Седова, 1981. С. 91).

Пять замкнутых пластинчатых кольцевидных фибул, две из которых неорнаментированные, одна со штрихованным орнаментом и одна с напаянным вольютобразным проволочным орнаментом (рис. 9, 1–4). Все они изготовлены из бронзы, диаметр около 5 см. По новгородской хронологии фибулы с выемкой, фиксирующей положение иглы, датируются 1197–1313 гг. или шире: 1134–1382 гг. (Лесман, 1990. С. 77–78). Так в целом датируются в Новгороде кольцевидные пластинчатые фибулы. Фибула с напаянным орнаментом имеет аналогии в костромских курганах XIII в. (Лесман, 1990: 78; Седова, 1981. С. 89–92).

Четыре незамкнутые пластинчатые кольцевидные фибулы, с частями дуг, находящими друг на друга, одна из которых расплющена, другая перевита, диаметром 4–5 см, изготовлены из серебра (рис. 9, 5–8). По материалам карельских могильников Кекомьяки-2 и 3, Тонгинмяки-8/1888, Холлола Киркайланмяки и Миккели Тууккала такие фибулы датируются XIII–XIV вв. (Сакса, 2010. С. 94)

Среди фибул – две подковообразные с плоскими четырехугольными головками (рис. 9, 9, 10). Большая пластинчатая фибула изготовлена из серебра, меньшая – ромбическая в сечении, из бронзы. Эти украшения могут быть отнесены к типу фибул с гвоздевидными головками, встречающемуся в XII–XIV вв. (Лесман, 1990. С. 75–76; Седова, 1981. С. 86–88).

Всего в ходе раскопок найдено 8 перстней, встреченных в мужских и женских погребениях, еще у одного погребенного пол не определен, и еще один экземпляр найден вне погребения в слое рыжего песка. Три плетеных витых серебряных перстня (рис. 9, 11, 12) по новгородским материалам датируются серединой XII – серединой XIV в. (Седова, 1981. С. 123, 125–127), или несколько шире: 1055–1382 гг. (Лесман, 1990. С. 51). Три щитковых бронзовых перстня (рис. 10, 1, 4, 5), по новгородским аналогиям, изготовлены не ранее второй половины XIII в. Среди украшений встречены три бронзовых узкопластинчатых прямых перстня с разомкнутыми концами (рис. 10, 2, 3, 6), которые по новгородским материалам, датируются с конца в. до конца XIII в. (Лесман, 1990. С. 49; Седова, 1981. С. 131). Замкнутый пластинчатый перстень с рельефным орнаментом в виде трех продольных валиков может относиться к XIV–XV вв. (Лесман, 1990. С. 49–50; Седова, 1981. С. 131–132).

К женским украшениям относятся 6 бронзовых серег в форме вопросительного знака, две из них с бубенчиками (рис. 10, 7–11). В Новгороде и на археологических памятниках Северо-Запада подобные украшения

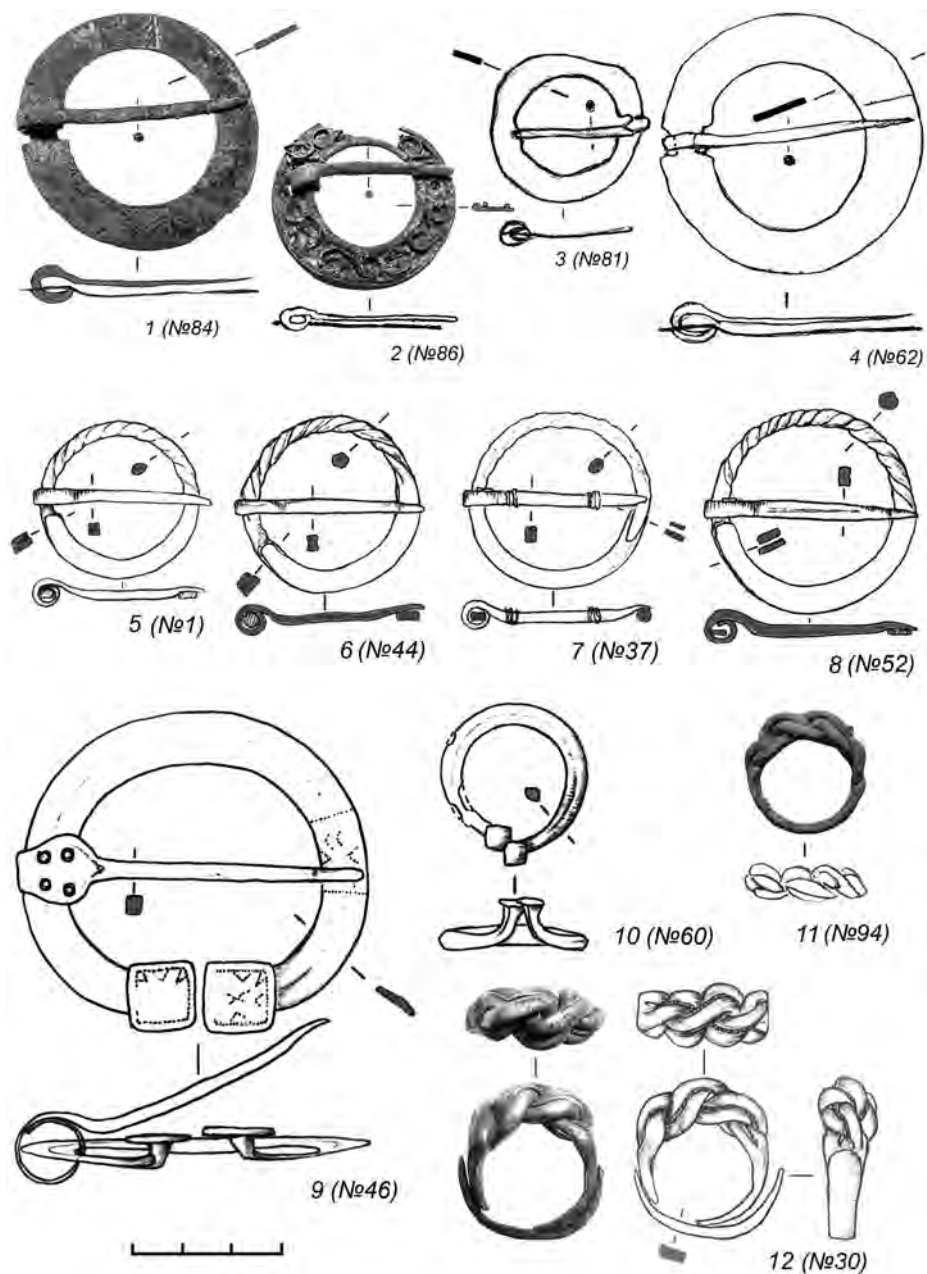

Рис. 9. Пластинчатые фибулы (1 – орнаментированная; 2 – с напаянным орнаментом; 3, 4 – неорнаментированные); пластинчатые кольцевидные фибулы с перевитой частью дуги (5–8); подковообразные фибулы (9, 10); витые серебряные перстни (11, 12)

Рис. 10. Пластинчатые перстни (1, 2, 5 – бронзовые с щитком; 2, 3, 6 – бронзовые); бронзовые серьги (7–11)

датируются XIV–XV вв. (Лесман, 1990. С. 70–71; Седова, 1981. С. 16). В единичных экземплярах найдены пастовая бусина, пуговица и бронзовая спиралька.

Заметно выделяется состав инвентаря детских погребений. В одном из них обнаружены детали пояса – двадцать шесть бронзовых бляшек крестообразной формы (рис. 11). Единственный фрагмент бронзового нательного крестика (рис. 12, 6) также был обнаружен в разрушенном детском погребении. Пять медных шведских монет королевы Кристины, достоинством $\frac{1}{4}$ эре 1635 г. чеканки (рис. 12, 1–5), обнаружены в детских захоронениях. В двух случаях возраст погребенных 1,5–3 года, в двух 5–6 лет и еще в одном – 15–18 лет.

Хронология и планиграфия могильника. Обнаруженные в захоронениях вещи позволяют датировать могильник XIV–XVII вв. Нижняя граница определяется по подковообразным и кольцевым фибулам, кольцам и браслетам, верхняя – по шведским монетам первой половины XVII в. Некоторые из ранних вещей имеют широкую датировку и появляются в более раннее время, но их

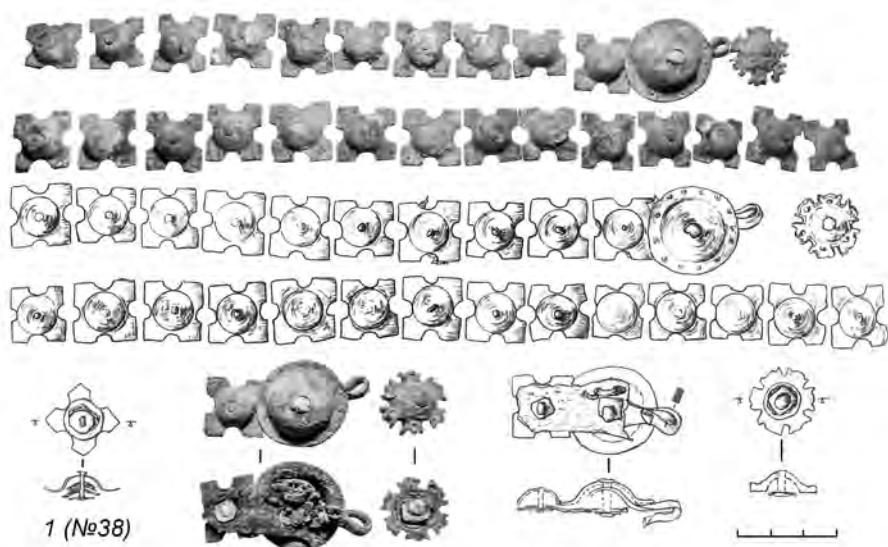

Рис. 11. Бронзовые накладки пояса

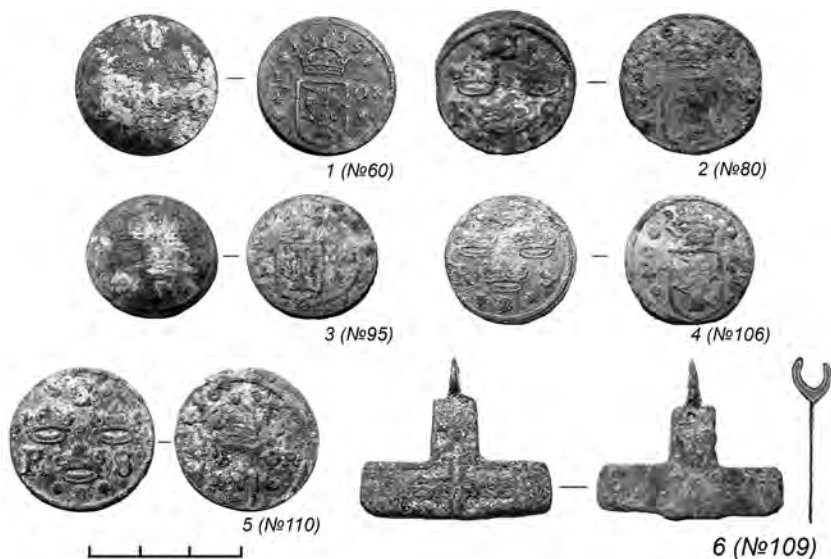

Рис. 12. Монеты и крестик: 1–5 – монеты шведские $\frac{1}{4}$ эре 1635 года чеканки;
6 – фрагмент бронзового нательного крестика

датировка выходит в XIV в. Следует отметить, что количество вещей в захоронениях со временем уменьшается, что связано с распространением христианских традиций. Основная часть находок датируется XIV в., некоторые – XIV–XV вв.

Надежно датированные вещевые материалы XVI – первой половины XVII в. почти отсутствуют, за исключением шведских монет, хотя, судя по равномерному заполнению территории и стратиграфическим наблюдениям, могильник существовал на этом месте без перерывов на протяжении всего обозначенного периода. При этом более ранние захоронения тяготеют в основном к центру, более поздние – к периферийным сторонам: южной, юго-восточной и западной. Такая планиграфия свидетельствует о расширении территории от ранней центральной части к краям. Погребения у западной оконечности могильника лежат практически на одной линии с разницей в 0,1–0,2 м, что позволяет предполагать существование здесь в прошлом ограждения. Ориентировка погребенных, близкая к северному направлению, прослежена преимущественно в ранних захоронениях (XIV в.), к западному – у более поздних (XIV–XVI вв.). Наиболее поздние захоронения (XVI–XVII вв.) ориентированы в основном на юго-запад.

Некоторые черты погребального обряда – ориентировка ранних захоронений в направлении близком к северному, наличие ножей в погребениях и отдельных вещей, характерных для прибалтийско-финских культур, могут свидетельствовать о принадлежности могильника ижорскому населению, хотя большинство находок можно считать характерными и для древнерусской культуры средневекового Северо-Запада. К редким находкам относятся кольцевые пластинчатые фибулы с рукопожатиями. На исследуемом могильнике они составляют основную категорию застежек. Этот тип украшений, имеющий западноевропейское происхождение и известный в Германии и Южной Скандинавии с начала XIV в., достаточно редко встречается в Восточной Прибалтике и на Северо-Западе Руси. Появление этих фибул в юго-западном Приневье связано, вероятно, с новгородско-ганзейской торговлей, основной путь которой проходил по реке Неве. Предварительное изучение фибул может свидетельствовать в пользу их местного изготовления по западноевропейским образцам.

Каменные обкладки двух захоронений и их остатки, обнаруженные в разных местах, сближают некрополь с жальничными погребениями Северо-Запада. Однако эти сооружения не являются основными конструктивными элементами изученного грунтового могильника. Могильник Порицы 1 – один из редких памятников XIV–XVII вв., характеризующий время колонизации Приневья русским населением и процессов ассимиляции и христианизации местного ижорского населения.

Литература

- Бельский С. В., 2012. Могильник Кюлялахти Калмистояки в северо-западном Приладжье (археологические исследования 2006–2009 годов). СПб.: Наука. 240 с.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. (МИА. № 65). М. С. 7–120.

- Конькова О. И., 2008. Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения Ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. № 2. Древности ижорской земли. СПб. С. 9–32.
- Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.
- Равдоникас В. И., 1932. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина) // Сообщения ГАИМК, № 11–12. С. 24–31.
- Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе древнерусской народности. СПб.
- Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб. 400 с.
- Седов В. В., 1987. Ижора // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М.: Наука. С. 42–43.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука.
- Сорокин П. Е., 2008. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности ижорской земли. СПб. С. 88–127.
- Сорокин П. Е., Андреева О. В., Иванова А. В., Лазаретова Н. И., 2013. Археологические исследования Охтинского некрополя // Stratum plus. № 5: Под знаком Рюриковичей. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 103–113.
- Сорокин П. Е., Певнева М. В., 2014. Изучение ижорского могильника Кирсино 2 // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб. С. 305–317.

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРИБАЛТИКИ

Б. С. Короткевич, В. А. Тарасов, Й. Фассбиндер

Геофизические исследования на городище Анашкино в Псковской области

B. S. Korotkevich, V. A. Tarasov, Jörg W. E. Fassbinder. Geophysical Research at Hillfort Anashkino in Pskov Region

Abstract. The article is devoted to the results of geophysical investigation at the hillfort Anashkino in the South of Pskov region. The site refers to the period of the early Iron Age and the early Middle Ages in the chronological framework of the 1st Millennium BC – the 1st Millennium AD. In 2009, the German geophysicist Jörg Fassbinder completed a magnetic survey, covering the Northern and Eastern part of the hill.

According to the 2009 survey results the details of the fortification system (several concentric ditches) were identified and many local magnetic anomalies associated with the remnants of kilns, hearths, houses and household pits were mapped. In 2014 V. A. Tarasov undertook a new research with the survey results of 2009 supplement in view, having extended the survey to the Western and Southern part of the site.

Measurements of magnetic susceptibility of the deposits of cultural layer and virgin soil, which allow to explain the nature of magnetic anomalies on the territory of the site were also carried out, and method of electrical tomography applied to the study of the stratigraphy of the geological and cultural deposits was tested. Results of geomagnetic studies were correlated with the results of archaeological excavations of the hillfort, held in 1991–2014.

Ключевые слова: ранний железный век, геофизические методы в археологии, магнитные аномалии.

Keywords: early Iron Age, geophysical methods in archaeology, magnetic anomalies.

Опыт использования геофизических методов для исследования археологических памятников насчитывает уже не один десяток лет (*Франтов, Пинкевич, 1966, Aitken, 1974*). В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения польза их применения, особенно на стадии предварительного обследования. Это позволяет определить границы и планиграфию памятника, не разрушая культурный слой, и наиболее разумно спланировать дальнейшие работы на нем. Первые геофизические исследования на юге Псковской области были предприняты Северо-Западной экспедицией Государственного Эрмитажа

в 1979–1981 гг. на производственном комплексе Черная Гора (Микляев и др., 1986). Эти работы показали продуктивность геомагнитной съемки для распознавания объектов, связанных с производственной деятельностью: производством и обработкой железа и изготовлением глиняной посуды.

С 1990-х гг. по настоящее время археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Б. С. Короткевича ведутся раскопки на городище Анашкино в Куньинском районе Псковской области, относящемся к периодам раннего железного века и раннего средневековья. Оно занимает вершину холма на северном берегу Жижицкого озера между устьями мелкого безымянного ручья и сильно заболоченного залива. Следы земляных оборонительных сооружений внешне не прослеживаются. Только с наиболее пологой северной стороны холма едва различимы две неширокие террасы, которые, предположительно, могут быть следами эскарпирования склона в древности. Археологическими раскопками на площадке городища было выделено, по крайней мере, 6 разновременных культурных слоев (Короткевич, 2013). При этом горизонтов использования городища, прослеживающихся по разновременным сооружениям и характеризующихся различным обликом материальной культуры, насчитывается семь. Шесть горизонтов относятся к I тыс. до н. э., седьмой – к концу I тыс. н. э. Городище использовалось и ранее, однако соответствующие культурные напластования в исследованной части не сформировались или не сохранились.

В 2009 и 2014 гг. на памятнике были проведены комплексные геофизические исследования, включавшие магнитную съемку, измерения магнитной восприимчивости и электротомографию (рис. 1). Это позволило достаточно оперативно, не прибегая к раскопкам, исследовать большую часть памятника. В результате были получены данные о планиграфии городища, определено положение скоплений и отдельных археологических объектов, получены сведения о стратиграфии почвенного и геологического разреза.

Магнитная съемка, выполненная на городище Анашкино в 2009 г., охватывала северную и восточную части памятника. По ее результатам были выявлены детали фортификационной системы (несколько концентрических рвов) и множество локальных магнитных аномалий, отождествляемых с остатками печей, очагов, жилищ и хозяйственных ям. В 2014 г. на территории памятника были предприняты новые геофизические исследования. Магнитная съемка была распространена на западную и южную части памятника, не охваченную съемкой 2009 г. Также проводились измерения магнитной восприимчивости, позволившие выявить различия в магнитных свойствах горизонтов культурного слоя и материковых отложений, и опробован метод электротомографии применительно к изучению стратиграфии геологических и культурных отложений.

Возможность применения геофизических методов при исследовании археологических памятников определяется различиями в физических свойствах между археологическими объектами и отложениями культурного слоя, с одной стороны, и материковыми отложениями, не затронутыми деятельностью человека, – с другой. В случае магниторазведки – это различия в магнитных свойствах (магнитной восприимчивости χ , индуцированной J_i

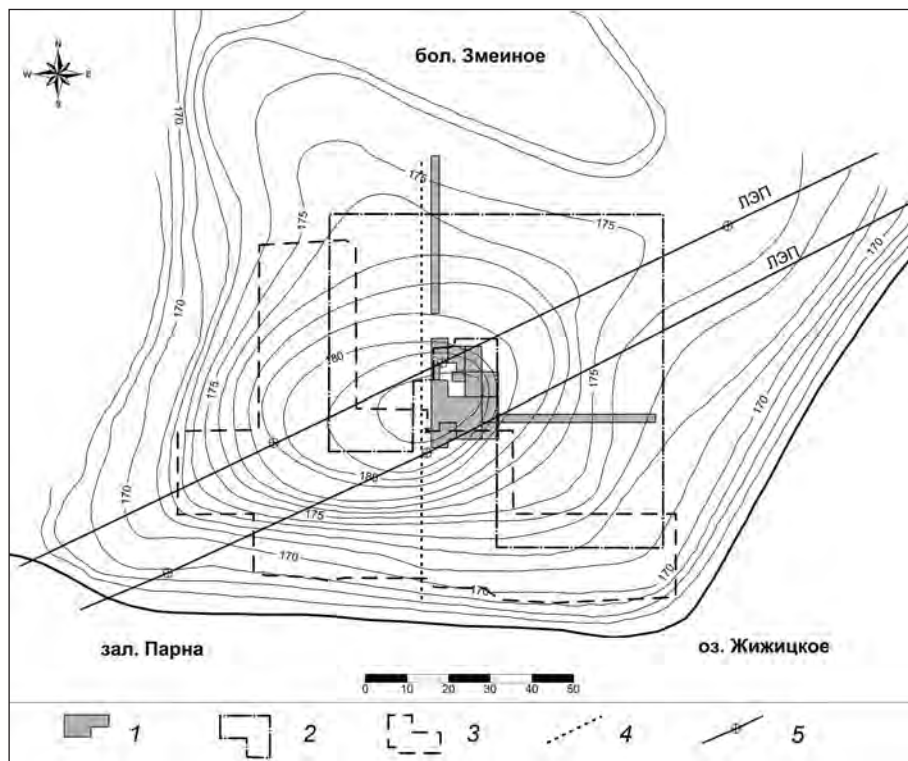

Рис. 1. Топографический план археологического памятника Анашкино (Б. Короткевич, 2004 г.)
 1 – раскопы (1991–2014 гг.); 2 – контур участка магнитной съемки 2009 г. (И. Фассбиндер);
 3 – контур участка магнитной съемки 2009 г. (В. Тарасов); 4 – профиль электротомографии;
 5 – опоры и линии электропередат

и остаточной намагниченности J_r), для методов электроразведки определяющим свойством является удельное электрическое сопротивление ρ (для ряда методов также диэлектрическая проницаемость ϵ и поляризуемость η).

Исследование магнитных свойств разных типов почв и отложений культурного слоя активно ведутся начиная с 50-х годов прошлого века. Благодаря работам Ле-Борна (*Le Borgne*, 1955), Тайта, Мюллинза (*Tite, Mullins*, 1971) и других исследователей (*Вадюнина, Бабанин*, 1972; *Fassbinder*, 1994; *Бабанин и др.*, 1995; *Жоголев*, 1995) сформировано представление об основных факторах и процессах, приводящих к изменению магнитных свойств (прежде всего, магнитной восприимчивости χ) в ходе формирования горизонтов почв и культурного слоя. У большинства типов автоморфных почв, не подвергавшихся избыточному увлажнению, фиксируются повышенные значения χ , по сравнению с материнской породой, на которой они образовались (*Вадюнина, Бабанин*, 1972). Такая же закономерность в целом характерна и для культурного слоя на большинстве археологических памятников. Почва выступает в качестве биохимического, окислительного и геохимического барьера, где происходят

процессы накопления и преобразования широкого спектра химических элементов, включая железо (Жоголев, 1995). В результате, за счет содержащихся в почвах ионов железа Fe^{2+} и Fe^{3+} образуются вторичные ферромагнитные минералы (в основном маггемит и магнетит), причем наиболее интенсивно этот процесс происходит в гумусовом горизонте почвы, где для него создаются благоприятные термодинамические и химические условия. Благодаря этому, отмечается хорошая корреляция значений χ с содержанием в почвах гуминовых соединений (Вадюнина, Бабанин, 1972).

В качестве возможных механизмов повышения содержания магнитных форм железа в почвах и культурном слое рассматриваются разнообразные варианты физико-химических и биохимических преобразований (Fassbinder, 1994). Один из важных факторов повышения магнитных свойств – интенсивный нагрев (прокаливание) вследствие пожаров, а также печак и очагах, связанный с процессами восстановления окисных соединений железа при нагреве в присутствии органического вещества, в результате чего χ может возрасть в несколько десятков и даже сотен раз (Вадюнина, Бабанин, 1972). Аномальное возрастание χ у прокаленных почв было отмечено еще Ле-Борном (Le Borgne, 1955). Следует упомянуть также о существенном повышении магнитных свойств у глинобитных печей и изделий из обожженной глины, при этом значительным становится вклад термоостаточной намагниченности J_r , благодаря чему керамические объекты приобретают постоянный магнитный момент, не зависящий от направления и интенсивности внешнего магнитного поля Земли.

Дополнительный фактор повышения магнитных свойств культурного слоя, специфический для памятников железного века, – наличие остатков производства железа, таких как железная окалина и шлаки в форме небольших частиц, а в некоторых случаях и в виде целых блоков (Микляев и др., 1986; Смелкова и др., 2010).

Суммируя приведенные сведения о магнитных свойствах почв и культурного слоя, можно утверждать, что магнитная съемка (измерения магнитного поля над поверхностью грунта) и капаметрия (непосредственное измерение магнитной восприимчивости на образцах или в естественном залегании) позволяют решить целый ряд задач: выявить скрытые археологические объекты разного происхождения и назначения, выделить горизонты культурного слоя, связанные с периодами интенсивного накопления органических остатков, пожарами, а также погребенные почвенные горизонты. Здесь можно также сослаться на опыт достаточно успешного применения магнитных методов при исследовании разрезов археологических памятников различных культур и эпох в Псковской области и других регионах (Mazurkevich et al., 2013; Скакун, Тарасов, 2000).

В ходе магнитной съемки 2009 г. на городище Анашкино применялся цезиевый магнитометр, измеряющий полное магнитное поле (Smartmag SM4G-special, производства канадской фирмы Scintrex), в так называемой «конфигурации сдвоенного датчика», которая более детально описана в наших предыдущих публикациях, посвященных методике магниторазведки (Fassbinder, 2015). Оснастка магнитометра приспособлена для измерений на неровном рельефе: крутых склонах курганов и искусственных земляных сооружениях. Магнитометрия

является одним из наиболее подходящих способов исследования таких объектов, поскольку она довольно слабо чувствительна к небольшим наклонам и другим изменениям положения магнитного датчика относительно поверхности земли, возможным при съемках на склонах курганов, сопок и насыпей или поперек современных канав и ирригационных каналов.

Конфигурация «сдвоенного датчика» была выбрана для обеспечения максимально возможной чувствительности в сочетании с высокой скоростью съемки. При этом датчики магнитометра были закреплены на деревянной раме, и вся измерительная система перемещалась по системе профилей исследуемой площади зигзагообразно, на высоте 30 см над поверхностью грунта. Профили измерений были ориентированы преимущественно в направлении запад – восток с целью минимизации влияния электронного блока на магнитные датчики. В течение июля 2009 г. (время проведения съемки) солнечная активность и суточные вариации магнитного поля Земли, вызванные влиянием солнечного ветра, были невелики (см. http://www.ips.gov.au/Space_Weather), что позволило нам исключить составляющую, обусловленную суточными вариациями, при помощи простых методов коррекции данных (Fassbinder, Gorka, 2009). Частота отсчетов магнитометра (10 измерений в секунду) при средней скорости пешего перемещения по профилю (4–6 км/ч) обеспечивает достаточное количество данных и хорошую детальность съемки по профилю с расстоянием около 10–15 см между точками. При этом на съемку профиля длиной 40 м уходит менее 30 с. Таким образом, измерения полного магнитного поля производились по сети профилей, расположенных с интервалом 50 см между ними, при частоте 10 отсчетов в секунду. Перед построением карты магнитного поля данные дополнительно обрабатывались и интерполировались на сетку с пространственным разрешением 25×25 см. Обработка сводилась к приведению к среднему значению по профилю длиной 40 м или площади 40×40 м. Применялась также пространственная высокочастотная фильтрация с окном 10×10 м.

В 2014 г. для магнитной съемки использовались протонные магнитометры типа МИНИМАГ (ГНПП Геологоразведка, С.-Петербург) и G856AX (Geometrics Inc., USA), также измеряющие модуль полного вектора индукции магнитного поля. Магнитометры характеризуются разрешением и абсолютной точностью в обычных условиях измерений около 0.1 нТл. Для обеспечения необходимой точности съемки в условиях естественных вариаций магнитного поля Земли, достигающих нескольких десятков нТл, применялась несколько иная, чем в 2009 г., методика съемки: с базовой магнитовариационной станцией (G856AX), непосредственно измеряющей каждые 10 с ход вариаций магнитного поля на фиксированной базовой точке, и магнитометром, который перемещается по системе профилей (МИНИМАГ). Съемка выполнялась по сети 1×0.5 м (профили через 1 м, точки измерения магнитного поля по профилю через 0.5 м). Высота магниточувствительного блока магнитометра над поверхностью почвы при съемке также составляла около 30 см. Участок съемки разбивался на квадраты размером 20×20 м, в пределах которых мерными шнурами размечались профили по направлению север – юг. Участок съемки 2014 г. частично перекрывал участок 2009 г., что позволило состыковать результаты

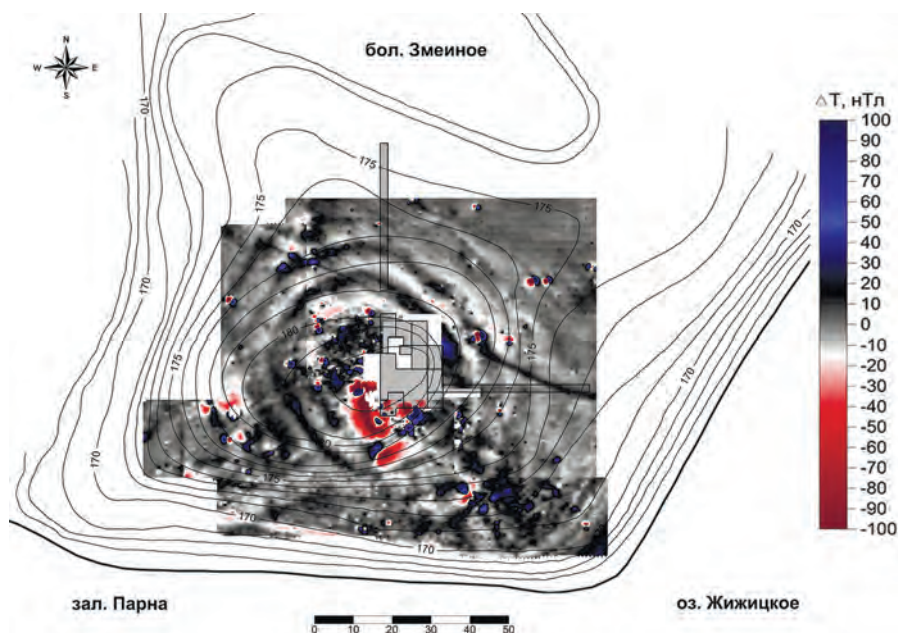

Рис. 2. Карта магнитного поля на археологическом памятнике Анашкино по результатам работ 2009 и 2014 гг.

съемок по характерным особенностям магнитного поля. При обработке результатов съемки вводилась поправка за вариации магнитного поля, измеренные на базовой точке, и вычислялось приращение модуля полного вектора магнитного поля (ΔT) относительно среднего значения поля на участке съемки (около 51710 нТл). При построении карты магнитного поля использовалась картографическая программа SURFER V.11.6.1159 (Golden Software, Inc.). Предварительно значения ΔT интерполировались на регулярную сетку с разрешением 50×50 см (процедура гридирования) с помощью стандартного метода интерполяции данных «Kriging», представленного в программе SURFER.

Карта магнитного поля по результатам съемок 2009 и 2014 гг. (рис. 2) представлена в градации серых тонов для диапазона значений поля от – 15 до + 15 нТл. Более темные участки соответствуют положительным аномалиям магнитного поля, светлые – отрицательным. Чтобы выделить наиболее интенсивные аномалии, значения поля больше 15 нТл показаны в градации синего цвета, меньше – 15 нТл – красного. На основе интерпретации карты магнитного поля и с учетом данных по результатам раскопок составлен схематический план городища (рис. 3).

На карте магнитного поля отчетливо видны основные элементы фортификационной системы памятника – три concentрических внешних кольца ровов и эскарпов, расположенных на склонах холма вокруг примерно прямоугольной внутренней части городища, где сосредоточено большинство контрастных локальных магнитных аномалий. Система ровов имеет форму эллипса

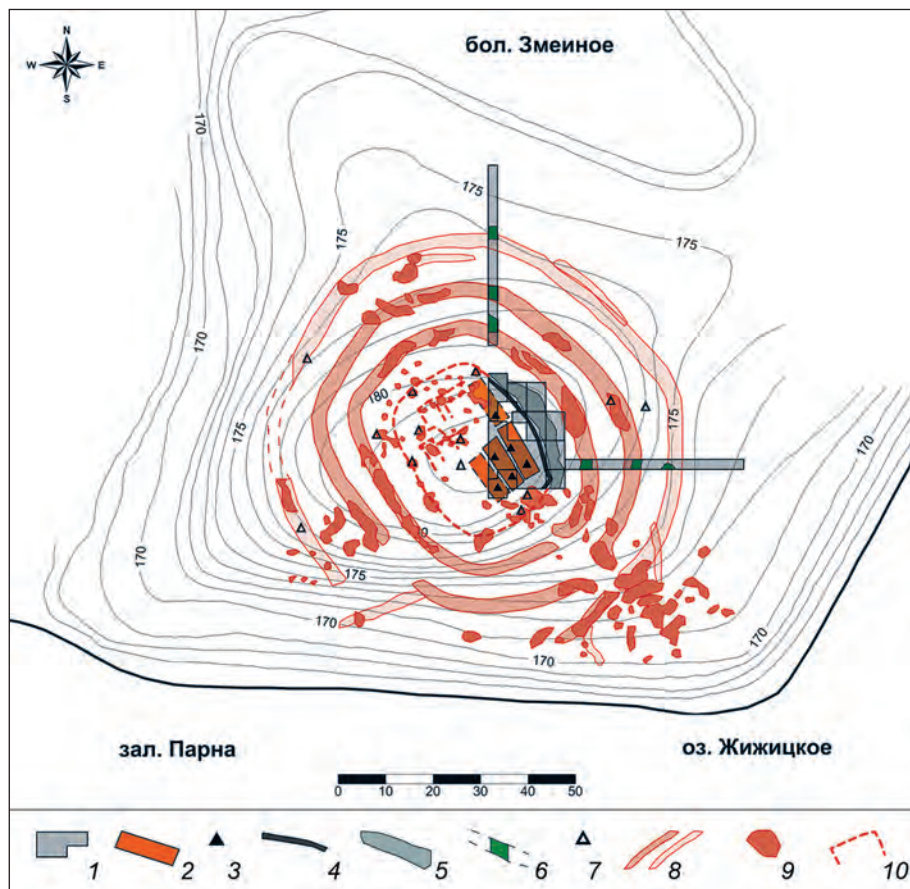

Рис. 3. Схематический план городища Анашкино по результатам интерпретации данных магнитной съемки

1 – раскопы (1991–2014 гг.); 2 – жилища IV–III вв. до н.э.; 3 – горны III–I вв. до н.э.; 4 – деревянная стена с каменным основанием; 5 – песчаная досыпка склона с деревянным армированием; 6 – ров; по данным магнитной съемки; 7 – печи, горны ($\Delta T > 50$ нТл); 8 – земляные оборонительные сооружения (рвы, эскарпы); 9 – полуземлянки, ямы, остатки обожженных деревянных конструкций; 10 – контуры стен

с большой осью, ориентированной в направлении на северо-запад. Степень проявленности рвов (эскарпов) в магнитном поле разная: наиболее отчетливо виден первый внутренний ров, далее к периферии кольцевые магнитные аномалии затухают и читаются фрагментарно. Это может объясняться уменьшением глубины рвов и их разной степенью сохранности. Местоположение рвов подтверждается результатами раскопок в траншее.

Первый, внутренний ров, расположенный на расстоянии около 8 м от внутренней части городища, прерывается только на юго-западной стороне предположительно земляным мостом. Средний ров расположен

параллельно и концентрически по отношению к внутреннему рву, на расстоянии около 5–6 м от него. Подобно внутреннему рву, он имеет земляной мост в юго-восточной части, а также прерывается на протяжении около 5 м на юго-западе. Третий, слабо проявленный внешний ров параллелен первым двум только в северной и восточной части и практически исчезает на юге. Подобно первым двум рвам, он также прерывается в юго-восточной части. Если эти перерывы в конструкции рвов не связаны с более поздним разрушением, их можно интерпретировать как вход во внутреннюю часть городища, расположенный с юго-восточной стороны, где есть сравнительно пологий спуск к Жижицкому озеру. В магнитном поле со стороны входа, примерно перпендикулярно нему, читается также целый ряд ям и остатков сооружений, которые примыкают к третьему рву. Северо-восточную часть системы рвов городища прорезает контрастная линейная аномалия, предположительно соответствующая напашу на краю современного поля.

Локальные аномалии магнитного поля фиксируются в основном в пределах верхней внутренней части городища, ограниченной первым внешним рвом. Внутренняя часть городища имеет площадь примерно 25×30 и ориентирована длинной осью в направлении северо-запад – юго-восток. Археологические структуры здесь проявляются исключительно контрастными магнитными аномалиями амплитудой до ± 60 нТл (отдельные, наиболее интенсивные – 200–300 нТл). Таким образом, археологические объекты, вероятнее всего, были подвергнуты интенсивному обжигу, связанному с разрушением городища при пожаре или с активным использованием кострищ и печей. В целом, археологические объекты отображаются в магнитном поле линейными и прямоугольными структурами, ориентированными по направлению длинной оси внутренней части городища. При этом аномалии от одновременных сооружений из разных горизонтов могут накладываться друг друга, что осложняет интерпретацию. Ряд небольших, регулярно расположенных ям протягивается между внутренней частью городища и первым внешним рвом с северо-западной и юго-западной сторон. Скопления интенсивных локальных аномалий фиксируются также на периферии памятника, в том числе за пределами кольца рвов: уже упомянутое скопление на юго-востоке у предполагаемого «входа» в укрепленное поселение и на юго-западном склоне холма.

Еще одна особенность магнитного поля – наличие сравнительно обширной и интенсивной отрицательной аномалии вблизи центральной части холма, около реперного пункта (выделена красным цветом). Такая неоднородность может объясняться близким залеганием к поверхности относительно слабомагнитных (или наоборот намагнитченных) горизонтов геологического происхождения. Это предположение подтверждается результатами электротомографии по профилю, пересекающему участок отрицательной аномалии.

Электротомография (электрическое зондирование) выполнена по профилю длиной 105 м, ориентированному с юга на север через холм, на котором расположен памятник (рис. 1). Электротомография – это целый комплекс, состоящий из специализированной аппаратуры, методики работ и программного обеспечения интерпретации данных (Бобачев и др., 2006). Основная ее

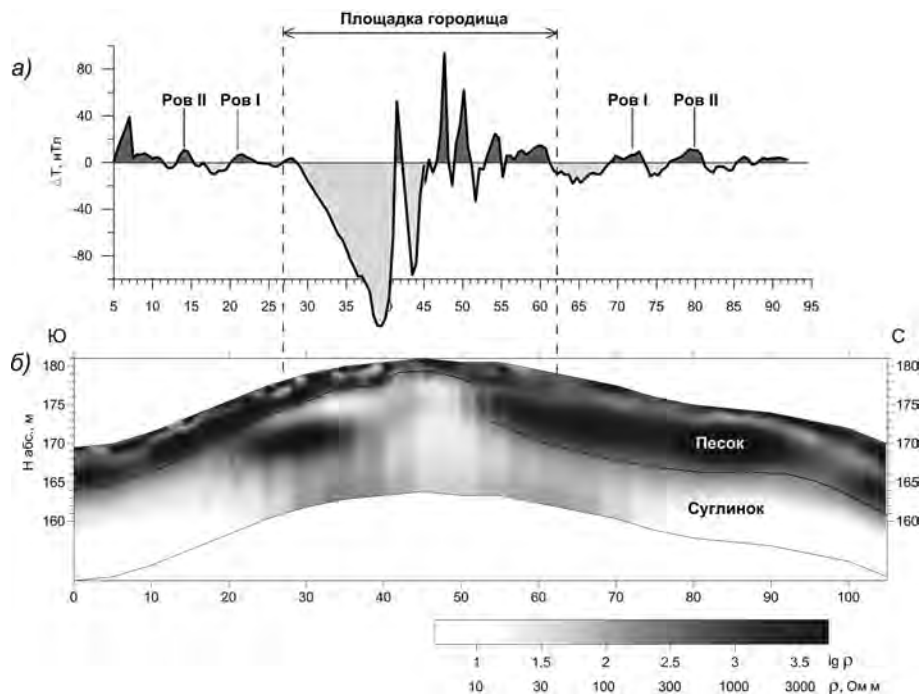

Рис. 4. График магнитного поля (а) и разрез удельного электрического сопротивления по результатам электротомографии (б)

идея состоит в многократном перекрытии изучаемого интервала профиля измерениями при разных комбинациях приемных и питающих электродов, расположенных на профиле с линейным шагом, и построении геоэлектрического разреза на основе полученных данных. Мы использовали автоматизированную систему электротомографии АСЭТ-ВП, разработанную на базе аппаратуры импульсной электроразведки АИЭ-2 (Тарасов и др., 2015). В состав АСЭТ-ВП входят измеритель, генератор, коммутаторы приемной и токовой линий, косы питающих и приемных электродов. Электротомография выполнялась с установкой трехэлектродного (точечного) зондирования, при шаге токовых и приемных электродов по профилю соответственно 5 м и 1 м. Результаты измерений интерпретировались с помощью программы ZondRes2D (<http://zond-geo.ru/software/resistivity-imaging-ves/zondres2d/>), которая позволяет инвертировать результаты измерений на поверхности в двухмерный геоэлектрический разрез с выделением слоев и локальных неоднородностей.

В верхней части разреза удельного электрического сопротивления (рис. 4), соответствующей почвенному и культурному слою, выделяются неоднородности по сопротивлению, но установить их однозначную корреляцию с археологическими объектами затруднительно. Можно отметить, что верхняя часть разреза отличается довольно высокими значениями сопротивления (от нескольких сотен до первых тысяч $\text{Ом}\cdot\text{м}$), сопоставимыми

с сопротивлением подстилающих материковых отложений (желтый песок). В более глубокой, «геологической», части разреза фиксируется отчетливая геоэлектрическая граница (переход от 1000 Ом-м до 100 и менее Ом-м), которая, по всей видимости, соответствует границе между песками и суглинками. В южной части площадки городища предполагаемый слой суглинков залегает на глубине всего около 2–3 м, т. е. существенно ближе, чем на его склонах. Примечательно, что этот участок совпадает с зоной интенсивной отрицательной аномалии магнитного поля (рис. 4а), таким образом, возможное ее объяснение – близкое залегание к поверхности относительно слабомагнитных (или обратно намагниченных) пород. Не исключено, что именно здесь располагалась естественная вершина холма, скрытая в результате выравнивания площадки.

Как было отмечено выше, локальные магнитные аномалии от археологических объектов, которые мы регистрируем при магнитной съемке, появляются благодаря различию в значениях χ отложений культурного слоя и вмещающих «материковых» отложений. Для оценки значений χ культурного слоя, в сравнении с χ материковых отложений, были выполнены измерения χ на разной глубине по стенке раскопа, по дну траншеи и у желтого «материкового» песка. Для этого использовался измеритель магнитной восприимчивости (каппометр) типа ПИМВ (ГНПП «Геологоразведка»). В приборе применяется индукционный способ измерений, который основан на изменении индуктивных параметров датчика при внесении в его рабочую область (на глубину до 3–5 см от поверхности) магнитной среды. Чувствительность прибора – 1×10^{-5} ед. СИ. Для большей статистической достоверности в каждой точке выполнялось 6–7 независимых измерений с последующим осреднением результата. По дну траншеи, заложенной от основного раскопа на северном склоне городища, измерения проводились через каждый метр на протяжении всей траншеи на глубине 30–40 см от поверхности. На северном конце траншеи измерения χ материковых отложений выполнены на глубине 70–80 см. На западной стенке раскопа 2013–2014 гг. выполнены измерения χ культурного слоя в интервале глубин 0–160 см через каждые 10 см.

Результаты измерений χ по дну траншеи и по разрезу культурного слоя в западной стенке раскопа представлены в виде графиков, в сопоставлении с археологическими разрезами (рис. 5, 6). Значения χ по всей протяженности траншеи выше фоновых значений материковых отложений ($25\text{--}30 \times 10^{-5}$ ед. СИ) и в целом постепенно уменьшаются к периферии памятника. Повышенными значениями χ отмечаются участки рвов (1–3), вскрытых траншеей (рис. 5). Наибольшие значения χ (до 140×10^{-5} ед. СИ) отмечены в пределах 1-го внутреннего рва. По разрезу культурного слоя в раскопе значения χ составляют в среднем $100\text{--}150 \times 10^{-5}$ ед. СИ, в некоторых точках – до 200×10^{-5} ед. СИ (рис. 6). Заметим также, что максимальные значения χ на стенке раскопа приходится на границы стратиграфических слоев: черного и серого и серого и коричневого. Здесь они могут быть связаны с горизонтами пожарищ или погребенных почв.

Таким образом, магнитная восприимчивость культурного слоя в 4–7 раз превышает χ материковых отложений. Результаты численного моделирования

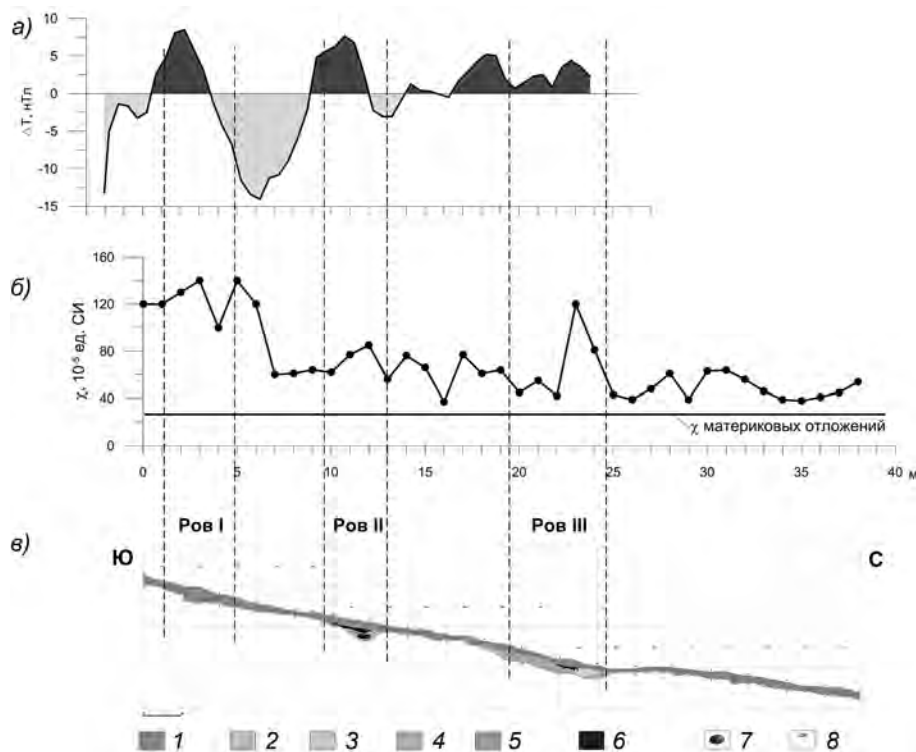

Рис. 5. Сравнение результатов геофизических измерений с разрезом по траншее: а – график магнитного поля, б – профиль измерений магнитной восприимчивости грунта по дну траншеи, в – стратиграфия стенок траншеи: 1 – черный углистый песок; 2 – серый песок; 3 – желтый песок; 4 – глина; 5 – серо-желтый песок; 6 – интенсивно черный гумусированный песок; 7 – камни; 8 – нивелировочные отметки

магнитного поля показывают, что увеличение мощности культурного слоя с такими значениями χ в хозяйственных ямах, полуземлянках, рвах и т. п. могут создавать аномалии магнитного поля амплитудой до нескольких десятков нТл, подобные тем, что наблюдались в ходе магнитной съемки памятника.

Одну из главных проблем при использовании геофизических методов составляет правильная интерпретация полученных результатов. В случае с городищем Анашкино этот этап работы в значительной степени облегчался предшествующими многолетними археологическими исследованиями. На сегодняшний день вскрытая на памятнике площадь составляет 468 м². В силу этого мы имеем достаточно полное представление о характере встречающихся здесь археологических объектов. Сопоставление информации, полученной в результате раскопок, с данными геофизических исследований позволяет делать наиболее обоснованные предположения относительно интерпретации последних. На многослойном памятнике, каким является и городище Анашкино, сложность интерпретации заключается и в том, что на основании одних

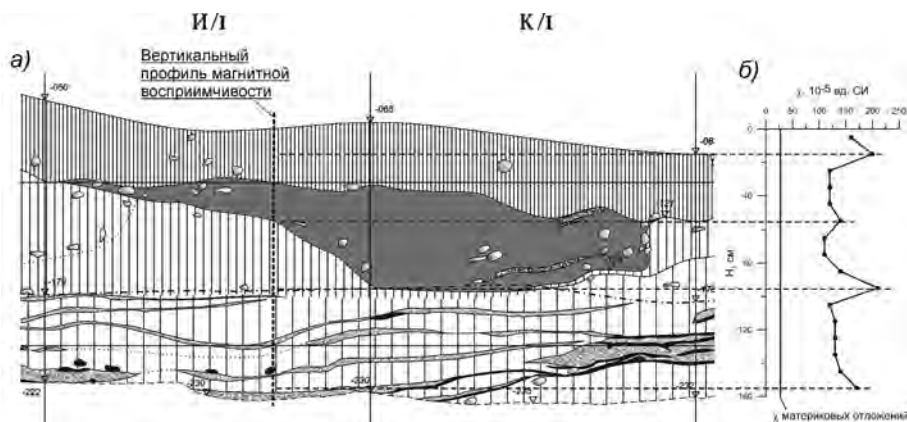

Рис. 6. Разрез западной стенки раскопа 2014 г. (а) и вертикальный профиль магнитной восприимчивости (б).

данных магнитной съемки практически невозможно дифференцировать выявленные объекты по глубине их залегания. В этом случае представление о них, полученное в результате непосредственного археологического исследования, приобретает особую значимость. В ходе раскопок на площадке городища были выявлены достаточно крупные объекты, отражение которых в результатах геомагнитной съемки наиболее отчетливо. В первую очередь, это основания глинобитных печей, предположительно использовавшихся для производства и обработки железа во II–I вв. до н. э. (Короткевич, 1994). Они представляли собой овальные в плане песчаные поды с глиняным «бортиком» по краю. С одной стороны в «бортике» имелся разрыв. На плане раскопа эти объекты располагались рядами поперек длинной оси площадки. При этом печи многократно разрушались и восстанавливались на одном месте, так что их основания лежали одно над другим в несколько слоев. Безусловно, эти объекты связаны с сильным нагревом, в результате которого могли возникнуть дипольные аномалии геомагнитного поля. В не раскопанной западной части площадки городища в их расположении просматривается та же рядная система, что и у оснований печей в раскопе. Однако заметим, что подобные объекты производственного назначения были исследованы и на Черной Горе на берегу Братилковского озера. При этом наиболее выраженные положительные аномалии были связаны не с ними, а со скоплениями железного шлака (+51 нТл) и кузнечной окалины (+87 нТл) (Микляев и др., 1986. С. 61). Собственно же нагревательные сооружения на геомагнитной карте никак не проявились.

Кроме площадки, некоторые локальные дипольные аномалии зафиксированы и у подножия городища в окружавших его внешних рвах. Здесь они могли возникнуть, скорее всего, на местах расположения раннесредневековых печей-каменок. В ходе исследований в траншеях на восточном и северном склонах городища были выявлены следы жилых построек этого времени, впускных в заполнение рвов. Очевидно, это было вызвано стремлением расположить

постройки на горизонтальных участках, образовавшихся как раз на месте заплывших к тому времени рвов раннего железного века. Не следует исключать и возможность проявления в виде диполей крупных металлических объектов или скоплений железных шлаков.

Другим отчетливо проявившимся на геомагнитной карте типом объекта являются, безусловно, оборонительные рвы или эскарпы, окружившие холм тройным кольцом. Внешне на современной поверхности они практически не читаются. Только едва заметные неширокие террасы на северном пологом склоне давали основание предполагать их наличие. Внутренний ров был зафиксирован в траншее на западном склоне холма еще до проведения геофизических исследований. Открытие же второй и третьей оборонительных линий – целиком заслуга применения геомагнитного метода. Его данные полностью подтвердились исследовательскими траншеями на западном и северном склонах. Что касается датировки этих сооружений, то внутренний ров является самым ранним. Он был сооружен, видимо, никак не позже IV–III вв. до н.э., на что указывает стратиграфия напластований на склоне городища. В середине заполнения второго рва были обнаружены фрагменты тонкостенного лепного сосуда, относящегося к днепродвинской культуре в.п. I тыс. до н.э. – рубежа эр. Радиоуглеродная датировка фрагмента дерева, взятого в районе находки керамики, указывает на I–II вв. н.э. (SPb_545: 1870±50BP). Однако поскольку и керамика, и радиоуглеродный образец происходят не с самого дна, очевидно, что ров был выкопан раньше и на момент их попадания в заполнение уже не функционировал в качестве оборонительного сооружения. Третий – внешний – ров пока не имеет никаких хронологических привязок. Вместе с тем на одновременность сооружения всех рвов указывает наличие единого плана, отчетливо проявившегося на геомагнитной карте. Все рвы располагаются строго параллельно, а по юго-восточному склону в них имеется проход, выводящий прямо на мыс на берегу озера. Исходя из результатов геомагнитной разведки, границы оборонительной системы по контуру внешнего рва составляют 93×73 м, расстояние между рвами – около 5 м, ширина прохода – около 1,5 м.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией менее выраженных структур на площадке. Их распознавание затрудняется как нечеткостью контуров, так и большой скученностью. Тем не менее достаточно явственно видно, что зона их концентрации имеет правильную прямоугольную форму 30×25 м, видимо, изначально спланированную и ограниченную общей внешней стеной. Остатки этой стены прослежены в раскопе вдоль северо-восточного края площадки. Ее остатки представляли собой обуглившиеся бревна деревянной конструкции, лежащие на бутовом фундаменте из дикого камня, не скрепленного раствором. Продольные бревна основания стены были уложены в две линии, расстояние между которыми составляло около 0,3 м. Бревна сильно фрагментированы. Поперечные бревна располагались на расстоянии 0,7 и 1 м друг от друга. Имеющиеся радиоуглеродные датировки для стены указывают на VIII–V вв. до н.э. (Le-6890: 2390±30; Le-8515: 2540±60). На геомагнитной карте трассу стены можно проследить по положительным значениям, проходящим в виде

прерывистой полосы по периметру площадки. Особенно сильные положительные аномалии заметны вдоль ее юго-восточной стороны напротив прохода через рвы. Судя по тому, что встреченные в раскопе деревянные детали конструкции были обуглены, можно предположить гибель этого сооружения в результате пожара. Возможно, наиболее сильный пожар имел место именно с юго-восточной стороны, что и привело к формированию в этом месте более выраженной магнитной аномалии. За пределами стены в верхней части склона холма раскопками зафиксирована искусственная подсыпка, состоящая из песка, армированного стволами и ветками деревьев. Радиоуглеродная датировка этого сооружения синхронна датировке стены (Le-7249: 2425 ± 30 ; Le-7251: 2525 ± 25). Подсыпка распространяется до внутреннего рва городища. На геомагнитной карте она читается в виде полосы со значениями, близкими 0 нТл.

Внутри стены, судя по результатам раскопок, располагались деревянные жилые постройки с песчаными очагами. Стратиграфически они лежат ниже горизонта глинобитных печей, формируя, по крайней мере, два разновременных горизонта. Этим горизонтам соответствуют две группы радиоуглеродных датировок: VIII–V и IV–III вв. до н.э. Стены и очаги разновременных построек зачастую перекрывают друг друга. В результате на геомагнитной карте их контуры не поддаются дифференциации. Тем не менее с наибольшей вероятностью прочитываемые в виде положительных аномалий прямоугольные объекты могут быть связаны с более ранним горизонтом, представленным двухкамерными жилищами размерами около 10×3 м. Эти жилища фиксируются по остаткам сгоревших деревянных стен с глиняной обмазкой. Часть обмазки довольно сильно прокалена, что не могло не отразиться в результатах геомагнитных исследований. Также для этих построек характерны крупные (около $1,6 \times 0,8$ м) песчаные очаги, устраивавшиеся в каждой камере отдельно. В ходе раскопок удалось проследить остатки, по крайней мере, четырех подобных сооружений. Одно из них, располагавшееся вдоль северо-восточного края площадки и частично вскрытое в северной части раскопа, имеет продолжение на геомагнитной карте. Подобными же постройками могут оказаться и объекты, просматривающиеся по данным геофизических исследований вдоль северо-западного и юго-западного краев площадки.

Суммируя итоги сопоставления результатов археологических и геофизических исследований на городище Анашкино, можно предположить, что наиболее полно полученная геомагнитная карта отражает один из древнейших периодов существования памятника. Вероятнее всего, система оборонительных сооружений, включая три рва, подсыпку склона и оборонительную стену на краю площадки, относится к VIII–V вв. до н.э. Этому же времени соответствуют и постройки, зафиксированные геомагнитным методом по периметру площадки внутри оборонительной стены. Локальные дипольные аномалии, проявившиеся на площадке и склонах городища, могут отражать разновременные объекты, в том числе печи средневекового селища, глинобитные печи и скопления шлаков II–I вв. до н.э., очаги жилищ I тыс. до н.э. или крупные железные объекты разных периодов. В целом, как мы видим, возможности археологической интерпретации не однозначны. Однако полученная в результате

геомагнитной съемки карта расположения погребенных структур дает ценную информацию о реальной планировке и масштабах памятника в целом и позволяет более обоснованно планировать дальнейшие исследования. Перспективы дальнейшего применения методов геофизики на городище Анашкино и подобных многослойных археологических памятниках могут быть связаны с методиками, ориентированными на более детальное изучение разреза культурного слоя, в частности, с помощью измерений магнитной восприимчивости на разных глубинах в раскопах in-situ или путем отбора проб. Небольшой объем подобных измерений, выполненных в 2014 г., продемонстрировал эффективность такого подхода. Это позволит подробно, и при этом достаточно оперативно, исследовать разрез культурного слоя и выделить внешне слабо различимые горизонты с разными магнитными свойствами, в которых могут отражаться особенности накопления культурного слоя в разные периоды: горизонты пожарищ, насыщенные и обедненные органикой слои и т.п. При исследовании стратиграфии культурного слоя и верхней части материковых отложений дополнительная информация может быть получена также с помощью более детальной электротомографии, ориентированной на небольшие глубины, и с измерением, наряду с удельным электрическим сопротивлением, параметров вызванной электрической поляризации (ВП).

Литература

- Бабанин В. Ф., Трухин В. И., Карпачевский Л. О., Иванов А. В., Морозов В. В., 1995. Магнетизм почв. Ярославль: ЯГТУ. 223 с.
- Бобачев А. А., Горбунов А. А., Модин И. Н., Шевнин В. А., 2006. Электротомография методом сопротивлений и вызванной поляризации // Приборы и системы разведочной геофизики. № 2. С. 14–17.
- Вадюнина А. Ф., Бабанин В. Ф., 1972. Магнитная восприимчивость некоторых почв СССР // Почвоведение. № 10. С. 55–66.
- Жоголев С. Л., 1995. Метод капнаметрии почв и его применение при поисках сульфидного оруденения в Карелии: автореф. дис. ... канд. геол.-мин. наук. СПб. 16 с.
- Короткевич Б. С., 1994. Черная металлургия раннего железного века в верховьях Западной Двины и Ловати // ПАВ. Вып. 9 / Под общей ред. Г. В. Вилинбахова, М. Б. Шукина. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 120–129.
- Короткевич Б. С., 2013. Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг. // АИППЗ. Материалы 58-го заседания. М.; Псков: ИА РАН. С. 174–186.
- Микляев А. М., Мельников А. В., Смекалова Т. Н., 1986. Черная Гора – производственный комплекс рубежа эр на юге Псковской области // Древние памятники культуры на территории СССР. Сб. науч. тр. / Науч. ред.: Г. И. Смирнова. Л.: Государственный Эрмитаж. С. 58–75.
- Скакун Н. Н., Тарасов В. А., 2000. Результаты применения магниторазведки и капнаметрии при исследовании поселения трипольской культуры Бодаки // АВ. Вып. 7 / Спб.: ИИМК РАН. С. 60–69.
- Смекалова Т. Н., Восс О., Мельников А. В., 2010. Магнитная разведка в археологии. Симферополь. 76 с.

- Тарасов В. А., Бытенский Л. И., Пищик В. В., 2015. Автоматизированная система электромографии ВП для поисков рудных месторождений // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия: Геология. № 3. С. 101–107.
- Франтов Г. С., Пинкевич А. А., 1966. Геофизика в археологии. Л: Недра, 211 с.
- Aitken M. J., 1974. Physics and Archaeology. Oxford: Clarendon Press, 291 p.
- Borgne Le E., 1955. Susceptibilité magnétique anormale du sol superficiel. Ann. Geophys. 11:399–419.
- Fassbinder J. W. E., 1994. Die magnetischen Eigenschaften und die Genese ferrimagnetische Minerale in Böden im Hinblick auf die magnetische Prospektion archäologischer Bodendenkmäler. Verlag M. Leidorf.
- Fassbinder J. W. E., 2015. Seeing beneath the farmland, steppe and desert soil: Magnetic prospecting and soil magnetism // Journal of Archaeological Science, 56. P. 85–95.
- Fassbinder J. W. E., Gorka T. H., 2009. Beneath the desert soil – archaeological prospecting with a cesium magnetometer // New technologies for archaeology. Multidisciplinary investigations in Palpa and Nasca, Peru, First, Natural Science in Archaeology, edited by M. Reindel and G. A. Wagner. Springer, Berlin, Heidelberg. P. 49–69.
- Mazurkevich A. N., Kulkova M., Fassbinder J. W. E., Hookk D., 2013. Spatial analysis of magnetic susceptibility and geochemical data on neolithic sites in Serteya, NorthWest of Russia // Archaeological Prospection. Proceedings of the 10th International Conference. Eds.: Neubauer W., etc. Vienna, P. 114–116.
- Tite M. S., Mullins C. E., 1971. Enhancement of the magnetic susceptibility of soils on archaeological sites. Archaeometry 13. P. 209–219.

Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, В. А. Раева

Поселение культуры смоленских длинных курганов на Соборной горе Смоленска

N. A. Krenke, I. N. Ershov, V. A. Rayeva. A Settlement of the Smolensk Long Barrows Culture on the Cathedral Hill of Smolensk

Abstract. The prompt excavation of the top of the northeastern slope of the Cathedral Hill of Smolensk revealed cultural layer of the settlement of the 8–10th cc. related to the culture of Smolensk long barrows. The area of this settlement is estimated at approximately 2 hectares. The area of findings distribution is much wider and propagates down the slope. New information about this settlement (finds of the 1920s, made by A. N. Lavdansky and I. M. Hozarov were lost during the war) makes us revisit the issue of ancient Smolensk localization.

Ключевые слова: лепная керамика, культура смоленских длинных курганов, 14-гранные бусины, трапециевидные подвески, Смоленск.

Keywords: hand-made pottery, Smolensk long barrow culture, fourteen-facet bead, trapezoidal pendants, Smolensk.

В 1926 г. А. Н. Лявданский, описывая результаты проведенных им совместно с И. М. Хозеровым работ на Соборной горе, отмечал, что недостаток данных не позволяет ответить на вопрос о том, находился ли здесь первичный центр Смоленска. При этом свои находки из культурного слоя в шурфе возле колокольни он трактовал как синхронные находкам на Рачевском и Лестровском городищах и, несомненно, более древние, чем сам Смоленск (*Лявданский, 1926. С. 208*). И. М. Хозеров писал о керамике VI–VIII и X–XI вв. (*Хозеров, 1994, С. 110*).

Однако приведенная в статье (*Лявданский, 1926, табл. 12, 3*) фотография единственного фрагмента венчика горшка (вся коллекция пропала в годы войны) не позволяет сделать такой однозначный вывод. Авторитет А. Н. Лявданского, видимо, повлиял на последующих исследователей. Во всяком случае, Д. А. Авдусин нигде в своих работах не анализировал найденную им в 1951 г. лепную керамику в раскопе Согор 2 (рис. 1) на северо-восточном склоне Соборной горы. С позиции современных знаний, можно утверждать, что крупный

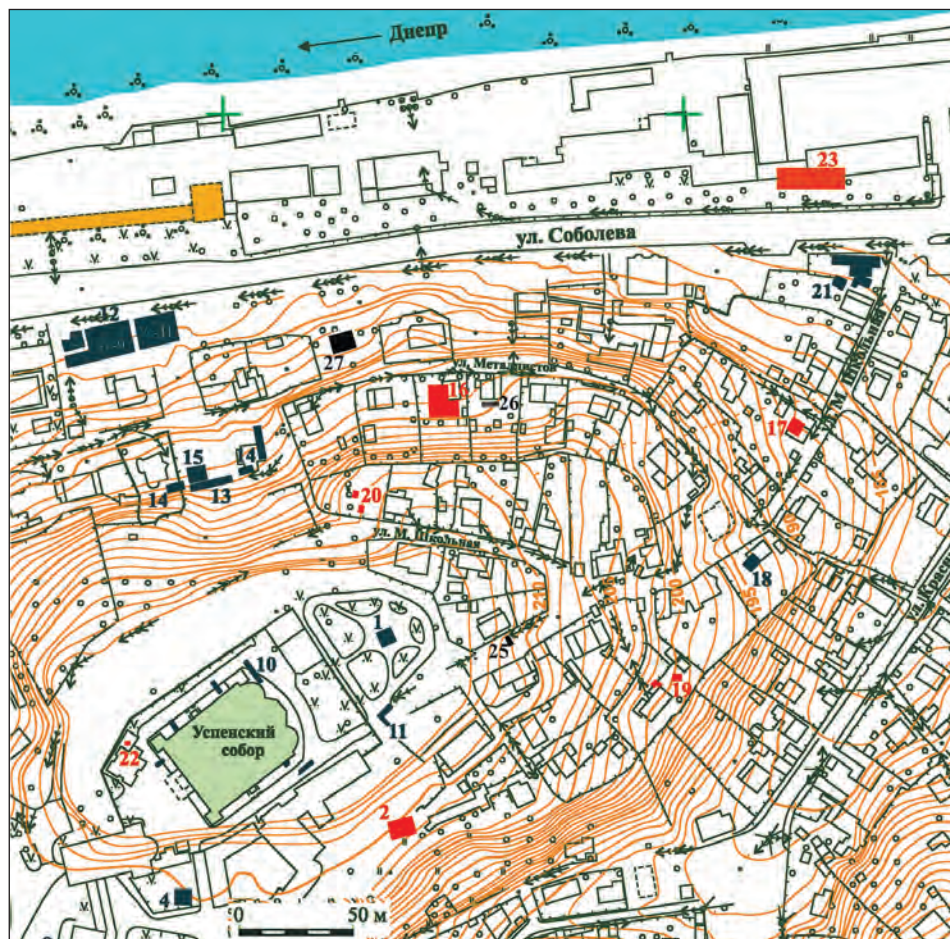

Рис. 1. План Соборной горы Смоленска с нанесенными местами раскопок (красным цветом обозначены раскопы с лепной керамикой).

1 – Согор 1 (1951); 2 – Согор 2 (1951, Д. А. Авдусин); 13, 14 – Металлистов, 6–10 (1992, 1993, Н. В. Сапожников); 16 – раскоп на ул. Металлистов 14 (2005, О. М. Олейников); 17 – Малая Школьная, 6 (2011, Т. А. Асмолова); 18 – Малая Школьная, 5 (2014, И. Н. Ершов); 19 – Малая Школьная, 7а (2014, И. Н. Ершов); 20 – Малая Школьная, 20 (2015, Н. А. Кренке); 22 – шурф А. Н. Лявданского 1925 г., 23 – зона наблюдений 1900 г.

венчик горшка из раскопа Согор 2 (хранится в Смоленском краеведческом музее) относится к культуре смоленских длинных курганов (рис. 2, 1).

Единичные находки стенок лепной керамики встречались ниже по северо-восточному склону Соборной горы, вплоть до ее подошвы. К сожалению, о находках лепной (?) керамики, обнаруженных на уровне подошвы склона, мы почти ничего не знаем, кроме возможного факта их существования (Неклюдов, Писарев, 1901). Коллекции из наблюдений 1900 г. за строительством

трамвайного депо не сохранились, так же, как не сохранились фрагменты лепной керамики из раскопок Д. А. Авдусина на ул. Соболева (в Смоленском краеведческом музее нам не удалось их разыскать).

Серия надежно атрибутированных находок происходит с уровня, соответствующего середине склона горы, примерно на высотных отметках 187–197 м (25–35 м выше русла Днепра).

Весьма выразительный лепной венчик и несколько стенок были обнаружены в раскопе по адресу Мало-Школьная ул., 6 при раскопках Т. А. Асмоловой в 2011 г. (Асмолова, 2012, находка № 75). Примечательно, что в этом же раскопе встречена стеклянная голубая 14-гранная бусина типичная для комплексов культуры длинных курганов (находка № 114). Эти вещи залегали совместно с более поздними находками XI в. (бронзовая подвеска-топорик, золотостеклянная бусина) и еще более поздними (стеклянные браслеты и пр.).

На середине склона Соборной горы, на ул. Металлистов (бывш. Нижне-Митропольская) единичные фрагменты (в том числе венчик) лепной керамики культуры длинных курганов (рис. 2, 23) были найдены при раскопках О. М. Олейникова 2005 г. – находка 474 (Олейников, 2006).

В раскопе Н. В. Сапожникова на ул. Металлистов была найдена стеклянная полиэдрическая голубая бусина (рис. 2, 28), но лепной керамики не было обнаружено.

При подъеме вверх по склону увеличивается количество лепной керамики культуры смоленских длинных курганов. При наших разведочных работах на ул. Мало-Школьная, 7а серия фрагментов лепной керамики была найдена в предматериковом горизонте. Эта керамика была перемешана с более поздней, так как слой был прорезан частокольной канавкой, датированной радиоуглеродным методом рубежом X–XI вв. (Ершов и др., 2015).

Еще немного выше по склону, на отметках 205–209 м в балтийской системе высот в современном рельефе горы прослеживается хорошо выраженный уступ – относительно ровная площадка выше него на отметках 209–212 м (57–60 м над урезом Днепра) шириной до 50 м, круто понижающаяся в сторону реки. Шурфовка и бурение ручным буром, проведенное на участке Школьная, 20, показали, что бровка уступа сформировалась благодаря наличию мощной (до 2,5 м толщиной) насыпи (вал?) из материкового грунта. Датировка этой насыпи, судя по найденной в ней керамике, – приблизительно вторая половина XI в. (не позднее). Склон под насыпью не имеет такой выраженной ступенчатости, уклон пологий. Под насыпью XI в. сохранились в малопотревоженном виде горизонты погребенной почвы и древнейший культурный слой. Два шурфа (рис. 1), расположенные всего в пяти метрах друг от друга, показали несколько различные результаты. В шурфе 2, расположенном чуть ниже по склону, под насыпью XI в., зафиксирован культурный слой мощностью до 25–30 см, включавший переработанный гумусовый горизонт почвы (рис. 3). В этом слое на поверхности встречалась изредко круговая керамика второй половины XI в., но преобладала лепная керамика, характерная для культуры смоленских длинных курганов. В нижнем пласте слоя круговой керамики не было вовсе, а присутствовала лишь лепная, той же культурной принадлежности.

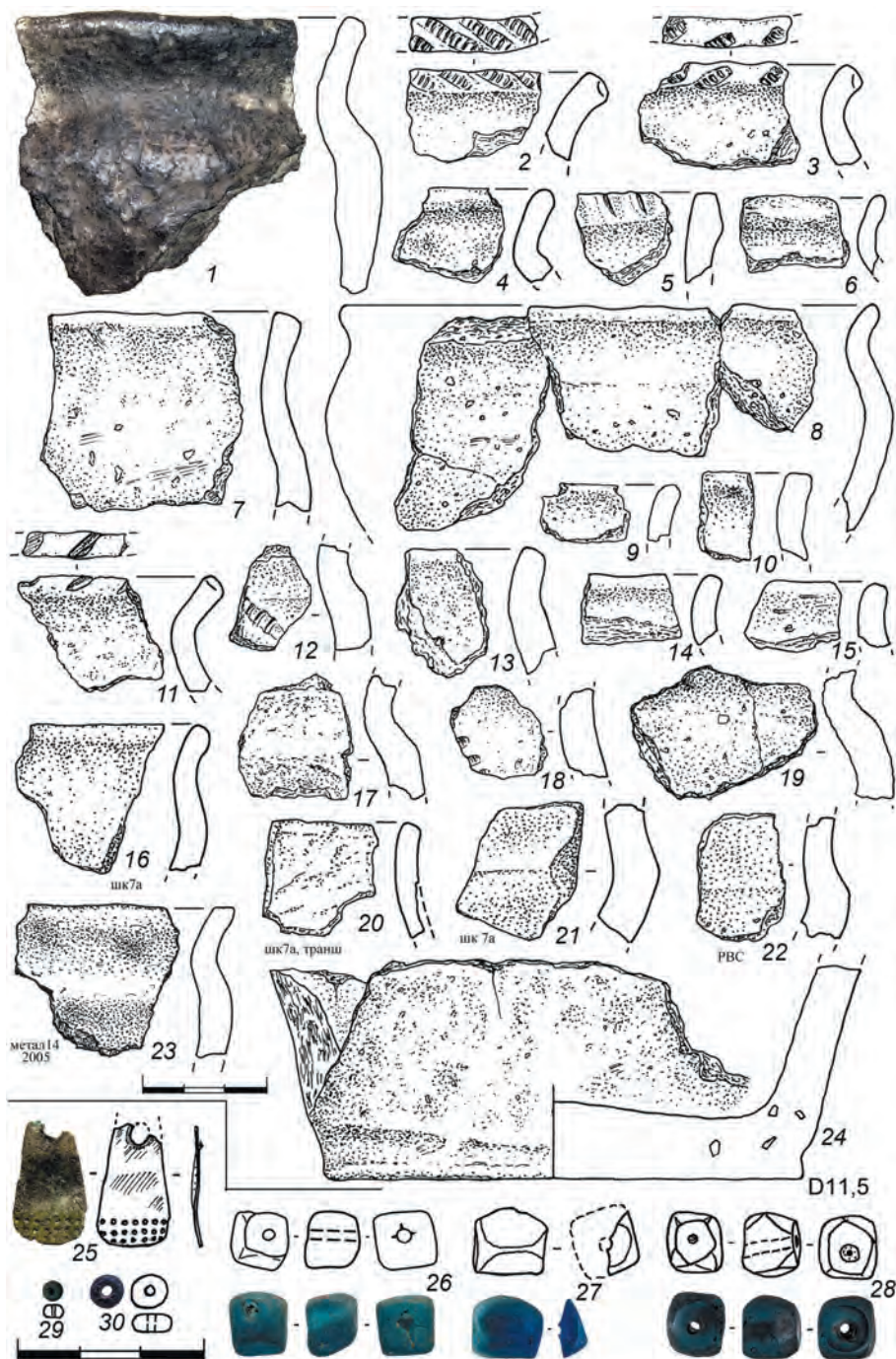

Рис. 2. Находки на Соборной горе и Георгиевском холме (№ 22)

Рис. 3. Шурф 2 на ул. Малая Школьная, 20

Кроме того, была найдена бронзовая трапециевидная подвеска с тремя рядами штампованного орнамента в виде точек (рис. 2, 25). Эти подвески были широко распространены в VII в. н. э. (Гавритухин, 1997). В VIII–X вв. они продолжали бытовать лишь в ареале культуры смоленских длинных курганов. Существуют трапециевидные подвески простой формы, как подвеска из шурфа на Малой Школьной, 20, так и более сложной формы с прессованной линией, подчеркивающей контур по периметру. Возможно, что простые подвески тяготеют к более раннему этапу культуры смоленских длинных курганов, но утверждать это доказательно нельзя. Важно подчеркнуть, что найденная на склоне Соборной

горы подвеска имеет полные аналогии в длинных курганах Смоленщины (Шмидт, 2013. С. 23).

В шурфе № 1, расположенном чуть выше по склону, ситуация была немного иной. Ранний культурный слой сохранился лишь в бороздах перекрестной распашки, которая была хорошо видна при зачистке материка (рис. 4). Набор находок из борозд состоял из мелкофрагментированной лепной керамики (круговой не было), а также двух 14-гранных бусин голубого стекла и двух бисерин – темно-зеленого и синего цвета (рис. 2, 26, 27, 29, 30)¹. Формально можно предположить, что распашка и культурный слой с находками культуры смоленских длинных курганов не синхронны (слой раньше, распашка позже). Однако вполне вероятно и иное предположение, что они синхронны. Принимая это последнее предположение, следует считать, что шурф 2 находился на краю селитебной зоны, а шурф 1 попал уже на край поля, примыкавшего к жилью. В этой ситуации нет ничего необычного. Подобная картина была зафиксирована в материковом слое Новгорода (X в.) на Троицком раскопе. В нескольких метрах от усадеб начинались пахотные борозды (Александровский и др., 1999)².

Таким образом, на основании имеющихся на сегодняшний день фактов можно утверждать, что на северо-восточном склоне Соборной горы Смоленска существовало поселение культуры смоленских длинных курганов. Судя по распространению находок, его площадь равнялась примерно 2 га, и оно занимало верхнюю часть склона. Ситуация на верхней площадке горы не поддается надежной реконструкции. Вероятно, что здесь также было поселение, возможно, даже городище.

Важно отметить, что на соседнем (с востока) с Соборной горой Георгиевском холме нами также была найдена лепная керамика культуры смоленских длинных курганов (рис. 2, 22). Масштабы работ здесь были незначительны, поэтому находок пока мало.

То есть поселение культуры смоленских длинных курганов на Соборной горе было не единичным населенным пунктом; существовали и другие, составлявшие с ним агломерацию.

Расположение поселений на высоких уровнях рельефа, далеко от воды, не могло быть случайным. Скорее всего, это указание на наличие укрепленного центра. Важно учитывать, что Соборная (Пречистенская) гора еще в XVII в. имела местное название «детинец», зафиксированное польскими документами 1636 г. (Прохоров, 2017. С. 17).

Пока трудно дать полную оценку факту обнаружения поселения культуры смоленских длинных курганов на Соборной горе Смоленска. Если

¹ Бисер и одна бусина были найдены в промывке шурфа 1, слой из шурфа 2 еще не промывался.

² Продолжение работ в 2016 г. на участке между шурфами 1 и 2 показало, что распашка перекрывает слой поселения, а по углю из слоя поселения получена радиоуглеродная дата 1230 ± 40 (ГИН-154096), что при калибровке (программа Oxcal 3.9) указывает на интервал 760–880 гг. н. э. (вероятность 53,5%).

Рис. 4. Шурф 1 на ул. Малая Школьная, 20. Борозды распашки IX–X вв.

представить себе ситуацию, что никакого археологического комплекса Гнёздово нет, то ответ был бы однозначным. На Соборной горе найдены остатки поселения – «протогородского» ядра древнего Смоленска. В сущности, находки в Смоленске мало чем отличаются от находок в Витебске. Там также были найдены несколько «пятен» культурного слоя с находками лепной керамики культуры смоленских длинных курганов, которые исследователи рассматривают как «градоформирующий центр» (Бубенько, 2004. С. 28). И. И. Еремеев приводит дополнительное соображение в пользу такой версии – статусную находку скандинавского оголовья уздечного набора из Витебска (Еремеев, 2015 С. 38). Смоленск пока не может похвастаться подобной находкой, но очевидно, что по количеству керамики IX–X вв. он не уступит Витебску (учитывая незначительные пока масштабы работ на Соборной горе в Смоленске). Но «проблема» в том, что Гнёздово все-таки есть. Соотношение поселений на месте Смоленска и поселений гнёздовского «куста» может быть корректно проанализировано лишь после приращения сведений о Смоленске, когда информация станет количественно и качественно сопоставимой.

Литература

- Александровский А. Л., Гайдуков П. Г., Кренке Н. А., 1999. Исследования древнейшего слоя и погребенной почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // ННЗ. Новгород. С. 358–366.
- Асмолова Т. А., 2012. Отчет о проведении комплекса натурных охранных археологических работ, связанных с реконструкцией жилого дома, расположенного по адресу ул. Мало-Школьная, д. 6 в 2011 г. в Смоленске // Архив ИА РАН. Р-1. № 29208.
- Бубенько Т. С., 2004. Средневековый Витебск. Витебск. 276 с.
- Гавритухин И. О., 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 12. Мінск. С. 43–58.
- Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении восточно-балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории псковско-белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин. (Труды ИИМК. Т. XLIV). 696 с.
- Ершов И. Н., Кренке Н. А., Кулькова М. А., Олейников О. М., Сыроватко Н. А., 2015. К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные // Города и веи средневековой Руси. М.; Вологда: Древности Севера. С. 78–85.
- Лявданский А. Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского гос. университета. Т. 3, вып. 3. Смоленск.
- Неклюдов М. Н., Писарев С. П., 1901. О раскопках в Смоленске. Смоленск: Типография П. А. Силина. 33 с.
- Олейников О. М., 2006. Отчет о проведении охранных археологических исследований на территории строительства жилого дома по адресу ул. Металлистов, 14 в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 32854.
- Прохоров В., 2017. Заметки о топографии Смоленска (1-я половина XVII в.): горы в Смоленске // Край Смоленский. № 1. С. 15–18.
- Хозеров И. М., 1994. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Мінск: Навука і тэхніка. 151 с.
- Шмидт Е. А., 2013. Шугайлово. Смоленск: Свиток. 135 с.

С. В. Бельский

«Северные жальники»: самостоятельное явление или периферийная группа?

S. V. Belsky. «Northern Zhalniki»: an Individual Phenomenon or a Peripheral Group?

Abstract. The paper deals with the problem of the distribution of the so-called zhalniki – cemeteries with flat inhumation graves edged around their perimeter with stone settings of circular, oval or rectangular shape. On the basis of new data a new region, where this burial tradition has been recorded is singled out. It is Karelia and South-Eastern Finland.

Here, the sites are primarily associated with large cemeteries of local ecclesiastic centers. It is likely that the emergence of the «Northern group» of zhalniki is associated with the process of Christianization and the establishment of the Church institutions in the peripheral areas of Novgorod land during the 14th and 17th centuries.

Ключевые слова: средневековье, Новгородская земля, погребальный обряд, ингумации.

Keywords: middle ages, Novgorod land, funeral rite, inhumation.

«Жальники» как особое явление в археологии погребальных памятников севера Восточной Европы привлекают внимание исследователей начиная со второй половины XIX в. (*Спицын*, 1899. С. 152–155). Далее в статье термин использован в его узком археологическом значении: грунтовые могильники, где погребения совершены по обряду ингумации, а могильные ямы отмечены по периметру кольцевыми, овальными или прямоугольными выкладками, часто видными на поверхности.

Историография, посвященная проблемам их происхождения и хронологии, весьма обширна. Следует подчеркнуть, что в последнее время тема жальников продолжает регулярно дискутироваться на страницах научных изданий (историографию вопроса см.: *Седов*, 2000. С. 7–22; *Конецкий*, 2014. С. 190–203). Даже беглый их анализ позволяет заключить, что данная проблематика, несмотря на длительную историю изучения и обильный материал, весьма далека от разрешения.

Этого и следует ожидать, учитывая их географию. Если взглянуть, например, на карты распространения жальников, опубликованные В. В. Седовым или Х. Валком, то на них предстанет гигантский регион, растянувшийся

от центральной Польши до верхнего Поволжья (Седов, 2000. Рис. 1; Valk, 2012. Fig. 3). Очевидно, что в этих районах, занятых на рубеже I–II тыс. совершенно разными по происхождению и дальнейшему генезису культурами, обоснованно предполагать единую линию развития обрядности вряд ли возможно.

В ходе исследований последних лет получены новые материалы, характеризующие подобного рода погребальные объекты в регионе, который никогда не включался в территорию распространения жальников. Речь идет о северо-западном Приладжье и юго-восточной Финляндии (рис. 1). Следует тем не менее отметить, что некоторые сведения о наличии погребений в могильных ямах, отмеченных по периметру каменными обкладками, содержались еще в публикации Т. Швиндта 1893 г. (Schwindt, 1893. S. 107, 188–189). При описании погребения в Ханнола (*Hannola*) (район Хиитола, Северо-Западное Приладжье) он отмечал: «На поверхности и под дерном были расчищены валуны размером с голову. Между ними был слой песка, смешанного с землей, под ним слой чистого песка. Под ним был тонкий темный слой с фрагментами угля. Под ним примерно на глубине 0,7 м от поверхности я обнаружил скелет, ориентированный головой на запад. При погребении был найден нож». Более очевидное описание дается для могильника Тенхола (*Tenhola*), расположенного в соседней деревне, где во многих местах на поверхности были заметны прямоугольные выкладки из камней, внутри которых были видны понижения поверхности. Большинство из них было 2 м. в длину и 0,6 м в ширину и ориентировано по линии запад – восток. При их раскопках он обнаружил большое количество костей, происходящих из разрушенных погребений.

В последнее время получены новые данные, позволяющие включать Карелию в ареал распространения жальников. В этой связи обращают внимание материалы могильника Кюлялахти Калмистомяки (*Kylälahti Kalmistomäki*) (Бельский, 2012). На всей изученной площади некрополя были расчищены отчетливые надмогильные сооружения из крупных валунов, представлявшие собой овальные в плане, замкнутые выкладки, вытянутые по направлению запад – восток, часто с некоторыми отклонениями на юго-запад – северо-восток. По краям, то есть на западном и восточном крае, были использованы более крупные камни, в некоторых случаях таким ограничением служили скальные выходы или огромные валуны, очевидно, не перемещавшиеся при создании надмогильных сооружений (Бельский, 2012. С. 24–25). Другие черты обрядности весьма единообразны. В подавляющем большинстве случаев были прослежены остатки гробов в виде полос или участков древесного тлена над и под костяками, вдоль стенок могильной ямы. Все погребенные были расположены в вытянутом положении на спине, ориентированы головой на юго-запад, чаще всего руки скрещены в районе груди или таза. Некрополь функционирует с рубежа XII–XIV вв., но вероятнее всего, не ранее чем с начала XIV в. и до середины XVI в.

Кроме того, в юго-восточной Финляндии – части исторической Карелии – в последние годы изучен и опубликован комплекс Укуниеме Папинниеме (*Ukuniemä Papinniemi*), исследованный экспедицией университета Турку под руководством В. Лааксо (Laakso, 2014). Памятник расположен на юго-западном побережье большого озера Пюхярви (*Pyhäjärvi*), входящего в систему

Рис. 1. Карельский перешеек, Северное Приладожье и Юго-западная Финляндия
1 – комплекс Кюлялахти Калмистомяки; 2 – комплекс УукуниEMI ПапинниEMI

Сайменских озер, у самой современной границы России и Финляндии. Комплекс состоит из поселения, остатков церкви и могильника. Для рассматриваемой темы важны два погребения – №№ 1 и 5, где были зафиксированы надмогильные сооружения из камня, выложенные по периметру ям. Особенно важно погребение № 1, где были обнаружены железная иголка, бронзовая заколка для волос, два бронзовых перстня. Среди костей кисти руки была найдена копейка Бориса Годунова (даты чеканки 1598–1605 гг.), а в заполнении ямы ½ ере Йохана III 1592 г. (Laakso, 2014. Р. 93).

Существует одно важное обстоятельство, объединяющие Кюлялахти и УукуниEMI: оба памятника были некрополями при погостских центрах.

С Кюлялахти связан целый комплекс письменных источников, позволяющий в определенной степени охарактеризовать население, оставившее

могильник. Впервые после текста Ореховецкого договора 1323 г. карельские погосты упоминаются в записи Новгородской I летописи под 1396 г.¹ (Новгородская первая..., 2000. С. 387; Софийская первая..., 2000. С. 250). В известии о нападении «немцев» (шведов) на Северное Приладожье, во-первых, впервые упоминаются погосты Кюрьеский, то есть Куркийоки – будущий Богородицкий Кирьяжский погост – и Кюлолаский, то есть Кюлялахти. Во-вторых, в тексте говорится о сожжении церкви.

Летописное известие дополняется текстом берестяной грамоты № 248². Грамота найдена экспедицией А. В. Арциховского в 1956 г. в Неревском раскопе в слое 5 или 6 яруса (Арциховский, Борковский, 1963. С. 72–73). Горизонт находки датирован 1396–1422 гг. Уже в первой публикации А. В. Арциховский отметил, что грамота представляет собой начало довольно важного государственного документа, адресованного «Господину Новгороду», что на бересте было встречено впервые (Арциховский, 1958. С. 234). Наиболее вероятно, что речь в нем идет именно о тех событиях, о которых говорит и летопись. Текст представлен от лица корелы «Погоской, Кюлолаской и Кюриеской», то есть представителей определенных территориальных образований, и указывает на наличие в Северо-Западном Приладожье в конце XIV в. карельского родового нобилитета (Янин, Зализняк, 1986. С. 197).

В этой связи в особом свете предстает информация, содержащаяся в другой «карельской» берестяной грамоте № 130, найденной в слое 6 яруса Неревского раскопа (1396–1409 гг.)³ (Арциховский, Борковский, 1958. С. 66). Обычно текст данного документа рассматривается в связи с изучением вопроса о даннических отношениях Новгорода и Карелии, поскольку в нем идет перечисление дани, которая должна быть выплачена в определенном количестве локтей серого некрашеного сукна – «сери» в переводе А. А. Зализняка (Янин, Зализняк, 1986. С. 112). Интерес вызывают карельские имена данников, прокомментированные Е. А. Хелимским (Хелимский, 1986. С. 256–258). В контексте предлагаемого исследования наибольший интерес вызывает имя «Валит» и место проживания этого человека – «Кюлолакса». Важнейшим является то обстоятельство, что имя Валит в источниках выступает не только как имя собственное (обычно в литературе упоминаются Валит-корелянин, Иван Федорович Валит, данный Валит из грамоты № 130), но и как титул, означающий принадлежность данного человека к высокому (по карельским меркам) социальному сословию, связанному тесными экономическими отношениями как с Новгородом, так и, предположительно, с Ганзой.

¹ В лето 6904 ... Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьеский и Кюлолаский, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с Корелююгнася по них, и язык изима и присла в Новъгород.

² Беють челом корила Погоская, Кюлолаская и Кюриеская Господину Новгороду. Приблужены есмь с немецкой половине. Оцтина наша и дидена ... а у нас оу Вымолчовъ господь, а имали крещетя ... мопь и вьръжи пограбиле, а сами есмь ... ина ... алуи 10, а оу ...

³ У Вигаря 20 локото хери безо локти. У Валита в Кюлолакси 14 локти хери. У Ваиваса у Ваякшина 12 локти водмолу и полотретианцате локти хери. У Мелита в Куроле 4 локти хери.

В свою очередь, УкуниEMI представляет собой более поздний комплекс, что засвидетельствовано как данными археологии, так и комплексом письменных источников (историография вопроса см.: *Laakso*, 2014. Р. 114–117). Часовня упоминается в поземельных книгах Кексгольмского лена только в 1590-е гг., а как погост – Угоненский погост – он известен с 1618 г. Первый поп Яаккима Терентинпойка (*Jaakima Terentinpoika*) упоминается в 1636 г. Лютеранская же кирха была построена в соседней деревне в 1630-е гг., так что две группы населения существовали рядом, но параллельно. Депопуляция центрального поселения и окрестностей связывается с русско-шведской войной 1656–1658 гг.

Рассмотренный комплекс письменных источников дает основания для следующих выводов:

1. В каждом из локальных центров существовала церковь.
2. Указанные могильники были прицерковными кладбищами при ней.
3. Наличие церкви и причта может свидетельствовать о контроле над погребальной обрядностью местного населения.

Таким образом, черты обрядности демонстрируют, как именно выглядел христианский обряд погребения в каждом регионе в определенный хронологический период.

В связи с изложенным возникает очевидный вопрос об истоках жальничной традиции в Карелии. В этой связи обращают внимание археологические материалы Водской земли. Показательно, что переход к бескурганым погребениям и появлению жальничных могильников там происходит одновременно с появлением их же в Карелии – в конце XIII – рубеже XIII–XIV вв. Кроме того, характерные элементы вещевого комплекса Кюлялахти находят прямые параллели в материалах с Ижорского плато (*Рябинин*, 2001. С. 55–56; *Бельский*, 2012. С. 133–136). И, наконец, существенную роль, роль особого важного источника начинают играть данные антропологии. За последнее время накоплено большое число данных, свидетельствующих о морфологическом сходстве населения двух указанных регионов. Недавно экспедицией под руководством П. Е. Сорокина был исследован могильник Порицы в Гатчинском районе Ленинградской области (*Широбоков, Сорокин*, 2015. С. 456–469). Это грунтовый могильник XIV–XVII вв., где погребения были совершены по обряду ингумации. Некоторые из них имели каменные обкладки по периметру ям. Ряд артефактов, таких как кольцевидные фибулы с рукопожатиями, имеет прямые аналогии в Кюлялахти. Кроме того, согласно исследованиям Широбокова, популяции из Кюлялахти и Пориц имеют сходный комплекс признаков. При этом с ними сближаются южные эстонские серии Отепя и Макита (*Широбоков, Сорокин*, 2015. Рис. 1; устное сообщение И. Г. Широбокова). Обращает внимание, что черты обряда и сама структура могильника Макита, а также некоторые находки из погребений также имеют очевидные параллели в Кюлялахти (*Valk*, 1999. Р. 69, Fig. 57).

Таким образом, поступательное накопление новых данных позволяет наметить вектор дальнейших исследований между Карелией и юго-восточной Эстонией.

Во-первых, представляется обоснованным выделение нового, условно «северного», региона распространения жальников.

Во-вторых, в отличие от более южных территорий их генезис здесь не может быть рассмотрен в контексте перехода от курганных к бескурганным формам погребения в виду полного отсутствия первых. Этот тип захоронения здесь является очевидной очередной новацией.

В-третьих, характерно, что жальники появляются в Карелии на прицерковных кладбищах, используемых православным населением. Это обстоятельство указывает, что их появление здесь в XIV в. может быть связано с определенной стадией христианизации региона, когда происходит становление собственно церковной структуры. Позже та же традиция распространяется на ближайшую округу погостских центров и представлена на небольших сельских кладбищах, некоторые из которых, в частности на современной территории Финляндии, функционируют до настоящего времени.

Литература

- Арциховский А. В., 1958. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // СА. № 2.
- Арциховский А. В., Борковский В. И., 1958. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 годов. М.
- Арциховский А. В., Борковский В. И., 1963. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956–1957 годов. М.
- Бельский С. В., 2012. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье. Результаты археологических исследований 2006–2009 годов. СПб.
- Конецкий В. Я., 2014. Древнерусские погребальные памятники центральных районов Новгородской земли (к генезису бескурганных форм – грунтовых могильников и жальников) // ННЗ.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. III. М., 2000.
- Рябини́н Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода. СПб.
- Седов В. В., 2000. Жальники // РА. № 1. М.
- Софийская первая летопись старшего извода. ПСРЛ. Т. VI. М., 2000.
- Спицын А. А., 1899. Сопки и жальники // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1–2.
- Хелимский Е. А., 1986. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.
- Широбоков И. Г., Сорокин П. Е., 2015. К антропологии средневековой Ижоры (по материалам могильника Порицы 1) // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. Радловский сборник. СПб.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.
- Laakso V., 2014. Papinniemi in Uukuniemi and Related Archaeological Sites of the Eastern Orthodox Cultural Area in Finland. Turku.
- Schwindt T., 1893. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. SMYA XIII. Helsinki.
- Valk H., 1999. Rural cemeteries of southern Estonia, 1225–1800 AD. Visby.
- Valk H., 2012. The zalniki graves: evidence of the christianization of the Novgorod and Pskov lands // Rome, Constantinople and Newly-converted Europe: Archaeological and Historical evidence. Belgrade; Cracow; Leipzig; Warsaw; Rzeszow; Saint-Petersburg.

Р. Спиргис

Круглые подвески ливов и их символика

R. Spīrgis. The Liv Round Pendants and their Symbols

Abstract. The article examines the most widespread form of circular pendant among the Livs – items of thin silver or bronze sheet with a repoussé, engraved or punched design. Particularly interesting are pendants with five repoussé spherical bumps, which are the most widespread among the Livs and were in use from the late 11th to the 16th century. Since five, as in the five circles on gaming dice, represents the well-known Eucharist symbol, it may be assumed that such pendants served to symbolise the host. Considering that in the Middle Ages the host was used at Eucharist in the Roman Catholic Church, and taking into account the chronology and distribution of the pendants in Livonia, they may be regarded as devotional objects relating to Catholicism.

Ключевые слова: подвески, символика, причастие, христианство.

Keywords: pendants, symbolics, Eucharist, Christianity.

Одной из самобытных черт, которой выделяется культура древних ливов, являются находки многочисленных подвесок. В двух статьях, опубликованных в предыдущих выпусках сборника «Археология и история Пскова и Псковской земли», уже были вкратце затронуты такие группы подвесок, как крестики, ложечки, некоторые виды зооморфных подвесок (Спиргис, 2013; Спиргис, 2014). Не менее широко у ливов были распространены также всевозможные подвески круглой формы. Известны как литые, так и кованые изделия из различных металлов: бронзы, серебра или олова. В данной статье будет рассмотрена наиболее распространенная группа круглых подвесок – изделия из тонкого листового серебра или бронзы с тисненым и выбитым пуансоном или гравированным орнаментом, которые до сих пор еще не стали объектом специального исследования.

На данный момент удалось собрать информацию о 158 подвесках из 63 захоронений на могильниках и средневековых церковных кладбищах X–XV вв. По размеру и орнаменту подвески можно разделить на две основные группы. В **группу 1** объединены 22 подвески со сферическим выступом в центре и концентрическими кругами из выбитых пуансоном треугольников или кружочков. Эти подвески крупные, их диаметр колеблется от 50 до 70 мм. Они носились

Рис. 1. Ливские круглые подвески группы 1 и скандинавские брактеаты
 1 – скандинавский бронзовый брактеат из захор. 1 могильника Гробиняс Смукуми (А 7136: 17),
 2 – скандинавский серебряный брактеат из захор. 62 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 292), 3 – серебряная подвеска из захор. 413 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 5782),
 4 – серебряная подвеска из захор. 1212 кладбища Саласпилс Мартиньсала (VI 122: 1581)

вместе со стеклянными бусами по одной и в ожерельях занимали центральное место. Подвески в основном изготавливались из бронзы, но известны и три серебряных экземпляра. Подвески были распространены среди ранних женских и детских захоронений XI в. (рис. 1, 3), но встречаются и в XII в. (Zariņa, 2006. 255. lpp.), а одна подвеска констатирована в могиле середины XIII в. на прицерковном кладбище острова Мартиньсала (рис. 1, 4). Их происхождение, судя по всему, связано с готландскими подвесками-брактеатами. На территории

Рис. 2. Ожерелье из захоронения 161 могильника Саласпилс Лаукскола (VI 128: 1916)

Латвии брактеаты (рис. 1, 1) известны по скандинавскому могильнику середины VII–IX в. Гробиняс Смукуми (*Nerman*, 1958, S. 98, 100), к тому же одна такая готландская подвеска найдена в низовье Даугавы (рис. 1, 2).

Наиболее многочисленными у ливов были подвески **группы 2**, главным мотивом которых является изображение креста. В рамках этой группы можно выделить четыре типа. *Тип 1* – это серебряные подвески меньшего диаметра, обычно в пределах 25–35 мм. На данный момент удалось собрать информацию о 66 подвесках из 26 захоронений. В ожерельях подвески *типа 1* часто встречаются по две – три, но известны отдельные случаи, когда в низках их пять или даже девять (рис. 2).

По количеству сферических выступов на поверхности *тип 1* делится на три варианта: подвески без выступов, с одним выступом и с пятью выступами (рис. 3).

В ливских могильниках низовья Даугавы известно 10 круглых подвесок без тисненых выступов – вариант *1a*. Их диаметр меньше основной массы подвесок рассматриваемого варианта и составляет примерно 25 мм. Основным мотивом орнамента является крест или косой крест (рис. 3, 1, 2).

Вариант *1b* – подвески с одной сферой в центре. Всего известно 23 таких подвески. Основным мотивом этих подвесок также является прямой и косой крест (рис. 3, 3–6). Встречаются и отдельные индивидуально выполненные экземпляры с изображением пяти- и шестиконечного креста и свастики (рис. 2).

Наиболее многочисленным подвариантом круглых подвесок – известно 32 экземпляра – являются экземпляры с пятью выступами. У подвесок варианта *1c* сферы расположены в центре и между концами креста (рис. 3, 7) или на концах косого креста (рис. 3, 8). Встречаются экземпляры, у которых на поле подвески кроме пяти сфер других элементов нет (рис. 3, 9).

Следующие типы круглых подвесок известны по материалам захоронений XIII–XV веков на средневековых кладбищах. Прежде всего, это серебряные подвески, которые в общих чертах повторяют орнамент экземпляров *типа 1*: те же один или пять выступов, косой крест или звезда, но *тип 2* отличается большим диаметром – 50–60 мм (рис. 4, 5–7). В пяти захоронениях отмечено 16 подвесок *типа 2*.

Рис. 3. Ливские серебряные круглые подвески группы 2. Тип 1

1 – Долес Рауши, захор. 68 (VI 146: 479), 2 – Саласпилс Липши, захор. 50 (VI 185: 57 (70)), 3 – Саласпилс Лаукскола, захор. 561 (VI 128: 7770), 4 – Саласпилс Лаукскола, захор. 529 (VI 128: 7657), 5 – Ogresgala Lielpeči (RDM I 524), 6 – Саласпилс Лаукскола, захор. 161 (VI 128: 1916), 7 – Долес Рауши, захор. 113 (VI 146: 745), 8 – из могильника Огресгала Лиелпечи (RDM I 523), 9 – Айзраукле, захор. 3 (A 7668: 4)

В отдельный *тип 3* могут быть объединены бронзовые подвески с тисненым орнаментом. В захоронениях низовья Даугавы такие подвески встречаются редко – в трех захоронениях найдено пять подвесок: на четырех изображен прямой или косой крест (рис. 4, 2, 3), на одной – бегущее солнце с 8 лучами (рис. 4, 4). Подвески, выполненные в схожей манере, были распространены в Эстонии.

Отдельный *тип 4* представлен бронзовыми подвесками с пятью выступающими, отличающимися значительно меньшим диаметром – около 25 мм. Всего в могильных памятниках низовья Даугавы в 8 захоронениях зафиксировано 47 подвесок. Способ ношения таких подвесок отличается. Так, в захоронении 1773 на кладбище у церкви на острове Мартиньсала 25 подвесок входили в состав ожерелья из бронзовых спиралек. В захоронении 1 на кладбище у церкви Святого Петра в Риге подвески были подвешены на цепочках (*Pāvele*, 1959. 23., 24. lpp., рис. 9). Это захоронение в целом содержит отличный от ливов

группа 2, тип 4

группа 2, тип 3

группа 2, тип 2

Рис. 4. Ливские круглые подвески группы 2. Типы 2–4

1 – кладбище у Икшкильской церкви, захор. 279 (VI 130: 339), 2 – из могильника Саласпилс Резнас (А 8387: 8), 3 – кладбище у Икшкильской ц., захор. 350 (VI 130: 426), 4 – из могильника Саласпилс Резнас (А 8387: 7), 5 – кладбище у Икшкильской ц., захор. 350 (VI 130: 427), 6 – кладбище у Икшкильской ц., захор. 471 (VI 122: 541), 7 – кладбище у Мартиньсальской ц., захор. 1184 (VI 122: 1570). 1–4 – бронза, 5–7 – серебро

материал и связывается с выходцами из Курземы (*Pāvele*, 1959. 38. lpp.). Встречаются спаренные подвески, которые носились на выгнутых в форме омеги проволочных держателях (рис. 4, 1).

Рис. 5. Хронология ливских круглых подвесок группы 2

Что касается распространения рассматриваемых подвесок, то предметы **группы 1** широкое распространение получили единственно в низовье Даугавы. Только отдельные экземпляры известны у соседей: в Видземе (у церквей в Тирзе и Калснаве Мадонского уезда), в Финляндии (*Kivikoski*, 1973. S. 139, Abb. 1128) и на о. Готланд (*Thunmark-Nylen*, 1998. Taf. 170: 4, 6). Подвески **группы 2** встречаются чаще и распространены по всей территории современной Латвии, хотя на памятниках ливов все равно наблюдается их наибольшая концентрация (*Zemītis*, 1994. 146., 145. lpp., 2. att.). За пределами Латвии схожие подвески в большом количестве встречаются только в Эстонии, причем, по наблюдениям эстонского нумизмата Ивара Леимуса (*Leimus*, 2009), только десятая часть всех находок приходится на XI–XII вв., а основная масса относится ко второму десятилетию XIII в. Как уже отмечалось, в отличие от ливских подвесок, эстонцы орнаментировали подвески преимущественно тиснением.

Как уже отмечалось, происхождение подвесок **группы 1** связано со скандинавскими брактеатами (*Zariņa*, 2006. 255. lpp.), которые в свою очередь вос-

ходят к римским медальонам (Wamers, 2013. S. 96). В свою очередь подвески **группы 2** в латвийской археологической литературе связываются со скандинавскими щитовидными подвесками, хотя и признается исчезновение идеи щита в местном материале, так как характерного для скандинавских изделий вихреобразного мотива на латвийских находках нет (Zemītis, 1994. 147. lpp.). Поэтому более обоснованным представляется считать прототипом ливских подвесок **группы 2 типов 1a и 1b** серебряные плоские и полусферические скандинавские подвески с крестовидным орнаментом, которые появляются во второй половине X – начале XI в. и бытуют вплоть до начала XII в. Находки таких медальонов известны на территории Древней Руси и Польши. Кроме того, они изготавливались и в Скандинавии (Рябцева, 2005. 122–126).

Все же главной проблемой, разрешение которой сможет пролить свет на значение и место круглых подвесок в контексте культуры древних ливов, является вопрос о происхождении и значении подвесок с пятью тисненными выступами. Среди рассмотренных подвесок такие экземпляры встречаются чаще всего – известно 83 находки. Это прежде всего серебряные подвески *типа 2с*, часть подвесок *типа 3* и маленькие бронзовые подвески *типа 4*. Данный символ на ливских подвесках появляется самое раннее в самом конце XI в. и существует в течение всего средневековья (рис. 5), но каково его значение?

Так как главным мотивом рассматриваемых подвесок является крест, то кажется вполне закономерным для разрешения этого вопроса обратиться к христианской символике.

Круги, отверстия, шарики, выпуклости часто встречаются на концах нательных крестиков. Каплевидные отростки или слёзки обозначают капли крови Христа, пролитой им на кресте. Это очень важная деталь крестиков, так как именно кровь Спасителя, обогрив крестное дерево, сообщила кресту его силу (Анашкевич, 2006. С. 67). В свою очередь, сферы в центре и на концах креста символизируют пять ран, нанесенных Иисусу при распятии.

Надо отметить, что культ пяти ран Христовых был распространен в Тевтонском ордене, для рыцарей которого пасть в бою, получив при этом, как Спаситель, пять ран, было образцом идеальной смерти (Пётр из Дусбурга, 1997. С. 114, 132).

Правда, надо отметить, что на ливских круглых подвесках пять сферических выступов почти всегда расположены не как прямой крест, а как пятёрка на игральной кости¹. Такой символ в христианстве тоже встречается достаточно часто. Например, в росписи некоторых Византийских пещерных церквей пять кругов маркируют место проскомидии (Spitzing, 1989. S. 276), пять кружков изображались на нимбе Иисуса на средневековых иконах, те же круги видны на одном из ключей у святого Петра на большом сионе Софийского собора в Новгороде (Рыбаков, 1971. С. 63, рис. 104). Ключи Петра – это ключи от рая, а таковыми являются святыне таинства крещения и причастия.

¹ Кстати, именно выпавшая пятёрка на игральной кости выиграла во время жребия солдатами по ризе Христовой, что отразилась и в иконографии распятия (автор благодарит за эту подробность Юлию Колпакову).

Действительно, в христианстве пять кругов, расставленных как пятёрка на игральной кости или с крестом посередине – это известный символ евхаристии. Символ появляется примерно в VIII веке. Центральный круг композиции, с крестом или без – это просфора вместо самого «жертвенного агнца». Остальные круги – это соответственно просфоры в честь богородицы, всех святых, всех живых и всех мертвых (*Spitzing*, 1989. S. 276).

Надо заметить, что понятия жертвенной смерти Иисуса, пяти ран, крови и тела господня и таинства причастия тесно связаны между собой и поэтому их символика схожа и может быть взаимно заменима.

Со времен средневековья евхаристия в православной и в римско-католической церкви различалась. Известно, что в греческой церкви в середине XI в. просфоры нарезались копием и помещались в потир с вином, в причастии использовалась лжица. У католиков Тело Господне изготавливались из пресного хлеба без закваски – т. н. гостии. Кстати, взаимные упреки между римско-католической и греко-ортодоксальной церковью из-за разницы в обряде и деталях евхаристии в 1053 г. послужили одним из формальных поводов для великой схизмы (*Taft*, 1996. P. 224–225).

Для изготовления гостий с XII в. используются специальные формы для отображения на них христианских символов, что делает их внешне схожими с западноевропейскими монетами, на которых часто изображался тот же крест в круге с четырьмя точками между концами. На это сходство еще в начале XII в. указал известный церковный автор Гонорий Августодунский, писавший, что освященная гостия подобна необходимой для спасения монете (*Ле Гофф*, 2010, С. 176). Поэтому можно сделать вывод, что подвески с пятью сферическими выступами являются символическими гостиями – своеобразным серебряным символом спасения.

Рассмотренные ливские подвески **группы 2** за исключением одного случая с экземпляром *типа 3* в захоронениях не коррелируют с нательными крестиками древнерусских типов. Принимая во внимание римско-католическую особенность обряда причастия, а также хронологию и распространение этих подвесок в Ливонии, их можно рассматривать как предметы личного благочестия католического вероисповедания.

Таким образом, ливские круглые подвески, на мой взгляд, являются хорошим примером того, как в ходе христианизации традиционные формы постепенно наполнялись новым значением.

Литература

- Анашкевич М., 2006. Русский крест. Символика православного надглавного креста. М.
Ле Гофф Ж., 2010. Средневековые и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.
Пётр из Дусбурга, 1997. Хроника земли Прусской. М.
Рыбаков Б. А., 1971. Декоративно-прикладное искусство Руси X–XIII веков. Л.
Рябцева С. С., 2005. Древнерусский ювелирный узор. СПб.
Спиргис Р., 2013. Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв. // АИППЗ: Материалы 58-го заседания (2012).

- Спурзис Р.*, 2014. Средневековый бестиарий как источник по интерпретации ливских зооморфных подвесок // АИППЗ: Материалы 59-го заседания (2013).
- Kivikoski E.*, 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki.
- Leimus I.*, 2009. Läänemere kristlikud paganad // Tuna 4.
- Pāvele T.*, 1959. Pārskats par arheoloģiskiem izrakumiem Rīgā 1957. gadā. Rīga.
- Spitzing G.*, 1989. Lexikon byzantinisch christlicher Symbole: Die Bilderwelt Griechenlands und Kleinasien. München, 1989.
- Taft R. F.s.j.*, 1996. Byzantine Communion Spoons: A Review of the Evidence // Dumbarton Oaks Paper 50. Washington.
- Thunmark-Nylen L.*, 1998. Die Wikingerzeit Gotlands II. Typentafeln. Stockholm.
- Wamers E.*, 2013. Vom Pfahlidol zum Kruzifix. Sakrale Bildmotive des ersten Jahrtausends // Credo – Christianisierung Europas im Mittelalter. Band I: Essays. Paderborn.
- Zariņa A.*, 2006. Salaspils Laukskolas kapulauks. 10.–13. gadsimts. Rīga.
- Zemītis G.*, 1994. Daugmales pilskalna apaļie vairogveida piekariņi // Arheoloģija un etnogrāfija 17. Rīga.

А. А. Егорейченко

Средневековые находки из городищ Браславского Поозерья

A. A. Egoreichenko. Medieval Finds from Hillforts of Braslav Lakeland

Abstract. Braslav Lakeland covers the western territory of the Polotsk land. Archaeological excavations of medieval sites were carried out there by L. V. Alekseev, M. A. Tkachev, G. M. Semenchuk (Braslav), G. M. Semenchuk (Driviaty), L. V. Duchitz, S. D. Dernovich (Maskovich). Since 1992 excavations of early hillforts in Braslav area have been exercised by the author. Practically all of them also revealed early medieval finds: tools, weapons, details of clothes, jewelry, household items and objects of spiritual culture. Most of them were found at the Ratiunki site. Obviously there was the yard of a warrior.

Ключевые слова: Браславское Поозерье, городище Зазоны, городище Ратюнки, поселение Подваринка, орудия труда, вооружение, детали одежды, украшения, бытовые вещи, предметы духовной культуры.

Keywords: Braslav Lakeland, Zazony, Ratiunki, Podvarinka, tools, weapons, details of clothes, jewelry, household items, objects of spiritual culture.

Браславское Поозерье оконтуривает западные пределы Полоцкой земли (рис. 1). Исследования здесь в различные годы проводили Л. В. Алексеев, М. А. Ткачев, Г. М. Семенчук (Браслав), Л. В. Дучиц (Масковичи), Г. М. Семенчук (Дрисвяты) и др. Одним из самых интересных памятников этого региона является городище Масковичи, при раскопках которого Л. В. Дучиц обнаружила представительную серию костей с нанесенными на них руническими знаками и рисунками. По мнению исследовательницы, здесь могла находиться крепость, в состав жителей которой входили выходцы из Скандинавии (*Дучиц*, 1991. С. 92, 93).

В 4 км юго-восточнее Масковичей находится еще одно городище, Ратюнки, первые раскопки которого в 1978, 1979, 1981 гг. также провела Л. В. Дучиц (*Дучиц, Митрофанов*, 1994. С. 163–181). Археологические исследования выявили на нем прежде всего ранние материалы днепро-двинской культуры и культур штрихованной керамики. Наряду с ними, в культурном слое присутствовала и серия находок, связанная с древнерусским периодом. Это бронзовая булава, пронизка, фрагмент бронзового браслета, железные нож, кресало и ключ, обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица. Кстати,

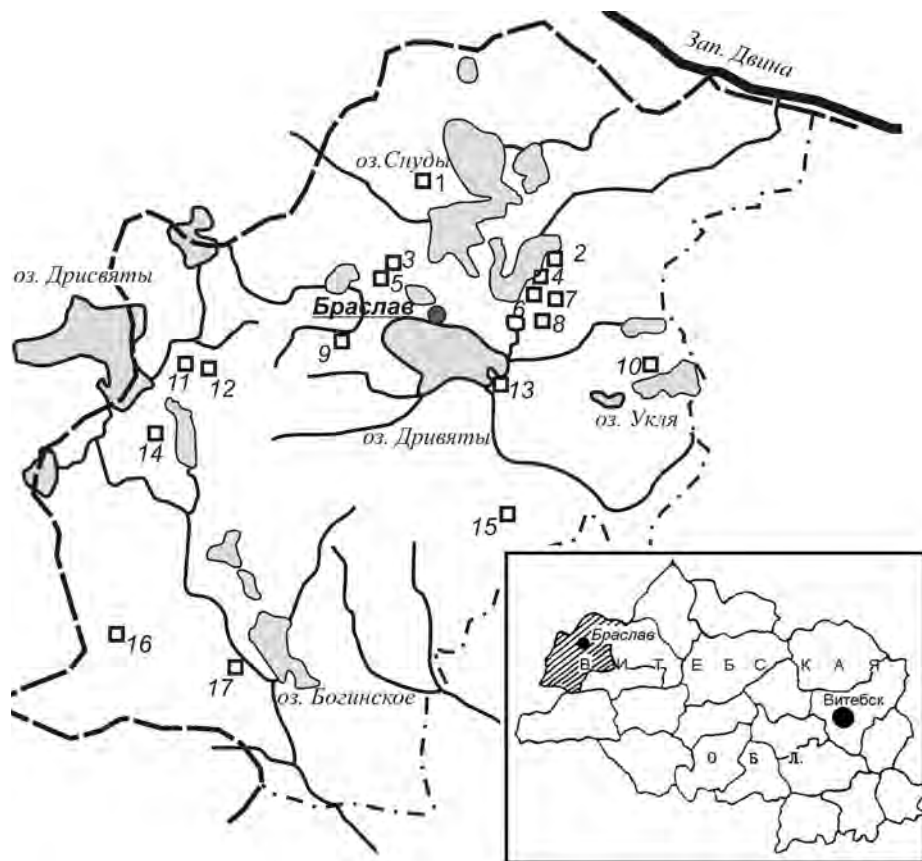

Рис. 1. Городища Браславского Поозерья:

1 – Лукши, 2 – Слободка, 3 – Пустошка, 4 – Масковичи, 5 – Зазоны, 6 – Шавуры, 7 – Ратюнки, 8 – Татаровщина, 9 – Майшули, 10 – Тарилово (Укля), 11 – Едагали, 12 – Жвирбли, 13 – Ахремовцы (Гурка), 14 – Нурвяны, 15 – Замошье, 16 – Подваринка, 17 – Богино

и на этом городище была найдена руническая кость, на которой изображен человек в короне и всадник. Далеко не рядовой набор находок позволил Л. В. Дучиц высказать предположение о том, что в Ратюнках находился феодальный двор, зависимый от Масковичей (Дучиц, 1991. С. 90).

На протяжении 22 лет ряд ранних городищ Браславщины исследовал автор (Тарилово, Зазоны, Ратюнки, Подваринка). Как показывают раскопки, «чистых», т. е. монокультурных укрепленных поселений не бывает. За исключением городища Тарилово, на всех них имеются материалы от эпохи поздней бронзы вплоть до раннего средневековья.

Наиболее богатую коллекцию вещей из исследовавшихся памятников дало городище Ратюнки, раскопки которого велись на протяжении 1999–2007 гг. археологической экспедицией Белорусского государственного университета. Оно, за исключением небольших участков, вскрыто практически полностью.

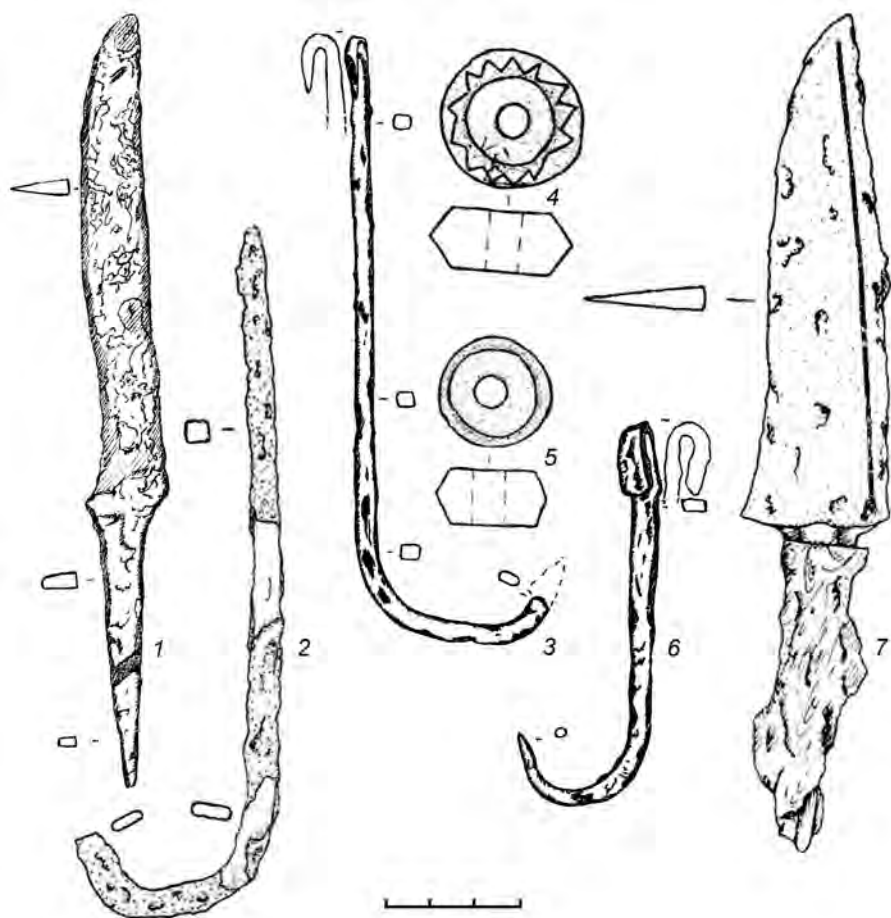

Рис. 2. Орудия труда: ножи (1, 7), рыболовные крючки (2–3, 6), пряслица (4, 5)
(1–7 – Ратюнки)

Как и ранее, подавляющую часть находок составляли изделия последней четверти II–I тыс. до н. э. Это орудия труда, оружие, бытовые вещи, сделанные из кости и камня, фрагменты глиняной посуды днепро-двинской культуры и культур штрихованной керамики. К этому же времени относятся и 24 очага. 23 из них имели глиняный подковообразный бортик, один – каменный.

Средневековый слой на поселении стратиграфически не выделяется. Было лишь зафиксировано несколько неопределенных материковых ям, в которых обнаружены находки этого времени. Средневековые артефакты присутствовали во всей толще культурного слоя и характеризовали различные стороны жизни и быта обитателей поселения.

Среди орудий труда особый интерес представляет редкий для нашей территории железный струг, который можно датировать XI–XIII вв. по аналогии

с находками Новгорода Великого. Самым распространенным видом универсальных орудий труда являются ножи. Они имеют прямое лезвие, отделенное от черенка одним или двумя уступами (рис. 2, 1, 7). Есть такие находки и на поселении Подваринка. Сравнительно большую серию находок составляют железные рыболовные крючки. Размеры их разнообразны: от 3,5 до 15,5 см (рис. 2, 2, 3, 6). О существенной роли рыболовства в хозяйственной деятельности населения городища свидетельствуют и многочисленные остатки ихтиофауны.

Вооружение и снаряжение воина представлено единичными, но достаточно выразительными изделиями. Так, Л. В. Дучиц сообщает о находке на поле рядом с городищем бронзовой шарообразной булавы, поверхность которой покрыта рельефным орнаментом в виде бугорков и крестиков. Согласно А. Н. Кирпичникову, близкие экземпляры были характерны для начала XIII в. (*Дучиц*, 1991. С. 43. Рис. 38, 1). Помимо этой находки, в раскопе 2001 г. обнаружено железное колечко диаметром 1 см от кольчуги. Не исключено, что с панцирем связан массивный бронзовый диск с выступом в центральной части диаметром 3,5 см (рис. 3, 10).

Весьма разнообразен ассортимент деталей одежды и украшений. Элементы костюма представлены двумя грузиками-пуговицами из Ратюнок. Один из них имел петельку для подвешивания (рис. 3, 3), второй – сквозное отверстие (рис. 3, 1). Поясной набор характеризуется разными находками. Две из них – круглые плосковыпуклые фибулы (рис. 3, 5, 11), обнаруженные в Ратюнках. Совершенно аналогичная находка происходит из городища Масковичи, а многочисленные аналогии им известны на территории Литвы, где они датируются XI–XIII вв. (*Дучиц*, 1991. С. 61. Рис. 34, 8). Пряжка, происходящая из Подваринки, имела овальную переднюю часть и прямоугольный приемник (рис. 3, 2). Такие пряжки имели широкое хождение. В Новгороде Великом они встречались в слоях второй четверти XII – начала XIV в. (*Седова*, 1981. С. 144. Рис. 56, 7, 8). Еще одна пряжка, происходящая из Ратюнок, имела замкнутую кольцевидную форму (рис. 3, 9). Подобные изделия также широко распространены. Есть они в Изборске (*Седов*, 2007. Рис. 346, 20, 21), а в Суздале найдены в постройке 8, которую М. В. Седова датирует XI в. (*Седова*, 1997. Рис. 21, 7). В Ратюнках найдены две идентичные по форме накладки. Одна из них изготовлена из бронзы, вторая, по-видимому, из низкопробного серебра. Накладки представляют собой четыре полукружья, расположенных крестообразно, с просверленными в них отверстиями и двумя диаметрально расходящимися полосками для крепления (рис. 3, 6, 7).

Не имеет прямых аналогов бронзовый наконечник пояса (?), переделанный из подвески. Он имел трапециевидное плоское основание, плавно переходящее в кольцевидное завершение. Помимо двух отверстий для крепления, на лицевой стороне этого предмета имелся циркульный орнамент (рис. 4, 6). Изделие – достаточно примитивное, однако такой мелкий циркульный орнамент характерен для вещей викингов. У славян концентрические кружки имели значительно больший орнамент.

Достаточно выразительны украшения рук и груди. Так, в Ратюнках найдены три однотипных бронзовых браслета. Они относятся к числу крученных

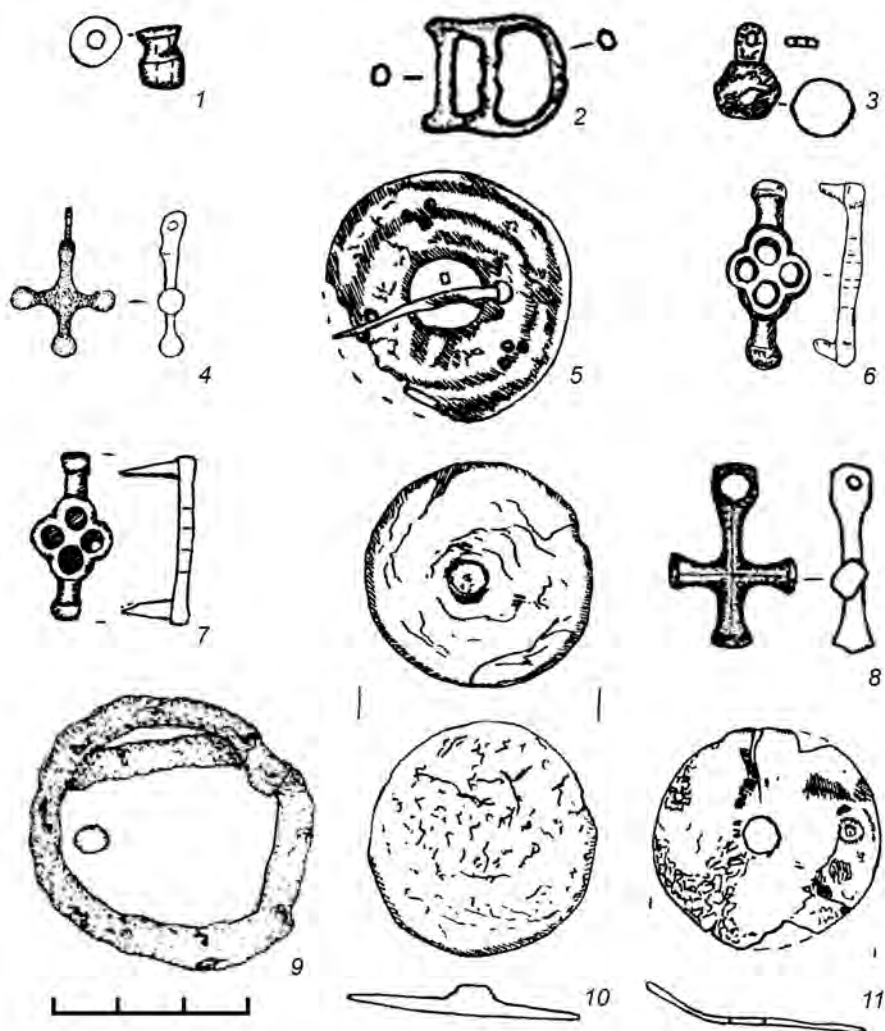

Рис. 3. Детали костюма: грузики-пуговицы (1, 3), пряжки (2, 9), нательные крестики (4, 8), фибулы (5, 11), поясные накладки (6, 7), бронзовый диск (10)
1, 3–11 – Ратюнки, 2 – Подваринка

с расплюснутыми концами (рис. 4, 7–9). Близкий экземпляр известен в Новгороде Великом, где он обнаружен в слое рубежа XII–XIII вв. (Седова, 1981. С. 98. Рис. 35, 2). Еще один бронзовый браслет из этого поселения относится к числу плетеных (рис. 4, 10). Сохранился частично. По классификации М. В. Седовой, он стоит ближе к типу 2 (Седова, 1981. Рис. 36, 7–11). В Новгороде Великом такие украшения бытуют на протяжении длительного времени: от рубежа XI–XII вв. до конца XIII в. (Седова, 1981. С. 102). В коллекции

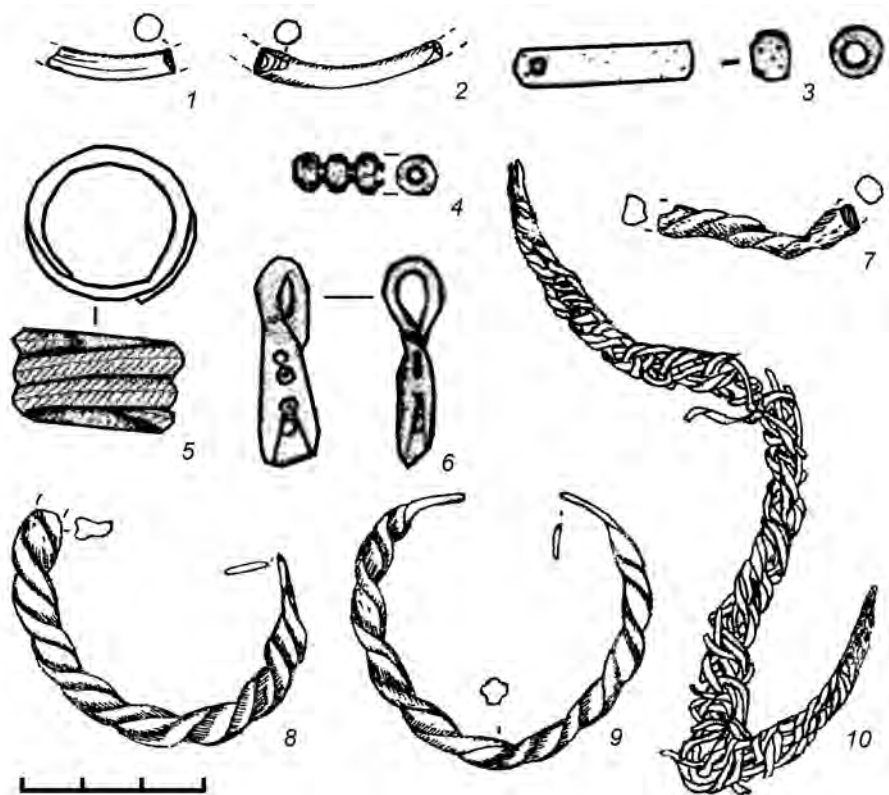

Рис. 4. Украшения и наконечник пояса: стеклянные браслеты (1, 2), бусины (3, 4), кольцо (5), наконечник пояса (6), бронзовые браслеты (7-10)
1-2, 5, 7-10 – Ратюнки, 3-4, 6 – Подваринка

украшений из Ратюнок имеется также бронзовое многоспиральное пластинчатое кольцо с ребристым сечением. Его лицевая сторона орнаментирована косыми насечками (рис. 4, 5). Аналогии ему мне не известны. Из Ратюнок происходят 4 фрагмента стеклянных браслетов круглого сечения (рис. 3, 1, 2) разной цветовой гаммы. По заключению Т. С. Скрипченко, подобные украшения характерны для киевских мастерских XI в.

Нагрудные украшения представлены бусами и подвесками. Две бусины найдены в Подваринке. Одна из них имела бочонковидную форму и была сделана из шифера. Бусина орнаментирована точками, сгруппированными по пять (рис. 4, 3). Несколько схожих экземпляров было обнаружено Т. С. Бубенько в Витебске. Исследовательница предполагает, что хронологически такие бусины синхронны шиферным пряслицам. Вторая бусина – стеклянная трехчастная желтая (рис. 4, 4). Подобные украшения датируются преимущественно X – первой половиной XI в. (Штыхов, 1978. С. 50).

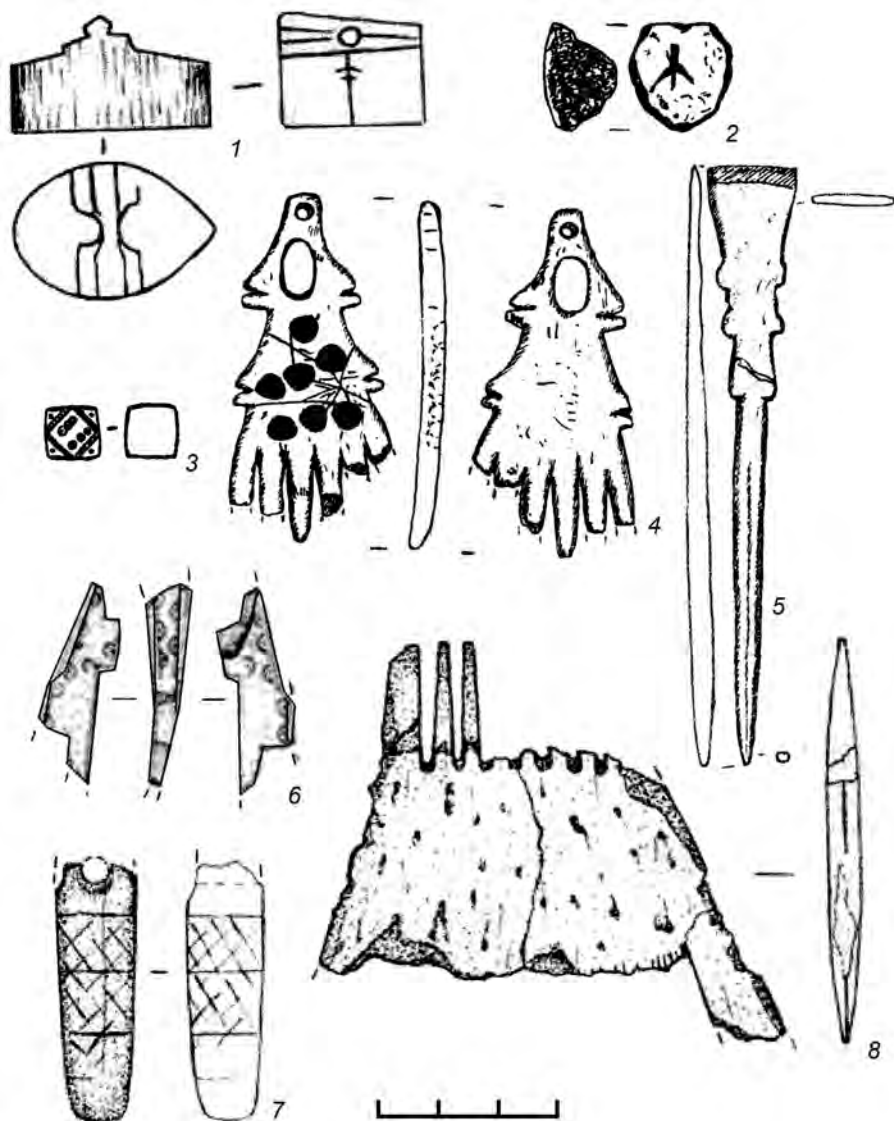

Рис. 5. Предметы быта, духовной культуры и украшения: шахматная фигурка (1), кость с рунической буквой (2), весовая гирька (3), подвески (4, 7), писало (5), костяные гребни (6, 8)
1–2, 4–8 – Ратюнки, 3 – Зазоны

В Ратюнках обнаружены две костяные подвески. Одна из них имела вид гребешка с шестью зубцами. На лицевой стороне имелось овальное отверстие и семь ямочных углублений (рис. 5, 4). Точных аналогов ей нет, однако известно, что костяные зооморфные подвески достаточно широко были

распространены в Северо-Западной и Северной Руси в IX–X вв. (Кондратьева, 1981. С. 103–109. Рис. 1, 2). Вторая подвеска имела эллипсоидную форму. Ее корпус поделен на три горизонтальные зоны, каждая из которых украшена ромбовидными узорами (рис. 5, 7). Аналогов она также не имеет.

Среди костяных изделий Ратюнковского городища имеются два гребня. Один из них относится к числу двусторонних, широко распространенных на территории Руси (рис. 5, 8). От второго уцелел лишь маленький фрагмент. Его поверхность орнаментирована мелким циркульным орнаментом (рис. 5, 6). Подобные находки характерны для эпохи викингов.

Редкой находкой из Ратюнок является шахматная фигура, выточенная из рога. Она имеет в плане округлую форму. Ее верх заканчивается вырезанными зубчиками (рис. 5, 1). По определению О. В. Медведевой, это могла быть пешка (Мядзведзева, 2005. С. 43).

Завершая характеристику костяных изделий, нельзя не отметить находки на городище Ратюнки костей с руническими знаками и рисунками. В свое время Л. В. Дучиц обнаружила кость, на которой имелось изображение. В 2002 г. археологической экспедицией БГУ была найдена плохо обработанная кость, на которой процарапана буква «М» или «R» (рис. 5, 2).

На этом же памятнике выявлена еще одна неординарная находка. Это – бронзовое писало. Оно представляло собой иглу, которая завершалась трапециевидной лопаточкой с двумя парами симметрично расположенных выступов с каждой стороны (рис. 5, 5). Точные аналогии этой находке мне неизвестны, однако в Новгороде Великом, где найдено свыше 200 писал, есть экземпляры с выступами на лопаточке. Датируются они главным образом второй половиной XI – началом XII в. (Овчинникова, 1998. С. 83).

Рассмотренный выше материал, прежде всего из Ратюнок, характеризует явно не рядовое сельское поселение. С предположением Л. В. Дучиц о том, что здесь мог находиться двор дружинника, в принципе можно согласиться, но с одной принципиальной поправкой. Время зарождения этого поселения исследовательница относил к концу XI в., однако новейшие исследования позволяют существенно удревнить начальную дату. В раскопе 2002 г. был обнаружен дирхам с односторонней аверсной чеканкой. К сожалению, легенда сильно затерта и тем не менее В. Н. Рябцевич по ряду признаков полагал, что монета чеканена в Самарканде при Саманидах во второй половине IX в. Все это дает основание отнести начало поселения феодального периода к концу IX – началу X в. Его верхняя хронологическая граница определяется концом XIII в.

Литература

- Дучиц Л. Ё., 1991. Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIII стст. Мінск.
Дучиц Л. В., Митрофанов А. Г., 1994. Городище Ратюнки // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. Мінск.

- Кондратьева О. А.*, 1981. Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА. Вып. 166.
- Мядзведзева О. У.*, 2005. Сярэдневяковыя шахматы Беларусі. Мінск.
- Овчинникова Б. Б.*, 1998. Писала средневекового Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Седов В. В.*, 2007. Изборск в раннем Средневековье. Москва.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. Москва.
- Штыхов Г. В.*, 1978. Древний Полоцк. Минск.

Р. Йонайтис

Палеодемография Русского конца Вильнюса в конце XIII – начале XV в.

R. Jonaitis. Paleodemography of the Russian End of Vilnius in the late 13th – early 15th Centuries

Abstract. Research of a burial ground in Vilnius has been presented at the Pskov workshop more than once. The accumulated and well-preserved bone material enables analysis of the first Orthodox community of Vilnius residents in one more paleogeographic aspect. The anthropological data from 492 burials is available and with greater accuracy (the excavations will be continued) the territory of the burial ground is set, that allows to talk about the supposed size of the community “Civitas Rutenica”. It is established that the burial was in use for about 150 years.

The obtained osteological material allows to speak about the everyday life of inhabitants of the Russian end. Knowing the total number of buried and the average internal reproduction index of this population, it is possible to calculate the size of the Orthodox community. As well as one can analyze medical history of this community: which population groups were most subjected to what diseases and why.

Ключевые слова: Вильнюс, Русский конец, могильник, статистика, заболевания, демография.

Keywords: Vilnius, Russian end, burial ground, statistics, diseases, demography.

В восточной части старого города Вильнюса с 2005 г. исследуется средневековый грунтовый могильник. О результатах этих исследований мною не раз сообщалось на Псковских семинарах (см. *Йонайтис*, 2009; 2011а; 2011б; 2013; 2014; 2015). 31 декабря 2014 г. исследования на этом объекте закончены. Могильник почти полностью исследован. Неисследованной осталась территория могильника площадью примерно в 100 м². Эта часть останется неисследованной, так как она не попадает под будущую застройку. Всего во время раскопок выявлено 531 погребение и разрозненные кости, принадлежавшие не менее чем 250 индивидам. Как погребение здесь определяется костяк (или часть костяка), находящийся в анатомическом порядке. Так как могильник находится на территории бывшего Русского конца, полученные антропологические данные позволяют говорить о православной общине в палеодемографическом

аспекте. По находкам, стратиграфии и полученным 27 радиоуглеродным датировкам могильник датируется серединой XIII – началом XV в.

Данная статья состоит из двух частей – статистической и антропологической.

Рассматриваемый мною период – вторая половина XIII в. – начало XV в. – время становления Вильнюса как столицы государства, его рассвет. 150 лет в истории, с одной стороны, не много, но эти 150 лет в истории Вильнюса были очень интенсивными, в городе произошло немало разного рода перемен – перестраивались одни территории, осваивались новые. Первые переселенцы – православные в Вильнюсе появились во второй половине XIII в. при правлении Великого князя Трайдяниса. Вероятнее всего, они жили на северном подножье горы Гядимина. С начала – середины XIV в. православное население концентрировалось в собственном квартале в восточной части нынешнего старого города, именуемом *Civitas Rutenica*. Исследуемый могильник христианский, и в нем, вероятнее всего, погребены православные горожане – как иммигранты, так и местные. Отлично сохранившийся костный материал позволяет судить о повседневной жизни населения Русского конца.

Немного самых общих статистических данных, которые позволяют с большей точностью говорить о населении, проживавшем в Русском конце. До нынешнего времени обнаружено 531 погребение и не менее 250 индивидов из разрозненных погребений, итого – 784. Для анализа привлечены данные по 514 погребениям (остеологический материал из раскопок 2014 г. на данный момент еще в стадии обработки), где костяк найден в анатомическом положении, а также учитывались разрушенные погребения, в случае которых удалось установить возрастную группу и разного рода патологии. Антропологический анализ проводили проф. Р. Янкаускас и его студенты, за что я им очень благодарен.

Дробление по половым признакам ничего неожиданного не показало¹. Все почти поровну – треть мужчины (30%), треть женщины (32%) и треть неопределима (дети и подростки 38%). Если иметь в виду, что среди детей и подростков индивидов женского и мужского пола поровну, то получается ожидаемый результат – обычный могильник, в котором погребены обычные горожане.

Половые группы были разделены на более мелкие возрастные группы, что позволило охарактеризовать особенности причин смерти разновозрастных групп у мужчин и женщин.

Обобщив статистические данные по смертности мужчин, была выделена только группа от 35 до 50 лет. В случае переживания детского возраста, где смертность самая большая, мужчины доживали до 50 и более лет. Хотя на долю мужчин и выпадала трудная физическая работа, связанная с разного рода факторами риска, они в среднем жили дольше женщин.

¹ Здесь и далее использован материал раскопок 2006–2012 гг. Антропологический анализ по погребениям 2014 г. еще проводится. После получения сведений за 2014 г. могут возникнуть изменения в статистике, но они будут незначительны.

Таблица 1

**Предполагаемая средняя продолжительность жизни
у мужчин разных возрастных групп**

x	Dx	dx	lx	qx	Lx	Tx	ex
20-24	15,00	12,00	100,00	0,12	470,00	1982,00	19,82
25-29	13,00	10,40	88,00	0,12	414,00	1512,00	17,18
30-34	14,00	11,20	77,60	0,14	360,00	1098,00	14,15
35-39	8,00	6,40	66,40	0,10	316,00	738,00	11,11
40-44	32,00	25,60	60,00	0,43	236,00	422,00	7,03
45-49	24,00	19,20	34,40	0,56	124,00	186,00	5,41
50-54	13,00	10,40	15,20	0,68	50,00	62,00	4,08
55+	6,00	4,80	4,80	1,00	12,00	12,00	2,50
	125,00	100,00			1982,00		

Таблица 2

**Предполагаемая средняя продолжительность жизни
у женщин разных возрастных групп**

x	Dx	dx	lx	qx	Lx	Tx	ex
20-24	13,00	9,49	100,00	0,09	476,28	1636,86	16,37
25-29	28,00	20,44	90,51	0,23	401,46	1160,58	12,82
30-34	23,00	16,79	70,07	0,24	308,39	759,12	10,83
35-39	27,00	19,71	53,28	0,37	217,15	450,73	8,46
40-44	22,00	16,06	33,58	0,48	127,74	233,58	6,96
45-49	11,00	8,03	17,52	0,46	67,52	105,84	6,04
50-54	9,00	6,57	9,49	0,69	31,02	38,32	4,04
55+	4,00	2,92	2,92	1,00	7,30	7,30	2,50
	137,00	100,00			1636,86		

Общепринятую таблицу подсчета средней продолжительности жизни по возрастным группам (табл. 1, 2) нам передал антрополог проф. Р. Янкаускас, сообщив, что надо заполнить, а на что не обращать внимания. Для подсчета актуальны данные **x** – возрастные группы, **Dx** – количество индивидов; **dx** – процентная доля; **ex** – предполагаемая средняя продолжительность жизни, **lx** – процент выживших до возрастной группы **x**; **qx** – вероятность смерти в возрастной группе **x**; **Lx** – число лет, которое прожили все индивиды в возрастной группе; **Tx** – общее число лет, оставшееся для всех индивидов, доживших до возрастной группы **x** (Acsadi, Nemeskeri, 1970). Чтобы получить предполагаемую среднюю продолжительность жизни, погребения были разделены на группы, подсчитано количество погребений каждой возрастной группы,

затем применено действие программы. Как видно, самая большая предполагаемая продолжительность жизни – у мужчин молодого возраста, 20–24 года. Сопоставив смертность по возрастным группам у мужчин и женщин, мы видим, что мужчины умирали в более старшем возрасте, чем женщины (табл. 1, 2).

Самая высокая смертность у женщин выявлена в пределах от 30 и до 45 лет – своеобразный критический период. Смертность именно в этой возрастной группе составляет 68%!

Самая большая разница выявлена в возрастной группе до 39 лет, тут она составляет от 2,65 в 35–39 лет, до 4,36 в 25–29 лет. Чем вызвано это различие вообще и в группе 25–29 лет в частности? Я думаю, что это связано с функцией женщины как продолжательницы рода, с частыми родами. Частая смертность во время родов – как матери, так и ребенка – и дает такую разницу. Кроме частых родов, большей смертности способствовали тяжелые условия жизни, антисанитарные условия, плохое питание. В старших группах разница в смертности мужчин и женщин незначительна – если женщина переживала критический возраст, ее средняя продолжительность жизни была почти такой же, как у мужчин.

Антропологический анализ позволяет говорить не только о продолжительности жизни горожан, но и о разных болезнях жителей Русского конца. Чаще всего встречаются в костном материале данного могильника следующие заболевания:

Остеохондроз. Выявлено 13 случаев. Люди начинают чувствовать проявления остеохондроза чаще всего после 35 лет. В нашем случае всем индивидам было свыше 40 лет, кроме одного случая – мужчина 19–20 лет. Развитию и обострению этого недуга способствуют различные травмы спины, статические и динамические перегрузки. Чем старше человек, тем больше у него проявлений этого заболевания. Причины, вызывающие изменения в межпозвонковых дисках, – нарушение обмена веществ в организме, инфекции, избыточный вес; неправильное питание; травмы позвоночника; работа, связанная с подъемом тяжестей, чрезмерные физические нагрузки, перегрузки позвоночника, связанные с заболеваниями стопы, а также в результате ношения неудобной обуви. Как видно из вышеперечисленного, причины говорят сами за себя.

Анемия. Всего выявлено 115 случаев, из них почти половина – 52 случая – у детей. 31 случай обнаружен у женщин, 24 – у мужчин. Признаки анемии выявлены и в тех погребениях, где пол из-за небольшого возраста не удалось установить – у 5 подростков и у 2 младенцев. Среди всех детских возрастных групп (до 10 лет) с признаками анемии выделилась одна возрастная группа. Больше всего подвержены заболеванию дети старше шести лет. Анемия – это группа клинико-гематологических синдромов, общим моментом для которых является снижение концентрации гемоглобина в крови. Термин «анемия» без детализации не определяет конкретного заболевания, то есть это один из симптомов различных патологических состояний. Если у взрослых индивидов анемия, как правило, выявляется наряду с другими патологиями, то у детей бывает зафиксирована только анемия – за свою короткую и не очень радостную жизнь ребенок еще не успевал заболеть другими болезнями, которыми он,

вне всякого сомнения, заболел, если бы прожил дольше. Основные причины анемии у детей: плохое нерегулярное одностороннее питание с большим недостатком витаминов (преобладают молочные продукты), плохие санитарные условия, перенесенные острые респираторные заболевания, детские инфекции; паразиты.

Артрит. Всего выявлено 12 случаев. Чаще всего артрит проявляется у людей старшего возраста. Он связан с тяжелым трудом, с каждодневной трудной работой, когда бывает сильная нагрузка на суставы. Также на появление артрита влияет избыточный вес; неправильное питание; частые травмы и переломы.

DISH (диффузный идиопатический скелетный гиперостоз, болезнь Форесте). Выявлено 8 случаев. Заболевание характерно для мужчин старшей возрастной группы. Как уже отмечалось в одной из предыдущих публикаций, это может быть связано с обильным, но неправильным питанием, следствием чего могли стать диабет и ожирение (*Jankauskas, Urbanavičius*, 2008. Р. 108).

Грыжа Шморля. Всего выявлено 48 случаев. Грыжа Шморля – это прорыв хрящевой ткани из межпозвонкового диска в тело позвонка. Иногда грыжи Шморля появляются у пожилых людей из-за сильного остеопороза (возрастного снижения плотности и прочности костей) или у здоровых молодых людей – в результате сильного удара (падения) вертикально сверху вниз, а также при подъеме чрезмерных тяжестей и некоторых редких заболеваниях. Итак, этот недуг может быть тесно связан с тяжелой физической работой, связанной с повышенным травматизмом. Самому молодому умершему было 16–18 лет. В возрастном интервале старше 20 лет присутствуют все возрастные группы, насчитывающие при этом не менее двух индивидов. Ни одна из групп не выделяется своим количеством.

Разного рода переломы. Обнаружено 43 случая. Присутствует у всех возрастных групп, в большинстве своем страдали мужчины. Как видно из представленной схемы, переломов много, и они разнообразны. Доминируют переломы ребер и компрессионные переломы позвонков. Сейчас причинами компрессионного перелома являются автомобильные аварии, падение с большой высоты или воздействие иной подобной силы. Причиной такого перелома может стать появление физиологических проблем в межпозвонковых дисках и самой структуре костной ткани. В средневековые такие переломы позвонков обычно случались от очень больших нагрузок на позвоночник и от ослабления костной ткани (остеопороза). В нашем случае они обнаружены у мужчин старше 30 лет и только у двух женщин, хотя и мужчины, и женщины подвержены этой болезни одинаково. Также довольно обычны переломы рук и ног – вероятнее всего, это следствие тяжелой работы и связанными с ней частыми травмами.

Периостит или воспаление надкостницы. Обнаружен 61 случай. При исследовании периостит был обнаружен исключительно в берцовых костях. Это заболевание часто проявляется как результат травм, ушибов, серьезных порезов, переломов. Кроме того, причины периостита кости – это взаимодействие с другими очагами воспаления (в мышцах или костях). Причиной заболевания могут стать воспалительные процессы в других (мягких) тканях, которые в результате передаются и на надкостницу, продолжая прогрессировать. Также

к причинам заболевания относятся ревматические заболевания, ряд специфических инфекций. Основные же причины тесно связаны с каждодневной и далеко не легкой жизнью и трудом обычных горожан.

Эрика Кесслер-Исон, студентка, проходившая стажировку в 2012 г. в Вильнюсском университете, выполнила анализ паразитов из погребений, выявленных при раскопках в 2012 г. (*Kessler-Ison, 2013*). Для этого исследования брались образцы грунта возле черепа, в районе живота и ног. В пяти погребениях (из 30 погребений) были найдены три вида паразитов. Самый распространенный – это аскариды (11 экземпляров), по одному экземпляру власоглав и власовидный гельминт. Погребенные, с которыми оказались связаны паразиты, страдали и другими недугами. Так, у женщины из погребения № 401 была анемия; у мужчины из погребения № 413 был периостит, переломы, анемия; у мужчины из погребения № 427 – периостит и грыжа Шморля, у женщины в погребении № 414 вдобавок к предыдущим недугам была еще и анемия. Очевидно, что санитарные условия того времени оставляли желать лучшего. Если страдаешь паразитами, то и другие патологии не исключение. Это все подтверждает нелегкие, мягко говоря, условия жизни данной общины.

Из общего числа погребений можно выделить пять, которые не попадают ни в одну из групп, связанных с той или иной болезнью. Это три погребения людей, смерть которых связана с военными действиями, и два погребения, по которым видно, как община заботилась о своих тяжелобольных членах. Три погребения (№ 2 (2006 г.); № 52 и № 99 (2009 г.)), в которых погребены трое мужчин, умерших неестественной смертью, – все они были зарублены острым металлическим оружием. Как показало исследование, проведенное студенткой Вильнюсского университета Е. Мержвинскайте, этим предметом мог быть меч (*Meržvinskaitė, 2011. Р. 11*). То, что это были обычные горожане, показывает отсутствие прижизненных травм, связанных с военным делом, и тот факт, что эти жители были плохо защищены, не имели соответствующих доспехов. Из этого следует, что жители Русского конца принимали активное участие в защите города.

Интересное погребение было обнаружено при раскопках в 2006 г. – мужчина, погребенный в неестественной позе (рис. 1). При антропологическом анализе данного костяка обнаружен сколиоз позвоночника, атрофия обеих ног (на что и указывает поза, в какой он был обнаружен). То, что человек еще какое-то время жил, мучимый такими болезнями, показывает, что община была ответственна за своих граждан. Вряд ли он был трудоспособным и мог сам зарабатывать на жизнь.

При анализе женского погребения № 252, зафиксировав зажившие переломы берцовой и газовой костей левой стороны, совокупность всех этих травм антропологи назвали одним словом – автотравма! (*Mitokaitė et al., 2011. Р. 508*). Однако в XIII–XV вв. это может быть связано с попаданием под другой транспорт (телегу, карету), с падением с большой высоты, или, напротив, с падением чего-то очень тяжелого на человека. При каких обстоятельствах была получена эта травма, остается загадкой. Но для нас важнее то, что эта женщина после такой травмы еще жила некоторое время, о ней заботились. Как и в предыдущем

Рис. 1. Погребение № 33 (раскопки 2006 г.)

случае, жители Русского конца заботились о своих близких, не оставляли их на произвол судьбы.

Используя основные статистические данные, мы можем попытаться подсчитать предположительно среднюю продолжительность жизни каждой возрастной группы. Как я уже упоминал, для подсчета были взяты данные по 514 погребениям – как ненарушенным, так и разрушенным, для которых удалось установить точный возраст. Полученный результат был прибавлен к возрастной группе, и таким образом получена *предполагаемая* продолжительность жизни каждой возрастной группы. Учитываемые данные – возрастные группы, количество, процентная доля и полученный результат.

Для того, чтобы подсчитать среднюю величину для популяции, нам нужно учитывать ряд данных. Во-первых – время функционирования могильника, во вторых – количество погребений и в третьих – среднюю продолжительность жизни индивида **e0**. (табл. 3). Подчеркнем, что имеется в виду не *предполагаемая*, а *средняя* продолжительность. Для получения этого параметра мы применили формулу Боке – Массе (Vosquet – Masset), используемую антропологами (**CH**). Тут **d** – количество индивидов именно этих возрастных групп. Для большей точности мы взяли и разрушенные погребения, у которых удалось установить возраст умершего, относящиеся к рассматриваемым группам. В данной формуле **X** зависит от первых двух данных – чем больше количество детей, тем

Таблица 3

**Средняя продолжительность жизни рожденного «e0»
(по Bocquet – Masset)**

d(5-14)	d(20-80)	x	e0
81,00	323,00	0,3	20,3

Таблица 4

Предполагаемая величина популяции

<i>a</i>	T	N	e0	P
	150	784	20,3	106,1
<i>b</i>	T	N	e0	P
	130	784	20,3	122,4
<i>c</i>	T	N	e0	P
	150	900	20,3	121,8

меньше **X** и тем меньше **e0**. В результате установлено, что средняя продолжительность жизни индивида данной общины составляла 20,3 года.

Имея данные о средней продолжительности жизни индивида, можно попытаться подсчитать предполагаемую величину популяции. Итак, в данной формуле **T** – время функционирования могильника; **N** – количество всех индивидов и **e0** – полученная нами величина средней продолжительности жизни индивида (табл. 4а).

Но тут мы сталкиваемся с большой проблемой. Нужно знать *точное* время функционирования могильника. Как показано в таблице, разница продолжительности функционирования могильника в 20 лет дает погрешность почти на 16 человек (табл. 4b). Чем больше разница во времени, тем больше погрешность в численности населения. То же и с количеством погребений – надо знать абсолютно точное количество, каждая небольшая погрешность влияет на конечный результат. Мы взяли цифру в 784 погребения, включая все разрушенные и обнаруженные в 2014 г. (для разрушенных погребений, исследованных в 2014 г., еще не получены результаты антропологических изысканий).

Разница в количестве погребений на 116 индивидов дает погрешность в общем количестве популяции почти на 15 человек (табл. 4с). Безусловно, нужно полностью исследовать могильник, желательно, чтобы он был еще и не нарушен, тогда будет получена достоверная картина. К сожалению, в нашем случае это не представляется возможным. Однако, имея в своем распоряжении

Таблица 5

Предполагаемый состав популяции по возрастным группам

x	Dx	dx	lx	qx	Lx	Tx	проценты		
0	14,00	2,72	100,00	0,03	98,64	2747,96	3,5895	0-1 года	4
1-4	50,00	9,73	97,28	0,10	462,06	2649,32	16,815	1-4 года	18
5-9	32,00	6,23	87,55	0,07	422,18	2187,26	15,363	5-9 лет	16
10-14	49,00	9,53	81,32	0,12	382,78	1765,08	13,93	10-14 лет	15
15-19	46,00	8,95	71,79	0,12	336,58	1382,30	12,248	15-19 лет	13
20-29	112,00	21,79	62,84	0,35	519,46	1045,72	18,903	20-29 лет	20
30-39	80,00	15,56	41,05	0,38	332,68	526,26	12,107	30-39 лет	13
40-49	97,00	18,87	25,49	0,74	160,51	193,58	5,8409	40-49 лет	6
50+	34,00	6,61	6,61	1,00	33,07	33,07	1,2036	50+ лет	1
	514,00	100,00			2747,96		100	Всего	106

относительно точные данные, мы можем предположить, что средняя численность исследуемой нами общины (имеются в виду жившие в одно время) составляла около 114 человек с погрешностью в 8 человек. Но еще раз хочу обратить внимание на то, что эти данные по средней величине общины *предположительные*.

Еще одна возможность антропологического анализа – предполагаемый состав популяции общины, исследуемой нами, по возрастным группам. При наличии формулы и данных о количестве индивидов по возрастным группам, мы получаем предполагаемое число индивидов данной популяции, живших одновременно (табл. 5). Как видно из полученного результата, популяция была довольно-таки молодой, с большой детской смертностью – индивиды в возрасте до 30 лет составляли 4/5, или 81,13% от общего числа популяции. Это также говорит и о большей смертности среди населения данной возрастной группы – смертность индивидов в возрасте до 30 лет составляет почти 59% от общего числа. Все представленные результаты несколько изменятся, когда мы получим антропологические данные по всем погребениям, обнаруженным в 2014 г.

По предварительному анализу, проведенному в полевых условиях, детских погребений, зафиксированных в 2014 г., немного, поэтому изменения, вероятнее всего, будут незначительными. Несколько изменится **e0** (средняя продолжительность жизни индивида), что немного увеличит значение величины численности всей популяции, жившей в одно время.

Подводя итоги, мы можем сказать, что община, которая хоронила своих умерших членов в исследуемом нами могильнике, была невелика, включала в себя чуть более 100 человек. В общине была высока смертность молодого населения, чему способствовал целый ряд обстоятельств – антисанитарные условия жизни и связанные с этим заболевания; неправильное, однообразное, с отсутствием необходимых витаминов, питание; высокий уровень травматизма. Одним словом – жизнь обычных горожан второй половины XIII – начала XV в., была очень нелегка.

Литература

- Йонайтис Р., 2009. Новейшие раскопки на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе: предварительный анализ результатов // АИППЗ. Материалы 54-го заседания (2008 г.). С. 414–425.
- Йонайтис Р., 2011а. Община Русского города 13–14 вв. в Вильнюсе в свете новейших археологических открытий // АИППЗ. Материалы 56-го заседания (2010 г.). С. 171–178.
- Йонайтис Р., 2011б. Раскопки на территории «Civitas Rutenica». Продолжение исследования // АИППЗ. Материалы 57-го заседания (2011 г.). С. 232–235.
- Йонайтис Р., 2013. Исследования на «Civitas Rutenica» в 2011 г. Проверка теорий // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (2012 г.). С. 380–384.
- Йонайтис Р., 2014. Исследования на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе. (Не)ожиданные открытия // АИППЗ. Материалы 59-го заседания (2013 г.). Вып. 29. С. 343–348.
- Йонайтис Р., 2015. Об одном сюжете из истории моды в Литве (по материалам погребений горожанок XIII–XIV вв.) // АИППЗ. Материалы 60-го заседания (2014 г.). Вып. 30. С. 309–316.
- Acsadi G., Nemeskeri J., 1970. History of Human Life Span and Mortality. Akademia i Kaido, Budapest.
- Jankauskas R., Urbanavičius A., 2008. Possible indications of metabolic syndrome in Lithuanian paleoosteological materials // Papers of anthropology. XVII. Tartu. P. 103–112.
- Kessler-Ison E., 2013. An Archaeoparasitological Investigation of Two Medieval Lithuanian Cemeteries. Durham University.
- Meržvinskaitė E., 2011. Asmenų žuvusių nuo aštrių įrankių, kapai Vilniuje, Bokšto g. senkapyje. VU archeologijos katedra.
- Mitokaitė I., Jatautis Š., Jankauskas R., 2011. Viduramžių palaidojimų Vilniuje preliminari antropologinė charakteristika 2010 medžiagos duomenimis // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2010 metais, Vilnius. P. 506–511.

И. Каплунайте

Локализация торговых мест Вильнюса в XIV–XVI вв.

I. Kaplūnaitė. Vilnius Trading Places Localization in the 14th–16th Centuries

Abstract. Main trading places are often mentioned in written sources, so fixation of their location usually does not cause any problems. That is the case with Vilnius, where according to the documents state the location of the main trading area of the city near the town Hall since the 15th c. However, written sources do not speak about the location of the earlier trading places.

The constructions used in places where trade was conducted not on a regular basis were temporary, so localization of such places is difficult. In this case, one is to keep in mind a few basic aspects of urban spatial structure: distribution of certain articles of trade; archaeological analysis of the alleged trade places.

The trading places of Vilnius were mentioned only in the written sources of the 15th century. However, the formation of Vilnius can be traced back to the late 13th century. Without any doubt, one can assume the existence of the trading places in the city at least in the 14th century. Unfortunately, any written information about the location of the earliest places of trade has not been preserved. The article will focus on the earliest trading places of Vilnius localization.

Ключевые слова: торговля, торг, средневековый город.

Keywords: trade, trading places, medieval town.

Торговые места по времени использования и качеству разделяются на площади постоянного функционирования (торги), временного функционирования (рынки) и места розничной торговли.

Торги имеют ряд признаков, позволяющих определить, что территория предназначалась для постоянной торговли. Выразалось это в частности в том, что часть домов имела не только торговые помещения, но и жилые. Такая практика широко применялась в городах Западной Европы (*Schofield, Vince, 2003*).

Р. 92). Однако в постоянных местах могли торговать только профессиональные торговцы (купцы), которые могли себе позволить содержание таких домов¹.

Люди, для которых торговля не являлась основным занятием (например, крестьяне), могли продавать свою продукцию на рынках². Однако торговля здесь велась не постоянно, а в определенные дни. Например, в Вильнюсе торговля на рынках велась два раза в неделю (по вторникам и по пятницам)³. Здесь имели право торговать не только местные купцы, но и приезжие из-за границы.

Еще один способ организации продаж можно назвать торговлей «вразнос», когда купцы доставляли товар на дом клиенту.

Главные, основные городские торги (торговые площади) часто упоминаются в письменных источниках, поэтому их локализация не вызывает никаких проблем. Так обстоят дела и с Вильнюсом – по документам известно, что главный торг города находился рядом с городской Ратушей. В середине XVII в. здесь функционировало более 800 лавок, торгующих самыми разными товарами⁴.

Однако о более ранних местах торговли в документах нет никаких сведений. В этих случаях вопрос локализации остается проблематичным. В данной статье основное внимание будет уделяться вопросам локализации именно таких мест торговли. В поисках ответов заново пересматривались исторические источники и использовался археологический материал.

Структуры, используемые не для постоянной торговли, были временными, приспособленными для периодической торговли – деревянные, быстро собираемые и передвижные постройки, навесы или просто столы, не оставляющие никаких следов в культурном слое (*Crabtree*, 2001. Р. 218). Поэтому идентификация таких мест особенно сложна. Для идентификации таких территорий надо изучить несколько аспектов – пространственную структуру города, распространение изделий и археологический анализ предполагаемых мест торговли (*Arthur*, 2000. Р. 426).

Как отмечается в литературе, большинство торговых мест в средневековом городе были основаны в важных локациях – например, имевших какое-либо религиозное или судебное значение. Именно поэтому в большинстве западноевропейских городов торговые места и костелы находились рядом (*Arthur*, 2000. Р. 428). Кроме того, играло роль и удобство места для такого рода деятельности – например, открытое пространство, расположенное возле

¹ Надо сказать, что по ординации 1536 г. Сигизмунда Старого, за клетки, особенно на Ратушной площади, не надо было платить, если они были унаследованы (*Dubinski*, 1788. S. 54). В историографии также встречается термин «место» (*Šalčius*, 1998. Р. 56). Нет точных данных, сколько могла стоить аренда таких «мест», однако возможно предположение, что арендовать эти помещения могли и не самые состоятельные граждане.

² При этом продавать продукты и скот крестьянам было запрещено (*Žilėnas*, 1999. Р. 18).

³ В Вильнюсе эта деятельность началась в конце XVI в. (*Laumenskaitė*, 2001. Р. 56).

⁴ Как утверждается в источниках, в 1647 г. Вильнюсский магистрат вокруг Ратуши сдавал в аренду 720 лавок и кладовых и еще 113 лавок арендовали торговцы солью (*Šalčius*, 1998. Р. 56).

дороги или у городских ворот, близкое к воде. Также торговцев привлекали места скопления ремесленников, когда изделия продавались рядом с местами их производства.

Итак, уже сам анализ городской структуры позволяет выдвигать гипотезы о том, где могло располагаться то или другое торговое место.

Второй важный аспект – анализ распространения артефактов, связанных с торговой деятельностью. Торговые площади обычно соотносятся с местами распространения таких предметов, как монеты, счетные жетоны, весы и грузики, свинцовые пломбы и прочие (Arthur, 2000. Р. 429; Schofield, Vince, 2003. Р. 161–162). Большая концентрация таких изделий, а также концентрация иных материалов, например, импортной керамики, часто позволяет соотнести назначение конкретного места с торговлей. Однако и здесь можно столкнуться с проблемами – концентрация находок может оказаться случайной.

И третий аспект – это археология предполагаемых мест торговли, то есть анализ бывшей застройки и культурного слоя. Проблема состоит в том, что только в местах постоянной торговли строились более надежные, долговечные здания – постоянные торговые лавки. Одновременно с этим в местах периодической или разовой торговли использовались временные постройки, следы которых в культурном слое могли и не сохраниться. Культурный слой, в котором концентрировались бы характерные находки, мог и не сформироваться на подобных территориях.

Из этого видно, что идентификация торговых мест, основанная только на данных археологии, является сложной задачей. Представляется очень важным иметь в виду весь контекст, и использовать как можно больше данных. В частности – топонимику, здесь помогут названия улиц. Так, в Вильнюсе сохранились названия улиц, отражающие действовавшие тут торговые места – *Arklių* (Лошадиная), *Kruopų* (Круп), *Mėsinių* (Мясная).

Письменные источники отражают историю торговых мест Вильнюса только с XV в., при том, что становление Вильнюса как города прослеживается уже с конца XIII в. Вне всякого сомнения, торговые места существовали уже в XIV в. К, сожалению, об этих самых ранних торговых местах сообщения письменных источников отсутствуют. Кроме того, вплоть до конца XIV в. Литва не имела своих монет, анализ распространения которых способствовал бы работе археологов.

Вильнюс в XIV в. – это быстро разрастающийся город. Если в начале периода было заселено только несколько участков (гора Гядимина с подножьями, Кривой город, *Civitas Rutenica*), то в конце века деятельность людей затрагивала значительную часть нынешнего старого города. Для рассматриваемого периода характерна многоконфессиональность, следствием чего является возникновение отдельных районов Вильнюса, населенных язычниками, православными, католиками. Каждая из этих конфессий могла иметь свой торговое место.

Самая ранняя заселенная часть Вильнюса – это гора Гядимина с подножьями и Кривой город. Здесь с конца XIII в. был расположен княжеский двор, а в северном и юго-западном подножьях – посады (рис. 1, 1, 2). Происходившую на этой территории торговлю отражает археология подножий горы Гядимина, особенно

Рис. 1. План города Вильнюса. Составитель О. Валенене. Дополнения И. Каплунайте.

1 – гора Гядимина; 2 – юго-западное подножье горы Гядимина; 3 – церковь Св. Параскевы; 4 – костел Св. Иоанна; 5 – костел Св. Николая; 6 – торговая площадь возле городской Ратуши.

в южной и юго-западной частях. Не удивляет то, что именно здесь, недалеко от княжеского двора, во время раскопок была обнаружена богатейшая в Вильнюсе концентрация импортного материала, коллекция разных монет, торговых пломб. Однако точное местоположение самого места торговли не выявлено. Территория рядом с княжеским двором постоянно перестраивалась, здесь велась интенсивная деятельность, поэтому до сих пор (пока что) не удалось идентифицировать застройку, связанную с торговлей. Надо заметить, что на юго-западном подножии (рис. 1, 2) не позднее чем с первой четверти XIV в. размещалась католическая община, имевшая здесь свой костел (*Vaitkevičius, 2010; Kaplūnaitė, 2015*). Как я уже упоминала, в средневековье места костела и торговли были тесно взаимосвязаны, поэтому можно предположить, что одно из мест торговли в первой половине XIV в. располагалось возле костела. В историографии высказывалось предположение, что купцы располагались возле брода через реку

Нярис (*Petkus*, 2004. Р. 340). Однако это предположение на настоящий момент не подтверждено никаким конкретным материалом.

Территория рядом с княжеским двором отражает особенности торговых площадей, ориентированных на правящую элиту. Однако далее в данной статье внимание будет уделяться не торговому месту элиты, а местам торговли, находящимся вдали от княжеского двора, на территории нынешнего старого города, отвечающим потребностям простых горожан. Анализируя план города, можно выделить несколько зон, в которых могли располагаться торговые места. Во-первых – в восточной части города, заселенной ранее всего, где в XIV в. процветал Русский город (*Jonaitis*, 2013). В то время город занимал площадь около 15 га, однако эта территория мало изучена археологически.

Известно, что уже с середины XIV в. здесь стояли три церкви: Св. Параскевы, Пресвятой Божьей Матери и Св. Николая (*Jonaitis*, 2013. Р. 37–38). Считается, что церкви, посвященные Св. Параскеве, в городах Киевской Руси обычно стояли возле торговой площади (Там же. Р. 37). Добавим, что в Вильнюсе церковь Св. Параскевы построена в удобном для торговли месте – на открытой ровной площадке, рядом со значимой дорогой направления север – юг, ведущей в сторону Мядининкай (рис. 1, 3). Нынешняя церковь построена несколько севернее бывшей. Она находится недалеко от дороги, возле небольшой площади, на которой и поныне ведется торговля. Таким образом, по своей локализации это место соответствует признакам, характерным для торговых мест. К сожалению, здесь не проводились археологические раскопки, которые позволили бы более достоверно локализовать торговую площадь.

Лучшая сохранность культурного слоя прослеживается в центральной и западной частях старого города Вильнюса. Анализ распространения культурного слоя и находок показал, что заселение данной местности началось в третьей четверти XIV в. (*Kapłūnaitė*, 2015. Р. 54). Заселение связано с развитием города, эволюцией городской общины, значение придавалось уже не столько безопасности проживания, сколько удобству торговых операций. Не случайно самые ранние следы человеческой деятельности обнаружены возле важной дороги, ведущей от княжеского замка в сторону Рудининкай. Именно возле перекрестка этой дороги с дорогой западного направления выделяется площадь, где в конце XIV в. был построен приходской костел Св. Иоанна (рис. 1, 4). Территория выделяется своим географическим положением – ровная площадка, поблизости от воды, возле дорог. Кроме дороги юго-северного направления, здесь проходила еще одна дорога, ведущая на Ливонию. Кроме этого, местность была соединена с Кривым городом на северо-востоке, русским концом на востоке и католическим Немецким городом на западе. Таким образом, здесь локализуется пересечение дорог самых важных направлений. Интенсивную жизнедеятельность отражает и распространение археологического материала (*Kapłūnaitė*, 2015. Р. 90–96). Это место связано с язычниками, а с 1387 г. – с католическими неопитами. Именно в честь крещения и был основан приходской костел Святого Иоанна (*Drėma*, 1997).

О рынке возле костела Св. Иоанна в историографии бытуют два мнения. Одна гипотеза утверждает, что на этом месте был один из самых ранних

(а может быть и самый ранний) Вильнюсский рынок (*Moreliovskis*, 1940–1942). Другая гипотеза предполагает, что рынок здесь начал действовать только после 1387 г., то есть уже после постройки костела Святого Иоанна. Однако следы более ранней человеческой активности заставляют думать, что торговля здесь велась еще до крещения Литвы. Не костел сюда привлек торговлю, а наоборот – место для строительства костела подобрано с учетом уже существующей концентрации людей. К сожалению, пока не обнаружено каких-нибудь следов, свидетельствующих о торговле. Ничем не выделяется и состав археологических находок – преобладает бытовая керамика. Надо иметь в виду, что речь идет о времени, когда Литва еще не имела собственных монет. Поэтому тот факт, что даже находки иностранных монет этого времени являются редкостью, не кажется странным. Оценив топографию местности, исторический контекст и обильные находки керамики, я думаю, что здесь действительно было торговое место, и оно действовало еще до строительства костела.

В последней четверти XIV в. в западной части нынешнего старого города Вильнюса сформировался пригород, заселенный католиками (купцами и торговцами), так называемый Немецкий город (*Kaplūnaitė*, 2015. Р. 60–66). Прослеживается стремительное освоение территории, выраженное появлением значительного объема керамического материала в культурном слое.

Без всякого сомнения, пригород, заселенный купцами и ремесленниками, имел свое торговое место. В четвертой четверти XIV в. Немецкий город занимал площадь около 6 га (*Kaplūnaitė*, 2015. Р. 66), поэтому у нас есть выбор, где именно искать его. Вспоминая традицию средневекового города сопоставлять торговое место и костел, мы можем начать с окрестностей костела святого Николая – покровителя купцов и ремесленников (рис. 1, 5). Такой пример имеется в Гданьске, где рядом с костелом Св. Николая было и одно из рыночных мест города (*Koter, Kulesza*, 1999. Р. 75). Вильнюсский костел Св. Николая построен в восьмом-девятом десятилетии XIV в., возле перекрестка дорог. Обратим внимание на то, что к западу от костела, на другой стороне улицы, обнаружены следы самой ранней деревянной застройки этой части города (*Patkauskas*, 1983). К сожалению, для отнесения этой застройки к торговым или к жилым зданиям пока что недостаточно данных. Но по своей топографии эта территория очень подходит для общественного места. Как я уже упоминала, здесь выявлен мощный культурный слой с большим количеством бытовой керамики, что свидетельствует об активной деятельности. Среди фрагментов бытовой керамики обнаружены фрагменты импортной керамики из «белой массы», очень высокого качества. Схожая керамика обнаружена только на территории Вильнюсского нижнего замка. Напомним, что после 1387 г. в этой части города был построен францисканский монастырь и еще один костел – а в средневековые едва ли не каждый костел означал возможность торговли.

Итак, в Вильнюсе XIV в. достоверно можно говорить только о четырех торговых местах: первое – возле княжеского замка, остальные три – на территориях старого города, заселенных жителями трех разных конфессий, – православных возле церкви Св. Параскевы; католиков возле костела Св. Николая и язычников возле перекрестка дорог, где позднее был построен костел Св. Иоанна.

Вышеупомянутые торговые места могли использоваться и позднее, в XV в., особенно то, что у костела Св. Иоанна. Однако с XV в., без всякого сомнения, можем говорить о формировании главной торговой площади города. Это торг на Ратушной площади (рис. 1, 6), ставший центральным местом скопления торговцев на протяжении последующих 400 лет. Опираясь на исторические источники и анализ культурного слоя, можно утверждать, что Ратушная площадь, как городское торговое место, начала функционировать во второй четверти XV в. (*Kaplūnaitė, Jonaitis*, 2007. Р. 79). Археологические раскопки здесь велись несколько лет, более последовательно – в 2005–2007 гг. Были обнаружены останки фундаментов каменных и деревянных торговых лавок, самые ранние из которых датируются XV в. В северной части торговой площади обнаружены фрагменты фундамента дома торговцев солью с подвалами и лестницей (Там же. Р. 79). В южной части обнаружено несколько мусорных ям с особенно богатыми находками XVI в. Собрана обширная коллекция монет, торговых пломб, грузиков, счетных жетонов и других находок, тесно связанных с торговлей (Там же. Р. 80).

Нас интересует следующий вопрос: что же обусловило именно эту локализацию главного места городской торговли? Почему оно появилось именно здесь, а не возле костела Св. Иоанна, например? Тем более, что у последнего уже существовала торговая зона. Можно предположить, что в выборе места большую роль сыграла топография. Сама территория очень удобна для такого рода деятельности. Участок расположен в центральной части старого города, между главными дорогами. С одной стороны была дорога, ведущая от территории замков в сторону Рудининкай, с другой – в сторону Мядининкай. Кроме того, территория возле костела святого Иоанна уже была плотно заселена, и поэтому не было возможности расширяться – в то время, как на месте будущего торга на ратушной площади оставалось большое незаселенное пространство. Такой ситуации способствовало то, что в конце XIV в. на этом месте стоял дом-башня (турмхауз). По характерной специфике, пространство возле него не было застроено, оставляя тем самым пустое место для обстрела (*Kaplūnaitė, Tomoi*, 2010). Турмхауз просуществовал до начала XV в., и именно это место было выбрано для строительства городской Ратуши, а тем самым и для основания центрального торгового места. Таким образом, очень удачно было использовано сформировавшееся обширное необжитое пространство. Еще один фактор является более общим. Известно, что в средневековых городах по мере их роста и процветания начинали отделять торговые места от костелов, создавая торговые площади, принимали во внимание не столько близость костела, сколько удобство для ведения торговли. Все больше внимания уделялось близости к торговым путям, водным ресурсам, возможности расширять площади. Это очень хорошо видно в случае Вильнюса, когда во второй четверти XV в. главная торговая площадь города основывается не рядом с одним из многочисленных костелов города, а на свободном пространстве возле ратуши – общественного здания. Территория исключительна и тем, что она расположена между православной и католической частями города, со временем рядом поселились и евреи. Таким образом, центральная торговая площадь Вильнюса не только символизирует растущую мощь города, но и объединяет горожан различной конфессиональной принадлежности.

Литература

- Arthur P., 2000. Medieval fairs: an archaeologist's approach // *Archeologia w teorii i w praktyce* (ed. A. Buko, P. Urbańczyk). Warszawa.
- Crabtree P., 2001. *Medieval Archaeology. An Encyclopedia*. New York, London.
- Drėma V., 1997. Vilniaus Šv. Jono bažnyčia. Vilnius.
- Dubinski P., 1788. Zbior praw y przywilejow miastu stołecznemu W.X.L. Wilnowi nadanych na zadanie wielu miast Koronnych, jako tez Wielkiego Ksiestwa Litewskiego ułożony y wydany. Wilno.
- Jonaitis R., 2013. *Civitas Rutenica* Vilniuje XIII–XV a. Daktaro disertacija. Klaipėda.
- Kaplūnaitė I., 2015. Vilniaus miesto katalikiškoji dalis XIV–XVI amžiaus pradžioje. Daktaro disertacija. Klaipėda.
- Kaplūnaitė I., Jonaitis R., 2007. Numizmatiniai ir sfragistiniai radiniai iš Vilniaus rotušės aikštės // *Numizmatika* 6. Vilnius.
- Kaplūnaitė I., Tomoi F., 2010. Bokštiniai namai Vilniuje // *Miestų praeitis* 2. Vilnius.
- Koter M., Kulesza M., 1999. The plans of medieval Polish towns // *Urban Morphology*. T. 3 (2).
- Laumenskaitė E., 2001. Prekyba // *Lietuvos didžiosios kunigaikštijos kultūra* (tyrinėjimai ir vaizdai). Vilnius.
- Morelowski M., 1940–1942. Vilnius prieš 1655 metus. Rekonstrukcinio plano 318 numerių paaiškinimas. Vilnius.
- Patkauskas S., 1983. Vilnius, Žemaitijos g. 6. Archeologinių tyrimų ataskaita. LIIR, f. 1, b. 1071.
- Petkus V., 2004. Vilniaus Šv. Mikalojaus bažnyčia. Vilnius.
- Šalčius P., 1998. Raštai: Lietuvos prekybos istorija (sud. V. Lukoševičius). Vilnius.
- Schofield J., Vince A., 2003. *Medieval Towns. The archaeology of British Towns in their European Setting*. London.
- Vaitkevičius G., 2010. Vilniaus įkūrimas. Vilnius.
- Žilėnas A., 1999. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės finansų pagrindai. 2 d. Vilnius.

А. Ю. Чуракова (Кононович)

Привески-образки с изображением святого всадника на территории Древнерусского государства

A. Yu. Churakova (Kononovich). Pendants – Small Icons with the Image of the Holy Horseman on the Territory of Ancient Russian State

Abstract. Among numerous types of ancient Russian pendants – small icons there is a group with the image of a warrior on horseback with his head turned to the viewer, with a spear and a cloak billowing behind. The composition is turned to the left. Though the small icons with the image of a saint warrior are widespread on the territory of the whole of Russia it is this variant that is associated with the sites of Southern Russia. However, there are 3 finds coming from Pustozersk, a site far removed from the southern territory.

Ключевые слова: образок, святой воин, святой всадник.

Keywords: small icon, saint warrior, holy horseman.

Среди многочисленных типов древнерусских нательных образков-привесок выделяется группа круглых небольших привесок с изображением конного воина с головой, повернутой к зрителю (черты лица не читаются), с копьем в руке, направленным вверх, и с развевающимся плащом за спиной. Композиция повернута влево, поэтому копье оказывается в левой, обращенной к зрителю руке (рис. 1). На эти иконки обратила внимание М. В. Седова, которая считала, что на них изображен св. Георгий, поражающий змия, и выделила их в 1 вариант третьего типа классифицированных ею нательных иконок с изображением св. Георгия (Седова, 2006. С. 245). Исследовательница насчитала 5 экземпляров таких изделий (Там же. С. 249) и подчеркнула, что при общем широком общерусском распространении нательных образков со св. Георгием именно этот вариант третьего типа привязан к памятникам Южной Руси (Там же. С. 245).

Из-за немногочисленности находок привесок-образков в культурном археологическом контексте возникают некоторые трудности с фиксацией комплексов. В основном сведения о памятниках с привесками-образками можно пополнить с помощью публикуемого материала и частных коллекций. Было бы

Рис. 1. Подвеска-образок с изображением конного святого воина-триумфатора.
Гочево, курган 85

ошибочно утверждать, что распространение какого-либо иконографического типа укладывается в границы отдельно взятого княжества или вообще никогда не встречается за пределами обозначенных территорий. Однако на карте Восточной Европы отчетливо видны зоны концентрации типов изделий и это отражает в каждом случае свою специфику.

Сегодня количество известных по публикациям иконок с направленным влево изображением конного воина в развевающемся плаще возросло до 16 экземпляров (рис. 2). Рассматриваемые образки происходят с территории Галицко-Волынского, Черниговского, Киевского княжеств, то есть связаны в основном с южнорусскими территориями (рис. 3).

Среди рассматриваемых иконок есть экземпляры разного качества отливки, но все они сохраняют набор характерных деталей и, как мы считаем, восходят к одной исходной матрице, высокое качество исполнения которой отмечала еще М. В. Седова (Седова, 2006. С. 245).

Определение иконографического сюжета представляется затруднительным. Как пишет А. Е. Мусин: «... изображение святого всадника в иконографии вообще и в мелкой пластике в частности, как в Древней Руси, так и в Византии, не может считаться устоявшимся и поддающимся однозначной атрибуции...» (Мусин, 2007. С. 150).

Для древнерусского периода наиболее характерно изображение конного воина с оружием в руке. Классическим является изображение на фреске церкви св. Георгия в Старой Ладоге, где изображена сцена «чудо Георгия о змие». Фрески церкви старой Ладоги принято датировать второй половиной XII в.,

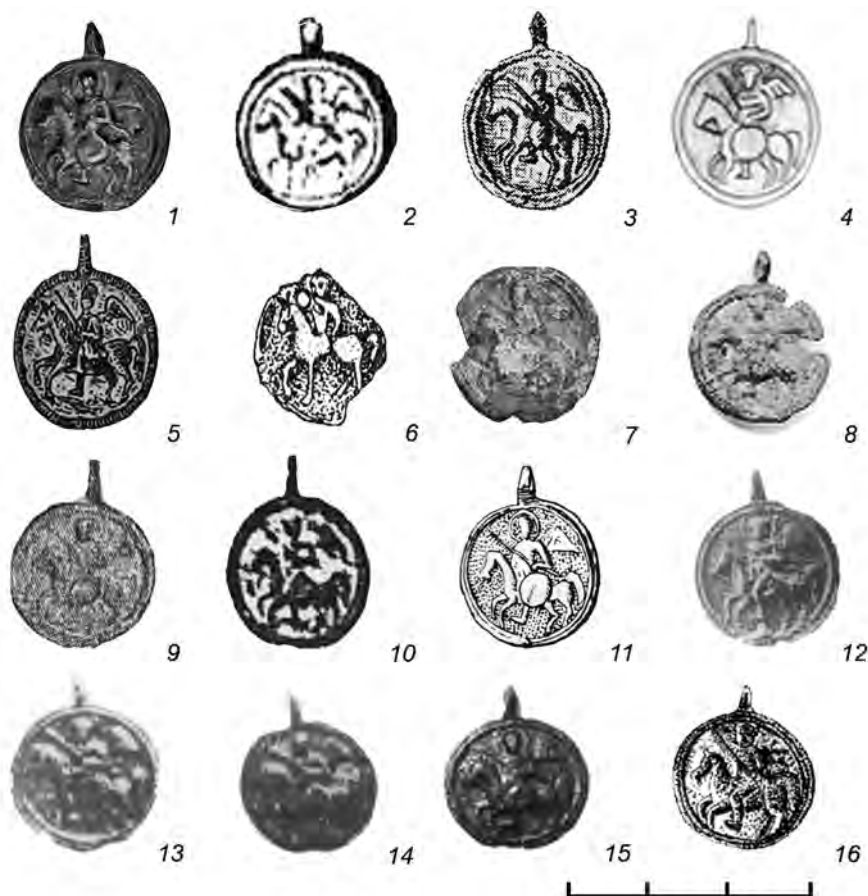

Рис. 2. Подвески-образки с изображением конного святого воина

1 – с. Путивск (Черниговская обл., Украина); 2 – Крылос (Ивано-Франковская обл., Украина); 3 – Зеленче (Теребовольская обл., Украина); 4 – Василев (Черновицкая обл., Украина); 5 – Дрогичин (Польша, Подляское воеводство); 6 – Беседино (Курская обл.); 7 – Лопушь (Брянская обл.); 8 – Донец (Харьковская обл., Украина); 9 – Гочево (Курская обл.); 10 – Витичев (Киевская обл., Украина); 11 – Вербичка (Хмельницкая обл., Украина); 12–14 – Пустозерск (Заполярный район Ненецкого автономного округа); 15 – Ксизово (Липецкая обл.); 16 – Искар (Чердынский район, Пермский край)

этим же временем датируются активные печати Всеволода III (1176–1212), однако на некоторых из них св. Георгий изображен без оружия (тип 212) (Янин, 1970. С. 310). В более позднее время конный воин (Федор Тирон) без оружия встречается на активных печатях Мстислава Мстиславовича, княжившего в Новгороде в первой четверти XIII в. (типы 205, 206) (Там же. С. 309). В то же время на печатях Мстислава Удатного встречается всадник, вооруженный копьем, причем известно несколько вариантов таких печатей, оттиснутых разными матрицами (типы 203, 204) (Там же. С. 309).

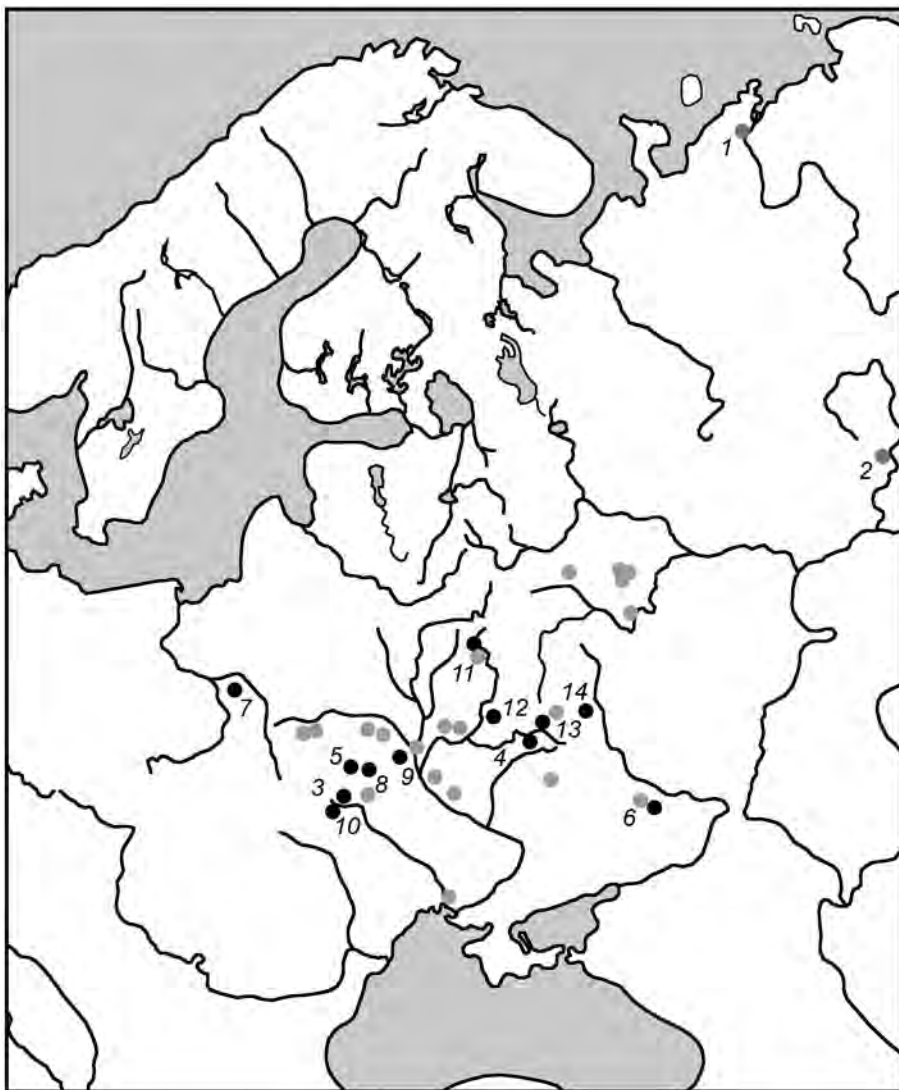

Рис. 3. Карта распространения подвесок-образков
(без нумерации отмечены находки из частных коллекций)

1 – г. Пустозерск (Заполяный район Ненецкого автономного округа); 2 – гор. Искар (Чердынский район Пермского край); 3 – п. Васильев (Черновицкая обл., Украина); 4 – к. м. Гочево (Курская обл.); 5 – п. Вербичка (Хмельницкая обл., Украина); 6 – гор. Донец (Харьковская обл., Украина); 7 – п. Дрохичен (Подляское воеводств, Польша); 8 – п. Зеленче (Теребовольская обл., Украина); 9 – п. Витичев (Киевская обл., Украина); 10 – п. Крылос (Ивано-Франковская обл., Украина); 11 – гор. Лопушь (Брянская обл.); 12 – п. Путивск (Черниговская обл., Украина); 13 – гор. Беседино (Курская обл.); 14 – м. Ксизово (Липецкая обл.)

В рассматриваемом случае перед нами всадник в сцене триумфа, об этом свидетельствует то, что его лицо обращено к зрителю, копьё поднято вверх, плащ развевается за плечами. В образе триумфатора часто изображали русских князей, так как они стремились подражать византийским василевсам (Сидоренко, 1994. С. 172–173).

Обращает на себя внимание круглое плоское поле на уровне бедра всадника, частично закрывающее его ногу. Исследователи, опубликовавшие данные изделия, интерпретируют поле как щит (Пивоваров, 2011. С. 393; Żółkowska, 2011. С. 195). Очевидно, что «щит» всадник не держит, поскольку одна его рука занята копьем, а другая – удилами. Щит может быть подвешен к седлу, но тогда получается, что он находится под рукой, несущей копьё. Возможно, здесь мы имеем дело с искажением рельефа, тогда вместо щита может быть изображена нижняя часть доспехов или одежды, форакий или часть тела лошади.

Таким образом, по внешним признакам сложно определить изображенного святого. Считается, что на рассматриваемых привесках присутствует изображение конного Георгия (Седова, 2006. С. 245). Однако есть ряд работ, в которых данное определение подвергнуто сомнению. Так, в недавней статье С. В. Пивоварова «Медальон з святим вершником з літописного Васи́лева: спроба інтерпретації» высказывается предположение, что на образке, найденном на территории Галицко-Волынского княжества, изображен св. Федор. Эта точка зрения основана на близости иконографии образка и актовых печатей Мстислава Мстиславовича Удатного (Пивоваров, 2011. С. 392–396). Мстислав Мстиславович Удатный, в крещении Федор (ум. 1228, Торческ) – князь Трепольский (1193–1203), Торопецкий (1206–1213), Новгородский (1210–1215, 1216–1218), Галицкий (1215–1216, 1219–1226), Торческий (1203–1207, 1226–1228). Однако, как было сказано выше, печати князя Мстислава Мстиславовича имеют несколько вариантов матриц. При этом печать, на которую ссылается С. Пивоваров, мало похожа на образки с конным воином (Пивоваров, 2011. С. 394. Рис. 2).

Близкое, но уже редуцированное изображение конного воина, развернутое влево, фиксируется для более позднего времени на печати князя Дмитрия Александровича Переяславского (1250–1294) – тип 384 по В. Л. Янину (Чукова, 2006. С. 75).

В своде актовых печатей В. Л. Янина (Янин, 1971. С. 99), как византийского происхождения, так и русского, мы выявили наиболее близкие по иконографии к интересующим нас образкам актовые печати. Это печать, приписываемая Всеволоду Большое Гнездо или его потомкам: сыну Юрию или внуку Всеволоду Юрьевичу. Известно 3 экземпляра такой печати (Янин, 1970. С. 99). В. П. Степаненко полагает, что данная печать, скорее всего, принадлежала Всеволоду Юрьевичу. Кроме того, исследовательница определяет такой тип иконографии как «святой-триумфатор», указывая, что особенностью данного иконографического сюжета является фронтально повернутое туловище всадника и отсутствие какого-либо оружия в руке (Степаненко, 2000. С. 111). По поводу истоков данной иконографии В. П. Степаненко пишет: «... в основе изображения Св. Георгия на печати лежит хороший византийский оригинал,

изображающий святого всадника, не обязательно Георгия, причем, возможно, солунского происхождения и вряд ли сфрагистический. ...Матрицы русской печати резал хороший мастер, вряд ли ранее имевший к этому отношение, принимая во внимание то, что он не учел, что надпись на печати даст зеркальное изображение» (Степаненко, 2000. С. 113). Возможно, прототип был близок изображению св. Георгия с копьем на дне византийской чаши из Березова, в этом случае не возникает сомнений в том, что изображен именно св. Георгий, т. к. персонаж подписан. Возможно, для того, чтобы сразу отделить рассматриваемую здесь группу очень близких друг к другу образков от других георгиевских, уместно было бы называть их образками с изображением конного святого воина-триумфатора (Георгия?).

М. В. Седова, отстаивая мнение о том, что печати с изображением конного воина принадлежат Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, пишет: «По совокупному свидетельству письменных источников, из Солуни, где Всеволод находился довольно продолжительное время (до 1177 г.), была привезена и иконка св. Дмитрия, помещенная в княжеский дворцовый храм. И декоративное убранство храма, и его святыни, безусловно, должны были оказать влияние и на другие произведения искусства, в частности, на изделия прикладного характера» (Седова, 1985. С. 276).

Учитывая то, что Всеволод Юрьевич Большое Гнездо в 1190 г. принял под покровительство галицкого князя Владимира Ярославича, можно наметить связь между Владимирскими землями, где княжил Всеволод Юрьевич, или Новгородскими, где княжил внук Всеволода Большое Гнездо Юрий Всеволодович, и Галицко-Волынским княжеством (при том, что собственных печатей галицкого князя Владимира Ярославича нам не известно). О связи Владимиро-Суздальского княжества с Галицко-Волынской землей на основании опять же иконографического материала пишет и М. В. Седова: «... находки образков с Умилением, Успением в далеких южных землях – в Городске и Звенигороде Галицком – свидетельствуют о постоянных связях Владимиро-Суздальского княжества с Киевской и Галицко-Волынской землями. Известно, что сестра Андрея Боголюбского Ольга была замужем за князем Галицким Ярославом...» (Седова, 1978. С. 103). В то же время связывать образки, распространенные на Юге Руси, исключительно со сфрагистическими прототипами, распространенными в Северо-Восточных русских землях, и с деятельностью Владимирских князей, учитывая, что речь идет о металлопластике, где схожесть и различие композиций может зависеть от многих факторов, было бы слишком смело.

Другой возможной причиной распространения привесок-иконок с конным воином в южнорусских землях может служить популярность в середине XII в. культа князя Игоря Ольговича. Князь Игорь происходил из рода Черниговских князей, сын Олега Святославича и гречанки Феофании Музалон, до Киевского княжения правил в Новгороде-Северском, рассчитывал на черниговский престол, однако после междоусобиц оказался на Киевском княжении. Его княжение продолжалось две недели, князь был убит в результате «народной» расправы. В 1150 г. князь Новгород-Северский Святослав Ольгович перенес мощи своего брата в Чернигов и положил в Спасо-Преображенском соборе. Позже князь был

причислен к лику святых. Мощам князя, в крещении Георгия, приезжали поклоняться из разных мест (*Фроянов*, 2012. С. 247). Также известно, что на княжеском дворе Ольговичей в Чернигове была церковь св. Георгия (*Толочко*, 2011. С. 23). Князь Игорь-Георгий – выходец из черниговского княжеского дома, и это может объяснить локальную территорию распространения предметов.

М. В. Седова отмечала, что медальоны разных вариантов с изображением конного св. Георгия появляются на Руси одновременно с другими типами нательных образков в XII в. (*Седова*, 2006. С. 245). Важным аргументом в пользу этой точки зрения является наличие медальона с изображением конного св. воина-триумфатора в одном ожерелье с четырьмя образками с изображением Богоматери «Воплощение» в одном из погребений Гочевского курганного могильника. Таким образом, представляется возможным датировать изделия с данной иконографией второй половиной XII в. К этому же периоду относятся и те исторические события, которые могли обусловить распространение образков с изображением конного св. воина-триумфатора (Георгия?) в южнорусских землях.

Кроме того, нам известны два археологических памятника, находящиеся далеко за пределами распространения данного типа образков. Первый памятник находится за полярным кругом, на территории современного Ненецкого автономного округа. Это древнерусский город Пустозерск. Одна подвеска на этом памятнике вместе с другими изделиями древнерусского облика была найдена в культурном слое городища XII–XIII вв., предшествующего самому городу. Еще две такие подвески были найдены на святилище, которое находится недалеко от городища и датируется тем же временем (*Овсянников, Ясински*, 2003. С. 70).

Второй памятник находится на современной территории Прикамья. Это городище Искор в Чердынском районе Пермской области. Так же, как и предыдущий памятник, Искорское городище характеризуется как городище-святилище. Здесь была найдена одна подвеска-образок, происходящая из слоев XII–XIII вв. (*Крыласова*, 2014. С. 39. Рис. 4, 19).

Литература

- Крыласова Н. Б.*, 2014. Начало «Древнерусской колонизации» Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем «Пермь» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск V. Университет и историко-культурное наследие региона, под общ. ред. А. М. Белафина; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь. С. 28–39.
- Мусин А. Е.*, 2007. Каменная иконка с образом святого всадника из находок на Новгородском (Рюриковом) городище 2005: вопросы интерпретации // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород. СПб: Дмитрий Буланин. С. 148–166.

- Овсянников О. В., Ясински М. Э., 2003. Пустозерск: Русский город в Арктике / ред. Т. Г. Бугакова. СПб: Петербургское Востоковедение. 400 с.
- Пивоваров С., 2011. Медальйон зі святим вершником з літописного Василева: спроба інтерпретації // Матеріали І дослідження з археології Прикарпаття І Волині. Вып. 15. С. 392–396.
- Седова М. В., 1978. Ярополч-Залесский. М.: Наука. 117 с.
- Седова М. В., 1985. Актовая княжеская печать из Суздаля // Слово о полку Игореве и его время. М. С. 357–363.
- Седова М. В., 2006. Нателные иконки с изображением Св. Георгия Ростово-Суздальской Руси (XI–XIII вв.) // Г. К. Вагнер – ученый, художник, человек. М.: ИМЛИ РАН. 2006. С. 241–251.
- Сидоренко Г. В., 1994. Памятник монументальной пластики эпохи киевской Руси // Искусство Древней Руси. Проблемы иконографии. М. С. 169–179.
- Степаненко В. П., 2000. Образ святого Георгия – всадника в Византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие (Проблемы истории России. Вып. 3). Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 106–117.
- Толочко П. П., 2011. Власть в Древней Руси. X–XIII века. СПб.: Алетейя. 202 с.
- Фроянов И. Я., 2012. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть / Учеб. пособие. М.: Русский издательский центр. 1222 с.
- Чукова Т. А., 2006. Иконография Христа, Божией Матери и Святых на древнерусских металлических актовых печатях x–xv вв. (фрагменты книги) // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб: Петербургское Востоковедение. С. 28–57.
- Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X – начала XIII вв. М.: Наука. 326 с.
- Zolkowska J., 2011. Disc pendants with St. George's image from the Early Mediaeval period in Poland // Rome, Constantinople and newly-converted Europe. Archaeological and historical Evidence M. Salamon, M. Hardt, M. P. Kruk, A. E. Musin, P. Spehar, A. Sulikowska-Gaska, M. Woloszyn (eds.) U zrodel Europy Srodkowo-wschodniej / Fruhzeit Os tmitteleu ropas, vol. I Krakow – Leipzig – Rzeszow. P. 193–202.

К. В. Горлов, В. Н. Седых

Датирующие возможности нумизматического материала (на примере погребений с монетами Ярославского Поволжья)

K. V. Gorlov, V. N. Sedykh. Opportunities of Numismatic Material Dating (on the example of burials with coins from the Yaroslavl Volga region)

Abstract. Coins in ancient graves have repeatedly drawn the attention of researchers as a reference source for complexes dating: some researches took the date of minting as the basis of burial complexes chronology for granted, others believed that the coin could have got into the burial after a considerable period of time after minting. Both views exist in science parallel to each other.

To test numismatic chronology validity we examined the datings of the burials with coins of the Yaroslavl Volga region, made on the basis of the storage material. The chronology of the complexes was correlated with that of coins. As a result, it was found that the coins from the graves were of “later” origin as compared with the analyzed complexes, and therefore could not be used as principal chronological indicator.

Ключевые слова: погребения, погребальный инвентарь, монетный материал, дата чеканки, датирование.

Keywords: burials, grave goods, coins, date of minting, dating

Монеты в древнерусских погребениях неоднократно привлекали внимание исследователей. Прежде всего они рассматривались как опорный источник для датировки комплексов. При этом в конце XIX – первой половине XX в. археологи в подавляющем большинстве датировали, например, погребения, указывая на даты чеканки монет как на время совершения захоронений, говоря о минимальном запаздывании (*Станкевич*, 1941. С. 68; *Голубева*, 1949. С. 109, 112, 113 и др.). Впервые на примере ряда закрытых комплексов на возможность длительного запаздывания иностранных монет¹ в пределах Древней Руси указала Г. Ф. Корзухина (*Корзухина*, 1954. С. 15). Аналогичных взглядов придерживался М. К. Каргер (*Каргер*, 1958. С. 222, 256). Но, несмотря на это, традиция датировать погребения по датам монет с минимальным запаздыванием сохранялась (*Шмидт*, 1957. С. 192, 193).

¹ В том числе на несколько столетий.

Перелом в сложившемся подходе произвели работы В. М. Потина, в которых специально рассматривалась проблема определения временного промежутка, затрачиваемого на бытование монет (*Потин*, 1971; 1981; 1982). Опираясь на неполную источниковую базу, исследователь показал, что в погребениях IX–X вв. запаздывание могло составлять 50 лет, а часто и значительно больше. В периоды интенсивного притока монет на Северо-Запад продолжительность их бытования составляла 30–40 лет, а в периоды замедленного притока достигала, по мнению исследователя, 200 лет (*Потин*, 1971. С. 71). Выводы В. М. Потина заставили исследователей с большей осторожностью относиться к нумизматической хронологии.

В каталоге Т. В. Равдиной проблемы монетной датировки не были затронуты (*Равдина*, 1988).

В последнее время появился ряд исследований, в которых хронологические расчеты построены с опорой на нумизматическую хронологию (*Енуков*, 2007; *Кулешов*, 2012. С. 162–184; *Толочко*, 2013. С. 41–45). Эти работы характеризует, с одной стороны, указание на минимальное запаздывание монет, с другой – отсутствие специальной методики монетной датировки, без которой, по мнению В. М. Потина, использование монет в качестве полноценного датировочного маркера невозможно.

Попробуем на примере погребальных памятников Ярославского Поволжья² (Тимерёвский, Михайловский и Петровский могильники) проследить, насколько точно дата чеканки монет может указывать на время совершения погребения.

При датировании погребений хронологические расчеты исполнялись нами без учета монет. Применялся метод синхронизации погребального инвентаря с находками из Новгорода. Этот способ, предложенный Ю. М. Лесманом, не раз подтвердил свою надежность и возможность использования с определенными оговорками за пределами Новгородской земли (*Лесман*, 1984. С. 118–153; 2008. С. 124–147). В качестве хронологических реперов привлекался материал Старой Ладogi и Рюрикова городища. В ряде случаев надежной базой выступала «бусинная хронология».

Всего в погребениях указанных могильников найдено не менее 43 монет, обнаруженных в 28 захоронениях. Дирхамов было найдено не менее 38, западноевропейских денариев – 4³ и одна полудрахма. Дирхамы из курганов № 17,

² Материал этих некрополей в контексте приведенной темы интересен благодаря их длительному функционированию (не менее 150-ти лет), биритуализму обряда погребения (монет из состава погребений, совершенных по обряду кремации, по отношению к ингумациям, найдено крайне мало), погребальному инвентарю, допускающему его использование в качестве хронологического индикатора, практически полному исследованию памятников и опубликованностью большей части материалов.

³ В работе Н. Г. Недошивиной и С. С. Зозули указано, что из Ярославского Поволжья происходит 8 денариев, что неверно. Авторы приводят находку монеты Оттона и Адельгейды из кургана № 4 раскопок И. А. Кельсиева, а также подражание денарию Оттона и Адельгейды из кургана № 31, однако это одно и то же захоронение. Авторы также, ссылаясь на В. М. Потина, приводят еще два денария из раскопок 1878 г., но Т. В. Равдина убедительно доказала, что это неверно (*Недошивина, Зозуля*, 2012. С. 188, 189).

65, 78, 120, 141, 299⁴ по причине плохой сохранности не определены. Это исключает возможность подсчетов времени запаздывания монет. Детальная хронология комплексов, из которых они происходят, представлена не будет.

Начнем рассмотрение хронологии погребений с наиболее надежно датированных на основании вещевого инвентаря.

Курган № 95⁵. Здесь было совершено одновременное захоронение по обряду кремации женщины и ребенка (Дубов, 1976. С. 82–86; Седых, Френкель, 2014. С. 165–197).

Среди кальцинированных костей обнаружены дирхамы Омейядов, отчеканенные до 750 г., и аббасидский дирхам ал-Мансура 769 г. с ушком, а также полудрахма аббасидских наместников Табаристана, анонимный чекан 780–788 гг.

Наиболее значимым в качестве хронологического индикатора потенциалом в составе инвентаря погребения обладают наборы бус, датированные в литературе разным временем (Дубов, 1982. С. 128). В. Н. Седых и Я. В. Френкель, тщательно разобрав состав ожерелья с типологической и хронологической позиций, пришли к выводу, что в погребении зафиксировано две разновременные группы бус (Седых, Френкель, 2014. С. 165–198). К первой относятся каменные украшения со следами термического воздействия. Дата их бытования начинается со второй четверти X в. Ко второй – стеклянные мозаичные бусы с отсутствием следов пребывания в огне. Здесь хронологические рамки украшений находятся в пределах конца IX – середины X в.⁶

На основании «бусинной хронологии» основное погребение кургана № 95 можно датировать второй четвертью X в.

Время бытования других вещей из состава погребения не противоречит предложенной датировке. Фрагменты костяного одностороннего наборного гребня, относящегося ко II группе типологии О. И. Давидан, можно датировать с конца IX в. (находки из Земляного Городища Старой Лядоги, Пскова). Верхняя хронологическая граница (на основании новгородских находок) лимитируется 1096 г. (Давидан, 1962. С. 95–108; Платонова и др., 2007. С. 174; Кондратьева, 2011. С. 73, 74).

Фрагмент скорлупообразной фибулы, отнесенный в литературе к различным типам⁷, – 27, 30, 31 (Дубов, 1976. С. 86); 37.11 (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 79) – слишком мал и сильно поврежден огнем, из-за чего, скорее всего, исключена возможность типологического анализа (Седых, Френкель, 2014. С. 167).

⁴ Курганы № 17 и № 65, Михайловское, 1961 г. Раскопки Н. Г. Недошивиной, экспедиция ГИМ; курган № 120, Большое Тимерёво 1939 г. Раскопки Я. В. Станкевич, экспедиция ИИМК им. Н. Я. Марра; курганы № 141 и № 299, Большое Тимерёво, 1960 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ; курган № 78, Петровское, 1962–1963 гг. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ (Станкевич, 1941. С. 56–88; Ярославское Поволжье, 1963. С. 5–19, 20–23, 24–31, 78, 105, 106, 117, 141).

⁵ Большое Тимерёво, 1973 г. Раскопки И. В. Дубова, экспедиция ЛГУ.

⁶ В. Н. Седых и Я. В. Френкель считают, что бусы «группы 1» входили в погребальный убор, а бусы «группы 2», скорее всего, являются погребальным даром (Седых, Френкель, 2014. С. 196–198).

⁷ Для фибул здесь и далее применена типология Я. Петерсена и И. Янссона (Petersen, 1928; Jansson, 1985).

Таким образом, данное погребение может быть датировано рамками 925–950 гг.

В кургане № 348⁸ исследовано вводное погребение, совершенное в камере. Здесь была захоронена женщина в сидячем положении (*Недошивина, Фехнер*, 1985. С. 108).

Найденные при костяке дирхам Харуна ар-Рашида 803/804 гг. и английская монета Эдмунда, отчеканенная около 900 г., входили в состав ожерелья.

Среди погребального инвентаря, сопровождающего покойную, с хронологических позиций интересны двускорлупные фибулы Р-51В⁹. На территории Древней Руси такие изделия следует датировать с X в. по (условно) 1026 г. (находка из Новгорода)¹⁰ (*Седова*, 1981. С. 84; *Рыбина, Хвоцинская*, 2010. С. 71, 72).

Нож с деревянной рукоятью, обмотанной проволокой, относится к типу IV, по классификации Р. С. Минасяна. В пределах древнерусской территории наиболее ранние ножи происходят из горизонта Е₃ Земляного городища Старой Ладogi (с 750–760-х гг. по 810 – около 840 гг.). Из употребления на Северо-Западе Руси такие ножи выходят к 1197 г. (*Минасян*, 1980. С. 73, 74; *Лесман*, 1984. С. 138; *Завьялов, Терехова*, 2014. С. 313, 314).

Рукоять рассматриваемого ножа была обмотана серебряной проволокой. По мнению Ю. М. Лесмана, этот технический прием присущ ножам IV группы, для которых типично широкое основание черенка и значительная его толщина. Дополнительный крепеж в виде обмотки рукояти проволокой (из серебра или медного сплава) обеспечивал более надежное соединение ее с черенком. Такие ножи известны в комплексах с X по XII в. (*Лесман*, 2014. С. 46).

Перстень салтовского типа, обнаруженный на пальце правой руки костяка, по классификации С. А. Плетневой относится к типу III¹¹. По мнению С. А. Плетневой, период использования таких изделий ограничивается второй половиной IX – первым десятилетием X в. (*Плетнева*, 1967. С. 137, 140, 144). В пределах древнерусской территории известен ряд комплексов X в., в составе которых выявлены такие украшения, что позволяет говорить об их единичном бытовании.

Наиболее узкодатируемым предметом в составе комплекса является односторонний наборный гребень с накладками из медного сплава. На территории

⁸ Большое Тимерёво, 1976 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ.

⁹ Данный факт в первую очередь важен тем, что в составе более позднего камерного погребения оказались фибулы более раннего типа, нежели в раннем захоронении, совершенном по обряду кремации, которое было частично разрушено рассматриваемым камерным погребением (*Зозуля*, 2012. С. 93).

¹⁰ В статье Ф. А. Андрощука, посвященной хронологии фибул типа Р-51 в восточнославянском ареале, автор приходит к выводу, что подавляющая масса таких находок бытовала на Руси в первой половине X в., и лишь единичные экземпляры – во второй (*Андрощук*, 1999. С. 89–94). Однако исследователь рассматривает далеко не все находки фибул с территории Руси (не указана, например, находка из Новгорода, имеющая дендродаты). Кроме того, во многих случаях Ф. А. Андрощук оперирует датами курганов, которые в современной археологической литературе пересмотрены.

¹¹ Об арабской надписи на каменной вставке перстня см. статью С. С. Зозули (*Зозуля*, 2012. С. 90–98).

Древней Руси такие «элитные» и немногочисленные¹² гребни бытуют со второй половины X в. по, условно, 1003 г. (Дементьева, 2014. С. 146; Горлов, 2015).

Хронологический потенциал гребня позволяет отнести совершение этого погребения ко второй половине X – началу XI в.

В кургане № 297¹³ в камере присутствовало одновременное захоронение женщины 30–40 лет и девочки-подростка 11–13 лет (Дубов, Седых, 1992. С. 115–123).

Относившийся к костяку ребенка дирхам-подвеска Харуна ар-Рашида 804/805 гг., возможно, входил в состав ожерелья.

Хронологическими возможностями среди погребального инвентаря здесь обладают следующие предметы.

Двускорлупные фибулы типа Р-51К, датирующиеся с X в. по 1026 г.

Серебряная подковообразная спиралеконечная фибула с тордированным дротом дуги. В пределах древнерусской территории находки таких изделий немногочисленны. И. Янсзон указывает, что их распространение практически ограничено Биркой. Исследователь пишет, что «Скандинавские женщины в ранний период викингов не использовали металлических застежек на нижней одежде, но в средний период викингов¹⁴ стало обычным скреплять нижнюю рубаху у горла маленькими фибулами» (Янсзон, 1999. С. 24). Аналогичные находки с Рюрикова датируются X в. (Хвощинская, 1999. С. 45–47), к которому мы и относим бытование таких изделий на Руси.

Перстень салтовского типа, относящийся по классификации С. А. Плетневой к типу I. Дата: VIII – первая половина IX в. (Плетнева, 1967. С. 137–141) с единичным бытованием на Руси в X в.

Нож с деревянной рукоятью, обмотанной серебряной проволокой, принадлежит к типу IV, по классификации Р. М. Минасяна, и датируется X–XII вв.

Вещевая хронология относит время совершения этого погребения к X – началу XI в. Сузить этот отрезок можно на основании особенностей погребального обряда. По мнению К. А. Михайлова, камерные погребения в Ярославском Поволжье появились не ранее середины X в., с чем мы согласны (Михайлов, 2011. С. 173).

Таким образом, курган 297 можно датировать второй половиной X – началом XI в.

В кургане № 54¹⁵ была обнаружена кремация мужчины пожилого возраста в основании насыпи (Ярославское Поволжье, 1963. С. 5–19, 100).

Среди кальцинированных костей зафиксирован аббасидский дирхам Харуна ар-Рашида 805–809 гг. с отверстием.

Из вещей, сопровождающих погребенного, выделяется железная дротовая шейная гривна, перекрученная в нескольких местах. Один конец завершается петлей, другой обломан. Уникальность изделия придает присутствие спирали из медного сплава, которой была обвита дуга.

¹² Зафиксировано всего девять экземпляров.

¹³ Большое Тимерёво, 1984–1985 гг. Раскопки В. Н. Седых, экспедиция ЛГУ.

¹⁴ Т. е. в 891–980 гг. (Лебедев, 2005. С. 60).

¹⁵ Большое Тимерёво, 1961 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ.

Наиболее ранние железные гривны из перевитого четырехгранного дроба происходят из Старой Ладogi: Земляное городище, культурный слой середины VIII в. (*Давидан*, 1976. С. 112); Варяжская улица, слой 60–90-х гг. X в. (*Петренко*, 1985. С. 112, 113). На Рюриковом городище наиболее древние аналогичные изделия датируются второй половиной – концом IX в., а поздние – третьей четвертью X в. (*Носов*, 1990. С. 158; *Дорофеева*, 2013. С. 200–207).

Рассматриваемую гривну, несмотря на наличие оплетки из проволоки, следует датировать вместе с «простыми» железными гривнами: с середины VIII по начало XI в. (*Седова*, 1981. С. 23).

В состав погребения входили фрагменты двух односторонних наборных гребней. Накладки одного из них имели «флажковый орнамент». Оба изделия принадлежат, скорее всего, ко второй группе гребней, по типологии О. И. Давидан, и бытуют с конца IX в. по 1096 г.

Ланцетовидный четырехгранный наконечник стрелы датирован А. Ф. Медведевым X – самым началом XI в. (*Медведев*, 1966. С. 79).

На основании вещевого материала данное погребение можно датировать рамками X – начала XI в.

В кургане № 18¹⁶ исследована кремация мужчины и женщины на стороне (*Тихомиров*, 1897). В погребении был аббасидский дирхам Харуна ар-Рашида 805–809 гг. с отверстием.

Датирующими возможностями в составе этого комплекса обладает меч, относящийся к типу E¹⁷. На основании особенностей орнамента рукояти¹⁸, выделенных С. Ю. Каиновым, меч принадлежит к варианту I (*Каинов*, 2001. С. 54–63). С. Ю. Каинов определяет дату бытования таких мечей на Руси как X в. (отметив «запаздывание» от Скандинавии) (Там же. С. 58). Эту датировку для Восточной Европы принял Ф. А. Андрощук (*Андрощук*, 2013. С. 51). В каталоге А. Н. Кирпичникова представлено 10 комплексов с мечами рассматриваемого типа: четыре из них автор относит к X в., один датирует «около 900-х гг.»; один – серединой X в.; один – второй половиной X в. и три – X–XI вв. (*Кирпичников*, 1966. С. 31).

Бытование двускорлупной фибулы типа P-51C также относится в X столетие, рамками которого и следует датировать это погребение.

В кургане № 284¹⁹ открыто сидячее погребение мужчины в камере (*Седых*, 2001. С. 178, 179).

В кошельке обнаружены два фрагмента дирхамов, один из которых отмечен Насром ибн Ахмадом в 918/919 гг., второй остался не определен.

Датировку захоронения уже рассматривали В. Н. Седых и Я. В. Френкель (*Седых, Френкель*, 2012. С. 301–305). На основании «бусинной хронологии»

¹⁶ Михайловское, 1897 г. Раскопки И. А. Тихомирова.

¹⁷ Типология Я. Петерсена, А. Н. Кирпичникова (*Petersen*, 1919. С. 75–80; *Кирпичников*, 1966. С. 30, 31).

¹⁸ Комбинирование ячеек.

¹⁹ Большое Тимерево, 1987 г. Раскопки В. Н. Седых, экспедиция ЛГУ.

можно сказать, что оно было совершено не ранее второй половины X в. Верхняя дата – в пределах XI в.²⁰ (*Седых, Френкель, 2012. С. 305*).

Время бытования других вещей: подковообразной спиралеконечной фибулы с тордированным дротом дуги из медного сплава, весовых гирек, бубенчиков, пуговицы, бляшки – не противоречат «бусинной хронологии».

Погребение можно датировать второй половиной X в. – первой половиной XI в.

В кургане № 100²¹ обнаружено захоронение мужчины и женщины в камере.

К мужскому костяку относился кошелек, в котором было обнаружено семь дирхамов Мансура ибн Нуха, отчеканенных с 967/968 по 976 гг.

На основании присутствия здесь восковой свечи и бусинного височного кольца нижнюю дату погребения следует отнести ко времени не ранее середины X в. (*Пушкина, 1997. С. 126, 127*). Аналогичная конусовидная свеча обнаружена в камерном захоронении № 6 (2008 г.) некрополя Пскова, совершенном, по мнению С. В. Белецкого, не ранее 960-х – начала 970-х гг. (*Белецкий, 2011. С. 47*). Верхняя хронологическая граница определяется рядом предметов вооружения и снаряжения верхового коня. В пользу такой датировки говорит и обряд погребения в камере.

Таким образом, на основании вещевого материала данное погребение можно датировать второй половиной X – началом XI в. Дата младшей монеты уточняет хронологию комплекса.

В кургане № 459²² обнаружена ингумация женщины в камере (*Недошивина, Фехнер, 1985. С. 101–115*).

В состав ожерелья погребенной входил крест, вырезанный из монеты Мансура ибн Нуха 969/970 г. Еще два дирхама, входившие в погребальный инвентарь, остались не определены.

Важнейшим датирующим предметом среди погребального инвентаря является широкосерединный серебряный перстень с завязанными концами. На его щиток нанесен орнамент «волчий зуб». Такие изделия в пределах древнерусской территории появляются не ранее середины X в. Широкое распространение получают с начала XI в. (*Лесман, 1995. С. 198; рукопись, в печати²³*).

Обломок массивной булавки с крестовидным навершием относится к первому типу, по классификации Н. В. Хвоцинской. В женских погребениях Захатовья они датируются XI – первой половиной XII в. (*Хвоцинская, 2004. С. 69, 70*). В Новгороде такие булавки появляются в первой четверти XI в. и бытуют до 1369 г. (*Лесман, 1990. С. 73*).

Есть основания полагать, что данная булавка могла использоваться в качестве нательного креста (Меч и златник, 2012. С. 131). Аналогичная булавка, использовавшаяся в качестве предмета личного благочестия при вторичном

²⁰ Вероятнее всего, первой половиной XI в.

²¹ Большое Тимерёво, 1974 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ.

²² Большое Тимерёво, 1977 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ.

²³ Имеется в виду рукопись книги Ю. М. Лесмана «Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.)».

применении, была найдена в кургане № 6 могильника Межно, датированного XII в. (Мусин, 2002. С. 183, 184).

Весовая гирька²⁴. Наиболее ранние весовые гирьки в пределах древнерусской территории были найдены в Старой Ладогe в слое 50-х гг. IX в. По мнению О. И. Давидан, широкое распространение на территории Руси такие гирьки получили в X в. (Давидан, 1987. С. 123).

Т. А. Пушкина указывает, что в гнёздовских погребениях конца IX – первой половины X в. бочонковидные и 14-гранные гирьки появляются практически одновременно. В Северной Европе обе формы гирек присутствуют в комплексах IX в. (Пушкина, 1991. С. 233).

В. Л. Янин, исследуя денежно-весовые системы Древней Руси, пришел к выводу, что гирьки и весы появляются вкладах с середины 50-х гг. X в., по причине пестроты веса монетного материала, расчет которым поштучно нельзя было производить (Янин, 2009. С. 159, 196). В Новгороде весовые гирьки встречаются в слоях X–XIII вв. (Там же. С. 194).

В качестве нижней даты весовых гирек мы принимаем 50-е гг. IX в., в качестве верхней даты – XIII в.

Монетовидные подвески, орнаментированные волютами, попадают в пределы Древней Руси в X в. и бытуют на протяжении двух последующих столетий²⁵ (Лесман, 1996. С. 68, 69).

На основании датировующих возможностей перстня данное погребение можно датировать серединой XI в. Дата ожерелья бус не противоречит этой дате.

В кургане № 237²⁶ было обнаружено два одновременных погребения по обряду кремации и ингумации (Станкевич, 1941. С. 56–88).

В области тазовых костей костяка найден дирхам Наср ибн Ахмада 914–943 гг., обрезанный в кружок. На монете прочерчено граффито в виде четырехконечного креста.

На основании присутствия среди погребального инвентаря фрагмента ложновитого браслета нижнюю дату погребения можно отнести к середине XI в.

²⁴ Примечательна находка гирьки среди инвентаря женского погребения. А. Стальсберг, проанализировав погребения с гирьками, указала, что торговый инвентарь встречается как в мужских, так и в женских захоронениях эпохи викингов. Исследователь пришла к выводу об участии части женщин Скандинавии и Руси в торговых операциях (Стальсберг, 1999. С. 158–163). К. А. Михайлов со ссылкой на ряд письменных источников предположил: «Весы, гирьки и монеты могут быть не только атрибутами средневековых торговцев, но и богатых и знатных членов раннесредневекового общества» (Михайлов, 2009. С. 183).

²⁵ На протяжении X в. изделия имеют незначительную зону распространения: Гнёздово (могильник и клады), Владимирские курганы (Городище и Васильково); в других памятниках единичны (Тимерёво, Рюриково городище, Шестовицы, Седнев, городище на р. Менке?). В XI–XII вв. ареал распространения подвесок резко расширяется и включает почти всю древнерусскую территорию (Лесман, 1996. С. 68, 69; 2014. С. 56).

²⁶ Большое Тимерёво, 1938 г. Раскопки Я. В. Станкевич, экспедиция ИИМК им. Н. Я. Марра.

(Лесман, 1990. С. 40–41²⁷). Остальные предметы имеют широкие даты бытования и не противоречат такой хронологии.

В погребении зафиксирован круговой горшок. Сосуд, изготовленный на гончарном круге, происходит из кургана 459, отнесенного нами к тому же времени. В пользу «поздней» даты можно привести нахождение кургана на окраине некрополя.

В 1987 г. исследован комплекс распаханного кургана на пограничном между могильником и поселением участке (Седых, 2007. С. 233, 234). Погребение было впущенное в остатки обжигательной печи²⁸ (Седых, Френкель, 2012. С. 308). Здесь обнаружен денарий Оттона III и Адельгейды, чеканенный в конце X – начале XI в. На основании «бусинной хронологии» комплекс следует датировать в пределах XI в.: «не раньше начала и не позже третьей четверти включительно» (Седых, Френкель, 2012. С. 310).

В кургане № 229²⁹ найдена кремация ребенка и собаки (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 101–115). Среди кальцинированных костей зафиксирован дирхам с ушком, оставшийся неопределенным.

В качестве хронологических реперов в составе инвентаря захоронения можно выделить: подковообразную спиралеконечную фибулу с дугой из тордированного дрота, изготовленную из медного сплава, односторонний наборный гребень и фрагмент глиняной лапы, что дает основания датировать погребение X в.

К малоинвентарным комплексам относятся 6 погребений (№ 7, 27, 125, 273, 278, 448, 470³⁰), совершенных по обряду кремации. В их составе найден немногочисленный материал, имеющий широкую датировку – не менее 200 лет. На основании этого захоронения следует датировать временем бытования кремации в курганах Ярославского Поволжья с конца IX по начало XI в. В курганах 31, 417 и в комплексе 1989 г.³¹ исследованы ингумации, что дает основания датировать погребения не ранее конца X в.

²⁷ В Новгороде ложновитые изделия появляются не ранее 1055 г. (при условии, если браслет не замкнут).

²⁸ Большое Тимерёво, 1987 г. Раскопки В. Н. Седых, экспедиция ЛГУ.

²⁹ Большое Тимерёво, 1976 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ.

³⁰ Курган № 7, Михайловское, 1897 г. Раскопки И. А. Тихомирова (Тихомиров, 1897); курган № 27, Михайловское, 1898 г. Раскопки И. А. Тихомирова (Тихомиров, 1898); курганы № 125, Большое Тимерёво, 1961 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ (Ярославское Поволжье, 1963 г. С. 5–19, 104); Курган № 273, Большое Тимерёво, 1961 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ; курган № 278, Большое Тимерёво, 1959 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ; курган № 448, Большое Тимерёво, 1976 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ; курган № 470, Большое Тимерёво, 1978 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 101–115).

³¹ Большое Тимерёво, 1878 г. Раскопки А. И. Кельсиева; курган № 417 (Кельсиев, 1878), Большое Тимерёво, 1961 г. Раскопки М. В. Фехнер, экспедиция ГИМ; Большое Тимерёво, 1989 г. Раскопки В. Н. Седых, экспедиция ЛГУ.

Итоги

Наибольшее запаздывание дирхамов от нижней даты погребения составляет около 150 лет и наблюдается в четырех случаях; в пяти – приблизительно на 100 лет; на 76 лет – в одном и около 30 лет – в двух захоронениях.

Запаздывание от верхней даты погребений в одном случае составляет около 300 лет, в восьми – около 200 лет, в семи – от 80 до 100 лет; в семи – на 50 лет; в одном – от 24 до 37.

В семи захоронениях дата чеканки арабского серебра может указывать на время совершения погребения. Но такой результат является следствием широкой хронологии комплексов, монета здесь может лишь уточнить ее.

Наибольшее запаздывание наблюдается у монет-украшений³²: в среднем от 100 до 200 лет. Большая часть подвесок здесь изготовлена из монет Аббасидского халифа Харун ар-Рашида (отчеканены в 803–809 гг.), в одном случае был использован дирхам Омейядского халифа Валида I (712/713 гг.), и в одном – дирхам Ибрахима ибн ал-Аглаба династии Аглабидов (804 г. чеканки).

Из монет династии Саманидов (которых в рассматриваемых погребениях большинство) подвеска была сделана только один раз из дирхама Исмаил ибн Ахмада 895/896 гг.³³ Две монеты, из которых перед самым положением в погребение были вырезаны кресты, здесь не учитываются.

Минимальное запаздывание наблюдается у дирхамов, найденных в погребениях в кошельках вместе с гирьками. Это монеты династии Саманидов X в.

Выделяется группа монет Омейядов и Аббасидов VIII в., не имеющих признаков монет-украшений и происходящих из погребений X в. Вероятно, они могли попасть на Русь в IV период обращения дирхама. Вероятно, монеты Харун ар-Рашида по причине высокой пробы серебра и сохранения относительно большого веса специально отбирались для использования в качестве подвесок.

Интересны три дирхама, из которых были вырезаны крестики³⁴. Все три предмета происходят из погребений конца X – начала XI в. Два крестика были вырезаны из дирхамов конца X в. и один – из дирхама первой половины X в., обрезанного по краю в процессе обращения, что дает основания говорить об использовании денежного знака в конце X в. Можно предположить, что в конце X – начале XI в. под рукой у человека, вырезавшего из куфического серебра христианские символы, находились «свежие» монеты.

Из четырех западноевропейских монет запаздывание от 50 до 100 лет мы можем отметить только у денария, отчеканенного в Уэссексе около 900 г. Даты чеканки у одного денария Оттона III и Адельгейды и одного подражания этой монете могут либо указывать на время совершения погребения, либо отставать

³² Их индикатором является присутствие ушек или отверстий.

³³ Или Исмаила ибн Ахмада, 896/897 гг.

³⁴ К этой группе мы относим и обрезанный по краю дирхам, на одной из сторон которого был процарапан четырехконечный крест с расширяющимися концами. Из монеты должен был быть вырезан крест, но во время этой операции один из краев обломился, и изделие осталось не завершено (Седых, 2007. С. 237).

от него до 50 лет. Денарий графа Бруно III (1038–1057 гг.) в контексте верхней даты функционирования Тимерёвского некрополя может указывать на время совершения погребения.

Мы видим сложность использования нумизматического материала в качестве хронологического индикатора при датировке закрытых комплексов. Перспективными направлениями дальнейших археолого-нумизматических исследований, направленных на разработку нумизматической хронологии, являются: углубленное сопоставление нумизматической хронологии с датами вещей, обоснованными дендрохронологией различных видов памятников, разработка динамики и хронологии поступления различных типов монет в пределы рассматриваемой территории (Потин, 1971. С. 50–52; Талвио, 1984. 176–181).

Литература

- Андрощук Ф. А., 1999. К датировке скандинавских фибул типа Petersen-51 // *Vita Antiqua*. 1999. № 1.
- Андрощук Ф., 2013. Мечи викингов. Киев.
- Белецкий С. В., 2011. Две древнерусские геральдические подвески // АИППЗ: Мат. 57 заседания.
- Голубева Л. А., 1949. Киевский некрополь // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 (МИА. № 11).
- Горлов К. В., 2015. Хронология односторонних наборных гребней с накладками из медного сплава на территории Древней Руси // Записки ИИМК. № 11.
- Давидан О. И., 1962. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 4.
- Давидан О. И., 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Вып. 17.
- Давидан О. И., 1987. Весовые гирьки Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 28.
- Дементьева А. С., 2014. Односторонние составные гребни с металлическими накладками из Гнёздова // Российская археология. 2014. № 1.
- Дорофеева Т. С., 2013. Шейные гривны и привески-«молоточки Тора» с Городища под Новгородом (по материалам раскопок 1975–2012 гг.) // ННЗ. Вып. 27.
- Дубов И. В., 1976. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. Вып. 146.
- Дубов И. В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
- Дубов И. В., Седых В. Н., 1992. Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб.
- Енуков В. В., 2007. К вопросу о динамике импорта сердоликовых бус на территорию Восточной Европы // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н., 2014. Становление ремесла на Руси в раннегосударственный период (по материалам кузнечества Новгородской земли) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда.
- Зозуля С. С., 2012. Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимерёвского некрополя // Российская археология. 2004. № 4.
- Каинов С. Ю., 2001. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (К вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ (Вып. 124).
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев. Т. 1. М – Л.
- Кельсиев А. И., 1878. Раскопки, произведенные в ярославской и тверской губерниях в 1878 г. Из протоколов заседаний комитета по устройству антропологической

- выставки императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. № 38. М.
- Кирпичников А. Н.*, 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. (САИ. Вып. Е1–36).
- Кондратьева О. А.*, 2011. Гребни IX–XI вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве, Древней Руси – России. СПб.
- Корзухина Г. Ф.*, 1954. Русские клады IX–XIII вв. М. – Л.
- Кулешов В. С.*, 2012. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Первые каменные храмы Древней Руси. Труды ГЭ (Т. LXV).
- Лебедев Г. С.*, 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.
- Лесман Ю. М.*, 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: (принципы синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.
- Лесман Ю. М.*, 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода: (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода: 1988. М..
- Лесман Ю. М.*, 1995. Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши: к хронологии изменений погребального обряда // Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга (1839–1903): 17-е заседание древнерусского семинара «Храм и Культура». Сборник материалов. Вып. 8. СПб.
- Лесман Ю. М.*, 1996. К динамике развития североευропейских традиций в древнерусской культуре: монетовидные подвески орнаментированные волотами // Ладога и Северная Европа. СПб.
- Лесман Ю. М.*, 2008. Переяславский курганный могильник «За тюрьмой» в раскопках В. М. Щербаковского: некоторые наблюдения над хронологией // Наукові записки з української історії. Вып. 20. Переяслав-Хмельницький.
- Лесман Ю. М.*, 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры // *Stratum plus*. № 5.
- Лесман Ю. М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.). Рукопись, в печати.
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. (САИ. Вып. Е1–36).
- Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. М.
- Минасян Р. С.*, 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Вып. 21. Л.
- Михайлов К. А.*, 2009. Погребальные памятники как отражение социальной стратификации древнерусского общества в эпоху раннего средневековья // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Труды ГЭ (Т. XLVIII)
- Михайлов К. А.* 2011. Древнерусские камерные погребения в Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Тр. ГИМ. (Вып. 124).
- Мусин А. Е.*, 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. СПб.
- Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.*, 1985. Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. № 2.
- Недошивина Н. Г., Зозуля С. С.*, 2012. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера.
- Носов Е. Н.*, 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Петренко В. П.*, 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л.

- Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М., 2007. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб.
- Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура. МИА. (№ 142).
- Потин В. М., 1971. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии. Труды ГЭ. (Т. 12).
- Потин В. М., 1981. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Труды ГЭ. (Т. 21)
- Потин В. М., 1982. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Пушкина Т. А., 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М.
- Пушкина Т. А. 1997. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Погребальный обряд. Труды ГИМ. (Вып. 93).
- Равдина Т. В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М.
- Рыбина Е. А., Хвоцинская Н. В., 2010. Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седых В. Н., 2001. Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Казань.
- Седых В. Н., 2007. Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории. М.
- Седых В. Н., Френкель Я. В., 2012. Бусы из погребальных комплексов Тимерево: хронологический аспект // Тихомировские краеведческие чтения. Т. XIII. Ярославль.
- Седых В. Н., Френкель Я. В., 2014. О времени и обряде основного погребения кургана 95 Тимеревского могильника // Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция. Ярославль – Рыбинск.
- Стальсберг А., 1999. Торговый инвентарь женских погребений эпохи викингов (субъективная интерпретация) // *Stratum plus*. № 5.
- Станкевич Я. В., 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X ст. // Этногенез восточных славян. Т. 1. (МИА. № 6).
- Талвио Т., 1984. Монеты из захоронений эпох викингов и крестовых походов в Финляндии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.
- Тихомиров И. А., 1897. Отчет о раскопках курганных кладбищ под селцом Михайловское Сереновской волости Ярославских уезда и губернии // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, д. 52.
- Тихомиров И. А., 1898. Отчет о раскопках курганных кладбищ под селцом Михайловское Сереновской волости Ярославских уезда и губернии // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, д. 187.
- Толочко П. П., 2013. Ранняя Русь: история и археология. СПб.
- Фехнер М. В., Недошивина Н. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2.
- Хвоцинская Н. В., 1999. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Хвоцинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовы). СПб.
- Шмидт Е. А., 1957. Курганы XI–XIII вв. у д. Харлапова в Смоленском Поднепровье // МИСО. Вып. 2. Смоленск.

- Янин В. Л., 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур.
- Янссон И., 1999. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.
- Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. 1963. М.
- Jansson I., 1985 Ovals spannucklor. En studie av vikingatida standartsmucken med utgangspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala: Uppsala University Institute of North European Archaeology, (Archaeological Studies).
- Petersen J., 1919. De norske vikingesverd.
- Petersen J., 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger: Stavanger museum.

О. Н. Глазунова, Е. А. Шатыркина

Комплект уникальных печных изразцов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря как источник по истории России начала XVIII в.

O. N. Glazunova, E. A. Shatyorkina. A Unique Set of Stove Tiles of the Voskresensky New-Jerusalem Monastery as a Source for History of Russia of the Early 18th Century Study

Abstract. The article describes a unique set of stove tiles the New Jerusalem monastery of the early 18th century, emerged at the crossroads of different traditions: smooth painted Dutch tiles and Russian relief polychrome tile. Special attention is given to subjects representing genre scenes of Russian life of that time. Presumably the authors of the tile series were the captured Swedes Yan Flegner and Christian, and the manufacturer, who created a brand new original production technology with a relief notched plates stuck on top of a smooth face plate of the tile, probably was Roman Andreev.

Ключевые слова: изразцовое производство, Ново-Иерусалимский монастырь, жанровые сцены, этнография, изразцы, полива, голландские плитки, русский лубок.

Keywords: tile manufacturing, New Jerusalem Monastery, genre scenes, ethnography, tiles, glaze, Dutch tiles, Russian popular print ("lubok").

В коллекции печных изразцов Воскресенского монастыря есть небольшая серия, выделяющаяся даже на фоне того огромного разнообразия, которое присуще «разсаднику изразцового дела». Всего 37 обломков было обнаружено в процессе археологических раскопок Ново-Иерусалимской экспедиции Института археологии РАН 2009–2015 гг. (под руководством Л. А. Беляева) и 5 изразцов хранится в фондах Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим».¹ Среди археологизированных изразцов часть

¹ Выражаем благодарность хранителю изразцовой коллекции Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим» Ларисе Михайловне Чернениловой.

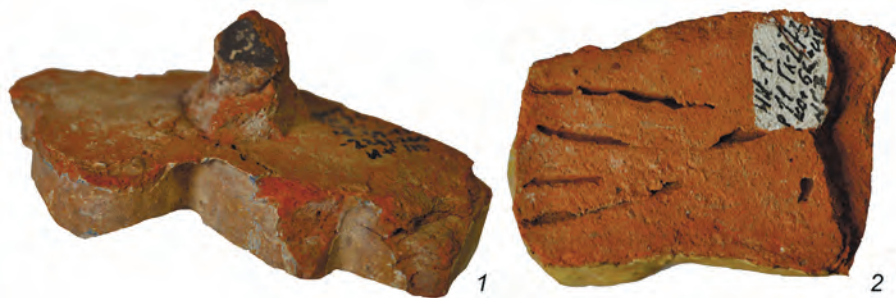

Рис. 1. Способы крепления фигурных пластинок
1 – штырек на оборотной стороне; 2 – насечки на оборотной стороне

была использована в печах, а часть представляет собой заготовки без поливы. Отдельные фрагменты встречались в разных частях монастыря. Комплекты собраны в основном в двух местах: бытовавшие изразцы тяготели к комплексу Трапезных палат,² заготовки – к Солодовым палатам.³

Изразцы представляют собой гладкую лицевую пластину (с румпой), на которую наклеены небольшие фигурные пластинки (шириной от 3,5 до 12,0 см и высотой 7,0–8,5 см) с рельефным изображением. Изготовлены они из красной глины, покрыты глухими непрозрачными поливами.

Фигурные пластинки отминались в форме, подсушивались, прикреплялись к гладкой лицевой поверхности, затем проходили первый обжиг и дальнейшую обработку (покрытие поливой и завершающий обжиг). Такая технология более нигде не известна. Прикреплялись они, судя по найденным образцам, по-разному: просто примазывались, притирались друг к другу с помощью специальных насечек (как ручки у глиняных сковородок) (рис. 1, 2) или же пластинка «вставлялась» в изразец с помощью глиняного штырька (рис. 1, 1). Разнообразие вариантов косвенным образом подтверждает неразработанность технологии.

Пластинки одинакового сюжета не имеют различий в деталях изображения, т.е. делались с одной матрицы. Одинаковые фигурные пластинки, судя по найденным фрагментам целых изразцов, крепились на лицевых пластинах в разных позициях, иногда и по нескольку одинаковых на одном изразце. Некоторые сюжеты встречаются и на лицевых изразцах, и на карнизных.

Существует три варианта расколеровки готовых изразцов: первый двуцветный – синий с белым рельефом и белой обводкой по краю пластинки; два других монохромны: с поливой желтовато-зеленого цвета и с поливой бирюзового

² В настоящее время печь в Трапезных палатах воссоздана (см. ниже, рис. 8, 2) благодаря поддержке Фонда по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и настоятелю игумену Феофилакту. Авторы проекта: Глазунова О. Н., Борзова С. В., архитектор ЦНРИМ Урадовских А. А.

³ В помещении Солодовых палат располагалась гончарная мастерская и горн для обжига изразцов (Глазунова, Данилов, 2014).

цвета.⁴ Найдено также некоторое количество заготовок без поливы. Датируются они первой третью XVIII в., не ранее 1709 г. и не позднее 1727 г.

Технология уникальна и более нигде не повторялась. Вполне может быть, что результат просто получился не слишком прочный. Но это только версия. История сохранила для нас имена изразечников. Вероятнее всего, это были отпавленные Петром I в Ново-Иерусалимский монастырь для реорганизации там изразцового производства пленники Ян Флегнер и Кристиан. Сделанные пленниками рисунки попадают в руки резчиков. Возможно, произошло просто недопонимание. Может быть, пленные мастера пытались объяснить, что пластина изразца должна быть гладкой. Получивший такое непростое задание, не соответствующее его профессиональному опыту, русский изразечник (вероятно, Роман Андреев) (*Леонид (Кавелин)*, 1876. С. 85) изготовил нечто уже совершенно новое: сделал требующуюся гладкую пластину и отдельные рельефные изображения, которые наклеил на нее сверху.

Петр I хотел получить гладкие расписные изразцы – голландскую кафлю. В монастыре же производили рельефные изразцы. В результате интереснейшего смешения стилей и технологий родилось нечто совершенно новое. Жаль, что царю этот результат не понравился. Приводим текст царского указа от 5 августа 1710 г.: «велено шведамъ, которые отданы в Воскресенской монастырь, ныне сделать немедленно швецким манеромъ печных изразцовъ гладкихъ белыхъ, а по нихъ травы синею краскою, какъ у князя Матфея Петровича Гагарина изъ добрые земли, а не съ такие, что образецъ казали...» (цит. по изд.: *Леонид (Кавелин)*, архим. 1876. С. 85–86).

Наиболее интересны здесь сюжеты. Сами по себе они довольно просты: сражающиеся воины; вооруженные всадники; пряха; крестьянка с граблями; крестьянин, кормящий домашнюю птицу; крестьянин с птичьими тушками в руке; другой крестьянин, несущий мешок; пиршественный стол, уставленный посудой; человек с кружкой в руке; вожак с медведем, хлопающий ему зритель и другие. Важно, что здесь изображены не герои мифов, не аллегории, а живые люди, современники изразечника, те, кого он видел вокруг себя. Близкие по сюжетам серии прослеживаются, как упоминалось выше, и в голландских изразцах. Это так называемые «человечки»; плитки, на которых изображались погруженные в свои повседневные занятия люди (среди них выделяется отдельная группа «всадники» и иные воины); плитки с изображением отдельных вещей и предметов быта.

История XVIII в., на первый взгляд, довольно хорошо снабжена источниками, в том числе и графическими. Однако это касается в основном второй половины или даже конца столетия. Именно к данному периоду относятся гравюры К. Г. Гейслера, Д. А. Аткинсона, академическое издание «Зрелище природы

⁴ Попутно отметим, что для изготовления поливы в это время (1709 г.) в монастырь было затребовано «по сказке тех иноземцев»: «свинцу 10 фунтов, олова 3 фунта, паташу фунт, краски лазори ½ фунта, соли 6 фунтов, белой глины два куса» Цит. по изд.: *Леонид (Кавелин)*, архим., 1876. С. 85. Скорее всего, поливу изготавливали сами мастера по своим рецептам.

и художеств» (СПб., 1784–1790). А в начале века бытовой жанр в России еще даже не зародился.

Это делает наши фигурные пластинки совершенно уникальным графическим историческим источником, к тому же ранее не известным. Более или менее ясно, что позы и в целом композиции имели свои прототипы, поиск которых еще только предстоит. Цель данной статьи – ввести новый источник в научный оборот.

Вот перечень найденных фигурок. Для удобства они снабжены краткими названиями.

«Сенокос. Женщина с граблями». Найдено 4 фрагмента:

1. Обломок пластинки с изображением верхней части фигуры женщины в высоком конусообразно расширяющемся головном уборе (кичке) и длиннополом одеянии. Полоска на шее может быть как ожерельем, так и вышитым воротом. На обломке видна верхняя часть граблей. Правая рука женщины согнута в локте и поднята. Ладонь охватывает черенок граблей. Левая рука согнута в локте и опущена. Размер: 4,5×5,0×1,0 см. Полива синего и белого цветов (рис. 2, 3).

2. Обломок пластинки с изображением той же верхней части фигуры женщины. Обломок несколько меньше первого. Правая рука отколота. Размер: 4,3×4,8×1,0 см. Полива синего и белого цветов (рис. 2, 2).

3. Обломок пластинки с изображением нижней части фигуры. Виден складчатый подол длиннополого одеяния, открывающего ноги по щиколотку, и незначительный кусок рабочей части граблей. Размер: 3,0×2,5×1,0 см. Полива синего и белого цветов (рис. 2, 2).

4. Фрагмент лицевой пластины с наклепленной фигурной пластинкой. Изображение частично сколото. Сохранилась нижняя часть фигуры. Виден складчатый подол длиннополого одеяния, открывающего ноги по щиколотку, и рабочая часть граблей с палкой. Грабли традиционной формы, деревянные. Размер лицевой пластины: 13,5×11,0 см; размер фигурной пластинки: 6,0×7,0×0,7 см. Полива бирюзового цвета. Фигурка женщины, сгребавшей сено, располагалась в левом верхнем углу изразца. (рис. 2, 1)

Костюм женщины более всего похож на традиционный народный женский костюм Тверской и западной части Московской губернии. Именно там носили такие конусообразные твердые кокошники. Они есть в музейных коллекциях (см., например, коллекцию ГИМ). В таких уборах изображены тверские крестьянки в разнообразных альбомах народных одежд. Консервативный в своей основе, этот костюм продолжает существовать и в XIX в.

Среди голландских изразцовых плиток, украшающих дворец А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге, есть изображения женщин, занятых на полевых работах, подобных нашему изображению.

«Пряха. Женщина, сидящая за прялкой». Найдена 1 фигурная пластинка, 1 фрагмент пояскового изразца с наклепленной фигурной пластинкой и 1 фрагмент лицевой пластины с наклепленной фигурной пластинкой.

1. Фигурная пластинка с изображением женщины в высоком конусообразно расширяющемся «рогатом» головном уборе и длиннополом одеянии,

Рис. 2. Фигурные изразцовые пластинки с сюжетами
1–3– «женщина с граблями» и 4, 6, 7 – «пряха»; 5 – лубок

сидящей на скамье и прядущей. Размер: 5,5×6,0×1,0 см. Полива синего и белого цветов (рис. 2, 4).

«Рогатый» головной убор – «кика» или «кичка» – традиционный головной убор замужней женщины в России. На одежде хорошо различимы обшлага длинных рукавов. Справа стоит прялка с куделью, в левой руке женщины веретено. Скамейка длинная на 4-х ножках, скрепленных планками. На длинной передней планке стоят ноги женщины. Верхняя часть прялки обломана, виден только краешек «лопаты», «ножка» и треугольное основание, переходящее в донце. Пряха правой рукой тянет кудель, а левой рукой прядет. Такое положение нетипично. Обычно делают наоборот: левой рукой тянут нить, правой – сматывают ее на веретено. Вряд ли перед нами левша, скорее всего, «обратное» положение рук объясняется достаточно распространенной ошибкой, когда при вырезании формы не учитывается смена положений отпечатка. Возможно также, что первоисточником композиции послужил парный

портрет работающей пары (Ровинский, 2002. С. 72. № 128–130) – крестьянина, плетущего лапти, и прядущей женщины (рис. 2, 5). В этом случае положение женщины определяется законами композиции такого портрета: мужчина слева, женщина – справа.

2. Фрагмент поясового изразца с наклепленной на него фигурной пластинкой с изображением прядущей женщины. Размер сохранившейся части изразца: 15,5×7,0×1,5 см, размер фигурной пластинки: 5,5×4,5×1,0 см. Полива синего и белого цветов. Низ фигурной пластинки обломан. Пластинка идентична описанной выше. Но на данном экземпляре сохранился левый верхний угол с изображением верхней части прялки с надетой на гребень куделью, утраченный на отдельной пластинке. Пластинка находится в левой части поясного изразца (рис. 2, 6).

3. Фрагмент левой нижней части лицевой пластины изразца с наклепленной фигурной пластинкой с изображением прядущей женщины. Размер сохранившейся пластины изразца: 8,0×8,2×1,5 см. Размер фигурной пластинки: 5,4×6,0×1,0 см. Полива желто-зеленого цвета. Наиболее полно сохранившаяся фигурная пластинка. Хорошо видны все особенности изображения, включая гребень с куделью, конструктивные особенности прялки, одежду женщины и скамейку (рис. 2, 7).

«Мужчина, несущий мешок». Найдено 3 фигурные пластинки:

1. Размер: 5,5×8,0×1,0 см. Полива синего и белого цветов, с оборотной стороны штырек для прикрепления пластинки к лицевой пластине изразца.

Изображен стоящий мужчина. Верхняя распахнутая одежда (кафтан) с высоким воротом подпоясана широким кушаком, узкие штаны заправлены в высокие сапоги. Возможно, есть и головной убор. Через левое плечо перекинут заполненный мешок, который мужчина держит левой рукой на уровне груди. В правой руке, слегка согнутой в локте, – приподнятый посох. Фигура развернута на 3/4 к зрителю. Голова и ноги – в профиль (рис. 3, 1).

2. Размер: 5,3×8,0×1,0 см. Заготовка без поливы. Полностью повторена поливная пластинка. На заготовке сбито изображение руки, держащей мешок, зато лучше виден профиль человека и три складки пояса (рис. 3, 2).

3. Размер: 5,2×4,2×1,0 см. Заготовка без поливы. Сохранилась верхняя часть изображения. Повторяется рисунок поливной пластины и заготовки. На данном фрагменте хорошо видны пальцы левой руки, держащие мешок, складки мешка и пояса, профиль головы с широкой нависшей бровью, носом-картошкой и слегка выпяченными губами (рис. 3, 4).

На гравюрах изображение человека с мешком⁵ обычно трактуется как изображение торговца. В нашем случае человек идет, так как изображен приподнимающим посох от земли. Изображения путников с мешком за плечами встречаются и на голландских изразцах (рис. 3, 6).

Найдена еще одна пластинка с изображением, весьма напоминающим фигуру, несущую мешок, но тем не менее не идентичным ей в деталях. К сожалению, сохранилась только нижняя левая часть фигуры (рис. 3, 5).

⁵ См., например, гравюру И. Х. Гейслера «Торговец свечами и торговец ягодами» (Государственный Эрмитаж, отдел гравюры). XVIII в.

Рис. 3. Фигурные изразцовые пластинки с сюжетами
 1, 2, 4, 5 – «мужчина, несущий мешок»; 3 – «человек с посохом»; 7 – «зритель»; 8–10 – «вожак с медведем»; 6 – изображение путника с посохом и мешком за плечами на дельфтской изразцовой плитке (XVII в.); 11 – глиняные игрушечные фигурки медведей в намордниках. XVI в.

«**Человек с посохом**». Найдена 1 фигурная пластинка. Размер: 5,5×8,0×1,0 см. Полива синего и белого цветов.

Верхняя распашная одежда (кафтан) человека подпоясана кушаком, узкие штаны заправлены в высокие сапоги. На голове шляпа с круглыми полями. Левая рука мужчины согнута и лежит чуть выше пояса. Согнутая правая рука поднята и вытянута вперед. В руке посох, верхняя часть которого утрачена (рис. 3, 3).

«**Вожак с медведем**». Найдены 3 фигурные пластинки.

1. Пластинка, в левой части которой – изображение медведя, в правой – человека. Размер: 8,0×8,5×1,0 см. Полива синего и белого цветов, вздулась пузырями и потрескалась (рис. 3, 9).

Медведь стоит на задних лапах (пляшет?). Хорошо виден его круглый глаз, маленькие ушки и мощное мускулистое тело. Человек правой рукой держит медведя за узду, в левой поднятой руке хлыст. Одет в распашную одежду, подпоясан. На голове круглая шляпа с полями. Часть правой руки и нижняя часть ног обломана.

2. Пластинка с изображением человека аналогична правой части пластины с изображением вожака с медведем. Левая часть с фигурой медведя обломана. Размер: 4,0×6,2×0,7 см. Заготовка без поливы (рис. 3, 10). В деталях просматривается одежда вожака: круглая шляпа с лентой и неширокими полями, распашное верхнее одеяние с косым запахом, подпоясанное кушаком. Хорошо видны концы завязанного пояса. Рукава узкие и длинные. Возможно, на руки надеты рукавицы, или же концы рукавов расширяются. Широкие штаны заправлены в высокие сапоги.

3. Размер: 8,2×8,7×1,0 см. Полива синего и белого цветов. Наиболее полно сохранившаяся композиция, читаются все детали (рис. 3, 8).

Изображение вожака с медведем – явление для России того времени довольно обыденное. Скоморохи с прирученными медведями часто встречались на дорогах, давали представления в населенных пунктах. Их упоминают заезжие иностранцы. В частности, описание вожаков с пляшущим медведем есть у Адама Олеария («Путешествие в Московию»). На иллюстрации к Шлезвигскому изданию 1656 г. вожак с медведем изображен издали, однако весьма напоминает композицию на изразце. Медведь в наморднике – одна из самых распространенных глиняных игрушек XVI в. (рис. 3, 11). Изображение вожака с медведем, подобное изразцовому, имеется на чернолощеной флейте XVI в., найденной при раскопках дворца в западном Подмосковье (хранится в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А. С. Пушкина «Большие Вяземы»).

«**Зритель**». Найдена 1 фигурная пластинка. Размер: 5,5×5,0×1,0 см. Заготовка без поливы. Голова отбита (рис. 3, 7). Представлен согнутый в поясе (приплясывающий?) мужчина, хлопающий в ладоши. Он одет в распашную одежду (кафтан), подвязанную широким кушаком. Узкие рукава заканчиваются широкими обшлагами. Штаны заправлены в сапоги.

Вероятно, изображен зритель представления скоморохов, такой же, как, например, на картине Ф. Н. Рисса «Скоморохи в деревне» (1857 г., Му-

зей В. А. Тропинина и московских художников его времени), где за спиной вожака с медведем стоит хлопающий в ладоши крестьянин.

«**Человек с кружкой**». Найдено 2 фрагмента изразцов.

1. Фрагмент лицевой пластины с наклепленной фигурной пластинкой, на которой изображен человек с кружкой в руке. Размер: 10,5×10,0×1,5 см; размер фигурной пластинки: 3,5×7,0×0,7 см. Полива синего и белого цветов.

Изображен слегка приплясывающий мужчина в короткой распашной одежде с широкими обшлагами узких рукавов. На голове конусообразная шапка с узкими полями (или отворотами). Штаны заправлены в сапоги. За спиной притороченный плащ (возможно, горб). Правая нога согнута в колене и приподнята. Левая рука согнута в локте и приподнята. В правой руке длинная кружка с крышкой (рис. 4, 6).

Такие кружки более характерны для европейского быта, хотя в России тоже встречаются, причем как европейского, так и местного производства.

2. Обломанный увеличивающий карниз с двумя наклепленными на него фигурными пластинками: в центре пластинка с изображением танцующей женщины, справа – с изображением человека с кружкой (рис. 4, 5). Слева же – след от третьей обломанной фигурной пластинки. Размер изразца: 16,0×11,5 см (полный размер карниза). Толщина лицевой пластины 1,5 см. Длина сохранившейся части румпы 9,0 см. Размер фигурной пластинки с изображением человека с кружкой, идентичного описанному выше, 4,0×7,0×1,0 см. Полива синего и белого цветов.

«**Танцующая**». Найден 1 карнизный изразец с наклепленной фигурной пластинкой.

На том же увеличивающем карнизе, в центре, расположена фигурная пластинка с изображением танцующей женщины. Размер фигурной пластинки: 4,0×8,5×1,0 см. Полива синего и белого цветов.

Изображена танцующая женщина в длинном складчатом одеянии, поверх которого надета верхняя распашная короткая одежда. На голове высокий головной убор (с вуалью?). Правой рукой женщина слегка приподнимает подол платья, левой придерживает полу верхней одежды (рис. 4, 5).

Близкие по композиции сюжеты можно найти в русском лубке (*Ровинский*, 2002, № 113).

«**Пляшущая**». Найдены 2 экземпляра.

1. Обломанный увеличивающий угловой карниз с двумя наклепленными на него фигурными пластинками. Размер сохранившейся части: 9,5×7,0×см. Толщина лицевой пластины 1,5 см. Длина сохранившейся части румпы 4,5 см. На левой стороне наклепена фигурная пластинка с изображением танцующей женщины, одетой в приталенное платье с широкими ниспадающими рукавами до локтя. На плечах у дамы шарф, который она придерживает левой рукой. Правая – слегка согнута в локте и поднята на уровень груди. Возможно, это фигурка парная для фигурки «кавалер».

Нижняя часть развевающейся пышной юбки обломана. Размер фигурной пластинки: 5,0×7,5×1,0 см. Полива синего и белого цветов (рис. 4, 3).

Рис. 4. Фигурные изразцовые пластинки с сюжетами

1 – «кавалер»; 3, 4 – «пляшущая»; 5 – «человек с кружкой» и «танцующая»; 6 – «человек с кружкой»; 7 – «пиршественный стол»; 2 – лубочная картинка «славный витязь Бова Королевич» (Ровинский, 2002, № 180)

2. Вероятно, фрагмент изразца с наклепленной такой же фигурной пластинкой, от которой сохранилась нижняя половина. Размер сохранившейся части 4,8×6,2×2,1 см. Размер фигурной пластинки 3,9×4,4×1,1 см. Полива желто-зеленого цвета (рис. 4, 4).

«**Кавалер**». Найдена 1 фигурная пластинка (рис. 4, 1). Размер: 4,3×7,8×1,0 см. Полива синего и белого цветов.

Представлен стоящий мужчина, одетый в короткую приталенную одежду европейского типа с длинными рукавами, снабженными широкими обшлагами, и узкие обтягивающие штаны. На ногах туфли с пряжками. Голова повернута влево и слегка наклонена. Правая рука прижата к груди (в этом месте часть изображения сколота). Левая рука вытянута вниз и вперед, касаясь раскрытыми пальцами среза фигурной пластины. Мужчина предлагает кому-то руку или же держит кого-то за руку. Возможно, это левая часть парного изображения, например, танцующей пары. Подобные изображения можно встретить в сюжетах лубка (рис. 4, 2).

«**Пиршественный стол**». Найдена 1 фигурная пластинка. Размер: 4,5×9,0×1,0 см. Полива синего и белого цветов. Изображен стол, накрытый длинной складчатой скатертью. На столе стоят 2 кувшина и 2 кубка (рис. 4, 7).

Это одна из двух найденных фигурных пластинок, на которых нет изображения человека. Судя по всему, представлен специальный столик для напитков. Такие небольшие дополнительные столы с расставленными на них кувшинами и кубками встречаются на изображениях свадебных и иных торжественных пиршеств.

«**Охотник**». Найден 1 карниз с фигурной пластинкой. Размер фигурной пластинки: 5,0×7,5 см. Полива синего и белого цветов. (рис. 5, 3)

Обломанный увеличивающий угловой карниз с двумя наклепленными на него фигурными пластинками. Размер сохранившейся части: 9,5×7,0 см. Толщина лицевой пластины 1,5 см. На правой стороне карниза наклепена фигурная пластинка с изображением стоящего мужчины, одетого в рубаху с высоким воротником и распашную верхнюю одежду, перепоасанную в талии. На ногах штаны, заправленные в высокие сапоги. В левой опущенной руке мужчина держит лук. Правая – согнута в локте и приподнята.

«**Огородные работы**». Найден фрагмент поясного изразца с двумя наклепленными фигурными пластинками. Размер изразца: 15,5×10,5×1,5 см. Полива синего и белого цветов.

Слева наклепена фигурная пластинка размером 6,5×8,0×1,0 см с изображением стоящего мужчины с граблями на плече, одетого в распашную подпоясанную верхнюю одежду. Узкие штаны заправлены в высокие сапоги. Правая рука согнута и лежит на поясе (или в кармане одежды). Левая рука оббивает черенок граблей и лежит на поясе. Грабли повернуты зубьями вверх. Сбоку от человека накрест к граблям стоит другое орудие труда (рис. 5, 2). Композиция напоминает изображение крестьянина на гравюрах Г. Гейслера (рис. 5, 4).

Справа наклепена фигурная пластинка с изображением мужчины, собирающего плоды с небольшого куста (рис. 5, 2). Размер: 10,0×7,5×1,0 см. Человек одет в распашную одежду, штаны и сапоги. Голова изображения обломана. Согнутая в локте правая рука поднята и вытянута вперед, кисть руки сомкнута вокруг веточки с плодом, обрывая ее. Согнутая в локте левая рука расположена чуть выше пояса (возможно, держит мешок или корзину).

Рис. 5. Фигурные изразцовые пластинки с сюжетами
 1 – «человек, несущий двух птиц»; 2 – «охотник»; 3 – «огородные работы»;
 4 – гравюра «Крестьянин», XVIII в. (ГЭ, отдел гравюры)

«Человек, кормящий домашнюю птицу». Поясной изразец с этим изображением есть в коллекции Музея «Новый Иерусалим». При археологических раскопках аналог не найден.

Полива синего и белого цветов. На фигурной пластинке, расположенной в левой части изразца, изображение мужчины в распашной одежде с широкими обшлагами и штанах, заправленных в сапоги. Мужчина наклонился над высоким широкогорлым сосудом и сыплет в него зерно. С другой стороны от сосуда стоит крупная домашняя длинношеяя птица, скорее всего гусь (или лебедь?).

«Человек, несущий двух птиц». Найден обломок лицевой пластины изразца размерами 7,5×11,0×1,5 см, размер фигурной пластинки: 4,5×8,0×0,7 см. За-

готовка без поливы (рис. 5, 1). Представлен мужчина в распашной одежде с высоким воротом, подпоясанный узким поясом с длинными свисающими концами. Узкие рукава кафтана снабжены широкими обшлагами. На голове конусообразная шляпа с небольшими полями. Штаны заправлены в сапоги. В тороке висят две птицы. Левой рукой мужчина придерживает ремень тороки на плече, правая – на поясе. Примерно так выглядит уличный торговец птицей на гравюре Г. А. Форсмана («Торговец птицей», 1810 г.).

«**Банщик**». Найдено 2 фрагмента.

1. Обломок лицевой пластины изразца с наклепленной фигурной пластинкой, которая находится в левом верхнем углу изразца. На фигурной пластинке изображен голый пузатый человечек. Размер: 9,5×8,0×1,5 см, размер фигурной пластинки: 3,5×5,5×1,0 см. Заготовка без поливы. Ноги человека полусогнуты, хорошо видны босые растопыренные пальцы. Руки согнуты в локтях. В правой руке человек держит мочалку (рис. 6, 2).

2. Обломок лицевой пластины изразца с наклепленной фигурной пластинкой. Левая нижняя часть, по-видимому, поясного изразца. Размер: 6,0×6,0×1,5 см, размер фигурной пластинки 2,5×2,0×0,7 см. Полива синего и белого цветов. Верхние части обеих пластин обломаны. На фигурной пластинке сохранилось изображение нижней части человеческих голых ног. Хорошо видны босые растопыренные пальцы (рис. 6, 1).

Фрагмент лицевой пластины изразца с фигурной пластинкой есть в коллекции музея «Новый Иерусалим». Он представляет собой обломок левой части лицевой пластины с наклепленной фигурной пластинкой. Полива синего и белого цветов, местами обгорела до черного цвета, вздулась пузырями и потрескалась. На фигурной пластине изображен человек на полусогнутых ногах. Его руки согнуты в локтях, в правой – какой-то круглый предмет (мочалка?).

«**Повозка**». Найден 1 фрагмент.

Поясной изразец с подобным изображением хранится в коллекции Музея «Новый Иерусалим». Полива синего и белого цветов.

На фигурной пластинке изображение скачущей лошади, запряженной в легкую повозку. Лошадью правит человек, сидящий на мягком сиденье со спинкой. На вознице широкие штаны, по типу напоминающие шаровары. Короткая верхняя одежда снабжена широкими длинными рукавами и стоячим воротником. На голове шляпа с широкими полями. На лошадь надеты хомут и упряжь. Картина отдаленно напоминает изображение одноколки.

«**Лошадь**». Найден 1 фрагмент фигурной пластинки с изображением скачущей лошади (или двух?) в легкой упряжи. Размер: 6,5×7,5×1,0 см. Полива синего и белого цветов (рис. 6, 3).

«**Возница**». Найден 1 фрагмент размерами 4,5×6,0×1,0 см. Заготовка без поливы (рис. 6, 4). Обломан со всех сторон. Видны оглобли и вожжи в руках управляющего повозкой человека. Возница сидит на козлах. Одет в распашную одежду с широкими обшлагами. Широкие штаны заправлены в сапоги. Может ли фрагмент составлять единое целое с изображением запряженной лошади, сказать трудно. Композиция напоминает иллюстрацию из издания «Путешествия по Московии» С. Герберштейна – «Путешествие на телеге».

Рис. 6. Фигурные изразцовые пластинки с сюжетом
1, 2 – «банщик»; 3, 4 – «повозка»; 5–7 – «всадник»

«**Всадник**». Найдено 3 фрагмента.

1. Фигурная пластинка с изображением всадника верхом на коне. Размер: 6,5×7,0×1,0 см. Заготовка без поливы (рис. 6, 5). Мощный конь с пышной гривой и развевающимся хвостом наклонил голову, ступает шагом, грациозно подняты левые передняя и задняя ноги. Всадник сидит в седле, ноги в стремянах, уздечка натянута. Одет в короткую верхнюю одежду с широкими обшлагами длинных рукавов. Широкие штаны заправлены в сапоги. На голове круглая шляпа с лентой и широкими полями. Одной рукой держит уздечку, в другой руке поднятый вверх острый клинок. Изображение, по-видимому, парадное.

2. Фрагмент лицевой пластины левого края изразца с наклепленной фигурной пластинкой. Размер: 8,5×9,5×1,5 см, размер фигурной пластинки: 6,5×6,0×1,0 см. Заготовка без поливы. Голова всадника обломана. Изображение полностью повторяет предыдущий фрагмент (рис. 6, 6).

3. Лицевой изразец с фрагментом наклепленной фигурной пластинки и следами от еще 4-х фигурных пластинок (рис. 6, 7). Размер: 22,0×25,0×1,5 см, размер фигурной пластинки: 5,0×7,0×0,7 см. Полива желто-зеленого цвета. От фигурной пластинки с изображением всадника сохранилась лишь верхняя часть фигуры и задняя часть головы. Судя по очертаниям обломков, на лицевом изразце было наклепано 3 одинаковых фигурных пластинки с всадниками. Сохранились следы еще одной фигурной пластинки с неизвестным изображением.

Близкие по стилю изображения всадников можно найти как в графике, например, среди иллюстраций к сочинению С. Герберштейна «Путешествие по Московии». Среди голландских изразцов есть целая серия «всадники»

«**Глашатай**». Найден 1 фрагмент нижней части фигурной пластинки, на котором сохранилось изображение нижней части мужской фигуры. Размер: 5,5×4,5×1,0 см. Полива желто-зеленого цвета. Сохранилась нижняя часть мужской фигуры, одетой в короткую распашную одежду. Одежда подпоясана. Штаны заправлены в сапоги. За спиной видно изображение длинного широкого плаща с завивающейся полрой. Изображение аналогично фрагменту из музейной коллекции (рис. 7, 5).

Обломок карнизного изразца с таким изображением имеется в коллекции Музея «Новый Иерусалим». Он представляет собой обломок левой части карнизного изразца с наклепленной фигурной пластинкой. Верхняя часть изображения обломана. Можно различить нижнюю часть мужской фигуры, одетой в распашную верхнюю одежду и штаны, заправленные в сапоги. На плечах длинный широкий плащ с завивающейся полрой. Руки согнуты в локтях. В руках человек держит наискось некий предмет.

«**Знаменосец**». Найден 1 фрагмент фигурной пластинки, на котором сохранилось изображение верхней части мужской фигуры. Размер: 7,0×5,0×1,0 см. Полива бирюзового цвета (рис. 7, 6). Простоволосый мужчина стоит вполоборота к зрителю. Одет в короткую распашную одежду с высоким воротом и широкими обшлагами длинных рукавов. Одежда подпоясана. Руки согнуты в локтях. Держит наискосок длинный предмет или же некий предмет на длинном древке (знамя?).

«Сражающиеся». Найдено 4 фрагмента.

Лицевой изразец с 4-мя парными фигурными пластинками имеется в коллекции Музея «Новый Иерусалим». Полива синего и белого цветов. Левый верхний угол изразца обломан и докомпонован реставраторами.

В левой части изразца расположены 2 одинаковые фигурные пластинки с изображением сражающегося человека. Простоволосый мужчина одет в короткую распашную одежду с длинными рукавами, подпоясанную в талии. Длинные рукава снабжены широкими обшлагами. Волосы растрепаны. Ноги полусогнуты. Штаны заправлены в сапоги. Ноги полусогнуты. Левая рука с растопыренными пальцами согнута в локте и поднята вверх для балансирования. Правая, в которой мужчины держит оружие (кинжал?), согнута в локте и резко выдвинута вперед. По-видимому, человек нападает, делая выпад оружием.

В правой части изразца – парные первым двум одинаковые фигурные пластинки, тоже с изображением сражающегося человека, который одет в короткую распашную одежду с длинными рукавами и штаны, заправленные в сапоги. Ноги полусогнуты. Левая рука вытянута вперед, в правой руке – оружие с длинным клинком. Судя по положению, человек падает, сраженный оружием нападающего. Таким образом, на изразце изображено сражение двух человек.

1. Фигурная пластинка с изображением сражающегося простоволосого человека (победителя). Размер: 7,7×5,5×1,0 см. Заготовка без поливы. Часть правой руки обломана. Изображение аналогично изображению на фигурных пластинках с левой части изразца из музейной коллекции (рис. 7, 2).

2. Фрагмент аналогичной пластинки. Размер: 7,5×5,5×1,0 см. Заготовка без поливы. Часть правой руки и левая рука обломаны, верхняя часть изображения утрачена (рис. 7, 3).

3. Фрагмент карнизного изразца (левая часть уменьшающего карниза) с наклепленной фигурной пластинкой с изображением сражающегося человека (победителя). Размер: 5,5×11,2×1,5 см, размер фигурной пластинки 4,5×8,0×1,0 см. Полива бирюзового цвета. Часть правой руки обломана (рис. 7, 1). Изображение аналогично вышеперечисленным. Отметим наличие одинаковых изображений на лицевой пластине и на карнизе печи.

4. Фрагмент фигурной пластинки с изображением сражающегося человека («побежденный»). Размер: 4,5×4,2×0,7 см. Полива синего и белого цветов, частично сколота. Верхняя часть пластинки обломана. Сохранилось изображение нижней части фигуры падающего человека. Фигура человека неестественно изогнута – он падает, сраженный ударом (рис. 7, 4). Изображение аналогично изображению с правой части изразца из музейной коллекции.

«Пушка». Найден 1 фрагмент лицевой пластины изразца с наклепленной фигурной пластинкой с изображением пушки. Размер: 7,5×4,5×3,0 см (1,5 см – толщина лицевой пластины изразца, 1,0 см – толщина фигурной пластинки, 0,5 см – высота рельефа). Полива бирюзового цвета.

Представлено изображение пушки. Хорошо видно колесо со спицами, запальник, лафет. Передняя часть дула обломана (рис. 7, 7). Рисунок практически совпадает с рисунком пушки в книге «Символы и эмблемата» 1705 года издания (Эмблемы и символы...) (рис. 7, 8).

Рис. 7. Фигурные изразцовые пластинки с сюжетами
 1–4 – «сражающиеся», 5 – «глашатай»; 6 – «знаменосец»; 7 – «пушка»;
 8 – изображение пушки (Эмблемы и символы, сюжет № 43)

Завершая перечень археологических находок, отметим, что, кроме фрагментов лицевых изразцов, были обнаружены фрагменты поясных (фризовых) изразцов, а также фрагменты как увеличивающих, так и уменьшающих карнизов, то есть печной набор (рис. 8, 2). В найденных фрагментах изразцов предстают живые зарисовки русской жизни. Отражены темы работы, войны, праздника, торговли, поездок, домашнего быта. Вероятно, мы располагаем далеко не всеми существовавшими элементами печного набора, однако даже то, что обнаружено, является интересным дополнительным источником по русской истории. Ничего подобного ранее известно не было. Многие композиции имеют прямые аналогии в народном лубке.

В технике самих изображений хорошо прослеживаются «две руки». То, что их было именно две, подтверждается не только документально, но и – косвенно – различиями в манере исполнения миниатюрных фигурок.

Изразцовые пластинки, принадлежащие руке первого мастера, прежде всего крупнее по размеру. Фигуры персонажей слегка вытянуты по вертикали, но в целом имеют пропорции, близкие к естественным. Рисунок – свободный, хотя и довольно подробный, с множеством правдоподобных деталей. Есть особенности и в высоте рельефа: наиболее приподнятыми по отношению к плоскому фону являются части изображения, расположенные на переднем плане, ближе к зрителю; и наоборот: чем дальше от зрителя та или иная деталь, тем ниже ее рельеф.

Но главным отличием манеры художника, на наш взгляд, является необычайная «живость» его персонажей. Большинство из них находится в свободном движении. Их предполагаемые прототипы как бы выхвачены авторским взглядом из толпы и мгновенно «зафиксированы», словно в кадре. Из-за этого «человечки» часто изображены в неустойчивых, нестабильных позах, не завершенных до конца поворотах. Жесты их очень выразительны, как, должно быть, и мимика. (К сожалению, тонкий рельеф, покрытый слоем поливы, местами сколотый, не дает нам точного представления о выражении лиц). Персонажи будто бы вышли из-под контроля автора, пытающегося их остановить, и продолжают движение. Именно благодаря своей «активности» отдельные рельефные фигурки так легко комбинируются на гладких изразцовых пластинах, свободно контактируя друг с другом в весьма правдоподобных сценках.

К этой группе можно отнести в первую очередь «сражающихся», которые, согласно изначальной задумке автора, образуют парную композицию. Отсюда же, несомненно, и фигурки «идущих человечков» – с мешком, с посохом, несущего птиц, – а также персонажи, которым по сюжету требуется «ответное», то есть парное изображение («зритель», «кавалер», «танцующая» и, конечно, «человек с кружкой»).

Ряд фигурных пластинок под условным названием «сельские работы», скорее всего, того же авторства, несмотря на гораздо меньшую подвижность героев. Они прекрасно komponуются на одной лицевой пластине, образуя некий сюжетный цикл. В пользу автора свидетельствует и ряд других отличий, свойственных его манере, – в размерах, рисунке, рельефе.

Фигурки, вышедшие из-под руки второго мастера, меньше по размеру, приземисты по пропорциям. Изображение обобщенное, без лишних подробностей.

Рис. 8. Изразцовые печи

1 – печь, облицованная голландскими изразцами в Меншиковском дворце в Санкт-Петербурге;
2 – воссозданная печь, облицованная изразцами с фигурными пластинками в Трапезных палатах Ново-Иерусалимского монастыря

Рельеф наиболее выражен в самых крупных по размеру фрагментах композиции, немногочисленные мелкие детали едва-едва возвышаются над гладким фоном.

Но «коньком» этого автора является, безусловно, стремление к статичности, неподвижности персонажей. Композиции четко выстроены, почти как в геральдике, и полностью завершены. Персонажи, позирующие в застывших позах, не требуют окружения или дополнения другими. Движение – даже в тех случаях, когда оно предусмотрено сюжетом – остановлено полностью. Для этого применяются в том числе и простые визуальные эффекты. Как известно, для глаза человека естественным является движение слева направо. Здесь же мастер направляет некоторых своих героев в левую сторону, «против движения», как бы притормаживая их, а то и вовсе останавливая. Речь идет о пластинках с изображениями всадника и повозки. И определенно того же авторства статичные, замкнутые в пределах композиции «пряха» и «банщик», а также «вожак с медведем», застывшие друг напротив друга.

Итак, два мастера. Они, конечно же, были профессионалы, хорошо знакомые с керамическим производством. Но – исключительно «голландской»

плитки – гладкой, небольшой по размеру, сине-белой по цвету, со скромной рамочкой или вовсе без нее и крохотным изображением в центре. Мастер, называемый нами «вторым» (мы не можем с уверенностью назвать его имя), оставался в рамках заданного формата, даже перейдя от гладкого изображения к рельефу и используя сюжеты из русской жизни. Он и в Новом Иерусалиме – крупнейшем центре традиционного в России рельефного изразца – продолжал работать в том масштабе и той манере, к которым привык. Видимо, нужно считать это верностью традициям. Его произведения миниатюрны по размеру и близки по композиции изображениям на «кафлях». И, в конце концов, разве не о «кафлях» мечтал российский царь?

«Первый» же мастер был более креативен – смелей и свободней в рисунке, сюжете, композиции. Ему даже удалось выйти за рамки мелкого масштаба, навязанного голландской плиткой. Правда, это лучше прослеживается на примере рельефных изразцов – эмблематов. И, безусловно, наш «первый» был хорошо знаком не только с европейской керамикой, но и (например, по гравюрам) с произведениями живописцев и рисовальщиков – мастеров бытового жанра, прежде всего фламандцев и голландцев XVII в. Это, например, много лет проживший в Голландии фламандец Адриан Броувер, продолжатель традиций Брейгеля, – его сюжеты ироничны, порой драматичны, мимика и жесты персонажей всегда невероятно выразительны. Это голландские мастера крестьянского жанра Адриан ван Остаде и Корнелис Бега. Это и немецкий живописец и график Иоганн Матиас Вейер, известный своими зарисовками из солдатской лагерной жизни. Существует определенная сюжетная и композиционная связь (конечно, опосредованная) между произведениями «первого» мастера и выше-названных художников. Хотя, нужно признать, очень забавно и странно видеть (почти) брейгелевские типажи, одетые в русские костюмы, на печных изразцах, сделанных в Новом Иерусалиме.

Явно те же люди делали в мастерских Нового Иерусалима и рельефные изразцы – эмблематы, изготовлявшиеся по рисункам книги «Эмблемы и символы». Прослеживаются характерные особенности стилей.

В дальнейшем развития эти начинания не получили. Россия принимает традицию гладкого расписного печного изразца, в излюбленной Петром I голландской манере (рис. 8, 1).

Литература

- Глазунова О. Н., Данилов Ю. О., 2014. Горн и мастерская XVIII века для производства поливных изразцов в Солодовых палатах Ново-Иерусалимского монастыря // КСИА. Вып. 236.
- Леонид (Кавелин), архим., 1876. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре с 1656 по 1759 г. // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. № 11–12. М.
- Ровинский Д. А., 2002. Русские народные картинки. В двух томах. СПб.
- Эмблемы и символы. М., 2000 (Репринтное издание книги «Символы и Емблемата». Амстердам, 1705).

С. Е. Шуньгина, Я. В. Френкель

Импортная расписная элитная керамика XVIII в. из раскопок на территории городского особняка А. Л. Нарышкина (Воронцовых-Дашковых) в г. Санкт-Петербурге

S. E. Shungina, Ya. V. Frenkel. Imported Luxury Pottery of the 18th Century from the Excavations on the Urban Mansion of A. L. Naryshkin (the Vorontsovs-Dashkovs) Territory in Saint-Petersburg

Abstract. The article presents results of archaeological research of 2014 in the courtyard of the town mansion of A. L. Naryshkin (the Vorontsovs-Dashkovs) in St. Petersburg. Against the background of open excavation structures, characteristics of stratigraphy, individual finds collections and mass material special attention is paid to the finds of imported China and porcelain of the 18th century, manufactured in Europe and China. Source potential of these findings, reconstruction perspectives of to whole forms of vessels are also shown.

In addition, as a result of statistical data, topography of materials distribution and correlation analysis an attempt of identification of different cultural-economic zone division of the private plot yard in the early stages of its development is undertaken.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, фарфор, фаянс, каменная масса, Китай, Европа, владельческий участок, топография находок.

Keywords: Saint-Petersburg, porcelain, faience, stoneware, China imports, European imports, private plot yard, finds topography.

В связи с осуществлением проекта строительства внутридворовой пристройки к существующему зданию с сохранением его фасадной стены в 2014 г. сотрудниками ОАО «НИИ Спецпроектреставрация» проводились археологические исследования в пятне застройки с целью изучения культурных напластований на указанной территории.

Исследуемый участок географически располагается на Адмиралтейском острове (между р. Мойкой и Невой). Его историческое название Уссадисса (Уссадище): *denne Hollma Vssadissa* (1639), *Vsadiss Hoff och Holma* (1643),

Wsadissa Sari (1650), Wsaditz holm (*Kency*, 2000. С. 45–46). На этом острове была усадьба Супшанова, первое упоминание которой относится к 1620 г. По данным списков 1630–1640-х гг., на этом месте жили переселенцы со стороны Финляндии. На карте Эррика Аспегреена 1643 г. Уссадисса отмечена как деревня, состоявшая из трех дворов на северном берегу острова, на месте нынешних Адмиралтейства и Эрмитажа, располагавшихся в одну линию.

Застройка Английской набережной началась с 1710 г. 4 апреля 1714 г. вышел указ Петра I о начале застройки Нижней набережной. По указу на Городском и Адмиралтейском островах «...дома строить, а каким манером, брать чертежи от Архитектора Трезина, а печи делать по фундаменту с большими трубами, а кровли крыть везде, или дерном в два дерна по жердям скалою (а не по драни или тесу) или черепицею, ... также по всем улицам застраивать строением, а не заборами и конюшнями» (ПСЗРИ, 1830. С. 95).

Первым известным владельцем участка на Английской набережной, д. 10 (Галерная, д. 9) был капитан морского флота Валларант, затем им владел Ричард Козенц, возглавлявший в Адмиралтействе строительство девяти кораблей. Петр I обещал Козенцу возвести здесь дом за счет казны, но до смерти императора был готов лишь фундамент. Постройка двухэтажного каменного дома на полуподвалах вдоль Английской набережной и двух одноэтажных корпусов с Галерной ул., фланкирующих въезд во двор в стиле барокко, была осуществлена в период с 1736 г. до начала 1770-х гг. Владелец этого участка до 1812 г. являлся тайный советник сенатор А. Л. Нарышкин и его семья. В дальнейшем, в том числе и в связи со сменой владельцев, здесь производились локальные перестройки.

Некоторые итоги проведенных исследований

Площадь раскопа составила 170 кв.м. Максимальная мощность антропогенных отложений на исследованном участке составляет около 170–190 см. Непосредственно под асфальтом на отметках +6/-4 параллельно северной стене здания были открыты известняковые плиты мощения, которые маркировали дорожку, ведущую к входам в здание. На небольшой части раскопа (около ¼ части) был зафиксирован 1 ярус булыжного мощения, которое существовало здесь до 1950-х гг. Небольшие фрагменты 2 яруса булыжного мощения конца XVIII–XIX в. зафиксированы в северной части раскопа на участке А на уровне 2–3 пластов и в южном профиле на участке В.

К самым ранним сооружениям, помимо главного дома и флигелей, относятся заглубленные в материк ленты валунного фундамента радиальной стены, открытой на уровне от –72 см до –155 см. Они располагаются симметрично друг другу относительно проездной арки, образуя полукруг радиусом около 650 см, примыкая к торцам оснований западной и восточной стен боковых флигелей и к фундаменту северной стены дома по Галерной ул. близ проезда (рис. 1). Это сооружение было приложено к существующим фундаментам и свидетельствует о том, что стена была устроена уже (или вскоре) после сооружения основных построек. Конструкция стены включала в себя валунный фундамент, уложенный

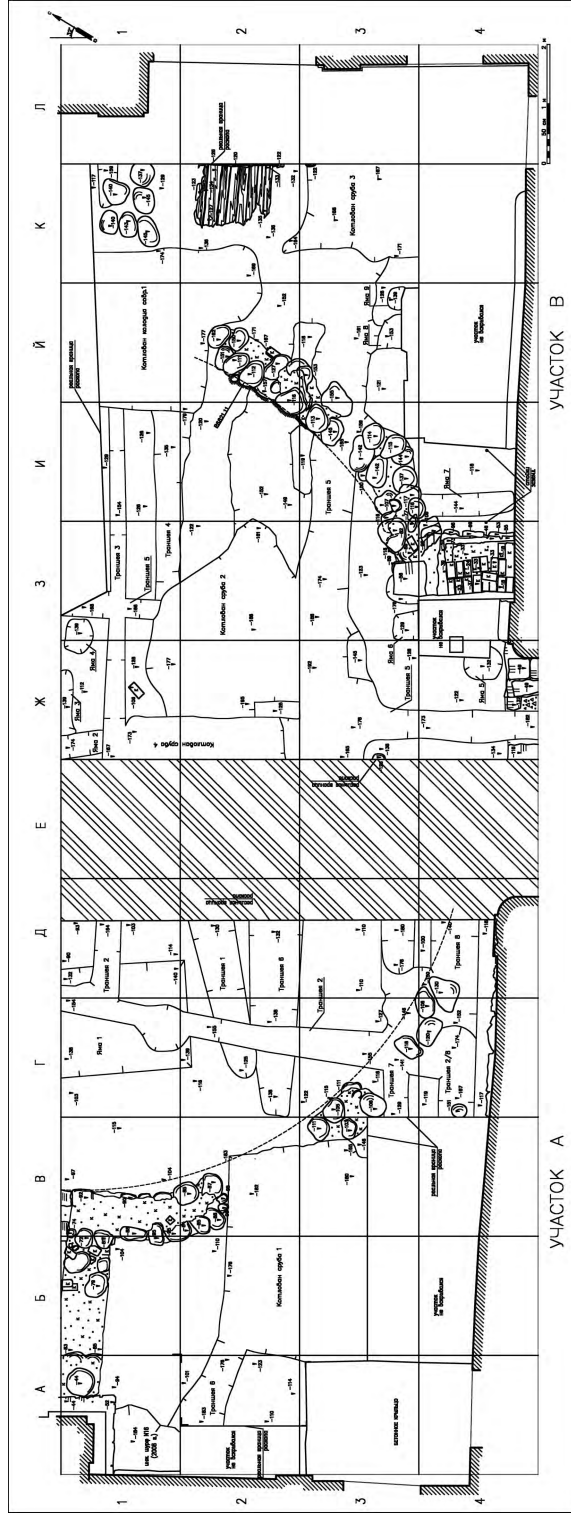

Рис. 1. Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 9, 2014 г. План раскопа на уровне материка с сохранившимися фрагментами радиальной стены

в траншею, далее 3 ряда колотых известняковых плит, выравнивающий слой пролитого известково-песчаного раствора и кирпичную кладку. Что представляла собой верхняя часть стены, неизвестно. Она могла быть как полностью кирпичной на всю высоту, так и «прозрачной», в виде кованой решетки. Несмотря на то, что представленная конфигурация впервые зафиксирована только на более поздних планах 1798 г. и 1828 г., при зачистке фундамента в кв. 3–4 в растворе была обнаружена монета Денга 1734 г. Но, учитывая данные плана Зихгейма 1738 г., на котором зафиксирована застройка участка (под № 122 показан главный каменный дом и деревянные постройки в центральной части и на западной стороне участка), и плана Трускотта 1753 г., где появляются южные флигели вдоль ул. Галерной, а также беря в расчет определенную схематичность последнего плана, можно осторожно предположить, что радиальная стена была сооружена не ранее 40–50-х гг. XVIII в. Таким образом, в южной части двора по обе стороны от проезда выделялось два «глухих» участка, которые могли использоваться в хозяйственных целях. Возможно, там располагались и какие-либо легкие постройки, но их явных следов в раскопе не обнаружено.

Предматерик сохранился фрагментарно, представлен прослойкой погребенного дерна, в котором встречены единичные находки XVIII в., мощность этих отложений составила от 14 до 39 см. В верхней части этого слоя выделены небольшие линзы песка, древесного тлена, кирпичной крошки, свидетельствующие о первоначальном освоении территории. Нижняя часть практически стерильна. Материк представлен влажными желто-серыми супесями. В непотревоженных местах он залегает на глубине –93/–122 см (1,71–1,42 м БС). Каких-либо перемен рельефа не зафиксировано. Площадка, судя по нашим наблюдениям, изначально была ровной.

Следует отметить, что в отличие от некоторых других мест Санкт-Петербурга, на этом участке накопление слоев происходило автономно, как следствие строительной деятельности. Вероятнее всего, во время сооружения каменных строений при откапывании котлованов для фундаментов грунт никуда не вывозился, а равномерно распределялся по территории участка. В пользу этого, с одной стороны, свидетельствуют данные инженерного обследования фундаментов 2008 г. (Закключение, 2008. Приложение. Фото 1–70). С другой стороны, об этом же свидетельствует и характер изученных напластований, и основное заполнение представлено супесями серого и коричневого оттенков с традиционными для городской среды включениями, явно содержащими в себе материковый песок. Таким образом, это позволяет сделать вывод, что находки и массовый материал, обнаруженные в культурном слое, непосредственно связаны с этим домовладением. Большим минусом состояния сохранности культурного слоя является то, что он оказался перемешанным в результате прокладки позднейших коммуникаций. В результате этого такая важная для датировки слоя категория находок, как монеты (их обнаружено 9 ед.), не всегда выполняла свои функции. То же самое в целом можно сказать и о датировемых фрагментах курительных трубок (из найденных 249 фр. датированы 11), которые были обнаружены на всей площади раскопа во всех пластах. Пик их распространения приходится на уровень 4-го пласта (71 фр.).

Но, несмотря на это, нам удалось проследить специфику и некоторые особенности распространения находок на раскопанной площади.

В ходе раскопок была собрана коллекция фрагментов парадной импортной столовой посуды XVIII в. с росписью. Посуда была изготовлена из фарфора (36 фр.), фаянса (25 фр.) и каменной массы (1 фр.).

Ядром коллекции является фарфоровая серия. Фарфор представлен 36 фрагментами не менее чем от 33 изделий. Как правило, это фрагменты небольших тонкостенных открытых сосудов, иногда составляющих полный профиль (рис. 2, 5).

В лаборатории научно-технической экспертизы Эрмитажа был произведен рентгено-флуоресцентный анализ фарфоровых черепков¹. Исследования проводились по методике, «обкатанной» на большом материале фарфора XVIII в. (Френкель, 2007; Френкель, Хаврин, 2012).

Комплексное рассмотрение формовочной массы, глазури и кобальтового декора черепков фарфора Галерной улицы позволило отнести найденный фарфор XVIII в. к китайским импортам. Подглазурная кобальтовая роспись, присутствовавшая на большинстве черепков, выполнена специфической мномарганцевой кобальтовой краской, использовавшейся в Китае в минское и цинское время (XIV/XV – начало XX в.). Кобальт, используемый тогда, отличается и от кобальта юаньского времени (XIII–XIV вв.), и от кобальта красок, используемых в XVII–XVIII вв. на Ближнем Востоке и в Европе.

Большинство находок относится к чайно-кофейной garniture. Это чашки (рис. 2, 3, 7, 10), блюда, небольшие плоские тарелки (рис. 2, 1, 3, 4, 6–7, 9–10, 13–15), реже – массивные чаши (рис. 2, 11).

Особо интересны два объекта – фрагменты китайского фарфора, изготовленного специально на экспорт в Европу. Один из этих фрагментов принадлежит специфическому элементу сервировки парадного стола. Это было небольшое круглое в поперечном сечении изделие, с невысокими, массивными вертикальными стенками (рис. 2, 2). Стенки ажурные – со сквозными отверстиями. «Зеркало» декорировано полихромной цветочной росписью (подглазурная кобальтовая краска, надглазурные железные краски красной гаммы, золочение). Наружная поверхность над отделяющей кольцевой поддон кобальтовой отводкой украшена рельефными налечами с росписью (кобальт, золочение).

Точные аналогии нам не известны. Ажурный сервировочный фарфор – корзины, сахарницы, солонки и т. д. – изготавливался в Китае на экспорт по европейским рисункам (Welsh, 2014. С. 68–70: №№ 15; 84: № 21, № 134: № 38; Kerr, Emeyoni, 2011. С. 53: № 68). По массивности и формам отверстий к рассматриваемому черепку ближе сделанная «под бело-синий Китай» в 1750-х гг. в Англии корзина стеатитового ворчестерского фарфора (Антиквариат, 2001.

¹ Сердечно благодарим С. В. Хаврина (Государственный Эрмитаж, Лаборатория Научно-технической экспертизы) за помощь и содействие.

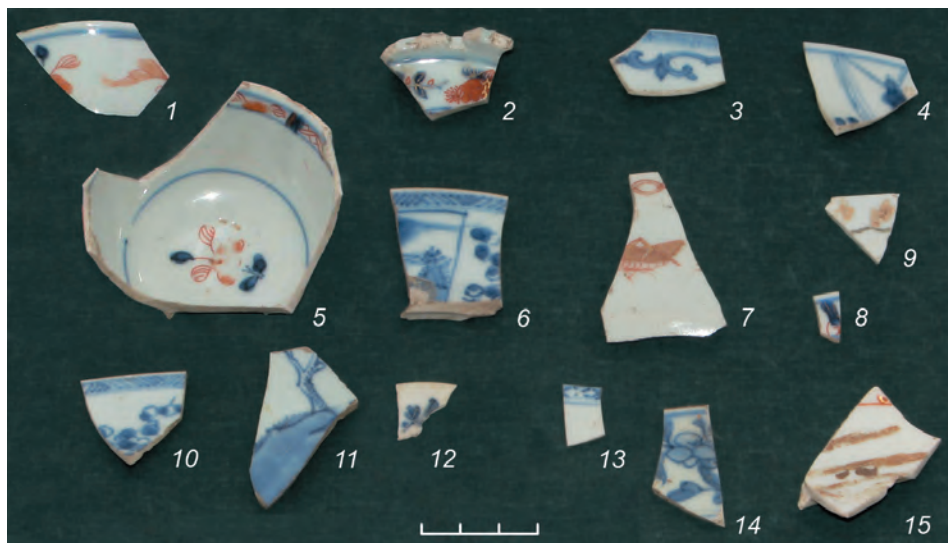

Рис. 2. Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 9, 2014 г. Фрагменты фарфоровых изделий

С. 449). Ближе известные в европейском фарфоре второй-третьей четверти XVIII в. ажурные поддоны под цилиндрические кружки, составляющие одно целое с блюдцем (*Jedding*, 1971, №№ 247, 314, 373, 547). Наиболее похожи такие приборы сервировки парадного стола XVIII в., как «сырницы» (*Бирюкова, Казакевич*, 2005. С. 116, 127; №№ 116, 117).

Облик сосуда, которому принадлежал второй фрагмент, восстановить сложнее. Это был качественно выполненный и умело глазурированный сравнительно толстостенный сосуд на кольцевом поддоне, диаметр которого совпадает с диаметром донца. Внутренняя поверхность фрагмента белая, наружная – монохромная синяя. По центру наружной поверхности донца – двойная отводка подглазурным кобальтом. По форме черепок напоминает нижнюю часть цветочного горшка на кольцевом поддоне. В каталоге китайской посуды, выполнявшейся специально для европейского рынка, имеются изделия, именуемые «Ewers» – кувшинами (*Welsh*, 2014. С. 302–307, №№ 97–98). Такие сосуды имеют усеченно-биконическую форму, в верхней половине располагается короткий носик квадратного сечения и сложно оформленная крышка с фигурной ручкой. Рассматриваемый нами черепок сопоставим с нижней частью такого сосуда.

Фарфоровая масса, используемая китайскими керамистами, – двусоставная (*Стужина*, 1970. С. 63): каолин и фарфоровый камень (серецитовый песчанник) (*Августиник*, 1957. С. 229). Фарфоровая масса рассмотренной серии в изломе черепка молочно-белой, реже – снежно-белой, в одном случае (фарфор фрагмента одной из крупных чаш) – серовато-белой. Отметим значительную пористость фарфора – особенно для мелких тонкостенных изделий. Пористость толстостенных черепков заметно различается. Как правило, хорошо

расчищенный излом черепков демонстрирует стеклянистый блеск, указывающий на высокую температуру обжига.

Поверхности фарфоровых изделий покрыты бесцветной прозрачной глазурью. Глазурь – зольная или малокальциевая зольно-известковая. Обычно глазурь имеет чуть голубоватый оттенок (глазурь «*tian qing you*»). В изломе черепка этот оттенок визуальнo не заметен, наружный и внутренний наслои глазури выглядят прозрачными бесцветными или серовато-прозрачными. В пяти случаях прозрачная бесцветная глазурь без заметного оттенка в сочетании с чистой белой фарфоровой массой придает поверхности изделия снежно-белый цвет (рис. 2, 7, 9, 12, 15).

В шести случаях наружная поверхность фарфоровых изделий покрыта коричневой глазурью – т. н. «батавской краской». Китайское название подобных глазурей: «пурпурно-бронзовая» и «карамельная» – «*jiang se you*», «*zi jin you*» (Qingzheng, 2002. С. 211, 217, 226). В пяти случаях такая глазурь имеет оттенок «кофе с молоком» (Medley, 1980. С. 254–255). Такой же светло-коричневой глазурью оформлена отводка по верху четырех венчиков (рис. 2, 6, 14) – это имитация неглазурованного ободка – «*jia mang kou*» (Qingzheng, 2002. С. 211). В одном случае (два фрагмента, происходящие от одной чашечки) цвет глазури, покрывающей наружную поверхность, – темно-коричневый.

У фрагмента второго «экспортного китайского сосуда» наружная поверхность черепка покрыта сплошной синей кобальтовой подглазурной краской. Интенсивность окраса не одинаковая. Техника декора несколько отличается от известной техники «блю пудрэ» (Кверфельдт, 1940. С. 8–9), также обеспечивающей монохромную синюю подглазурную окраску изделия. В технике «блю пудре» под глазурью синяя поверхность выглядит как чередования мелких пятнышек интенсивного и несколько более светлого синего цвета. В данном же случае заметная под бесцветной прозрачной глазурью окраска выглядит иначе: крупные пятна светло-синего цвета неправильной формы разделены тонкими прожилками густо-синего (до черного) цвета, что создает мраморовидную структуру рисунка.

Декор фарфоровых изделий рассмотренной серии представлен подглазурной росписью кобальтом и надглазурной росписью легкоплавкими свинцовыми («эмалевыми») красками и золотом. Кобальтовая роспись доминирует: исключительно этот тип декора обнаруживается в двух третях случаев (иногда в сочетании с отводкой коричневой глазурью по венчику). В оставшихся случаях преобладают сочетания подглазурной росписи кобальтом с надглазурной росписью красными и оранжевыми красками и/или золочением (рис. 2, 2, 8). Иногда поверх изображений листьев, выполненных подглазурной кобальтовой краской, надглазурным золочением нанесены прожилки (рис. 2, 2, 8, 12). Такая палитра характерна для японского фарфора (Кубе, 1923. С. 100; Арапова, 1977; Арапова, Кудрявцева, 1994. С. 9). Но РФЛ-анализ диагностировал именно китайское происхождение фарфоровой массы и глазури. Возможно, имеет место китайское подражание японскому фарфору.

В большинстве случаев кобальтовая краска – чистая и яркая. Высокое качество декора говорит об отработанной процедуре росписи: ведь мастер

убеждался в качестве подглазурной росписи только после финального обжига (Милдс, Лаушке, 1971. С. 49). В одном случае кобальтовая краска имеет заметный серый оттенок. Но это тот же многомарганцевый китайский кобальт (рис. 3), а не европейский кобальт, ввозимый в Китай европейцами (Arnold, Reichel, 1989. С. 20; Каневская, 2004. С. 25; Неглинская, 2015. С. 271).

Исключительно надглазурная роспись (в одном случае с золочением) обнаруживается для 14% черепков. Среди фарфора с надглазурным декором и золочением обнаруживаются 4 из 5 черепков, глазурь которых не имеет голубоватого оттенка.

Надглазурные («эмалевые») краски составлены на основе свинца и обнаруживаются двух видов. В первом случае краска лежит в плоскости глазури, во втором – рельефно над ней выступает. Палитра надглазурных красок первого варианта включает красный, оранжевый, бежевый, зеленый, черный цвета. Разрушение такой краски проявляется в ее «слезании» с поверхности глазури – на блестящей глазури остается хорошо различимый матовый контур рисунка. Надглазурные краски второго варианта (рис. 2, 9) – буровато-белые и буровато-желтоватые (иногда с коричневой корочкой), буро-зеленая (цвет краски реконструируется как темно-зеленый). Порой, когда надежно определить цвет краски не удастся, РФл-анализ позволяет заключить, что исходный цвет был белый или желтый. Коричневая корочка является стадией постдепозиционного разрушения красок этого вида. Разрушение и в этом случае может проявляться в «слезании» краски. В отличие от «слезания» надглазурной краски первого варианта здесь более интенсивное разрушение идет по краю рисунка, а в центре остается заметный рельефный островок.

Оба варианта надглазурной краски могут сочетаться (рис. 2, 15). В случае частично «слезшей» краски второго варианта под ней иногда обнаруживается нанесенная надглазурной краской первого варианта проработка деталей. Так, при часто встречающемся применении надглазурной краски второго варианта для изображения листьев или лепестков цветка при частичном ее «слезании» обнаруживаются нанесенные черной надглазурной краской первого варианта прожилки, исчезающие под сохранившимися рельефными островками краски второго варианта в центральной части контура. Видимо, первоначально рельефность таких красок была меньше. Э. К. Кверфельдт писал, что «с целью придать большую четкость рисунку, контур наносился черной краской, просвечивающей через цветные эмали» (Кверфельдт, 1940. С. 8). Может быть, подглазурным краскам второго варианта первоначально была присуща прозрачность? Это объясняло бы «подстилающую» проработку деталей. Но РФл-анализ обнаруживает в этих красках высокую концентрацию кальция – сильного глушителя, неизбежно делающего рисунок непрозрачным. Таким образом, на завершающем этапе росписи проработка деталей, сделанная на предыдущем этапе, исчезает под слоем наносимой краски.

Археометрический анализ позволяет определить химические элементы-красители, использованные при декоре. Технологическая добавка, обеспечивающая слабый голубоватый оттенок глазури, не очевидна. Ван Цинчжен писал, что в цинское время светло-голубой оттенок глазури «*tian qing you*» обеспечивался

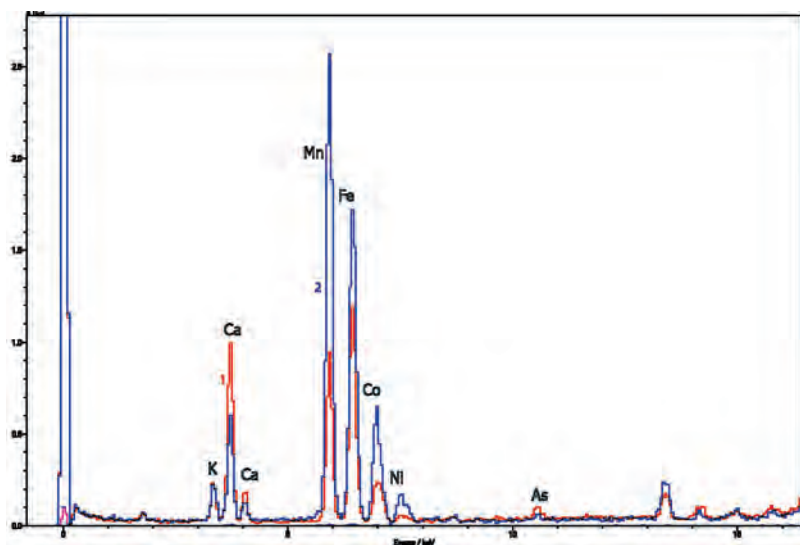

Рис. 3. Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 9, 2014 г. Фарфоровые изделия, наружная поверхность. РФЛ-спектры кобальтовой подглазурной краски

кобальтом (Qingzheng, 2002. Р. 223). Прозрачность глазури обеспечивается марганцем. Коричневая «батавская краска» глазури (и отводки по венчику) обеспечивается также железом – М. Мидли относил такую глазурь к люстрам (Medley, 1980. Р. 254–255). Красителем служила «пурпурно-бронзовая глина» («*zi jin tu*»), содержащая железо и марганец (Fu Kang, 1987. Р. 91).

Синий цвет подглазурной росписи и синий цвет покровной подглазурной окраски наружной поверхности экспортного сосуда обеспечивается кобальтом. Серый оттенок подглазурной кобальтовой росписи (рис. 3, спектр 1) обеспечивается заметным присутствием в кобальтовом минерале мышьяка при меньшем содержании кобальтово-марганцевой компоненты. Это видно при сравнении РФЛ-спектров сероватой и ярко-синей кобальтовых красок (рис. 3, ср. спектры 1 и 2).

Красители надглазурных свинцовых красок первого варианта: красный и оранжевый цвета обеспечиваются железом, черный цвет обеспечивается сочетанием в краске железа, кобальта и марганца, зеленый цвет обеспечивается медью. Технологические добавки надглазурных свинцовых красок второго варианта для реконструируемого белого и желтого цветов – кальций и свинец (кальций совмещает функции красителя и глушителя).

Орнаментальные композиции росписи очень разнообразны – от простых или сдвоенных отводок до сложных «ковровых». В сюжетах доминирует растительная (цветочная) роспись. Выделяются два иных сюжета. На одном черепке заметна пагода, выполненная подглазурным кобальтом (рис. 4). Изображения пагод изредка встречаются на фрагментах фарфора XVIII в., в т.ч. найденных в ходе раскопок на территории Эрмитажа (рис. 5). Еще в одном

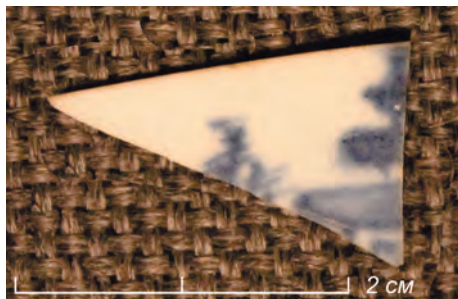

Рис. 4. Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 9, 2014 г. Фрагмент фарфорового изделия

Рис. 5. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.
Археологические исследования 2000–2001 гг. Фрагменты фарфоровых изделий

случае изображено плывущее судно (рис. 2, 7). Волны обозначены завитками. Рисунок нанесен по снежно-белому фону надглазурной красной железной краской и золочением. Это не каноническое изображение лодки: на сохранившемся изображении мачты не видно, судно имеет яхтикоподобные очертания, с мощным рулевым веслом (?) на корме (джонка?).

В выборке клейма отсутствовали. По центральной части наружной поверхности донца одного экспортного сосуда нанесена сдвоенная отводка. В центре круга, ограниченного такой отводкой, часто помещается клеймо.

Следующей серией импортной керамики являются фаянсовые изделия (рис. 6). В коллекции 25 фрагментов не менее чем от 24 сосудов. Функционально ассортимент этих находок выделяется заметной долей тарелок (рис. 6, 1, 11, 12), часто крупных и глубоких. Встречены такие формы, как банка (три фрагмента от одного сосуда: рис. 6, 5–7), миски (в т. ч. крупные), крышки, какие-то

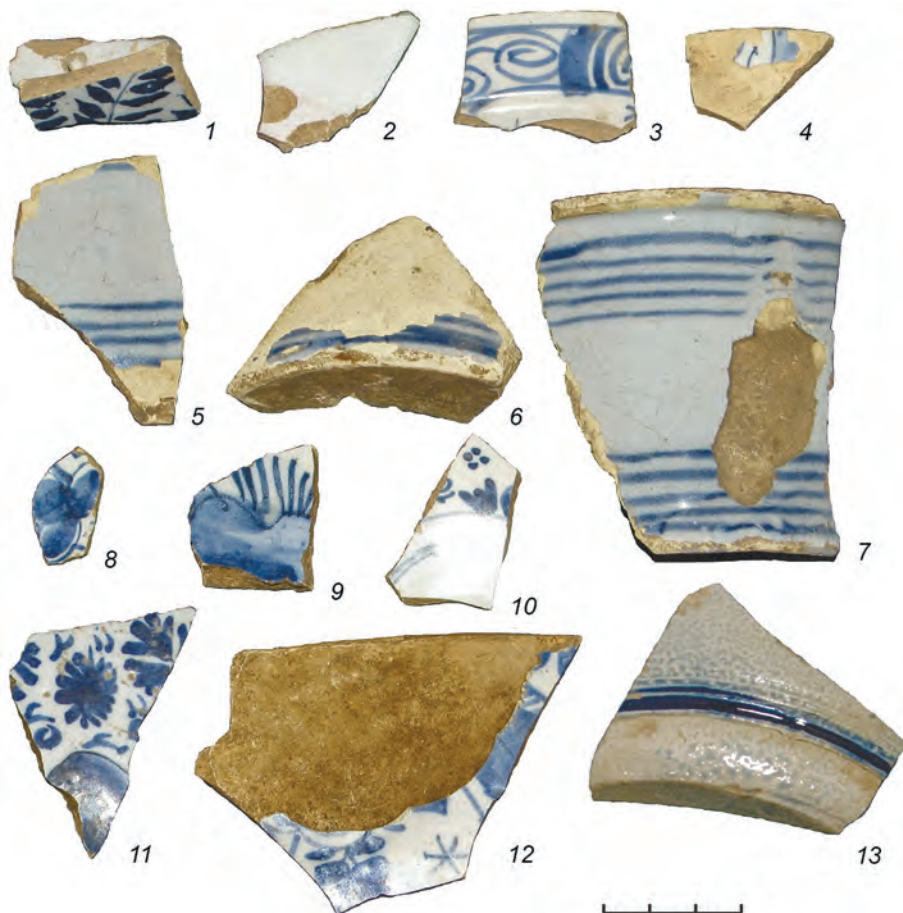

Рис. 6. Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 9, 2014 г. Фрагменты фаянсовых изделий (1–12) и фрагмент изделия из каменной массы (13)

тонкостенные изделия (чашечки? глубокие блюда?). Внешний облик сосудов позволяет связать их с западной и северной Европой. Конкретность термина «Дельфтский фаянс», применяемого иногда при атрибуции подобной посуды, кажущаяся. В специальной литературе отмечалось, что помимо изготовленных собственно в голландском Дельфте изделий («*Delfts blauw*»), «дельфтскими» назывались сосуды, сделанные в XVII–XVIII вв. в иных голландских городах, во Франции («*Faïence de Delft*»), в Германии («*Delfter Fayence*»), в Англии («*delftware*») (Lemmen, 1997. Р. 9). Скорее здесь следует осторожно говорить об изделиях, изготовленных в дельфтском стиле. Дельфтская атрибуция требует развернутой аргументации.

Фаянсовая масса в изломе светло-желтого цвета, плотная, сильно пористая. Поры крупные, угловатые, сливающиеся. РФЛ-анализ обнаруживает

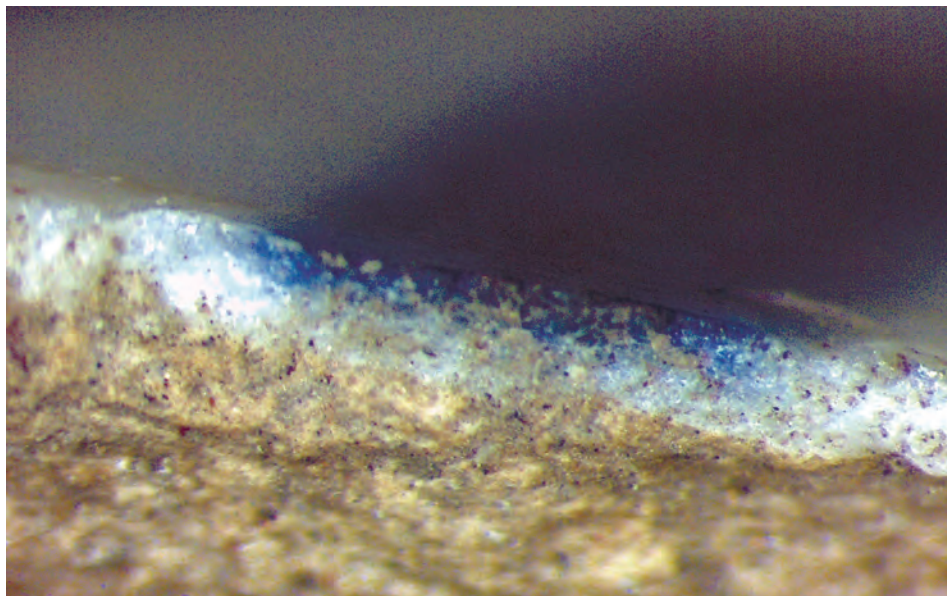

Рис. 7. Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 9, 2014 г. Фрагмент фаянсового изделия.
Макрофотография излома (60-кратное увеличение)

значительное содержание кальция. А. Н. Кубе писал об использовании в дельфтском керамическом производстве смеси из трех сортов глины, в том числе привозившейся издалека (*Кубе*, 1923. С. 95). Помимо глины, в состав керамической массы входят мергель и кварц. А. И. Августиник обозначает такой фаянс как «известковый», или «мягкий» (*Августиник*, 1957. С. 360), но приведенная у этого автора примерная датировка («типично средневековый») представляется не очень удачной. Судя по результатам РФЛ-анализа, в фаянсовую массу в силу ее пористости в процессе глазурования попадало какое-то количество свинца и олова. Отметим, что Б. Бентц и Д. Дюпонье в фаянсе голландских плиток свинца и олова не отметили (*Bentz, Dupournier*, 1998. Tab. II–IV).

Глазурь глухая оловянно-свинцовая. Цвет глазури – белый, иногда – чуть голубоватый – явное подражание голубоватой глазури китайского фарфора. О. Э. Михайлова называла такую глазурь «столь характерной для дельфтских изделий» (*Михайлова*, 1967. С. 30). Известно, что английские керамисты, изготавливая фаянсовые изделия дельфтского стиля, добавляли в глазурь кобальт (*Lemmen*, 1997. Р. 125). Но, как и в случае фарфоровой глазури, кобальт в глазури в ходе измерения зафиксирован не был.

Поверх глазури фаянс расписан кобальтовой краской. Кобальтовый рисунок «погружен» в глазурованную поверхность (рис. 7): это т.н. «in-glaze design» – декор, очень характерный для дельфтских фаянсов (*Lemmen*, 1997. Р. 46). Заметим, что в рассмотренной выборке не зафиксировано технологического приема декорирования, в ходе которого изделие после кобальтовой

росписи покрывалось еще прозрачной свинцовой глазурью; при этом роспись становилась бы подглазурной. Подобный подглазурный декор дельфтских сосудов и облицовочной плитки часто упоминается в литературе (Кубе, 1923. С. 98; Андреева, 2013. С. 48).

Кобальтовая краска – «цафра» – изготавливалась из размолотого калиевого стекла, окрашенного кобальтом. Кобальт европейский – «грязный», с заметным содержанием мышьяка и никеля (Галибин, 2001. С. 38, 49) – с XVI в. использовался в европейском керамическом производстве (Gratuze et al., 1996. Р. 80, 89, 91). Такой состав кобальтовой краски зафиксирован РФл-анализом. Цвет кобальта яркий, чистый.

В декоре фаянсовых сосудов заметны переработанные «китайские» мотивы – завитки, листовый узор, цветочная роспись (Lemmen, 1997. Р. 46–49). Это т.н. «китайско-голландский», или «дальневосточный», стиль – творческое подражание китайскому и японскому фарфору (Кубе, 1923. С. 96; Михайлова, 1961. С. 241). Встречающиеся в орнаментальной композиции элементы в форме 6-лучевых звездочек (рис. 6, 12) аналогичны деталям более поздних (с 1770-х гг.) майсеновских клейм (Борок, Дулькина, 1998), но на дельфтском фаянсе такие элементы декора обнаруживаются значительно раньше.

Охарактеризованная выборка фаянсовых изделий соответствует «Дельфтскому» фаянсу (в широком понимании этого термина) 2-го периода по А. Н. Кубе (Кубе, 1923. С. 96), что по приблизительной хронологии исследователя означает: в тенденции – не позже середины XVIII в. (полагаем, корректнее называть конец второй трети этого столетия).

Еще одна категория элитной импортной керамики с росписью, представленная в материалах раскопок на Галерной улице, – изделия из т.н. «каменной массы» (нем. *Stezeug*, англ. *stone ware*, франц. *gres*). В материалах раскопок такая керамика представлена единственным черепком (рис. 6, 13) – нижней частью (фрагмент стенки с переходом к плоскому донцу) бутылки или кувшина (Reineking-von Bock, 1971. Р. 70–71). Изделие изготовлено из плотной серой керамической массы, тугоплавкой, сильно спекшейся (Августиник, 1957. С. 179). Внутренняя поверхность блестящая, телесного цвета. Наружная поверхность покрыта серой соляной глазурью, имеет пятнистую структуру – хаотически чередующиеся пятна жемчужно-серого и серо-голубого цветов. Несколько выше донца расположены четыре гравированных горизонтальных бороздки. Самая широкая бороздка «залита» сине-фиолетовой керамической краской. Керамическая масса содержит сравнительно много плавней (в виде полевого шпата), что обуславливает плотное спекание черепка. Отметим еще выявленное РФл-анализом (рис. 8, спектр 1, красный) высокое содержание в глазурной пленке т.н. «красящих» оксидов железа и титана, а также кальция, заметное присутствие марганца и хрома. «Соляная глазурь» образуется при добавке в керамическую печь каменной соли (хлорид натрия) и воды. Хлорид натрия разлагается, давая оксид натрия, являющийся основным плавнем при образования глазури (Freestone, Tite, 1997. Р. 354). Кобальтовая краска, как показал РФл-анализ (рис. 8, спектр 2, синий), содержит значительные концентрации никеля и мышьяка. Своеобразный сине-фиолетовый оттенок краски объясняется присутствием натрия.

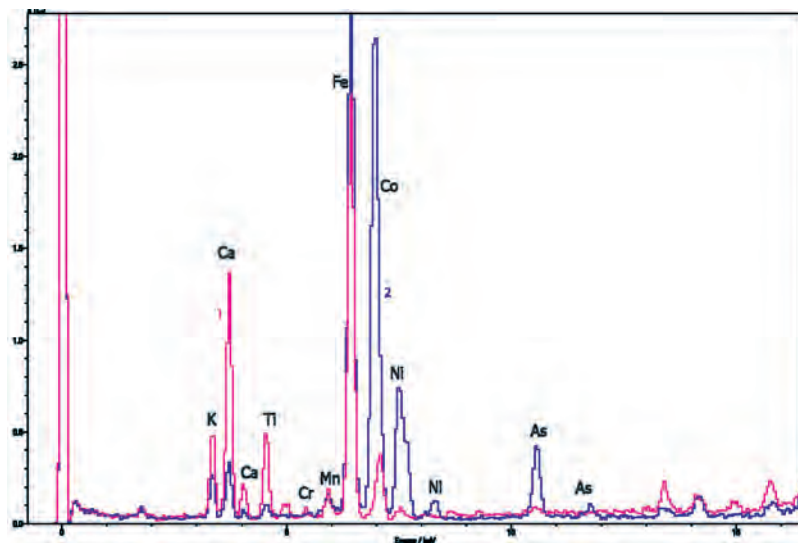

Рис. 8. Санкт-Петербург, ул. Галерная, д. 9, 2014 г. Изделие из каменной массы, наружная поверхность. РФл-спектры: спектр 1 (красная линия) – поверхность глазури; спектр 2 (синяя линия) – кобальтовая краска

В ходе раскопок на территории Главного Штаба (Государственный Эрмитаж) в заполнении сруба первой половины XVIII в. были обнаружены развалы бутылей из каменной массы (*Аветиков и др.*, 2011. С. 23–24. Рис. 6, 13), декор и форма нижней части тулова которых сопоставимы с фрагментом, найденным на Галерной улице. Бутылям из каменной массы, датирующимся второй половиной XVIII в., подобный придонный декор не свойственен (*Nienhaus*, 1984. P. 41: Abb. 2; *Gaimster*, 1997. P. 271: № 135).

Заметим, что фарфор XVIII в. европейского и российского производства в коллекции отсутствует: фарфор представлен только китайским импортом. Хотя европейский твердый фарфор производился с 1709 г., заметное его присутствие в культурных напластованиях Петербурга отмечается нами только во второй половине XVIII в., ближе к последней трети столетия. С этого времени (1760-е гг.) начинается массовое изготовление крупных фарфоровых изделий и на Императорском фарфоровом заводе. Учитывая сравнительно позднее археологически уловимое время накопления культурного слоя на раскопе, можно ориентировочно датировать коллекцию второй третью XVIII в. Этим интервалом следует датировать основной массив ранних культурных напластований, сохранившийся в пределах раскопа на материке. Но такая датировка осуществляется на основании «негативных признаков», что не очень надежно.

Фарфор и фаянс рассмотренных серий обнаруживался в культурных напластованиях, залегающих ниже 2 пласта – в пределах которого в северном профиле участка А была зафиксирована четкая стратиграфическая граница слоев, на которой под прослойкой кирпичного боя (горизонта разрушения)

читаются крупные валуны мощения, датирующегося не позднее конца первой трети XIX в. Нижнюю хронологическую границу образования этого мощения сугубо стратиграфическими методами и сопоставлением с существующими планами узко локализовать не удастся. Можно говорить об интервале «вторая половина XVIII – первая треть XIX в.».

Именно в подстилающей 2-й пласт толще культурных напластований (6–3 пласты), наряду с рассмотренными фрагментами фарфора и фаянса, преимущественно обнаружались такие индикаторы XVIII столетия, как белоглиняные курительные трубки и красноглиняные изразцы с кобальтовой росписью по белой свинцово-оловянной поливе. Хотя и белоглиняные трубки, и подобные изразцы встречаются в культурном слое Петербурга и в первой трети XIX в., однако в материалах Галерной улице пики распределения этих категорий находок совпадают с пиками распределения фарфора и фаянса. Заметим, что фрагмент сосуда из каменной массы также был зафиксирован в границах 6 пласта. Напротив, светлоглиняные изразцы с фабричной разливкой белой глазури преимущественно обнаруживались в двух верхних пластах (и перекопах XIX–XX вв.). На этом основании можно утверждать, что, несмотря на сильное нарушение культурных напластований перекопами, значительных горизонтальных перемещений все же на участке раскопа не происходило. Таким образом, имеет место «сгущение» находок XVIII в. в толще мозаично сохранившихся культурных напластований от материка до границы 3 и 2 пластов. Значит, есть возможность на основании датированных находок приблизительно определить в пределах XVIII столетия интервал, отвечающий такому «сгущению» – времени, когда культурный слой, еще не нарушенный, накапливался с максимальной интенсивностью.

Такая операция может быть осуществлена на основании негомогенного распределения в толще культурных напластований хронологических индикаторов XVIII в. и XIX–XX вв. Мы пытаемся датировать не толщу культурного слоя, а серии находок из «сгущения» синхронных хроноиндикаторов.

Р. Крал отметила, что китайский фарфор с «батавской» глазурью перестает быть популярным после середины XVIII в. (Krahl, 1986. Р. 953). А. Н. Кубе этим же рубежом – серединой XVIII в. – ограничил 2-й период бытования «Дельфтского фаянса» (см. выше). Обе эти даты не строгие, правильнее говорить о тенденции. Но даже в тенденции ориентировочные даты по китайскому фарфору и европейскому фаянсу совпадают. Сопоставив эти позитивные признаки (наличие в коллекции типов находок, в тенденции датирующихся не позже середины XVIII в.) с негативными признаками (отсутствие в этой коллекции фарфора, датирующегося не ранее последней трети XVIII в.), мы можем заключить, что сохранность культурного слоя XVIII в. в рамках высотных отметок от 6-го до 3-го пластов по каким-то причинам резко изменилась в 1760–1770-х гг. Более поздние реалии, попадающие в эту толщу, относятся уже к XIX–XX вв. и закономерно исключаются из нашего рассмотрения как результат перекопов.

Полагаем, причиной такого изменения сохранности стало благоустройство двора (последовательные сооружения мостовых?). При этом бульжное мощение XVIII–XIX вв., зафиксированное в плане и профиле раскопа,

«запечатало» сверху этот гипотетический «горизонт работ по благоустройству двора», образовавшийся в результате серии разного рода мероприятий, связанных с последовательным возведением и разборкой мостовых. Культурный слой, отвечающий концу XVIII в., был либо уничтожен, либо его накопление в связи с благоустройством территории резко замедлилось.

В заключение отметим, что фарфор и фаянс в пределах раскопа равномерно распределены только в верхних двух мешаных горизонтах. В нижних пластах распределение фарфора и фаянса по участкам А и В достоверно различается: фарфор преобладает на участке А, фаянс – на участке В. Учитывая большую ценность фарфоровой посуды, заключаем, что накопление культурного слоя на участках происходило по-разному, и связь с «парадной» деятельностью, отвечающей людям не рядового, но и не высшего социального ранга среди обитателей дворца, на участке В прослеживается слабее. Преимущественная локализация на том же участке и в тех же пластах кремневых отщепов, часть которых может быть связана с изготовлением ружейных кремней, позволяет сделать осторожное предположение о связи с воинской субкультурой (охрана?). Если мы правы, то плохо сохранившийся деревянный настил, обнаруживаемый в вычленяемой зоне в основании культурных напластований (рис. 1), можно предположительно интерпретировать как остатки караулки.

Таким образом, распределение элитной импортной керамики позволяет подтвердить примерную датировку начального периода жизни дворцового комплекса, сопоставить ее с известными этапами его строительной истории и выделить во внутриворцовом дворецком пространстве структурно-функциональные зоны.

Литература

- Аветиков А. А., Александров С. В., Боковенко Н. А., Ёлишин Д. Д., Кильдюшевский В. И., Стёганцева В. Я., 2011. Археологические исследования на территории Восточного крыла здания главного Штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги // Бюллетень ИИМК РАН. № 2 (охранная археология). СПб. С. 15–34.
- Августиник А. И., 1957. Керамика. М.
- Андреева Н. А., 2013. Нидерландская расписная плитка во Дворце Меншикова в Петербурге: типологизация, датировка и уточнение места производства // Труды Государственного Эрмитажа. LXX. Петровское время в лицах. СПб.
- Антиквариат. Энциклопедия мирового искусства. 2001. Ген. редактор Х. Маллальо. М.
- Арапова Т. Б., 1977. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа. Конец XIV – первая треть XVIII в. Л.
- Арапова Т. Б., Кудрявцева Т. В., 1994. Дальневосточный фарфор в России. XVIII – начало XX века: каталог выставки.
- Бирюкова Н. Ю., Казакевич Н. Н., 2005. Севрский фарфор XVIII в. Каталог коллекции. Государственный Эрмитаж. СПб.
- Борок В., Дулькина Т., 1998. Марки европейского фарфора. 1710–1950. М.
- Галибин В. А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.
- Заключение по результатам инженерно-технического обследования несущих конструкций. Дом А. Л. Нарышкина (Воронцовых – Дашковых). Том 3. Книга 1. Фундаменты. 2008 // Архив ООО «СПКБ «Импульс». СПб.

- Каневская Н. А., 2004. Традиционный японский фарфор XVII–XX вв. М.
- Кверфельдт Э. К., 1940. Фарфор. Краткий исторический очерк. Л.
- Кенсу С., 2000. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. Европейский дом. СПб.
- Кубе А. И., 1923. История фаянса. Берлин.
- Милдс М., Лаушке Р., 1971. Роспись фарфора. М.
- Михайлова О. Э., 1961. Отражение творчества Рембрандта в голландском фаянсе // Труды ГЭ. Т. VI. С. 241–249. Л.
- Михайлова О. Э., 1967. К вопросу о полихромном дельфте т. н. муфельного обжига // Сообщения ГЭ. Т. XXVIII 29–32. Л.
- Неглинская М. А., 2015. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правителей (1662–1795). М.
- ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Том V. 1713–1719.
- Стужина Э. П., 1970. Китайское ремесло XVI–XVIII вв. М.
- Френкель Я. В., 2007. Опыт атрибуции археологического фарфора XVIII века (предварительные результаты и методические замечания) // АИППЗ. Материалы LI, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. 353–361. Псков.
- Френкель Я. В., Хаврин С. В., 2012. Опыт культурно-хронологической атрибуции китайского фарфора рентгенофлюоресцентным методом // Керамика и фарфор Дальнего Востока: Проблемы стиля и взаимовлияний. Труды ГЭ. Том 59. СПб: Изд-во ГЭ. С. 160–169.
- Arnold K.-P., Reichel F., 1989. Die blaumalerei vor der Erfindung des europäischen Porzellans / Meissener Blaumalerei aus drei Jahrhunderten. Leipzig. S. 13–27.
- Bentz B., Dupournier D., 1998. Chemical Analyses of Dutch Tiles from the Castles of Marley (Yvelines), Rochechouart (Haute-Vienne) and Labbeville (Val-d'Oise) // Journal of the Tiles and Architectural Ceramics society. Vol. 7. P. 23–29.
- Gaimster D., 1997. German Stoneware 1200–1900. Archaeology and Cultural History. London.
- Gratuze B., Soulier I., Blet M., Vallauri L., 1996. De l'origine du cobalt: du verre à la céramique // Revue D'Archeometrie, 1996, № 206. P. 77–94.
- Freestone I. C., Tite M. S., 1997. The Technology of German Stoneware Glazes // Appendix II. 354–357 / Gaimster D. German Stoneware 1200–1900. Archaeology and Cultural History. London.
- Fu Kang Z., 1987. Technical studies of Changsha Ceramics // Archaeomaterials. Vol. 2. Number 1. PP. 83–92.
- Kerr R., Emeyoni L. with contribution by M. Wilson, 2011. Chinese Export Ceramics. London.
- Krahl R., 1986. Chinese Ceramics in the Topkapi Saray Museum. Istanbul. A complete Catalogue. Vol. III Qing Dynasty Porcelain. Hampshire – Tokyo.
- Lemmen H. von, 1997. Delftware Tiles. London.
- Medley M., 1980. The Chinese Potter, Ithaca, New York.
- Nienhaus H., 1984. Zum krugbäckerhandwerk im Westerwald // Keramos heft 106 Oktoder. 39–68
- Reineking-von Bock G., 1971. Steinzeug. Kunstgewerbemuseum der Stadt Köln. Köln.
- Welsh J., 2014. Out of the Ordinary. Living with Chinese Export Porcelain London – Lisbon.
- Jedding H., 1971. Europäisches Porzellan. Band I. München.
- Qingzheng W., 2002. A Dictionary of Chinese Ceramics. Singapore.

О. В. Григорьева, М. В. Медведева

Документальное наследие Г. П. Гроздилова в Научном архиве ИИМК РАН

O. V. Grigorieva, M. V. Medvedeva. The Documentary Heritage of G. P. Grozdilov in the Scientific Archive of IHMC RAS

Abstract. A large number of documents on scientific activity of G. P. Grozdilov are stored in the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. Photographic and manuscript materials came to the Archive during his work at the State Academy of History of Material Culture (SAHMC) and at the Institute History of Material Culture (IHMC) in the 1920-1950-s. Documents are not allocated in a separate collection. They are part of the archival collections of various institutions kept in different Archive departments. The main complex of archival materials related to G. P. Grozdilov consists of field documentation (reports, diaries, photographs, drawings) from the archaeological expeditions of SAHMC and IHMC. Materials of Karelian and White Sea expeditions of the 1930-s and the Staraya Ladoga expedition in 1930–1950 are the most significant.

Ключевые слова: Г. П. Гроздилов, Научный архив, археология Северо-Запада России

Keywords: G. P. Grozdilov, scientific archive, archaeology of the North-West of Russia

В 2015 году исполнилось 110 лет со дня рождения Григория Павловича Гроздилова (1905–1962 гг.) (рис. 1). Со студенческой скамьи и до последнего года жизни его судьба была неразрывно связана с археологией. Много лет он проработал, совмещая две должности: археолога в ГАИМК и хранителя музейных фондов в Эрмитаже (Академическая археология..., 2013. С. 342–343). Г. П. Гроздилов занимался исследованиями памятников самых разных эпох – от каменного века до позднего средневековья, но основной темой своих научных изысканий он считал изучение «*археологических памятников лесной полосы СССР, т.н. неолитические поселения, либо памятники времени формирования феодализма в Восточной Европе*»¹ (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5.

¹ Выдержки из архивных документов публикуются в авторской редакции с сохранением орфографии, пунктуации и сокращений.

Рис. 1. Г. П. Гроздилов. 1940 год (ФО НА ИИМК РАН. I 28870)

Д. 79. Л. 33). Коллеги характеризовали его как «первоклассного полевого исследователя широкого профиля и высококвалифицированного музейного работника» (Давидан, 1964. С. 78). За годы работ в самых различных экспедициях Г. П. Гроздилов накопил бесценный практический опыт и превосходно справлялся с любыми видами полевых исследований, камеральной обработки и систематизации археологических коллекций. Будучи на протяжении многих лет «верным и постоянным помощником» В. И. Равдоникаса в Карельской, Оленеостровской и Староладожской экспедициях, он выполнял колоссальный объем работ. С другой стороны Григория Павловича отличали поразительная скромность и трудолюбие. Он не оставил монографических научных трудов, но написанные им дневники и отчеты, снабженные множеством зарисовок и схем, с легкостью восполняют этот пробел. Все, кто сталкивался с ними, отмечали, что они сами по себе являются «своеобразным исследованием и имеют неопределимое значение для науки» (Смирнова, Давидан, 1995. С. 6).

В процессе научно-исследовательской работы Г. П. Гроздилова в ГАИМК/ИИМК накопился значительный объем фотографических и рукописных

материалов, хранящихся в настоящее время в Научном архиве ИИМК РАН. Документы вошли в состав нескольких фондов: в Рукописном отделе – Ф. 2. Фонд РАИМК/ГАИМК (1919–1937 гг.); Ф. 35. Фонд ИИМК (1938–2012 гг.); Ф. 312. Фонд ИИМК. Управленческая документация (1938–2005 гг.); в Фотоотделе – Ф. 46. Фонд ГАИМК; Ф. 47. Фонд ИИМК АН СССР. Начало деятельности ученого в ГАИМК документируется в 1927 г., когда он был принят в штат (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 68; Ф. 35. Оп. 5. Д. 79). Личное дело открывается заявлением от 17 декабря 1927 г.: *«Прошу зачислить меня научно-техническим сотрудником по разряду Этнографии. Считаю совершенно приемлемым для себя половинный оклад, так как работа в Академии может дать те практические сведения, которые для меня необходимы в дальнейшей научной работе»* (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 1). Последняя запись – выписка из приказа: *«Ст. научн. сотр. ИИМК – Гроздилова Г. П. с 23 июня 1941 г. считать мобилизованным в Красную Армию»* (Там же. Л. 57).

Из автобиографии исследователя мы узнаем, что еще студентом он активно включается в экспедиционную и научную жизнь Государственной Академии истории материальной культуры. Свой первый археологический опыт он получил в 1925–1926 гг. в Северо-Кавказской экспедиции под руководством А. А. Миллера и в Средневожской и Костенковской экспедициях под руководством П. П. Ефименко. Тогда же он занимался обработкой коллекций Средневожской экспедиции и подготовкой выставки работ ГАИМК в честь 10-летия празднования Октябрьской революции (Там же. Л. 2–2 об; 49).

В 1927–1929 гг. молодой ученый состоял в Комиссии по учету и охране палеоэтнологических памятников Ленинградской области и принимал участие в составлении картотеки данных для создания карты археологических памятников Северо-Запада России (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 121. Л. 150–158). В 1927 г. по заданию Комиссии он вместе с Н. Н. Чернягиным и П. Н. Шульцем в составе Северо-Западной экспедиции обследовал территорию Лужского округа (Археологические экспедиции..., 1962. С. 45). В фондах Архива хранятся их полевые дневники и подробные отчеты с чертежами и рисунками (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 106–107; Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 84–87, 90–98, 100–101, 104–107). Надо отметить, что в эти годы активные полевые экспедиционные работы Г. П. Гроздилов совмещал с учебой на Археологическом отделении Ленинградского Государственного университета, который закончил в 1928 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 32). В 1928–1929 гг. он работал в Рязанской, затем в Средневожской экспедициях также под руководством П. П. Ефименко (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 49; *Смирнова, Давидан*, 1995. С. 5).

В 1929 г. начинается сотрудничество Г. П. Гроздилова с В. И. Равдоникасом в составе Карельской экспедиции ГАИМК (1929–1930 гг.) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 121. Л. 104). В этом году они вдвоем провели первое систематическое обследование археологических памятников в Череповецком округе, среди которых осматривали и известное городище Крохино (средневековое Белоозеро) (Там же. Л. 125–126; ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 93, 217, 249–254). Часть сложного и местами опасного маршрута молодой

исследователь прошел самостоятельно. *«Проведение работ было поручено Вл. И. Равдоникасу и мне, при чем первая часть была выполнена совместно, вторая же – мною одним ...Надо сказать, что маршрут мог бы быть несколько быстрее закончен, но этому мешали некоторые затруднения. Так, например, на реке Чагоде, в низовьях ее бродит большое количество ссыльных, которые зачастую обирают прохожих. Дом крестьянина одиноко расположенный на р. Чагоде вдалеке от деревень носит название «перепутье», но об этом говорит лишь одна вывеска. У местных же жителей этот дом называется «грабильовка». Название оправдывает и содержание. Эта причина заставила меня сделать лишний путь»* (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 126. Л. 1–1 об.).

В 1930 г. Карельская экспедиция провела крупномасштабные работы в Юго-Восточном Приладожье. В фондах Архива хранятся фотографии полевых работ и этнографических обследований в Видлецком и Олонецком районах Карелии, раскопок курганных могильников по рекам Сясь и Оять, археологических находок, просветительской работы в деревнях, снимки предметов из этнографических сборов (ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 84, О. 202–203, О. 217, О. 264–265, О. 302). Среди них есть изображения Григория Павловича, где он запечатлен на раскопках кургана (рис. 2).

1931 г. прошел для него вне археологической жизни из-за призыва в Красную Армию. По приходу со службы в 1932 г. Г. П. Гроздилов снова был зачислен в штат ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 32 об., 52). В 1932 г. он работал в Костенковской экспедиции под руководством П. П. Ефименко (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 103. Л. 3, 10, 12).

В 1933–1934 гг. Г. П. Гроздилов участвовал в работах Балтийско-Беломорской экспедиции в зоне ГУЛАГа (рук. Б. Ф. Земляков), исследовавшей неолитические стоянки восточного берега Онежского озера (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 148–150; Д. 150. Часть I; Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 14–15). В полеводном дневнике начальника экспедиции описаны многочисленные организационные трудности, с которыми сталкивались ученые во время работ: *«...прежде всего, оказалось, что о договоре с ГАИМК здесь никто ни чего не слышал. Пришлось потратить массу времени на розыски договора, для чего пришлось обойти чуть не все отделы Управления ... 17 августа оказалось кануном годовщины дня открытия Балтийско-Беломорского канала. Праздновать это событие собирались с большой помпой. ...Все это крайне осложняло устройство наших дел, т.к. все были заняты по горло ... с рабочими здесь плохо: или урки или нацмены инвалиды почти не говорящие по-русски ... помещение для жизни на 3-м шлюзе, отведенное для нас Управлением оказалось настолько скверным, что мы решили не трогать его из города, где в нашем распоряжении оказалось очень недурная комната»* (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 150. Часть I. Л. 3–4, 30–31).

В качестве отдельного отряда Г. П. Гроздилов и Н. Н. Чернягин провели спасательные раскопки уникального курганного могильника X–XI вв. у с. Челмужи на северо-восточном берегу Онежского озера. В Архиве хранятся полевой отчет, составленный Г. П. Гроздиловым, полевые дневники, альбом с рисунками и чертежами раскопок (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 150. Часть II–III; Д. 342). Фотосъемка полевых исследований произведена Г. П. Гроздиловым:

Рис. 2. Г. П. Гроздилов на раскопках кургана на р. Сясь. Карельская экспедиция. 1930 г.
(ФО НА ИИМК РАН. О. 217/9)

на снимках зафиксированы процесс раскопок, план кургана с погребением, археологические находки (ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 1094–1097). Серия фотографий (рис. 3–4) замечательно иллюстрирует сообщение от 17 сентября 1934 г. в полевом дневнике: *«В этот день нами организована экскурсия в ближайшие окрестности с. Челмужи. Была осмотрена, зафотографирована и зарисована старая Челмужская церковь. По сведениям от крестьян церковь построена 330–350 лет т. назад ...От церкви направились по берегу р. Немены (вверх по течению). Вышли за д. Верховье к часовне, расположенной на высоком левом берегу старого русла р. Немены. Под часовней нами обнаружена стоянка ... был собран небольшой подъемный материал»* (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 13640, I 13644, I 13742; РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 150. Часть II. Л. 21–23). Запись в дневнике позволила установить точную дату снимков.

В 1934 г. Григорий Павлович снова работал у В. И. Равдоникаса, на этот раз в Свирской экспедиции. Группа ГАИМК занималась обследованием археологических памятников в районе строительства Свирской гидроэлектростанции (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 151–152; Ф. 35. Оп. 5. Д. 79.

Рис. 3. Челмужская деревянная церковь. Балтийско-Беломорская экспедиция. 1934 г.
(ФО НА ИИМК РАН. I 13640)

Л. 12; ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 1074, 1409). Северные экспедиции тех лет проходили в тяжелых условиях. Страницы полевого дневника Г. П. Гроздилова свидетельствуют, что экспедиция в зоне Свирьстроя также не стала исключением: *«Переход был сильно осложнен большой поклажей (провизия) которую пришлось нести на себе в рюкзаках, что лишило нас возможности сделать большой переход. В д. Силина Кара мы были предупреждены о том, что путь по верху террасы опасен из-за беглых услонцев, которые вообще терроризируют*

Рис. 3. Челмужская деревянная церковь. Балтийско-Беломорская экспедиция. 1934 г.
(ФО НА ИИМК РАН. I 13640)

в последнее время местное население» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 152. Тетрадь № 2. Л. 4–6).

С 1934 г. Г. П. Гроздилов совмещал научную деятельность в ГАИМК с работой в Государственном Эрмитаже. Судя по его плотному рабочему графику, все свое личное время он отдавал работе: «... в Эрмитаже с 9 до 14.30 ч. и в ГАИМК с 15 до 21 часа» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 8, 10).

В мае 1935 г., как следует из материалов личного дела исследователя, он был включен в состав историко-археологического отряда Монгольской экспедиции Академии наук СССР под руководством Н. М. Токарского (Там же. Л. 17, 20). Никаких данных об этой поездке в Архиве ИИМК не удалось найти.

В этом же году Г. П. Гроздилов был командирован в Новгородскую экспедицию для участия в раскопках Рюрикова городища (Там же. Л. 13, 21–23, 31). Начальником экспедиции был В. И. Равдоникас, но работы проводил Григорий Павлович. Исследования на Городище совпали с его научными интересами и плановой темой в ГАИМК – «Материалы родового общества на территории

Северо-Запада». Вплоть до 1975 г. это были самые значительные раскопки на памятнике, выявившие сложную стратиграфию мысовой части. В 1940 г. ученый опубликовал статью, посвященную неолитическим слоям памятника (Гроздилов Г. П., 1940. С. 36–38). Тщательность полевых исследований, «взвешенность выводов» и «внимание ко всем археологическим периодам» высоко оцениваются и современными специалистами (Носов Е. Н., 1995. С. 63). В Архиве сохранился его отчет с фотографиями и рисунками находок, чертежная документация (планы и разрезы) и ее пересъемка (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 276; ФО НА ИИМК РАН. Альбом О. 1220/1–10).

В 1936 г. Григорий Павлович официально назначается руководителем Куйбышевской экспедиции ГАИМК. Экспедиция должна была произвести обследование района строительства гидроэлектростанции на Средней Волге (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 13, 29–31, 44–45). Подготовку этой экспедиции Григорий Павлович совмещал с разведками на Оленьем острове в Карелии по заданию В. И. Равдоникаса. В Поволжье Г. П. Гроздилову предстояло изучить значительный по площади район, подлежащий затоплению в ближайшем будущем. Как видно из сообщений в полевых дневниках, работы сильно осложнялись тем, что буквально с момента приезда на место исследований и до конца экспедиции весь личный состав по очереди переболел малярией. В неимоверно тяжелых условиях они не переставали активно трудиться – занимались раскопками, делали топосъемку и фотофиксацию археологических объектов (рис. 5) – и спасли для науки немало археологических памятников. В Архиве ИИМК сохранились их полевые дневники, фотографии процесса археологических исследований из разведок и раскопок (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 378–379; Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 86. Л. 14, 28–31, 34–41; ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 1293–1294).

В 1936–1937 гг. состоялась Карельская, или Оленеостровская, экспедиция под руководством В. И. Равдоникаса. Сотрудники экспедиции исследовали уникальный неолитический могильник на Южном Оленьем острове в Онежском озере. В Архиве ИИМК РАН хранится большое количество рукописных материалов этой экспедиции, раскрывающих подробности ее организации и процесса раскопок (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 27–28, 31, 48; Ф. 2. 1937. Д. 76. Л. 10, 12, 14–15, 18, 29–33, 36, 105–106). В фотоальбомах собраны фотографии процесса полевых работ, находок, общих видов могильника, снимки погребений и т. д. (ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 1409, О. 2206, О. 2210–2211, Q 629).

В конце июня 1936 г. Г. П. Гроздилов вдвоем с Н. Н. Гуриной выехали на Олений остров для предварительного обследования могильника и произвели раскопки первых погребений (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 385–386; Д. 411–412; Д. 412а–412б; Д. 413). В 1937 г. было организовано систематическое изучение памятника. Г. П. Гроздилов руководил отрядом, а также замещал начальника экспедиции В. И. Равдоникаса во время его отсутствия. В аттестационном отзыве на Г. П. Гроздилова в 1937 г. В. И. Равдоникас сообщал: *«Я с глубоким удовлетворением из года в год наблюдал его рост, как археолога и в настоящее время с полным правом могу сказать, что в лице*

Рис. 5. Г. П. Гроздилов на раскопках кургана. Куйбышевская экспедиция. 1936 г.
(ФО НА ИИМК РАН. О. 1293/18)

Г. П. Гроздилова мы имеем настоящего советского исследователя со специальностью по полевой археологической работе и по камеральной обработке археологических материалов» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 40).

Среди архивных документов сохранилась интересная организационная переписка, из материалов которой видно, с каким нетерпением В. И. Равдоникас ожидал своего заместителя после возвращения с военных сборов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937. Д. 76; Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 47). 29 июля 1937 г. В. И. Равдоникас срочно телеграфировал из экспедиции в ГАИМК: *«Прошу немедленно откомандировать на Олений остров Гроздилова и Чернягина вместе с ними выслать пять тысяч рублей десять кило цапону и оберточной бумаги = Равдоникас»* (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937. Д. 76. Л. 36). А уже 5 августа 1937 г. он пишет в ГАИМК: *«Приехали Г. П. Гроздилов и Н. Н. Чернягин. Благодарю за их откомандирование. Их приезд меня окрылил. Высылайте деньги все полностью. 5/VIII – 1937 г. Олений остров. Нач. Карельской Экспедиции Вл. Равдоникас»* (Там же. Л. 33). В конце письма содержится приписка: *«...Итак, прошу сверх сметы еще 2000 р. Прошу также закрепить Г. П. Гроздилова до конца наших работ за экспедицией. Прошу перевести деньги по телеграфу немедленно. Вл. Равдоникас»* (Там же. Л. 33).

Несомненно, Григорий Павлович внес существенный вклад в изучение Оленеостровского могильника. Свои обязанности он выполнял с присущей ему тщательностью и научной любознательностью. *«Задание, полученное от нач-ка экспедиции В. И. Равдоникаса считаю полностью выполненным. ... Безусловно, продолжение археологических работ на Оленьем острове является одной из первоочередных работ. И не только исследование могильника, а организация систематического обследования прилегающих к могильнику районов помогут расшифровать время этого интереснейшего неолитического памятника»* (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 301. Л. 41–42).

С 1938 г. начинается новый этап археологической деятельности Г. П. Гроздилова, связанный с его многолетними трудами в Староладожской экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса (1938–1940, 1947–1950, 1957–1959 гг.). В этом году состоялись разведочные работы на Земляном городище и прилегающих к нему участках: были проведены топографическая съемка, нивелировка и заложены небольшие раскопы. Совместная экспедиция была организована Историческим факультетом Ленинградского государственного университета и ГАИМК, к тому времени переименованной в Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. В последующие годы к исследованиям привлекались многие сотрудники ИИМК и Эрмитажа. В результате археологического изучения Старой Ладogi в Архиве ИИМК РАН отложился значительный блок экспедиционной документации, в том числе и архивные материалы по деятельности Г. П. Гроздилова.

В экспедиции Григорий Павлович – заместитель В. И. Равдоникаса, постоянно занятого университетскими делами, – брал на себя основную часть работы. По записям в полевых дневниках можно проследить, как много Г. П. Гроздилов успевал сделать: на раскопе распределял обязанности между рабочими, писал подробный полевой дневник, занимался хозяйственными делами экспедиции, проводил экскурсии для студентов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 192–200; Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 1. Л. 2; Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 116–118). Кроме того он вел камеральную обработку находок и составлял описи. *«По окончании работ, ежедневно мной просматривался весь материал, добытый за день и отбирался для упаковки, при чем в дневнике составлялось описание находок и указывалось количество взятых находок для дальнейшей обработки. При большом количестве сотрудников – участников раскопок, эта работа часто заканчивалась в очень позднее время»* (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 200. Л. 11).

В 1939–1940 гг. политические события внесли коррективы в судьбу исследователя, он был призван на советско-финскую войну, по ее окончании на несколько месяцев Г. П. Гроздилов успел ненадолго вернуться к археологической работе (Давидан, 1964. С. 78).

Весной 1941 г. как обычно началась подготовка Староладожской экспедиции, в марте Григорий Павлович поехал в командировку в Старую Ладogu «для разрешения вопросов о предстоящей экспедиции», но уже 12 мая был отправлен на военные сборы и 23 июня ушел на фронт (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Л. 55–57). В самом начале войны его часть попала в окружение,

и он оказался в плену. Состояние здоровья Г. П. Гроздилова было сильно подорвано в годы войны – до освобождения в апреле 1945 г. ему пришлось пройти несколько немецких концлагерей, где он выполнял тяжелые земляные работы (Смирнова, Давидан, 1995. С. 6). После Великой Отечественной войны Григорий Павлович выбрал Эрмитаж в качестве основного места службы и вышел из постоянного штата сотрудников ИИМК, но его тесная связь с Институтом не прерывалась вплоть до 1959 г. (Там же. С. 6).

В 1947 г. он вновь приступил к работам в Староладожской экспедиции. На протяжении нескольких лет, как и прежде, Г. П. Гроздилов являлся основным помощником В. И. Равдоникаса и вместе с ним руководил организацией и процессом раскопок на Земляном городище. Он также занимался систематизацией и камеральной обработкой староладожских археологических коллекций (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 70; 72–76; Ф. 35. Оп. 1. 1948. Д. 127–131; Ф. 35. Оп. 1. 1949. Д. 133–136; Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 117–120).

В 1957 г. Г. П. Гроздилов собирался в экспедицию, но помешала неожиданная болезнь (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1957. Д. 10). О возникших в связи с этим проблемах мы узнаем из дневника сотрудницы экспедиции В. В. Храмовой: *«Накануне - 24 мая - неожиданно в Ленинграде заболел зам. начальника экспедиции Г. П. Гроздилов (приступ стенокардии). ...Учитывая: 1. Небольшой срок работы (до 10 июля с/г). 2. Ограниченность средств ... 3. Изменения в руководящем составе. а) Внезапное серьезное заболевание зам. начальника экспедиции Г. П. Гроздилова, который в результате этого не довел до конца организационную часть экспедиции (у него на руках остались деньги, смета расходов, чертежи и планы, фотоматериалы и фотопринадлежности, причем некоторые из этих материалов, например, чертежи и планы, частично хранятся у него дома, вместе с другой документацией, так что без него не могут быть найдены). ... можно думать сделать следующий прогноз: 1. Работа будет весьма напряженной и отчасти даже будет элемент лихорадочности»* (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1957. Д. 1. Л. 4, 15–17). В 1958 г. Григорий Павлович снова выполнял привычные обязанности в Староладожской экспедиции, только в меньшем объеме (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 2; 13). В 1959 г. он участвовал в организации экспедиции, но уже практически не выезжал на место раскопок (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1959. Д. 9. Л. 4, 38, 61, 62).

За все годы деятельности Староладожской экспедиции в рукописном отделе НА ИИМК РАН отложился большой комплекс полевой документации, подготовленной именно Г. П. Гроздиловым. Особо следует отметить его дневники, дающие подробное описание жизни экспедиции и процесса раскопок. Они снабжены большим количеством прекрасных иллюстраций – планов раскопов и рисунков находок, подготовленных самим автором (рис. 6).

В фотоотделе также хранится большое количество экспедиционных снимков из Старой Ладоги разных лет. За 1938–1940 гг. имеются фотоматериалы процесса исследований Земляного городища и грунтового могильника, археологических находок, виды крепости, пересъемка чертежей и сводного плана раскопок (ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 1054,

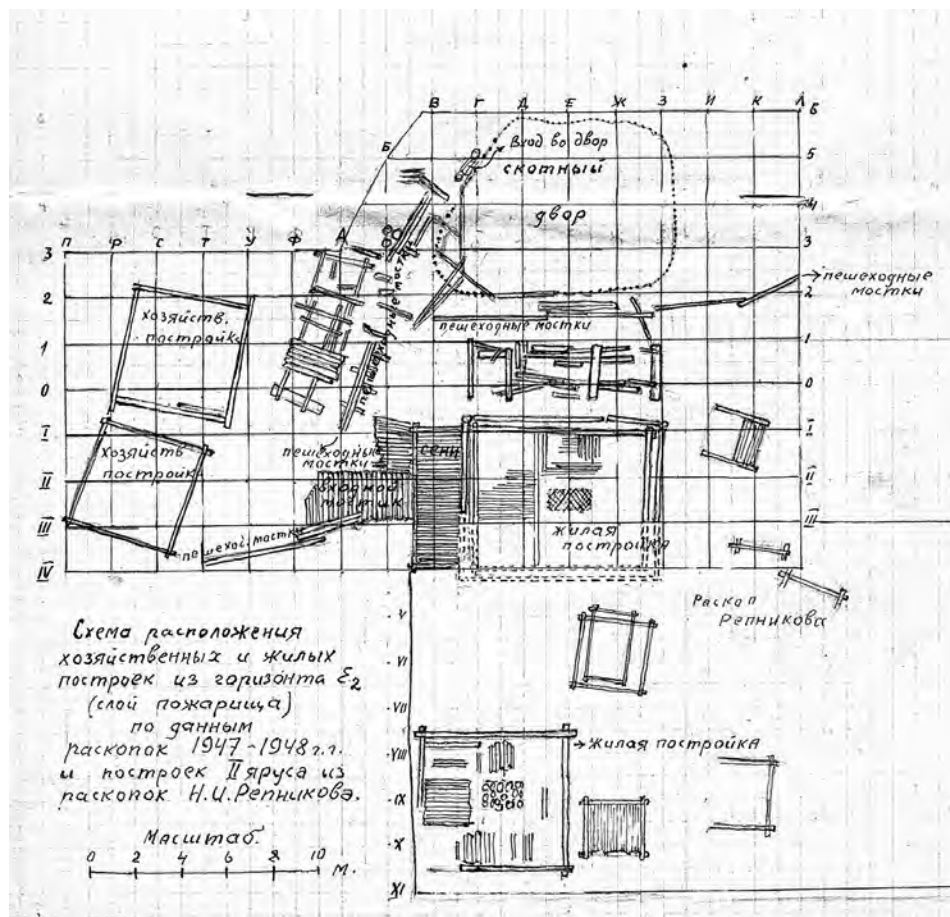

Рис. 6. Схема построек из горизонта Е-2. Фрагмент полевого дневника Г. П. Гроздилова. Староладовская экспедиция. 1948 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1948. Д. 131. Л. 8)

О.1601). За 1947–1949 гг. – фотографии раскопок на Земляном городище, находок, пересъемка рисунков керамики и чертежей (ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 1630–1631, О.1633–1634, О.1643, О. 1714/44–46, О. 1725). За 1950 г. и 1957–1959 гг. – фотографии процесса полевых работ и находок (ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О. 1800–1802; О. 2083, О. 2152–2153, О. 2168, О. 2240–2241). На групповых фотографиях и на снимках рабочих моментов, сделанных в разные годы, неоднократно запечатлен сам Г. П. Гроздилов (рис. 7–8).

Наряду с работой в Староладовской экспедиции Г. П. Гроздилов принимал участие и в других проектах ИИМК. В 1940 г. он руководил Калужской экспедицией по исследованию археологических памятников в зоне затопления р. Оки и ее притоков в Калужском районе Тульской области. В процессе

Рис. 7. Участники экспедиции. В центре группы стоят В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов.
Старая Ладога. 1949 г. (ФО НА ИИМК РАН. О. 1725/82)

экспедиции Г. П. Гроздилов раскопал группу курганов XI–XII вв. у д. Слеви-
дово и обследовал Воротынское городище (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.
1940. Д. 1. Л. 4–5; Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 76–77).

В 1946 г. он участвовал в Днепровской (Славянской) экспедиции под ру-
ководством П. Н. Третьякова, где произвел разведки по притокам среднего
Днепра (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1946. Д. 33–34; ФО НА ИИМК
РАН. Альбом О. 1568/1–7).

В 1952 г. Г. П. Гроздилов был начальником Староладожского отря-
да Невской экспедиции (рук. – Н. Н. Гурина) и исследовал местность по пра-
вому берегу р. Волхов. В Архиве отложились его краткий отчет и подробные
дневники с планами и рисунками находок (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.
1952. Д. 63, 66–69). В фотоотделе хранятся снимки процесса разведок и поле-
вых работ экспедиции, находок, чертежей (ФО НА ИИМК РАН. Альбомы О.
1816–1817, О. 1989).

С 1953 г. Григорий Павлович начинает исследования Псковской земли,
а с 1954 года и до последних дней жизни возглавляет Псковскую археологи-
ческую экспедицию Государственного Эрмитажа (*Лабутина*, 1995. С. 82–84;
Смирнова, Давидан, 1995. С. 6–7). Об этих работах он докладывал на заседа-
ниях секции славяно-русской археологии на Пленумах ЛОИИМК АН СССР
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 393. Л. 119; Ф. 312. Оп. 1. Д. 447. Л. 89–90,
107). С 1959 года, после того как Староладожская экспедиция прекратила свою

Рис. 8. Г. П. Гроздилов на раскопе. Старая Ладога. 1950 г. (ФО НА ИИМК РАН. О. 1800/64)

деятельность, Г. П. Гроздилов полностью переключился на археологическое изучение древнего Пскова.

Подводя итоги, можно отметить, что в результате поиска документов, связанных с научной деятельностью Г. П. Гроздилова, в фондах НА ИИМК РАН было выявлено большое количество материалов (отчеты, дневники, фотографии, чертежи), накопленных за годы его участия в различных экспедициях ГАИМК/ИИМК (*Приложение*). Предварительный анализ комплекса документов показывает значительный личный вклад ученого в развитие полевых археологических исследований XX века, особенно на Северо-Западе России. Документальное наследие Г. П. Гроздилова, безусловно, имеет важное научное значение и заслуживает более подробного рассмотрения специалистами, тем более что многие материалы до сих пор не введены в научный оборот и остаются за рамками научных публикаций.

Литература

- Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб. 2013.
- Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М. 1962.
- Гроздилов Г. П., 1940. Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6–7. М.–Л.
- Давидан О. И., 1964. Г. П. Гроздилов. Некролог // Сообщения ГЭ. Т. XXV.
- Лабутина И. К., 1995. Начало археологического изучения Среднего города в Пскове // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб.
- Носов Е. Н., 1995. Раскопки Г. П. Гроздилова в 1935 г. на Рюриковом городище под Новгородом // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб.
- Смирнова Г. И., Давидан О. И., 1995. Памяти Григория Павловича Гроздилова // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб.

Приложение

Материалы Г. П. Гроздилова в Научном архиве ИИМК РАН

Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН)

- Ф. 2. Оп. 5. Д. 68. Трудовой список Г. П. Гроздилова.
- Ф. 35. Оп. 5. Д. 79. Личное дело Г. П. Гроздилова.
- Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 106. Дневник археологических разведок в Лужском уезде Ленинградской области сотрудников ГАИМК П. Н. Шульца и Г. П. Гроздилова в 1927 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 107. Дневник археологических разведок в Лужском уезде Ленинградской области сотрудников ГАИМК Г. П. Гроздилова и Н. Н. Черныгина в 1927 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 121. Исследование Ленинградской области. Переписка и планы.
- Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 126. Гроздилов Г. П. Отчет по палеоэтнологическому обследованию в Череповецком округе в 1929 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 84. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Батецкий р-он д. д. В–З.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 85. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Батецкий р-он д. д. Коломищи и Ивня.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 86–87. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Батецкий р-он д. д. К–Р.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 90–96. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Лужский р-он д. д. А–Ш.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 97. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Оредежский р-он д. д. Б–В.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 98. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Оредежский р-он д. д. Е–Н.

- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 100. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Плюсский р-он д. д. Д–К.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 101. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Плюсский р-он д. д. П–С.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 104. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Струго-Красненский р-он д. д. В–Д.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 105. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Лужский округ Струго-Красненский р-он д. д. К–М.
- Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 106–107. Материалы по учету археологических памятников Ленинградской области в 1927 г. Струго-Красненский р-он д. д. О–Я.
- Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 103. Экспедиция в Центральную Черноземную область по изучению палеолитических местонахождений в с. Костенках в 1932 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 148. Беломорско-Балтийская экспедиция ГАИМК в 1934 г. Переписка по экспедиции, план и сметы работ, предварительные отчеты, описи находок и фотоснимков.
- Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 149. Чертежи Беломорско-Балтийской экспедиции ГАИМК в 1934 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 150. Материалы полевой документации Балтийско-Беломорской экспедиции 1934 г. (в 3-х частях).
- Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 151. Свирская экспедиция в 1934 г. Переписка со Свирьстроем и экспедицией.
- Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 152. Дневники Свирской экспедиции 1934 г. (в 4-х тетрадях).
- Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 342. Отчет Г. П. Гроздилова о раскопках курганов близ с. Челмужи в 1934 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 276. Отчет Г. П. Гроздилова. Раскопки в Новгороде в 1935 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 378–379. Гроздилов Г. П. Дневник Куйбышевской экспедиции ГАИМК в 1936 г. Тетрадь 1–4.
- Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 385. Дневник работ произведенных Н. Н. Гуриной и Г. П. Гроздиловым во время командировки на Олений Остров Карельской автономной республики в 1936 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 386. Дневник Карельской экспедиции ГАИМК в 1936 г. Опись чертежей экспедиции. Нивелировка раскопа на Оленьем острове.
- Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 411. Оленеостровский могильник. Описи находок.
- Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 412, 412 а–б. Оленеостровский могильник. Чертежи погребений. Часть I–III.
- Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 413. Оленеостровский могильник. Дневник раскопок Н. Н. Гуриной и Г. П. Гроздилова в 1936 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 301. Гроздилов Г. П. Дневник археологических раскопок могильника на Оленьем острове в 1937 г.
- Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 76. Общая переписка по экспедициям ГАИМК за 1937 г. (Ангарская, Владимиро-Суздальская, Восточно-Сибирская, Карельская, Эски-Керменская).
- Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 86. Общая переписка по экспедициям ГАИМК за 1937 г. (Бахчисарайская, Калужская, Куйбышевская, Терская).
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 188. Равдоникас В. И. Предварительный отчет об археологических исследованиях в Старой Ладогe в 1938 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 189. Равдоникас В. И. План работ археологической экспедиции в Старой Ладогe в 1938 г., смета и список студентов.
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 190. Равдоникас В. И. Дневник Староладожской экспедиции в 1938 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 192. Гроздилов Г. П. Дневник археологических исследований в Старой Ладогe в 1938 г. (чистовой экземпляр).

- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 193. Гроздилов Г. П. Дневник археологических исследований в Старой Ладогe в 1938 г. (черновой вариант).
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 194. Гроздилов Г. П. Опись находок Староладожской экспедиции в 1938 г. Коллекция № 12.
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 195–197. Гроздилов Г. П. Описи находок Староладожской экспедиции в 1938 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 198. Гроздилов Г. П. Опись находок Староладожской экспедиции за 1938–1945 гг., утративших шифры.
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 199. Гроздилов Г. П. Отчет о работе Староладожской экспедиции за 1938 г. (черновой вариант).
- Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 200. Гроздилов Г. П. Краткий отчет о проведенной командировке в Старую Ладогy в 1938 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 1. Перечень экспедиций и научных командировок сотрудников ИИМК за 1940 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 76. Гроздилов Г. П. Предварительный отчет об участии в археологических работах по обследованию памятников в зоне затопления р. Оки и ее притоков р. Угры и р. Выссы Калужского района Тульской области в 1940 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 77. Гроздилов Г. П. Краткий отчет о командировке и участии в археологических работах по обследованию памятников в зоне затопления р. Оки и ее притоков р. Угры и р. Выссы Калужского района Тульской области в 1940 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 116–117. Равдоникас В. И. Полевой дневник археологических работ 1940 г. в Старой Ладогe. Ч. 1–2.
- Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 118. Равдоникас В. И. Полевой дневник археологических работ 1940 г. в Старой Ладогe. Копия, составленная Г. Ф. Корзухиной.
- Ф. 35. Оп. 1. 1946. Д. 33. Третьяков П. Н. Дневник обследований памятников по берегам р. Россава в 1946 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1946. Д. 34. Гроздилов Г. П. Дневник археологического обследования памятников по р. Росси в 1946 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 70. Равдоникас В. И. Отчет о раскопках в Старой Ладогe в 1947 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1947. Д. 72–76. Гроздилов Г. П. Дневник раскопок в Старой Ладогe в 1947 г. Ч. 1–5.
- Ф. 35. Оп. 1. 1948. Д. 127. Гроздилов Г. П. Отчет о раскопках в Старой Ладогe в 1948 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1948. Д. 128. Иллюстрации к отчету о раскопках в Старой Ладогe в 1948 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1948. Д. 129–131. Гроздилов Г. П. Дневник № 1–3 полевых работ Староладожской экспедиции в 1948 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1949. Д. 133. Равдоникас В. И. Отчет о раскопках в Старой Ладогe в 1949 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1949. Д. 134–136. Гроздилов Г. П. Дневник № 1–3 археологических работ в Старой Ладогe в 1949 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 117. Равдоникас В. И. Предварительный отчет о раскопках в Старой Ладогe в 1950 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 118–119. Гроздилов Г. П. Дневник № 1–2 полевых работ в Старой Ладогe в 1950 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1950. Д. 120. Полевые описи находок из раскопок Староладожской экспедиции в 1950 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1952. Д. 63. Гроздилов Г. П. Краткий отчет об археологическом обследовании в районе юго-восточного Приладожья в 1952 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1952. Д. 66. Гурина Н. Н., Гроздилов Г. П. Дневник раскопок курганов близ Старой Ладоги у д. Чернавино и обследование местности по правому берегу Волхова от д. Исада до д. Юшково в 1952 г.

- Ф. 35. Оп. 1. 1952. Д. 67–69. Гроздилов Г. П. Дневники обследования местности по правому берегу Волхова от д. Изсада до д. Юшково в 1952 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1957. Д. 1. Храмова В. В. Дневник Староладожской экспедиции № 1 в 1957 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1957. Д. 10. Равдоникас В. И. Отчет о работе Староладожской экспедиции в 1957 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 2. Равдоникас В. И. Отчет о раскопках в Старой Ладогге в 1958 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 13. Гроздилов Г. П. Дневник Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г.
- Ф. 35. Оп. 1. 1959. Д. 9. Лаушкин К. Д. Дневник № 1 Староладожской экспедиции в 1959 г.
- Ф. 312. Оп. 1. Д. 393. Материалы Пленума ЛОИИМК АН СССР, посвященного итогам работ археологических экспедиций за 1954 г.
- Ф. 312. Оп. 1. Д. 447. Протоколы Пленума и секций ИИМК АН СССР, посвященные итогам работ экспедиций в 1958 г.

Фотографический отдел Научного архива ИИМК РАН (ФО НА ИИМК РАН)

- Альбомы О. 84, О. 93, О. 202–203, О. 217, О. 249–254, О. 264–265, О. 302. Материалы Карельской экспедиции 1929–1930 гг.
- Альбом О. 1054. Староладожская экспедиция 1940 г.
- Альбом О. 1074. Свирская экспедиция 1934 г. (снимал Г. П. Гроздилов).
- Альбомы О. 1094–1097, нег. I 13640, I 13644, I 13742. Балтийско-Беломорская экспедиция 1933–1934 (снимал Г. П. Гроздилов).
- Альбом О. 1220/1–10. Новгородская экспедиция 1935 г.
- Альбомы О. 1293/1–50, О. 1294/1–43. Куйбышевская экспедиция 1936 г.
- Альбом О. 1409. Оленеостровская экспедиция 1936–1937 гг., Свирская экспедиция 1934 г. (снимал Г. П. Гроздилов).
- Альбом О. 1568/1–7. Днепровская (Славянская) экспедиция 1946 г. (снимал Г. П. Гроздилов).
- Альбом О. 1601. Староладожская экспедиция 1938–1940 гг.
- Альбомы О. 1630–1631. Староладожская экспедиция 1947 г.
- Альбомы О. 1633–1634. Староладожская экспедиция 1948–1949 гг.
- Альбом О. 1643. Староладожская экспедиция 1947 г.
- Альбом О. 1714/44–46. Староладожская экспедиция 1947–1949 гг.
- Альбом О. 1725. Староладожская экспедиция 1949 г.
- Альбомы О. 1800–1802. Староладожская экспедиция 1950 г.
- Альбомы О. 1816–1817, О. 1989. Невская экспедиция 1952 г.
- Альбом О. 2083. Староладожская экспедиция 1957 г.
- Альбомы О. 2152–2153. Староладожская экспедиция 1958 г.
- Альбом О. 2168. Староладожская экспедиция 1957 г.
- Альбом О. 2206. Оленеостровская экспедиция 1936 г.
- Альбомы О. 2210–2211. Оленеостровская экспедиция 1936–1937 гг.
- Альбомы О. 2240–2241. Староладожская экспедиция 1959 г.
- Альбом Q 629. Оленеостровская экспедиция 1937 г.

Д. Ю. Чернышенко

К 150-летию юбилею Любора Нидерле: «Славянские древности» и другие переводы

D. Yu. Chernyshenko. To the 150-year Anniversary of Lubor Niederle: the “Slavic antiquities” and other Translations

Abstract. This year we celebrate the 150th anniversary of the birth of the Czech historian and Slavist Lubor Niederle, member of the Petersburg Academy of Sciences. The exhibition devoted to the event was held in the second half of February in the Slavic reading room of the Library of the Russian Academy of Sciences. The bulk of the displayed publications were: the lifetime works of L. Niederle, reviews to his works, and his letters to leading Russian scientists.

Publications of Lubor Niederle dedicated to history, archaeology and ethnography of the Slavs, anthropology, and statistics present the unique materials and tell the history of the development of Slavonic studies in the Czech Republic and Russia in the late 19th – early 20th cc.

In 1898 and in 1904 there were published the Russian translation of the book “Mankind in prehistoric times” and the first part of the first volume of the “Slavic antiquities”. In the middle of the 20th century a wide known work of L. Niederle “Slavic antiquities” (M., 1956) was published.

Ключевые слова: Любор Нидерле, «Славянские древности», славяноведение

Keywords: Lubor Niederle, “Slavic antiquities”, Slavonic studies

В текущем г. мы празднуем 150-летний юбилей со дня рождения выдающегося чешского историка-слависта Любора Нидерле, члена Петербургской Академии наук отделения русского языка и словесности. В середине февраля 2015 г. в Славянском зале Библиотеки Российской академии наук прошла выставка, посвященная Л. Нидерле, было экспонировано около 100 изданий: статьи и монографии, рецензии, переписка с виднейшими представителями отечественной науки, переиздания трудов Л. Нидерле. Многие труды исследователя славянства были переведены на русский язык, и публикация их продолжается.

В данной работе представлен рассказ о наиболее значимых работах чешского исследователя славян и рассмотрена история переводов на русский язык его основных трудов.

Любор Нидерле, выпускник философского факультета Пражского университета, живо интересовался не только историей славян, но и посвящал себя самостоятельному изучению антропологии, этнографии, археологических коллекций во Франции, Англии, Италии, России, Австрии (*Проф. Любор Нидерле*, 1904. С. V), участвовал в двух Археологических съездах, организованных Московским археологическим обществом (в 1893 г. в Вильно и 1899 г. в Киеве). Первые публикации Л. Нидерле были посвящены антропологии, в 1891 г. выходит его первая монография «*Príspevky k antropologii zemí českých*» (*Niederle*, 1891a), в это же время возникает его научная полемика с выдающимся чешским археологом Йозефом Пичем, развернувшаяся на страницах журналов «*Památky archaeologické a místopisné*» (*Pič*, 1890. Р. 187–191) и «*Athenaeum*» (*Niederle*, 1891. Р. 193–202). В 1893 г. выходит в свет следующая крупная работа: «*Человечество во времена доисторические*» («*Lidstvo v době předhistorické*») (*Niederle*, 1893) на чешском языке, перевод на польский язык публикуется в пяти выпусках журнала «*Святовит*» («*Światowit*») (*Niederle*, 1900–1906). Перевод (*Нидерле*, 1898) на русский язык осуществил Ф. К. Волков, который в это время проживал во Франции, редактором выступил Д. Н. Анучин. Работа над переводом была начата еще в 1895 г., и продолжалась вплоть до 1898 г.. Это было связано с тем, что сам автор принимал активное участие в корректуре перевода, а также вносил в изначальный текст дополнения на основании новейших археологических открытий, проживая в Праге. Таким образом, согласование правок фрагментов перевода происходило посредством пересылки документов между Прагой, Парижем, Москвой и Петербургом. Работы были завершены, а труд опубликован только в 1898 г. в Санкт-Петербурге.

В период с 1898 по 1900 г. Любор Нидерле является редактором-издателем «*Вестника славянских древностей*» («*Věstník slovanských starožitností*») (*Věstník...*, 1898–1900). В первых двух выпусках, опубликованных в этот период, содержится отчет и отзывы примерно о 700 работах, посвященных славистической тематике. Для работы над «*Вестником*» Л. Нидерле привлекает чешских, польских, немецких, болгарских, русских славяноведов. Благодарные отзывы и рецензии выходят не только в иностранных журналах, но и в «*Известиях отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*» (*Липовский*, 1899. С. 366–367), «*Живой старине*» ([*Ламанский*], 1899. С. 272), «*Ученых записках Казанского университета*» (*И. С.*, 1900. С. 11–12) и многих других.

Своего рода библиографической загадкой остается издание 1899 г. под заглавием «*Starověké zprávy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské*» (*Niederle*, 1899). Согласно библиографии Л. Нидерле (*Eisner*, 1948), это издание было переведено на русский язык и опубликовано в 1901 г. в Казани под заглавием «*Известия древних писателей о географии восточной Европы*» (*Eisner*, 1948. Р. 25, № 97). Автором перевода был обозначен В. Багинский, редактором издания выступал Ф. Г. Мищенко. Стоит отметить, что с 1899 г. Ф. Г. Мищенко являлся редактором «*Ученых записок Казанского университета*». Однако в рецензии Г. А. Ильинского, опубликованной в журнале «*Живая старина*» (*Ильинский*, 1901. С. 306–308), мы не встречаем каких-либо данных

относительно работы над переводом и подготовки его публикации. Поиски данного перевода также не увенчались успехом.

Самый известный труд Любора Нидерле – «Славянские древности» – состоял из двух многотомных частей (книг). В нем автор представил масштабный свод данных о славянах. Согласно библиографии, составленной исследователем, часть первая, собственно «Славянские древности», выходила в серии «Historická bibliotéka». Том первый имел заглавие «Истоки и начало славянского народа» (Díl I, «Původ a počátky národa slovanského» (*Niederle*, 1902–1904)), часть вторая – «Истоки и начало южных славян» (Díl II «Původ a počátky Slovanů jižních» (*Niederle*, 1906–1910) часть третья – «Истоки и начало западных славян» (Díl III, «Původ a počátky Slovanů západních» (*Niederle*, 1919), четвертая часть – «Истоки и начало восточных славян» (Oddíl I. Sv. IV, «Původ a počátky Slovanů východních»)) (*Niederle*, 1924). Появление первых частей вызвало в кругах отечественной и международной научной общественности живой интерес к этому исследованию. Рецензии опубликовали: А. И. Соболевский (*Соболевский*, 1902. С. 388–393) Н. М. Петровский (*Петровский*, 1910. С. 501–502), П. А. Лавров (*Лавров*, 1907), Н. С. Державин (*Державинъ*, 1908. С. 456–464).

В 1904 г. выходит перевод на русский язык первой части первого тома («Происхождение и начало славянского народа» (*Нидерле*, 1904), подготовленный А. Склиренко. В 1907 г. выходит перевод на польский язык (*Niederle*, 1907–1910) первого тома издания. Осознавая всю важность этого монументального сочинения, охватывающего историю всех ветвей славянства от его зарождения до средневековья, Н. М. Петровский, ведущий казанский славяновед, начал переводить оставшиеся части на русский язык. Но перевод не был закончен и остался в рукописи. Позднейшие поиски перевода издания не увенчались успехом (*Лантева*, 2012. С. 771).

Вторая часть издания, которая по замыслу автора также состояла из нескольких томов и многих частей, начала выходить в 1911 г. под названием «Жизнь древних славян» («Život starých slovanů»). Рецензентами выступили Н. М. Петровский (*Н. П.*, б.г. С. 237–241) и А. И. Соболевский (*Соболевский*, 1914. С. 354–366). Серия продолжалась до 1934 г., последней в ней стала работа Т. Сатурника «Частное право славян в древние времена» (Oddíl kulturní. Život starých Slovanů. Dílu II. sv. 2, «O právu soukromém u Slovanů v dobách starších») (*Saturník*, 1934). В сокращенном переводе на русский язык в пражском издательстве «Пламь» эти книги вышли под названием «Быт и культура древних славян» (*Нидерле*, 1924). Редактором и автором предисловия являлся Н. П. Кондаков, с которым Любора Нидерле связывали не только профессиональные, но и теплые дружеские отношения. Имя переводчика издания остается неизвестным. Необходимость публикации подобной, пусть и значительно сокращенной работы, подчеркивал Н. П. Кондаков в предисловии к изданию.

Стоит отметить, что Л. Нидерле как исследователя интересовали не только вопросы истории славянства, но и его современное состояние. В 1909 г. в «Энциклопедии славянской филологии» под редакцией И. В. Ягича выходит работа Л. Нидерле под заглавием «Обозрение современного славянства» (*Нидерле*, 1909). Впоследствии это сочинение было переведено и на другие языки,

фрагменты его были изданы на чешском (*Niederle*, 1909), словенском (*Lončar*, 1911), французском (*Niederle*, 1916) и др. (*Niedere*, 1910. Р. 599–612). Не обошли своим вниманием этот труд Н. М. Петровский и А. И. Соболевский, которые опубликовали в Журнале Министерства Народного просвещения рецензии (*Петровский*, 1910а. С. 392–395; *Соболевский*, 1910. С. 177–186).

Главные результаты своих исследований Л. Нидерле обобщил в работе «Руководство по славянским древностям», которая вышло на французском языке («*Manuel de l'antiquité slave*») (*Niederle*, 1923–1926). Работа была предназначена для широкого круга читателей и содержала переработанное изложение «Славянских древностей», исправленное и дополненное новым материалом (*Нидерле*, 1956. С. 15). В середине XX в. этот двухтомник был переведен сначала на чешский («*Rukověť slovanských starožitností*») (*Niederle*, 1953) а затем и на русский языки (*Нидерле*, 1956). Редактором чешского издания выступает Я. Эйсер, автор одной из первых биографий Л. Нидерле. Данное издание было дополнено подробнейшей библиографией трудов исследователя, составленной Л. Нидерле и включающей в себя работы до 1938 г.

Издание на русском языке было подготовлено ведущими отечественными историками (П. Н. Третьяковым и А. Л. Монгайтом), перевод с чешского осуществили Т. Ковалева и М. Хазанова. Книга была опубликована в Издательстве иностранной литературы, куда отбирались для перевода самые актуальные труды с целью ознакомления советских ученых с иностранной научной литературой. Автором предисловия к русскому изданию выступил П. Н. Третьяков, в нем он отметил многочисленные достоинства работы, а также некоторые устаревшие положения. Советское издание в полном объеме отражает чешское издание. В 2000 и 2010 гг. вышло переиздание публикации 1956 г. (*Нидерле*, 2000; 2010).

Труды Любора Нидерле, посвященные истории, археологии, этнографии славян, антропологии и статистике, являют нам не только уникальный материал, но и представляют историю развития славяноведения в Чехии и России в конце XIX – начале XX в. Ведущие отечественные славяноведы, обращаясь к трудам Л. Нидерле, осознавали необходимость перевода основополагающих его трудов на русский язык в полном объеме. В 1904 г. выходит перевод на русский язык первой части первого тома «Славянских древностей». Н. М. Петровский работал над переводом остальных частей, но работа так и не была завершена. К сожалению, современные издания «Славянских древностей» на русском языке не отражают и половины материала, вошедшего в первоначальное издание. Наследие Любора Нидерле, включающее более 200 статей и монографий, требует более тщательного изучения со стороны научного сообщества.

Литература

- Державинъ Н. [С.], 1908. [Рец. на кн.]: D-r L. Niederle. Původ a počátky slovanů jižních. Slovanské starožitnosti. Díl II, svazek 1. V Praze, 1906. 547 stran // Отдельный оттиск из «Известий Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук», Т. 13, Кн. 2. СПб.

- И. С., 1900. [Рец. на кн.]: Věstník Slovanských starožitností. Svazek I. Praha, 1898. Sv. II. 1899 // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Годъ LXVII, Кн. 1. Январь. Казань.
- Ильинский Г., 1901. [Рец. на кн.]: Starověke zpravy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské. Descriptio Europae regionum quae ad orientem Europae regionum spectant vetrum scriptorium locis illustrate. Příspěvkem k poznání nejstarších dějin slovanských podává Dr. L. Niederle. V Praze, 1899. 125 stran. (Rozpravy České Akad., B. VIII, tř I, č. 1) // Живая старина: периодическое издание Отдѣлення этнографіи ператорскаго русскаго географическаго общества подь редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго. Год 11, Вып. 2. СПб.
- Лавров П. [А.], 1907. Югославянскія древности въ изложеніи проф. Л. Нидерле. 1 ч. II т. Славянскіх древностей // Отдельный оттиск из «Живой старины». вып. II и III. СПб.
- [Ламанский В. И.], 1899. [Рец. на кн.]: Věstník Slovanských starožitností. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Vydává Dr. Lubor Niederle. Praha, Svazek I (1898) и II (1899) // Живая старина: периодическое издание Отдѣлення этнографіи Императорскаго русскаго географическаго общества подь редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго. Год 9, Вып. 1. СПб.
- Лантева Л. П., 2012. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.
- Липовский А. Л., 1899. [Рец. на кн.]: Věstník Slovanských starožitností. Vydava Dr. Lubor Niederle. Sv. I., Praha, 1898 // Извѣстія Отдѣлення русскаго языка и словесности Императорской Академіи наук. Т. IV, Кн. 1. СПб.
- Н. П., б. г. [Рец. на кн.]: Život starých Slovanů. Základy kulturních starožitností slovanských. Dílu I. svazek 1. Napsal L. Niederle, professor české university. V Praze. Nákladem Buršíka & Kohouta... 1911 (на обложкѣ 1912) (Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní). 389, [1] stran. // Оттиск. Б. м.
- Нидерле Л., 1898. Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. СПб.
- Нидерле Л., 1904. Славянскія древности. Происхождение и начало славянскаго народа. Т. I. Ч. I. Кіев.
- Нидерле Л., 1909. Обзоріе современнаго славянства // Энциклопедія славянской филологіи. Выпускъ 2. СПб.
- Нидерле Л., 1924. Быт и культура древних славян. Прага.
- Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М.
- Нидерле Л., 2000. Славянские древности. М.
- Нидерле Л., 2010. Славянские древности. М.
- Петровский Н., 1910. Библиографія: проф. Л. Нидерле о болгаряхъ // Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. XXVI, Вып. 5. Казань.
- Петровский Н., 1910а. [Рец. на кн.] Slovanský svět. Zeměpisný a statistický obraz současného slovanstva. Napsal prof. Lubor Niederle. Vyňato a přeloženo z Encyklopedie Slovanské Filologie, vydávané ruskou Akademií Nauk v Petrohradě. S 1 mapou. V Praze. Nákladem Jana Laichtera na Král. Vinohradech. 1909 [на обложкѣ 1910] [Laichterův Výbor nejlepších spisů poučných. Kniha XXXV]. 4 nen.+2 nen. (предисловіе) + 197+2 nen. + 1 раскрашенная карта // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Новая серія. № XXVI, СПб.
- Проф. Любор Нидерле, 1904 // Славянскія древности. Происхождение и начало славянскаго народа. Т. I. Ч. I. Кіев.

- Соболевский А., 1902. [Рец. на кн.]: Slovanské Starožitnosti. Sepsal Dr. Lubor Niederle, professor České university v Praze. Díl I. Původ a počátky národa slovanského. Svazek I. V Praze, 1902 // Журнал Министерства народного Просвещения. Ч. CCCXXXI. Май. СПб.
- Соболевский А., 1910. [Рец. на кн.] Л. Нидерле. Обзорніе современнаго славянства (съ картою). [Энциклопедія славянської філології. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ подъ редакціею орд. акад. И. В. Ягича. – Выпускъ 2-й]. СПб., 1909 // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Новая серія. Ч. XXVIII. Июль. СПб.
- Соболевский А., 1914. [Рец. на кн.]: Dr. Lubor Niederle. Život starých Slovanů. Dílu I. Svazek II. Praha, 1913 // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Новая серія. № 8, Отд. 2. СПб.
- Eisner J., 1948. L. Niederle. Praha.
- Lončar Dr., 1911. Slovenci. Načrt slovenske socialne zgodovine. [Tom] III. Knjižnica političnih in socialnih spisov. Ponatsk iz slovenskega prevoda Niederlovega splsa «Slovanski Svet». Ljubljana.
- Niederle L., 1891. K otázce o původním typu slovanském: odpověď na recenzi “Příspěvků k antropologii zemí českých”, univěřejněnou v Památkách archaeologických a mistopisných XV. Str. 188–191 // Athenaeum: listy pro literature a kritiku vědeckou. Roč. VIII, Čís. VII. Praha.
- Niederle L., 1891a. Příspěvky k antropologii zemí českých. [Tom] I. Hroby s kostrami z konce doby praehistorické v Čechách. Praha.
- Niederle L., 1893. Lidstvo v době předhistorické se zvláštním zřetelem na země slovanské. Praha.
- Niederle L., 1899. Starověké zprávy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské // Rozpravy České akademie, Roč. VIII, tř. I, č.1, Praha.
- Niederle L., 1900–1906. Ludzkość w dobie przeddziewowej // Światowit: rocznik poświęcony archeologii przeddziewowej I badaniom pierwotnej kultury polskiej o słowiańskiej / wydawany staraniem Erazma Majewskiego. T. II–V, VII. Warszawa.
- Niederle L., 1902–1904. Slovanské starožitnosti. Díl I. Původ a počátky národa slovanského. Sv. I–II. Praha.
- Niederle L., 1906–1910. Slovanské starožitnosti. Díl II. Původ a počátky Slovanů jižních. Sv. I–II. Praha.
- Niederle L., 1907–1910. Starożytności słowiańskie. Tom I, zeszyt 1–2. Warszawa.
- Niederle L., 1909. Slovanský svet. Zeměpisný a statistický obraz současného Slovanstva. Laichterův výbor nejlepších spisů poučných, Kniha XXXV. Praha.
- Niedere L., 1910. Geographical and statistical view of the contemporary slav peoples // Smithsonian Report. Washington.
- Niederle L., 1916. La Race Slave. Tradiut du Tchèque par Louis Leger. Paris.
- Niederle L., 1919. Slovanské starožitnosti. Díl III. Původ a počátky Slovanů západních. Praha.
- Niederle L., 1923–1926. Manuel de l'antiquité slave. Tome I. L'histoire. Tome II La civilisation. Paris.
- Niederle L., 1924. Slovanské starožitnosti. Oddíl I. Sv. IV. Původ a počátky Slovanů východních. Praha.
- Niederle L., 1953. Rukověť slovanských starožitností. Praha.
- Piř Dr. J. L., 1890. [Рец. на кн.]: Dr. Lubor Niederle. Příspěvky k antropologii zemí českých; hroby s kostrami z konce doby praehistorické v Čechách, v Praze // Památky archaeologické a mistopisné. Díl. XV, Seš. 3. Praha.
- Niederle L., 1893. Lidstvo v době předhistorické se zvláštním zřetelem na země slovanské. Praha.

- Niederle L.*, 1899. Starověké zprávy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské // Rozpravy České akademie, Roč. VIII, tř. I, č.1, Praha.
- Niederle L.*, 1900–1906. Ludzkość w dobie przeddziejowej // Światowit: rocznik poświęcony archeologii preddziejowej I badaniom pierwotnej kultury polskiej o słowiańskiej / wydawany staraniem Erazma Majewskiego. T. II–V, VII. Warszawa.
- Niederle L.*, 1902–1904. Slovanské starožitnosti. Díl I. Původ a počátky národa slovanského. Sv. I–II. Praha.
- Niederle L.*, 1906–1910. Slovanské starožitnosti. Díl II. Původ a počátky Slovanů jižních. Sv. I–II. Praha.
- Niederle L.*, 1907–1910. Starożytności słowiańskie. Tom I, zeszyt 1–2. Warszawa.
- Niederle L.*, 1909. Slovanský svet. Zeměpisný a statistický obraz současného Slovanstva. Laichterův výbor nejlepších spisů poučných, Kniha XXXV. Praha.
- Niederle L.*, 1910. Geographical and statistical view of the contemporary slav peoples // Smithsonian Report. Washington.
- Niederle L.*, 1916. La Race Slave. Tradiut du Tchèque par Louis Leger. Paris.
- Niederle L.*, 1919. Slovanské starožitnosti. Díl III. Původ a počátky Slovanů západních. Praha.
- Niederle L.*, 1923–1926. Manuel de l'antiquité slave. Tome I. L'histoire. Tome II La civilization. Paris.
- Niederle L.*, 1924. Slovanské starožitnosti. Oddíl I. Sv. IV. Původ a počátky Slovanů východních. Praha.
- Niederle L.*, 1953. Rukověť slovanských starožitností. Praha.
- Piř Dr. J. L.*, 1890. [Рец. на кн.]: Dr. Lubor Niederle. Příspěvky k antropologii zemí českých; hroby s kostrami z konce doby praehistorické v Čechách, v Praze // Památky archaeologické a místopisné. Díl. XV, Seš. 3. Praha.
- Saturník Th.*, 1934. Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Život starých Slovanů. Dílu II, sv. 2, O právu soukromém u Slovanů v dobách starších. Praha.
- Věstník Slovanských starožitností, 1898–1900. Sv. I–IV. Praha.

Сведения об авторах

Белецкий Сергей Васильевич, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Бельский Станислав Викторович, Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии РАН
Волковицкий Александр Игоревич, Старая Ладога, Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
Гайдуков Петр Григорьевич, Москва, Институт археологии РАН
Глазунова Ольга Николаевна, Москва, Институт археологии РАН
Горлов Константин Вячеславович, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Горюнова Валентина Михайловна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Григорьева Наталья Владимировна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Григорьева Ольга Владимировна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Деркач Виктория Александровна, Псков, Археологический центр Псковской области
Дорофеева Татьяна Семеновна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Залогина Алёна Алексеевна, Старая Ладога, Староладожский историко-архитектурный и археологический музей заповедник
Егорейченко Александр Андреевич, Берорусский государственный университет
Ершов Иван Николаевич, Москва, Институт археологии РАН
Йонайтис Ритис, Вильнюс, Институт истории Литвы
Кирпичников Анатолий Николаевич, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
Каплунайте Ирма, Вильнюс, Институт истории Литвы
Кренке Николай Александрович, Москва, Институт археологии РАН
Колпакова Юлия Вячеславовна, Псков, Псковский государственный университет
Королёва Эльвира Валерьевна, Псков, Псковский государственный объединенный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
Короткевич Борис Сергеевич, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж
Костючук Лариса Яковлевна, Псков, Псковский государственный университет
Кулакова Марина Ильинична, Псков, Археологический центр Псковской области
Матвеев Василий Николаевич, Государственный Эрмитаж
Медведева Мария Владимировна, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН

- Михайлова Елена Робертовна, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
- Михайлов Александр Валерьевич, Псков, Археологический центр Псковской области
- Петров Михаил Иванович, Великий Новгород, Новгородский центр по организации и обеспечению археологических исследований
- Плавинский Николай Александрович, Минск, Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета
- Подгорная Розалия Геннадиевна, Псков, Археологический центр Псковской области
- Постников Арсений Борисович, Псков, Псковский государственный объединенный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
- Потравнов Александр Леонидович, Санкт-Петербург, Историко-культурный проект «Регионавтика Северо-Запад»
- Раева Вера Александровна, Москва, Институт археологии РАН
- Романовский Антон Борисович, Псков, Археологический центр Псковской области
- Салмин Сергей Анатольевич, Псков, Псковский археологический центр
- Салмина Елена Вячеславовна, Псков, Археологический центр Псковской области
- Седов Владимир Валентинович, Москва, Институт археологии РАН
- Седых Валерий Никандрович, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета
- Соболев Владислав Юрьевич, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
- Сорокин Петр Егорович, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
- Спиргис Роберт, Рига, Институт истории Латвии при Латвийском университете
- Степанов Сергей Владимирович, Псков, Псковский археологический центр
- Стасюк Иван Вадимович, Извара, Музей-усадьба Н. К. Рериха
- Тарабардина Ольга Альбертовна, Великий Новгород, Новгородский центр по организации и обеспечению археологических исследований
- Тарасов Владимир Аркадиевич, ООО НПК «Элгео»
- Фараджева Наталия Николаевна, Москва, Институт археологии РАН
- Фассбиндер Йорг, Мюнхен, Баварский государственный департамент по обследованию археологических памятников
- Френкель Яков Викторович, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН
- Хмельник Татьяна Юрьевна, Санкт-Петербург, Историко-культурный проект «Регионавтика Северо-Запад»
- Чернышенко Дарья Юрьевна, Санкт-Петербург, Библиотека Академии наук
- Чуракова (Кононович) Александра Юрьевна, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж
- Шатыркина Елена Александровна, Москва, Институт археологии РАН
- Шуныгина Светлана Евгеньевна, Санкт-Петербург, НИИ «Спецпроектреставрация»
- Яворская Лилия Вячеславовна, Москва, Институт археологии РАН

Список сокращений

- АВ – Археологические вести. СПб.
АИП – Археологическое изучение Пскова. Вып. 1–3. Псков.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы семинара (с 2005 г. – имени академика В. В. Седова). М.; Псков.
АН СССР – Академия наук СССР.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЦПО – Археологический центр Псковской области.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГАПО – Государственный архив Псковской области.
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ЗОРСА РАО – Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. СПб.
ЗРАО – Записки РАО.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.
ИАК – Императорская археологическая комиссия.
ИИАК – Известия ИАК. СПб.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
КСИА – Краткие сообщения ИА РАН. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
ННЗ – Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы научной конференции. Великий Новгород.
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПАО – Псковское археологическое общество.
ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
ПЛ-1 – Псковские летописи / Пригот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1.
ПЛ-2 – Псковские летописи / Пригот. к печати А. Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РА – Российская археология. М.

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры.

РАО – Императорское Русское археологическое общество.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. М.

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд.

РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН. СПб.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.; Л.

ФО НА ИИМК РАН – Фотографический отдел Научного архива ИИМК РАН. СПб.

Указатель докладов и статей, заявленных в программе и опубликованных в материалах семинара имени академика В. В. Седова «Археология и история Пскова и Псковской земли» за 2006–2014 гг. (заседания 52–60)¹

Составитель В. А. Деркач

<i>Автор, название статьи</i>	<i>Год прочтения доклада, номер заседания</i>	<i>Год публикации, номер заседания</i>
Александров А. А. 130 лет Псковскому Археологическому Обществу	2010, 56	2011, 56
Александров А. А. Венеды Волузиана и венеды Певтингеровой карты	2007, ЛП	2009, 54
Александров А. А. Каменные антропоморфные идолы на территории Псковской области	2010, 56	2011, 56
Александров А. А. Несколько случайных находок из Пскова	2009, 55	
Александров А. А. Первые упоминания славян в поздних римских источниках	2012, 58	2013, 58
Александров А. А. Северная Скифия: иирки, венеды, славяны	2013, 59	
Алексеева О. А. Торговля тканями в Пскове во второй четверти XVIII в.	2007, ЛП	2008, ЛП
Аллыяз Р., Аун М., Малдре Л. К вопросу о значении длинных курганов (по археологическим и остеологическим данным)	2007, ЛП	2008, ЛП
Аллыяз Р., Аун М., Малдре Л. Предварительные результаты изучения остеологического материала курганных могильников Рысна-Сааре I и II в Северной Сетумаа (Юго-Восточная Эстония)	2006, ЛП	2007, ЛП
Арабей А. С. Памятники населения традиций культуры штрихованной керамики: проблемы изучения и интерпретации	2010, 56	2011, 57
Артемьева Н. Г. Александр Рудольфович Артемьев		2007, ЛП
Аун М. Костяные предметы в длинных курганах могильника Рысна-Сааре I (Юго-Восточная Эстония)	2008, 54	2009, 54
Баранов А. Магистр Ливонского ордера Бернд фон дер Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутривосточных отношений (1471–1474)	2012, 58	2013, 58
Бёбре В. Находки шпоровых ремней в рижском археологическом материале	2007, ЛП	2008, ЛП
Безруков Д. А., Колосницын П. П., Самойлов К. Г., Торопова Е. В., Торопов С. Е. Опыт борьбы с незаконными разведками и раскопками в Новгородской области в 2011 г.	2012, 58	2013, 58
Белецкий С. В. Две древнерусские геральдические подвески	2011, 57	2011, 57
Белецкий С. В. Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах	2013, 59	2014, 59
Белецкий С. В. Еще раз о геральдической подвеске из Чернигова	2014, 60	
Белецкий С. В. Княжеские знаки на новгородских деревянных цилиндрах	2012, 58	2013, 58
Белецкий С. В. Сельское кладбище 1-й половины XVIII в. на городище Воронич	2007, ЛП	
Белецкий С. В. Слово о друге (памяти Ю.М. Лесмана)	2013, 59	2014, 59
Белецкий С. В. Периодизация погребений конца XVII – середины XVIII в. на городище Воронич (по материалам раскопок 2002–2003 гг.)	2006, ЛП	

¹ Предыдущие «Указатели» были опубликованы:

Николенко О.Н., Харлашов Б.Н., 2000. Указатель тезисов докладов, статей, публикаций, изданных в материалах научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» в 1980–2000 гг. //АИППЗ. Материалы научного семинара. 1996–1999. Псков.

Харлашов Б.Н., 2006. Указатель статей и докладов, опубликованных в материалах научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» за 2000–2005 гг. //АИППЗ. Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В. В. Седова. Псков.

Бельский С. В. Могильник Кюлялахти Калмистояки в контексте синхронных древностей Северной Европы	2009, 55	
Бельский С. В. Перечитывая работы Ю.М. Лесмана: к постановке проблемы общей периодизации погребальных памятников XI–XV веков северо-западных районов Новгородской земли	2013, 59	
Бельский С. В. Так называемые «коллективные погребения» в корельских грунтовых могильниках XIII в.: к принципам построения хронологии	2011, 57	
Берга Т. Находки разновременных на городищах и поселениях Латвии	2010, 56	2011, 56
Берга Т. Новейшие исследования средневекового города Валмиеры	2009, 55	2010, 55
Бессуднова М. Б. Документы по истории Пскова в Государственном Шведском архиве (Стокгольм)	2012, 58	2013, 58
Бессуднова М. Б. Документы по истории псковско-ливонских отношений 70–80-х гг. XV в. из Тайного государственного архива прусского культурного наследия (Берлин)	2011, 57	
Бессуднова М. Б. К вопросу о торговле Пскова с Дерптом в 90-е гг. XV в. (по ливонским источникам)	2009, 55	2010, 55
Бессуднова М. Б. Походы магистра Вольтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников)	2006, ЛП	2007, ЛП
Бессуднова М. Б. Природа псковско-ливонских пограничных конфликтов в XV в.	2010, 56	2011, 56
Бессуднова М. Б. Псков и Псковская земля в контексте русско-ливонских отношений конца XV века (1494–1500)	2007, ЛП	2009, 54
Бессуднова М. Б. Псковско-ливонские переговоры 1472–1474 гг. в свете ливонских документов из иностранных архивов	2013, 59	2014, 59
Богданова И. А. Каменное и керамическое надгробия XVII в. из церкви Илии с Запсковья	2007, ЛП	2009, 54
Богданова И. А. Комплекс каменных надгробий из церкви Рождества Богородицы Снетогорского монастыря	2006, ЛП	2007, ЛП
Бубенько Т. С. О времени формирования детинца Новогородка	2014, 60	
Бутенко В. А. Проблемы музеефикации музейного пространства (на примере музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское»)	2007, ЛП	
Быков А. В. О деятельности ростовщиков в средневековом Пскове	2012, 58	2013, 58
Быков А. В., Кузьмина О. В. Частная жизнь псковичей в начале XV в. на основании Послания митрополита Фотия во Пскове (1422 г. или 1425 г.)	2011, 57	2011, 57
Валенене О. Пространственно-плановая структура Вильнюса XIV–XV вв. на основе анализа первичного рельефа	2008, 54	2009, 54
Валенене О. Средневековый Вильнюс. Становление плановой структуры в XIV–XV веках	2006, ЛП	2007, ЛП
Валк Х. Городища восточной Эстонии и поход князя Ярослава на Чудь	2008, 54	2009, 54
Валк Х. Каменные оборонительные сооружения Изборского городища: взгляд из Эстонии	2013, 59	2014, 59
Валк Х. Новая попытка интерпретации жалыничных погребений (в списке докладов: О ранних жалыниках)	2009, 55	2010, 55
Валк Х. Новое о городище Тилеору и замках Вастелийна и Кирумпыя: итоги раскопок 2004 г.	2006, ЛП	
Валк Х. Об археологии и древней истории Сетумаа / Печорского края. На фоне сборника «Сетумаа»: итоги, вопросы и точки зрения	2010, 56	
Валк Х. Результаты изучения городищ Юго-Восточной Эстонии в 2006 г.	2007, ЛП	
Валк Х., Вилцане А., Королёва Э. В. «Археология, власть общество» – проект приграничного сотрудничества «Эстония – Латвия – Россия»	2012, 58	
Валк Х., Вилцане А., Королёва Э. В., Васильев М. А. «Археология, власть общество» – первый год реализации проекта	2013, 59	
Васильев М. А. Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове	2013, 59	2014, 59
Васильев С. А. Электронная археологическая карта Ленинградской области	2006, ЛП	
Варакин Е. П. Деревянный храм св. Георгия (нач. XVIII в.) в Осьминском погосте (Лужский р-н). Архитектурно-археологические исследования 2003 г.	2007, ЛП	
Варакин Е. П. Древний колокол и шатровая колокольня сер. XVII в. в ансамбле рубленой Синозерской пустыни	2013, 59	
Варакин Е. П. Клейма шведских и русских кузнецов второй половины XVII в. на строительном металле в памятниках Северо-Запада России	2007, ЛП	
Векленко В. А., Мигулев А. В. Комплекс мелкой каменной пластики северорусского происхождения в частном собрании г. Днепропетровска	2011, 57	
Вилцане А. Археологические исследования латгальского могильника Брувери IX–XII вв.	2007, ЛП	2008, ЛП
Вилцане А. Исследование родовой усыпальницы графов Борхов в городе Прейли	2009, 55	2011, 56

Вилцане А. Плетки в археологическом материале Латвии	2011, 57	2011, 57
Винников Б. М., Яковлева Е. А. Храм Евфимия Великого на подворье Снетогорского монастыря	2013, 59	
Войтехович А. В. курганы второй половины X – начала XI в. в верховьях Березины Днепровской	2010, 56	
Волковицкий А. И., Григорьева Н. В., Селин А. А. Новые находки в Южном Приладжье	2006, ЛП	
Волковицкий А. И., Селин А. А., Френкель Я. В. Охранные раскопки в Старой Ладоге в 2004 году (предварительное сообщение) (в программе – Раскоп 2004 г. на правом берегу реки Ладожки)	2005, LI	2007, ЛП
Волочкова О. К., Закурина Т. Ю. К 30-летию Псковской археологической экспедиции	2013, 59	
Волхонский В. А. Актовые печати Пскова XIV–XV вв. в собрании Новгородского музея-заповедника	2010, 56	
Волхонский В. А. Колокола псковских литейщиков XVI – начала XVII в. в Новгороде	2013, 59	
Волхонский В. А. Псковский колокольный мастер Юрий Ульянов	2014, 60	
Ворожейкина М. Е. Усолья Русского Севера. Новые археологические данные	2012, 58	
Воронкова Е. В., Салмин С. А. Две булавы из коллекции Изборского музея	2007, ЛП	
Воронкова Е. В., Салмин С. А. Наконечник копья с Триворова городища	2006, ЛП	2007, ЛП
Вязкова О. Е. Инженерно-геологические аспекты возникновения и развития городища Камно	2011, 57	2011, 57
Вязкова О. Е. Оценка влияния инженерно-геологических условий на строительство и эксплуатацию Изборской крепости	2012, 58	2013, 58
Гайдуков П. Г. Водоотводная система середины XIX века, открытая на Троицком раскопе в Великом Новгороде	2009, 55	2010, 55
Гайдуков П. Г. О начале чеканки монеты на Руси	2006, ЛП	
Гайдуков П. Г., Лопатин Н. В. О книге В.В. Седова «Изборск в раннем средневековье»	2007, ЛП	2008, ЛП
Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Новгородский буллотир XIV в.	2012, 58	2013, 58
Галик А., Салмина Е. В., Юрцева А. О. О первой находке остатков карпа в Пскове (Ольгинский VI раскоп)	2012, 58	
Гиппиус А. А. К прочтению записи в «Псковском шестодневе 1374 г.»	2012, 58	
Гиппиус А. А., Круглова Т. В., Яковлева Е. А. Запись Шестоднева 1374 г. как источник по исторической топографии Пскова	2013, 59	2014, 59
Голубева И. Б. Зоны охраны объектов культурного наследия Пскова (1991–2006 гг.)	2008, 54	2009, 54
Голубева И. Б. Проблемы сохранения и приспособления памятников Довмонтова города	2007, ЛП	
Гольева А. М. Микробиоморфный анализ материалов камерных погребений «Старовознесенского» некрополя Пскова	2013, 59	
Городилин С. В. К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в.	2014, 60	2015, 60
Горюнова В. М. О западнославянских формах керамики в Северной Руси первой половины X в. (время и причины появления)	2010, 56	2011, 56
Гофман Г. С., Харлашов Б. Н. Об отопительном устройстве Трапезной церкви Мальского монастыря	2009, 55	2010, 55
Грушина Л. Е. К вопросу об охране археологических памятников Изборского края	2008, 54	
Грушина Л. Е. Раскопки могильников в Изборском крае	2007, ЛП	
Гусаков М. Г. К вопросу о классификации смоленской керамики	2011, 57	
Гусаков М. Г. Систематика селищ дьяковской культуры	2006, ЛП	2007, ЛП
Данилов В. В. О тверском ремесле в XIV–XVI вв.	2013, 59	
Джаксон Т. Н. Северо-Запад России в скандинавских рунических надписях: уточненные данные	2006, ЛП	2007, ЛП
Деркач (Жаркова) В. А. Юридические аспекты кладоискательства в России	2009, 55	2010, 55
Доброва О. П. Бусы из погребения в камере кургана Ц-212 и некоторые аспекты количественного распределения бус в Гнёздове	2014, 60	2015, 60
Доброва О. П. Бусы Центрального городища Гнёздова	2013, 59	
Доброва О. П. Стекланные изделия Георгиевского I раскопа в Старой Руссе	2007, ЛП	2008, ЛП
Доброва О. П., Торопов С. Е. Стекланные бусы городища «Княжая гора» (Пески-I) под Демянском. Классификация и хронология (в программе: Стекланные бусы городища Демян в Юго-Восточном Приильменье: характеристика и хронология)	2008, 54	2009, 54
Дорофеева Т. С. Амулеты и магические предметы из кости и рога с Городища под Новгородом (по материалам раскопок разных лет)	2014, 60	2015, 60

Дорофеева Т. С. Круглые привески с Городища под Новгородом (по материалам раскопа 2011 г.)	2012, 58	2013, 58
Дорофеева Т. С. Отдельные находки металлических привесок-амулетов на Новгородском (Рюриковом) Городище	2013, 59	2014, 59
Думпе Б. Лощеная керамика из коллекции Асотского городища	2011, 57	2011, 57
Егорейченко А. А. Браславское Поозерье в середине – 2-й пол. I тыс. н.э. (по материалам селища Зазоны)	2011, 57	
Егорейченко А. А. К вопросу о погребальном обряде у племен культур штрихованной керамики	2009, 55	2010, 55
Егорейченко А. А. Костяные булавки с гвоздевидным навершием в лесной полосе Восточной Европы	2006, ЛП	2007, ЛП
Егорейченко А. А. Средневековые находки из городищ Браславского Поозерья	2014, 60	
Егорейченко А. А. Хронология ранних городищ Браславского Поозерья	2013, 59	2014, 59
Елкина И. И. Текстиль из археологических раскопок Вязьмы	2007, ЛП	2008, ЛП
Емелина О. В., Закурина Т. Ю. Исследования у церкви Василия на Горке	2008, 54	2009, 54
Ениосова Н. В. Об особенностях изготовления украшений из женских камерных погребений Пскова	2007, ЛП	
Ениосова Н. В. Плавильные сосуды новгородских ювелиров	2010, 56	
Еремеев И. И. От «городков» к городам (к предистории древнерусских административных центров Полоцкой земли)	2011, 57	
Еремеев И. И. Новые данные о древнерусском Въсвяче (по материалам раскопок 2010 г.)	2011, 57	
Еремеев И. И. Штурм Усвят войсками Стефана Батория в 1580 г. Историко-археологический очерк	2012, 58	
Ершова Т. Е. Захоронение девочки в камерном погребении 7 «Старовознесенского» некрополя древнего Пскова	2013, 59	
Ершова Т. Е. Новые данные о раннем этапе заселения территории Запсковья по материалам раскопок 2000–2005 годов	2006, ЛП	2007, ЛП
Ершова Т. Е. Погребение 6 псковского камерного некрополя и привеска со знаком Рюриковичей	2009, 55	2010, 55
Ершова Т. Е. Погребение № 8 камерного могильника в Окольном городе (Подзноевский XIV раскоп). Некоторые итоги и перспективы исследования.	2010, 56	
Ершова Т. Е., Яковлев А. В. Результаты исследований у основания Персей и исследования культурного слоя севернее Троицкого собора в Псковском кремле в 2009 г.	2010, 56	
Ершова Т. Е., Яковлева Е. А. Камерный некрополь древнего Пскова	2009, 55	
Жаркова В. А. Топография средневековых денежных кладов Псковской земли	2008, 54	
Закурина Т. Ю. Археологические данные для строительной истории Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря	2010, 56	2011, 56
Закурина Т. Ю. Башня Плоская Изборской крепости	2014, 60	2015, 60
Закурина Т. Ю. Петровский IV раскоп (археологические данные по благоустройству и планировке квартала в юго-восточной части Окольного города в XVIII–XX вв.)	2009, 55	2010, 55
Закурина Т. Ю. Предварительные итоги архитектурно-археологического изучения Изборской крепости (2001–2011 гг.)	2012, 58	
Закурина Т. Ю. Предварительные итоги комплексного исследования поселения Камно	2011, 57	2013, 58
Закурина Т. Ю., Степанов С. В. Археологические раскопки на Завеличье (Изборские IX–XI раскопы)	2007, ЛП	2008, ЛП
Закурина Т. Ю., Яковлева Е. А. Поливная керамика с изображением воинства из раскопок в Пскове	2007, ЛП	
Закурина Т. Ю., Салмин С. А., Салмина Е. В. Находки игрушечных деревянных луков в Пскове	2008, 54	2009, 54
Зданович Н. И., Синчук И. И. Керамическая бытовая посуда Мозырского замчища	2008, 54	2009, 54
Зданович Н. И., Синчук И. И. Керамические изделия из раскопок памятника архитектуры XVIII в. бывшей консистории в г. Могилеве (Беларусь)	2009, 55	
Зиновьев А. В. Крупный рогатый скот и лошади средневековой Твери (XII–XVI вв.)	2014, 60	2015, 60
Зозуля С. С. Курган 348 Тимерёвского могильника (датировки и интерпретации материала)	2010, 56	
Зорин А. В. Александр Юзеф Лисовский на Псковщине	2012, 58	2013, 58
Зубкова Е. С. Еще раз об обуви из Псковской скудельницы	2012, 58	2013, 58
Зубкова Е. С., Орфинская О. В., Соболев В. Ю. Текстиль и формирование древнерусского женского убора населения Которского погоста	2011, 57	

Иванова И. А. Система седловки верхового коня на территории Древней Руси: попытка реконструкции	2007, ЛП	
Игнатенко И. М. Черниговская крепость в XI–XVIII вв.	2012, 58	
Йонайтис Р. Захоронения XIV–XVIII веков в контексте развития Вильнюса	2006, ЛП	2007, ЛП
Йонайтис Р. Исследования на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе в 2012 г. (Не)ожиданные открытия	2013, 59	2014, 59
Йонайтис Р. Исследования на «Civitas Rutenica» в 2011 г. Проверка теорий	2012, 58	2013, 58
Йонайтис Р. Новейшие раскопки на территории «Civitas Rutenica» в Вильнюсе: предварительный анализ результатов	2008, 54	2009, 54
Йонайтис Р. Об одном сюжете из истории моды в Литве (по материалам погребений горожанок XIII–XIV вв.)	2014, 60	2015, 60
Йонайтис Р. Община «Русского города» XIII–XIV веков в Вильнюсе в свете новейших археологических открытий	2010, 56	2011, 56
Йонайтис Р. Раскопки на территории «Civitas Rutenica». Продолжение исследования	2011, 57	2011, 57
Калинин В. А. Почетные ворота крепости «Петерштадт» (1757 г.) в дворцово-парковом ансамбле «Ораниенбаум»	2007, ЛП	2008, ЛП
Калинина О. В. Собрание по этнографии эстонцев-сету в Российском этнографическом музее	2008, 54	
Каплунайте И. Археологический исследования «Немецкого города» в Вильнюсе	2012, 58	2013, 58
Каплунайте И. Дома-башни в Вильнюсе в XIV–XV вв.	2010, 56	2011, 56
Каплунайте И. Католический пригород в Вильнюсе в XIV–XV вв. по данным археологии.	2011, 57	2011, 57
Каплунайте И. Нумизматический и сфрагистический материал Ратушной площади: торговые аспекты Вильнюса XV–XVII вв.	2008, 54	2009, 54
Каплунайте И. Мусор в повседневной жизни жителей католического района Вильнюса в XIV–XVI вв.	2013, 59	2014, 59
Каплунайте И. Реализация 3D-сканирования в археологии на примере бытовой керамики Католического района Вильнюса	2014, 60	2016 (60)
Каретников А. Л. Историческая топография Ростова Великого в X–XX вв.: перспективы комплексного изучения	2009, 55	
Каретников А. Л. «Ольгинская топонимика» в округе Пскова и верхнем Поволжье: проблема использования топонимического материала в историко-археологических реконструкциях	2008, 54	
Карзеева А. А. Раскопки Б.В. Сивецкого в Себежском крае (1926–1928, 1946–1952 гг.)	2008, 54	
Карро К. Каменные могилы Аласоо и Лахепера вблизи западного побережья Чудского озера	2011, 57	2011, 57
Катышевский Ю. В., Шуныгина С. Е. Археологические исследования на территории Большого Успенского монастыря в Тихвине в 2010 г.	2011, 57	2013, 58
Квизьявичус Л. Пригород Вильнюса Лукишки. Становление и развитие функций в XV – первой половине XVII в.	2006, ЛП	
Кириллов Ю. В. О некоторых наименованиях единиц измерения рыбы как товара (на материале псковских таможенных книг XVII века)	2008, 54	2009, 54
Кирпичников А. Н. Псков XVII в. глазами иностранца		2011, 57
Кирпичников А. Н. Что представляет собой и что содержит музей-заповедник в Старой Ладогe		2010, 55
Киристая А. Возникновение ареалов заселения в Печорском крае (Сетумаа) по данным археологии	2009, 55	
Киристая А. Новые данные о заселении западной части Печорского края	2008, 54	
Киристая А. О раннем заселении Печорского края	2007, ЛП	
Киристая А. О характере памятников археологии в Печорском крае и о динамике их исследования	2010, 56	
Киристая А., Лиллак А. Об изучении памятников раннего железного века в западной части Печорского края	2012, 58	
Киристая А., Лиллак А., Олли М. Некоторые итоги археологического изучения южной части Сетумаа (Печорского края)	2013, 59	
Киселева Н. П., Борисенко Д. В. Архитектурно-археологические обмеры с использованием электронных лазерных приборов (метод трехмерной тригонометрии)	2008, 54	
Климов М. В. Лисно-1 – новый памятник на белорусско-российском пограничье	2007, ЛП	
Климов М. В. Псковские печати XV в. из памятника Лучно 1	2011, 57	2011, 57
Климов М. В., Кулешов В. С. Новые хронологические маркеры Полоцкого городища	2011, 57	
Ковальска А. Продукция средневекового кожевенного ремесла в Польше	2010, 56	

Козлова А. В. Восточные элементы в культуре северо-западной Руси. Проблемы атрибуции и интерпретации	2007, ЛП	
Козлова А. В. Изделия с двусоставными хрустальными вставками из раскопок в Великом Новгороде	2009, 55	
Козлова А. В. Металлические скульптурные изображения птиц из раскопок древнерусских городов	2008, 54	
Козлова А. В. Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV веков из раскопок в Пскове	2006, ЛП	2007, ЛП
Козлова А. В. Рукоять с антропоморфным навершием из Великого Новгорода (к вопросу о синтезе европейских декоративных традиций средневековья)		2008, ЛП
Колосницын П. П. Деревянные сосуды XI–XII вв. по материалам Борисоглебского раскопа в Старой Руссе	2007, ЛП	2008, ЛП
Колосницын П. П. Коллекция деревянных бирок из раскопок в Старой Руссе: опыт классификации	2013, 59	2014, 59
Колосова И. О. Булавский клад куфических монет 935/936 г.: историографические заметки	2014, 60	2015, 60
Колосова И. О. Из истории подготовки к XVI Археологическому съезду. Археологические исследования в Опочечком уезде Псковской губернии, 1913–1914 гг.	2007, ЛП	2008, ЛП
Колосова И. О. К изучению топографии Среднего города Пскова XVIII в.	2011, 57	
Колпакова Ю. В. Возможности реконструкции покроя одежды из погребения 3 Старовознесенского IV раскопа в Пскове	2013, 59	
Колпакова Ю. В. К изучению топографии находок предметов личного благочестия в древней части Среднего города Пскова	2007, ЛП	2008, ЛП
Колпакова Ю. В. К осмыслению роли крестиков из камня и янтаря в религиозной жизни средневековых псковичей	2012, 58	2013, 58
Колпакова Ю. В. Нательные кресты с надписями как источник по истории духовной культуры Пскова XIV–XVII вв.	2010, 56	
Колпакова Ю. В. Находки элитарных предметов личного благочестия на территории Ильинского монастыря на Завеличье	2009, 55	
Колпакова Ю. В. Перстень «варяжской гостыи» – украшение или предмет культа?	2013, 59	
Колпакова Ю. В. Подвески-дорники в псковских археологических и вещевых музейных коллекциях	2013, 59	2014, 59
Колпакова Ю. В. Псковские нательные иконки из металла	2006, ЛП	2007, ЛП
Колпакова Ю. В. Псковские нательные кресты с надписями и их сплавы: опыт изучения	2014, 60	2015, 60
Конечкий В. Я. Погребальные площадки культуры сопок пос. Любытино на р. Мсте	2011, 57	
Конечкий В. Я., Трояновский С. В. К выявлению исторического контекста создания «Большой сопки» Передольского погоста	2013, 59	
Конов А. П. К вопросу о локализации так называемой Домантовой стены Пскова (в программе: «Археологическая сказка» о Домантовой стене в Пскове)	2010, 56	2013, 58
Королёв А. Е., Харлашов Б. Н. Могильник у д. Мурашкино (Свенск)	2007, ЛП	2008, ЛП
Королёва Э. В. Перспективы и задачи приграничного сотрудничества в сфере охраны археологического наследия	2010, 56	2011, 56
Королёва Э. В. Подвеска с княжескими знаками из раскопок 1976 г. в Пскове (состав металла, технология изготовления, версии персонификации)	2014, 60	
Королёва Э. В., Подгорная Р. Г. Методические принципы разработки Информационной системы «Археологическое изучение Пскова»	2009, 55	2010, 55
Королёва Э. В., Яковлева Е. А. Концепция музеефикации Великолукской крепости	2013, 59	2014, 59
Королёва Э. В., Деркач В. А., Подгорная Р. Г., Романовский А. Б. Археологическое изучение Пскова. Каталог раскопок и электронный архив (1912–2008 гг.)	2012, 58	2013, 58
Короткевич Б. С. Итоги обследования антропоморфного каменного изваяния у д. Подоржевка	2008, 54	2009, 54
Короткевич Б. С. Средневековое поселение на городище Анашкино	2014, 60	
Короткевич Б. С. Стратиграфия городища Анашкино по материалам раскопок 2009–2010 гг.	2012, 58	2013, 58
Короткевич Б. С. Эпоха поздней бронзы в Верхнем Подвинье	2008, 54	
Короткевич Б. С., Пежемский Д. В. Палеоантропологическая находка из Анашкино	2012, 58	
Короткевич Б. С., Саблин М. В. Фауна городища Анашкино (динамика культурно-хронологических изменений)	2013, 59	2014, 59

Короткевич Б. С., Сорокин П. Е. Находки эпохи бронзы – раннего железного века в устье р. Охты	2011, 57	
Короткевич Б. С., Харлашов Б. Н. Итоги исследования городища Борохново	2013, 59	2014, 59
Короткевич Б. С., Фассбиндер Й. Планиграфия городища Анашкино по результатам археологических раскопок и геофизических исследований	2010, 56	
Костюкевич А. В. Бусы X–XI вв. из могильника Дроздова на Друцком волоке	2014, 60	
Костючук Л. Я. Исследования по исторической диалектологии как условие для понимания древнего текста и формирующихся языковых норм	2010, 56	
Костючук Л. Я. Историко-этимологические исследования по «водной» лексике и фразеологии в помощь пониманию реалий	2008, 54	2009, 54
Костючук Л. Я. К очередному выпуску Словаря обиходного русского языка XVI–XVII вв. (СлОРЯ МР XVI–XVII вв...)	2006, ЛП	2007, ЛП
Костючук Л. Я. К пониманию древних текстов при перечитывании памятников (в связи с лексикографической работой над Псковским областным словарем и историческими данными)	2007, ЛП	2008, ЛП
Костючук Л. Я. Местные и общерусские языковые особенности в памятниках псковской письменности	2009, 55	
Костючук Л. Я. Местные слова в помощь пониманию древних текстов	2012, 58	2013, 58
Костючук Л. Я. Местный церковнославянский текст русского извода XVI века как источник сведений о народных говорах		2011, 56
Костючук Л. Я. Синхронно-диахронные отношения слов и понимание текста (к работе над Псковским областным словарём с историческими данными)		2010, 55
Костючук Л. Я. Необычный источник сведений о языке прошлого (о записях на книгах из Пскового Древлехранилища); в программе: Новое в старом (к источникам лингвистических сведений)	2014, 60	2015, 60
Костючук Л. Я., Колпакова Ю. В. Надписи на псковских нательных крестах (итоги работ по расшифровке)	2011, 57	2011, 57
Косых А. М. Глиняные свистульки и возможности изучения звукорядов средневековой Руси (по археологическим находкам Пскова и Ладоги)	2007, ЛП	
Кошелев В. В. «Музыкальная» лексика словаря Тонни Фенне в археографическом и археологическом аспекте	2007, ЛП	
Кренке Н. А. Гипотезы об этнической принадлежности населения Волго-Окского междуречья в железном веке	2006, ЛП	
Кренке Н. А. Древнерусская керамика московского региона: классификация, хронология	2010, 56	2011, 56
Круглова Т. В. Первый опыт научного хранения Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (1908–1917 гг.)	2013, 59	2014, 59
Кузьмин В. Г. Моровые кладбища средневекового Пскова	2008, 54	2009, 54
Кузьмин В. Г., Михайлов А. В. Исследования грунтовой части Залахтовского могильника: погребальный обряд и традиции	2007, ЛП	2008, ЛП
Кузьмин С. Л. Топор и копые, меч и нож: о стереотипах восприятия противника глазами автора ПВЛ	2006, ЛП	
Кузьмин С. Л. Шведский поход на Ладогу 1164 г.: причины, поводы, итоги	2013, 59	
Кузьмин С. Л., Френкель Я. В. Городище Надбель: предварительные соображения хронологического характера	2009, 55	
Кузьмина О. В. Детский костюм русского средневекового города	2011, 57	2011, 57
Кузьмина О. В. Одежда в менталитете средневекового человека на примере мужской одежды новгородцев XIV–XV вв.	2012, 58	
Кулакова М. И., Подгорная Р. Г., Салмин С. А. Работы 2009 и 2013 гг. на Климентовских раскопах	2014, 60	
Кулакова М. И., Михайлов А. В., Салмина Е. В., Яковлева Е. А. Археологические исследования в Великих Луках в 2012 г.	2013, 59	2014, 59
Курбанова М. П. Некоторые вопросы исторической топографии Старой Руссы	2008, 54	2009, 54
Курбанова М. П. Развитие градостроительных элементов Старой Руссы по данным церковного строительства XV–XVII вв.	2009, 55	2010, 55
Курбанова М. П. У истоков российской исторической топографии: И. И. Красов	2010, 56	
Курбатов А. В. древнерусская животноводческая практика и проблема сбора кожевенного сырья	2011, 57	
Курбатов А. В. Инородные кожаные изделия в русских и западных городах	2010, 56	2011, 56
Курбатов А. В. Историко-культурная интерпретация кожаных предметов из раскопок Петровский VIII и IX	2008, 54	
Курбатов А. В. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан		2010, 55
Курбатов А. В., Харлашов Б. Н. Кожаные изделия из Петровского 4 раскопа	2007, ЛП	2008, ЛП
Лабутина И. К. Каталог построек как часть характеристики яруса	2007, ЛП	2008, ЛП
Лабутина И. К. Никольские монастыри в Пскове на Завеличье	2008, 54	2009, 54

Лабутина И. К. Роль археологических данных в изучении топографии Пскова	2011, 57	2011, 57
Лабутина И. К. Ярусы в раскопах на улице Ленина в Пскове (о структуре публикации)	2006, ЛП	2007, ЛП
Левин Н. Ф. Из истории выбутовской земли	2013, 59	
Левин Н. Ф. Раскопки в Пскове на Лапиной горке	2008, 54	2009, 54
Левко О. Н. Курганы VIII–XI вв. на Ореховском волоке в Оршанском Поднепровье Беларуси	2010, 60	
Левко О. Н. Население второй половины I тысячелетия н.э. в Оршанском Поднепровье	2014, 60	
Лесман Ю. М. Залахтовье XI–XII вв.: социальный статус и основные функции	2012, 58	
Лесман Ю. М. О стеклянных гледилах с Новоторговского V раскопа в Пскове	2012, 58	
Лиллак А. Новые датировки городища Рыуге	2009, 55	2010, 55
Лиллак А. Об изготовлении гончарных сосудов архаических форм в окрестностях Печор в XIX–XX вв.	2010, 56	
Липатов А. А. Изразцовое убранство построек Кремля по материалам археологических работ в Грановитой палате в 2010–11 гг.	2014, 60	
Лифшиц Л. И. Вновь о «варваринских иконах»	2008, 54	2009, 54
Лифшиц Л. И. Несколько слов об Алексее Ильиче Комече		2009, 54
Лихтер Ю. А., Сергина Т. В. Стеклянные изделия из раскопок Вяземской экспедиции (предварительные итоги исследования)	2006, ЛП	2007, ЛП
Лопатин Н. В. К дискуссии о происхождении формы горшка с цилиндрическим горлом на Руси	2010, 56	2011, 56
Лопатин Н. В. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища	2012, 58	2013, 58
Лопатин Н. В. Некоторые вопросы изучения раннего Изборска	2011, 57	2011, 57
Лопатин Н. В. О древностях III–V вв. н.э. на юге Псковской области	2008, 58	2009, 54
Лопатин Н. В. Проблемы изучения керамики Изборска	2006, ЛП	2007, ЛП
Лопатин Н. В. Тип-лист круговой керамики Изборска	2014, 60	2015, 60
Лопатин Н. В. Штрихи к истории Псковского семинара	2009, 55	2010, 55
Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н., Костючук Л. Я. И. К. Лабутина и Псковский семинар		2010, 55
Мазуркевич А. Н. Находки каменного века с северных территорий Псковской области	2007, ЛП	2008, ЛП
Майорова Е. В. Древнерусская керамика из раскопок в Мономаховом городе Владимира	2010, 56	
Мальшев С. В. Жальники и грунтовые могильники: историографический комментарий к проблеме типологии древнерусских погребальных памятников центральных районов Новгородской земли	2012, 58	2013, 58
Матвеев В. Н. Ландшафтный фактор в формировании топографии Пскова, Владимира-на-Клязьме и Галича-Карпатского	2009, 55	
Медведева М. В. ИАК и сохранение памятников старины Пскова	2007, ЛП	
Медведева М. В. Вопросы сохранения Труворова креста в начале XX в. (по документам из архивного собрания ИИМК РАН)	2014, 60	2015, 60
Медведева М. В. Материалы по археологии Гдовского уезда Санкт-петербургской губернии из собрания императорской археологической комиссии. Случайные находки	2013, 59	2014, 59
Медведева М. В., Соболев В. Ю. Раскопки у д. Замошье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А.А. Спицына	2012, 58	2013, 58
Мельникова И. А. Две каменные керамики из фондов Псковского музея-заповедника	2010, 56	
Михайлов А. А. Войско Стафана Батория под Псковом: военно-историческая характеристика	2009, 55	
Михайлов А. А. Затинные пищажи на вооружении крепостей Псковской земли в XVII в.	2013, 59	2014, 59
Михайлов А. А. Орудия Псковской крепости XVII века: конструктивные особенности, классификация, обеспеченность боеприпасами	2012, 58	2013, 58
Михайлов А. В. Археологические исследования на «Поромяни» в 2006 г.	2007, ЛП	
Михайлов А. В. Древнерусский могильник на Запсковье (по результатам археологических раскопок на Образском раскопе 2008 г.)	2009, 55	
Михайлов А. В. «Трассовая археология» в Псковской области	2010, 56	
Михайлов А. В. Финальный этап существования Залахтовского могильника: проблемы хронологии	2009, 55	
Михайлов А. В., Короткевич Б. С. Городище Осыно: концепция музеефикации	2008, 54	
Михайлов А. В., Романовский А. Б. О новом типе погребальных памятников XI в. в округе Пскова	2014, 59	

Михайлов А. В., Яковлева Е. А. Археологические исследования на Ново-Торговском IV раскопе	2006, ЛП	2007, ЛП
Михайлов А. В., Яковлева Е. А. Из опыта сохранения археологического наследия Псковской области (деятельность ГУК «Археологический центр Псковской области»)	2012, 58	
Михайлов А. В., Салмина Е. В., Яковлева Е. А. Археологические данные по торговле и культурным связям Пскова с Западом в X–XVII в.	2008, 54	
Михайлов К. А. Новые находки восточных тканей	2010, 56	
Михайлов К. А. Следы средневековых грабителей в древнерусских камерах (поиски закономерностей)	2007, ЛП	2008, ЛП
Михайлова Е. Р. Исследования селища Которский погост в 2006 году	2007, ЛП	2008, ЛП
Михайлова Е. Р. К характеристике погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов	2013, 59	2014, 59
Михайлова Е. Р. Литые пластинчатые браслеты с продольным ребром: распространение и хронология на северо-западе Восточной Европы	2014, 60	2015, 60
Михайлова Е. Р. Металлические украшения из Псковских длинных курганов: тисненый стиль	2006, ЛП	
Михайлова Е. Р. Насыпь у деревни Репьи: место среди погребальных памятников Северо-Запада конца I тыс. н. э.	2012, 58	2013, 58
Михайлова Е. Р. Находки браслетов в псковских длинных курганах	2008, 54	
Михайлова Е. Р. Находки кварцитовых огнив на территории Северо-Запада Восточной Европы	2011, 57	2011, 57
Михайлова Е. Р. Поясная гарнитура и поясные наборы КДК	2009, 55	2010, 55
Михайлова Е. Р., Федоров И. А. Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области – предполагаемый могильник I тыс. н. э.	2010, 56	2011, 56
Михайлова Е. Р., Селин А. А., Соболев В. Ю. История Чернозерского монастыря и некоторые находки с его территории	2014, 60	2015, 60
Моисеева Т. С. Историческое сознание и проблема самоидентификации рыцарей Ливонского ордера в XIII веке	2007, ЛП	2008, ЛП
Мурашева В. В. Серьги салтовского типа Супрутского городища	2010, 56	
Мурзенков Д. Н., Федоров И. А. Каменные кресты на Ижорском плато: итоги полевых работ 2011–2013 гг. и перспективы исследований	2014, 60	
Мусин А. Е. О сотнях, концах и соборах средневекового Пскова	2007, ЛП	
Нефёдов В. С. «Изборск – «в кривичех болши город»?»	2011, 57	
Никонов С. А. Новые данные о средневековом Пскове XIV – начала XV века	2006, ЛП	2007, ЛП
Новоселов Н. В. Первоначальный замысел и последующее изменение архитектурной концепции ц. Дм. Солунского в Пскове	2007, ЛП	2008, ЛП
Новоселов Н. В. Храмы мирожского типа и Троицкий собор XII в. в Пскове	2013, 59	2014, 59
Новоселов Н. В., Хрусталев Д. Г. Капелла св. Марии на поле Раковорской битвы и русская архитектура XIII века	2007, ЛП	2008, ЛП
Олейников О. М. Археологические исследования в северной части Неревского конца Великого Новгорода (раскоп Досланский)		2014, 59
Олейников О. М. О времени поступления браслетов из свинцового стекла на рынок средневекового Новгорода	2014, 60	2015, 60
Олейников О. М., Олейникова Т. И. Прицерковное кладбище XIV–XVIII вв. на Давыдовской улице в Великом Новгороде	2013, 59	
Орлов Е. П. Опыт реализации проекта «Неисчезающая память – 2014» на территории Опочецкого района Псковской области	2014, 60	
Орфинская О. В., Зубкова Е. С. Предварительные итоги исследования текстиля из погребения № 3 Старовознесенского IV раскопа в Пскове	2007, ЛП	2008, ЛП
Орфинская О. В., Зубкова Е. С. Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнёздове	2007, ЛП	
Орфинская О. В., Михайлов К. А. Платье из Изяславля. Мифы и реальность	2012, 58	
Охотникова В. И. Древнерусские письменные источники об иконах Спасо-Елизаровского монастыря		2009, 54
Охотникова В. И. Литературная история Сказания и Чирской иконе Богоматери	2012, 58	
Панова Т. Д. Раскопки 2007 г. на территории московского Кремля	2008, 54	
Пежемский Д. В. Комплексная палеоантропологическая характеристика позднесредневекового населения Залахтовья	2011, 57	
Пежемский Д. В. Физический тип позднесредневекового населения Залахтовья	2010, 56	
Пихо М. Часовни Печорского края	2010, 56	
Плавинский В. А. Арбалет в комплексе вооружения XIII–XV вв. на территории Беларуси	2013, 59	2014, 59

Плавинский В. А. Ланцевидные наконечники стрел с территории Белоруси	2012, 58	2013, 58
Плавинский В. А. Наконечники стрел X–XV вв. с территории Белорусского Подвинья: подходы к определению направлений типологической эволюции	2014, 60	
Плавинский В. А. О времени появления арбалетов на западе Белорусского Подвинья	2011, 57	
Плавинский Н. А. Булавы конца X–XIII вв. на территории Беларуси	2008, 54	2009, 54
Плавинский Н. А. Древнерусские граффити как источник по истории вооружения: к постановке вопроса	2012, 58	2013, 58
Плавинский Н. А. Керамика курганного могильника Погоща и некоторые вопросы хронологии погребальной посуды северо-запада Полоцкой земли	2010, 56	2011, 56
Плавинский Н. А. Курганный могильник Погоща в контексте окняжения северо-западных регионов Полоцкого княжества	2009, 55	2010, 55
Плавинский Н. А. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник по истории древнерусского оружия: к постановке вопроса	2013, 59	2014, 59
Плавинский Н. А. Население культуры смоленско-полоцких длинных курганов в Браславском Поозерье	2014, 60	2015, 60
Плавинский Н. А. О хронологии мечей балтийских типов и их аксессуаров на Руси	2011, 57	2011, 57
Плавинский Н. А. Пики XI–XVI вв. с территории Белоруси	2007, ЛП	2008, ЛП
Плавинский Н. А. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня с раскопок Минского замчища в 2009 году	2010, 56	2011, 56
Пежемский Д. В. К антропологии населения Пскова X–XI вв.	2006, ЛП	
Пежемский Д. В. Население Пскова XVI–XVII вв. по данным краниологии и его связи в системе городского населения Московии	2014, 60	
Пежемский Д. В. Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова	2009, 55	2010, 55
Пежемский Д. В. Псковско-полоцкое пограничье по данным антропологии	2012, 58	
Пежемский Д. В., Салмина Е. В., Харлашов Б. Н. Исследования ц. Иоанна Милостивого в 2010 году (наблюдения над топографией некрополя)	2011, 57	
Петров М. И. Средневековая городская усадьба: пространственный анализ комплекса (на примере раскопа Посольский-2006)	2010, 56	
Петров М. И. Топография средневекового города и географические информационные системы: новые подходы и методики	2009, 55	2011, 56
Петров М. И. Усадебный комплекс начала XIII в. по материалам раскопа Никольский-2007 в Новгороде	2013, 59	2014, 59
Петров М. И. Усадебный комплекс 30–40-х гг. XII в. (по материалам раскопа Посольский-2006 в Великом Новгороде)	2014, 60	2015, 60
Петров М. И. Функциональная группа «неопределяемые предметы» и ее информационный потенциал	2014, 60	2015, 60
Петров М. И., Тарабардина О. А. Динамика изменения городской территории Новгорода в X–XIV вв.	2011, 57	2011, 57
Петров М. И., Шурев А. В. Керамика усадеб Славенского конца. Опыт исследования	2014, 60	2015, 60
Плохов А. В. Городища юго-восточной части Приильменской низменности в последней четверти I тыс. н.э. (к вопросу о функциональном назначении)	2014, 60	
Плохов А. В. Древности 3-й четверти I тыс. н.э. в Приильменье	2011, 57	
Плохов А. В., Торопов С. Е. К характеристике раннесредневекового поселения на городище Княжая Гора в бассейне р. Явонь.	2010, 56	
Плохов А.В., Френкель Я.В. Еще раз о сосудах «татингер» Старой Ладogi	2011, 57	
Плошук Г. И. О семантике купальского «пережина»	2012, 58	2013, 58
Подгорная Р. Г. Печная керамика из казанского X раскопа	2009, 55	
Подгорная Р. Г. Результаты археологического сопровождения земляных работ в 2009 г.	2010, 56	
Подгорная Р. Г., Салмин С. А. Результаты полевых исследований на Климентовском раскопе	2010, 56	
Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор)	2012, 58	2013, 58
Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Новые данные о древнейшем заселении окраин Пскова в XII–XIII вв.: предварительные результаты работ на Лужском II раскопе в 2011 году	2012, 58	
Подгорная Р. Г., Френкель Я. В., Яковлев А. В. Исследование отложений XVII века в Новоторговском V раскопе	2008, 54	2009, 54
Подгорная Р. Г., Салмина Е. В., Френкель Я. В., Яковлев А. В. Фарфор XVIII в. из раскопок последних лет в Пскове	2008, 54	

Покровская Л. В. Прибалтийско-финские предметы из средневекового Новгорода	2009, 55	
Попов С. Г., Хвощинская Н. В. Некоторые итоги изучения Гдовского района (К 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН)		2007, ЛП
Попов С. Г. Восточное Причудье в раннем железном веке и раннем средневековье		2013, 58
Попов С. Г. К вопросу о ранней хронологии культуры длинных курганов (по материалам поселений Горка и Горка-10)	2009, 55	2010, 55
Попов С. Г. Раннесредневековая система расселения на средней Плюссе		2009, 54
Попов С. Г. Поселение Горка как составная часть раннесредневековой системы расселения на средней Плюссе	2006, ЛП	
Попов С. Г., Румянцев З. Р. Исследования могильника Сторожинец в 1988–1990 гг.	2011, 57	
Попов С. Г., Румянцев З. Р. К вопросу о типологии и хронологии ранних насыпей культуры длинных курганов <i>Название доклада: О двух ранних насытях культуры длинных курганов в могильниках Залахтовье и Сторожинец</i>	2010, 56	2011, 56
Попов С. Г., Румянцев З. Р. Могильник Светлые Вешки (Гдовский район)	2013, 59	
Попов С. Г., Румянцев З. Р. Охта: исследования на правобережье Невы	2012, 58	
Попов С. Г., Румянцев З. Р. Система расселения в восточном Причудье в раннем железном веке – раннем средневековья	2012, 58	
Попов С. Г., Румянцев З. Р. Сожжения Сторожинского могильника: классификация и хронология	2014, 60	
Попов С. Г., Шаровская Т. А., Румянцев З. Р. Биконические пряслица с поселений второй половины I тыс. н.э. среднего Поплюся	2009, 55	2010, 55
Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. Каменные кресты в круге на северо-западе России		2014, 59
Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. Каменные кресты с ромбовидными лопастями	2014, 60	2015, 60
Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. К вопросу о происхождении традиции каменных крестов в Псковской республике	2012, 58	
Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. О каменных крестах в Эстонии	2013, 59	
Пуцко В. Г. Ажурные накладки псковского пояса XV в.	2007, ЛП	
Пуцко В. Г. Псковские перстни-печатки из находок в Окольном городе	2006, ЛП	2007, ЛП
Пушкина Т. А. Женское камерное погребение из раскопок 1976 г. в Гнёздове	2007, ЛП	
Пушкина Т. А. Внутренняя топография Гнёздовского могильника	2009, 55	
Пушкина Т. А. Клады и находки монет на территории Смоленской земли IX–XI вв.	2010, 56	
Пушкина Т. А., Орфинская О. В. Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнёздове	2011, 57	2011, 57
Пятницкая Т. Н. История строительства Казначейских келий (1686 г.) в Валдайском Иверском монастыре	2007, ЛП	
Рожнятовский В. М. Особенности разметки каменных крестов	2007, ЛП	
Рожнятовский В. М. Принципы разметки каменных крестов	2013, 59	2014, 59
Рожнятовский В. М. Реконструкция линейки мирожских мастеров	2006, ЛП	2008, ЛП
Романова Е. А., Романов В. В. Еще раз о принадлежности печатей «...князя Олександра»	2011, 57	2011, 57
Романовский А. Б. Распределение стеклянных изделий по территории средневекового Пскова	2012, 58	
Савенкова М. М. Вязаный текстиль средневекового Новгорода	2011, 57	2011, 57
Савенкова М. М., Салмина Е. В., Яковлев А. В. Ткани Петровских и Новоторговских раскопов в Пскове	2013, 59	
Савинов М. А. Сообщение окольного Ф. Ф. Волконского о псковских событиях 1650 г.	2008, 54	
Сакса А. И. Кякисалми-Корела-Кексгольм – к истории старой крепости и псковское зодчество первой половины XIV в.	2011, 57	2011, 57
Сакса А. И. Относительная хронология карельских грунтовых могил	2013, 59	
Сакса А. И. Раскоп на ул. Выборгская, 8. К проблеме ранней истории средневекового Выборга	2010, 56	2011, 56
Сакса А. И. Украшения летописной корелы как иллюстрация связей между поселенческими центрами	2014, 60	2015, 60
Салмов А. М. Михайло-Архангельский собор в Старице по материалам последних исследований	2013, 59	
Салимов А. М. Общая характеристика каменного строительства в Тверском княжестве во второй половине XIV – первой четверти XV в.	2014, 60	2015, 60
Салимов А. М., Данилов В. В. Михайло-Архангельский собор Старицы по материалам последних исследований	2013, 59	2014, 59

Салимов А. М., Данилов В. В. Тверской княжеский дом	2012, 58	2013, 58
Салмин С. А. Владимир и Василий: мифотражение историко-социальных реалий	2012, 58	
Салмин С. А. Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит	2012, 58	2013, 58
Салмин С. А. Детали доспехов из раскопок в Пскове	2008, 54	2009, 54
Салмин С. А. Навершие шестопера из раскопок в Пскове в 2005 году	2007, ЛП	2008, ЛП
Салмин С. А. Находки оружия и деталей доспеха из раскопок в районе Петровских ворот	2009, 55	
Салмин С. А. Огнестрельное оружие из Петровских раскопок 1980–2009 гг.	2010, 56	2011, 56
Салмин С. А. Предметы вооружения из камерных гробниц «Старовознесенского» могильника в Пскове	2013, 59	
Салмин С. А. Престольные посвящения погостских церквей как хронологический индикатор (на примере динамики развития территориально-административной системы Псковской земли к. X–XV вв.)	2014, 60	
Салмин С. А., Салмина Е. В. Археологические раскопки 2008 г. на Завеличье: исследование комплекса построек Ильинского монастыря	2009, 55	
Салмин С. А., Салмина Е. В. Археологические раскопки на Никольском IV раскопе (у «Солодѣжни») в 2012 г.	2013, 59	2014, 59
Салмин С. А., Стрельченко А. В. Два меча из раскопок на ул. Ленина в Пскове	2011, 57	2011, 57
Салмин С. А., Салмина Е. В., Прибурова Т. Ф. Находка каменного изваяния на Завеличье в Пскове (предварительная публикация)	2009, 55	2010, 55
Салмина Е. В. Опыт датировки «поздних» вещевых коллекций XVI–XIX вв. по материалам Петровских раскопок	2010, 56	
Салмина Е. В. Петровский IX раскоп 2009–2010 гг.	2011, 57	
Салмина Е. В. Работы на Богоявленских XXXI и XXXIV раскопах в 2004–2005 годах	2006, ЛП	2007, ЛП
Салмина Е. В. Работы на Петровских VIII–IX раскопах в 2007–2008 гг.	2009, 55	2010, 55
Салмина Е. В., Салмин С. А. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова	2007, ЛП	2008, ЛП
Салмина Е. В., Салмин С. А. Сани XVII в. из Петровского XI раскопа (предварительная публикация)	2011, 57	2011, 57
Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г. Исследования Нового Торга Пскова в 2011–2013 гг.: проблематика и перспективы исследований	2014, 60	
Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г. Исследования стены 1374/1375 г. в 2011–2013 гг. на Лужских II, III, IV раскопах (в программе: Исследования стены 1374/1375 г. в 2011–2012 гг.)	2013, 59	2015, 60
Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных	2013, 59	2014, 59
Салмина Е. В., Юрцева А. О., Галик А. О первой находке остатков карпа в Пскове	2012, 58	2013, 58
Салмина Е. В., Закурин Т. Ю., Ершова Т. Е., Степанов С. В., Харлашов Б. Н. Опыт реконструкции ярусов и горизонтов застройки позднесредневекового и раннего Нового времени (в рамках проекта «Петровский конец средневекового Пскова»)	2009, 55	
Самойлов К. Г. К вопросу о времени появления фортификаций в средневековой Руссе	2009, 55	
Сарабьянов В. Д. Патрональные и ктиторские изображения во фресках собора Снетогорского монастыря. Опыт реконструкции	2008, 54	2009, 54
Седов Вл. В. Церковь Ильи Пророка в Добровидках. Древнерусский этап в истории памятника	2007, ЛП	
Седов Вл. В. Церковь Покрова в Колбежицах	2009, 55	2010, 55
Селарт А. Владения Псково-Печерского монастыря на юге Эстонии во время Ливонской войны	2014, 60	2015, 60
Селарт А. Миссионерская деятельность Печерского игумена Корнилия во время Ливонской войны (1558–1582)	2011, 57	2011, 57
Селин А. А. Псковский Вор и приемы идеологической борьбы в Смутное Время	2006, ЛП	
Селин А. А. Псковские и ивангородские документы Смутного времени, найденные в коллекциях Militaria и Extranea в Государственном архиве Швеции		2007, ЛП
Селин А. А. Фельдмаршал Юленьеельм и его грамоты в Псков в 1618 г.	2008, 54	2009, 54
Сениченкова Т. Б. Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII – начала X в.)	2010, 56	2011, 56
Сергина Т. В. Городище Хлепень – северный форпост Смоленской земли (некоторые вопросы археологического изучения и хронологии)	2014, 60	

Сергина Т. В. Историческая топография древнерусских городов северо-востока Смоленщины (Вязьма, Дорогобуж)	2013, 59	
Сергина Т. В. О первоначальном покрытии Троицкого собора Вязьмы	2007, ЛП	2008, ЛП
Сергина Т. В. Охранные исследования на посаде Вязьмы в 2008 г.	2010, 56	
Сергина Т. В. Проект охранных зон культурного слоя Дорогобужа. Проблемы сохранения и изучения объемного памятника археологии (в программе: Культурный слой Дорогобужа)	2005, LI	2007, ЛП
Сергина Т. В., Силицына Н. П. Опыт реставрации головных уборов из раскопок некрополя XVI–XVIII вв. в Дорогобуже	2012, 58	
Сингх В. К. Деревообработка средневекового Новгорода	2014, 60	2015, 60
Синчук И. И. Оконное стекло XVIII в. по материалам раскопок в историческом центре г. Могилева	2008, 54	2009, 54
Синчук И. И. Пробки тарных бутылок конца XVIII – середины XIX в. из раскопок в г. Калининграде	2009, 55	
Скляренко В. В. Древнерусский поруб как место заточения узников: опыт реконструкции	2007, ЛП	2008, ЛП
Смирнов Ю. М. К вопросу о происхождении Муром	2007, ЛП	
Смирнов Ю. М. Фортификация средневекового Муром	2009, 55	
Смирнова М. Связь курганных могильников Восточной Эстонии 2-й половины I тыс. н.э. с ландшафтом и другими археологическими памятниками	2008, 54	2009, 54
Соболев В. Ю. Борис Коишевский и Евгений Исполото: к биографии исследователей Гдовского уезда	2013, 59	2014, 59
Соболев В. Ю. Вооружение населения Которского погоста	2009, 55	
Соболев В. Ю. Керамика в древнерусских погребениях Северо-Запада Новгородской земли	2010, 56	
Соболев В. Ю. Курганы у дер. Сельцо. Погребальный обряд и хронология памятника	2014, 60	
Соболев В. Ю. Материалы раскопок древнерусских памятников в собрании фонда археологии МАЭ им. Петра Великого	2006, ЛП	2007, ЛП
Соболев В. Ю. Мужские захоронения Которского погоста (по материалам курганного могильника Которск XI)	2007, ЛП	
Соколова И. Г. О новом способе фиксации археологического дерева	2013, 59	2014, 59
Соколова И. Г. Первые результаты изучения семенных материалов городища Камно	2011, 57	
Сорокин П. Е. Крепость Ландскрона: некоторые итоги историко-архивного изучения	2012, 58	2013, 58
Сорокин П. Е. Находки римского времени на Северо-Западе России	2007, ЛП	2008, ЛП
Сорокин П. Е. Новые археологические исследования у устья реки Охты	2008, 54	
Сорокин П. Е., Матвеев В. Н. Средневековые памятники Приневья. Новые исследования	2014, 60	
Сорокин П. Е., Юшкова М. А. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности	2013, 59	2014, 59
Сорокин П. Е., Ахмадеева М. М., Гукин В. Д., Короткевич Б. С., Иванова А. В., Михайлов К. В., Лазаретов И. П., Стоянов Р. В. Археологические раскопки крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2009 г. Предварительные результаты.	2010, 56	
Спиргис Р. Археологические свидетельства распространения христианства на даугавских ливов в XI–XII вв.	2012, 58	2013, 58
Спиргис Р. Новые данные о погребальном обряде даугавских ливов в XII–XIII вв. по материалам раскопок могильника Отресгала Чабас 2007–2008 гг.	2014, 60	2015, 60
Спиргис Р. Средневековые бестиарии как источник по интерпретации ливских зооморфных подвесок	2013, 59	2014, 59
Стародубцев Г. Ю. Находка монеты Этельреда II в Люшинском археологическом комплексе	2010, 56	
Стасюк И. В. «...А бой бысть на Жабце поле» К уточнению места битвы 23 июля 1348 года	2008, 54	
Стасюк И. В. Заселение Ижорского плато в I – начале II тыс. н.э.	2011, 57	2011, 57
Стасюк И. В. Ижорский могильник в Красногвардейске-Гатчине	2007, ЛП	
Стасюк И. В. Памятники Псковщины и археология Северо-Запада России в художественном наследии Н. Н. Чернягина	2010, 56	
Стасюк И. В. Раскопки могильника Ратчино-I на Ижорском плато в 2009 г.	2010, 59	2011, 56
Стасюк И. В. Раскопки могильника Ратчино-I на Ижорском плато в 2010 г.	2013, 59	
Стасюк И. В., Кузнецова В. Н. Новый памятник средневековой води	2012, 58	2013, 58
Стеблин-Каменская С. И. Руническая надпись на привеске-оселке: разбор сложностей, связанных с ее чтением и транслитерацией		2014, 59

Степанов С. В. Керамический комплекс XI–XII вв. из Изборского XII раскопа (проблемы хронологии и датировок)	2009, 55	2010, 55
Степанов С. В. Исследования на территории некрополя Спасо-Елизаровского монастыря		2011, 56
Степанов С. В. Исследования прибрежной части средневекового Полонища Пскова (по материалам Георгиевского II раскопа 2012 г.)	2013, 59	2014, 59
Степанов С. В. Никольский захаб Изборской крепости (результаты археологических исследований 2010–2011 гг.)	2012, 58	
Степанова М. И. Наборы бус из курганных могильников Белорусского Повиля	2013, 59	
Степанова Ю. В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья: пространственный анализ	2013, 59	
Степанова Ю. В. Древнерусские курганы Верхневолжья: конструкция насыпей и особенности устройства погребений	2008, 54	2010, 55
Степанова Ю. В., Жукова Е. Н. Исследования поселения Гарусово II на оз. Удомля (Тверская область)	2010, 56	2011, 56
Стрельченко А. В. К вопросу о первоначальном эфесе меча «князя Всеволода Мстиславича»	2012, 58	
Стрельченко А. В., Шляхтин Д. Г. Средневековый меч из республики Беларусь	2010, 56	2011, 56
Сухонен М. Хронологические вехи в средневековой истории Финляндии – торговля и начало урбанизации морского и речного побережья	2008, 54	
Тарабардина О. А. Дендрохронология и археологическое изучение Ярославова Дворища в Новгороде	2014, 60	2015, 60
Тарабардина О. А. Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований	2013, 59	2014, 59
Тарабардина О. А. О соотношении летописных и дендрохронологических датировок некоторых памятников Новгородской земли (к проблеме верификации дендрохронологической шкалы Новгорода)	2010, 56	2011, 56
Татарников О. М. Влияние изменения базиса эрозии р. Великой в позднеледниковье и голоцене на расселение мезолитического и неолитического человека	2012, 58	2013, 58
Татарников О. М. Инженерно-экологическая и ландшафтно-геологическая характеристика городища Велье	2014, 60	
Татарников О. М. Ландшафтные и геолого-геоморфологические условия территории «Старовознесенского» некрополя	2013, 59	
Татарников О. М. Палеографический прогноз местоположения памятников каменного века на площади водосборного бассейна Псковского озера	2007, ЛП	2008, ЛП
Татарников О. М., Татарникова Е. О. Палеогеографические доказательства местоположения битвы «Ледовое побоище» (К 770-летию битвы)	2011, 57	2011, 57
Татарников О. М., Яковлева Е. А. Опыт реконструкции морфологической структуры ландшафта исторической части Пскова	2008, 54	2009, 54
Ткачева Н. М. Икона Рождества Богородицы Псково-Покровской как источник по топографии Пскова	2006, ЛП	
Ткачева Н. М. Опыт реставрации и попытка атрибуции доски с полихромией из камерного погребения 6 «Старовознесенского» некрополя древнего Пскова	2013, 59	
Тодорова А. А. Бусы на ключевых памятниках эпохи образования Древнерусского государства. Предварительный анализ	2008, 54	
Тодорова А. А. «Поздние» бусы Рюрикова городища	2007, ЛП	
Торопов С. Е. Древнерусский клад из Ильменского Поозерья	2009, 55	
Торопов С. Е. Комплекс археологических памятников второй половины I – начала II тыс. н.э. у д. Хозопино в бассейне р. Полы.	2013, 59	
Торопов С. Е. Находка круглой финской фибулы эпохи викингов в Верхнем Поволжье	2012, 58	2013, 58
Торопов С. Е., Торопова Е. В. Боевой топор XV века с Пятницкого раскопа в Старой Руссе	2006, ЛП	2007, ЛП
Торопов С. Е., Пежемский Д. В., Самойлов К. Г., Торопова Е. В. Археологические исследования у ц. св. Георгия в Старой Руссе	2007, ЛП	
Торопова Е. В. Первые мероприятия по сохранению археологического наследия на Северо-Западе России во второй половине 1920-х гг.	2012, 58	2013, 58
Торопова Е. В. Первые мероприятия по сохранению археологического наследия на Северо-Западе России во второй половине 1920-х гг.	2012, 58	2014, 59
Торопова Е. В. Усадьба «А» Пятницкого-I раскопа в Старой Руссе в XIII–XV вв.	2009, 55	
Торопова Е. В. Формирование источниковой базы по памятникам археологии Новгородской области (вторая половина XIX века)	2007, ЛП	2008, ЛП
Торопова Е. В., Булыгина Е. Г. Бронзовый сосуд-чаша из раскопок в Старой Руссе: археологический контекст, декор, происхождение	2013, 59	

Торопова Е. В., Торопов С. Е. Комплекс средневековых привесок-амулетов из Георгиевского I раскопа в Старой Руссе	2011, 57	
Торопова Е. В., Колосницын П. П., Воронков И. А. Археологические исследования у церкви Святого Великомученика Мины в Старой Руссе в 2007 г.	2008, 54	2009, 54
Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Колосницын П. П., Торопов С. Е. Результаты археологических исследований в Старой Руссе в 2013 г.	2014, 60	
Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Колосницын П. П. Освоение левобережья р. Порусы (Малашки) в Старой Руссе	2012, 58	2013, 58
Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Современное состояние и проблемы сохранения памятников археологии Новгородской области по материалам инвентаризации 2009 г.	2010, 56	2011, 56
Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Колосницын П. П. Археологические исследования в Старой Руссе в 2012 г.	2013, 59	
Трояновский С. В. Новые археологические данные об этапности строительства укреплений Новгородского детинца	2011, 57	
Турилов А. А., Чернецов А. В. «Кроник Псковский» в контексте русской легендарной историографии XVII в.	2012, 58	2013, 58
Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г. Усадьбы Людина конца средневекового Новгорода в X–XI вв. (по материалам северо-западных усадеб Троицкого раскопа)	2014, 60	2015, 60
Федоров И. А. Курганная группа Гатчина 1. Новые архивно-картографические данные	2013, 59	2014, 59
Федоров И. А., Соболев В. Ю., Мурзенков Д. Н. Работы Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012 – начале 2013 г.	2013, 59	
Филимонов А. В. «Случайные» археологические находки на территории Псковской области в 1940–1970-е гг.	2008, 54	2009, 54
Филимонов А. В. Учет и паспортизация памятников археологии в Псковской области в конце 1940-х – начале 1950-х гг.		2011, 56
Фомин К. Н. Пожары 1834 года, изменившие очертания города Тулы	2010, 56	
Фомин К. Н. Формирование тульского городского квартала XVII-XIX вв. по материалам раскопок на ул. Советская, 29	2009, 55	
Французова Е. Б. О степени распространения общежительных монастырей в Псковской земле XVI века	2007, ЛП	2008, ЛП
Френкель Я. В. Бусы из камерного погребение 1 в Пскове: хронологический аспект	2008, 54	
Френкель Я. В. Древнейшая Ладога: парадокс ранних бус	2014, 60	
Френкель Я. В. Культурный слой «горизонта» Д-верхнее Земляного городища Старой Ладоги: особенности формирования (к вопросу построения волховской бусинной хронологии)	2011, 57	
Френкель Я. В. Опыт атрибуции археологического фарфора XVIII века (предварительные результаты и методологические замечания)	2006, ЛП	2007, ЛП
Френкель Я. В. «Осиные» бусы на раннесредневековых памятниках Северо-Запада Руси	2013, 59	
Френкель Я. В. О времени появления поселения эпохи викингов на территории каменной крепости Старой Ладоги	2010, 56	
Френкель Я. В. О соотношении площади пятна культурного слоя и пятна застройки на Земляном городище Старой Ладоги во второй половине VIII – 1-й пол. IX в.	2012, 58	
Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал	2007, ЛП	2008, ЛП
Хаак А. Копии сосудов типа каменной керамики из городов Южной Эстонии	2011, 57	
Хаак А., Аун М. Керамика XI–XIII вв. в центрах Южной Эстонии: Тарту и Вильянди	2010, 56	2011, 56
Харлашов Б. Н. Археологические исследования в Себеже в 2011 г.	2012, 58	2013, 58
Харлашов Б. Н. Археологические раскопки возле церкви Георгия со Взвоза в Пскове в 2013 году	2014, 60	2015, 60
Харлашов Б. Н. Археологические раскопки церкви Иоанна Милостивого в Пскове	2008, 54	2009, 54
Харлашов Б. Н. Охранные археологические раскопки в Пскове в 1997–2005 годах	2006, ЛП	2007, ЛП
Хеапост Л. Данные о длине тела населения окрестностей Изборска в XI–XV вв.	2008, 54	
Хеапост Л. К биоархеологии могильника Виски в XIV–XV вв.	2010, 56	2011, 56
Хеапост Л. Остеологические данные и длина тела популяций в окрестностях Изборска Псковской области в XI–XV вв.	2009, 55	2010, 55

Хохлов А. Н. Поливная керамика Твери: к вопросу о методике выявления следов местного производства	2010, 56	
Хохлов А. Н., Иванова А. Б. Древнейшие укрепления Твери	2014, 60	
Хухарев В. В. Перстни с домонгольским сюжетом из археологических находок в Твери и Великом Новгороде	2011, 57	
Чухина И. Г., Радых Д. В., Григорьева Н. В. Опыт сопоставления результатов карпологиических исследований земляного городища Старой Ладоги и городища Камно	2014, 60	2015, 60
Шипилина Л. Ю. Карпологиические исследования «Броницкой горы»	2014, 60	
Шмелев К. В. К вопросу о использовании изделий в технике кольчужного плетения в «гражданском» костюме	2014, 60	
Шмелев К. В. «Ладейные» заклепки в поздних городских слоях	2007, ЛП	
Шмелев К. В. Могильник у деревни Краколье (памятник конца эпохи средневековья – начала нового времени) – опыт изучения водского погребального обряда	2012, 58	
Шмелев К. В. Поселение Слободка 3 – позднесредневековая водская деревня Parsiba	2011, 57	
Шмелев К. В., Бехтер А. В., Михайлова Е. Р., Логачева Е. В., Швембергер С. В., Щербаков П. П. Опыт создания археолого-этнографической информационной системы «Финно-угры Лужской губы: материальная культура и среда обитания XV – XIX веков»	2013, 59	
Шнеевайсс Й. Саксы, франки, славяне – пятилетний научно-исследовательский проект в нижнем Приэльбье (Германия)	2011, 57	2011, 57
Шполянский С. В. Керамические комплексы из раскопок селищ 2-й пол. X – начала XII в. бассейна Пахры (к вопросу о начальном этапе древнерусской колонизации Москворечья)	2010, 56	
Шуныгина С. Е. Екатерининский дворец в Царском селе. Проблемы и открытия (по материалам исследований 2009 г.)	2010, 56	2011, 56
Шуныгина С. Е. Изразцовое производство Иверского Валдайского монастыря по данным последних археологических исследований	2007, ЛП	2009, 54
Шуныгина С. Е. Коллекция изразцов в фондах ТИМАХМ	2013, 59	
Шуныгина С. Е. Предварительные результаты археологических исследований на территории Иверского Валдайского монастыря в 2004–2005 годах	2006, ЛП	2007, ЛП
Шуреев А. В. Керамика Ильменского раскопа в Новгороде: морфологический анализ (в программе: Керамика Ильменского раскопа в Новгороде: морфологический анализ и опыт изучения технологии изготовления)	2011, 57	2013, 58
Шелова О. А., Григорьева Н. В. Матрицы, отливки и тисненные «бляшки с крестом» в материалах Причудья и Нижнего Поволжья: техники разные, тип один	2013, 59	
Шукина Т. А. Варганы из археологических коллекций Псковского музея	2009, 55	
Шукина Т. А. Деревянная сопель из Богоявленского XXXIV раскопа	2007, ЛП	2008, ЛП
Юрасов А. В. История и археология Пскова в проектах РГНФ	2007, ЛП	
Юшкова М. А., Кулешов В. С. Раскопки могильников с каменными оградками на Ижорской возвышенности в 2008–2011 гг.	2012, 58	
Юшкова М. А., Григорьева О. В., Григорьева Н. В. Раскопки могильника Малли в 2013 г.	2014, 60	2015, 60
Яворская Л. В. Специфика заполнения костями животных культурных напластований Нового Торга в Пскове	2014, 60	
Яворская Л. В. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский II в Пскове	2013, 59	2014, 59
Яковлев А. В. Археологические исследования в интерьере храма Космы и Дамиана с Примостья	2012, 58	
Яковлев А. В. Дуговые кирпичи из коллекций Петровских и Новоторговских раскопов	2010, 56	
Яковлев А. В. Позднесредневековые хозяйственные сооружения на поселении Алейка-2 в Калининградской области (раскопки 2005 г.)	2006, ЛП	
Яковлев А. В. Результаты исследований на Новоторговском VI раскопе	2009, 55	
Яковлев А. В. Результаты исследований Персей и Гребли в 2009–2010 гг.	2012, 58	
Яковлев А. В., Лопатин Н. В. Археологические работы на Изборском городище и посаде в 2011–2012 гг. (в программе авторы: Яковлев А. В., Лопатин Н. В., Никитин В. Е.)	2013, 59	2014, 59
Яковлева Е. А. Археология в Пскове в 2008 году	2009, 55	2010, 55
Яковлева Е. А. Археология в Пскове в 2011 г.	2012, 58	2013, 58
Яковлева Е. А. Археология в Пскове в 2012 г.	2013, 59	2014, 59

Яковлева Е. А. Деревянные конструкции камерных погребений 2 пол. X в. «Старовознесенского» некрополя древнего Пскова	2013, 59	
Яковлева Е. А. «...и мальчик в лодке» (сопровождающее захоронение камерного погребения 4 из раскопок у Старо-Вознесенского монастыря в Пскове)	2011, 57	
Яковлева Е. А. Изучение и сохранение археологического наследия в Псковской области в 2010 году (<i>в программе:</i> Археологические исследования в Пскове в 2010 г.)	2011, 57	2011, 57
Яковлева Е. А. Крепостные рвы и первоначальный рельеф древнего Пскова	2009, 55	
Яковлева Е. А. Лубянские раскопы 2004–2005 гг.	2006, ЛП	
Яковлева Е. А. Псковский археологический центр в 2007 году (<i>в программе:</i> Археологические раскопки в Пскове в 2007 г.)	2008, 54	2009, 54
Яковлева Е. А. Раскопки на Старо-Вознесенском IV раскопе (камерное погребение 3)	2007, ЛП	
Яковлева Е. А. «Старовознесенский» некрополь древнего Пскова. Историко-топографический очерк	2013, 59	
Яковлева Е. А., Кулакова М. И. Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2013 году	2014, 60	2015, 60
Яковлева Е. А., Татарников О. М. К вопросу об историко-культурном ландшафте территории Петровского конца Пскова	2010, 56	
Яковлева Е. А., Лопатин Н. В., Михайлов А. В. Археологический парк на Трувором городище: основные предпосылки и принципы проектирования (<i>в программе:</i> Концепция музеефикации Труворова городища)	2012, 58	2013, 58
Dworaczek M. Methods of analysis and a chronology of early medieval pottery from Szczecin	2010, 56	2011, 56
Dworaczek M. Szczecin – the oldest Pomeranian town	2009, 55	2010, 55
Janowski A. From the North-Eastern to Central Europe. Silver-inlayed Axe from the Early Medieval Chamber Grave in Pień on the Chelmino Land (Poland)	2009, 55	2010, 55
Kowalska A. B. On the Studies on the Development of the Early Medieval Baltic Towns. The Example of Szczecin	2009, 55	2010, 55

Научное издание

Археология и история Пскова и Псковской земли

Семинар имени академика В. В. Седова

Материалы 61-го заседания

Выпуск 31

Редактор *Н. В. Бельченко*

Перевод резюме *С. Ф. Мацевич*

Художник *Г. Н. Лебедев*

Обложка *Н. С. Сафроновой*

Оригинал-макет: *В. Б. Степанов*

Подписано в печать 25.12. 2016. Формат 70×100 ¹/₁₆

Бумага мелованная 115 г/м². Печать офсетная

Усл. печ. л. 38,1. Уч.-изд. л. 38,3. Тираж 200 экз. Заказ № 896.

Институт археологии РАН

117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)622-01-23

ISBN 978-5-94375-217-9

